-
  -
  -
- Федор Иванович Успенский
  - Раздел 8 Ласкари и Палеологи
    - Глава 1. Разорение Константинополя
    - Глава 2. Латинская империя и Латинские государства Романии. Греки в XIII в.
    - Глава 3. Эпирское государство в XIII в.
    - Глава 4. Никейское царство Ласкарей. Трапезунтское царство в XIII в. Сельджукские султаны и нашествие монголов
    - Глава 5. Михаил Палеолог
    - Глава 6. Андроник II старший
    - Глава 7. Андроник III и Кантакузин. Движение против служилой знати
    - Глава 8. Соседи Византии в XIV в.: Сербы, Османы, Трапезунт
    - Глава 9. Последние Палеологи. Падение Константинополя и остальных греческих государств
- Примечания
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30

- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71
- 72
- 73
- 74
- 75
- 76
- 77

- 78
- 79
- 80
- *

Введение

См. также: Том I Том II Том III Том IV

Федор Иванович Успенский
История Византийской империи. Том 5

Раздел 8 Ласкари и Палеологи

Глава 1. Разорение Константинополя

Выше было изложено, при каких обстоятельствах в пасхальный понедельник 1204 г. латиняне ворвались в Константинополь. Впервые пала гордая, богохранимая столица преемников Константина Великого. Твердыня, некогда устоявшая перед полчищами персов и победоносного калифата, была захвачена сборною дружиною в 20 000 человек. Как только рыцари захватили стены, громадное греческое население до 400 000 человек было охвачено паническим страхом, сопротивлялись немногие, без системы. Без боя были захвачены отчасти укрепленные великолепные дворцовые кварталы: Влахерны с остатками царской гвардии, Большой дворец верхний и нижний, приморский Вуколеон. Богатые жители заперлись в своих домах; простой народ, женщины и дети при виде рыцарей складывали пальцы крестом, крича: «Да здравствует святой царь маркиз», т. е. вождь крестоносцев Бонифаций Монферратский. Вооруженные греки толпой загородили улицы, тесня и давя друг друга, они спешили покинуть город; часть их, как Ф. Ласкарь, переправлялась на азиатскую сторону. Кровопролитие было не так велико, как можно было ожидать от разъяренных рыцарей, погибло всего около 2000 греков. Притом убивали, по словам очевидца, преимущественно бывшие с крестоносцами латинские купцы, изгнанные греками из их кварталов во время осады. Рыцарей привлекала неслыханная добыча. Убит был из них всего один, и тот случайно. Участник похода парижский каноник Гюнтер, прерывая свой рассказ лирическими отступлениями в стихах, сохранил нам во всей свежести настроение благочестивых грабителей:

Вторгнись, доблестный воин Христов,
Вторгнись в город, Христом данный победителю.
Смотри: царь миролюбивый Христос на осляти
Предшествует тебе с радостным лицом.
Ты воюешь за Христа, исполняешь приговор
Судии Христа, твое желание впереди твоего оружия.
Вторгнись, грози, гони робких, наступай сильнее,
Голосом греми, потрясай оружием, но не проливай крови!
Вселяй страх, но помни, что братья
Те, кого ты теснишь, это они заслужили своею виною.
Христу угодно обогатить тебя добычею виновных,
Да не ограбит их иная победоносная нация.
Вот тебе палаты, полные вражеских богатств,
Издревле накопленное добро получит новых хозяев.
Ты же пока придержи дух свой и руки,
Отложи на время и презри грабеж,
Несись на трусов, жестоко тесни побежденных,
Не дай им вздохнуть и усталым собраться с силами.
Когда все враги будут выгнаны из города,
Тогда лишь настанет время для добычи и можно грабить побежденных!

Толпы отступавших греков в беспорядке запрудили улицы. Никита Хониат, сановник и историк, пережил с семьею эти мрачные дни в городе. Его рассказ изложен риторически, согласно вкусам эпохи, но полон глубокого горя и негодования.

«В день взятия города, — описывает он, — хищники расположились на ночлег повсюду и грабили все, что было внутри домов, не стесняясь с хозяевами, наделяя иных ударами; кого они уговаривали, кому грозили по всякому поводу. Все они получили или сами нашли: часть лежала

на виду или была принесена хозяевами, часть разыскали сами латиняне, пощады у них не было никакой, и ничего они не отдавали собственникам обратно. Общий кров и стол не повели к сближению, наоборот — латиняне оказались подозрительными и необщительными, приводили или прогоняли своих хозяев с оскорблениями. Потому их начальники сочли за лучшее разрешить желающим уйти из города. Собираясь партиями, жители уходили, одетые в рубище, изнуренные бессонницей и осунувшиеся, видом мертвецы, с налитыми кровью глазами, будто плачущие кровью, а не слезами. Одни горевали о потере имущества, другие уже не удручались этим, но оплакивали похищенную и поруганную девицу-невесту или супругу, каждый шел со своим горем».

У Хониатов был родовой дом, «несравненный по красоте и величиною величайший», в квартале Сфоракия, в центре города. Он сгорел во время второго пожара при взятии города. Семья Хониата думала найти безопасное убежище в соседнем храме Софии, но латиняне у входа расставили стражу, перехватывали всех искавших в храме спасение и уводили куда у них было постановлено. На семейном совете Хониатов было решено искать другого убежища. Был у них знакомый венецианец, некогда принятый у них в доме, а теперь он оказался им полезен. Облачившись в панцирь и переменив купеческую одежду на воинскую, он оттонял подходивших грабителей от дома, где приютились Хониаты, делая вид, что он их соратник и ранее захватил себе этот дом, говоря с ними на их языке. Когда же они подошли толпою и ему было не под силу сдерживать их, особенно когда подступили французы, которые и храбростью и ростом превосходили прочих и хвастались, будто боятся лишь того, как бы на них не обрушилось небо, венецианец предложил семье Хониата удалиться, чтобы они не попали в плен, угрожавший мужчинам оковами, а женщинам надругательством и уводом на бесчестье. Под предводительством венецианца, бывшего их домашнего человека и клиента, теперь же ставшего помощником и защитником, Хониат с семьею поодиночке перебрались в дом знакомых ему венецианцев как плененная добыча, влекомые за руку, удрученные и плохо одетые. Но так как и тот квартал попал в долю французов, Хониаты должны были снова искать себе убежища, причем все слуги бесчеловечно их покинули и разбежались. Знатным Хониатам пришлось самим нести малолетних детей на плечах, и сам Никита нес на груди своего мальчика-сына, и так пришлось идти им по улицам. Проведя в городе пять дней при таких условиях, решили и они уйти из города. Была суббота, и наступила зима, а супруга Хониата была беременна, как сказано в Писании, «молитесь, да не придется вам бежать зимою и в субботу» и «горе носящим во чреве в дни те». Собралось несколько знакомых, родных и присоединившихся к уходящим, и пошли, как вереница муравьев. Навстречу попадались воины не в полных доспехах, но с длинными мечами, висевшими у седла, и с кинжалами за поясом; одни были нагружены добычей, другие вели пленных и щупали их, не скрыта ли под лохмотьями ценная одежда, не спрятано ли на груди золото или серебро. Иные уже уставились глазами на женщин, выделявшихся красотою, как бы собираясь немедленно схватить их и совершить насилие. Опасаясь за своих женщин, Хониат их поместил посреди мужчин, а девушкам намазали щеки грязью вместо прежних притираний, чтобы скрыть их румяные щеки и чтобы румянец не привлек, как огонь ночных путников, сначала зрителей, потом воспламененных любовью, затем и насильников, уверенных в безнаказанности. Поднявши молитвенно руки к небу, с бьющимися в груди сердцами и со слезами на глазах беглецы не знали, всем ли мужчинам и всем ли женщинам удастся миновать неистовых зверей-латинян. Путь шел на Золотые ворота. У храма великомученика Мокия некий насильник и безбожник-варвар вырвал из середины беглецов, как волк ягненка, пригожую девицу, дочь одного судьи. Изнуренный болезнями старик отец упал на землю и, катаясь по грязи, простирал руки к Хониату, умоляя спасти дочь. Хониат побежал по следам похитителя, останавливая прохожих,

хватая их руками и крича о помощи всем, кто мог понять его греческий язык. Нашлись участливые люди из латинян, погнались за бесстыдным плотоугодником и застали его у ворот дома, куда он загнал девушку. Вы постановили, кричал Хониат, не допускать поругания замужних, девушек и монахинь! Умоляю о помощи именем семей ваших, Гроба Господня и заповедей Христа! Собравшиеся латиняне начали грозить похитителю виселицей и уже собрались перейти от слов к делу, когда он отдал девушку, и Хониат отвел ее к отцу. Выведя всех за городские стены, он бросился на землю и зарыдал. Ему было что оплакивать! Стояли стены, но лучшая часть города погибла от огня и меча. Ему хотелось верить в ту минуту: стены ждут, когда восстанет грозный мститель за народ свой, Господь на Западе, по пророчеству Давида. В развалинах дымился царственный град и чертог Всевышнего, хвала, честь и приют слуг Его; чудо из чудес мира стало долиной плача. Когда он восстанет вновь, окруженный поклонением унизивших его, когда будет пить молоко народов и по-прежнему насытится богатствами царей? Когда его дети совлекут с себя рубище и облекутся в светлые тканые хитоны? Святейший город должен указать Богу на свои храмы и мощи мучеников, на все свое горе по слову: «Призови Меня в годину бедствия, и Я возвеличу тебя» (Пс. **49**:15).

Таково было настроение у Хониата. Но, приехав с семьею в Силиврию, он встретил у местных крестьян вместо участия насмешки и злорадство. Они радовались, что богатые византийцы разорены и попали на один с ними уровень; они даже разбогатели, скупая у латинян награбленное за бесценок. Столица далеко не заслужила любви провинциалов, и, повторяя самого Хониата, она слишком много «пила молоко народов». Народного восстания на выручку столицы не могло быть: простонародье, в том числе и столичное, видело в завоевании смену одних господ другими и даже надеялось на лучшее. Хониат понял и хорошо ответил: «Они еще познают латинян, съедающих разом по быку и изрыгающих вместе с чистым (неразбавленным) вином чистую желчь». Через полвека восстановитель Греческой империи встретил уже действительно иное отношение фракийских крестьян, но и последних осталось мало.

Тем временем в городе шел неслыханный грабеж, какого Константинополь не видал ни раньше, ни позже. Тогда богатства, особенно святыни, были еще целы. Туркам в 1453 г. досталось несравненно меньше. Турки меньше награбили, но больше убивали; латиняне, как христиане, поступали наоборот. После латинского разорения Константинополь никогда не оправился; обедневшему царству было не под силу восстановить тысячелетние несравненные богатства, накопленные с IV и V столетий. Памятники классического искусства и святыни апостольских времен погибли или рассеялись по всем углам Европы.

Перед грабежом огненная стихия сделала свое дело. Около трети всей площади столицы лежало в развалинах. В последние дни осады три громадных пожара уничтожили центральные населенные кварталы. Некому было тушить, причиной были поджоги латинян. Еще перед свержением Алексея Ангела 17 июня 1203 г. венецианцы, захватив нынешний Фанар, подожгли соседние дома. Огонь опустошил обширную долину от крутого холма, где был расположен монастырь Христа Евергета, на северо-запад до самого Влахернского дворца; выгорела часть Девтера, примыкавшая к Адрианопольским (Харсийским) воротам. Это были кварталы, наполненные частными, но богатыми домами; обнесенные стенами монастыри Евергета, Пантепопта, Старой Петры, Хоры не пострадали. Уцелели окружавшие храм Апостолов или расположенные на высоком холме Петрия еще более аристократические кварталы, летом прохладные, царящие над Золотым Рогом, полные дворцов цариц и женских монастырей; их, может быть, спасли гигантские открытые цистерны Аспара и Бона, ныне вмещающие целые кварталы на своем высохшем дне. Все-таки панорама пожара, бушевавшего перед террасами Влахернского дворца, потрясла даже царя Алексея Ангела.

Менее чем через два месяца, 22 — 24 августа, случился несравненно более опустошительный пожар, настоящая катастрофа для города и его памятников. Толпы пизанцев, венецианцев и французов разграбили мусульманский квартал и, выбитые греками, подожгли соседние постройки в разных местах одновременно, «зная уже по опыту, что огнем всего легче уничтожить город». Некому было тушить огонь, а дул северный ветер. Пожар стих лишь вечером следующего дня, истребив всю середину города — от Золотого Рога до Мраморного моря. Пламя перекидывалось на отдаленные кварталы, возвращалось на уцелевшие промежутки и сливалось в сплошное огненное море; снесенные в безопасные, казалось бы, места пожитки гибли внезапно, и люди теряли голову. Горящие головни зажигали даже корабли в гавани. Мраморные портики и памятники на площадях перегорали в известь, не спасали ни кирпичные стены, ни высокие террасы. Погибли лучшие кварталы. Мусульманская мечеть, с которой начался пожар, находилась в квартале Митата, на спуске к Рогу, вблизи св. Ирины Морской, построенной в V в. на самом берегу, у нынешнего моста. Следовательно, пизанцы и венецианцы подожгли те улицы, которые прилегали к их договорным кварталам, отведенным Комнинами, за несколько дней ранее сожженным греками. Так как дул северный ветер, то он погнал пламя через форум Константина к Мраморному морю, и действительно сгорели те лучшие, центральные кварталы, которые были расположены в этом направлении.

Выше итальянских кварталов были расположены кормившие столицу казенные хлебные склады еще с IV в. Вверх до самого Среднего проспекта (Месы), главной артерии города, пролегавшей по хребту константинопольских холмов, тянулись торговые кварталы, каждый со своей физиономией. Тогда, как и теперь, мастера одного цеха располагались рядом, образуя кварталы с соответственными именами: Халкопратии (Медный ряд), Аргиропратии (Серебряный ряд), Кереполии (Свечной), Артополии (Хлебный), Влаттополии (Шелковый и Пурпурный) и т. д. Снаружи и, вероятно, с внутренней стороны торговые ряды представляли из себя портики или гостиные дворы, часто в два этажа, с открытыми комнатами без окон, закрываемыми лишь на ночь; мастера и купцы сидели со своими товарами почти на улице. Для производства у всех соседей существовали общие шаблоны и нормы. В некоторой связи с организацией специальных рядов находилась организация торгово-промышленных корпораций, известных из устава епарха ок.900 г. Константинопольские торговые ряды были велики и обслуживали далеко не одну столицу. Здесь находились оптовые склады местных и привозных товаров, регулировавшие спрос и предложение, господствовавшие над торговым обменом Востока и Запада; в этих товарах были помещены капиталы местных и иногородних купцов. Мастерские, особенно шелковых и шерстяных тканей, изделий из металлов, драгоценностей и художественных произведений (эмаль, слоновая кость), работали на экспорт, для которого даже Англия и Кавказ не являлись крайними рынками сбыта. Потому пожар, истребивший эти кварталы со всеми товарами и богатствами, оказался настоящей катастрофой для всей восточной торговли, гибелью вложенных капиталов, накопленных и унаследованных состояний. Разорение купечества порвало традиционные деловые связи и погубило личный кредит, т. е. самую возможность восстановить утраченное. Торговля стала искать иных путей, минуя Константинополь. Разорение целых корпораций мастеров вызвало упадок и даже прекращение производств, процветавших столетия и державшихся на унаследованных навыках и секретах; так, например, столь славные художественные изделия из перегородчатой эмали исчезают, по-видимому, с XIII в.

Любопытно отметить, что нынешний район турецкого Большого Базара и в византийское время был базарным, и в нем так же, как и теперь, торговали преимущественно мануфактурой; так что Магомет, устраивая знаменитый Безестен, в сущности, вновь отстроил портики и перекрыл сводами переулки между ними на пространстве целого квартала, но, конечно, лишь в

части торговых районов XII в. Западная половина последних пересекалась большой улицей по имени Длинный Портик и спускалась от форума к Рогу, по ней ездили иногда цари из Большого дворца во Влахерны. И теперь по тому же приблизительно месту пролегает улица, полная магазинов, и носит также имя Узун Чарши, или Длинный Рынок.

Итак, за два дня пожар Константинополя нанес его торговле и промышленности такой удар, который уже не был залечен. Поднявшись на верх гряды, по которой проходила Средняя улица, пожар истреблял уже не только товары и магазины, но и лучшие памятники античного искусства, колоссальные статуи, привезенные из городов Ионии и Эллады, уничтожая монументальные постройки времен Константина Великого. Сдержанный на юго-западе площадью Тавра, огонь направился прямо на форум Константина, бывший центром и священным украшением царственного града. Здесь сходились главнейшие пути, почти все крестные ходы останавливались на форуме и служили литии; при торжественных выездах императоры принимали на форуме славословия городских димов и при триумфах попирали шею пленных варваров. На площади и дальше по Месе были расположены часть присутственных мест, суды, библиотека и академия, портики, где собирались адвокаты и дельцы, гостиницы для приезжих и весьма близко ипподром — сборище всего населения; имевшие дело в торговых кварталах и в гавани и, наоборот, возвращавшиеся в жилые, тихие кварталы проходили обыкновенно через форум. Со времен Константина Великого площадь была украшена со всею роскошью и величием, на какое была способна процветавшая мировая держава. Вымощенный большими плитами, как атрий храма, овальный форум открывался на восток и запад апсидами, или триумфальными арками; их украшали золоченые статуи Константина В. с семьею и при них двух архангелов-стражей, а также кресты, символы торжества христианской империи ("сим победиши"). Между арками площадь огибали двухэтажные портики из белого проконнисского мрамора с античными статуями; на открытом месте площади были расставлены монументальные кресты, двенадцать статуй из красного порфира и столько же позолоченных сирен, изваяния животных и таинственные зодиаки мага Аполлония Тианского — средневековый музей. В центре высилась величественная колонна из громадных блоков красного порфира, скрепленных золочеными обедами, наверху стоял крест; в основании гигантского цоколя с мраморною лестницею, где умещалась целая часовня, были зарыты христианские святыни и палладиум города, статуя божества Τυχη (Судьбы). С севера примыкало второе здание сената, построенное Константином, как и первое, у Софии, — круглое и высокое, с высокой колоннадой из 4 массивных колонн в сторону площади — вроде большого мавзолея, здесь уже собраны бесценные памятники античного искусства: вход был украшен знаменитыми бронзовыми скульптурными дверьми из храма Дианы Эфесской, под портиком или рядом с ним стояли колоссальные бронзовые статуи Афины и Амфитриты с клешнями на голове, вывезенные с Родоса.

От арок форума в обе стороны тянулись казенные двухэтажные портики, несмотря на неоднократные пожары все еще роскошно украшенные. На запад, в сторону Тавра, по Хлебному рынку, стоял крест Константина, арка, Анемодулий — хитрый памятник александрийского искусства — и другие; на восток Средняя улица продолжалась лишь с полверсты, расширяясь в площадь Милия и Августея. Здесь находились палаты Лавса, где помещался высший царский суд по гражданским делам, преторий градоначальника с полицейским судом и тюрьмою, немного вниз — знаменитый Халкопратийский храм с Ризою Богоматери, к востоку от него — разукрашенная статуями по главному фасаду базилика с Октагоном — центр умственной и учебной жизни столицы, ближе к Милию был квартал Сфоракия с храмом Феодора. Здесь были уже и частные большие дома, как Хониата, но выходили уже и торговые ряды, заполняя промежутки между общественными зданиями, составляя для них оживленнейший фон:

упоминается Смирний, рынок ароматов и пряностей, назад к форуму — Четырехугольный портик, Кожевенный и Меховой ряд и ниже, доходя до Халкопратийского храма, Медный и Серебряный ряды. По другую сторону Средней улицы, в сторону ипподрома, был двор Антиоха с рядом гостиниц; для их потребностей служила цистерна Филоксена, сохранившаяся поныне; на площадь перед Софией выходили древние бани Зевксиппа, уже утратившие к XII в. свою былую роскошь и скульптуры; ближе к форуму выходил на Месу ряд церквей: Юлиана Египтянина, Евфимии, Сорока Мучеников и на самом форуме — храм Богородицы.

Не перечисляя всех погибших построек, Хониат определенно передает нам, что кругом форума Константина, и на север и юг от него все, от моря до моря, сделалось добычей пламени. Мраморные портики обратились в известь. Только порфировая колонна Константина на форуме высилась одиноко среди дымящихся смрадных развалин, и до наших дней стоит она обгорелая. Даже северная сторона ипподрома, его амфитеатра, террас и служебных пристроек пострадала, но огня к Большому дворцу не пропустила.

Через Зевксипповы бани и портики Милия пожар прорвался до самой Софии, окруженной церковными и частными домами с тесными проулками, и дошел до патриарших палат «Длинного покоя» и «Синодов"; но здесь каменная масса св. Софии его остановила. Западнее ипподрома пожар дошел до Мраморного моря. Здесь, в Домниновых рядах на Маврианове дворе, стоял — и теперь стоит — храм Анастасии V в., термы Дагистея с громадным залом, где городские димы избирали своих старшин; в начале Девтера стоял храм Анны, богатая постройка Юстиниана, с другими, меньшими церквами. По морскому берегу пожар разошелся на несколько верст, так как достиг до квартала Елевферия. Эта местность, известная во времена Аркадия под именем Нового Города, в отличие от старого Акрополя, была густо заселена с IV — V вв.; здесь стояли церкви, приписываемые Константину, имена позднейших известны десятками. Гавани Софианская (названная по соседнему дворцу и кварталу жены Юстина II) и Гептаскалон в XIII в. были еще не засорены и сосредоточивали около себя рабочее простонародье; выше лежали бывшие дворы вельмож VI и V вв. Амантия, Дария, Нарзеса, давно превратившиеся в кварталы, застроенные церквами, монастырями, частными и казенными зданиями. Все это погибло или пострадало от этого пожара. Без преувеличения он уничтожил лучшую, среднюю часть столицы.

При самом взятии, 12—13 апреля, немецкие крестоносцы подожгли ту часть прибрежья Золотого Рога, которая уцелела между двумя описанными пожарищами — между монастырем Христа Евергета и воротами Друнгария, истреблены были кварталы Дексиократа и Арматия. По словам Вилльгардуэна, при этом третьем пожаре погибло больше домов, чем насчитывалось в трех самых крупных городах Франции. Были и другие пожары после взятия, так, знаменитейший в византийской истории Студийский монастырь франками был не только разграблен, но и сожжен, и храм оставался без крыши до конца XIII в., когда был возобновлен Константином Палеологом, а по усадьбе монастыря в XIII в. паслись овцы. Следы пожара именно времени латинского разорения обнаружены при работах Русского Института. Тогда же погорел великолепно отстроенный Василием I храм Диомида в самом углу между Золотыми воротами и морской стеной, так как при возобновлении соседнего Студийского храма в конце XIII в. были употреблены кирпичи с клеймом «св. Диомида"; очевидно, Диомидов храм лежал в развалинах, равно как и знаменитый храм Мокия поблизости, из развалин которого брали материал для укрепления башен у Золотых ворот.

Население Константинополя привыкло к пожарам и стихийным бедствиям, о них напоминали им ектении на каждой обедне; были и особые народные молебствия и крестные ходы. Но если горячая вера, а также привычка ко всяким несчастиям и помогли бы населению пережить, перетерпеть и такое разорение, то неизбежные материальные последствия

катастрофы города должны были сказаться во всей силе. Половина народа осталась без имущества, без крова, без занятий, а другая половина была ограблена латинянами. Все «законные дети Константинова града» утратили при этом не только свое царство, но почти всю обстановку повседневной жизни, свой несравненный город, его удобства, чем привыкли любоваться и гордиться. Даже храмы со «вторым небосводом» Софией были отняты, а в церквах была вся духовная жизнь греков, особенно женщин. Оставался один исход — эмиграция для тех, кто мог уехать.

Такого планомерного грабежа, как в три дня 14—16 апреля 1204 г., византийцы еще не испытывали, но и после того, преимущественно до 1209г.[1], драгоценности и святыни переправлялись в Европу. Сами латиняне так и озаглавливали свои описания событий 1204 г.: «Гибель» или «Опустошение города». Для них взятие Константинополя было небывалая удача, славный подвиг, торжество, посланное Богом своим верным сынам. Для них Константинополь был городом чудес, святынь и несравненных богатств, среди них ходила легенда о путешествии самого Великого Карла к святыням Константинополя и Иерусалима; рассказы послов и папских легатов, паломников и особенно итальянских купцов, наживавшихся в греческой столице, вывозивших на Запад частицы мощей и вещи церковного искусства, разжигали воображение латинян, средневековых людей, у которых хищность уживалась с благочестием. Сам Алексей I Комнин в письме к Роберту Фландрскому, если письмо это подлинно, перечисляет святыни своей столицы, приглашая крестоносцев на Восток против неверных. Рыцари четвертого похода явились с определенными расчетами на легкую добычу, но им пришлось ожидать ее столько времени и столько претерпеть при затянувшейся осаде, видя перед собою золоченые крыши; к лживым и трусливым грекам они относились с презрением, начиная с их союзника Алексея.

При вступлении в город дворцы Влахернский и Вуколеон были сразу заняты Балдуином и Бонифацием. Они нашли в дворцах «самых знатных в мире дам» — императриц, а также сокровища, к которым немедленно приставили стражу. Для прочих дворцов, храмов, казенных зданий не было принято мер охраны, хотя к Софии была поставлена стража, по известию Хониата.

«Прочие крестоносцы, пишет Вилльгардуэн, рассеялись по городу и захватили столь замечательную добычу, что нельзя сказать, сколько они набрали золота, серебра, сосудов, драгоценных камней, бархату и других шелковых тканей, отборных мехов куницы, пеструшки, песца и горностая (эти меха шли на нарядные рыцарские мантии) и иных столь же драгоценных вещей. И, — свидетельствует Жоффруа де Вилльгардуэн, маршал Шампани, по совести, как правду, — с тех пор как стоит свет, никогда не было взято столько добычи ни в одном завоеванном городе».

Среди крестоносцев и венецианцев господствовала великая радость из-за этой дарованной Богом победы, благодаря которой «находившиеся в крайней бедности и нищете сразу оказались среди изобилия всех благ и наслаждений». В таком «чрезвычайном веселии» прошло три дня, но случилось лунное затмение, испугавшее вождей, и они прекратили грабежи. Маркиз, бароны и дож приказали через глашатаев, чтобы все немедленно под страхом отлучения и согласно прежнему договору отнесли всю добычу в три церкви, отведенные для этого и поставленные под охрану 10 французов и 10 венецианцев. Но не все вели себя честно, за что, по словам Вилльгардуэна, Господь возлюбил их менее, как прежде возвеличил. Граф Сен-Поль должен был одного рыцаря повесить с утаенным золотом на шее. При разделе добычи договор 1204 г. не был соблюден в точности. Три восьмых досталось венецианцам сверх 50 000 марок серебра за провоз крестоносцев, две восьмых досталось на долю императора, об избрании которого будет изложено ниже, а остальные три восьмых пошли на всех крестоносцев, причем конные получили вдвое против пеших, а рыцари — вдвое против всадников простого звания.

Духовенству предполагалось дать лишь мощи, но они запротестовали, ссылаясь на свои подвиги при взятии, и граф Сен-Поль уговорил других вождей дать и духовенству часть денег; их приравняли, по известию Клари, к конным воинам простого звания, именно по десяти марок (40 иперпиров). Поступило в раздел не менее 300 000 марок серебра и 10 000 животных, но наверное были оставлены запасы на военные нужды. В эту сумму не вошли драгоценности и шелковые ткани и одежды: их через несколько времени поделили между собою некоторые крестоносцы и венецианцы, воспользовавшись отсутствием Балдуина и Бонифация. Драгоценности были добыты не только грабежом населения — причем переплавили даже серебряные жаровни, употреблявшиеся гречанками в банях, — но главным образом в храмах, церковных ризницах и даже могилах. Несмотря на присутствие среди крестоносцев многочисленного латинского духовенства с просвещенными епископами и канониками, в погоне за добычей латиняне не отступили перед планомерным святотатством и перед варварским истреблением памятников искусства.

Первой чертой их нации, пишет Хониат, является сребролюбие, и для обирательства они придумали способ новый и никакими прежними грабителями не применявшийся. Открыв могилы императоров в усыпальнице при великом храме учеников Христовых, они ночью ограбили (саркофаги) и беззаконно присвоили все найденные золотые украшения, жемчужные нити и драгоценные камни, лежавшие нетронутыми и нетленными. Найдя и тело Юстиниана, несмотря на долгое время оставшееся целым, они подивились, но все убранство все-таки себе присвоили. Перечень драгоценных царских саркофагов из порфира, зеленого и белого мрамора, стоявших в усыпальнице (ηρωον) и в самом храме Апостолов, дошел до нас; в позднейшее время, но уже со времен Македонской династии они погребались в своих царских монастырях или в тех, где они постригались перед кончиною. Ряды роскошных громадных саркофагов содержали драгоценности, утрата которых невознаградима для археологии.

Из них самими греками был ранее разрушен саркофаг иконоборца Константина Копронима, причем и его труп был найден высохшим благодаря отверстиям в днище. Франки, вероятно, не уничтожили массивные саркофаги, но лишь пробили в их стенках отверстия, так что еще возможны новые находки их на месте доселе не раскопанной усыпальницы возле мечети Фатих; известные саркофаги у св. Ирины — порфировые глыбы почти без украшений и, вероятно, были прежде покрыты металлической облицовкой. О разграблении франками императорских гробниц в других пунктах города почти нет сведений; но яшмовые саркофаги Романа Аргира и Никифора Вотаниата стояли разграбленные латинянами еще в XIV в. в монастыре Перивлепта, возле которого впервые обнаружен (Русским) Институтом знаменитый мраморный рельеф Христа с двумя апостолами, ныне украшающий Берлинский музей. Царские саркофаги были и в монастырях Студийском (Исаак I Комнин с царицей Екатериной), Манганском, Пантократора (в обоих Комнины), Мирилее (Роман I Лакапин с семьей), в Космидии (Михаил Пафлагон). Из них могилы Пантократора наверное разграблены латинами, но один саркофаг сохранился. Не одна корысть привлекала латинян к царским могилам, но и надругательство с политическою целью. В храме Иоанна Богослова в предместье Евдоме был погребен Василий Болгаробойца, перед которым трепетала и Италия. Теперь латиняне вытащили высохшее старческое тело и, всунув в руки волынку, прислонили к стене разграбленной церкви. Лишь по изгнании латинян тело грозного царя было вновь похоронено Палеологом в Силиврии, в Спасовом монастыре.

В осквернении царских могил мог быть еще смысл помимо грабежа, но в уничтожении античных бронзовых статуй варварская корысть завоевателей проявилась в полной силе. Более культурные из них венецианцы увезли целыми четырех бронзовых коней, приписываемых Лизиппу, стоявших на ипподроме, и поставили на западном фасаде собора св. Марка, где они

красуются и поныне. Но еще более ценные памятники классического искусства были разбиты или расплавлены впоследствии на монету. С памятников каменных, но покрытых позолоченными бронзовыми листами была содрана металлическая облицовка (напр., с четырехугольного столба на ипподроме, украшенного Константином Багрянородным). Образованный Хониат оставил — далеко не полный, впрочем, — перечень бронзовых статуй, стоявших на площадях и уничтоженных франками. Колоссальная статуя Геры на форуме была переплавлена на монету, причем одну ее голову везли на четырех парах волов. Статуя Париса там же была сброшена с базы. Расплавлена на монету стоявшая на Средней улице достопримечательность столицы, четырехугольная пирамида Анемодулий, весьма высокая. Наверху стояла женская статуя, легко поворачивавшаяся по ветру. Стороны были украшены рельефами птиц, группами жанрового содержания из земледельческой, пастушеской и рыбачьей жизни, а также играющими эротами, в виде эротов могли быть изображены двенадцать ветров; обрамления и, может быть, фон между группами были украшены орнаментом из лозы. Памятник был окружен суеверным почитанием, а его происхождение относили к иконоборцу Льву III, хотя он мог быть им лишь привезен. На площади Тавра стояла колоссальная медная статуя, вывезенная из Антиохии. Ее считали и за изображение Иисуса Навина, указывавшего на западную страну Гаваон, и за Беллерофонта на Пегасе; хотя, казалось бы, трудно смешать столь различные сюжеты. На пьедестале, по Кодину (поздняя редакция так наз. Πατρια, или «Древностей» города), были рельефные изображения будущих судеб города и русских, которые его опустошат. В копыте колоссального коня была заложена статуэтка варвара, но франки, разбив статую на мелкие куски, не позаботились, по словам Хониата, разобрать, что было написано на статуэтке, и ее также бросили в огонь. Эти не ценившие красоты варвары не пощадили бронзовых статуй, украшавших ипподром, и променяли великие и ценнейшие произведения искусства на ничтожную выгоду. Они разбили и расплавили на монету колоссальную статую Иракла, творение Лизиппа; герой в львиной шкуре сидел, склонив голову и погрузившись в печальные размышления о своей неволе; статуя была таких размеров, что окружность ее пальца была равной поясу человека. Та же участь постигла группу человека с ослом, воздвигнутую Августом после битвы при Акциуме в воспоминание о повстречавшемся ему погонщике Никоне ("победителе") с ослом Никандром; не пощадили бронзовых волчицу и свинью, старинные святыни нации, группу человека со львом, гиппопотама и слона, крылатых сфинксов, буйного коня и «старинное зло» Скиллу, орла со змеей в когтях — солнечные часы, но, по преданию, памятник избавления Аполлонием Тианским города от нашествия змей. Не смягчила железные сердца латинян и белотелая стройная Елена, чудное изваяние, украшенное драгоценными камнями и своею красотою возбуждавшее в зрителях любовь. Хониат описывает это красноречиво. Заканчивая перечень погибших памятников на ипподроме, Хониат описывает группу схватившихся друг с другом гиппопотама и крокодила: так и варвары, враги ромэев, как бы ни были могучи, поедят друг друга и будут истреблены Христом; праведный же, по Писанию, наступит на аспида и василиска, растопчет льва и дракона, утешает Хониат себя и своих читателей.

Не следует думать, что все эти бронзовые памятники — сколько между ними обличающих своими сюжетами александрийское влияние! — погибли сразу после взятия; переплавляли на монету латинские императоры, нуждавшиеся в деньгах.

Но франки «разбогатели», по выражению их же писателей, преимущественно расхищением несметных сокровищ в церковных ризницах и алтарях, богатств, накопленных веками; их не касалась еще ни рука чужеземца, ни алчность расточительных греческих царей. Императоры XI и XII вв. не щадили ни платежных сил населения, ни даже потребностей обороны на окраинах и на морях, но продолжали вновь строить и без того многочисленные монастыри, щедро оделяя их

драгоценными вкладами. Теперь латиняне взяли все, что нашли. Наша Тверская летопись под 1204 г. упоминает: «...и паникадила и светилна сръебрьна, яко не можем числа исповедати с праздничными сосуды бесчисленны поимаша служебное все, Евангелия ж и кресты честныя» и т. д. Ведь в Константинополе были собраны святыни и мощи со всего Востока, из Палестины, Сирии и Александрии, причем главными собирательницами были царицы Елена и Пульхерия. Главнейшие святыни, связанные со Страстями, хранились в Софии и в Большом дворце, именно, в ризнице при храме Богородицы Фарской (рядом с Хрисотриклином).

Западными людьми ценились не столько художественные изделия, золото и драгоценные камни, сколько мощи ("potiora labidibus pretiosis ossa"). Почитание мощей настолько вошло в жизнь западных народов, что обычной формой присяги являлось «jurer sur sains», без которой гражданские акты могли быть признаны недействительными. Для хранения мощей изготовлялись и на Западе ковчежцы из золота с камнями и слоновой кости, даже возводились нарочитые здания, как Ste Chapelle в Париже, Saint Chandelle в Аррасе, Spina в Пизе. Для хранителей и собственников мощей они представляли, впрочем, и реальную ценность. Каждый монастырь или церковь получали вместе с мощами и громадный доход от поклонников близких и дальних, от больных, искавших исцеления, пользовались при этом и феодальные владельцы соседних земель. Правда, среди самих грабителей в первые дни по взятии нашлись и такие, которые предпочитали золото мощам и даже выбрасывали последние из драгоценных мощехранительниц, но еще чаще было, что разбивались художественные ковчежцы, если они были не из золота, и брались лишь мощи и драгоценные камни. При этом особенно ценились мощи, принадлежность которых известному святому была известна, и принимались все меры — свидетельства, письменные протоколы и т. д., — чтобы удостоверить происхождение и наименование мощей; впрочем, посылались и различные без определения мощи в кошелях (bourse) и ящиках. Художественная ценность изделий менее всего принималась франками в расчет, из окладов Евангелий выламывались камни, ломались ценные по работе оправы и бросались, если они были не из золота и серебра, писанные на досках иконы выбрасывались в море. Впрочем, неистовства первых дней скоро уступили место планомерному спокойному грабежу и экспорту.

Более всех увезли венецианцы, не только выговорившие себе три восьмых всей добычи, но вывозившие и потом, будучи, как увидим, хозяевами в латинской патриархии Константинополя. Притом более всех они сумели и сберечь. Главное собрание византийских памятников церковного искусства хранится в ризнице собора св. Марка, несмотря на бывшие пожары, и вообще, чтобы видеть большой византийский собор в его великолепном убранстве, следует ехать в Венецию. Венецианское государство святынь не продавало, но покупало, чего нельзя, впрочем, сказать о венецианских купцах, которые продали, например, терновый венец Христа французскому королю Людовику Святому за 13 134 иперпира (170 000 фр.), сумму, громадную для того времени. В противоположность республике латинские императоры Константинополя постоянно нуждались в деньгах для уплаты наемному войску и потому, овладев ризницами дворцов, продавали и дарили святыни различным государям и аббатствам на Западе, особенно французским королям, которые лучше всех платили. То же самое делали епископы и бароны, так что Латеранский Собор 1215 г. был должен запретить открытую торговлю святынями. Громадное собрание ценнейших царских святынь в казне французского короля было отчасти раздарено после 1239 г., а в революцию 1792 г. ценнейшие святыни были истреблены, как и в богатейших аббатствах Франции. Наиболее константинопольской святыни сохранилось после Венеции в Ватикане (Sancta Sanctorum), Амальфи, Генуе, Лионе, в странах по Рейну, в Бельгии и в Париже, хотя остатки прежнего, отдельные частицы константинопольской добычи разбросаны, кажется, по всей Европе, кроме нашей России.

Разыскания графа Риана дают литературный и документальный материал о константинопольских святынях, перевезенных в Европу, особенно в течение ближайших лет по взятии. Но ряд памятников, хранящихся поныне, утратили свои документы, однако сами свидетельствуют достаточно о своем происхождении из константинопольской добычи.

Венецианские источники (Рамнузий) говорят о памятниках из храма Апостолов, которые погибли: царские нагрудные кресты с мощами и короны, снятые, очевидно, с самих царских тел, яшмовые и аметистовые вазы, точно не названные иконы и статуи (рельефы?); из этой посылки сохранились лишь драгоценности, вошедшие в состав знаменитой запрестольной Pala d`oro в Сан-Марко. Сохранились упомянутые у Дандоло мощи и крест из Влахернского храма Божией Матери, ампула из Софии, Константинов крест из церкви Михаила во дворце, а крест Елены был похищен генуэзцами и хранится в Генуе. И отдельные венецианцы, как бы не желая отставать друг от друга, жертвовали в свои приходские церкви в Венеции мощи, по-видимому целые тела святых, взяв их не только из занятых венецианцами монастырей Перивлепта и Пантепопта, но также из древнейших приходских церквей. В то же время целый ряд бесспорно византийских драгоценнейших крестов с эмалями окладов, дорогих ваз в ризнице Марка не упомянуты в старинных документах; и таких предметов прежде было больше. Великолепные вещи ризницы весьма известны. Соответственные документы о пожертвовании могли погибнуть, но возможно и то, что эти вещи были выкрадены и тайно же доставлены венецианскими канониками св. Софии. Для некоторых предметов в Ватиканской Sancta Sanctorum вероятно подобное происхождение. Известно, например, что папский легат Бенедикт послал папе целый транспорт художественных предметов: двенадцать одних ларчиков из слоновой кости, книги, между ними два Евангелия в окладах, золотой ковчежец со св. Древом, а также перстни, жемчуг, дорогие шелковые ткани, мешки с ароматами, — а все это было перехвачено венграми и пропало. Иннокентию в этом отношении не повезло: другой такой транспорт, посланный ему императором Балдуином, был также похищен генуэзцами, а содержал он иконы, кресты, чаши, драгоценные камни, между коими один рубин был оценен в 1000 марок серебра (4000 иперпиров). Если император посылал из своей доли и из дворцовых сокровищ, то откуда черпал легат Бенедикт, как не из ризницы Великой церкви? Она ведь не осталась нетронутой, из нее увезены были священные предметы и в Германию, и во Францию, и тем более вероятно, что венецианский капитул и избранный им патриарх черпали из нее полною рукою для собора родного им города.

Судьба четвертой доли, доставшейся латинскому императору, гораздо лучше известна потому, что она вся или почти вся была распродана и раздарена. Главная часть сосредоточилась вновь в одних руках, у французского короля, и хранилась в S. Denys, S. Chapell и Notre Dame в Париже. Сохранилось мало: терновый венец Христа из дворца Вуколеона (ризницы церкви Богородицы Фарской), римский скипетр, хранившийся в Хрисотриклине, и кусок камня от Гроба Господня. Погибли такие византийские святыни из дворца, как Риза Богородицы, копье, которым был прободен Христос, поданная Распятому губка с уксусом, ряд других святынь, связанных со Страстями; драгоценные кресты с частями Древа; императорские облачения; ряд мощей, главы Симеона, Климента, Власия, часть главы Предтечи, взятая, может быть, из обители Студия, и многие другие святыни.

Из монастырей Франции более других получило от императора богатое Корбийское аббатство, часть святынь еще цела; но в Клерво как золотые кресты, так и мощи погибли; также и в Цистерсианском аббатстве, получившем из Вуколеона руку Иоанна. Фландрское духовенство сохранило лучше свою константинопольскую добычу: в Лилле — ковчежец с Древом, в Валянсьене — мощи, в Намюре — частицы Древа, в Генте хранится дракон Сигурда Норвежского, взятый из Константинополя. Часть императорской доли была похищена

англичанином — каноником императора и увезена в Англию; один энколпий отвезен Филиппу Швабскому, частица Древа — Леопольду Австрийскому, последняя еще хранится.

Епископы получили на свою долю много самых дорогих святынь и поспешили переправить их на родину. Влиятельный участник похода епископ Суассонский Нивелон был щедро одарен из царской ризницы, особенно мощами, но увез на родину и пять крестов с частями Древа, а также два золотых ларчика, и все это утрачено. Еще более вывез немецкий епископ Конрад Крозиг (Krosigk) и обогатил собор своего Гальберштадта. Святыни эти, частью уцелевшие, взяты из Софии и храма Апостолов. Кроме громадного количества мощей Крозиг вывез царские пурпурные мантии и знамена, целый серебряный киворий и алтарные украшения. Весьма много святынь было привезено в аббатство Pairis в Эльзасе. Амьен получил часть главы Предтечи; об этой святыне знаменитый Дюканж написал целый трактат. Знаменитый Лимбургский крест с эмалями был вывезен Генрихом Ульменом вместе с золотым потиром и крестами из Софии. В Гальберштадт попал диптих слоновой кости; в Кассель — золотой ковчежец, в Аахен — оникс, оба с Древом; в Шаффгаузен в Швейцарии — деревянный резной крест; во французский Труа — золотой крест, Евангелие, ларчики слоновой кости и т. д. В Венгрии и в Вене известен ряд бесспорно византийских регалий, и часть их может относиться к латинской добыче.

О вывозе рукописей сведений мало. Кардинал Бенедикт посылал в Рим книги; в Париж была доставлена «Метафизика» Аристотеля, но скоро сгорела; во всяком случае, и до Ренессанса Аристотель на греческом языке мог быть доступен Западу. Однако больше всего и прежде всего ценились мощи. В Амальфи хранится ряд мощей, пожертвованных родному городу кардиналом Петром, и между ними глава св. Диомида, взятая из храма по соседству с монастырем Студия; и в последнем Русский Институт в К-ле нашел обезглавленных латинянами игуменов, среди коих, несомненно, сам Феодор Студит. Даже местных патриархов латиняне не оставили Греческой Церкви. Святых между ними нельзя было выбросить, как они сделали с телами царей. Мощи Григория Назианзина и Иоанна Златоуста попали в Ватикан, часть опять взял себе упомянутый Крозиг; а тело св. Германа-патриарха попало в какой-то Bort (во Франции, в Bas-Limousin).

Все перечисленное не составляет и четверти вывезенных из Константинополя святынь и драгоценностей, для которых сохранились какие-либо сведения, но сколько их пропало безо всякого следа. Положительно целый поток святынь внезапно обогатил западные церкви, и все это вывезено из одного города. Присылаемые святыни встречались с радостью и торжеством, дни перенесения заносились в местные святцы, и из таких праздников можно составить целый календарь.

Чтобы себе представить, с какою радостью для одних и горем для других были связаны эти бесчисленные «перенесения» святынь, приведем в сокращении рассказ о том, как духовное лицо Валлон Дампьерр нашел и увез в свой родной Лангр хранящуюся там поныне голову св. Маманта из греческого монастыря на Босфоре. Анонимный лингонский (лангрский) каноник сам подтверждает факты «слепой жадности» латинян, разбивавших даже сосуды (vascula) с мощами, чему положили конец вожди и легат, приказавшие сдать все мощи в руки епископа Гварнерия. Порицание автора относится к тому, что латиняне из-за золота пренебрегали мощами, но отнимать последние — подвиг благочестия, как поступил муж честной жизни и влиятельный среди крестоносцев Валлон Дампьерр, избранный скоро после того епископом в Македонии. Он узнал, что между мощами, сложенными у Гварнерия, находится глава славного мученика Маманта без оправы, но в серебряном обруче с надписью ΑΓΙΟΣ ΜΑΜΑΣ. Несмотря на все свои просьбы, Валлон не мог добиться от Гварнерия этой святыни, потому что последний хотел сам отвезти ее своему другу, Лангрскому епископу. По смерти Гварнерия Валлон явился к кардиналу Петру и на коленях со слезами умолял отдать ему главу Маманта. Кардинал

немедленно согласился, пошел в дом умершего Гварнерия и нашел скрытую там главу. Чтобы не было сомнения, он созвал греческих клириков и монахов, которые прочли письмена на обруче и засвидетельствовали подлинность святыни. Для еще большей верности кардинал послал Валлона с главой в греческий монастырь св. Маманта, вновь отстроенный царем Исааком. Увидя голову, игумен и монахи упали на свои лица, умоляя Валлона со слезами и стенаниями: «Вот глава нашего святого (патрона), привезенная вместе с другими мощами некиим калугером и положенная, по бывшему видению, в наш монастырь». Они предлагали за нее Валлону дать денег без числа, или обменять на что иное, или пожизненное владение монастырем (на правах харистикария), только бы он оставил им то, что они по грехам своим утратили. О всем том свидетельствует подлинный протокол, присланный в Лангр и хранимый в церковном архиве.

Но Валлон бережно охранял вверенное ему сокровище, возжигал каждую ночь перед главою не только лампаду, но и восковую свечу, горячо молясь, чтобы сам мученик засвидетельствовал, его ли это глава, и, лишь имев соответственное видение, Валлон успокоился как исполнивший весь свой христианский долг. Латинские клирики разыскивали мощи в монастырских тайниках и ломали стены; находили святыни, закопанные на дворах, как в Манганском монастыре голову св. Георгия, патрона обители, и вместе с нею главу Предтечи, святыню студитов, переселившихся, по-видимому, в Манганский монастырь; в погоне за святынями они устраивали вооруженные набеги на пригородные монастыри и, найдя окошечко подалтарной конфессии, с торжеством спешили унести свою добычу, а греческие монахи робкою толпою бежали вслед за ними, плача и прося напрасно (рассказ хроники Дандоло об увозе мощей патр. Тарасия). Следов жалости и уважения к христианской вере греков не встретим в этих сказаниях.

Дошло составленное греками перечисление преступлений, совершенных латинянами в святом Константинополе при взятии, помещенное в рукописи вслед за перечнем вероисповедных грехов латинян. Они, оказывается, сожгли более 10 000 (!) церквей и остальные обратили в конюшни. В самый алтарь св. Софии они ввели мулов для нагрузки церковных богатств, загрязнив святое место; туда же впустили бесстыжую бабу, которая уселась на патриаршем месте и кощунственно благословляла; разбили престол, бесценный по художеству и материалу, божественный по святости, и расхитили его куски; их вожди въезжали в храм на конях; из священных сосудов ели вместе со своими псами, святые дары выбросили, как нечистоту; из другой церковной утвари сделали пояса, шпоры и прочее, а своим блудницам — кольца, ожерелья вплоть до украшений на ногах; ризы стали одеждой мужской и женской, подстилкой на ложах и конскими чепраками; мраморные плиты из алтарей и колонны (киворіев) поставлены на перекрестках; мощи они выбросили из святых рак (саркофагов), как мерзость. В госпитале св. Сампсона они взяли иконостас, расписанный священными изображениями, пробили в нем дыры и положили на «так наз. цементе», чтобы их больные отправляли на нем естественные потребности. Иконы они жгли, топтали, рубили топорами, клали вместо досок в конюшнях; даже во время службы в храмах их священники ходили по положенным на пол иконам. Латиняне разграбили могилы царей и цариц и «обнаружили тайны природы». В самых храмах они зарезали многих греков, священнослужителей и мирян, искавших спасения, и их епископ с крестом ехал во главе латинской рати. Некий кардинал приехал в храм Михаила Архангела на Босфоре и замазал иконы известью, а мощи выбросил в пучину. Сколько они обесчестили женщин, монахинь, скольких мужчин, притом благородных, они продали в рабство, притом, ради больших цен, даже сарацинам. И таковые преступления совершены против ни в чем не виноватых христиан христианами же, напавшими на чужую землю, убивавшими и сжигавшими, сдиравшими с умирающих последнюю рубашку!

Горе греков, поругание их святынь, отозвалось по всему православному Востоку, включая и

Русь, и залегло глубоко, оставило глубокий след в душе греческого народа. Бесплодны были попытки примирения, вражда к латинству, доселе скорее литературная, стала стихийной. Горе греков имело для них благодетельные последствия. В самом горниле бедствий, в константинопольских обителях, среди ученого монашества с деятелями бывших высших школ во главе, воспиталась пламенная, непреоборимая ненависть к латинству; отвлеченные интересы сменились фанатическим служением народным идеалам, оскорбленным жестокою действительностью. Это оплодотворило литературное движение в Никейском царстве. Грубый материализм латинян вызвал в интеллигентной среде откровенное презрение, которое уберегло в греках народную гордость, не дало развиться примирительному направлению, покорному силе, и тем способствовало восстановлению через несколько десятилетий утраченной политической независимости и единства.

В итоге вышеизложенного разоренный Константинополь надолго утратил свое мировое значение, и его история становится местною. Общеисторическую важность сохраняет политика Иннокентия ко вновь избранным латинским патриарху и императору, новый неожиданный фазис векового спора Рима с Константинополем.

Покидая грустную картину бедствий, упавших на византийскую столицу, переходим к изложению вызванных новыми событиями идей и планов главного, закулисного виновника этой трагедии.

Глава 2. Латинская империя и Латинские государства Романии. Греки в XIII в.

Первым актом завоевателей было избрание латинского императора, согласно договору 31 марта. Двенадцать избирателей, по шести от франков и венецианцев — от первых одни духовные лица — имели перед собою трех главных вождей крестового похода: дожа Дандоло, Бонифация Монферратского и знатнейшего из франкских крестоносцев, Балдуина, графа Фландрии и Гено (Геннегау), потомка Карла Великого и родственника короля Франции. Против двух первых кандидатов подали голос и венецианцы, для которых дож не мог быть константинопольским императором, а Бонифаций был нежелателен как сосед Венеции, который стал бы опасным. Единогласно был избран в начале мая 1204 г. Балдуин, за которого говорили и молодость, и храбрость, и благочестие. Бонифаций был разочарован, но первый принес присягу. Через три недели Балдуин был коронован папским легатом.

На развалинах Византийской империи образовалась Латинская константинопольская, феодальное государство поверх греческого крестьянства, целая политическая система, включившая в свой состав самостоятельно основанные государства, как Солунское королевство и княжество Ахейское. Осуществил и поддерживал феодальное единство Романии (так называлась в латинских источниках территория разрушенной Византийской империи), заставил и греческих подданных примириться со своей властью не первый император Балдуин, но второй — Генрих (1205—1216). При них обоих внутренняя история Романии заполнена церковными делами. На почве церковных интересов прежде всего столкнулась западная культура с византийской. История латинской патриархии носит международный характер, и над ней доминирует воля Вселенского первосвященника Иннокентия, решают его идеи церковного, т. е. культурного, объединения христианского мира под рукою преемника Петра. Решают судьбы патриархии Иннокентий и венецианцы, лишь в конце правления Генриха императорская власть вступает в свои права[2].

Судьба, казалось, улыбалась молодому императору Балдуину. Фландрский граф сел на престол Константина, его окружал энтузиазм участников неслыханной удачи; он не нуждался в деньгах, сыпал подарками и писал в Европу восторженные письма. Двор свой он устроил по французскому образцу, чины двора были сановниками государства и подписывались на важнейших актах.

Раздел земель, феодальная организация территории греческой империи — в латинских источниках «Романии», в восточных «Рум» — было делом более трудным, чем образование константинопольского правительства; хотя и последнее не обошлось без трений и было проведено без плана, сколочено на скорую руку. Претензии отдельных лиц, хотя бы опиравшихся на сильную дружину, были скоропреходящими факторами. Прочные латинские княжества и баронии создались лишь там, где основатели-захватчики принадлежали к одной латинской нации и где были налицо сложившиеся местные интересы, города и гавани, к которым тяготели экономически их области. Тем не менее на первом плане при изложении событий приходится, вслед за нашими источниками, поставить столкновения и ссоры вождей латинского похода.

Главный его руководитель, хитрый и властолюбивый Бонифаций, показался слишком талантливым и опасным для баронов, чтобы они подали за него свой голос при избрании императора. Но в качестве второго кандидата он должен был по условию получить всю Малую Азию, поскольку она была в христианских руках, затем Грецию и, по особому уговору с царевичем Алексеем Ангелом еще во время похода, остров Крит. Конечно, лучше было бы для

латинян, если бы Бонифаций стал на передовом посту в Малой Азии. Со свежими еще силами крестоносцев он мог бы утвердить их положение и задавить в самом начале зарождавшийся национальный центр греков в Вифинии, который со временем положил конец Латинской империи в Константинополе.

Бонифаций рассуждал иначе. В противоположность недальновидному Балдуину он искал создать прочное государство на основе примирения греков с латинянами, но со всеми гарантиями для господствующего положения латинского элемента. Ему нужна была территория с безопасным тылом, опирающимся на католическую страну, каковой была Венгрия, и с центральным положением для всех земель, захваченных латинянами. Таковой была Македония с Салониками, имея в виду покорение болгар и сербов. В этой провинции у Бонифация были фамильные связи, номинальные права. Брат его Райнер Монферратский получил 35 лет тому назад титул короля Салоникского от императора Мануила, выдавшего свою дочь за Райнера. У семьи Бонифация были связи и старое знакомство с Востоком. Он потребовал себе вместо М. Азии Салоники. Для него было выгоднее иметь свои земли, Македонию и Грецию, в одной меже. Чтобы привлечь к себе симпатии и надежды греков, он поспешил жениться на вдове царя Исаака, Марии Венгерской, и держал в почете ее сына от Исаака, царевича Мануила. Этот брак давал ему нужные связи и с Венгрией. Вообще Бонифаций хотел и умел ладить с греками. Связи с Востоком были наследственны в семье этого итальянского графа. Балдуин, наоборот, не хотел и не понимал всей необходимости поддержки туземного элемента и как прямодушный рыцарь не скрывал своего презрения к грекам.

Бонифаций был настолько силен и опасен, что императору пришлось уступить нехотя и тем обречь свою неокрепшую империю на роль форпоста против греков и выносить удары болгар. С последними он рассчитывал жить в дружбе. Болгарский царь Калоянн (1197 — 1207) на первых порах делал шаги для сближения, не зная еще действительных сил завоевателей Константинополя и находясь в войне с венгерским королем. Он вел издавна переговоры с папой о церковной унии, о вступлении в семью европейских народов через коронование его папой, о признании независимости Болгарской Церкви и в конце того же 1204 г., как увидим, добился полного успеха.

При такой обстановке Балдуину предстояло завоевывать провинции своего нового государства. Дандоло с Бонифацием и пятью вождями остались охранять столицу, прочие рыцари во главе с императором Балдуином и его братом Генрихом Фландрским выступили во Фракию, где держались греческие императоры Алексей III и Мурзуфл. Генрих выступил вперед и занял Адрианополь. Мурзуфл почувствовал себя не безопасным в Чорлу (Цуруле) и ускакал и Мосинополь к своему тестю царю Алексею, который пригласил его и вероломно ослепил в бане, на глазах своей дочери, жены Мурзуфла, проклинавшей своего отца. Оба соперника не доверяли друг другу и повели переговоры один за стенами, другой перед стенами Мосинополя. Алексей пригласил Мурзуфла в город, и здесь гостю была предложена баня. Акрополит передает ужасную сцену со слов очевидца: «Мурзуфла связывают, валят на пол и ослепляют. На пороге бани стоит его жена, дочь Алексея, и проклинает отца, тот называет ее бесстыжей...» Алексей взял с собою дочь и отправился в Салоники; Мурзуфл, потеряв зрение и жену, остался без помощи, и войско его разбрелось.

Под Адрианополем франки встретились с болгарским царем Калоянном, прибывшим с целью заключить дружественное соглашение. Петр Брасье с тремя рыцарями явился в стан Калоянна; царь его угощал, дивился коням и доспехам франков и осведомился, зачем они завоевали Константинополь. Барон Брасье ему объяснил, что франки ведут происхождение из славного древнего города Трои и пришли отобрать свое наследство у греков. Франки отнеслись к предложению Калоянна с надменностью и дали понять, что он может быть лишь вассалом их

императора. Генрих Фландрский оставил в Адрианополе гарнизон и, покоряя по пути фракийские города, двинулся к Мосинополю. Сюда прибыл и император Балдуин.

Между тем успехи императорских войск и движение их по направлению к Салоникам возбудили в Бонифации подозрения. Он поспешил со своими рыцарями вслед за Балдуином, и под Мосинополем у них произошло бурное объяснение. Бонифаций требовал, чтобы император шел не на Салоники, но против болгар. Это же вовсе не входило в расчеты Балдуина, надеявшегося на дружбу болгарского царя. Не ему, но Бонифацию было выгодно помочь венгерскому королю, находившемуся в войне с болгарами. Отказ Балдуина был объяснен Бонифацием как нарушение договора относительно Салоник. Он пришел в крайнее раздражение, осыпал Балдуина горькими упреками: он вероломнее греков и непостояннее, нежели игральная кость[3]. Бонифаций ушел вместе с итальянскими и немецкими рыцарями и захватил город Дидимотих, собирая подати и сзывая греков, он клялся и божился, что он отрекся от франков и перешел на сторону греков; он тщетно пытался овладеть Адрианополем, показывая осажденным своего греческого царевича: ему не поверили.

Балдуин продолжал свой путь на Салоники, огибая с юга предгорья Родоп. Под Ксанти греки местного дината Сеннакерима «напали на него храбро, а отступили трусливо». Заняв Серес и перейдя Стримон, Балдуин подошел к Салоникам и вступил в переговоры, чтобы овладеть укрепленным городом. Он обязался не вводить войска в город, а население в его лагерь доставило продовольствие и пустило в свой город начальника, назначенного Балдуином. Последний выдал горожанам грамоту за царской красной подписью, в которой подтверждал все обычаи, т.е. вольности Салоник, и выступил обратно в Константинополь.

Не замедлило сказаться, что этот его поход был необдуманным шагом. Не мог он не понимать, что разделение крестоносцев на два лагеря, почти равные по силам, давало венецианцам решающий голос, а те вели реальную политику. Известия о разрыве Бонифация с Балдуином достигли Константинополя и вызвали смятение среди вождей франков, особенно тех, кто был дальновиднее и не терял из вида общих интересов. Но они не решились беззаветно поддержать императора, пошли на уступки Бонифацию и, ратуя за общее примирение, невольно сыграли на руку таким беззастенчивым и трезвым политикам, как Бонифаций и дож Дандоло. Главою средней партии примирения был, по-видимому, маршал Вилльгардуэн — судя главным образом по его истории похода.

Немедленно вожди похода собрались на совещание во Влахернском дворце, и Дандоло предложил послать Вилльгардуэна к Бонифацию улаживать дело. Вместе с ним отправились два венецианца, Марк Санудо и Раван из Вероны, которым Дандоло, понимая положение и не теряя момента, дал секретное поручение войти с Бонифацием в соглашение за спиною Балдуина и его прямодушных рыцарей. «Итальянцы, имевшие реальные, давнишние интересы на Востоке, устроились помимо французов».

Пока Вилльгардуэн и сопровождавшие Бонифация французские рыцари, Шамплитт, Колиньи и другие, держали гневные речи, Бонифаций, упрекая императора в вероломстве, подписал 12 августа 1204 г. договор с венецианцами, по которому он получал безвозбранно Салоники, а венецианцы — Крит.

Впрочем, договорившиеся стороны составили акт настолько дипломатично, чтобы он явно не нарушал прав империи, которая еще могла бы получить поддержку на Западе. Даже вставлена фраза: «не нарушая прав и службы императору и империи». Бонифаций отрекается от всех прав на Крит, обещанный ему Алексеем Ангелом, равно как и на субсидию (которую не с кого было получать) и на всякое вассальное владение, пожалованное его отцу (или брату) царем Мануилом Комнином[4]; далее он отказался от всяких претензий на земли в Фессалии и в константинопольской империи как на Востоке, так и на Западе (последнее фактически не

совместно со второй статьею договора). Взамен уступок того, что не было в руках Бонифация, но было нужно для Венеции, он получал весьма реальное: 1000 марок серебра и из рук дожа с преемниками — не на основании какого-либо устарелого права, но нового соглашения реальных политических сил — столько земель на Западе империи, которая, однако, не названа, чтобы иметь 10 тыс. иперпиров годового дохода. Этими землями Бонифаций должен владеть на праве полной собственности с передачей по мужской и женской линии. Далее Бонифаций обязался защищать все владения Венеции на Леванте; о получении им земель и единовременной субсидии, согласно настоящему договору, будет составлен публичный акт (засвидетельствованный нотариусами республики), возобновляемый преемниками Бонифация. С одной стороны, этим договором было политически оформлено давнишнее преобладание Венеции на Крите, ее важнейшие торговые связи с богатым островом, положено начало главной и наиболее прочной колонии венецианцев на Востоке. В счеты Венеции с империей по дележу земель Бонифаций обязался не вступать. С этой стороны все было ясно. Выгоды Бонифация были не менее существенны, но язык договора в этом отношении умышленно не называет вещей своими именами. О Салониках мы ничего не читаем, но какое другое владение «на Западе» могло доставить столько дохода? Не сказано, у кого возьмут, зато выговорено точно, кто даст и знает, что в состоянии это сделать[5].

Французские рыцари были настолько неприятно обойдены итальянцами, что Вилльгардуэн об этом договоре даже умолчал в своей истории. Ведь сами они добились лишь того, что Бонифаций отступил от Адрианополя к своей базе, Дидимотиху, а спор между ним и императором должен быть разрешен судом из четырех вождей, в том числе Дандоло, — условия унизительные для императора, который только что Салоники занял. Известия о переговорах в его отсутствие с оскорбившим его Бонифацием, конечно, дошли до Балдуина. Он спешил назад усиленными переходами, невзирая на жестокие лихорадки, опустошавшие ряды его рыцарей и пехоты. На пути его встретили послы из Константинополя. Допуская, что о соглашении дожа с Бонифацием они не говорили и даже не знали, все-таки то, что они могли сообщить о миссии Вилльгардуэна, было тяжело выслушать Балдуину. Он удалился в свою палатку. Тщетно убеждал его энергичный Генрих не уступать Бонифацию и партии примирения, поддержать свое императорское достоинство: Балдуин не решился, хотя мог рассчитывать на свое войско. За это ему пришлось пойти на все уступки. По настоянию Дандоло он послал к Бонифацию трех рыцарей и двух венецианцев, пригласил его в К-поль. Бонифаций вступил в столицу торжественно, во главе многочисленной свиты и получил от Балдуина подтверждение уступки Салоник и территории от Марицы до Вардара. Добившись своего при очевидной помощи венецианцев, Бонифаций отправился в Салоники принимать или завоевывать свое новое государство. Балдуин напрасно совершил свой успешный поход. Его войска, вернувшись в столицу, даже не нашли свободными своих квартир; и драгоценности были без них поделены.

Конфликт был улажен, и кровопролитие избегнуто. Но авторитет императора пострадал. Венецианцы заявили себя хозяевами положения и по окончании крестового похода. Если Балдуин мог с этим примириться, его брату и будущему преемнику Генриху пришлось заранее наметить себе иной образ действий.

Бонифаций получил первый свою долю, которая тем самым выделялась из массы, подлежащей разделу. Этот вопрос обсуждался латинянами среди пиршеств и турниров. Остальная территория империи была разделена на три доли, впрочем далеко не равноценные, и каждая из трех долей состояла из двух частей — земель ближних и далеких[6].

Венецианцы получили лучшую часть Фракии от северного побережья Мраморного моря вглубь до Адрианополя — житницу Константинополя с ее богатыми портами Родосто, Силиврия, но без Херсонисского полуострова и болотистых устьев Марицы. Еще ценнее для них

была вторая часть их доли, обнимавшая нынешнюю Албанию до Охриды, Эпир с Яниной и Артой, Ионические острова, Лакедемон, Эгину и Кикладские острова. Вместе с Критом, полученным от Бонифация, все это образовывало целую империю и отдавало самую культурную и богатую часть Леванта венецианцам и в экономическом и в политическом отношениях. Сам Бонифаций, видимо, охладел к венецианцам после этого раздела и далеко не соблюдал заключенного с ними соглашения, по которому он был обязан всячески охранять венецианские владения. Император получил на свою долю восточную часть Фракии, от стен своей столицы до Черного моря, крепость Чорлу и г. Визу, т. е. область, покрытую лесами. Во втором поясе император получил все малоазиатские провинции, обширные и богатые, но оспариваемые греками. Их нужно было завоевать и удерживать непрерывною войною; и во всем объеме латинские императоры никогда ими не владели. Номинально азиатские земли Латинской империи простирались от Синопа к Мраморному морю, заходя далеко в глубь материка, но центром их был бассейн Мраморного моря и Троада, древние провинции Вифиния и Мизия, театр будущих войн с Никейским царством. Кроме того, Балдуин получил долину Меандра и ряд богатых и больших островов Архипелага, ближайших к Малой Азии: Митилену, Лимнос, Самос, Хиос и другие. Охрана этих границ была настолько затруднительна, что Балдуин поспешил образовать в отдаленных пунктах крупные вассальные владения, которые имели задачей не только оберегать, но при случае и расширить латинские земли. Ренье Три получил Филиппополь, форпост против болгар, и граф Гугон — город Дидимотих (Димотику), возвращенный Балдуину Бонифацием и отмеченный, впрочем, в доле баронов. В М. Азии брат императора Генрих Фландрский получил Адрамиттий, оплот от греков со стороны Пергама и Смирны, и граф Блуа был поставлен герцогом Никеи, защищавшей с востока самую столицу. Уделы баронов — третья доля Романии — были в сумме менее значительны. Более 600 крестоносцев и присоединившихся к ним франков были посвящены в рыцари и получили лены. Последние были разбросаны по Херсонисскому полуострову и нижней Марице (Энос, Вира) по окраине Фракии, но главным образом в Западной Македонии и Фессалии, до Афин. Мелкие бароны вклинились своими ленами между королевством Бонифация и венецианскими владениями с запада и с востока. Вероятно, это было сделано умышленно дожем Дандоло, который играл при разделе главную роль. Сам он не обязался ленной присягой императору и получил греческий титул деспота. Представитель Венеции на Леванте, константинопольский подеста, с 1205 г. именуется гордым именем Dei gratia Venetorum Potestas in Romania ejusdemque Imperii quartae parties et dimidiae dominator[7].

Территория самой столицы была также разделена. Акт раздела нам не известен, но, например, из позднейшего документа 1231 г. видно, что императору в это время принадлежали 58 города, остальное — венецианцам. Доля рыцарей и духовных, например итальянцев, если и была, то, видимо, скоро исчезла.

Раздел земель, пререкания рыцарей из-за ленов, церковные дела занимали все внимание нового правительства в Константинополе. Со своей стороны дож Дандоло, устраивая новые венецианские колонии, видел в этом деле главную свою задачу, интересами империи он дорожил лишь до тех пор, пока они совпадали с венецианскими, к усилению императорской власти он относился со скрытым недоброжелательством. Договор его с Бонифацием был характерен для его отношений к латинскому общему делу и увенчал вместе с актом раздела труды Дандоло на пользу родного города.

Франки К-ля потеряли в лице Бонифация деятеля с государственным умом и знанием Востока. Оставшиеся вожди не понимали условий, требовавших не только сюзеренной, но и сильной фактической власти: это видно из образа действий настолько благонамеренных вождей, как Вилльгардуэн и другие примирители Бонифация с Балдуином. Сам новый император был

лишь первым между знатными вождями; задач местной политики он, видимо, не понимал. Своего канцлера Иоанна Нуайонского он лишился в салоникском походе, во время эпидемии. Греков он открыто презирал. Никита Акоминат — сам государственный деятель, образованный писатель и патриот, живший в удалении, — Балдуина язвительно вышучивает: все-де ему казалось доступно, девизом для него могло быть древнее изречение: «куда пойду, копьем землю разворочу». Отправляясь во Фракию и Салоники, чтобы принять приветствия своих новых подданных, Балдуин не удостоил взять с собою никого из греков воинского или гражданского звания и всем желающим отказал. В этом он сходился с латинскими вождями и баронами, считавшими воинскую доблесть своим прирожденным свойством и не признававшими ее у других народов. Не было к ним доступа ни музам, ни харитам, представителям наук, греческой образованности и искусств. Поэтому, заключает Никита, эти варвары были столь необузданны, и гнев у них перевешивал рассудок[8].

При таком отношении к грекам латинянам было трудно рассчитывать на их содействие. Его они и не искали, и не принимали в расчет. Легко захватив империю, они на первых порах надеялись легко ее и удержать, они рассматривали ее как Богом данную обетованную землю, которая могла устроить еще многих рыцарей. В то же время, озираясь на свои поредевшие ряды (смертность была велика от болезней), вожди видели недостаток людей. Балдуин неоднократно и официально писал на Запад, например в Германию, вызывая оттуда рыцарей и ратников, и подкрепления бесспорно прибывали. Из одной Кремоны приехало 1000 человек. Успех имело и письмо Балдуина в Палестину. Известия о богатой добыче и неслыханной удаче франков привлекли 100 рыцарей с оруженосцами, приехавших из Сирии и Палестины вместе с папскими легатами Петром Капуанским и Соффредом. Большинство их были участники четвертого крестового похода. Балдуин их принял с радостью и одарил ленами в малоазиатских областях, франками еще не занятых: Атталию он отдал тамплиерам, часть Неокастро — рыцарям ордена иоаннитов, Филадельфию — родственнику нового никейского герцога, графа Блуа.

Широко, щедро раздавая земли на окраинах, Балдуин не считался с теми местными динатами и соседями, чьи интересы могли быть нарушены, чья подозрительность могла быть с основанием возбуждена. Что завоевателям, новым господам, будет трудно и опасно, в Константинополе, по-видимому, не рассчитывали. Если завоевана самая столица, то как не справиться с каким-либо Дидимотихом? Примирить с собой столицу после разорения ее святынь, духовенство и служилые, образованные классы после разрушения греческой империи и захвата св. Софии было трудно. Наоборот, латиняне предпочитали террор, и, схватив в провинции ослепленного Мурзуфла, они свергли его в Константинополе с Феодосиевой колонны. Вместо казни узурпатора убийцы закололи государя, получилась в глазах населения предопределенная издревле гибель императора: на рельефах колонны нашли изображение этой страшной сцены.

Не считаясь с верхними классами, новое правительство могло бы опереться на низшие, изнывавшие при Ангелах от государственных и властельских налогов, натуральных повинностей, беззакония, экономического и торгового упадка страны. При умелой политике франки могли бы явиться избавителями простого народа, но они оказались не дальновиднее будущих хозяев страны — турок. Рыцари не думали о народе у себя в Европе, тем более в покоренной иноверной Романии. Венецианцы, хотя и зная страну, но оставаясь купцами, эксплуатировали свои новые владения систематически и беспощадно, и на их землях народу жилось хуже, чем на императорских. О притеснениях баронов, грабежах и беззакониях проскальзывают известия в западных же источниках. Латиняне не использовали на первых же порах ни социальных противоречий старого строя, как не применили к нуждам своего нового государства западных симпатий среди византийской аристократии, тяготения к рыцарству со

времен царя Мануила.

Игнорируя греков, латинское правительство ничего не сделало на первых порах, чтобы заключить союзы с исконными врагами греков. Сельджукский султан Кей-хозрев, изгнанный из Икония своим братом, прибыл в Константинополь, но франки не удостоили его своей поддержки. Между тем он скоро получил обратно свой престол, и франки упустили случай приобрести могущественного союзника в тылу малоазиатских греков. В Адрамиттии местные армяне встретили брата императора с восторгом, помогая ему против греков, но латиняне ушли, армяне с семействами последовали, пока латиняне не бросили их во Фракии, и армяне (20 000) были вырезаны греками.

На северной границе отношения складывались первоначально в пользу константинопольских франков. Родопы были не заняты политически болгарами после гибели князя Иванко (ок. 1200 г.)[9]. Калоянн был в войне с Венгрией, искал поддержки у папы и не думал о нападении на латинский Константинополь.

В этом самом ноябре 1204 г. происходили важные события в его столице. В Тырнов прибыл папский кардинал-легат и привез Калоянну грамоту Иннокентия. Увенчались успехом многолетние хлопоты Калоянна о признании его царем и архиепископа Тырновского — патриархом, что знаменовало признание политической и церковной самоятельности от Византии. Правда, папа прислал ему знаки королевского достоинства и назначил главу Болгарской Церкви примасом, оговариваясь, что примас с предоставленными ему правами поставлять епископов, варить мυро и выезжать с выносным крестом равен патриарху. Калоянн в ответном письме называл себя, однако, императором и архиепископа Болгарии патриархом. Так как переговоры Калоянна с папой велись уже несколько лет еще при существовании Греческой империи, то и при завершении их осенью в 1204 г. с обеих сторон были высказаны пожелания и взгляды, не вполне уместные после латинского завоевания. Папа даже послал Калоянну знамя, предназначенное для войны с теми, кто устами чтут крест, сердцем же далеки от него, т. е. имел в виду не венгров и не латинян, а греков.

Основание Латинской империи в Константинополе не замедлило отразиться на союзе болгар с папой. Калоянн добился от курии всего, что она могла ему дать. Но ему мало было независимости от Византии, теперь к тому же утратившей политическую самостоятельность; предпринятые перед курией шаги были скорее средством к достижению высшей цели — утверждению Болгарского царства и по другую сторону Балкан. Гибель Греческой империи открывала перед ним новые горизонты. В сравнении с пришельцами-франками он увидел себя главою туземного населения Фракии. Постоянным стремлением болгар к югу объясняется старательное усвоение ими греческой церковности и образования: уносились в Болгарию святыни, строились церкви, вызывались мастера. Созидались царство и общественность, возможно равноценные греческим их прообразам. Теперь наступил исключительно благоприятный момент сделать дальнейший шаг, и толчок был дан, по-видимому, самими греками. Греческая аристократия Фракии сама предложила Калоянну стать во главе движения против франков и венецианцев.

Никита Хониат настаивает, что не Калоянн явился инициатором движения против латинян, но греческая военная знать, имевшая земли во Фракии. Тщетно греческие аристократы обращались и к Бонифацию, и к Балдуину с предложением своих услуг. Латиняне не сочли нужным предоставить им участие в делах их государства. Рыцарские дружины носили слишком замкнутый характер и не допускали в свой состав посторонние элементы. Получив безусловный отказ, греческие служилые люди отправились к Калоянну, хотя он был исконный враг империи, неоднократно разорявший ее северные области.

Сверх того, оказывается из Акомината да и из латинских источников[10], что и сам Калоянн

был не менее оскорблен латинянами. Он отправил перед тем посольство к императору с изъявлением дружбы, но получил в ответ, что они, франки, — наследники греческого царства, а он узурпатор и вассал, не имеющий права считать себя равным латинскому императору. Они даже угрожали опустошить его страну и возвратить его в рабское состояние, из которого он вышел. В этом ответе отразилась и фикция перенесения на латинского императора прав константинопольских царей, выраженная в усвоении титула Semper августаus (послание Балдуина папе, составленное легистом, канцлером Иоанном Нуайонским), и высокомерие рыцарей по отношению к полуварвару, и, вероятно, сознание непримиримости их политических интересов, ставшее ясным прежде всех у Бонифация.

Только что признанный и помазанный папой король или царь не мог помириться с тем, что ею ближайшие соседи не считают его равноправным монархом, его нацию — членом европейской семьи народов. Он, может быть, почувствовал, что именно его успех перед Иннокентием повлиял на резкость полученного ответа. Соглашения здесь не могло быть. Притом франки наступали, и Филиппополь был ими занят в том же месяце, когда Калоянн короновался в Тырнове.

Вместе с тем Калоянн чувствовал свою силу: малочисленность рыцарей была ему известна. Преемник древних болгарских царей мог смотреть на франков как на узурпаторов пришельцев. Не мог же он разделять точку зрения барона де Брасье, что франки — потомки троянцев и Константинополь — троянское наследство. Ему о его правах говорили греки. Он принимал посольства греков не только из Фракии, но и из Пелопонниса, от всех его городов, по известию самого Вилльгардуэна, объявлявших его своим императором и предававших греков его власти[11].

Калоянн не упустил момента. Явившихся к нему греков он отослал, по словам Никиты, в их города, приказав готовить восстание и ожидать его на Пасху.

Советники Балдуина лучше бы сделали, если бы послушали Бонифация и пошли совместно на Калоянна, с которым они тогда могли справиться при помощи венгров. Будь Бонифаций на константинопольском престоле, дела бы приняли иной оборот. Вместе того удаление Бонифация в Салоники и Грецию разбило силы латинян на две части. Опасности с севера они не замечали. Между тем состоялся фактически союз греков с болгарами, столь редкий в истории Балканского полуострова. Сношения Калоянна простирались и далее на Восток, вероятно, по мере успеха, латиняне перехватили его письма к туркам и малоазиатским грекам и копии отправили на Запад[12].

Не подозревая опасности, в том же ноябре латиняне посылают из Константинополя четыре партии лучших рыцарей для овладения своими новыми землями. Уезжают храбрецы Петр Брашейль и Пайен Орлеанский со 120 рыцарями на юг Мраморного моря, где они занимают латинскую факторию Пиги и наносят грекам ряд поражений. Брат императора Генрих с таким же отрядом отправляется в свой отдаленный город Адрамиттий и по пути останавливается в богатом Абидосе; затем при помощи армян и даже греческих крестьян овладевает Адрамиттием. 100 рыцарей под начальством Макария Менегу занимают Никомидию, покинутую населением. Ренье де Три со 120 рыцарями занимает Филиппополь и, по словам Вилльгардуэна, был встречен греками с радостью, может быть притворной. Успехи рыцарей в Малой Азии будут изложены в иной связи, как эпизод в истории образования Никейского царства. Они были кратковременны, и центр событий 1205 г. лежит во Фракии.

С уходом лучшей части рыцарей в столице остались, по словам Вилльгардуэна, император Балдуин, знатный граф Блуа (новый герцог никейский) и два старика: граф Гугон Сент-Поль, прикованный подагрой, и дож Дандоло, подагры никогда не знавший. В феврале 1205 г. умер граф Сент-Поль и похоронен в Манганском монастыре, в самой гробнице красавицы Склирены. Смерть его послужила сигналом к восстанию в Дидимотихе, отданном ему в лен. Люди его

были избиты греками. Захвачена соседняя Орестиада и уделы мелких баронов, рассыпанные по окраине Фракии. Латиняне, только что водворившиеся в своих ленах, частью перебиты, частью бегут по направлению к столице. Весть о восстании быстро доходит до Греции, делая латинян более скромными, по словам Никиты. Бегут бароны. Венецианский гарнизон Адрианополя очистил этот главный пункт. Храбрый комендант Цурула на время остановил бегущих, выступил навстречу грекам и, заняв Аркадиополь, нанес неорганизованным грекам кровавое поражение, «никто из них не удостоился погребения"; все же и он не удержался и отступил в свою крепость. Случилось даже, по выражению Вилльгардуэна, «странное происшествие», рисующее деморализацию рыцарей. Ренье де Три в своем Филиппополе был оставлен сыном и родными, бежавшими в столицу; эти рыцари попались грекам и были пересланы Калоянну, в числе 30, который их казнил; и никто из франков о них не пожалел. Ушли и другие в большем числе, так что Ренье остался охранять Филиппополь и Стенимак всего с 25 рыцарями, но своего поста не оставил. Грозные вести с севера застали императора врасплох. Прибывающие беглецы увеличивали смятение. Посоветовавшись с Блуа и Дандоло, император решил идти на Адрианополь со всеми наличными силами, послав вперед Вилльгардуэна, и немедленно отозвать все отряды, высланные на Восток. Все достигнутые в М. Азии успехи были принесены в жертву. Вилльгардуэн всего с 80 рыцарями подошел к Адрианополю, но все население скрылось за стенами, на которых развевались знамена Калоянна.

Балдуин не дождался брата и рыцарей, «посланных на юг. Быть может, он рассчитывал предупредить Калоянна под Адрианополем; может быть, им овладела рыцарская ярость. С никомидийским отрядом у него оказалось всего 140 рыцарей». И всего с 140 рыцарями выступил против болгарского царя и восставшего населения. За ним следовал Дандоло с таким же числом венецианцев. Под стенами Адрианополя они испытали нужду. Всю страну занимали греки в большом числе. Приближался Калоянн с валахами, болгарами и 14 000 куман (половцев), диких наездников[13]. На Вербное воскресенье сам граф Блуа отправился за провиантом с знатнейшими рыцарями и большей частью латинян, но у одной крепости был отбит греками. Всю Страстную неделю франки приготовляли стенобитные машины и вели подкопы и так встретили Пасху, «малые числом и в скудости». Армия Калоянна приблизилась. Вилльгардуэн был оставлен охранять лагерь, а император с главными силами выступил вперед и ждал нападения врагов. Калоянн сам остерегся напасть на строй рыцарей, но выслал вперед куман, которые нанесли франкам потери. На пасхальный четверг куманы опять напали и опять вызвали среди рыцарей беспорядок, на этот раз имевший роковой исход. Сам знатный граф Блуа кинулся за половцами и позвал за собою императора. Заведя франков за две мили, половцы обернулись и осыпали рыцарей стрелами. Тяжко раненный Блуа не оставил поля битвы. «Не дай Бог, меня упрекнут, — сказал Блуа, — что я убежал с битвы и оставил императора». Балдуин, окруженный врагами, приказывал своим отступить, но сам этого не сделал. Очевидцы передавали Вилльгардуэну, что ни один рыцарь не защищался лучше в долгом бою, чем император Балдуин, пока не был захвачен живым. Граф Блуа остался убитым на месте. Пали епископ Вифлеемский Петр и ряд знатнейших рыцарей. Спасшиеся прискакали в лагерь в полном беспорядке, лишь Вилльгардуэн, выступив вперед со своим отрядом, сдержал беглецов. Армия Калоянна — половцы, влахи, греки, бывшие в передовых полках, — однако, не напала на лагерь. Ночью Вилльгардуэн и слепой Дандоло отступили на Родосто кратчайшим путем к морю, забрав всех раненых, Вилльгардуэн прикрывал отступление. Лишь несколько рыцарей в панике ускакали прямо в Константинополь и своими известиями вызвали ужас: все полагали, что с императором погибло все войско. Отступавшие с Вилльгардуэном франки достигли г. Памфила, где застали значительный отряд рыцарей, спешивший из Анатолии на помощь, и не могли сообщить известий более печальных, так как погибли сюзерены многих рыцарей,

опоздавших их выручить от смерти. Рыцари плакали горькими слезами и били себя в грудь. Заменив утомленный отряд Вилльгардуэна, рыцари из Анатолии охраняли отступавших, отбивая наседавших варваров, как добрые воины. Силы Калоянна следовали по пятам. Проведя еще ночь в отступлении, франки подошли к богатому Родосто, занятому греками, которые, однако, не сопротивлялись, и немедленно отправили гонца в столицу, извещая, что войско спасено. Гонец застал в Константинополе пять больших венецианских кораблей, наполненных крестоносцами, готовых отплыть в Европу. 100 рыцарей было между ними, и даже один знатный вассал убитого Блуа. Напрасно кардинал Капуано, начальник гарнизона, и другие лица умоляли уезжающих пожалеть христианство и честь сюзеренов, оставшихся на поле брани. Беглецы остались глухи, и корабли распустили паруса. Ветром их прибило к Родосто, и там вновь Вилльгардуэн и другие вожди со слезами просили пожалеть страну: никогда не представится им случая оказать большую помощь. Беглецы, по-видимому, колебались, но ночью к ним перебежал еще один вассал Блуа, притом из лучших рыцарей, и все уехали в Европу, где их ожидало всеобщее порицание.

Франки ожидали брата императора. Брат императора Генрих спешил к Константинополю из отдаленного Адрамиттия, с нетерпением ожидаемый всеми; по пути он должен был нехотя покинуть на произвол судьбы 20 000 малоазиатских армян, связавших свою судьбу с франками на свое несчастье: греки перерезали несчастных[14]. Не доходя Родосто, Генрих соединился с рыцарями из новых ленов в устье Марицы (между прочим, из монастыря севастократора Исаака в Вире) и с беглецами из Филиппополя, всего до 100 рыцарей и 500 легких всадников, так что он привел значительные силы в Родосто. На следующий день все собрались и провозгласили Генриха правителем империи в отсутствие оплакиваемого всеми его брата, императора. Генриху не было еще 30 лет, но латинянам не пришлось раскаиваться в своем выборе.

Оставив гарнизоны в Родосто и Силиврии, Генрих с войском прибыл в столицу, под стенами которой уже показались половцы Калоянна. Все было потеряно латинянами почти внезапно: остались кроме столицы Родосто и Силиврия во Фракии, а в М. Азии лишь латинская колония Лиги. Все прочее перешло в руки Калоянна и греков.

Настояло оповестить Запад о гибели императора и просить помощи людьми ввиду страшного урона и критического положения империи. Послали епископа Суассонского Нивелона, известного участника крестового похода, и двух рыцарей с письмами прежде всего к папе.

«Случилось, что греки, — писал Генрих Иннокентию III, — которые по прирожденному им вероломству после всяких клятв и ручательств являются всегда склонными к предательству... открыто подняли восстание, которое и раньше замышляли».

Следует рассказать о несчастии императора в битве с полчищами Иоанницы (Калоянна), вызванного теми же греками.

«Не знаем, — пишет Генрих далее, — кто взят в плен, кто убит. Узнали от лазутчиков и по верным слухам, что государь мой император жив и здрав и довольно прилично содержится Иоанницей. Знайте, что с тех пор, как мы вступили в пределы греков, и до того несчастного сражения, сколько бы на нас ни нападало и как бы нас мало ни было, всегда мы уходили с торжеством и победою. Такая неизмеримая утрата произошла по безрассудной нашей смелости и по грехам нашим... Маркиз де (Бонифаций) и де Три (в Филиппополе) держатся в своих владениях невредимы».

Сам Генрих надеется на свои силы, но опасается союза Калоянна с турками, о чем свидетельствует перехваченное письмо Калоянна[15], посылаемое папе. Сам Генрих «смело уверен», что выдержит козни и нападения врагов и может еще долго ждать подкреплений.

«Но вот, — пишет он, — случилось то, чего мы опасались и о чем давно говорили открыто:

это обнаруживается из письма этого влаха (Калоянна), содержащего союз его с турками и прочими врагами креста Христова, захваченного нами вместе с его посланным и посылаемого к вашему святейшеству на обоих языках».

Какие разумеются языки, не ясно, и самое письмо до нас не дошло. Генрих не сомневается в поддержке папы ввиду интересов церковной унии с Востоком и ради Св. Земли. Одно зависит от другого — таково общее мнение христиан на Востоке, в том числе рыцарей тамплиеров и госпиталитов, находящихся вместе с ним, Генрихом, в Константинополе. Преуспеяние Латинской империи означает торжество над всеми язычниками и врагами Креста, а гибель ее заставит очистить и ту часть Св. Земли, которая находится в руках христиан. К папе обращаются как к отцу, пишет Генрих, находящиеся в великом утеснении его воины, поклявшиеся положить жизнь свою за Римскую Церковь. Генрих просит послать легатов во все западные страны и даровать тем, кто отправится в Константинополь, такое же разрешение грехов, какое дано крестоносцам в Св. Землю[16].

Отношение Иннокентия к столкновению между латинянами и болгарами весьма характерно и далеко не свидетельствует о том, чтобы он горячо принял к сердцу просьбу Генриха и рыцарей. Он пишет Калоянну почти льстивое письмо, ссылаясь на особую благодать (gratia), которой он, Римский Папа, отличил болгарского царя среди всех монархов христианских, и на свои заботы о его чести и интересах. Благодаря заслугам его матери Римской Церкви, которой Калоянн смиренно посвятил свое царство «как частное достояние св. Петра», он и достиг славного торжества над теми, кто старались его серьезно обидеть. Папа послал ему венец и военное знамя и продолжает охранять его от опасностей. Пусть он знает, что на Западе собирается еще более многочисленное войско, нежели то, которое уже прибыло в Константинополь. Пусть Калоянн остерегается попасть между латинянами с одной стороны и венграми — с другой. Поэтому Иннокентий советует Калоянну освободить Балдуина и заключить с латинянами прочный мир, о чем наказывает одновременно и Генриху. В том же самом смысле папа написал и примасу Болгарии. Ответ папы Генриху крайне лаконичен. Своего впечатления от катастрофы латинян он не сообщает, и о мерах, которые он принял по ходатайству Генриха, он ничего не пишет. Никакой инициативы папа не терпел и от Балдуина. Он лишь официально предписывает «знатному мужу Генриху, брату константинопольского императора» заключить прочный мир, для освобождения брата, со славнейшим царем болгар и влахов, ибо для обеих сторон дружба принесет много пользы. Он пишет кратко, «так как нужнее дело, чем слова».

Рыцари, по-видимому, надеялись, что папа объявит Иоанницу врагом христианства и поход против него — столь же богоугодным делом, как завоевание Св. Земли. Папа дал им понять, что он дорожит Калоянном, даже невзирая на его письмо к туркам, как новым членом семьи христианских народов, а Болгарию рассматривает как лен апостола Петра. Быть может, Иннокентий рассчитывал в этой плоскости отношений сделать больше для Балдуина и его империи. Рыцарям было очевидно, что интересы их и Калоянна непримиримы и что болгарский хан, или «Влах», не замедлит показать и папе свое настоящее лицо. Рыцарям было горько читать холодные строки первосвященника, в своих высших соображениях как бы забывшего, что они на чужбине, пришли во имя Креста и только что многие из них с родным братом Генриха и венчанным императором после неслыханного подвига заплатили кровью за свою храбрость. Им, цвету французского и фландрского рыцарства, в ответ на просьбу о помощи советуют заключить мир с убийцей рыцарей, варваром, главою мятежных греков и вонючих куман, приносивших пленных в жертву своим богам.

Положение молодого регента было тяжко. Венецианцы — своекорыстные союзники. В первой половине июня умер престарелый дож Генрих Дандоло и был похоронен в св. Софии.

Его советы были незаменимы. Вновь избранный глава венецианцев на Востоке, подеста Зено, присвоил себе данный дожу титул деспота, подписывался красными чернилами и претендовал на равенство; помощь оказывают венецианцы еще менее; и в 1205 г. при выступлении Генриха в поход не идут с ним, но разоряют побережье Мраморного моря из своих корыстных видов. Еще тяжелее рука венецианцев в церковных делах, как увидим ниже. В то же время Зено подписывает запрещение венецианцам отчуждать свои земли в руки не венецианцев.

Но скоро Генрих урегулировал отношения императорской власти к венецианцам. Им пришлось пойти на уступки. Флот Генуи, их давнишней соперницы на Востоке, угрожал все еще не занятому Криту и Ионическим островам — самым ценным колониям Венеции. В самой республике обнаружились трения, недовольство чрезмерными претензиями венецианского «подеста Романии» в Константинополе. Последний стал во главе новой колониальной империи венецианцев на Востоке, возникла даже мысль перенести правительство республики из Венеции в Константинополь. Власти метрополии действовали энергично. Западное побережье Греции было изъято из компетенции подеста Романии, и в Диррахий (Дураццо) был послан особый губернатор с титулом дуки.

В самом Константинополе действовали более осторожно. Подеста Зено продолжал носить гордые титулы, которые, в сущности, принадлежали дожу; вместе со своим советом из шести членов он мог даже ограничивать права граждан Венеции в распоряжении их собственностью, запретив отчуждать их недвижимость в чужие руки. Но права колонии в отношении выбора нового подеста были метрополией существенно ограничены, и преемник Зено, Яков Тьеполо, оказался настолько связанным, что прибавляет перед титулом слова «по поручению дожа» или «вместо дожа».

Генуэзская опасность, заставившая венецианцев особенно дорожить доступом в гавани империи, и раздоры между Венецией и ее константинопольской колонией позволили Генриху заключить с венецианским подеста в октябре 1205 г. важный договор[17], которым гарантировалось единство власти в военных делах и упразднялось существовавшее со времени похода особое положение венецианцев. Императору предоставлялось начальство над всеми вооруженными силами как франков, так и живших в империи венецианцев. Ежегодно все рыцари (milites) обязаны являться по зову императора и быть под его знаменами с июня по Михайлов день, кроме порубежных вассалов, которым нужно защищать свои земли. Но в случае вторжения чужого монарха (разумеется, конечно, в первую голову Калоянн) никому никаких льгот не полагалось. Все рыцари, имеющие лены в империи, как франки, так и венецианцы, должны присягнуть в соблюдении ими их военной обязанности. Император является не только верховным военачальником, но и правителем империи. Он имеет право и обязанность принимать меры и производить расходы немедленно и во всякое время для обороны и поддержания государства[18]. Трудные времена заставили рыцарей и венецианцев организовать верховную власть с правом инициативы и исполнения во всех внутренних и внешних делах империи.

Не над императором, но рядом с ним — формально при нем — поставлена другая власть, фактически существовавшая и прежде, ныне вводимая в рамки. При императоре заседает совет, состоящий из подеста с его шестью советниками и из неопределенного числа магнатов, т. е. сюзеренов, франков. Духовенство как сословие и рыцари в нем не представлены. Из двух союзных элементов, венецианцев и франков, по крайней мере создан общий государственный орган, за которым оставлены державные функции, вытекавшие из совместной оккупации, из условий основания Латинской империи. Совет этот не только определял единодушным своим решением (consultum) вместе с императором необходимость, время и продолжительность созыва ополчения, но имел также право, как и император, инициативы в делах обороны и

управления. Император обязан исполнить все, что постановлено советом по собственному почину. Отнюдь не прикровенно объяснена обязанность императора тем, что он получил на свою долю четверть территории империи именно для того. В этом случае представителем учредителей империи является совет, император же — крупнейший дольщик, несущий обязанности главы исполнительной власти. Император не имеет права отнять лен у кого-либо из рыцарей, равно как рыцари не могут нарушать прав императора: обе стороны сопоставлены на равных договорных началах. В случае конфликта дело переходит на суд особо для того избранного жюри, назначенного как франками, так и венецианцами, и император обязан явиться на суд лично и исполнить постановление суда, обязательного для обеих сторон[19]. Призывается он к суду «увещанием» вышеозначенного своего совета[20], которому таким образом принадлежит не только свободная инициатива в делах гражданских и решающий голос в вопросах объявления войны и созыва ополчения, но и контроль за действиями императора.

Акт 1205 г. как основанный на равновесии договаривающихся сторон, опирающихся на реальные силы, мог бы быть настоящей конституцией, какой не знала почва Византии со времен автономной греческой колонии; он заключал в себе начала новые, вытекающие из недавней оккупации страны теми же силами, которые им регулируют свои отношения — каковы бы ни были аналогии в организации франкских государств Леванта. Вполне чуждые византийским традициям, эти договорные начала были способны к здоровому развитию и могли выработать при благоприятных условиях средневековый парламент. Но сам акт краток и полон несовершенств. Его составляли не юристы, не церковники, но военные люди под влиянием острой нужды охранить государство. Начал представительства ни высших, ни низших сословий в совете нет вовсе. «Магнаты», хотя и украшенные придворными титулами, заседают по личному праву. Советники подеста вместе с ним не представляют, но составляют правительство венецианских колоний Романии и могут своим несогласием не только формально, но и фактически остановить военные планы императора. Акт лишь формулирует реальное соотношение сил, вскрывая недостаточность организации, напоминающей Польшу. Конфликт между императором и советом разрешается всегда в пользу совета, а между императором и вассалом — судом, для избрания которого нужно созвать рыцарей, т. е. сейм. Составленный на скорую руку договор 1205 г. важен был для нужд момента, давая Генриху возможность организовать оборону империи всеми наличными силами латинян.

Для того он не поскупился на уступки и гарантии венецианцам. Он обязался не допускать в пределы империи всех, кто находится в войне с Венецией (т. е. генуэзцев), и гарантировал венецианцам свободный доступ и проживательство во всех своих владениях, равно как неприкосновенность недвижимой собственности всякого гражданина республики, хотя бы не имевшего на свою недвижимость письменного документа. Все содержание акта Генрих утвердил своей присягой, и акт скреплен подписями членов его совета, о котором шла речь в тексте, — он уже фактически существовал. Реальных новых ограничений императорской власти договор 1205 г. вряд ли вводил. Наоборот, энергичный император имел основание рассчитывать на естественное усиление власти: вымирали старые влиятельные вожди, открывалась возможность опереться на рядовое рыцарство и низшие классы населения пришлого и туземного. Ведь почва Византии была пропитана традициями самодержавной власти.

Военные дела тем временем неожиданно изменились к лучшему. Летние жары заставили половцев вернуться за Дунай. Калоянн с частью восставших греков ушел на запад против Бонифация. По дороге он осадил Серее, и латинский гарнизон, потеряв начальника, капитулировал под условием свободного пропуска; но новое чадо Римской Церкви Калоянн не замедлил нарушить слово: рыцарей раздели донага и в оковах погнали в Болгарию, где главнейших обезглавили. Салоники Калоянну взять не удалось, он к этому и не приступал, но

разорял страну. Бонифаций, отсиживаясь за крепкими стенами города, «много печалился». Франки не замедлили выступить во Фракию, покоряя вновь возмутившихся греков. Расправа была жестокая. Вперед был выслан особый конный полк, который, по Никите, назывался ротой (ρουτα). Венецианский флот отправился отдельно берегом Мраморного моря и в Пании и Галлиполи действовал с греками образом, «чуждым христианским нравам». Вслед за ним выступил Генрих с главными силами. Взяты венецианский удел Аркадиополь, Цурул, Виза, Апр. Особенно в последнем городе рыцари, недостаточно дисциплинированные, устроили резню и гнали пленных, как скот, прикалывая отстающих и слабых. Подошли к главному городу и цели похода — Адрианополю (Орестиаде). Сильно укрепленный двойным рвом и высокими стенами Адрианополь был занят греками, которые наотрез отказались сдаться. Несмотря на храбрость рыцарей, их штурм был отбит, и болезни заставили снять осаду. Осень войска Генриха провели в области Родосто. Пытались взять Дидимотих, но наводнение Марицы разметало их осадные машины. Между тем де Три, все еще державшийся в Филоппополе с несколькими рыцарями, узнал, что многочисленные в его городе павликиане или манихеи, по-видимому, вернее армяне[21], передались на сторону Калоянна. Теперь на развалинах греческого царства заявляет себя армянский элемент, самостоятельная роль которого не сыграна до сих пор в бассейне Мраморного моря. Религиозные и племенные враги греков, армяне при проходе крестоносцев поспешили высказать свои чувства и приветствовали Барбаруссу. Мы уже упоминали, что малоазиатские греки[22] передались на сторону Генриха и заплатили за то своею кровью. Может быть, этот последний факт, а еще вернее — признаки поворота греков в сторону латинян после разорения болгарами Фракии побудили «павликиан» предать свой город Калоянну. Три ночью оставил Филиппополь, поджег армянский квартал и занял твердыню Стенимак с горстью своих храбрецов. Генрих же, заняв гарнизонами Русий, Визу и Аркадиополь, отдал город Апр фракийскому аристократу Феодору Врана, единственному, по словам Вильгардуэна, греку, державшему сторону франков. Он и женился на Агнессе Французской, сестре короля Филиппа Августа и юной вдове двух греческих царей. Врана выделялся из той фракийской аристократии, которая хотела служить латинскому императору, и заставил с собою считаться. Его род происходил из Адрианополя, известен и в XIV и в XV в. Между греческими крупными землевладельцами-властелями, наложившими свою руку на судьбы монархии Комнинов и Ангелов, выделился ряд мелких динатов, на развалинах греческого царства утвердивших свое благополучие и новую политическую роль. Одни из них, как упомянутый Врана, действовали через латинян и под их флагом. Прочнее оказалось, но труднее на первых порах было положение тех, кто опирался на свой народ, как Ласкарь.

Незначительные успехи франков сменились в 1206 г. страшным вторжением балканских горцев, кочевников Калоянна, истребивших всякую культуру во Фракии. Последствия этой катастрофы не изгладились до наших дней, и, путешествуя по стране, мы видим руины на месте многих цветущих городов. На Рождество показались под столицею стаи половцев, следовали горцы влахи и болгаре, их новые подданные греки. Отборный отряд рыцарей в Русии с сенешалом и маршалом де Лос во главе погиб, окруженный врагами; богатый и укрепленный Родосто был оставлен латинским гарнизоном, и город, один из лучших в империи, был сровнен с землею, а жители уведены на Дунай. Та же участь постигла соседний Паний, родину Приска, историка Атиллы; Даоний, приморскую Ираклию, взятый штурмом Апр (Врана спасся) и крепость Цурул (Чорлу). Везде и планомерно все население угонялось в Болгарию на Дунай, стены же и постройки городов разрушались до основания. Не соблюдались никакие условия, на которых сдавались местные греки. С клятвами и обязательствами Калоянн вообще не считался. Страшные вести произвели панику в Константинополе, где думали, что все погибло. Действительно, они были бессильны перед стихийным нашествием северных варварских

элементов на Фракию, разорение которой Калоянн вряд ли мог остановить. Но он этого и не хотел, истребляя греческие города и уводя их население к Дунаю, где возник ряд греческих поселений с именами фракийских городов. Кроме Визы, Силиврии и столицы, занятых рыцарями, а также укрепленных Адрианополя и Дидимотиха, удержавшихся в руках греческого населения, все во Фракии погибло, рыскали лишь дикие звери.

Катастрофа Фракии явилась поворотным моментом в настроении греков. Они опомнились — хотя и поздно, — увидев настоящее лицо Калоянна, ими нареченного желанного императора, на сторону которого склонился сам старый патриарх Иоанн Каматир, скрывшийся в Дидимотих. Калоянн теперь хвалился именем Грекобойцы, припомнив царя Василия II Болгаробойцу. Греки толпами начали покидать лагерь Иоанницы. Уцелевшие их архонты (крупные землевладельцы) снарядили Михаила Костомира с товарищами в Константинополь к Ф. Врана, прося его стать посредником между ними и Генрихом. Они уже сами предлагали латинскому императору Адрианополь и Дидимотих, прося лишь не отдавать эти города венецианцам: настолько последние угнетали население. Генрих вошел с греками в соглашение и отдал на ленном праве оба города Феодору Врана и его супруге Агнессе Французской. Точнее, Генрих заставил сделать это самих венецианцев. В венецианских архивах сохранилась грамота[23], по которой подеста венецианцев Зено назначает капитаном Адрианополя и всего округа до реки Кавротома[24] счастливейшего кесаря и благороднейшего Комнина Феодора Врана, под условием платитьежегодно 25 фунтов мануиловских червонцев и выставлять, по требованию подеста, 500 всадников, из коих 200 панцирных, не притеснять венецианцев, живущих в Адрианополе; всякие новые приобретения земель делить с венецианцами полюбовно. В действительности этот акт был последствием соглашения между императором, верховным сюзереном венецианцев в Романии, и новым политическим главою фракийских греков; иногда Врана называется даже королем адрианопольским, по крайней мере на Западе; его положение приравнивалось к таковому Бонифация. В одном недавно изданном письме[25] папы Иннокентия латинскому патриарху предписывается лично совершать миропомазание всех королей в константинопольской империи: разумелись вассалы на положении монархов. Таковым был кроме Бонифация лишь Врана. Королевство этого латинского ставленника было непрочно и по смерти его перешло к одному из героев четвертого крестового похода, Конону Бетюнскому.

Фракийские греки получили от императора более, чем просили, — по крайней мере явно — монарха-грека, из фракийских архонтов. Теперь они могли дать отпор Калоянну. Другого выбора не было. Северная Фракия трепетала перед полчищами Калоянна. Ранее разорения Южной Фракии та же участь постигла Филиппополь, оставленный Три. Жители только что провозгласили царем архонта Алексея Аспиета, одного из местной служилой знати, бывшего губернатора Филиппополя, как под стенами показалась армия Калоянна. Не помогли грекам лесть и унижение, они сдались на капитуляцию. Калоянн и его болгарский патриарх поклялись оставить греков живыми, что не помешало им немедленно казнить Аспиета, архиепископа и архонтов, жителей увести в Болгарию, город сровнять с землею. Когда теперь Калоянн подошел к Дидимотиху, греки, не переставая величать его своим императором, не впустили его в город. Калоянн повел правильную осаду — у него были мастера и опыт брать крепости. Греки отбивались храбро, но слали гонцов за гонцами к Генриху, донося, что едва могут держаться. При этом случае обнаружилось несовершенство военной и государственной организации Латинской империи, и после акта 1205 г. Генрих и совет требуют похода, рыцари долго не идут, указывая на то, что их осталось всего 400 рыцарей во всей империи Генриха. Наконец выступают, но на каждом этапе остановки. Только получив известие, что город накануне сдачи, франки двинулись, но не на Дидимотих, а на Адрианополь, угрожая сообщению Калоянна с Болгарией. Вероятно, это обходное движение франков испугало Калоянна, и он, сняв осаду,

отступил через горы. Франки не могли его нагнать. Генрих приказал освободить герцога Три, отрезанного в Стенимаке с горстью рыцарей от всякого сообщения с Константинополем более года. Лишь лучшие рыцари отважились на поход через вражескую страну. Рыцари Три, осажденные греками, уже ели своих лошадей и не верили глазам, видя своих. Встреча была радостная, но Стенимак пришлось латинянам очистить. Север Фракии остался в руках греков.

Три сообщил Генриху известие о гибели Балдуина в плену. Обстоятельства смерти его остались темными, на Западе сложились легенды, и даже появился самозванец в родовых владениях Балдуина. Вероятнее связывать вслед за Никитой Хониатом смерть первого латинского императора с катастрофой Филиппополя, когда казни следовали за казнями. Балдуину отрубили руки и ноги и сбросили тело его в пропасть; из черепа Калоянн сделал себе чашу — таковы греческие известия. Достоверные известия о смерти Балдуина внесли ясность в положение регента. Поход был удачен, Генрих оправдал ожидания, оставалось оформить его положение коронацией. Армия немедленно и с торжеством вернулась в столицу. Коронация энергичного Генриха означала усиление императорской власти. Венецианцы делали поэтому затруднения. Но у них была война с Генуей и конфликт с папой, а Генрих опирался на легатов Иннокентия и единодушное желание франков. Венецианцам пришлось удовольствоваться немногим. Император перед коронацией был должен подтвердить присягой договоры 1204 и 1205 гг. с венецианцами; границы их доли были несколько урегулированы; Генрих отдал патриарху Морозини знаменитую икону Богородицы Одигитрии, которую тот не уступил, однако, своим землякам венецианцам, но поместил в св. Софии[26].

После коронации в св. Софии среди всеобщего ликования в конце августа 1206 г. Генрих имел случай выступить против болгар с еще большим успехом, военным и политическим. Узнав о назначении Врана, Калоянн не замедлил отомстить грекам, захватил и разрушил дотла Дидимотих. Жителей он приказал отправить в Болгарию. Греки немедленно обратились к Генриху и получили на этот раз скорую помощь. При приближении Генриха болгары уже бежали. Он гонится за ними, переходит их границу, берет их города Веррию (Старую Загору), Крину и Влисимо и в долине Тунджи отнимает 20 000 пленных греков с богатой добычей. Пленники с их пожитками в целости доставляются в Адрианополь, причем в войске Генриха оказывается дисциплина, нет насилия, ни грабежа. Теперь греки уже уповали на Генриха как на своего государя. Им была предоставлена честь отбивать их родичей в авангарде Генриха.

«Пришлось отказаться от мысли восстановить стены Дидимотиха, так основательно они были разрушены болгарами. Но попутно Генрих уладил личное дело, обещавшее, впрочем, большую пользу для империи, — брак с дочерью Бонифация. Порешили с послом салоникского короля, что невеста прибудет в Константинополь зимою. Генрих же не терял времени. Он отправил во Фландрию письма, прося прислать 600 рыцарей и 10 000 воинов, — в такой цифре он оценивал нужные империи новые силы. Затем в третий раз за этот 1206 г. он выступил против болгар. Несмотря на осень, он перенес войну в Восточную Болгарию, разоряя в свою очередь страну Калоянна. Города Агафополь, Анхиал и Фермы, теплые воды у Бургаса, которым равных нет во всей вселенной, по словам Вилльгардуэна, — все было разорено франками дотла. С наступлением зимы Генрих вернулся в столицу и в феврале с большою пышностью в Вуколеонском дворце отпраздновал свою свадьбу с юной дочерью Бонифация.

Успехи Генриха заставили сплотиться его врагов. Нападения Калоянна и Ласкаря в 1207 г. были, несомненно, согласованы, и месяца не прошло со свадьбы Генриха, как Калоянн двинулся на Адрианополь. Защищавшим свой город грекам пришлось очень круто, так как император, занятый борьбою с Ласкарем, не мог подать им помощи. Снова хищные всадники Калоянна разоряли Фракию; но болезни и недостатки провианта заставили болгар отступить в свои горы. Генрих лишь тогда освободился, когда заключил с Ласкарем двухлетнее перемирие на

невыгодных условиях (малоазиатские дела будут изложены в иной связи). Для императора всегда была важнее плодородная Фракия, уже занятая и поделенная, чем его земли на азиатском берегу, которые предстояло еще завоевывать.

Летом 1207 г. войска Генриха со свежими силами вторглись через долину Тунджи в горную порубежную область к востоку, заселенную влахами. Скот и хлеб были в изобилии, и франки взяли богатую добычу; но после одной опасной схватки в горах Генрих отвел войско обратно в долину Марицы. Прибыли послы Бонифация, стоявшего недалеко в Македонии, и предлагали личное свидание монархов. Впервые после разрыва Бонифация с Балдуином представился случай урегулировать отношения между императором и королем, ставшими недавно зятем и тестем. Почва была подготовлена. Осуществлялись хлопоты маршала Вилльгардуэна и его единомышленников, старавшихся об единении латинян; но главной причиной события было усиление императорской власти, политические успехи Генриха».

Бросим взгляд на судьбы государства Бонифация до этого момента. При вступлении в Салоники «маркиз», как его называют обыкновенно источники, был принят жителями без сопротивления, так как он, по словам Никиты Хониата, умел использовать обстоятельства и скрывать свой злокозненный и двуличный характер. По Вилльгардуэну, город был вручен Бонифацию рыцарями, оставленными Балдуином. Во всяком случае, Бонифаций хотя обложил богатых горожан денежными взысканиями и отдал лучшие дома своим рыцарям, но широко применял в своих новых владениях ту политику единения с греческой знатью, которую он тщетно старался внушить императору Балдуину. Выступая в поход, он брал с собою царевича Мануила Ангела, сына жены своей Марии Венгерской (которой пришлось все-таки снова быть присоединенной к латинству кардиналом Соффредом). Впереди храброй, но разноплеменной дружины Бонифация, в которой преобладали ломбардский и немецкий элементы, «расчищали дорогу», по выражению Никиты, многочисленные греческие аристократы. В такой политике Бонифаций видел залог успеха. В тех же, вероятно, видах он принял бывшего царя Алексея III Ангела, того самого, который изменнически ослепил во Фракии своего зятя и соперника Мурзуфла — «бродяга бродягу», по выражению Никиты. Он ведь был свойственник жены Бонифация. Знаки царского достоинства были у него отобраны и отосланы в Константинополь. Но этот представитель худших свойств семьи Ангелов завел немедленно интриги при дворе Бонифация, и тогда ему было указано проживать в фессалийском торговом городе Алмире, где у его жены Евфросинии были богатые имения. Но он и здесь не успокоился и продолжал интриги сначала с владетелем Коринфа Сгуром, за коего выдал дочь, вдову Мурзуфла, затем с Михаилом Эпирским. Потеряв терпение, Бонифаций отправил его с женой, присоединив и своего пасынка Мануила, на Запад. Он предназначал Алексея императору Филиппу и его супруге Ирине Ангел, отца которой Исаака этот Алексей некогда свергнул с престола; но Филипп отказался от такого гостя. Тогда Алексея отправили во владения Бонифация. Впоследствии Алексей бежал сначала к Михаилу Эпирскому, затем, похоронив свою жену в Арте, к султану в М. Азию.

Политика Бонифация могла привлечь часть архонтов, которые вообще не были способны к патриотическому единению перед лицом врага и, усвоив себе еще со времен Комнинов западную роскошь и рыцарские вкусы, были готовы служить франкским сюзеренам до тех пор, пока последние в своей латинской гордости не отталкивали их открыто. Патриот Никита не щадит горьких слов по их адресу. Но он преувеличивает их значение. С Бонифацием выступили осенью 1204 г. добывать славную Ахею и Морею (Пелопоннис) крупные вассалы из Италии, Германии и Франции. Итальянцы Гвидо Паллавичини из Пармы, Гильельмо из Ломбардии, Равано из Вероны; между немцами выделялся граф Каценелленбоген с Рейна, видный участник крестового похода, первый поджегший столицу; фламандский барон Яков д'Авен с двумя племянниками из Сент-Омер, плеяда французских вассалов, из коих славнейшими были виконт

Шамплитт, внук графа Шампани, прозванный Le Champenois[27], и Оттон де ла Рош из Бургундии. Сопровождал дружину трубадур Вакейрас, прославивший поход в своих военных песнях, до нас дошедших. Такой дружине не страшны были греки, в открытом поле. Бонифация ожидал ряд блестящих, но нетрудных успехов. Не считая засады у переправы через Пеней, греки лишь у Фермопил пытались оказать сопротивление, но и то был собственно Лев Сгур, мрачный герой албанского происхождения; а в Средней Греции, в промышленной Виотии Бонифация встретили как избавителя: может быть, отчасти потому, что города были заполнены евреями, не меньшими врагами греков, чем на Востоке армяне. Не столько война, сколько раздача крупных ленов занимала Бонифация в Северной Греции. К северу от Фермопил, ближе к Салоникам, основались итальянцы. «Упомянутый Гильельмо из Ломбардии получил Лариссу и торговый Алмир, с его итальянскими факториями, Гвидо Паллавичини стал маркизом Водоницы и земель до самых Фермопил, и этот крупный лен, «маркизопула», существовал два века. Граф Каценелленбоген получил Велистино с горной областью Великой Влахией. К югу от Фермопил основались, как увидим ниже, французские и фламандские вассалы.

Чтобы объяснить дальнейшие успехи латинян, бросим взгляд на состояние Греции в начале XIII в. Разделенная на три фемы (Эллада, средняя часть Греции с югом Фессалии, островами Евбеей и Эгиной; Пелопоннис, соединенный с Элладой под властью одного протопретора; Никополь, фема, обнимавшая Эпир, Этолию, Акарнанию), Греция и до прихода рыцарей не вся была во власти константинопольского правительства. Не говоря о богатых Ионических островах, захваченных Маргаритоне, адмиралом норманнского королевства в Сицилии, и его зятем графом Маттео Орсини, внутри материка не все области пускали к себе византийских чиновников. В середине XII в. горные области Северной и Средней Греции были заняты влахами, которые спускались зимою со своими стадами с отрогов Пинда в области Ламии и в самую Виотию, жили там и наводили ужас на греков. Конец XII в. и начало XIII в. являются временем большого движения среди этих романских горцев, составлявших — судя по латинским и греческим известиям — главную силу Калоянна, называемого кратко Влахом. В Северной Греции образовалась Великая Влахия без прочной политической организации. При помощи Хриза Просекского, известного из войн греков с болгарами, и его влахов честолюбивый протостратор Мануил Камица пытался основать независимое государство в Фессалии. Императору Алексею Ангелу удалось справиться с ним, лишь переманив на свою сторону Хриза.

В Пелопоннисе, в горах Аркадии и Лаконии, уцелели независимые славяне, вернее, вернувшие себе независимость с ослаблением империи в конце XII в. Хребет Тайгета именуется в латинских источниках горою славян. Здесь обитали племена мелингов и езеритов, которые играли, как увидим, большую роль в судьбах латинских мелких государств в Морее. Их внутреннюю организацию следует представлять себе в виде племенных волостей с родоначальниками-старейшинами во главе[28]; в соответствии с их преимущественно пастушеским бытом должен был сохраняться исконный славянский семейно-родовой строй. Горный хребет славян-мелингов представлялся грекам большой волостью, или дронгом, с неприступными ущельями и большими землями внутри, на верху гор, населенных людьми, «дерзкими» и не признающими над собою господина. Кроме мелингов упоминаются езериты, жившие в болотной местности по лаконской реке Эвроту, кривичи в Мессении и скортины на плоскогории Аркадии. Крепость Скорта (ср. Скодру в Албании) оказала латинянам отчаянное сопротивление. Что касается цаконов, живущих в глухих углах юго-восточного Пелопонниса до сих пор, то они являются потомками лаконян, как указывает их огрубевшее дорийское наречие и даже самое имя. Греческое и огреченное население Мореи жило под властью архонтов, или крупных собственников. Борьба императоров Македонского дома с крупным землевладением

была безнадежна, что видно даже из тона императорских новелл. XII в. характеризуется торжеством крупной земельной аристократии и церковного землевладения. Всегда провинциальные магнаты стремились захватить в свои руки правительственные функции, начиная со сбора податей. Слабость центральной власти при Ангелах сопровождалась политическим усилением местной земельной аристократии, особенно в отдаленных провинциях. К приходу латинян Эллада находилась в состоянии дезорганизации в руках архонтов, враждовавших между собою. Картина эта распространяется не только на села, но и на укрепленные города: противоположности между деревней и городом не было на чисто греческих землях, и крупные властели жили не только в своих замках, но и в городах. В Монемвасии, например, жили три семьи служилых архонтов, Софиано, Мамона и Евдемоноянни, и являлись опорою вольностей Монемвасии. Стратиотов-архонтов мы видим и в вольной Янине. Конечно, богатство этих патрициев могло быть основано столько же на торговле, сколько на земельной собственности. В составе греческих архонтов были члены фамилий, близких к престолу. В Мессении и Фессалии известны крупные, упоминаемые в договорах с венецианцами земли Кантакузинов, Врана, Мелиссинов, семьи Алексея III Ангела. Но выделяются личною энергией мелкие динаты, бесспорно, с тенденциями политической самостоятельности: люди, опиравшиеся на свою дружину, личную энергию, переходившую в жестокость и вероломство: типы еще менее культурные, чем рыцари Бонифация, не менее храбрые и могшие стать народными героями, если бы они не были столь корыстны. Таков владетель земли в Лаконии Лев Хамарет, герой исторического романа Рангави; утверждавшиеся на Истме Петралифы выводили свой род даже с Запада. Знаменитейшим представителем этих полумонархов, полуразбойников, потомков по духу античных тиранов, был Лев Сгур, называвший себя севастои-пертатом на своих печатях с изображением Феодора Стратилата. Сын архонта Навплии, он усилился во время мятежа Камицы. В 1202 г. он захватил Аргос обманом, затем напал на Коринф, взял его, а митрополита Николая, пригласив на обед, приказал ослепить и сбросить со скалы. Он распространил свою власть и на Аттику и даже взыскивал с афинского населения корабельный налог, как властели взыскивали казенные подати со своих крестьян. Сгур даже открыто напал на Афины. Красноречивые увещания митрополита пропали даром. Но Сгур не мог взять скалу Акрополя и, разорив все кругом нее (1203), двинулся на Виотию, овладел страной и городом Фивами и через Фермопилы подступил к Ларисе. Казалось, что ему суждено было сделаться независимым государем Греции. Проживавший в фессалийском городе Алмире удаленный от двора Бонифация бывший царь Алексей Ангел поспешил войти в сношения со Сгуром и выдал за него дочь, вдову Мурзуфла. Успехи Сгура не были продолжительны. Его корыстолюбие и жестокость были страшны самим грекам. Мы видели, что Афинский митрополит Михаил Акоминат дал ему отпор. Брат митрополита историк Никита называет Льва Сгура «звероименным» (θηριωνομος), как некогда звали иконоборца Льва V Армянина. Греческие патриоты, интеллигенция в лице деятелей Церкви была глубоко враждебна Сгуру после предательского убийства им Коринфского митрополита. При наступлении рыцарей Сгуру не сплотить было греков. Жестокость его доходила до того, что ему ничего не стоило убить мальчика, заложника из Афин, своей разбойнической дубиной за разлитый кубок вина. Стоя в Фермопилах, он знал, что в тылу его Виотия предпочтет рыцарей его разбойничьей власти. При приближении рыцарей он бежал из Фермопил в свою твердыню Акрокоринф, «самый красивый и царственный замок в Романии». Франки, обложившие его под начальством Якова д'Авен, не только не могли взять этого «зверя, укрывшегося в свое логово», но сами страдали от его вылазок. Скорее для собственной защиты они выстроили напротив Акрокоринфа свой замок Монтексье ("гордость горы"). Таков был Сгур, архонт Навплии.

У греков были еще духовные пастыри, но что могли противопоставить франкам образованнейшие, лучшие из них, кроме слова, не подействовавшего и на Сгура? Жизнь знаменитого Афинского митрополита и церковного писателя Михаила Акомината (Хониата), его переписка и проповеди ярко рисуют обстоятельства, при которых латиняне могли легко овладеть страною, не боясь народного восстания.

Старший брат историка и государственного деятеля Никиты Акомината Михаил получил наилучшее образование в столице, под руководством самого Евстафия, впоследствии митрополита Солунского, знаменитейшего византийского эллиниста и автора схолий к Гомеру; в доме Евстафия он даже жил. Михаил вращался в высших образованных кругах столицы, близких к патриархии и ко двору Комнинов; перед ним прошла целая галерея фигур писателей и ученых, начиная с самого Евстафия и комментатора Аристотеля Евстратия до жалких, хотя и плодовитых, стихоплетов Цецы и Птохопродрома. Проведя в такой среде свою юность, наполненную ученым филологическим трудом, Михаил попал в афинские митрополиты (1182?). Прибыв в город, дорогой для эллиниста, и поселившись на самом Акрополе в Пропилеях, Михаил произнес свою первую проповедь в Парфеноне, обращенном в храм Богородицы Афинской, потомкам славных афинян. Речь была в литературном отношении блестящей, но ее, кажется, никто не понял. Присмотревшись, он увидел перед собою полунищих и невежественных провинциалов. Что значили эллинские идеалы и примеры Перикла или Демосфена для людей, кто не всегда имел кусок хлеба? Судя по известиям самого Михаила, афиняне обнищали, вероятно, особенно после нашествия Рожера Сицилийского, уведшего с собою последних мастеров. В городе не осталось ни слесарей, ни медников, некому сделать повозку получше простой телеги. Не осталось ткачей, еще обогащавших соседнюю Виотию. Земледелие было в упадке, тощая земля не родила хлеба. На первых же порах он был свидетелем голода в стране, когда пшеничный хлеб ели два-три человека, и то «вместе со слезами бедняков» (т. е. крестьян). Прочие довольствовались ячменным, но и тот был не у всех. Близость моря была не в помощь, но на гибель: на соседних островах утвердились пираты, которые грабили даже церковные имения безвозбранно. Еще были в Аттике старые маслины, варилось мыло, делалось терпкое вино, ловились возле пурпурные раковины, но все это не вывозилось морем, все лучшее шло в Виотию. Город и область обезлюдели, взрослые поразбрелись, остались больше старики, женщины и дети.

Такой пастве было не до филологии и проповедей. Потомки афинян даже отвыкли от правильной греческой речи; у них появились слова, дико звучавшие для уха Михаила. Лишь на третий год он научился их наречию. Не пришлось ему поддерживать неугасимым светоч просвещения, как он обещал в своей первой воскресной проповеди. Духовенство было невежественно; рядом с собою он должен был терпеть безграмотного келлария. Нравы духовенства были грубы, приходилось разбирать постоянное сутяжничество, горько жалуется митрополит на «поповскую негодность». Нравы паствы были дики, сообразно невежеству. Приходилось разбирать дела о том, что накануне свадьбы жених сошелся с матерью невесты, и оба просят повенчать их, забыв первую помолвку.

Состояние самого города было плачевное.

«Вижу я, — говорил митрополит претору Дрими, — что и ты смотришь не без слез на Афины, утратившие не только древний блеск... но и самый вид города. Ты видишь стены поврежденные или совсем уничтоженные, дома разобранные и самые места их распаханные... Обширный город представляет почти необитаемую пустыню. В таком варварском состоянии город не был и после персидского нашествия. Ты не увидишь даже развалин Гелиэн, ни Перипата, ни Ликея, сколько бы ни старался; лишь разве на холме Ареопага голую вершину узнаешь только по ее имени. От Разноцветной Стои есть еще малые остатки, на них пасется

скот, и самые кирпичи изъедены временем».

Противоречие между блестящим прошлым и мрачною действительностью особенно остро чувствовалось в Афинах того времени и наполняло душу Михаила горечьюежедневно, чем дальше, тем больше. Оно вылилось в его стихах, эпиграмме «На картину древних Афин», содержание которых заключено в одной фразе: «Живя в Афинах, я нигде Афин не вижу»[29].

Краски несколько сгущены. Еще существовало несколько античных зданий, превращенных в церкви (Ники Бескрылой, Эрехфей[30] в Акрополе, Фисион, ставший церковью св. Георгия в Керамике); византийские церкви в античных Пропилеях и Парфеноне украшены были фресками и мозаиками; византийской постройки церкви Капникарея и Горгопико и посейчас украшают Афины. До Акомината окрестности изобиловали монастырями: Кесарианы на склоне Гиметта с царственным видом на острова и целый ряд других, перечисленных в акте передачи латинскому архиепископу. Местные святые (Мелетий) оживили монашескую жизнь. В Грецию ездили учиться, и иерархи выставили ряд славных в свое время литературных имен. Но все это относится ко временам Комнинов, когда и сама страна была богата и даже могла хлебом помогать Константинополю. Во времена же Акомината монастыри запустели, и монахи на Гиметте забросили свои пчелиные улья; в Афинах не у кого было учиться, известия о западных и грузинских студентах в Афинах — плод исторического недоразумения, смешение Афин с Афоном, и даже ложь, плод былой славы афинских школ.

Само правительство во многом было виновато в положении Греции, упразднив со времен Иоанна Комнина постоянный флот, защищавший от пиратов, и возложив еще во времена Македонской династии содержание чиновников западных провинций на местные средства. Поэтому «законнейшая и спасительная власть», обращается митрополит к претору Дрими, являлась фабрикою беззакония от фессалийских Темп до самой Спарты и, исходя из Фессалии, славившейся лекарственными травами со времен волшебницы Медеи, изливала на Элладу и землю Пелопса всякое беззаконие, как некие яды. Так отзывается митрополит Афинский о деятельности протопреторов Эллады и Пелопонниса. Хуже вымогали заместители преторов и второстепенные чиновники, «как дикие звери, пожиравшие целые села со всеми людьми». Среди преторов были лица с добрыми намерениями и старавшиеся урегулировать налоги. Так, претор Просух удостоился панегирика от митрополита. При нем были сложены казенные недоимки и пересмотрены кадастры для предупреждения излишних поборов с крестьян ("бедных"); но и после Просуха афинским плательщикам приходилось хуже, нежели фиванцам и коринфянам. Принимал меры и претор Дрими, также восхваляемый Михаилом. Когда этот претор предпочел перейти на службу в Константинополь, митрополит осыпал его упреками, как врача, покинувшего трудного больного. Сам Михаил имел на это право, оставаясь на своем посту, где ему было тяжелее, чем кому-либо, в безнадежной борьбе с грубой действительностью. Михаил, наоборот, настолько сжился с паствой, что от лица обездоленной провинции обвинял столичных жителей в недостатке патриотизма и центр империи — в бедствиях окраин.

«Вы, изнеженные константинополъцы, — пишет он, — даже не хотите высунуться за городские стены и ворота, ни посетить своих ближайших соседей, но лишь посылаете сборщиков податей и «звериные зубы», по слову Моисея. В чем вы, нуждаетесь? Разве хлебородные Фракия, Македония и Фессалия сеют не для вас? Не на вас ли идет евбейское, хиосское и родосское вино? Не для вас ли ткут одежды фиванские и коринфские руки? Разве не все богатства многими реками сливаются в одно море — столицу? Чего же ради вам выезжать куда-либо и менять привычный образ жизни, если возможно не мокнуть на дожде, не жариться на солнце, но сидеть дома и пользоваться без труда всякими благами?»

Акоминат, конечно, не о церковных имуществах хлопотал. И с ними было, правда, много

неприятностей, к ним протягивали руки даже его свойственники Велиссариоты. Митрополит защищает всю страну. Ее разоряют пираты, но меры правительства против пиратов обходятся стране дороже. Против грозного пирата, генуэзца Каффаро, посылается перешедший на царскую службу бывший пират, калабриец Стирион. Для постройки кораблей взыскивают с афинян деньги сам Стирион, затем претор и даже упомянутый Лев Сгур, причем не считаются с нормами, установленными надлежащим ведомством. Более богатые Фивы смогли выхлопотать хрисовул, освобождавший их от корабельной подати. Более бедные афиняне платят больше всех. Хотя бы деньги пошли на дело, но адмирал Стрифн не только вошел с пиратами в долю, но и распродал корабельные материалы им же. Таково было управление на море.

Для суши приведем отрывок из прошения митрополита самому царю (так как письма к различным сановникам мало помогали). Некогда населенная область наша, докладывает митрополит[31], обратилась почти в скифскую пустыню по причине многих притеснений, тяготящих на ней более, чем на остальных западных провинциях (катшттн). Много раз измерялись наши песчаные и бесплодные участки почти шагами блохи, чуть не пересчитывались волоса на головах наших, тем более каждый лист лозы или иного растения. Далее, жалуется митрополит, все подати взыскиваются в Афинах беспощаднее, чем где-либо, а в частности корабельный налог, которого не заплатили ни Фивы, ни Эврип. Самые привилегии Афин оказались им во зло.

«Мы не будем жаловаться на взыскание поземельной подати, на разбой морских разбойников. Но как могли бы мы без слез рассказать о преторском вымогательстве и насилии! Так как претор не имеет никакого отношения к нашей маленькой области — ни по взиманию податей, ни по отправлению преторской юрисдикции, — ибо царская золотая грамота воспрещает ему самый вход в Афины, то как бы из уважения к золотым грамотам он придумывает посетить нас ради «поклонения» (святыне, ради богомолья). Он является во всеоружии, с целым сонмом своих слуг, привлекая и местных трутней, разных продажных людишек, как будто собравшись сделать вторжение в землю неприятельскую и варварскую, он добывает себе пропитаниеежедневным грабежом и хищением. Впереди его, говоря словами Писания, **бежит гибель**, так называемые «приемщики», они требуют на каждый день по 500 медимнов жита для людей и лошадей, им нужны целые стада овец, целые стаи птиц и все виды морской рыбы, а вина такое количество, что столько и не наберется на наших виноградниках... Сверх того, они еще требуют за это платы себе, как будто какие благодетели, и платы не плохой какой-нибудь и маловесной, но такое количество тяжелого золота, которое могло бы удовлетворить желания ненасытной души их. Затем является сам претор, и, прежде чем совершить свое поклонение Богоматери, на одного он накладывает руки за то, что тот будто бы не вышел ему навстречу, другого запирает в тюрьму и подвергает пене по другой причине. Таким образом, угощавшись нами столько дней, сколько ему заблагорассудится, он требует себе челобитья (буквально: поклонного) — не знаем, потому ли, что мы ему поклонились, или потому, что он сам поклонился Богородице, — и не только он сам того требует, но и казначей, и протовестиарий, и протокентарх, и далее вся его свита. Он заявляет нам, что не прежде поднимется отсюда, как собственными руками получив, что следует. Мы усердно просим и клянемся, что не иначе можем внести это, как сделав общую складчину. Он мало-помалу смягчается и, оставив сборщика, долженствующего взыскать деньги, собирается в дальнейший путь. Но потом — редкое вьючное животное уйдет от повоза (ямской повинности). А еще хуже — иное, будучи взято под предлогом ямской повинности, продается потом собственному хозяину, да не один раз, а часто и дважды. И всякая скотина, какого бы то ни было рода, похищается и потом продается (своему же хозяину) или взятая совсем уходит»[32].

В письме[33] к своим родственникам Велиссаристам, близким к правительству, Михаил

умоляет пощадить Афины, как ромэйское владение, и оказать милость, безвредную для казны.

«В Афинах сколько наберет претор? Ясно, что почти ничего. Чего ради взыскивать с нас почти 10 фунтов золота, а в действительности мы разоряемся вконец, платя во много раз больше?»

Видя такое бедствие Афин, такую безотрадную картину, добрый пастырь готов был бежать со своего поста, и другие на месте Акомината так и поступили бы. Правда, его прошение царю вызвало ревизию. Присланы были слепой логофет Каматир и слишком зрячий упомянутый адмирал Стрифн, который и в Афинах присматривался к золотому голубю над алтарем в храме Богородицы, так что митрополит в проповеди указывал Стрифну, что он может обогатить себя в других местах, а с Афин ему взять нечего.

Стоило ли проливать кровь за византийские порядки в безнадежной борьбе с Бонифацием? Виотия с ее промышленным населением приветствовала рыцарей. Митрополит Афинский, по словам его брата, мог бы защитить город, как он отразил Сгура, но он не пожелал, зная про падение Константинополя. Вероятно также, что, защищаясь от иноземцев во что бы то ни стало, митрополит не встретил бы поддержки в своей разоренной пастве, которая, наоборот, могла надеяться на известный порядок под властью латинян. Михаил сдал Акрополь — все, что осталось от Афин, — Бонифацию без борьбы. Бонифаций отдал город в лен своему французскому вассалу Оттону де ла Рош, получившему уже Виотию. Афинская митрополия не была пощажена. Храм был ограблен, как и константинопольские святыни. Богатую библиотеку митрополита постигла та же участь. Назначен был латинский епископ. Михаил, занимавший кафедру 23 года, удалился сначала в резиденцию Бонифация Салоники, потом на остров Кеос, где окончил свои дни в бедности. Он пробовал вернуться в Афины, но увидел, что там ему уже нечего делать. Все его надежды были обращены на национального никейского царя. Однако на предложения переехать в Никею он отвечал отказом: разбитый болезнями, пережив своих родных, он предпочитал умереть, видя перед собой, хотя на горизонте, свои любимые, несчастные Афины.

Другие местности Греции имели некоторый, местами еще значительный достаток, и простой народ, привыкший к вымогательствам чиновников и властелей, жил своими мелкими интересами, не обременяя себя идеями былого величия, которые так тяжко лежали на душе просвещенного Акомината. В Виотии и после норманнского вторжения, когда Рожер увлек с собою лучших мастеров в Сицилию, все еще существовало шелковое производство, на месте же выделывались дорогие ткани, продававшиеся, между прочим, в Константинополе. Равнина около населенных укрепленных Фив была засажена тутовыми плантациями и доселе слывет под именем Морокампо (тутовое поле). Плодоносная Фессалия снабжала столицу хлебом и вином; из торговых пунктов важен был особенно Алмир, упоминаемый путешественниками арабом Едризи и евреем Беньямином Тудельским. Последний обстоятельно исчисляет еврейские колонии в городах Греции; они были многочисленны и, по-видимому, богаты. На острове Евбее город Халкида описывается как полный купцов со всего света. В Пелопоннисе, или Морее, франки нашли 12 укрепленных городов. У подножия твердыни Акрокоринфа лежал торговый город с шелковыми мануфактурами; богат был еще и Патрас, но его торговля находилась в руках евреев и венецианцев. Укрепленные города обыкновенно были расположены на скалах, но кругом были плодородные равнины. Наибольшую роль в истории латинского завоевания имела Монемвасия ("город с одним входом"); в этом городе был торговый флот, богатые церкви и чтимая икона Христа Влекомого (на распятие). Плодородная Мессения через ее порты Модон (Мефона) и Корон вывозила оливковое масло, и с Короном в этом отношении не мог сравниться ни один город в свете, передают венецианские известия. Замениший древнюю Спарту средневековый город Лакедемония был обнесен прочными стенами с башнями. В Аркадии

упоминается крепость Никли и к югу от древнего Мегалополя город со славянским именем Велигости.

Жемчужиной Греции были Ионические острова. Из них Корфу еще в 1191 г. внес в царскую казну 1500 фунтов золота, или 9 миллионов нынешних драхм, больше, чем дают современному королевству все острова. Ко времени четвертого крестового похода Ионические острова уже не принадлежали империи. Корфу было захвачено генуэзцем Ветрано; в Кефаллонии в 1204 г. правил граф Маттео Орсини, вассал сицилийского короля и зять адмирала Маргаритоне.

На материке Греции внешняя торговля находилась в венецианских руках, хотя мы имеем сведения о кораблях из Монемвасии и с острова Евбеи. Торговому и экономическому господству Венеции в греческих гаванях положили начала привилегии, данные еще Алексеем I Комнином; его второй преемник Мануил, в противовес Венеции, покровительствовал генуэзским купцам. Но Венеция умела бороться за свои рынки, и в 1199 г. Алексей Ангел (со странствованиями которого мы познакомились выше) даровал венецианцам право свободной торговли и жительства не только на островах и в портах, но и в ряде городов внутри Морей, Средней и Северной Греции. По договору между участниками похода 1204 г. Греция должна была достаться Венеции. В экономическом отношении переход Морей к Венеции был вполне подготовлен; но в настоящий момент республика не имела достаточно вооруженных сил, чтобы осуществить завоевание полуострова.

Бонифаций не имел перед собою равносильного врага. Его шествие по Северной и Средней Греции было победоносно. Его придворный трубадур воспевал рать рыцарей, переходившую реки, горы, бравшую города и крепости. Скромные вассалы становились полунезависимыми государями с гордыми титулами исторических, издревле славных городов. Сын простого бургундского рыцаря Оттон де ла Рош, оказавший Бонифацию личные услуги в переговорах с императорами Балдуином и Генрихом, стал «как бы чудом» герцогом афинян и фиванцев; греки звали его Μεγας κυρ, «великий господин». На первых порах афиняне пробовали передаться венецианцам, но вскоре примирились с владычеством франкских государей. Бургундский государь Афин пересаживал на почву Аттики феодальные порядки. Но в то время как в Морее князь был сначала лишь первым между равными среди нескольких крупных вассалов, при дворе Оттона мог претендовать на самостоятельное положение один лишь Сент-Омер, а прочие бургундцы были рядовые рыцари и выходцы простого звания. Ни в Виотии, ни в Аттике нет великолепных замков сильных баннеретов. Род самого де ла Роша разросся и пустил корни в Греции; в Афинах образовался многочисленный двор. Не осталось в Аттике и сильной греческой знати, об архонтах не слышно и ранее Оттона. Владения его обнимали и Мегариду и часть Локриды, Аргос и Навплию; с севера его владения граничили с маркизатом Водоницы. Со стороны эпирских греков владения Оттона были безопасны, но на море по-прежнему господствовали пираты, и поездка в Коринф считалась путешествием в Ахеронт, загробное царсгво.

У подножия Парнасса рыцарь Сгромонкур, пожалованный г. Салоною, выстроил гордый замок — его развалины еще существуют — и, присоединив г. Галаксиди, положил начало династии сеньоров, чеканивших собственную монету. Фландрский рыцарь д'Авен получил Евбею, которая, впрочем, скоро перешла в руки трех веронских рыцарей, а потом одного из них, Равано Далле Карчери, владевшего и Эгиной.

Успехи Бонифация в Средней Греции были остановлены осадой Коринфа, где Сгур успешно отбивался ог Оттона де ла Рош Афинского и д'Авена Евбейского и в одной вылазке даже последнего ранил. Сам король Бонифаций осадил Навплию, и здесь при его благосклонном участии было решено самое блестящее предприятие франков — завоевание Пелопонниса, или Мореи, как он стал называться. Термин прилагался первоначально к Элиде, соседившей с

поселениями славян, и если его не выводигь от славянского Поморья, он остается загадочным.

Знаменитая Морейская хроника, дошедшая на разных языках, передает краски, но путает события и хронологию. История Вилльгардуэна, переписка Иннокентия, венецианские докуменгы позволяют восстановить действительную нить событий.

Племянник маршала Романии и историка, носивший то же имя Годефруа Вилльгардуэна, отправился в Палестину и там услышал о взятии Константинополя. Поспешив туда за славой и добычей, молодой Вилльгардуэн был прибит бурею к берегам Пелопонниса, к гавани Модону (древняя Мефона в Мессении). Там пришлось ему перезимовать. Сами греки побудили предприимчивого рыцаря основаться на полуострове. Некий знатный архонт, в когором Гопф угадал Иоанна Кантакузина, зятя царя Исаака Ангела, замешанного в интригах около царского престола, явился к Вилльгардуэну и предложил ему вместе завоевать себе земли в Морее. Не первый и не последний из греческих аристократов призывал чужестранных воинов из личной корысти; анархия по падении столицы казалась законной.

Хитрый старый архонт рассчитывал нанять себе рыцарей на счет чужих земель, других архонтов и императорских, но оказалось, что он положил начало чужеземному господству в своей стране.

Первые успехи союзников были быстры в Элиде и Ахее; богатая Андравида и Патры достались почти без сопротивления. Но в начале 1205 г. старый Кантакузин умер, и его сын Михаил, увидя опасность, отказался от договора, так что Вилльгардуэн остался один с горстью рыцарей. Страна восстала; Михаил Кантакузин вошел в сношения и со Сгуром, и с Михаилом Эпирским (о нем см. ниже); угрожала национальная лига доселе враждовавших архонтов. Но Вилльгардуэн разобрался в политических условиях страны, увидел ее богатство и военную слабость греков и, будучи по природе храбрым рыцарем, не задумался проехать через вражескую страну к Бонифацию, стоявшему лагерем у Навплии. Король звал его в свою дружину, но Вилльгардуэн уклонился: у него было свое крупное дело. Он пришел к вассалу Бонифация Гильому Шамплитту (Le Champenois), внуку графа Шампани. Его Вилльгардуэн считал своим сюзереном, будучи родом из Шампани.

«Государь! — сказал Вилльгардуэн Шамплитту. — Я пришел из страны весьма богатой по имени Морея, и если вы желаете взять с собою всех людей, которыми располагаете, и покинуть лагерь, то отправимся с Божией помощью добывать в ней земли: и ту часть, которую вам будет угодно дать, я буду держать в качестве вассала и служилого человека».

Так началось завоевание Пелопонниса. Шамплитт не замедлил согласиться, и король Бонифаций охотно отпустил своего вассала на подвиг, обещавший франкам новую славу. Шамплитт и Вилльгардуэн выехали из лагеря с сотней рыцарей и многими воинами простого звания, конными и пешими. Теперь греческие архонты Морей и Месареи (Элиды и Аркадии) должны были заплатить за свою измену, не будучи в состоянии справиться с рыцарями в открытом поле. Открытая Элида была вновь завоевана; в Аркадии горные крепости еще оказывали упорное сопротивление. В руках греков еще оставалась юго-восточная часть полуострова. Все они теперь поднялись против франков из Лакедемонии, Никли, Велигости; в помощь к ним спустились с гор независимые славяне-мелинги и прибыл с северного берега Коринфского залива эпирский деспот Михаил. Рыцарей вместе с конными сержантами было 500 — 700 человек, против них собралась масса в 4000 — 5000 конного и пешего ополчения. Но искусство и храбрость победили число и на этот раз. Оставив обоз в Модоне, рыцари напали на врагов в маслинной роще у Кундура и разбили их наголову; сам деспот позорно спасся бегством в Эпир. После этой битвы греки уже не выступали против франков в открытом поле. Их города сдавались на капитуляцию один за другим, и рыцари держали слово, оставляя за туземцами их имущество. Они не разоряли страну, как хозяева не уничтожают свое достояние. Пала крепость

Скорта в Аркадских горах, гнездо героя Доксопатра, оставшегося легендарным богатырем в памяти латинян: его кираса весила четыре пуда, передает арагонская редакция Хроники. И дочь его осталась в памяти как героиня, убившая себя, чтобы избежать бесчестия. Держались еще укрепленные города Никли (Амиклы), Велигости, Лакедемония, Акрокоринф, гнездо Сгура, и неприступная Монемвасия. Но страна была уже во власти франков. Король Бонифаций был отозван на север известиями о вторжении болгар, и господином положения в Пелопоннисе остался Шамплитт, которого папа уже называет князем Ахеи (1205 — 1209).

Правда, господство над побережьем пришлось разделить с венецианцами, к которым полуостров должен был отойти по договору между участниками крестового похода. Гавани Пелопонниса были решительно необходимы для Венеции не только ради местного значительного вывоза, но и как морские станции для торговли со всем Левантом. Тогда корабли плавали месяцами, придерживались берега и часто имели остановки для снабжения провиантом и водою. Поэтому в 1206 г. республика послала флот под начальством Премарини и Реньера Дандоло. Модон был взят, и стены были срыты венецианцами; а Корон, также отнятый ими у слабого франкскою гарнизона, был занят венецианским отрядом и стал цветущею важною колонией республики.

Успехи франков объясняются отчасти их военной доблестью и искусством, хотя личная храбрость была и у греков, выставивших Сгура и Доксопатра и других национальных героев. Возможность утвердиться в стране для немногочисленных франков объясняется прежде всего равнодушием масс к перемене режима. Архонты и чиновники слишком угнетали народ, чтобы он жалел о них, по крайней мере на первых порах. Была одна большая битва, в которой масса не устояла, были защиты крепостей, где гнездились архонты, но не было упорной народной войны. Жители не жгли своих домов и не уходили в горы. И Шамплитт со своим маршалом Вильгардуэном могли начать устраивать новое государство.

Организация франков в Морее была чисто военная: они должны были держаться постоянно наготове. Раздача ленов и определение сроков службы, равно как выставляемого каждым вассалом контингента, были первыми заботами правительства. Все это было урегулировано не сразу, и Морейская хроника опять смешивает события, сообщая притом ценные реальные детали. Мы уже знаем, что франки не лишали архонтов их земель, но взяли себе императорские, казенные территории как «излишек"; и архонтам, и сдававшимся жителям городов, и крестьянам-парикам оставлены их земли и последним — прежние повинности. Уезжая во Францию в 1209 г. для принятия бургундского наследства после брата, первый князь Ахеи Шамплитт оставил своим наместником племянника Гюи де Шам, но предварительно составил для распределения ленов комиссию под руководством маршала Ахеи, инициатора занятия Мореи, Вильгардуэна. Комиссия была составлена из двух bannerets (вассалов с правом отдельного знамени), двух латинских епископов и 4—5 греческих архонтов. Выработанный комиссией акт был утвержден Шамплиттом, причем Вильгардуэн получил Аркадию и Каламату взамен Корона, отошедшего к Венеции. Наместник (баил) Гюи де Шам скоро умер, и его место занял Вильгардуэн. Его правление окружено в Морейской хронике легендой, как он перехитрил посланного из Франции баила, и Иерусалимские ассизы подтверждают, что Вильгардуэн овладел престолом хитростью и обманом. Но он был способен править, и новое государство нуждалось в его опыте и дарованиях. В 1209 г. Вильгардуэн созвал парламент в Андравиде, на котором был прочтен и утвержден реестр, или книга ленов. Крупнейшие лены находились не в городах, но в стратегических пунктах горных областей, на славянском рубеже. Там были выстроены заново замки, предназначенные держать в страхе окрестную страну. Первым в книге ленов был записан мисер Готье де Розьер, барон Аковы в Аркадии, и его замок назывался Матагрифон, или «Грекобор». Ему были даны 24 рыцарских лена. Второй барон

построил себе замок Каритену в «дронге» Скорты, бывшей твердыне героя Доксопатра, с 22 рыцарскими ленами, и сеньоры Каритены играли большую роль в истории франков. Эти два замка господствовали в долине р. Алфея. Прочие вассалы были значительно менее крупными, от 4 до 8 рыцарских ленов, и они защищали преимущественно ущелья и дороги с гор. Вместе с двумя ленами самого Вилльгардуэна получилось 12 крупных вассалов, по числу баронов Карла Великого. Сверх того, получили лены духовные вассалы: архиепископ Патр и примас Ахеи Антельм де Клюни — по 8 рыцарских ленов и 6 латинских епископов по 4; три рыцарских ордена получили также по 4 рыцарских лена, расположенных отчасти на землях князя ахейского в Элиде и Вилльгардуэна под Каламатой. Наконец, большое число рыцарей и сержантов (sergeants de la conqueste) получили по одному лену.

Утвердив раздел земель, парламент в Андравиде занялся организацией военной службы. Морейские франки дали более власти князю, чем в Константинополе вассалы императору на первых порах. Время созыва на службу определял в Ахее князь, что было в Константинополе предоставлено императору лишь в случае вторжения «чужого монарха». Все ахейские франки были обязаны служитьежегодно по 4 месяца в походе и по 4 месяца в гарнизоне; лишь достигшие известного возраста (60, по другому известию — 40 лет) могли ставить вместо себя сына или другого заместителя. Баннереты с 4 рыцарскими ленами ставили по 10 рыцарей и 12 сержантов, а за каждый лен сверх 4 ставили по рыцарю или по 2 сержанта.

Судебная организация была основана на обычном феодальном праве. В княжество был доставлен экземпляр знаменитых Ассизов Иерусалимского королевства; и сохранилась позднейшая, XIV в., редакция «Книги обычаев империи Романии». При князе было две палаты — высшая и низшая. В высшей, кроме 12 баннеретов (φλαμποιραριοι) и других вассалов, заседали латинские епископы (кроме дел о смертоубийстве) под председательством епископа Оленского, ближайшего к княжеской резиденции Андравиде. Кроме того, не раз упоминаются в Морейской хронике горожане (βουργησαιοι), под председательством «виконта"; впрочем, состав и организация этой низшей курии в Ахее менее ясны, и иногда «горожане» являются представителями населения, призываемыми в дополнение к епископам, баннеретам и рыцарям в важнейших случаях. При дворах главнейших вассалов, бесспорно творивших суд в своих владениях, были какие-то старейшины, и у них были писцовые книги, или, по-гречески, практики. Так было в баронии Аковы, крупнейшей и отчасти обнимавшей заселенные славянами области[34].

Князь, держа в руках скипетр, председательствовал на высшем суде. В случае отсутствия его замещал канцлер, начальник делопроизводства княжества. Князя окружали: маршал — первым из них был сам Вилльгардуэн, как его дядя в Константинополе; шамбелян (πρωτοβεστιάρος), казначей, коннетабль (κοντόσταυλος), чины феодального двора и начальник крепостей (προβεορης των κάστρων).

Судя по «Книге обычаев» XIV в. и по фактам истории латинской Ахеи, власть князя была сильно ограничена феодальными обычаями, хранителями которых являлись могущественные вассалы. Состав последних в XIV в. изменился с расширением границ княжества, и вместо более мелких в состав «коллегии 12 баронов» вошли новые, более крупные и самостоятельные вассалы. Власть князя была ограничена не только интересами нового военного государства, которому ложный шаг правителя мог стоить дорого, но и личными, основанными на феодальном праве интересами баронов, товарищей по завоеванию страны. Поэтому по крайней мере не в походе, но в мирных условиях полнота государственной власти сосредоточена была в коллегии 12 перов и в распространенном составе Высшей палаты. Как среди своих 12 баронов князь подчас казался лишь первым между равными, хотя и имел скипетр и хотя сановники его двора являлись высшими чинами государства; но и Высшая палата в имущественных делах

являлась судьей между князем и вассалами. Вместе с 12 баронами (и Высшей палатой) князь мог осудить на смерть франка, не говоря о греке; но без согласия баронов князь мог арестовать вассала только в случае убийства и измены; он не мог лишить вассала лена, не мог срыть пограничной крепости без согласия баннеретов; он не мог облагать податями и сборами ни вассалов, ни свободных людей, ни их крепостных без согласия вассалов и свободных. Прерогативы князя определялись, в сущности, интересами военной службы. Поэтому без его разрешения никто не смел строить укрепленных замков, кроме 12 баронов; никто, даже крупнейший вассал, не мог оставить самовольно свой лен и уехать за пределы княжества, но для свадьбы или поклонения Св. Местам все отпускались князем на 2 года. Никто не мог вообще передавать своего лена, особенно Церкви, без разрешения князя — главы военной организации. Несмотря на громадную личную роль Вилльгардуэна в гражданском устройстве княжества и на богатство его и его рода по присоединении владений Шамплитта в Элиде и Лакедемонии, князь как сюзерен и глава дружины конквистадоров заслонял, по крайней мере судя по «Книге обычаев», судью и хозяина, а дела Церкви были вовсе не его делом. На византийскую почву пересаживались иные начала государственного права и устройства. Сила нового княжества была обусловлена верностью князю его вассалов, согласием решающих факторов государства. Ему угрожало столкновение между интересами политическими, воплощаемыми княжеской властью, и интересами феодальной собственности, или владения. Таковое имело место при выходе наследниц замуж, что на беду бывало часто в Ахее, так как в семьях вассалов странным образом оставались редко наследники мужского пола. Наследницы располагали всеми правами и владениями отцов, а вдовы — половиною земель мужей. И так как они выбирали себе мужей свободно, то государство оказывалось бессильным помешать переходу важнейших ленов в слабые и ненадежные руки, что было прямо гибельно для военной организации, каковой было Ахейское княжество.

Низшие слои населения Ахеи, свободные и крепостные (парики), состояли в громадном большинстве из греков. Число мелких самостоятельных рыцарей и «сержантов» было сравнительно невелико. Постоянные войны не давали франкам размножаться. Среди греков пользовались всеми прежними правами архонты Элиды и Аркадии, выговорившие себе полноту гражданских прав, неприкосновенность земель их, населенных париками, и имевшие доступ к управлению: они участвовали в лице 6 и 5 представителей в обеих комиссиях для распределения ленов при Шамплитте, и греки являются постоянными советниками Вилльгардуэна при дальнейшем завоевании страны. Перед завоеванием последних греческих городов архонты просили и получили от Вилльгардуэна подтверждение их имущественных прав и свободу религии, несмотря на захват латинским духовенством главнейших епископий и монастырей.

Положение горожан, сдавшихся франкам на условиях, было без существенных изменений, так как франки соблюдали условия и большинство рыцарей жило не в старых городах, но в замках собственной постройки на своих ленах. Горожане составляли, вероятно, большинство свободных людей, о которых говорит «Книга обычаев».

Ухудшилось положение массы крепостных париков, смотря на обещание Шамплитта. Личные и имущественные права крепостных на рыцарских землях всецело определялись интересами прокормления сеньоров, несших военную службу. Недвижимость крепостного по феодальному праву принадлежала сеньору, который мог отобрать его во всякое время и отдать другому и всегда наследовал крепостному, не имевшему наследников. Браки крепостных разрешаются сеньором, как того требовали интересы хозяйства. Переход из крепостного состояния в свободное не был возможен иначе как по воле князя или при выходе крепостных женщин замуж за свободного; наоборот, свободная женщина при выходе за крепостного теряла прежнее состояние. Показание крепостного грека против рыцаря не принималось во внимание в

уголовных делах. Известные имущественные гарантии остались за париками Ахейского княжества и по феодальному праву. Их на практике не сгоняли с их участков, но поощряли их хозяйство. Они могли продавать свой скот, пасти его на горах, рубить лес. К сожалению, мы не знаем, были ли крепостные записаны во франкских практиках, содержавших распределение ленов, вроде тех, которые были в руках «старейшин» баронии Аковы; не знаем, сколько крепостных дворов входило в состав нормального рыцарского лена. По позднейшим документам о церковных ленах Патрской архиепископии видно, что «вилланы» упоминались при уступке рыцарского участка наряду с виноградниками, мельницами и другими доходными статьями недвижимости. Судя по тому, что франками при Шамплитте были захвачены царские и казенные земли, то, поскольку таковые были вообще возделаны, они были заселены париками, записанными в казенных практиках, и Шамплитт подтвердил за ними прежние нормы податей и повинностей. Хотя крупные бароны имели свой суд, но права жизни и смерти над крепостными не получил ни один барон Ахейского княжества; он мог арестовать парика лишь на одну ночь по закону. В гражданских делах принимались показания крепостных против вассалов.

В области церковной организации латинских государств в Греции светская власть являлась не менее существенным фактором, чем папская курия. Папа освящал, утверждал своей первосвященнической властью основание новых церквей, рассылал архиепископские мантии и издавал канонические определения; но князья с баронами распоряжались весьма самоуправно церковными имуществами и доходами и даже определяли их на первых порах, далеко не уступая латинской Церкви все то, чем владела Греческая. Далее, по отношению к покоренному населению новая церковная организация была поверхностной и сразу же безнадежно индифферентной. Если Иннокентий с торжеством заявлял, что Греческая Церковь приведена к поклонению или подчинению Церкви Римской, то захват церквей не означал их соединения и распространялся на церковную иерархию, управление и имущество, но не на паству: население, даже лишенное своих архипастырей, осталось в массе своей вне новых латинских церквей и при своем старом обряде; но в высших классах наблюдаются конфликты, даже семейные драмы на почве симпатии к латинству части родичей, как было в семье героя Хамарета [35]. Папа Иннокентий рекомендовал и непосредственно, и через доверенного своего легата Бенедикта поступать с греческим духовенством и с греческим обрядом возможно мягко, довольствуясь внешними формами унии и подчинения; но и в этих скромных рамках католическая миссия в Греции оказалась настолько малосильной, что уже в 1209 г. Вильгардуэн торжественно, почти в условиях договора с греками, подтвердил за ними свободу веры и обряда. Вообще светские мелкие государи и вассалы в Греции даже при личном благочестии были далеки от миссионерских тенденций, были не расположены к умножению церковных богатств и даже не боялись отлучения, раз дело шло о государственных интересах. В Греции они были не крестоносцами, но приобретателями земель; и на новой для них почве Леванта вырастал — может быть, раньше, чем где-либо, — новый тип Principe, опирающегося на свою дружину и далекого от средневекового поклонения Церкви.

Подобно тому как организация Константинопольской латинской Церкви началась с учреждения венецианского капитула святой Софии, так в Ахейском княжестве Шамплитт еще в 1205 г. создал франкский капитул собора св. Андрея в Патрах, и новые каноники избрали архиепископом, главою Церкви княжества, клюнийского монаха Антельма, который впоследствии не оставил своего ордена дарами и пожертвованием земель. Таким образом, Патрасская архиепископия при прямом вмешательстве светской власти оказалась исключительно во французских руках, и Иннокентий не сразу утвердил каноников и примаса Ахеи. Быстро сорганизовались и другие епархии; при разделе земель шесть епископов получили

по четыре рыцарских лена. Из них сохранили некоторое значение епископы портовых городов Корона и Модона, хотя и занятых венецианцами, и главным образом епископ Оленский, живший в главной резиденции князя Андравиде (в древней области Элиде) и игравший роль в управлении страны. Архиепископ Патрасский зависел в иерархическом отношении от Константинопольского латинского патриарха; но француз Антельм не желал подчиняться ставленнику венецианцев Морозини, вступившему в пределы Романии во главе венецианской эскадры. Получение Антельмом архиепископского паллия замедлилось и потребовало вмешательства Иннокентия.

Отношения архиепископа к князю на первых же порах сложились для первого из них неблагоприятно. Вилльгардуэн не пожелал предоставить архиепископу большой роли в государстве. В Верхней палате замещал князя Оленский епископ или канцлер. В самих Патрах был посажен, не в пример другим старым городам, светский вассал, притом, по-видимому, немецкого происхождения (Алеман). Последний начал с того, что обратил в крепость старую митрополию и монастырь св. Феодора, заложив в стенах нового замка много византийских колонн и рельефов. Его род лишь во второй половине XIII в. был все-таки выжит духовенством и, продав свой лен архиепископу, удалился в Германию. Вилльгардуэн далее полагал, что для архиепископа вполне достаточно восьми рыцарских ленов, предоставленных ему парламентом в Андравиде, и никак не допускал Антельма овладеть землями и доходами изгнанного греческого архиерея. Хотя латинское завоевание в Морее оказалось сравнительно прочным, положение примаса Ахеи было с самого начала безотрадным. Масса греческого населения осталась враждебной латинской Церкви, и в этом отношении прелаты и каноники скоро оставили всякие надежды. Будущности у внутренней миссии не было, и со стороны князя нельзя было ожидать поощрения безнадежному делу. Сам Вилльгардуэн, окруженный советчиками греками, не оставлял в этом отношении никакого сомнения. Уровень интересов среди французского духовенства, может быть по этой причине, оказался довольно низменным, оно думало лишь о том, чтобы хорошо пожить. Между прелатами, канониками и рыцарскими орденами из Св. Земли постоянно возникали дрязги из-за выгодных пребенд.

«Из твоего донесения, — пишет папа Антелъму, — мы усматриваем, что при занятии латинянами Ахейской области некоторые греческие епископы, твои суффраганы, убежав от страха из своих мест, оставили свои церкви и не желают вернуться, а с некоторыми нельзя и сообщатся через верных гонцов вследствие военных опасностей».

Папа приказал поэтому призывать их трижды и лишь в случае упорного отказа отлучать и лишать права священнослужения; полномочия лишать их кафедр предоставлены лишь доверенному для всей Романии кардиналу Бенедикту, но в вопросе о лишении их сана и легат должен поступать с возможным милосердием. Тех же латинских клириков, которые являются в Ахею за приходами, папа приказал принимать лишь в том случае, если они располагают документами или свидетельством верных людей об их духовном сане.

Князь справедливо полагал, что увеличение церковных земель мало принесло бы пользы его военному государству, так как духовные вассалы не несли гарнизонной службы, особенно тяжелой в Морее, и лишь были обязаны проводить в походе по четыре месяца в году. Церковной десятины франки также не хотели платить. Папа Иннокентий горько жалуется, что франки, т. е. Вилльгардуэн и его бароны, когда выступали под Коринф, то, причастившись Св. Таин, торжественно обещали платить десятину и обязать к тому своих подданных латинян и греков, но потом своего обещания не исполнили. Вместо церковной десятины собралась поземельная подать, или акростих, поступавшая в княжескую (государственную) казну, как прежде в царскую. Эта основная византийская подать была оставлена за париками одним из первых актов князя Шамплитта. Завещать недвижимости в пользу Церкви было воспрещено в Ахейском

княжестве, дабы земля не выходила из рук военного сословия. Церковного суда в гражданских делах Вилльгардуэн не признавал, хотя бы дело шло об имениях латинской Церкви; в разборе уголовных дел не участвовали духовные члены верхней палаты. Ко всем делам, касающимся Греческой Церкви и греческого духовенства, Патрасский примас и его клир ни в коем случае не допускались и напрасно жаловались на это папе. Все греческие церковные дела восходили на суд князя и, вероятно, его баронов. Отношения между князем, опиравшимся на своих баронов, и латинскими епископами обострялись более и более; и в 1213 г. архиепископ отлучил князя от Церкви, на что Вилльгардуэн не обратил особого внимания, и также сын его, будучи лично благочестивым, продолжал политику отца. В Морейской хронике нашли отражение жалобы баронов на духовных вассалов, спокойно проживавших на своих землях, тогда как светские вассалы несли на себе всю тяжесть гарнизонной службы; баннереты даже требовали от князя отнять лены у духовенства. Князь был вынужден обратить все доходы с церковных ленов в течение трех лет на постройку важной крепости. Лишь в 1223 г. был заключен договор, по которому секвестрованные капиталы и движимость церквей латинских оставалась в руках захвативших, но государство взамен того обязалось выплачивать епископиям ежегодную денежную субсидию. Так обстояли церковные дела в Патрасской архиепископии.

В Коринфе латинская архиепископия была основана позднее, в 1212 в., по взятии этого города у наследника Сгура, Михаила Эпирского (о чем ниже). Первому латинскому архиепископу апостольской Коринфской Церкви Гвалтеру папа дал целый ряд епархий: Аргос, Монемвасию (бывшую еще в греческих руках), Майну и Велигости на полуславянском юге полуострова, а в Ионическом архипелаге — острова Закинф и Кефаллонию. Но и у него дела пошли плохо: с ним ссорился его капитул, его казну забрали князья ахейский и афинский; и на Гвалтера лично сыпались жалобы, пока он не был смещен папой за дурное поведение.

Ученый канонист, каковым был папа Иннокентий, с особенной любовью и торжеством отнесся к новой латинской кафедре в Афинах, которые и для него являлись «матерью искусств и городом наук», средоточием языческой философии и толкования пророков, где крепость Паллады обращена в кафедру истинного Бога. Посылая архиепископу Берарду паллий, Иннокентий подтвердил за архиепископией в составе 11 епархий все ее прежние владения и будущие приобретения, предусматривая дары монархов и верных чад Церкви. Папа перечисляет поименно многочисленные церковные имения и более 20 монастырей, разбросанные не только по всей Аттике, но и в Виотии, и на острове Евбее. Все права греческого митрополита были перенесены папою на латинского архиепископа Афин. Для руководства дан ему устав Парижской Церкви, считавшийся образцовым, но рекомендовано осуществлять его, не вызывая ущерба Церкви и законной обиды (scandalum) местного государя, клира и народа. Число каноников было установлено легатом Бенедиктом. Таким образом, организация Афинской Церкви была осуществлена папой помимо местного государя, притом на основаниях иных, чем в Ахейском княжестве: церковное имущество определялось церковным правом, наследованием после греческой митрополии, как будто иерархическая и каноническая традиции не прерывались захватом кафедры, как будто воспоследовала уния; тогда как в княжестве Ахейском церковное имущество было определено государственным феодальным правом и учреждение капитула явилось делом князя. Размеры церковных земель были иные, в Афинах гораздо большие, тогда как в Патрасе было дано восемь рыцарских ленов на условиях военной службы. Немедленно и начались внутри Афинской Церкви конфликты между канонами и феодальным обычаем. Члены капитула предпочитали рассматривать себя как церковных вассалов и, отказываясь служить в церквах, проживали в своих пребендах. Важнейшая должность казначея капитула с соответственной: пребендой даже действительно стала леном, притом светским: «местный государь» Оттон де ла Рош, оказывается, заставил архиепископа

предоставить ему эту пребенду. Мало того, он стал взимать с церковных земель акростих, т. е. стал рассматривать бывшие имения митрополии как государственные, становясь на ту же точку зрения, на которую встал в своем княжестве Вилльгардуэн. Если вслед за тем Оттон предложил папе для большего успеха унии основывать латинские приходы во всех местечках, где могло прокормиться 12 латинских семейств, обязуя содержать их латинский клир и предлагая помощь из своих личных средств, то это предложение было лишь по видимости выгодно архиепископии, так как Оттон собирался взять устройство Церкви в свои руки на тех же началах, каковые были применены в Ахейском княжестве. Папа вскоре убедился, что и афинский «мегас кир» стремится секуляризовать церковные земли, чего добивались светские государи по всей Романии, начиная с императора Генриха. Дафнийский монастырь Оттон отдал братии бургундского монастыря Bellevaux цистерсианского ордена. Положение Афинского архиепископа усложнялось тем, что его область, столь широко определенная Иннокентием, распространялась не только на греческую Монемвасию, но и на земли других государей: Равано Евбейского и Паллавичини в Южной Фессалии.

В Фиванской архиепископии те же отношения между светской и церковной властями приняли более грубые формы. Архиепископия и ее суффраганы терпели насилия со стороны светских владетелей страны, а также и со стороны рыцарей духовных орденов, имевших в Виотии и Фокиде большие владения (между прочим, доселе сохранившийся, известный своею росписью монастырь св. Луки принадлежал ордену Св. Гроба, а тамплиерам — церковь св. Луки возле Фив). О распространенности монашеских орденов в феодальной Греции в ущерб епархиальным доходам свидетельствует хотя бы тот факт, что к концу XIV в. миноритов имели в Греции 12 своих монастырей. Доходы архиепископии спустились с 900 иперпиров до 200, так как с большей части церковных земель стал взиматься акростих в пользу светской власти. Обедневшие суффраганы даже бывали биты кастеляном Фив и его друзьями.

На островах Ионического архипелага дело унии шло медленно и мало успешно, особенно на Корфу, где долго еще был в силе греческий обряд. Кефаллония лишь в 1213 г. получила самостоятельного латинского епископа (некоторое время она была причислена к Коринфской архиепископии), местный государь Маттео, вассал Фридриха Гогенштауфена, не сразу подчинился желаниям папы.

Едва ли не хуже всего пришлось латинской Церкви в Салоникском королевстве по смерти Бонифация, который старался привлечь в свое государство французское, вообще не венецианское духовенство. Привлекал он и духовные рыцарские ордена, имея в виду военную службу рыцарей. Со смертью его латинская Церковь королевства лишилась своего организатора и защитника. Первый архиепископ, известный участник крестового похода Нивелон, епископ Суассонский, скончался в 1207 г. во время путешествия на Запад, и лишь в 1212 г. на Солунской кафедре был утвержден и посвящен его первый преемник Гварин. За этот пятилетний промежуток, совпавший со смутами по смерти Бонифация и с регентством королевы Марии, церковные земли безвозбранно расхищались крупнейшими вассалами, рыцарскими орденами и самой королевой, не говоря о том, что никто не думал уплачивать церковную десятину. Низшее духовенство, в большинстве случаев греческое, принявшее унию, т. е. семейное, было обязано посылать на службу сыновей. Смежные епархии соединялись в одну, чтобы церковные земли, оставшиеся свободными, могли быть отданы несшим военную службу. Новый архиепископ застал главную святыню Салоник, храм и раку Димитрия Солунского, в руках рыцарей Св. Гроба. Худо пришлось некоторое время и греческому Афону. Монастыри Св. горы были отданы легатом Бенедиктом под начало латинскому прелату, который нещадно грабил монастырские сокровища, золотую утварь и прочее, подвергая монахов пыткам до смерти. Грузины Иверского монастыря перешли в латинскую унию. Только вмешательство константинопольского

императора Генриха и папская булла 1214 г. (Св. гора чтилась и на Западе как обитель благочестия) облегчили положение афонских монахов, и в лавре, по одному известию, около половины XIX в. существовала фреска, изображавшая Генриха в виде ктитора, ныне, по-видимому, исчезнувшая[36]. Защищала монахов и оделяла дарами также сама королева Мария, оставившая на Афоне добрую память (Καλι Μαρια).

При организации латинской Церкви королевства, начатой папскими кардиналами, было принято греческое распределение епархий с тремя митрополиями в Македонии (Салоники, Филиппы, Серры) и двумя в Фессалии (Ларисса и Новые Патры). Низшего латинского духовенства никогда не хватало для массы греческих приходов. Организация латинской Церкви никогда не была завершена по грандиозной схеме, преподанной Иннокентием, по которой уния должна была распространиться на все население. Не хватало пастырей, не было и паствы. Со стороны светской власти было настолько мало поддержки, что рыцари иоанниты завладели даже резиденцией одного епископа. Важная епархия Лариссы переходила из рук в руки, и Церковь при этом сильно страдала. В 1208 г. папа Иннокентий писал примасу Патрасскому и другим прелатам Греции, чтобы они (за вакантностью Солунской кафедры) обратили внимание регентши Марии на ее насилия над архиепископом Лариссы и подчиненным ему духовенством, а особенно на то, что до курии дошли известия, которые, если верны, глубоко оскорбляют папу, — будто Мария поддерживает греческих епископов в их оппозиции латинской Церкви. Этим, по словам папы, нарушается церковная свобода, т. е. права Церкви. Даже не все прелаты были свободны от обвинений в неверности латинской Церкви. На архиепископа Новых Патр (в Фессалии же) папе доносили его каноники, будто он до назначения архиепископом, но уже нося священный сан, участвовал с пресловутым Сгуром в войне против латинян и собственноручно нескольких убил; их же, доносящих каноников, обижал и лишил доходов; наконец, приказал пятерых церковников повесить, причем собственноручно держал веревку. Такая картина нравов не только показывает, насколько дела Солунской Церкви были далеки от мира и спокойствия, но и на существование в рядах высшего латинского духовенства людей, тяготевших к грекам и, вероятно, лишь ради политики перешедших в унию.

С другой стороны, ни в одной из западных областей Романии, кроме земель деспота эпирского, не было так упорно и организованно греческое духовенство, ободряемое соседством православных государств. Переписка и канонические определения Болгарского архиепископа Димитрия Хоматиана (1216—1234? — но переписка захватывает и несколько предшествующих лет) свидетельствуют о непрерывности сношений между греческими иерархами. Правда, и в Солунском королевстве греческие архиереи были согнаны с кафедр, как было и в Греции, и в Константинополе. Преемство греческой иерархии было прервано надолго. Как в Морее две епархии оказались в XIV в. в подчинении у Монемвасийского митрополита вместо Коринфского, как бы следовало по канонам, так и в Солунской Греческой Церкви наступил беспорядок. А 1223 г. архиепископу Болгарскому, упомянутому Хоматиану, пришлось посвятить епископа в один из городов Солунской митрополии, завоеванный эпирским деспотом, потому что Солунский митрополит находился в чужой стране и не явился на зов деспота, а «остатки изгнания», т. е. оставшиеся в королевстве греческие архиереи, по Писанию, избрали мрак своим убежищем и прятались в салоникских тайниках, глухих углах королевства, скрываясь от существующего зла[37].

Однако и показание Хоматиана было не вполне точно для времени Марии, хотя достаточно доказывает, что не все архиереи покинули пределы латинского королевства. В официальных бумагах того же Хоматиана сохранилось частное дело, тяжба, тянувшаяся не один десяток лет. Один из тяжущихся дал такое показание:

«Ясно, как говорится, и слепому, что в то время Солунским королевством управляла

государыня Мария, вдова Бонифация Монферратского, бывшая раньше женою блаженно почившего царя Исаака Ангела. В Солуни губернаторствовал тогда по ее назначению Георгий Франкопул, муж греческий, которому было приказано заниматься разбирательством жалоб совместно с тамошними (греческими) архиереями Китрским, его братом Веррийским, а также Кассандрским Стримваконом, Кампанийским и Адрамонским Филагрием. Ониежедневно собирались в Великой церкви Св. Богородицы для производства суда. При таком положении дел, — показывал тяжущийся, — никто в Солуни не мог терпеть обиды и страшиться за свою судьбу».

Таким образом, и по смерти Бонифация, желавшего ладить с греками, Καλι Μαρια держала при дворе своем греческих архиереев, и они даже разбирали вместе с губернатором дела греков в столице латинского королевства. Перед нашими глазами оказывается в Солуни род постоянного церковного представительства для дел покоренной греческой нации, развившегося в целую систему при турецком режиме в Константинополе.

Анархия в латинской Церкви королевства соответствовала положению политических дел. Мы оставили Бонифация на свидании его с молодым императором Генрихом, его зятем, в 1207 г. Казалось тогда, что судьба сулила Салоникскому королевству в союзе с империей годы хотя внешних политических успехов, военных удач под счастливой и опытной рукой Бонифация. Но скоро смерть постигла этого «лучшего из баронов, самого щедрого и храброго из рыцарей, какого видел свет»: возвращаясь со свидания в свою резиденцию, он попал возле Мосинополя в засаду и был смертельно ранен болгарскою стрелою. На этом событии Вилльгардуэн заканчивает свою историю: погиб главный участник эпопеи четвертого крестового похода. Голова его была принесена Калоянну, приказавшему сделать из нее кубок по варварскому обычаю.

Корона Бонифация досталась не его пасынку царевичу Мануилу, сосланному в Италию, не его малолетнему брату, неизвестному по имени, но двухлетнему сыну короля Бонифация от царицы Марии (Маргариты), получившему популярное в Салониках имя Димитрия. Но у Бонифация еще был старший сын Гильельмо от первого брака, проживавший в Монферратских своих землях. Регентшей стала королева Мария, как мать малолетнего короля; но ее политическое значение было на первых порах весьма невелико и раскрывается преимущественно греческими источниками. Военные силы и политика королевства оказались в руках двух сильнейших ломбардских вассалов, королевского наместника (баила) графа Биандрате, распоряжавшегося в Салониках, и вождя фессалийского ломбардского рыцарства Буффа, носившего звание коннетабля королевского войска. Бароны эти, отличавшиеся, особенно первый, энергией и беззастенчивостью в средствах, стояли во главе массы итальянских вассалов королевства, которая знать не хотела о подчинении константинопольскому императору, хотя Бонифаций с ним только что восстановил дружественные отношения и принес ленную присягу. Ломбардцы смотрели на свои новые владения как на личную военную добычу под знаменами Бонифация и не желали получить их вторично как лен из рук императора. Еще более враждебно они были расположены к полугреческому двору королевы Марии. Не желали видеть на троне ее сына Димитрия. Они неоднократно приглашали упомянутого Гильельмо Монферратского занять салоникский престол, но тщетно: тот предпочитал спокойную долю некрупного барона блестящему, но далекому и опасному трону салоникскою короля. Трубадуры сложили о нем насмешливую песню:

«Постричься бы тебе в клюнийские монахи или стать цистерсианским аббатом, нет у тебя силы. За пару волов и телегу в Монферрате ты отказался от царства. Видано ли, чтобы сын барса прятался в дыру, как лисица?»

Между тем Калоянн, ободренный смертью Бонифация, двинулся на его королевство. Оно

казалось легкой добычей. Но это был его последний поход. Греки, заманившие Бонифация в засаду, покончили и с Калоянном. Со времени южных походов царя влахов и болгар греки начинают играть большую, хотя еще мало разъясненную роль в его военных предприятиях. В лагере под Салониками у Калоянна оказывается «архистратиг» из греческих архонтов по имени Монастра. Он убил Калоянна. Конечно, не подговор жены убитого царя является причиною этого события, но оно дело греков, боявшихся за участь Салоник, населенных греками, хотя под властью латинян, второй столицы Романии. По известиям хотя бы Хоматиана, мы видели, насколько живуч был греческий элемент в Салониках, и грекам было ясно, какая участь угрожает городу и его святыням от Иоанницы. Во всяком случае, его внезапная смерть — он был поражен копьем в живот — была приписана всеми, начиная с убийцы Монастра, чуду великомученика Димитрия, патрона Салоник, и немедленно сложившаяся легенда записана и в русских летописях, впрочем в виде краткого известия.

Смерть Калоянна (1207) оказалась настоящей катастрофой для его царства. Законный малолетний наследник Иван Асень, сын Асеня I, был спасен от гибели верными боярами; они увезли ребенка сначала к дунайским куманам, потом на Русь. Престолом овладел племянник Калоянна Борил, женившийся на его вдове, которую обвиняли в заговоре против мужа. Но управление наследством Калоянна оказалось не по плечу Борилу, хотя он занимал престол довольно долго (1207 — 1218). Его царство вышло бесславное, слабое, для поддержания своего престола Борил призывал в свою страну то одних, то других из ее исконных врагов. Он являлся к тому же узурпатором престола. Немедленно после убийства Калоянна деспот Святослав, или Слав, владетель Мельника в Родопских горах, провозгласил себя независимым и, будучи родственником Асеней, стал добиваться болгарского престола при помощи латинского императора. Севастократор Стрез, славный князь крепости Просека, захватил большую часть Западной Болгарии, т. е. Македонии, не без помощи сербов. Внутренние враги Борила, бояре, поддержавшие законного наследника, представители национальной партии, засели в дунайской крепости Видине, ставшей очагом движения против узурпатора. Венгры вновь завладели областями Белградской и Браничевской, которые у них отнял Калоянн в 1203 г., и царь Борил не только примирился с этой утратой, но призывал короля венгерского Андрея против бояр в Видине. Венгры действительно завоевали ему Видин, опустошив Северную Болгарию.

Те же самые черты — сначала поражение, потом союз на неравных началах — имели отношения Борила к Генриху.

На Троицу 1208 г. император Генрих получил в своей столице известие о вторжении половцев и влахов Борила. Созвав немедленно войско, Генрих выступил к Адрианополю и решил вместе со своим советом, что надлежит франкам идти разорять страну Борила, чтобы отомстить наконец за смерть императора Балдуина, «бывшую большой бедой для рода Фландрии и Геннегау». Под Веррией у подножия Балкан франки встретились с силами Борила. Влахи напали на рассвете, когда у франков были под оружием лишь передовой и тыловой отряды. Все войско едва не погибло, а под знаменами Генриха были собраны все рыцари Романии и новые, прибывшие из Фландрии, Франции и Нормандии. Рыцарь Лионар по безрассудной гордости бросился один на влахов и погиб бы, но император «по великому благородству сердца и большой храбрости» бросился на своем черном коне один выручать своего человека. Пробившись к нему, он сказал: «Лионар, Лионар! Бог меня да простит, но, кто бы ни считал вас разумным, я считаю вас за безумца и хорошо знаю, что и сам из-за вас подвергнусь порицанию». И император поскакал в одних наножниках, и, когда он возвратился с Лионаром весь окровавленный, дружина была смущена. Старик Петр Дуэ подошел к нему прямо и сказал:

«Государь! Такой человек, как вы, поставленный во главе обороны и управления, не должен

удаляться столь безрассудно от своих, как вы поступили на этот раз. Смотрите, государь, если бы вы были, по несчастью, убиты или взяты в плен, то разве смерть и бесчестие не ожидали бы всех нас? Бог меня да простит! У нас нет другой опоры и знамени, кроме Бога и вас. Скажу вам, чтобы вы хорошенько знали. Если вы еще раз увлечетесь, то да хранит Бог вас и нас! мы тут же отдадим вам все лены, которые от вас получили». Генрих выслушал и ответил: «Верно, Петр, знаю хорошо, что поступил неразумно, прошу вас простить. Но это виноват Лионар, если бы он остался среди врагов, то было бы нам скверно, ибо потеря доброго человека невознаградима. Теперь оставим влахов и пойдем на Филиппополь».

Когда войско пришло туда, то оказалось, что на 12 дней кругом нельзя было найти ни хлеба и вина, ни ячменя и овса. Трое старых баронов отправились за провиантом и фуражом, но их окружили влахи. Тогда император собрал войско и стал говорить о Господе Боге:

«Бог сотворил вас по своему образу и подобию и не оставит вас ради такой сволочи (canaille). Возложите упование на Бога и вашу надежду (девиз), и не сомневаюсь, что враги не устоят. Пусть каждый будет соколом, а враги наши подлым вороньем!»

Болгаре заметили знамя (орифламму) императора и отступили в горы. На следующий день каноник Филипп говорил проповедь:

«У вас здесь нет ни замков, ни убежищ, с вами лишь оружие и ваши кони. Все причастились самым благочестивым образом, стоя в рядах».

Рать была так велика, что от стука оружия и ржания коней не услыхать бы и грома. День выдался ясный, поле было ровное; Генрих объезжал ряды и просил быть братьями в бою, забыв обиды. «Род Борилов» уже налетел тучею с великим ревом, а Генрих все еще увещевал войска сохранять порядок и радовался, что болгары на этот раз не бегут, пока старый Дуэ не сказал ему:

«Государь! Что вы все говорите? Идите вперед смело и знайте, что, если не приключится смерть, не отстану от вас и на четыре шага».

Тогда император поскакал на «род Борилов». А в это утро птицы так сладко пели на разные голоса, что веселили душу, и Анри де Валянсьен утверждает, что никогда в жизни он не видел более прекрасного дня.

Борил выстроил свои тридцать три тысячи в тридцать шесть полков; болгары держали длинные богемские мечи и гордо наступали, думая захватить и этого императора. Первую линию франков вели Петр Брашейль, Мальи и старый маршал Вилльгардуэн, рыцарь брабантский и другие; императора просили быть в резерве. Вожди еще держали речи, мудрый Вилльгардуэн припоминал славу древних, о коих известно из книг; каноник Филипп поднял крест и дал отпущение грехов. Тогда все взяли копья наперевес и с криком «Святой Гроб!» поскакали на подступавшего врага. Сбитые с лошадей первые ряды болгар уже не могли подняться, их добивали следующие ряды рыцарей, и войска Борила обратились в беспорядочное бегство. Брашейль и Мальи с 20 рыцарями ударили на самого Борила, при котором было 1600 человек; император Генрих в пурпурной мантии, усеянной золотыми крестами, скакал впереди своего отряда. Болгары рассыпались, как жаворонки от коршуна, хотя их было 33 тысячи; рыцари гнали их целых пять часов, «как безгрешные дьяволов», хотя их было 15 дружин по 20 человек, лишь у императора было 50 рыцарей. Сверх того, с франками было три дружины, составленных исключительно из греков (de purs Griffons). Так на греческой земле сражались чужестранцы, а греки были в тени. Франки ликовали, овладев громадной добычей и провиантом, в котором сильно нуждались. Вскоре к императору явился Слав (Esclas) Родопский[38], поцеловал у него руку, как у сюзерена, и получил в лен свои и вновь отнятые у болгар земли; император обещал ему и Великую Влахию (конечно, не Эпирскую, но Средние Балканы). Сговорились отдать за Слава внебрачную дочь императора, и свадьба была

отпразднована в Константинополе; но на всякий случай у нового зятя, получившего и титул деспота, был оставлен брат императора Евстахий с дружиной франков и дружиной греков.

Генрих мог теперь хвалиться в письмах на Запад, что увеличил свою империю на 15 дней пути. По ту сторону Родоп начинались лены ломбардских вассалов Салоникского королевства. Сплоченные единством интересов, не сдерживаемые более рукою Бонифация, они не желали принести ленную присягу императору и претендовали на полную независимость Салоникского королевства, которое считали собственным завоеванием. Они относились враждебно вообще к французскому элементу. Французские вассалы Морей и Средней Греции были, наоборот, настроены лояльно к императору, по крайней мере теоретически, пока их интересы не страдали. Ломбардцы вели себя вызывающим образом. Один из них, Альбертино из Каноссы, даже напал на афинского «мегаскира» Оттона де ла Рош и отнял у него Фивы.

Генрих принял вызов и немедленно решил идти на Салоники, чтобы требовать ленной присяги. Поход подробно описан очевидцем Валянсьеном. Несмотря на зимнюю стужу, Генрих повел войско через Фракию, как бы направляясь против болгар. По льду перешли Марицу и за Мосинополем, леном Вилльгардуэна, вступили в пределы королевства. Генрих шел спешно, через горы и минуя берег, где были ломбардские замки. Первый же встреченный ломбардский вассал отказался впустить императора в свой город и не дал провианта голодному войску. В Драме провели Рождество; отсюда император потребовал к себе салоникского баила Биандрате, но тот наотрез отказался приехать. Приближение Генриха вызвало в Салониках бурные сцены. Французские вассалы должны были удалиться из города и поспешили в лагерь Генриха. Остановившись в Хортаитском монастыре, Генрих опять послал в Салоники, на этот раз трех героев: Конона Бетюнского, старого Дуэ и Мальи. Он требовал лишь ленной присяги и пропуска в город войску, не имевшему ни приюта, ни пропитания. Он обещал при этом подтвердить пределы королевства малолетнего Димитрия на основе договора с Бонифацием. Мы видели, что последний расширил свое государство далеко за пределы области между реками Стримоном и Вардаром, предусмотренные еще договором 1204 г. между участниками крестового похода. Именно он завоевал часть Западной Македонии, Фессалию и Грецию; Морея была захвачена Шамплиттом с согласия Бонифация. Все это было молчаливо признано при встрече 1207 г. Бонифация с Генрихом. Со смертью Бонифация между французскими вассалами в Греции и ломбардскими хозяевами королевства дело дошло до открытого столкновения: были захвачены Фивы. И теперь ломбардцы решили не уступать Генриху, императору враждебной национальности, ни в чем, чтобы не подвергнуть спору свои завоевания на западе и на юге, особенно в Фессалии, где были их лучшие владения. Они отказались поэтому даже впустить Генриха в Салоники. Предвидя этот ответ, император дал своим послам инструкции потребовать третейского суда из четырех выборных или же просить разобрать их дело папу, французского короля или западного императора. Ломбардцы на это предъявили требование расширить их королевство: в таком случае они согласны признать и впустить императора; и пожелания ломбардцев были так велики, что вряд ли были серьезны: сверх всего ранее ими завоеванного они хотели получить на западе Дураццо и земли эпирского деспота, а на востоке — всю полосу от Филиппополя через Веррию до Черного моря, т. е. новые завоевания Генриха от болгар, которыми так гордился Генрих. Они хотели, чтобы Генрих поссорился с Венецией, хозяйкой на берегах Адриатики, и выдал им своих верных франков в Морее. Напрасно послы Генриха указывали на их обязанности в отношении к сюзерену их покойного короля, на нужду его рыцарей. «Должны ли мы мерзнуть, как собаки?» — говорили они. «Как хотите», — был ответ Биандрате. Генриху пришлось пережить тяжелые минуты. Войско не могло оставаться долее в Хортаитском монастыре и его окрестностях, не хватало ни хлеба, ни квартир; нельзя было ожидать помощи, ни отступить без риска погубить войско, ни взять сильно укрепленные

Салоники. Все советовали Генриху уступить. Он долго думал, гордость рыцаря и государя боролись в его честной душе с необходимостью дипломатического обмана для спасения войска; наконец он объявил, что согласен присягнуть в соблюдении условий, предложенных ломбардцами, но требует утверждения их королевой Марией. Тогда и Биандрате не мог в свою очередь отказать Генриху в его законном требовании уважать права регентши, приехал в Хортаитский монастырь, где Генрих с баронами принес требуемую присягу. На следующий день Генрих с 40 рыцарями въехал в Салоники, был встречен с подобающими почестями и приведен в храм Димитрия. Императорские войска начали входить в город мелкими отрядами; приехали немецкие бароны и объявили себя на стороне императора; Генрих повел тайные переговоры с королевой Марией. Положение ломбардцев ухудшалось, почва ускользала у них под ногами. В довершение всего архиепископ Гварин перешел на сторону императора и тем привлек к себе симпатии всех ненавидевших ломбардскую партию, именно греков и самой королевы Марии; архиепископ получил значение не меньше самого Биандрате. Видя опасность, ломбардцы требовали, чтобы Генрих подтвердил свою присягу. Император тогда созвал парламент и на нем уже открыто выступил против ломбардцев. Каждому было предложено высказаться, одобряет ли он условия, на которых императору предстоит присягнуть. Положение сторон настолько изменилось, что только три ломбардских барона отважились настаивать на условиях, все же прочие, духовенство и немцы подали голоса против них. Тогда Генрих разразился упреками против ломбардцев, он сказал, что дикие куманы и влахи поняли бы интересы империи не хуже их. Он потребовал узнать мнение королевы и, лично поехав к ней, уговорил не оставить его, императора, своей поддержкой в эту важную минуту, уверил Марию, что она может доверить ему судьбу своего сына. Тогда ломбардцы прибегли к последнему средству, требуя третейского суда, от которого прежде сами отказались, но и суд не состоялся. Таким образом присяга Генриха в Хортаитском монастыре стала недействительной. Он лично короновал малолетнего Димитрия, посвятив его предварительно в рыцари. Биандрате же принес присягу императору, королю и регентше и был оставлен в должности баила королевства. Регентша Мария получила от Генриха богатые владения царицы Евфросинии в Фессалии; был одарен и доверенный Марии — грек Мануил.

Ломбардцы далеко не примирились со своим положением. Милости грекам раздражили их еще больше. Они замыслили опять вызвать Гильельмо Монферратского и устранить Марию; Генриха они собрались погубить при отступлении через горные переходы, для чего Биандрате занял верными ломбардцами Серры и Христополь. Это дошло до Марии, и в кремле Салоник был созван новый парламент в присутствии Генриха и его баронов. Биандрате был изобличен и заключен во дворце королевы; лены ломбардских рыцарей под Серрами и Христополем, замешанных в заговоре, были отданы французам, чтобы обеспечить путь в Константинополь. Но ломбардцы не смирились и теперь: предупредив рыцарей Генриха, они не пустили их в Серры и даже вступили в соглашение с Борилом, царем влахов и болгар, завоевавшим за это время Мельник у деспота Слава. Однако в этих областях, видимо, решали дело греки: Генрих их к себе расположил своей политикой согласия, и они тайно впустили французов в Серры. Тем временем Генрих, желая получить пропуск через Серры во что бы то ни стало, даже выпустил Биандрате и послал его под эскортом, так как бывший баил взялся добыть Генриху и Серры, и Христополь. Но ломбардцы были, по-видимому, прирожденными изменниками; имели место стычки и изменнические нападения на послов. Тогда Серры были отданы немецкому графу Каценелленбогену, променявшему Великую Влахию Эпирскую на таковую у Средних Балкан. Он увез с собою Биандрате и держал его крепко. Замок Христополя французам не удалось взять, хотя они захватили самого кастелляна, памятного им по зимнему походу на Салоники. Чтобы обеспечить подвоз провианта морем, Генрих утвердился на Афоне, занял замок, выстроенный

посреди Св. горы латинским епископом. Последнего папа отозвал по просьбе Генриха.

Между тем ломбардские бароны подняли мятеж в Фессалии, и Генрих решил двинуться на юг. В Салониках рядом с королевой был оставлен архиепископ Гварин, не замедливший занять цитадель своими людьми. Ломбардцы под начальством коннетабля Буффа собрались под Лариссой и даже предлагали Генриху очистить Салоники и отступить в Хортаитский монастырь. Генрих прошел окольными путями, через проходы, не занятые ломбардцами, и появился под Лариссой. Желая покончить миром, он предлагал ломбардцам даже увеличить их лены, но в ответ опять получил оскорбительное предложение уйти в Константинополь. Оставалось сломить ломбардцев оружием, проливать латинскую кровь на глазах покоренного греческого населения. Франки перешли р. Пеней, разбили ломбардский отряд и обложили Лариссу. Тогда 700 ломбардских рыцарей, бывшие в городе, во главе с коннетаблем Буффа и кастелляном города Гильельмо, сдались на капитуляцию, и Генрих отпустил их, не желая усугублять вражду между нациями, оставил даже в Лариссе прежнего сеньора. Он мог быть доволен своими успехами. Ненавидевшие ломбардцев греки встречали императора с энтузиазмом. Казалось, облекалась в реальную форму идея державной власти, стоявшей выше и латинян и греков, способной восстановить правосудие и навести порядок. Греки видимо волновались и на Евбее, где итальянский сеньор Равано поспешил заключить союз с Венецией, причем венецианцы обязали его не раздражать греческих архонтов. Договор этот был направлен, конечно, против Генриха. Зато он получил из Франции деньги, вырученные за продажу святынь из Константинополя. Теперь он мог расплатиться с солдатами. В его войске все большее и большее значение приобретают наемники, и между ними было много греков. Впрочем, в продолжении войны не было надобности. В Морее и Средней Греции императора ожидали лояльные французские вассалы, жаждавшие избавиться от своих ломбардских соседей. Крупнейший из французских государей Греции Вильгардуэн Ахейский осаждал в это время Коринф, занятый отрядом войск эпирского деспота, и немедленно отозвался на призыв Генриха принести ему ленную присягу. Только узнав о переговорах Генриха с французами Греции, ломбардцы поняли безнадежность дальнейшего сопротивления императору и с своей стороны завязали с ним переговоры.

Всегда предпочитая мир, хотя бы и невыгодный, ссоре между латинянами на Востоке, Генрих созвал парламент в Равеннике, замке недалеко от фессалийского города Зейтуна (Ламии). Незадолго перед тем он отобрал эту местность от тамплиеров и отдал ее итальянскому вассалу. Ранее других прибыли немецкие вассалы и глава ломбардцев Буффа. Последний был обласкан Генрихом и назначен коннетаблем всей Романии. Лишь небольшая часть итальянцев уклонилась от соглашения, между ними граф Паллавичини из Водоницы и владетель Евбеи Равано. Но идея самостоятельности Салоникского королевства от константинопольской империи была погребена. Не суждено было итальянским феодалам образовать крупное национальное государство в Романии; руководство итальянским движением на Леванте сосредоточилось в руках купеческой Венеции, и договор Равано с республикой хорошо иллюстрирует этот процесс. На парламенте в Равеннике ломбардские бароны уже не опираются на свои права завоевания под знаменами Бонифация, но присягают императору как получившие лены от него непосредственно.

Национальное государство наследников Бонифация должно бы быть прочнее, нежели сама империя; его идея, казалось бы, более нова и жизненна в сравнении с книжным идеалом канцлера епископа Нуайонского, изображенным в послании Балдуина на Запад; и реальные элементы для основания сильного государства на Востоке были в Италии налицо более чем где-либо: близость страны, многолюдное рыцарство, давнишнее знакомство и связи с Востоком, как, например, в семье Бонифация. Но если в Константинополе вся сила империи заключалась в

дружине искателей земель, то в Греции положение Генриха получилось иное благодаря его личной политике: он явился здесь верховным государем страны, организатором отношений между завоевавшим и покоренным элементами. В этом, по-видимому, кроется причина успехов Генриха и в королевстве, и в Греции. Раздоры между итальянскими и французскими вассалами королевства Бонифация имели также важное значение для распространения Генрихом своей власти.

Ярким фактом Равенникского парламента был приезд Вильгардуэна Ахейского вместе с Оттоном Афинским и 60 французскими баронами из Греции. Вильгардуэн, фактически суверенный государь, получил из рук императора свои земли и вместе с тем титул сенешала Романии, от которого скоро отказался, когда получил титул князя. Первый парламент в Равеннике, бывший в 1209 г. в присутствии Генриха, по-видимому, был посвящен лишь изложенным крупнейшим политическим вопросам, и других известий о его занятиях мы не имеем.

Распустив парламент, Генрих пошел на Фивы, захваченные ломбардцами. По пути греки приветствовали его как своего избавителя, как своего царя. Перед Фивами его встретило греческое духовенство, архонты и народ; в воротах стоял латинский архиепископ. Цитадель была занята ломбардцами, и они отказались сдаться. Первый приступ был неудачен. Построены были длинные лестницы, тогда итальянцы сдались на капитуляцию. Генрих оставил ломбардцам их лены, даже обещал освободить Биандрате и послал за ним; но бывший регент по пути сбежал и скрылся на Евбею. Но после взятия Фив и сам владетель Евбеи, присягнувший Венеции, счел за нужное присягнуть и императору и даже его пригласил посетить Евбею и честно охранял безопасность Генриха от козней Биандрате, который тогда убежал к Борилу Болгарскому; впоследствии он еще раз передался Генриху, и император, щадя заклятого врага, даже вернул ему звание баила и земли; но Биандрате убедился, что его политическая роль сыграна, и, не стерпев, уехал на свою родину.

Главнейшим вопросом внутреннего управления являлось устройство церковных земель и привлечение их к участию в государственных податях и повинностях, к службе государству. Этим делам был посвящен второй парламент в Равеннике, состоявшийся в следующем, 1210 г. Текст его постановлений сообщен в письме папы Гонория к духовенству Ахейского княжества, но они касаются собственно церквей, лежащих к северу от Коринфа. Договаривающимися сторонами являются не император и его вассалы, но с одной стороны — Церковь, представленная уполномоченными Константинопольского патриарха Морозини, канониками императора Генриха, архиепископами Афин, Лариссы и Новых Патр (в Фессалии), за вакантностью Салоникской кафедры; с другой стороны договаривались члены Ломбардской лиги баронов во главе с коннетаблем Буффа, Гвидо Паллавичини, маркизом Водоницы, Равано Евбейским, а из французских вассалов на первом месте стоял Оттон де ла Рош Афинский. Прочие сословия и на этом парламенте не были представлены. Самого Морозини не было на парламенте; по дороге в Салоники он заболел и умер. Присутствие Генриха не следует из текста постановлений.

По первому пункту соглашения бароны обязались передать патриарху Константинопольскому, представляющему в своем лице латинскую Церковь Романии, все храмы и монастыри с имуществом и доходами последних; бароны обещались за себя, своих наследников, вассалов и людей освободить церковных людей и церковные имущества от всяких повинностей в их, баронов, пользу. Исключение сделано для поземельной подати, акростиха, который обязаны платить все латиняне и греки высшего и низшего звания с земель, полученных от баронов, сообразно тем нормам, по каковым акростих уплачивался греками в год взятия Константинополя. Другими словами, церковные земли теперь были обложены акростихом в

пользу светской власти и в Солунском королевстве. В случае отказа церковных людей платить акростих баронам последние могли взыскать его собственною властью; однако не имели права лишать недоимщиков ни свободы, ни остального имущества. Нельзя арестовывать наследников латинских клириков, жен и детей греческих «попов», если движимость недоимщика превышает недобор.

Дети греков светского и духовного состояния должны служить баронам по установленному обычаю, если не пошли священного сана. Если же кто из греческих «попов», монахов или «баронов» (архонтов) захватит (т. е. распашет) земли не церковные, то будет отвечать перед собственниками земель на тех же основаниях, как всякие светские захватчики земель.

Ослушники предыдущих постановлений предаются церковному покаянию и отлучению; постановления утверждены императором и патриархом и скреплены печатями духовенства и баронов.

Содержание акта далеко выходит за рамки устройства церковных имуществ и касается греческого (униатского) духовенства и греков-мирян.

Папа утвердил акты Равенникского парламента, но остался ими недоволен. Церковные интересы пострадали, так как было распространено на королевство обложение акростихом церковных земель. Пострадали и интересы захватчиков церковных земель, во главе их стояли тамплиеры. У них были отобраны земли в Фессалии, напр. самый округ Равенники, на Евбее, в Фивах и вслед за тем в Ахейском княжестве. В этом отношении, как и многих других, молодые государства Леванта предупредили старую Европу. Наконец и некоторые епископы из противников Генриха были теперь выжиты своими политическими врагам; другие терпели поражения на выборах, как случилось при замещении кафедры в Фивах.

Особенно выиграли от церковной политики Генриха греческие монастыри, ставшие формально униатскими. Постановлениями Равенникского парламента их земли взяты под защиту. В этом отношении Генрих шел рука об руку с Καλη Μαρια, королевой салоникской, и папа Иннокентий утверждал их пожалования монастырям тем охотнее, что он принял Марию (формально перешедшую снова в католичество) под особое покровительство. При тяжбах Марии с латинской Церковью из-за земель Иннокентий становился на ее сторону, дал ей по ее просьбе двух епископов в качестве постоянных защитников, приказывал меняться землями с королевой, если она просила. По желанию Марии Иннокентий принял под свое непосредственное покровительство греческий монастырь Акапно, т.е. повторил то, что делали греческие патриархи в ущерб местной епархиальной власти.

Из постановлений Равенникского парламента ясно намерение светских государей подчинить себе большие греческие, бывшие царские, монастыри. Хортаитский монастырь, где Генрих стоял перед вступлением в Салоники, получил от него льготы в благодарность за гостеприимство. Афонские монастыри по ходатайству Генриха были подчинены папой непосредственно королеве Марии, хотя лишь на время, до приезда папского легата. При этом Генрих имел в виду и вышеупомянутые стратегические цели — обеспечить себе дорогу в Константинополь. Не принята была мера и более общего значения. В 1209 г. папа подтвердил своим уполномоченным епископам, что свободные греческие монастыри Салоникского королевства, называемые царскими и не бывшие при греках подчиненными никому из архиепископов и епископов, должны зависеть лишь от королевы Марии, «бывшей царицы константинопольской», а латинские архиепископы и епископы не имеют на них никаких прав. Одновременно Иннокентий предписал двум другим уполномоченным епископам оказывать законную поддержку греческому духовенству Салоникской митрополии, возвратившемуся к послушанию Римской Церкви (Салоникская Церковь зависела от римской курии до иконоборцев). Перешедшая в унию часть греческого духовенства просила дать им права и

доходы, которыми они располагали при греческой империи и которые были признаны за ними кардиналом Бенедиктом; папа их просьбу повелел исполнить.

Успехи Генриха сплотили против него врагов. Главным между ними оказался не славный князь Просека Стрез, ни даже Борил, царь влахов и болгар, но деспот эпирский Михаил, создавший, как увидим в следующей главе, в несколько лет сильное государство. Быстрое наступление Генриха в 1209 г. заставило и Михаила предложить мир. Возле Салоник съехались оба государя. Не достигнув соглашения относительно церемониала, они не встретились лично, но, оставаясь в своих лагерях, вели переговоры через своих уполномоченных. Михаил наотрез отказался включить свое национальное государство в политическую систему латинской Романии и не пожелал стать вассалом Генриха, но предложил выдать дочь за брата императора, Евстахия, так как брак являлся в то время обычной формой дружественных отношений между чуждыми, друг от друга независимыми государствами. Брак Евстахия состоялся, однако же не помешал Михаилу на следующий же год напасть на Генриха. Миролюбивый конец был возможен лишь по отношению к латинским антагонистам; с такими же национальными образованиями, каковы были царства Эпирское и Никейское, прочного мира не могло быть, а перемирия, если бывали, обыкновенно не соблюдались. При ведении войны врагов не щадили. Такую ожесточенную войну пришлось перенести Салоникскому королевству в 1210 г. Сам ломбардский коннетабль всей Романии Буффа, попавшись в плен к Михаилу, был распят вместе со своим капелланом. Православные греки и албанцы эпирского деспота не щадили латинского духовенства и охотились за ним, как за зверьми. Сам же Михаил, уступая Генриху в открытом поле, оставался неуязвим, и напрасно Генрих гонялся за ним по горной Албании.

В марте 1211 г. Генрих наконец выступил обратно в свою столицу, оставив в Салониках в помощь королеве своего брата Евстахия и графа Каценелленбогена. Кратчайший путь оказался занятым отрядами болгарского царя. Не имея значительных сил под рукою, Генрих предпочел уклониться к морю. По дороге его встретила помощь из Константинополя, и Генрих со свежими силами обратился против Борила, который предпочел скрыться в горы. Когда же Генрих прибыл в Константинополь, Борил в союзе со Стрезом, князем неприступного Просека на Вардаре (изгнанный Калоянном из Просека, он по смерти последнего прогнал в свою очередь болгарского наместника Шишмана) и Скопья, напал на Салоникское королевство. Евстахий, упомянутый Каценелленбоген, на этот раз в союзе с греками эпирского деспота, отбили северных врагов поодиночке. Сначала они разбили Стреза. Последний ушел в сербские земли, где его приютил Стефан Первовенчанный (1196—1228) и не выдал Генриху; Стрез отплатил черной неблагодарностью и передался на сторону франков. Напрасно св. Савва убеждал Стреза не изменять соплеменникам, он не послушался монаха — и в ту же ночь внезапно умер (около 1215). Княжество Стреза досталось не славянам, но греческому эпирскому деспоту: Скопье непосредственно, а крепость Просек побывала и в руках франков. Борил же показался в Салоникской области лишь осенью 1211 г. и был разбит франками наголову. Слабость Борила объясняется междоусобиями внутри Болгарии. Подрос законный наследник Иван Асень и вернулся с Руси добывать престол свой. Акрополит пишет о семилетней осаде Асенем столицы Тырнова. Борил, прежде искавший помощи у венгров, теперь не задумался войти в союз с Генрихом, от войск которого Борил не раз спасался бегством. Болгарский царь завел переговоры и об унии. Союз чуждых стран должен был увенчаться, по обычаю, браком. Так рассудили бароны Генриха. Император оставался вдов и без наследника. В руке дочери германского императора Филиппа Генриху было отказано в обидной форме, как будто он был авантюрист, а не император древнего Константинополя. Борил же, конечно, с радостью готов был выдать свою дочь за Генриха. Брак с дочерью варвара, к тому же многократно пораженного, не подходил не только императору, но и графу Фландрии и Геннегау; однако Генрих поборол врожденную

гордость ради политических интересов. Свадьба была отпразднована в Константинополе с большою пышностью. Союз франков и болгар был неожиданной и страшной комбинацией для греков и особенно «деспота» Слава Родопского, заклятого врага Борила (хотя и двоюродного брата). Он также был вдов по смерти вышеупомянутой дочери Генриха и поспешил жениться на дочери эпирского деспота (уже не Михаила, а Феодора). К этому союзу присоединился, по-видимому, и сербский великий князь (жупан); и, по-видимому, партия Ивана Асеня. Получилась коалиция православных, греческих и славянских элементов. Сербия выступает партнером в политическую игру из-за Македонии. Может быть, она считала себя наследницею Стреза, вероятнее же — поддерживала Ивана Асеня. Нам неизвестны подробности этой интересной борьбы. Генрих и Борил проникли в Сербию, но благодаря чудесному содействию св. Симеона Немани передает житие, франки и болгары были вынуждены отступить. Смерть ожидала обоих союзников. Борил в 1218 г. был схвачен и ослеплен сторонниками Ивана Асеня, который и занял болгарский престол. Генрих же был должен еще раз свести счеты с ломбардцами, поднявшими голову после неудачного похода Генриха в Сербию. Королева Мария жаловалась на них и просила помощи как у Генриха, так и у папы. Во время второго похода на ломбардцев, в июне 1216 г., Генрих скончался, не дожив и до 40 лет. Говорили об отравлении, указывали и на жену, и на Биандрате.

Симпатичная фигура Генриха, беззаветно преданного долгу монарха, доблестного рыцаря, ставшего на своем трудном пути осторожным и умеренным государем, — потеря его была большим несчастием для Латинской империи. В сущности, он ее и выковал в боях и походах; он помешал ей погибнуть на первых же порах по основании, и после него она лишь влачила свое существование. Все свое царствование Генрих отдыха не имел, а он любил жизнь и веселые празднества, недаром он был почти француз. Но одна война сменяла другую, из Европы нужно было спешить в Азию (его азиатские войны будут изложены в связи с историей Никейского царства). Походы его были быстры, обыкновенно с горстью рыцарей, еще опаснее было вести большое войско через враждебную страну, не имея провианта, ни верной базы. А он не стеснялся временем года и ночевал в лесу в мороз. Лично он был храбр до безрассудства, как мы видели в бою под Филиппополем. Достойный вождь таких сказочных героев, как Брашейль и Три, он стал в политике партнером Иннокентия и венецианцев. Но никогда он с Запада не получал поддержки, несмотря на просьбы, а унижения, упреки и скрытая вражда были им не раз испытаны. Ласкарь и Калоянн временами были папе дороже, чем константинопольский латинский император. По натуре прежде всего рыцарь, он усвоил в управлении более широкие взгляды. Мы видели плоды его греческой политики в Солуни и Греции.

«Генрих хотя родом был франк, но к ромэям и законным детям Константинова града относился добродушно и многих принял в число вельмож, многих — в свое войско, а простой народ любил как собственный», — отзывается Акрополит».

Воин стал миролюбцем, он щадит даже такого врага, как Биандрате, ради мира между латинянами; он женится на дочери Борила опять ради государства. Его жизнь была настоящее служение государству, и при самых трудных обстоятельствах он не высказывал желания покинуть свой пост.

Константинопольские бароны были потрясены смертью Генриха. Их испытанный вождь скончался во цвете лет и не оставил наследников. Брат его Евстахий был храбрый барон, но не принес бы с собою ни новых богатств, ни новой армии. В том же году умер и могущественный покровитель франков, папа Иннокентий; впрочем, его преемник Гонорий III (1216—1227) обещал свою поддержку и сдержал свое слово.

Предстояло избрать императора. Одна партия предлагала короля венгерского Андрея, могущественного соседа империи. Этот выбор мог бы поставить государство крестоносцев на

новые пути, спасти его от врагов, но он бы обезличил Франкскую империю, каковой она сложилась: не только хозяйничанью баронов, но и преобладанию франкского и венецианского элементов был бы положен конец. Этого правители Константинополя не желали, их самомнение оставалось велико, а кругозор недостаточно широк

Продолжить старые порядки и занять трон Генриха был приглашен его зять и кузен короля Франции Филиппа Августа Петр Куртенэ, знатный, пожилой и многосемейный граф оксеррский. Он принял предложение и отправился в Рим, где был коронован самим папой и встречен депутацией от константинопольских баронов. Цвет французского рыцарства сопровождал нового императора. Венеция настояла, чтобы он осадил Дураццо, захваченный государем эпирским Феодором, преемником Михаила. Петр не мог взять города и рискнул идти сушей через Эпир в Салоники. В горах возле нынешнего Эльбассана он встретил Феодора, который сначала изъявил покорность, а затем вероломно схватил императора и перебил его отборное войско, в котором было 160 рыцарей и 5500 сержантов. В числе погибших был и Евстахий, брат императора Генриха. Схвачен был и папский легат кардинал Колонна. Император Петр Куртенэ умер в плену от ран, так и не увидав свою столицу. Императрица Иоланта, выехавшая морем, прибыла в Константинополь уже вдовою и вскоре родила сына Балдуина, будущего и последнего императора франков в Романии.

Катастрофа, постигшая императора Петра и французскую его армию, была поражением идеи «Новой Франции», которую думали создать на византийских землях. Это удалось Западу не на Леванте, но гораздо позже на пустынном материке Америки. Безнадежность этого плана, лелеемого и папой Гонорием, скоро стала очевидной и для него, и для фактических хозяев Леванта — венецианцев. Оставалось ограждать уже достигнутое, по возможности спасать свое достояние путем договоров с туземными государями.

Против Феодора Эпирского собиралась гроза. Из Франции пришло большое ополчение под начальством одного из сыновей императора Петра для его освобождения; венецианцы поспешили выставить большой флот. Папа призывал всех: и короля венгерского, и Вилльгардуэна Ахейского, и западных государей; но хлопотал он не об императоре — он для него умер, — но о своем кардинале. Как только Феодор, испугавшись прибывшего к Эпиру венецианского флота и западных рыцарей, освободил легата и заявил покорность Риму, Гонорий не только примирился с ним, но и запретил венецианцам и рыцарям нападать на земли Феодора под страхом отлучения. Венецианцы последовали примеру папы и заключили пятилетний мир с убийцей императора Петра.

Латиняне ищут мира по всей линии. Венецианцы заключают также пятилетнее перемирие и с Ласкарем Никейским, и с султаном Ала ад-дином Кейкубадом I в Конии (1220). Венецианской политике следует константинопольское правительство регентши императрицы Иоланты; одна из семи ее дочерей (Мария) выдана за Ласкаря. Не о завоевании, но о status quo теперь хлопочут франки. Это было уже признанием слабости, началом конца Латинской империи, созданной захватом и существовавшей благодаря перевесу франкского оружия при Генрихе.

Экономическая жизнь, реальные выгоды и интересы империи сосредоточены в руках венецианцев. Они имеют монополию торговли, содержат торговую полицию, хранят образцы мер и весов, Венеция не разрешает константинопольской империи чеканить собственную золотую монету, но лишь медную; ходили венецианское и старое византийское золото и серебро. Венецианцы одни богатели при обеднении франков. Они строят в Константинополе для своих купцов роскошный гостиный двор (1220). Они собирают в своих руках и громадные земельные богатства, о чем свидетельствует дошедшая доверенность вдовы венецианца Градениго. Даже возник проект перенести столицу республики из Венеции в Константинополь,

как центр торговли Леванта и средоточие оборота венецианских капиталов. Венецианцы не платили никаких пошлин за свои товары, тогда как генуэзцы и пизанцы были обложены в тех же размерах, как было при греческих императорах. Сверх того, в 1223 г. венецианцы заключили с императором Робертом договор, по которому они получали 38 всех пошлин и сборов с купеческих кварталов Константинополя. Кроме торговых привилегий у венецианцев были земли и политические права, выговоренные при основании Латинской империи.

Франки денег не наживали, новых земель не искали, но проживали доходы со своих земель, сами ничего не производя. Обострились старые распри между духовенством и светскими владельцами не на почве каких-либо идей или политической борьбы, но из-за корысти, церковных земель, их десятины и иммунитета. Кардиналу Колонне оказалось немало дела. Духовенство жаловалось на баронов, бароны — на духовенство. Особенно резки были столкновения в Элладе, на почве исполнения актов Равенникского парламента.

Распри между баронами и духовенством осложнились столкновением между патриархом и папским легатом, когда патриарх Гервасий наложил интердикт на земли главы греческих баронов Вилльгардуэна Ахейского. Папа угрожал Гервасию даже лишением сана, так как признавал право интердикта лишь за собою и за своим легатом. Повторялись времена Иннокентия и Морозини.

Среди подобных обстоятельств скончалась императрица Иоланта (1219), правившая за младенца Балдуина II. Кардинал-легат Колонна, латинский патриарх Гервасий, венецианский подеста Тьеполо, Конон Бетюнский, один из героев крестового похода и фактический регент со смерти Генриха, и бароны собрались на парламент в Родосто для разбора дел политических и церковных. От имени папы кардинал предъявил баронам требование выдать захваченные церковные имения и 1/12 всех земель империи и доходы с них за три года, по расчету 1 меры пшеницы и меры ячменя с каждого виллана (крепостного); сверх того, рыцари и вилланы должны платить церковную десятину. На уступке 1/12 земель империи он, впрочем, не настаивал. Требования легата не встретили согласия баронов, и парламент был перенесен в Силиврию. Там бароны предложили кардиналу уплачивать ему 3000 иперпиров ежегодно за все доходы с церковных земель, которыми они завладели. Они просили написать папе, чтобы он большего с них не требовал, иначе они не будут в состоянии нести военную службу империи. Кардинал должен был уступить. Затем и венецианский подеста заключил с кардиналом договор на ту же сумму за церковные земли, захваченные венецианцами.

Парламент в Силиврии разрешил и другое важное дело, утвердив в качестве регента (bailus) империи Конона Бетюнского, «короля» адрианопольского. Сохранился документ, характеризующий преобладание венецианцев. Севастократор и баил империи Романии в присутствии баронов и духовных властей поклялся, что не посягнет на права венецианцев в империи и не хочет быть баилом помимо их согласия. Венецианский подеста заявил в свою очередь, что хочет иметь Конона на таковом посту, и в свою очередь дал присягу соблюдать справедливость в отношении венецианцев и франков в империи.

Скончался и патриарх Гервасий. Подеста доносил дожу, что с разрешением вопросов о новых императоре и патриархе связаны все интересы Венеции в Романии, и рекомендовал принять все соответственные меры для обеспечения венецианских прав; бароны же присягнули Иоланте в том, что изберут на престол ее старшего сына Филиппа, оставшегося в Намюре (Фландрия), и теперь ожидали его прибытия.

Но Филипп предпочел остаться на родине. Константинопольская корона не прельстила владетельного графа. Он рекомендовал своего младшего брата Роберта, и у депутации константинопольских баронов не было лучшего кандидата. Роберт выехал сухим путем через Венгрию. Король Андрей, женатый на его сестре, принял в нем участие. Чтобы обеспечить ему

путь через Болгарию, король Андрей даже выдал свою дочь за Иоанна Асеня Болгарского, он дал Роберту своих сыновей в спутники. Казалось, венгерская и французская партии заключили союз с участием болгарского царя; новые силы окружили Роберта. На Благовещение 1221 г. он был коронован новым патриархом Матвеем, избранным из венецианцев, как старался подеста Тьеполо. Еще в Риме новый патриарх предоставил венецианским церквам Романии полный иммунитет, обязавшись в случае его нарушения внести крупную сумму венецианскому патриарху Градо, главе духовенства Венеции. Эти обязательства были скреплены подписями избравших Матвея венецианских каноников св. Софии. Против Матвея не умолкали жалобы французского духовенства в Константинополе. Жаловались, что он общается с отлученными от Церкви и заключил с венецианцами соглашение, направленное против других наций. Новый император хотя подтвердил венецианцам привилегии, данные Балдуином, но старался поступать независимо и поддерживал пизанцев. Он содействовал папскому легату против пристрастного Матвея и заслужил от папы Гонория благодарность и пожелания счастливого правления.

И со стороны Никейского царства опасность не угрожала Роберту на первых порах. Ласкарь был женат на его сестре Марии. Желая теснее связать себя с домом Куртенэ и через него усилить свои шансы на константинопольский престол, Ласкарь в ущерб церковным канонам предложил Роберту свою дочь Евдокию и большие земли в приданое. Смерть Ласкаря и его супруги Марии Куртенэ (1222) положила конец этим планам. Роберт имел неосторожность поддержать братьев Ласкаря против занявшего никейский престол Иоанна Дуки Ватаци. Борьба с этим лучшим помощником Ласкаря была не под силу малоспособному и трусливому, не по заслугам чванному Роберту, и началась для него полоса несчастий, не покидавших его до смерти. Ранее того, уже в 1222 г., пало латинское королевство в Салониках под ударами Феодора Эпирского. Создание Бонифация Монферратского оказалось еще менее прочным. Хотя папа Гонорий взял под свое покровительство юного сына Бонифация, Димитрия, и назначил ему опекуном его сводного брата Гильельмо Монферратского, вслед за чем примирился со двором и старый Биандрате; хотя сильнейший из вассалов королевства, Гвидо Паллавичини, маркиз Водоницы, стоял во главе управления; хотя сам Димитрий был отправлен к Фридриху II Гогенштауфену просить его мощной поддержки, — Феодор Эпирский без труда занял Салоники. Подробности этого события относятся к истории Эпирского царства. Экспедиция Гильельмо Монферратского кончилась с его смертью в Греции. Сам Димитрий умер в Италии бездетным (1227); права его были к конце концов переуступлены Палеологам, когда те в них уже не нуждались. Падение Салоник повлекло за собою утрату франками Македонии и Фракии. Посланные против греков войска Роберта были разбиты под Сересом и бежали в Константинополь, вызванные известием о еще большем несчастии латинян в Малой Азии.

Роберт принял бежавших к нему братьев Ласкаря, Алексея и Исаака, и отправил их во главе большей части франков в М. Азию, в те порубежные области, которые были устроены императором Генрихом на началах самоуправления греков. Сначала братья Ласкаря действовали успешно и заняли часть страны; но, встретившись с самим Ватаци при Пиманиноне, они были разбиты, схвачены и ослеплены. Цвет франков погиб в этой битве, пал старый барон Макарий Менегу, герой войн с Ласкарем.

Эти события 1224 г. похоронили для франков всякую надежду. Ватаци завладел азиатскими владениями императора Роберта так же быстро, как Феодор Эпирский — европейскими. У Роберта остался лишь Константинополь. Защищаться он не думал и не мог. Вымерли сподвижники Генриха, скончался и Конон Бетюн. Вся надежда оставалась на Запад. Роберт посылает послов к папе Гонорию, умоляет помочь; папа в свою очередь просит французскую королеву Бланку спасти «Новую Францию». Пока могла прийти помощь, нужно было мириться

с греками во что бы то ни стало. Роберт уступил Ватаци все владения в Азии, даже Пиги, оставив за собою только округ Никомидии (1225). Ватаци в свою очередь отпустил к Роберту его невесту Евдокию, дочь Ласкаря, которую задерживал несколько лет. Роберт за это время увлекся дочерью одного рыцаря и отнял ее у жениха, поместив ее с матерью в своем дворце. Приехавшая Евдокия предпочла выйти за одного из крупных вассалов Роберта. Составилась партия рыцарей, возмущенных поведением императора; они ворвались во дворец, утопили мать и изуродовали дочь. Роберт уехал к папе жаловаться на своих вассалов и на пути оттуда умер (1228), оставив по себе бесславную память.

Малолетний брат Роберта Балдуин остался законным наследником престола. Но положение империи требовало авторитетного правителя, облеченного всею полнотою власти, какой мог располагать в Романии император. Часть часть баронов обращала взоры на север. Они предлагали на этот раз не венгерского короля, но болгарского Иоанна Асеня, зятя венгерского короля, притом в качестве не императора, но опекуна Балдуина, предполагая обручить его с дочерью Асеня. Другая часть баронов, между ними прикосновенные к оскорблению Роберта, предпочитали лицо, ничем не связанное с домом Куртенэ, и указывали, что опасно доверяться варвару. Хотя могущественный Асень обещал очистить Романию от греческих войск, получила перевес, к вреду для франков, враждебная ему партия. Была выдвинута кандидатура бывшего иерусалимского короля Иоанна Бриеня, изгнанного Фридрихом Гогенштауфеном и служившего начальником папских войск против Фридриха; это был старик громадного роста и с репутацией храброго и опытного воина. Папа был, конечно, на его стороне, и Бриень был избран не регентом, но императором-соправителем, и было условлено обручение его дочери с юным Балдуином. До совершеннолетия последнего Бриень должен был править империей в качестве соправителя на время, как было обычно во французском феодальном праве, а затем получить или Никейское царство от Никомидии до Архипелага, или европейскую Романию, владения Феодора и Асеня, уже в качестве вассала Балдуина. Так далеко шли мечты и надежды франков и курии, таков был ореол воинской славы Бриеня. Он привел с собою значительное войско и был встречен в Константинополе как избавитель (1231). Бриень, однако, не оправдал надежд. Старость взяла свое, он был осторожен и так скуп, что солдаты переходили от него к Асеню. Два года Бриень провел без дела, не было ни мира, ни войны, такое домоседство было необычным для французов.

Ватаци не подавал повода к разрыву и вел с папой переговоры о соединении Церквей. В 1233 г. наконец Бриень собрался в поход, выждав удобного момента, когда флот Ватаци был занят на Родосе (против кесаря Леонтия Гавалы, местного дината). Бриень высадился в Лампсаке, но подвигался медленно, придерживаясь берега, взял одну крепостцу возле Кизика и случайно г. Лиги (ныне Бига), с тем и вернулся в свою столицу. Ватаци нанес ему более чувствительный удар. Он заключил союз с Асенем и обручил сына Феодора с дочерью Асеня Еленой, хотя оба были еще дети. Союз могущественных соседей поставил франков в опасное положение. Бриень, забыв свою гордость, просит помощи у Венеции, Вилльгардуэна Ахейского, у преемника Гонория папы Григория IX (1227—1241). Все они откликнулись горячо. Весною 1235 г Ватаци осадил и разорил венецианский укрепленный город Галлиполи и встретился с Асенем; они отпраздновали свадьбу своих детей (11 и 9 лет!). Во главе громадного, до 100 000, войска союзники двинулись двумя колоннами, опустошив Фракию до самой Марицы, и обложили Константинополь с суши и с моря.

При этом случае Бриень показал свою прежнюю доблесть. Имея под рукой всего 160 рыцарей и нескольких сержантов, он сделал вылазку и в открытом бою погнал полчища варваров. Таково было превосходство вооружения и личная доблесть франков. Выйдя за приморские ворота, латинская пехота напала на высадившихся греков и при помощи

подоспевшего венецианского флота захватила 24 греческих корабля. Союзники были отбиты с большим уроном, но решили вернуться, подготовившись еще лучше. Положение Константинополя, почти отрезанного с суши и с моря, продолжало быть опасным. Папа энергично готовил помощь; особенно рассчитывал он на Венгрию. Первым явился Вилльгардуэн Ахейский на 6 кораблях, наполненных отборным войском; он пробился сквозь флот греков; купеческие корабли итальянцев Константинополя ударили на греков со стороны Рога, и флоты Ватаци и Асеня были разбиты.

Эти успехи не изменили дела. События последних лет ослабили Латинскую империю. У нее не осталось владений, кроме окрестностей столицы. Не было доходов ни у правительства, ни у баронов, ни у духовенства. Они лишились своих крепостных и впали в крайнюю нужду. Выгоды от транзитной торговли обогащали преимущественно венецианцев, свободных от обложения на содержание двора и войска. Возвратить доходные провинции из рук Ватаци и Асеня не было никакой надежды. С тех пор правительство и сам император были обречены на нищенство при дворе у государей Европы и у курии; несмотря на щедрые дары из Европы и на громаднуюежегодную субсидию от Вилльгардуэна Ахейского (22 тыс. иперпиров), должны были продавать или закладывать драгоценности и святыни. Из такого положения был один выход — ликвидация империи, однако она продержалась еще четверть века.

В 1236 г. молодой Балдуин впервые отправился в Европу просить денег и войска. В Риме папа Григорий его принял с почетом, написал государям и епископам Франции, Англии, Венгрии послания, прося помочь константинопольской империи. Папа предложил епископам, баронам и рыцарям, давшим обет паломничества, обратить свое оружие сначала на врагов Константинополя, объявив отпущение грехов всем желающим служить константинопольской империи, и снабдил этими буллами Балдуина. Во Франции молодой император явился ко двору Людовика Святого и его матери Бланки, с которыми он состоял в родстве и лично, и по жене, дочери Бриеня. Французский двор был самый богатый в Европе. Людовик обласкал Балдуина и отдал ему родовую вотчину Куртенэ. Затем Балдуин отправился во Фландрию, где занялся собиранием своих наследственных земель, захваченных его родными; с собственной сестрой он даже воевал из-за Намюра. За всем тем проходило время, тратились деньги, собранные в пользу Константинополя. Собиралось, однако, большое войско. Часть его отправилась в Св. Землю, несмотря на угрозы Фридриха Гогенштауфена. Снаряжали дружины король наваррский Тьерри, графы бретанский и суассонский, в сочувствии недостатка не было; между тем Балдуин все не ехал. Наконец приехали послы из Константинополя с известием о смерти Бриеня (1237) и просьбою не задерживаться в Европе. Нужда в Константинополе дошла до того, что регент де Кайе (Сауеих) с согласия баронов заложил терновый венец Христа венецианцам. Эта святыня была выкуплена Людовиком Святым и перевезена в Париж. Лишь Вилльгардуэн Ахейский и венецианцы поддерживали изнемогавшее правительство империи. Сопровождавший Балдуина Иоанн Бетюнский, оставшись в Италии, собрал было войско и выступил на Восток, но умер в Греции, и войско его разбрелось. Германский император Фридрих относился враждебно ко всякому предприятию, поддерживаемому папой. Он даже вступил в сношения с Ватаци. Греческий царь обещал признать Фридриха своим сюзереном. Он настолько чувствовал себя сильным в отношении к константинопольским баронам, что даже предлагал им уйти из столицы и обещал их выпустить беспрепятственно со всеми их сокровищами. Между тем Балдуин все мешкал, проживая то в родной Фландрии, то при различных дворах. Лишь в 1240 г. он выступил в Константинополь во главе громадных по тому времени сил: 700 баронов и рыцарей, 30 000 конных, большого числа пехоты. По ходатайству Людовика Французского, которого одного боялся Фридрих, армия Балдуина была пропущена через южные провинции Германской империи, прошла беспрепятственно через Венгрию и Болгарию и прибыла в Константинополь,

где Балдуин был коронован латинским патриархом Николаем (1240).

Независимо от этой крупной помощи, оказанной и на этот раз Европой, положение империи несколько улучшилось после смерти Бриеня. Царь болгарский Иоанн Асень резко переменил свою политику в отношении к грекам и франкам. Он разорвал с Ватаци, вытребовав у него свою дочь, и завязал сношения с папой, прося послать ему легата, что Григорий исполнил с радостью. Асень даже заключил союз с франками, которых Ватаци держал в осаде. Франки уже не гнушались северными варварами и братались даже с половцами, соблюдая их дикие обычаи. Сам регент де Туей женился на дочери половецкого князя, язычника, перекочевавшего с севера за Дунай, спасаясь от татар, и, когда этот тесть умер в Константинополе, население наблюдало зрелище тризны и заклания рабов и коней на его могиле за городскими стенами. Асень во главе большого войска соединился с франками и осадил занятую войсками Ватаци крепость Цурул (ныне Чорлу), но встретил храбрый отпор со стороны начальника гарнизона Никифора Тарханиота, впоследствии великого доместика войск Ватаци. В то же время Асень получил известие о внезапной смерти своей жены (Анны Венгерской, дочери архиепископа Тырновского) от моровой язвы и поспешно отступил в свою столицу. Он даже примирился с Ватаци и послал ему свою дочь, юную жену наследника Ватаци. Франкам пришлось снять осаду.

В это время и прибыл Балдуин со своим большим войском. Осада Цурула была немедленно возобновлена. Новый комендант Петралифа сдался и был уведен в Константинополь. Такого успеха франки не имели давно, но он был последний. Ватаци методически отнимал последние владения франков на азиатской стороне, взял область Никомидии, занял Даскилий в юго-восточном углу Мраморного моря, воспользовавшись отъездом его владельца де Мери во Францию: бароны покидали Восток, как только им открывалось более спокойное наследство во Франции. Теперь все берега Мраморного моря оказались в руках греков, хотя в 1241 г. венецианцы разбили флот Ватаци.

Смерть Асеня (1241) и малолетство его наследника Коломана изменили планы Ватаци, ему казалось возможным и более верным сначала овладеть владениями болгар во Фракии и Македонии. Для облегчения себе этой задачи и задуманного им завоевания Салоник Ватаци заключил мирный договор с франками. Правительству Балдуина было ясно, что это перемирие — не более как отсрочка завоевания Константинополя греками. Не надеясь уже на собственные средства, Балдуин, ранее имевший помощь половцев и болгар, ныне ищет союза у турок.

Султан Гиас ад-дин Кейхозрев II охотно пошел навстречу желанию Балдуина и предложил наступательный и оборонительный союз, скрепив его, по обычаю, браком. Он гарантировал своей будущей невесте свободное исповедание христианской веры (сам Гиас ад-дин был сыном гречанки). Он обещал выстроить и содержать христианские церкви в городах своего государства и подчинить Римскому престолу всех живущих в султанате греческих и армянских епископов. Балдуин уже начал сватать султану одну из принцесс Франции, когда Ватаци расстроил его планы, заключив мир с тем же султаном (1243). Для последнего Ватаци был полезнее на случай нападения татар, чем франки. Действительно, татары отступили, прослышав о союзе султана Рум в Иконии и греческого царя в Никее.

Но положение франков стало безнадежным. Из Европы Балдуин привел большую армию, но содержать ее было нечем, и она немедленно начала таять. Как ни изыскивал папа доходные статьи для императора и патриарха в Константинополе, как ни щедры были западные государи с французским королем во главе, константинопольское правительство не могло существовать субсидиями, подачками и финансовыми ухищрениями, несовместимыми с его достоинством. Собственных доходов почти не было после захвата греками всех земель и крепостных как баронов, так и прелатов.

Но даже при подобных обстоятельствах константинопольское правительство не думало опереться на немногих греков, оставшихся ему верными. Балдуин пишет королеве Бланке Французской, что, повинуясь ее настояниям, он не намерен следовать советам двух своих греческих сановников, но будет доверяться исключительно французам: полная противоположность политике Генриха, который укрепил франкскую монархию не только своими победами, но и терпимостью к грекам. Впрочем, во времена Баддуина II и Ватаци не оставалось никаких надежд на примирение греков, имевших за собою сильное национальное царство Ласкаридов, с оскудевшим латинским правительством; последнее не могло прокормить ни себя, ни армию, ни латинский клир, будучи лишено земель и крестьян, которые на него работали прежде.

Международное положение империи Балдуина ухудшилось. Исконный враг римской курии Фридрих II Гогенштауфен завязал сношения с Ватаци и выдал за него дочь свою от морганатического брака с Бианкой. Отношения Фридриха к Балдуину были полны подозрительности. Германский император требовал от константинопольского ленной присяги, считая лишь себя законным преемником римских цесарей. Фридрих препятствовал отъезду крестоносцев из гаваней Южной Италии, мы видели выше, что сам Балдуин мог получить пропуск через земли Фридриха лишь благодаря французскому королю. С другой стороны, Венеция не высылала военной помощи Балдуину; являлись регулярно лишь караваны ее купеческих судов. Для республики имели важность лишь торговая монополия, интересы венецианских колоний и церквей.

Балдуин вторично едет на Запад. Только оттуда он ожидает спасения, прежде всего денежной помощи. Его маршал уже находился во Франции, посланный с той же целью. Правда, Балдуин благодаря громкому своему званию и связям играет еще политическую роль и на Западе. Он является примирителем Фридриха с папой, но его хлопоты сопровождались кратковременным успехом. В 1245 г. папа отбыл в Лион и созвал церковный Собор для разрешения конфликта с Фридрихом и для устройства восточных дел. На Соборе Балдуин занимал место справа от папы. Присутствовал и Константинопольский патриарх Николай. Он жаловался на Соборе, что у него из 30 викарных епархий осталось всего три. Остальные отняты греками, которые подступили к стенам Константинополя и жестоко преследовали верных папскому престолу. Собор отлучил Фридриха от Церкви и поставил ему в вину союз с Ватаци. На воспособление империи Балдуина были назначены доходы с вакантных, особенно богатых, церковных бенефиций, десятая доля жертвуемых курии сумм и некоторые другие поступления в пользу Церкви. Патриарх Николай получил звание легата и связанную с ним крупную долю доходов с церковных имуществ в Ахейском княжестве. Римская Церковь, холодно относившаяся к константинопольской империи при ее блестящих первых шагах, кончила тем, что отожествила свои интересы с сохранением константинопольского правительства, когда уже и курия не могла его спасти. Вместе с папой Балдуин отправился в Клюни, затем прожил при дворе Людовика целых два года. В Константинополе оставались императрица Мария и регент де Туей; правительство терпело уже такую нужду, что снимало с церквей и дворцов свинцовые крыши. Папа изощрялся в способах помочь Балдуину. Францисканцам было предписано отбирать в его пользу имущества, добытые ростовщичеством и другими незаконными путями. Уступлены были даже суммы, оставленные по завещаниям на благотворительные цели. Продавались индульгенции, но всего этого было недостаточно. Балдуину хотелось проживать в Европе по-царски. Пышный французский двор манил его более, чем обнищавшая столица на краю Европы. Балдуин начал занимать деньги и под мощи, и под векселя у итальянских купцов. То же самое делала его жена в Константинополе, умоляя свою тетку, королеву Бланку, уплатить сделанные ею долги. Балдуин был еще во Франции, когда царь Ватаци напал на крепость Цурул. Ее франки

уже не пытались защищать. Ватаци взял и Визу, так что у константинопольского правительства не осталось во Фракии ничего, кроме ближайших окрестностей столицы. Сам Константинополь Ватаци не осаждал, зная, что он попадет в руки греков, и занялся завоеванием Архипелага. А Балдуин II все еще устраивал свои личные дела и отчуждал последние святыни византийского дворца, скрепляя грамотами за золотой печатью их передачу французскому королю, своему покровителю. Несмотря на все подобные операции, Балдуин немедленно по возвращении в Константинополь занял у купцов крупную сумму и послал императрицу во Францию, чтобы просить ее родственницу, королеву Бланку, уплатить за них этот долг. Балдуин смотрел на французский двор как на свое последнее прибежище. Он последовал за Людовиком Святым, отправившимся в крестовый поход, оставался в его лагере в Египте и Сирии, прося денежной помощи. Новый латинский патриарх Константинополя, знатный венецианец Пантолеон Джустиниани, отдает в залог с разрешения папы церковные имущества и занимает у правительства венецианской республики крупные суммы на уплату неотложных долгов. Даже цветущая, казалось бы, венецианская колония в Константинополе стала занимать у своей метрополии на свои настоятельные потребности. Республика недостаточно оценила угрожавшую латинянам опасность в Константинополе и сосредоточила свои силы на ожесточенной борьбе с Генуей на побережье Сирии. Впрочем, венецианцы предпринимали некрупные экспедиции и отвоевали у болгар Месимврию на Черном море и обрели там главу великомученика Феодора. Серьезные меры были приняты Венецией тогда, когда никейский император Михаил Палеолог разбил латинян в Греции, заключил союз с Генуей и, подступив к Константинополю, угрожал Галате.

В Константинополе царила нужда и отчаяние. Забыты были празднества и турниры, когда стало ясно, что жить нечем и предстоит уходить. Снимали медные крыши с церквей или дворцов и переплавляли в монету. Ломали потолки и полы ценных построек на дрова. Украшения церквей распродавались открыто. Население города таяло, торговля прекратилась. Не стало покупателей для заморских товаров. Не только высшие классы, но и население окрестностей, разоренное войнами и грабежами диких куман, выселилось во владения Ватаци. Продукты, которыми окрестности кормили столицу, исчезли с рынка. Следствием нищеты явились беззаконие и грабежи; шайки «добровольцев» бродили под городом и грабили, не щадя ни франков, ни греков. Общая деморализация перешла на высшие классы, и не было среди правительства и духовенства лиц, способных поднять дух. Не говоря о скандальном царствовании Роберта, и Балдуин, только и мечтавший о сладкой жизни в Европе, подавал баронам дурной пример. Эмигрировали в Европу те, кто могли устроиться, получали наследство. Длившееся годами отчаяние перешло в апатию, и латиняне ждали неизбежного конца своей власти в греческой столице, утратив все средства и надежды.

Среди баронов были люди, предпочитавшие сдать город грекам. Один из них, Ансельм (де Кайе или де Туей), бывший в свойстве с никейской династией, вступил в тайное соглашение с царем Михаилом Палеологом и собирался впустить греков в город, владея усадьбой у городской стены, но этот план стал известен Балдуину. Изменника даже не предали суду: у императора оставалось уже одно имя.

Таково было состояние Латинской империи перед возвращением Константинополя в руки греков. Это событие мы относим к истории Никейского царства как ее завершение, осуществление политических идеалов никейских царей, начиная с Ласкаря.

Слабый Балдуин как сдал свою столицу без боя, так и не пытался возвратить ее с оружием в руках. Вместе с венецианцами, их подеста Граденигo и патриархом Джустиниани он отплыл сначала на Евбею и в Афины, где принимал еще дары вассалов и посвящал в рыцари, затем в Европу. Разоренный, распродавший родовые земли во Фландрии, он проживал при различных

дворах, продавая государям и баронам грамоты на земли, которые более ему не принадлежали. Наиболее важным его актом была уступка неаполитанскому королю Карлу Анжуйскому прав на Грецию, Эпир, Македонию и западную часть Архипелага за возвращение ему, Балдуину, Константинополя (1267); в случае бездетной смерти сына Балдуина, Филиппа, Карл Анжуйский получал все права на империю Романии. Но ликвидация последней произошла без деятельного участия Балдуина. Ее судьбу решали греки и венецианцы.

Латинская империя погибала от внутреннего бессилия и под ударами сильнейших врагов, не оставив по себе ни одного культурного памятника в столице. Процесс закончился быстро, всего в течение полувека.

В Греции франкские государства в течение XIII в. были цветущими и богатыми. Они счастливо справились с греческим населением и примирили с собою громадное его большинство. Они значительно пережили Латинскую империю в Константинополе и приютили у себя изгнанных ее баронов. Франки Греции привили архонтам свои нравы, усвоили их язык, не оставляя собственного, и породнились с греками настолько, что образовалось смешанное население. К нему принадлежал автор знаменитой Морейской хроники, посвященной описанию подвигов Вилльгардуэнов, написанной по-гречески и рано переведенной на романские языки: феодальное обычное право, Ассизы Ахеи, управляло политическими и гражданскими отношениями не только франкского, но и подвластного греческого населения. Прочность власти, культурная и предприимчивая аристократия и богатство страны развили строительство, возникают аббатства и замки с Мистрой во главе.

Центром политической и культурной жизни Греции был двор князей морейских Вилльгардуэнов. Первый из них, Готофред, или Жоффруа I, умер в 1218 г. «Плач пошел по всей Морее, так народу был он дорог за хорошее правленье и за правду и за ум», — отзывается Морейская хроника.

Время его сыновей Готофреда II (1218 — 1245) и Гильома II (1245 — 1278) было апогеем франкского культурного и политического влияния в Греции. Бароны Ахеи славились по всей Европе. Знатнейшие рыцари всего мира были в Морее, по словам хроники Мунтанера, все они были самой знаменитой крови. Они выбирали себе жен из знатнейших домов Франции, и у них говорили столь же хорошим французским языком, как в Париже. Одни из баронов выстроили себе укрепленные замки на утесах, другие жили в помещичьих усадьбах, разбросанных по плодородным долинам. Сохранившиеся в Морее развалины замков свидетельствуют о великолепии жизни баннеретов, крупных вассалов, имевших право на собственное знамя. Иные из них, как бароны Аковы или Каритены, выставляли сотни воинов и десятки рыцарей. При дворе Жоффруа Вилльгардуэна жило постоянно 80 рыцарей с золотыми шпорами, выходцы из Иль-де-Франса, Бургундии и особенно Шампани, откуда родом была сама княжеская семья. Одни из этих рыцарей явились на Восток из любви к приключениям, другие — спасаясь от долгов, третьи — от суда за преступления на родине. Все они жили на полном содержании и получали жалованье от князя. Доверенные князя посылались ко дворам баронов для наблюдения, как они живут и управляют своими подданными. Так поступал Жоффруа II, по словам венецианца Санудо. Греческие архонты, присягнувшие князю, вошли в феодальную систему и стояли на равной ноге с латинскими вассалами. Города сохранили выборные власти, местные обычаи, льготы и привилегии времен византийских царей и, главное, избавились от византийских чиновников. Благосостояние возросло. Доверие и законность были так велики, что купцы ездили по стране без наличных денег, выдавая расписки, которым верили продавцы. Обычное право и патриархальный быт заменили крючкотворство византийских судов. Крестьяне судились у баронов, что при рыцарском характере первых завоевателей страны было благодетельно. Примером был барон Каритены, от которого никто не уходил с пустыми руками.

Бароны судились у князя и в палате его баронов. Повинности, возложенные на каждый лен, и утвержденные князем решения его палаты, сообразные с феодальным правом различных областей Франции, заносились в особый регистр, или кодекс. Так было в королевствах Кипрском и Иерусалимском. Их Ассизы были руководством для судов Ахеи. Материал, относящийся к Ахее, т. е. список повинностей и решения судов, был редактирован в один кодекс позднее, в XV в., венецианским правительством под именем Ассизов Романии и Ахеи и присоединен к Ассизам Кипрского и Иерусалимского королевств. Старший сын основателя династии Готофред, или Жоффруа II, не был особенно даровит, но лично был достоин уважения, которым пользовался, и родился под счастливою звездою. От отца он получил большие владения и прочную власть. Морейское княжество при основании обнимало собственную Морею, т. е. Элиду и Мессению, и область Патр; Готофреду II достался почти весь полуостров, кроме Монемвасии и горцев юго-западной части. Франкская Ахея — имя, означавшее совокупность земель на полуострове и островах. От отца он унаследовал признанное Равенникским парламентом право объявлять войну и заключать мир, высшую и низшую юстицию, т. е. право разбирать уголовные и гражданские дела и налагать наказания до смертной казни включительно, также право чеканить монету, которое имели, впрочем, и вассалы меньшего значения. Сам Жоффруа получил титул князя (вместе с званием великого доместика), и притом в начале своего счастливого правления, без всякой политической борьбы.

Связано это было с его романтической женитьбой. Морейская хроника рассказывает о сестре императора Роберта Агнесе, посланной с блестящей свитой к жениху, королю арагонскому; корабли пристали к Понтикокастро в Элиде; юный князь, бывший поблизости, пригласил принцессу погостить и по совету окружающих предложил ей руку и сердце, так как во всей Морее не было для него невесты, подходившей к нему по знатности. Корабли Роберта отсылаются обратно с извинениями счастливых новобрачных. Роберт разгневался, но вскоре рассудил, что лучшего зятя, более полезного для Константинопольской империи, не было. Встретившись с Жоффруа в Лариссе, император пожаловал ему звание великого доместика Романии и сюзеренные права над Наксосом и прочими Кикладами — владениями венецианца Санудо. Такова легенда; ее историческое зерно проще. Жена и дочь погибшего в Эпире императора Петра Куртенэ на пути в Константинополь высадились в Морее, и брак был заключен по взаимному желанию. Вслед за тем Жоффруа получил от императора титул князя.

Столицей Морейского княжества или, точнее, резиденцией Жоффруа была Андравида, расположенная среди плодородной равнины и открытая со всех сторон. Воля отца и экономическое значение местности привязывали молодого Жоффруа к области Андравиды. Для целей обороны он строит великолепный замок Клермон, носивший у греков имя Хлемуци, возле Гларенцы и Андравиды. Белые стены и постройки Клермона были видны со всех пунктов Элиды. Сохранились его величественные развалины, галереи, отчасти высеченные в скале, большой зал с полуцилиндрическим, ныне провалившимся сводом; все было выстроено из тесаного камня. При княжеском замке был устроен позднее монетный двор, где чеканились французские серебряные tornois, отчего замок получил название у венецианцев Castel Tornese.

Для его постройки были нужны большие средства, и князь не задумался наложить руки на церковные доходы. Только что с Морей был снят интердикт, наложенный на его отца. С 1220 г. воспоследовал новый, распространенный и на владения афинского «мегаскира» Оттона де ла Рош. Напрасно прелаты и сам папа называли его «худшим фараона». Жоффруа на эти деньги строил свой замок, пока не окончил, и тогда объяснил духовенству, что иначе не мог поступить ради нужд обороны государства от греков.

Жоффруа II был менее даровит и предприимчив, нежели его отец и младший брат. Ему не пришлось бороться с такими трудностями, какие встретились и отцу и преемнику, брату

Гильому. Благодаря богатству и прочной власти, унаследованной от отца, и своему достойному характеру Жоффруа пользовался почетом и правил счастливо. Он имел дело с дружиной западных рыцарей, пересаженной на чужеземную почву. Туземцы были одной веры с завоевателями, так как большинство их приняло унию, а прочие отличались лишь обрядами и церковным строем; одно духовенство было непримиримо и опреснокам придавало значение почти догмата. Культурный уровень покоренного населения был не ниже, чем у завоевателей. В Греции был ряд цветущих промышленных и торговых городов, как Фивы и Монемвасия. Завоеватели заключили с городами полюбовные соглашения, уважали вольности и обычаи, становились на место греческого правительства в отношении к различным классам населения, избавив их от вымогательств византийских чиновников и установив безопасность в стране. Главной обязанностью князя оставалась организация военного класса на основании феодального обычного права. Для надзора за жизнью вассалов и их обращением с подвластными свободными и крепостными людьми князь Жоффруа посылал время от времени своих доверенных людей; верхняя палата в Андравиде пользовалась таким весом, опять-таки на основании феодального права, что при конфликте княжеской власти с частными интересами князь слагал с себя председательство и защищал свои интересы как частное лицо. Такой случай известен при Гильоме.

Морейское, или Ахейское, княжество процветало при Жоффруа, и отношения ко второму по силе государю франкской Греции, именно к афинскому «великому господину», были дружественные, как ни старались венецианцы поселить между франками раздор. Жоффруа имележегодный доход в 100 000 золотых иперпиров, мог содержать блестящий двор, даже на французский взгляд, и вместе с тем щедрою рукою помогать погибающей, истощенной Константинопольской империи. Ежегодно посылал он императору 22 000 золотых иперпиров, доставлял 100 рыцарей и содержал их на свой счет. Неоднократно он снаряжал корабли и являлся лично на помощь осажденному Константинополю. Богатое духовенство Морей со своей стороны по приказанию римской курии помогало латинскому патриарху. Император Балдуин пожаловал сюзеренные права над Евбеей и графством Водоницей, т. е. и над Средней Грецией, и даже подарил ахейскому князю свою родовую вотчину Куртенэ в отплату за оказанную помощь. Король Франции Людовик Святой не утвердил этой сделки. Балдуин показал себя в невыгодном свете, оправдываясь перед Людовиком тем, что в момент приезда князя ахейского в Константинополь в столице царил голод и он, Балдуин, не знал, куда идти и что делать; неудивительно, что он уступил требованию Жоффруа; и если бы князь потребовал больше, то Балдуин не мог бы ему отказать; а теперь он рад приговору короля, как будто получил другое равноценное имущество. Жоффруа после этого продолжал посылать Балдуину деньги и людей, но сам более к нему не ездил.

Жоффруа II скончался в 1245 г. и, будучи бездетным, оставил престол младшему брату Гильому; по воле умершего была выстроена в Андравиде базилика св. Иакова над гробницами Жоффруа II и его отца Жоффруа I; аббатство его было отдано тамплиерам.

Гильом (1245—1278) был даровитым представителем поколения, родившегося уже в Греции. У него были качества государя организатора страны. Немедленно он предпринял и выполнил крупнейшие государственные дела: покорение последней греческой твердыни, подчинение горцев Тайгета, создание ряда укрепленных замков с Мистрой во главе. В умиротворенную Восточную Морею Гильом перенес свою столицу. Но к концу его правления начался неизбежный, ускоренный неосторожным походом в Пелагонию, упадок государства пришельцев, когда греческая нация сплотилась вокруг своего царя на древнем троне Константинополя. Несмотря на энергию Гильома, франкское княжество было изгнано из созданной им Мистры и продолжало существование без надежд, будучи заключено в старые

границы собственной Мореи. Судьбы этого княжества увлекали в свое время читателей Морейской хроники, современников, переведших ее на романские языки, и занимают исследователей ныне, со времен Бюшона. Для Европы, особенно Франции, Морейское княжество — блестящий эпизод колонизации Западом европейского Востока, в тех формах и с таким успехом, которые не повторялись, выключая разве историю германских восточных марок. Недаром Гете во II части «Фауста» избрал обстановку французского Пелопонниса для поэтической картины сочетания эллинской красоты с германской силою. С XIII в. Восток, сначала под знаменем турок, завоевывает свои права, и наш XX в. сулит в этом отношении новые перемены.

Укрепив женитьбой на одной представительнице рода Dalle Carceri права на Евбею, Гильом приступил к главному делу своей жизни — покорению Юго-Восточного Пелопонниса. Здесь оставалась свободной от франкской власти греческая Монемвасия, торговый приморский город на неприступной скале с единственным подступом с суши (отсюда имя города, от слов μονη εμβασις). Чтобы получить флот, необходимый для осады Монемвасии, Гильом заключил договор с Венецией, подтвердив права собственности республики на гавани Корон и Модон и также обязавшись содержать венецианскую флотилию для охраны берегов Мореи. Затем Монемвасия была обложена с суши и с моря. Богатый город купцов и капитанов, суда которых ездили по всему Леванту, был обильно снабжен припасами и защищен неприступною своею твердынею. Три года отсиживались монемвасийцы, пока не пришлось есть кошек и крыс, и тогда лишь решились отдать свою независимость в руки Гильома. Условия сдачи были самые льготные: монемвасийцы остались свободными от всяких податей, лишь обязались служить во флоте, и то за плату. Когда в цитадели Монемвасии поселился франкский кастелян, подчинились и соседние цаконы, в диких ущельях покорились горцы, славяне-мелинги, стесненные новыми замками, созданием Гильома: Beaufort (Левтрон) и Великой Майной, вблизи старых Пассавы и Герака. Старшины мелингов предпочитали бороться за независимость до конца, но народ не пошел за ними; тем более что Гильом предложил им выгодные условия: мелинги были освобождены от всяких податей и привлечены лишь к военной службе в качестве легкой цаконской пехоты, как было в византийское время. Полвека длилось покорение Морей.

Чтобы держать покоренную Восточную Морею в крепких руках, Гильом замыслил перенести резиденцию из Андравиды, Клермона, в область Лакедемона. Поблизости этого средневекового греческого города, заменившего античную Спарту, он отыскал на предгорье дикого хребта, имеющего форму усеченного конуса и прозывавшегося Мизитрой (козий сыр), удобное место для царственного замка и выстроил знаменитую Мистру (по-французски слово звучит иначе и имеет смысл «государев город"). С любовью он обстраивал новую резиденцию в течение ряда лет. Но постройки первого франкского периода поглощены позднейшими византийскими времени деспотата Мистры, и до истории последнего отложим их описание.

К 1250 г. Гильом Вилльгардуэн был наверху своего могущества. Его двор славился по всему латинскому Востоку и был богаче иных королевских. При нем жило до тысячи конных воинов, и знатные молодые люди не только из княжества, но даже из чужих стран проходили науку рыцарского воспитания. Подолгу гостили знатнейшие бароны и монархи, тем охотнее, что Гильом выписал из Франции трех своих племянниц и выдал их за государей Греции.

Политическое ослабление Ахейского княжества началось с раздоров между самими франками, а также между ними и венецианцами. Могущество Гильома сплотило его противников. Поводом к враждебным действиям послужило вмешательство Гильома в дела Евбеи, опиравшегося на свое наследственное право сюзерена острова и на права по второму браку с одной из Dalle Carceri. В 1255 г. умерла Каритена Dalle Carceri, имевшая право на одну треть острова, и Гильом пожелал вступить в ее права.

Между тем еще при брате Гильома Венеция утвердилась на Евбее и смотрела на остров как на ценную свою колонию. Бывший при императоре Генрихе мятеж ломбардских баронов имел последствием утверждение венецианского господства на Евбее. Стесненный Генрихом владелец острова, веронец Равано Далле Карчери, ходатайствовал о принятии его в подданство Венеции. Это дало республике повод вмешаться в дела острова. В 1209 г. Равано признал республику своим сюзереном, обязавшисьежегодно платить 2100 иперпиров, также посылать златотканую одежду для дожа и такой же покров на престол храма св. Марка. Венецианцам были предоставлены право повсеместной торговли, церкви и гостиные дворы во всех городах острова. Грекам были гарантированы по ходатайству тех же венецианцев церкви и привилегии, которыми они пользовались при императоре Мануиле Комнине. Для управления венецианскими колониями был назначен баил, или наместник, в помощь ему приданы три советника и двое судей. Венецианское влияние господствовало на Евбее до самого турецкого завоевания. По смерти Равано баил является посредником между его вдовою и дочерью, двумя усыновленными племянниками и двумя сыновьями Гвоберто, другого государя на Евбее. Баил разделил каждую треть острова пополам и предоставил две половины трети соответственной паре наследников, с тем чтобы в случае смерти одного из сонаследников принадлежавшая ему шестая доля острова переходила к его сонаследнику. Столица оставалась общей для всех. Сам баил поселился во дворце Равано. Он получал от республики большое жалованье, сначала 450, а в конце XIII в. — 1000 иперпиров (11 300 фр.). Венецианские меры и весы вошли в употребление на острове. Венецианская церковь в Халкиде получала 12% с наследств умиравших на острове венецианцев. Евбея превратилась в цветущую итальянскую колонию, отнюдь не французскую. Таково было в общих чертах состояние Евбеи ко времени конфликта с Гильомом Вилльгардуэном. В Аттике и Виотии после отъезда на родину первого «мегаскира» Оттона де ла Рош правил его племянник Гюи или Гвидон I (1225 — 1263). Жил он в Фивах, центре шелковых мануфактур, разделяя власть над городом с фамилией баронов Сент-Омер. Генуэзцы вели в Фивах большую торговлю и держали своего консула. Бароны Сент-Омер славились своим богатством во всей Греции, и, конечно, де ла Рош не уступали им в богатстве. Опираясь на союз с Генуей, окруженный тремя испытанными в бою братьями и цветущим потомством, опираясь на фамилии Сент-Омер и маркиза Водоницы, который не считался с номинальной зависимостью от морейского князя, — Гвидон де ла Рош к середине XIII в. находился наверху могущества и счастья, как и Гильом Ахейский. Он был вассалом Гильома лишь по тем своим владениям, которые находились в Греции, и во всяком случае ленной присяги Гильому он не приносил.

Со своей стороны Гильом был одиноким и последним представителем своего славного рода. Зато он мог рассчитывать на ряд крупных вассалов, с частью которых состоял в свойстве. В Акове владели де Розьеры; в Каритене де Брюйеры; в Велигости де Валенкуры; в Гераке де Нивелеты; в Калаврите де Турнэ; в Пассаве де Шарпиньи. Вся эта кровная французская знать была богата и вела, по словам Морейской хроники, самую прекрасную жизнь, какую может иметь человек на всей земле. Таково было вкратце соотношение главных сил франков к середине XIII в.

Морейский, или ахейский, князь был сюзереном Евбеи, получив эти права от константинопольского императора. По смерти названной бездетной Каритены Далле Карчери Гильом предъявил свои права на оставленную ею треть, именно баронию Ореос, в качестве сюзерена. Он даже отчеканил у себя в Хлемуци монету с титулом «терциария Негропонта». Произошел конфликт с правами других терциариев, отпрысков того же итальянского рода, за которыми стояла и Венеция. Гильом жаловался правительству республики на евбейского баила, однако из этого ничего не вышло. При посредстве баила составилась целая лига баронов и

государей Средней Греции против морейского князя. Оба евбейских терциария объявили себя вассалами Венеции, уступили республике таможни острова, большие земли и укрепленные пункты. Оба они обязались начать vivam guerram против Гильома в случае нарушения им мира и не заключать с ним перемирия без участия Венеции (1256, 1258). Брат афинского государя, будучи вассалом Вилльгардуэна, изменил ему за богатые земли на Евбее, данные ему венецианцами. Наконец присоединился к лиге и сам мегаскир Гюи, оскорбленный надменностью Гильома Вилльгардуэна; он опасался к тому же, что ахейский князь, смотря на себя как на наследника прав салоникских королей, поставит и его, Гюи, в действительные вассальные отношения.

Первый период войны окончился благополучно для Вилльгардуэна. Враждебные действия начались на Евбее и сосредоточились у столицы острова. После 13 месяцев осады венецианцы взяли Негропонт у Гильома, но далее успехов не имели, и Гильом утвердился в захваченной трети. Когда же противники переманили к себе храброго Жоффруа де Брюйера, барона Каритены и племянника князя Гильома, последний напряг все силы и у горы Кариды в Аттике разбил Гюи Афинского. Тот скрылся в Фивах и был осажден победителем. Бароны Морей явились посредниками, и мир был восстановлен на предварительных условиях, оставляя окончательный приговор королю французскому Людовику Святому. Гюи вместе с союзниками явился с повинною в лагерь Гильома и затем уехал к Людовику в сопровождении представителя противной стороны. Людовик и его легисты оправдали Гюи, так как он никогда не давал ленной присяги Гильому, и даже пожаловали афинскому мегаскиру титул dux Афин. В лагере под Фивами привели к Гильому и барона Каритены с веревкой на шее как нарушителя ленной присяги; все умоляли Гильома пощадить храбрейшего рыцаря и племянника, пока Гильом не смягчился; он оставил Жоффруа де Брюйеру его лен Каритену в качестве личного владения и без права передачи по наследству в род Брюйеров. Мир, отпразднованный турнирами в Никли, дорого обошелся Евбее и Средней Греции. Война велась с напряжением сил и без пощады стране. Венеция уполномочила нового баила примкнуть к миру, заключенному между франками, и послала чрезвычайных послов ко двору Гильома.

Пора было латинянам мириться и подумать о защите общих интересов. Константинополь был накануне сдачи грекам. Дож призывал всех латинян Греции послать хотя бы одну тысячу воинов для защиты столицы Балдуина. Все латинские государи и бароны Греции, а также островов призывались к такому священному делу.

Грозившая опасность не укрылась от Гильома. Для отражения Палеолога и для обуздания баронов Средней Греции у него не было лучшего союзника, как эпирский деспот Михаил II. Будучи бездетным, Гильом просил руки дочери деспота Анны, вступая через этот новый брак в свойство и с королем Сицилии, могущественным Манфредом из рода Гогенштауфенов, женатым на другой дочери эпирского деспота.

Вместо помощи Гильом был втянут в войну между греками, двумя Михаилами — Комнином Эпирским и императором Палеологом. Последний послал в Македонию армию, составленную из греков, турок, сербов, венгров, куман, и отряд немецких наемников. Манфред послал на помощь деспоту 400 немцев. Вилльгардуэн явился лично во главе знатнейшего французского рыцарства. В Пелагонии произошло решительное сражение, имевшее гибельные последствия для морейских франков (1259).

Подробности, передаваемые Морейской хроникой, характеризуют общество того времени живыми красками. Рядом с деспотом Михаилом II играл большую роль среди греков его незаконный сын Иоанн, женатый на красивой дочери вождя Великой Влахии, выводившего свой род от мирмидонян Гомера. Чары красавицы вскружили голову молодым рыцарям Вилльгардуэна, они носили ее цвета, бились на турнирах и слагали стихи в ее честь. Греки на

это посмотрели косо, и сам Иоанн явился с жалобой к Вилльгардуэну, который с французской надменностью дал ему понять, что он «несчастный бастард, недостойный биться с людьми знатного рода». Иоанн затаил злобу. При приближении вражеской армии во главе с севастократором Иоанном и кесарем Константином, братьями императора Михаила Палеолога, Иоанн дал им знать, что франки будут в сражении покинуты союзными греками, и в то же время убедил своего отца не вступать в бой против громадных сил Палеолога. Деспот Михаил испугался, пригласил Вилльгардуэна и его братьев и условился ночью тайно уйти от врагов, покинув лагерь и людей простого звания.

Храбрый барон Каритены был возмущен. Придя в свой шатер, ударил жезлом по столбу своего шатра и стал громко жаловаться:

«Ты мне служил верою и правдою до сего дня, и если я тебя брошу, то я тебе изменю и утрачу твою службу. Хочу оправдать себя перед тобою и желаю, чтобы ты знал, что деспот, наш князь и мы, бароны Востока, поклялись и уговорились бежать нынче ночью, покинув наши ставки и людей. Я этого не могу сказать никому по данной мною клятве, но ты не человек, и я тебе подтверждаю, что это так, как я говорю».

Весь лагерь услышал слова барона Каритены и пришел в смятение. Князь призвал своего племянника, барона Каритены, и начал его бранить, но тот ответил весьма гордо: «Я не сделал большого преступления и готов биться со всяким, кто будет меня порицать, кроме вас, моего сюзерена, которому я обязан повиновением. А советовавших бежать и бросить людей считаю подлецами, и если они желают называться рыцарями, то пусть возьмут оружие, как настоящие воины, звание которых они недостойно носят».

Благородная речь барона Каритены заставила Вилльгардуэна одуматься, и через маршала отдан был приказ готовиться к битве. Ночью греки ушли, и франки остались одни, хотя не имели сами войны с Палеологом, но явились на помощь к эпирскому деспоту. Франков было один на пятнадцать врагов. Передовой полк был дан барону Каритены, и он бросился на врагов, — по Морейской хронике, на немцев герцога Ульриха, которого убил. Севастократор послал на помощь венгров и куман, которые стрелами перебили коней франков. Упал и барон Каритены. Севастократор подскакал к нему со словами: «Сдавайтесь, сеньор Каритены, брат мой!» — и поднял собственноручно знамя пленного барона. Сам князь Гильом попал в плен, его признали по выдающемуся зубу. Вся знать французской Мореи попала в плен к сборной армии Палеолога или погибла, и Гильом со знатнейшими баронами был отвезен в Лампсак к Михаилу Палеологу. Они томились в плену три года, напрасно предлагая выкуп. Михаил отвечал, что столь знатная добыча не может быть уступлена за золото, и требовал отдать ему Морею.

Тем временем пал латинский Константинополь, и оправданный мегаскир афинский, ставший герцогом, вернулся в Грецию. В Морее правила княгиня Анна с баронами. Является отпущенный из плена Жоффруа Каритенский с поручением передать уполномоченным Палеолога крепость Монемвасию, Мистру и Майну. Так договорился князь Гильом с императором за освобождение свое и бывших с ним. Он поклялся не воевать с Палеологом и даже крестил царского сына. Впрочем, в качестве заложниц должны отправиться в Константинополь две знатные дамы.

На парламенте, созванном в Никли, афинский герцог, по Морейской хронике, и ахейские вассалы, по венецианцу Санудо, восстали против уступки Палеологу хотя пяди территории полуострова, предвидя гибель франкского дела. Они находили, что князю лучше погибнуть в константинопольской тюрьме. Герцог де ла Рош даже предлагал лично заместить Гильома в Константинополе. Однако одержала верх партия мира, во главе которой стояла супруга пленного Гильома Анна Комнина, регентша Морей. Сторонники мира указали, что уступаются Палеологу личные завоевания Гильома.

Однако грекам был отдан кроме Монемвасии и выстроенных Гильомом Мистры и Великой Майны также и старый французский замок Герак. Брат императора севастократор Константин Палеолог был назначен наместником греческой Мореи. Сверх того, оказалось, что Гильом принес Палеологу ленную присягу и был утвержден им в звании сенешала Романии. Ахейский князь стал не только кумом, но и вассалом греческого царя. Событие это, случившееся вслед за возвращением Константинополя греками, знаменует конец франкского натиска на Восток и франкской независимости в Романии. История Морейского княжества получает лишь местный интерес. Мистра, главный памятник франкского творчества в Морее, становится греческой. Культурная роль франков была сыграна. Но долго еще длилось вымирание и разорение франкской Греции. Сам Гильом дал еще грекам почувствовать свою силу. Вернувшись из плена, он добился от папы разрешения от данной им присяги Палеологу. С Венецией было заключено мирное соглашение относительно Евбеи, в общем подтвердившее status quo до нападения Гильома на остров, причем сюзеренные права ахейского князя были признаны и Венецией. Особенно дружественные отношения между Гильомом и Венецией установились при доже Тьеполо. Общие интересы защиты против Палеолога сплотили недавних врагов.

Уже весною 1263 г. началась в Морее война между франками и греками. Гильом привел в порядок свои крепости и занял Лакедемон, жители которого уведены были греками в соседнюю Мистру. Положение франков быстро изменилось, и в недавно принадлежавшей им Восточной Морее они оказались врагами. Восстали не только греки, но и горные славяне-мелинги. В Монемвасии высадился царский родственник Макрин с 5000 иконийских турок под начальством Салиха и Мелика. Греческими силами руководили наместник севастократор Константин Палеолог, храбрый Михаил Кантакузин, великий доместик Алексей Филантропин. Одновременно эскадра под начальством Алексея Филантропина была послана в Архипелаг; экипаж был набран из монемвасиотов, цаконов и гасмулов (помесь франков с греками). Армии севастократора и Макрина было поручено покончить с франками в Морее. Гильом таких вражеских сил не ожидал, помощи из Средней Греции не получил и отошел к Коринфу, собирая все свои силы. Греки же наступали на самое ядро франкского княжества, в собственную Морею, древнюю Элиду, направляясь к столице Вильгардуэнов Андравиде. Греки и турки разорили Скорту (Аркадию), сожгли богатое аббатство в Исове, перейдя через Хелм, заняли Велигости, Приницу и Калавриту. Старый храбрый рыцарь Карабас был оставлен защищать Морею. Он был вассалом Жоффруа, барона Каритены, и заместил своего сюзерена на почетном посту по распоряжению Гильома. Легкомысленный герой Жоффруа незадолго перед тем бежал в Апулию вместе с красавицей женою Карабаса. Жестокая подагра не помешала старику покрыть себя славою. Во главе 300 всадников, привязанный к седлу, он напал под Приницей на греков, смял их авангард и обратил всю армию в бегство; севастократор едва ускакал в Мистру. Настала зима, и греки отложили поход на Андравиду. Тем временем в течение 1263 г. папа Урбан IV уговаривал Палеолога прекратить войну. Весною армия севастократора, составленная из турок, греков и местных славянских и греческих горцев, наступала вновь на Андравиду. Кантакузин был убит в стычке, и севастократор вновь отступил и под впечатлением двух неудач уехал в Константинополь. Не получив жалованья, турецкий отряд покинул греков и перешел на службу к франкам; среди последних был один из константинопольских де Туей и, зная по-турецки, явился посредником. В последовавшем сражении при Фанеромене Ансельм де Туси играл главную роль и разбил авангард греков. Последними овладела паника, турки гнали их и убивали беспощадно. Три главных начальника — доместик Фил, Макрин и Алексей Кавалларий — спрятались в пещере и были взяты де Туей. Полтораста архонтов и множество греков простого звания были приведены к Гильому в Велигости. Храбрый Фил упрекал Гильома в нарушении клятвы и скоро скончался в одном из франкских замков; Макрин был выменен на брата Туей,

баила при Балдуине. Население Скорты заявило покорность франкам, но по уходе Гильома и турок вновь восстало; Гильом опять наслал на них турок, и они жестоко разорили Скорту. Эта область принадлежала барону Каритены, которого не было на своем посту. Скоро он вернулся в Морею с повинной. Король Манфред, во владениях которого Жоффруа скитался со своей красавицей, предложил ему немедленно уехать, разъяснив позор его поведения. Жоффруа не представлял себе в таком свете свой поступок, привыкши скорее действовать, чем рассуждать. Неизвестно, что он сделал с дамой. Нужны были просьбы всего рыцарства, военные заслуги Жоффруа, любовь к племяннику, чтобы смягчить Гильома; но он отдал Каритену Жоффруа в качестве нового личного пожалования. Сжалившись над землями Жоффруа, он отозвал турок и отпустил их с подарками на родину. Часть их, впрочем, осталась в Морее и переженилась на француженках, среди которых оказалось слишком много вдов за это время; потомство турок дало здоровое, крепкое племя.

При неаполитанском дворе Гильом имел своего представителя и получал через его посредство деньги, оружие и хлеб, так как подвоз с Черного моря был прекращен греками. В последние годы жизни Гильом возобновил строительство; экономическое состояние княжества было хорошо, но политическая роль, независимость были утрачены. Лично Гильом занимал еще видное место среди государей Греции и Италии, являлся посредником в спорах. Но он пережил крушение своих планов, невозможность вернуть свое детище Мистру и подчинение хищному неаполитанскому королю. Как только Карл узнал о предсмертной болезни старого князя, он поспешил послать наместника и принять власть над Мореей (1278).

Сотрудники Гильома сошли в могилу ранее его. Его племянник Жоффруа де Брюйер, барон Каритены, скончался тремя годами ранее во время похода на горных славян, и вся страна оплакивала этого доблестного рыцаря и щедрого сеньора. Умер богатый барон Аковы, и его племянница оспаривала наследство у самого князя Вилльгардуэна. Из одиннадцати фамилий баннеретов (баронов, имевших свое знамя) большая часть вымерла, лены других были захвачены греками, как Калаврита и Герак. Сыновей у князя не было, остались две дочери (Изабелла и Маргарита), безвременно сошел в могилу зять Филипп. Вместе с последним представителем славного рода Вилльгардуэнов сошло в могилу, можно сказать, племя франкских завоевателей Мореи.

В дальнейшей истории полуострова творческая роль переходит к греческому деспотату Мореи. Франкские земли представляют безотрадную картину борьбы претендентов и разбойничьих банд, которая не имела никакого положительного значения и разорила страну, процветавшую при Вилльгардуэнах.

Не менее планомерно, но другими путями развивалась венецианская колонизация на Леванте, и ее результаты были не столь блестящи, но более прочны.

В Греции французские рыцари, за которыми стоял французский двор и временами римская курия, носились с мыслью создать Новую Францию и устраивали себе веселую жизнь французских феодалов. Избыток сил, несравненная воинская доблесть рыцарей и осторожная, благожелательная к подвластному населению политика Вилльгардуэнов осуществили то, что не удалось ни самому императору Генриху, ни Бонифацию Монферрату. Создалось на греческой почве устойчивое феодальное франко-греческое государство, способное к культурной работе, строительству и экономическому процветанию. Блестящий двор Вилльгардуэнов мог бы, вероятно, не будь катастрофы в Пелагонии, сделаться политическим центром латинской Греции, могло образоваться французское королевство на чужой земле и на чужих костях, не менее жизнеспособное, чем Австрийская и Бранденбургская марки.

Венеция имела в виду прежде всего обеспечить торговые пути в Египет, Сирию и Македонию[39]. Соответственно тому она заняла Корфу, морейские гавани Корон и Модон, Крит

и Евбею. Венецианская оккупация не заходила вглубь на материк, и единственный опыт в этом направлении (Адрианопольская область при Генрихе) оказался неудачным. О создании новых государств республика не помышляла, наоборот, крепко держала в своих руках свои новые владения и не позволила константинопольскому подеста стать политическим центром для новых венецианских колоний на Леванте. Управление ими велось через назначаемых непосредственно республикою и на короткий срок губернаторов и высших чиновников, и на Крите губернатор не мог даже взять с собой свою семью.

Тогда как на поддержание латинских государств Леванта — выключая Грецию XШ в. — Запад нес громадные жертвы людьми и деньгами, купеческая Венеция извлекала из своих колоний неисчислимые выгоды и богатела с каждым годом. Щедро вознаграждая своих сограждан, посылаемых управлять колониями, и давая им нажиться, республика не входила в непроизводительные траты и там, где выгоды были не столь велики и верны, предоставляла действовать частной инициативе, позволяла своим богатым нобилям (nobili) основывать маленькие монархии и даже мирилась с их самостоятельной политикой.

Основой для венецианской колонизации был рыцарский (на первых порах также и сержантский) лен, существовавший крепостным трудом и повинностями греческого населения. Другого способа привлечь колонистов не существовало, тем более что нужна была местная вооруженная сила; гарнизоны постоянных войск в крепостях были возможно малы, ибо стоили дорого. Но так как над поселенными рыцарями не было никаких сюзеренов и ими управляли назначенные республикой власти, то венецианская колонизация воспроизводила не феодальную, но римскую организацию оккупированных земель и имела известное сходство с русской поместной системой. Крепостные греки заменяли рабов.

Так как Венеция заключила с Палеологом мир (1265), по которому уступила Евбею, то Гильому приходилось одному обороняться от греков. Палеолог предложил женить своего наследника Андроника на наследнице Гильома Изабелле, с тем чтобы по смерти обоих отцов Морея вошла в состав Византийской империи. Бароны воспротивились этому проекту, и, к несчастью для страны, не состоялось мирное слияние франкского и греческого элементов — цель всех трех Вилльгардуэнов.

Политика Морейского княжества приняла другое направление. В 1267 г. по договору в Витербо Гильом признал своим сюзереном Карла Анжуйского, брата французского короля Людовика Святого. Новый государь Южной Италии, погубивший последних Гогенштауфенов — Манфреда (1266) и Конрадина (1268), — был ближе французам Мореи, нежели Палеолог. Апулия снабжала Морею хлебом, в Неаполь переселяются французские рыцари, которым пришлось оставить Константинополь и вообще Романию. Туда переселились де Туей, д'Онуа, де Турнэ, бароны захваченной греками Калавриты. В Неаполе зародился грандиозный план изгнать Палеолога из Константинополя под знаменами Карла Анжуйского и вновь осуществить идею «Новой Франции» на Леванте. Друг Гильома дож Тьеполо примкнул к этому плану. В 1268 г. Гильом Вилльгардуэн. во главе 400 лучших рыцарей Мореи явился на помощь к Карлу Анжуйскому и со славою участвовал в битве при Тальякоццо (23 августа 1268 г.) против несчастного юноши Конрадина. В 1269 — 1270 гг. подготовлялась неаполитанская эскадра для отправления в греческие воды. В то же время был обсужден и оформлен брачный договор между Анжуйским домом и Вилльгардуэном, именно между наследницей Мореи Изабеллой и вторым сыном Карла Филиппом Анжуйским. При этом бароны Мореи и княгиня Анна должны были подписать обязательство, по которому Морея переходила беспрепятственно к Филиппу, в род Карла Анжуйского, по смерти Гильома. Брак был отпразднован с торжеством, для новобрачных были еще куплены у бывшего императора Балдуина права на Салоникское королевство; но Филипп скоро умер.

Между тем с 1270 г. Михаил Палеолог энергично принялся за устройство Восточной Мореи, разоренной в последнюю войну. Прибыло из Азии значительное войско, состоявшее опять преимущественно из турок и половцев. Гильом подготовлял оборону в замке Хлемуци (Клермоне) и Андравиде. К нему на помощь прибыл (1272) первый анжуйский генерал-капитан, собственно начальник посланного с ним отряда в 700 рыцарей, сержантов и стрелков. Барон Каритены и барон Аковы явились со 150 рыцарями. Было предположено наступление на Мистру, но до решительных действий не дошло, вероятно вследствие созыва Лионского Собора для заключения унии с греками; обеспечив гарнизоном свои крепости, Вилльгардуэн уехал на Евбею устраивать дела между терциариями и венецианцами. Вскоре Гильом сам был назначен капитаном анжуйского отряда, и тем более была подчеркнута зависимость Мореи от Карла Анжуйского.

Тогда как на Корфу и на Евбее политическая власть Венеции продержалась недолго (а на последнем острове не была основана на планомерной колонизации всей территории, наоборот, лишь пристроилась к уже существовавшей феодальной и подчинила последнюю своим целям), на Крите она пережила греческую империю. Последняя венецианская крепость была завоевана турками лишь в 1669 г. На Крите лучше, чем где-либо, можно изучать поэтому венецианскую систему управления греческими землями, и на этом острове созрели ее плоды. Хотя и старинные (XIV-XV, XVIII ст.), венецианские историки давали много материала, извлеченного из официальных источников, лишь за последние годы стал доступен архив венецианского дуки (воеводы) на Крите, а также систематически сфотографированы и изданы обильные памятники венецианского строительства на острове.

Ко времени утверждения венецианцев едва четыре населенных города оставалось на острове вместо 90 гомеровских городов, именно Кандия (Хандак), Хания или Канея, Ретимно и Гиерапитна. Население их было смешанное: греческое, латинское, сарацинское. На острове были указаны и следы славян. Большинство земель принадлежало Церкви и многочисленным греческим архонтам, служилому военному сословию. При венецианцах население острова достигло 270 000 человек, а к началу XIII в. было значительно менее. В горах южной части оно было дико и с трудом могло быть покорено.

Венецианская оккупация была подготовлена дожем Дандоло, купившим права на остров у Бонифация Монферратского за 1000 марок серебра и за помощь при завоевании Салоник. Планомерное покорение начато было при энергичном доже Зиани (1207). Кроме греческих архонтов, приходилось считаться с соперничеством Генуи. Началась 10-летняя война, но уже в 1210 г. генуэзцам пришлось очистить остров, на котором венецианцы стали распоряжаться свободно. Было отмежевано 132 лена для рыцарей и 48 для сержантов. Лены были отданы венецианским рыцарям и горожанам в наследственное владение без права передачи в руки невенецианцев (1211). Земли были отведены бесплатно, тогда как на Корфу обладатели ленов вносили в казну республикиежегодно 500 золотых оброка. Через год число рыцарских ленов было доведено до 200, впоследствии до 260, причем сержантские лены исчезли. Правительство республики оставило за собою лишь Кандию и крепость Темено, а также права на рудные богатства. Однако значительная часть земель продолжала оставаться в руках греческих архонтов. Покорение горных округов требовало времени. Греческое духовенство, именно высшее, было заменено венецианским, низшее приняло унию. Церкви и епархии остались прежние шесть (архиепископия Кандия, епархии Милопотамо, Иерапетра, Ретимно, Сития, Хирона). Земли и доходы церквей были обращены в казну, и духовенство было обложено сбором на военные нужды. Остров был разделен на шесть округов по числу кварталов Венеции, и внутри каждой шестой доли были поселены по возможности люди из одного и того же квартала. Во главе каждого округа был поставлен капитан, во главе всего острова — дука

(воевода).

Колонизация была осуществлена в грандиозных по тому времени размерах и должна была утвердить господство Венеции на самых прочных основаниях. Оно и оказалось прочным. Многие из переселившихся семейств существуют доселе на Леванте, став греками католического и даже православного исповедания. Ряд греческих купцов в Константинополе носит чисто венецианские фамилии.

Но на первых порах поселение венецианцев, забравших лучшие земли и выстроивших немедленно крепости и замки, вызвало открытое восстание греческих архонтов под предводительством семьи Агиостефанитов. Пока подоспела бы помощь из метрополии, все венецианское дело могло быть проиграно. Дуке Тьеполо пришлось обратиться к ближайшему представителю константинопольской колонии, завоевателю Кикладских островов Марко Санудо.

Завоевание Киклад не было делом правительства республики. Оно лишь не мешало нобилям из константинопольской колонии утверждаться там, где оно само не имело притязаний. Вооруженных сил, дорогостоящих солдат у республики было ограниченное число. Не столько метрополия, сколько константинопольская колония выделяла из своей среды знатных и предприимчивых искателей земель на собственный страх. Были ранее подобные попытки, притом удачные, на берегах Дарданелльского пролива в Галлиполи, в Лампсаке, где захватчики даже раздавали рыцарские лены от себя. Но крупнейшее предприятие было выполнено племянником и спутником старого дожа Дандоло Марком Санудо. Этот богатый аристократ рано выделился умом и предприимчивостью и занимал в константинопольской колонии почетное место судьи. Он подобрал себе компанию венецианских рыцарей, связал их с собою ленным договором насчет будущих завоеваний, снарядил на свои средства целых 8 галер и пустился в Архипелаг, где господствовали греческие и генуэзские корсары. В короткое время он завоевал 18 островов; лишь на Наксосе генуэзская крепость оказала сильное сопротивление, и Санудо даже сжег свои корабли, чтобы его спутники не вздумали бежать. Взяв Наксос, жемчужину Киклад, древний остров Диониса, Санудо сделал его своей резиденцией, а прочие острова роздал в лен главным своим товарищам. Андрос достался Дандоло, Астипалея — Квирини, Бароцци получил Санторин, Ферасию, Фосколо — Анафу, два брата Гизи — Тинос, Миконос, Скирос и еще два острова; один из Гизи, Иеремия, освободился от вассального подчинения Санудо и умножил свои владения, получив Аморгос от никейского царя. Оба брата Гизи с двумя Джустиниани захватили Кеос и Серифос. Лишь остров Патмос остался в независимом владении греческой братии обители апостола Иоанна Богослова отчасти из уважения к святыне, отчасти потому, что голая скала не давала дохода. На Лимносе утвердился Навигайозо. Он от Санудо не зависел и, принеся присягу императору Генриху, получил от него титул великого дуки флота Романии. Сам Марк Санудо принес присягу не правительству республики, но императору Генриху и получил звание воеводы (дуки) Додеканиса (Двенадцать Островов) на правах самого свободного из баронов Романии, хотя Санудо в то же время остался гражданином Венецианской республики. Он выстроил себе на Наксосе, над греческим городом, укрепленный кремль с дворцом и латинским собором, развалины которого видны до сих пор. Санудо уживался с греками и чувствовал себя настолько самостоятельным от Генриха, что даже породнился с никейским царем. Попав к нему в плен, он вернулся его зятем; нужно думать, что не способности и красота Санудо подействовали на царя, но серьезные политические интересы, благожелательность власти Санудо для греческого Архипелага и для безопасности торговых сношений.

К такому лицу обратились критские венецианцы за помощью; дука Тьеполо обещал ему значительную часть острова, целых тридцать рыцарских ленов. Санудо немедленно явился и

подавил восстание, но дука Тьеполо не сдержал своего обещания и даже не платил жалованья людям Санудо. Греческие архонты завязали сношения с Санудо, надеясь под его покровительством, избавиться от венецианцев. Санудо вошел в их планы, и дуке Тьеполо пришлось спасаться в крепость Темено, переодевшись в женское платье; Санудо приступил к систематическому покорению острова. Однако прибывший из Венеции флот высадил значительные силы, стали строиться венецианцами новые твердыни. Тьеполо снова занял Кандию и настолько стеснил Санудо, что тот рад был уехать, выговорив себе значительное вознаграждение деньгами и хлебом, а также амнистию архонтам.

Кроме греков приходилось бороться и с генуэзцами. В 1217 г. венецианцы захватили главного генуэзского корсара графа Алеманна Сиракузского и стали готовиться к большой экспедиции против Генуи. Последняя была утомлена войною и заключила мир (в Парме, 1218 г.) на условиях: платить те же торговые пошлины, какими генуэзцы были обложены при византийских императорах. Таким образом, Венеция обеспечила себе Крит и стала госпожою положения на торговом пути в Сирию и Египет; она господствовала на водах Леванта и была влиятельна на берегах. Создано было неслыханное колониальное царство, прообраз английской империи, и осуществлены все идеалы Дандоло. Крит оставался вне всякого подчинения Латинской империи, тем более что по смерти Генриха Константинополь сам держался преимущественно торговлею и отчасти помощью Венеции. Господство Венеции на Леванте никем не оспаривалось до падения Латинской империи и до Нимфейского договора Михаила Палеолога с генуэзцами (1261). Перипетии отношений Михаила к Генуе и Венеции будут изложены в своем месте; упомянем лишь, что новый мир с Генуей и последний из договоров с Палеологом обеспечили за Венецией Крит, обе морейские гавани и Киклады, поскольку на последние распространилась венецианская власть.

Тем не менее в течение всего XIII в., даже до середины XIV в., часто случались восстания греков в их недоступных горах. Борьба стоила венецианцам больших жертв людьми, и не раз республика высылала отряды новых колонистов на пополнение поредевших рядов. Скоро было позволено соединить по 3 и по 6 сержантских ленов в рыцарские, так как мелкие лены не находили себе хозяев-венецианцев, и к середине XIV в. критскому дуке было предоставлено соединять по нескольку ленов в одних руках. Если венецианских рыцарей-помещиков было не более 300, а население острова достигало в XIII в. 270 000 душ, то венецианцы могли держаться лишь в крепостях, которые они поэтому так усиливали и строго охраняли. В открытом поле, особенно в ущельях южной части острова, венецианцы должны были считаться с греками.

И на первых же порах они приняли в свои ряды несколько греческих архонтов, участвовавших в восстании 1217 г. Упорная борьба с братьями Хортаци (1271) и Алексеем Калиерги (1282) показала венецианцам, что только привлечением на свою сторону знатных греческих семейств возможно им сохранить внутренний мир на Крите. Сохранился договор с Калиерги (1299), по которому он и его партизаны не только были восстановлены в своих правах, но Калиерги и все греки выговорили себе новые привилегии и гарантии. Калиерги является признанным представителем греков и получил такие выгоды лично и за своих наследников, что с тех пор стал оплотом венецианской власти на острове[40].

Он получил ряд ленов, принадлежавших другим восставшим грекам, впрочем за выкуп, и выговорил себе право раздавать свои земли в лен по своему усмотрению. Он и его наследники получили право договариваться с духовными властями помимо венецианской «сеньории» на острове, и Калиерги проводил своих кандидатов греков на епископские кафедры. Епископии Милопотамо и Каламон сдаются ему на откуп, притом на двойной срок против предусмотренных византийским правом 29 лет. Он и его наследники могли не являться в венецианские крепости лично, но сноситься с губернатором через своих посланцев.

Подтверждаются личные права по состоянию латинских помещиков, греческих вотчинников (архонтов), архонтопулов (боярских детей), гасмулок (происходивших от смешанных браков), латинских и франкских свободных выходцев. В договоре с Калиерги подтверждены права греческого духовенства, права всех восставших вместе с ним, а также иудеев и «ремесленников» (цыган?). Сотне греческих вилланов Калиерги мог даровать права свободных франков. Даже аграрные отношения регулируются договором с Калиерги: собственникам земель гарантирована половина доходов с виноградников, плантаций и мельниц, устроенных на их землях посторонними лицами. Судебные решения, вынесенные самим Калиерги или его судьями, утверждены венецианцами, и он получил право взимать сборы с «желающего» населения. Неудивительно, что архонт Калиерги поместил в свой герб византийского императорского двуглавого орла[41].

Глава 3. Эпирское государство в XIII в.

Новые латинские государства Романии не встретили ни народного восстания греческого крестьянства, ни сопротивления союза городов, ни вообще организованной обороны греков, опиравшейся на обломки византийской администрации. Византийская империя, казалось, не оставила по себе живых общественных сил. С крушением константинопольского правительства в западных провинциях была анархия властелей-аристократов, часть которых приветствовала латинян, другая не могла сорганизоваться и потерпела в Пелопоннисе полный разгром, несмотря на то что не было недостатка в случаях героического сопротивления со стороны отдельных архонтов и укрепленных городов.

Но завоевателей было мало, и они не принесли с собой государственных идей, кроме устарелых феодальных. Латинское духовенство Романии — может быть, потому, что увидело безнадежность культурной роли латинства, или же по своему невысокому уровню — погрязло в корыстолюбии, лени и утехах жизни. Между тем культурное противоречие между завоевателями и покоренными было настолько велико, что и политическое господство латинян не могло быть прочно. Духовные интересы греков воплощались в православной вере, носителями их являлись иерархи и образованные монахи. В этой среде примирения с латинством быть не могло. Под руководством духовных пастырей должно было произойти в умах греков прояснение, оживление национальной идеи, сознание единства перед лицом врага; религиозные идеалы, бывшие народными, не замедлили принять политическую окраску. Иерархи сберегли и утвердили в греческом народе идею национального царства и подготовили политическое объединение греков. На крайнем западе, благодаря географическим и этническим условиям, скоро выдвинулось над уровнем безначалия архонтов крупное национальное Эпирское государство, многим обязанное способностям своих первых деспотов; из них второй уже принял титул царя.

Основатель Эпирского государства Михаил I Ангел Комнин Дука был, несмотря на свой громкий титул, лишь незаконным сыном севастократора Иоанна, брата царя Андроника Ангела, но выдвинулся перед своими законными братьями благодаря своим способностям. В молодости он был отдан в заложники германскому императору Фридриху Барбароссе при его походе в Азию (1190); затем служил по финансовому управлению в М. Азии; но настоящую политическую карьеру начал обычным образом среди честолюбцев — изменой. Убежав к иконийскому султану, он начал во главе турок опустошать богатую долину Меандра, притом столь сильно, что сам царь выступил против него (1201). На некоторое время история теряет его из виду, но житие Иова передает, что Михаил был правителем в Пелопоннисе и по жене из рода Мелиссинов, владевших громадными землями в Северной Греции, оказался в свойстве с Сеннакеримом, губернатором фемы Этолии и Никополя (т. е. всего Эпира). Не входя в разбор последнего известия, мы знаем, что Михаил уже по отцу, бывшему в той же феме губернатором, имел обширные связи в тех областях.

После взятия столицы латинянами Михаил оказался в числе греческих архонтов при дворе Бонифация. С ведома короля он уехал в Эпир с целью овладеть фемою Сеннакерима, против которого восстали архонты Никополя. Бонифаций послал его в Эпир, как Шамплитта в Пелопоннис, но не разобрал, с кем имел дело. Михаил быстро создал себе положение в Эпире, чему помогло убийство Сеннакерима, вероятно, не без ведома Михаила. Последний взял за себя жену Сеннакерима, хотя брак этот не мог быть законным по свойству. Власть Михаила быстро распространилась на весь Эпир, заселенный греками, албанцами и влахами, включая и Акарнанию, до Коринфского залива, на остров Керкиру, заселенный в середине албанцами, на

Диррахий и Западную Македонию до Охриды. Главными городами были Янина, Диррахий, Арта и Навпакт. Скоро понял Бонифаций, что в лице Михаила он получил не вассала, нужного ему со стороны венецианцев, но опасного и непримиримого врага, объединившего местные элементы, связанные православной верой и греческой культурой. «Кир Михали» сумел понять, что население жаждало вождя для борьбы с латинянами. Слабость последних он мог видеть лично при дворе Бонифация. Военная опытность и энергия соединялись в нем с качествами неустанного и непримиримого борца за свой народ, осторожного и неразборчивого в средствах.

По происхождению власти Михаил немногим отличался от Сгура, но он был счастливее Сгура. Владения последнего были оцеплены франками, и не было ему надежды отстоять их. В распоряжении Михаила была Албания, страна малодоступная для латинского завоевания, и венецианцы, которым страна была обещана по разделу, не думали подниматься от побережья в ущелья, на Химарру, и не имели выгоды. Дикое население доставляло Михаилу иной боевой материал, чем мирные парики Греции, занятые своими масличными и тутовыми плантациями. Иной характер имело богатое греческое побережье у Диррахия, Арты и плодородная Керкира. Здесь власть Михаила была уязвима, и ему приходилось применять все свое дипломатическое искусство, чтобы получить в свои руки культурную прибрежную полосу и торговые гавани.

По просьбе Михаила Ласкарь отпустил к нему брата Феодора Ангела, единокровного брата Михаила, со славою сражавшегося под знаменами никейского царя (1205). Получив себе достойного помощника, Михаил немедленно стал во главе движения против латинян в Греции. Поход Михаила в Морею кончился полной неудачей, разгромом греков под Кундуром (1205), но также, как и в М. Азии, греки, разбитые в открытом поле, получили в лице эпирского деспота свое общее знамя, вождя, к которому обращены были надежды в отдаленном будущем, — что не помешало им возлагать ближайшие надежды на императора Генриха. Михаил стал наследником и погибшего Сгура; его брат Феодор, в качестве наместника деспота Михаила, отстаивал некоторое время Акрокоринф и затем Аргос. За неудачами в Морее последовало завоевание венецианским флотом, везшим патриарха Морозини, острова Керкиры и Диррахия. Территория о. Керкиры была роздана венецианским нобилям, обязавшимся платить республике 500 золотых за свои лены. Колонизация была задумана планомерная, но греков оставили жить по-прежнему, обязав лишь присягой венецианским сеньорам. В Диррахий венецианскому дуке Валаресссо пришлось считаться с албанским князем Димитрием, жившим в Арбаноне (ныне Эльбассан) и купившим покровительство папы Иннокентия присоединением к латинской Церкви. Эпирский деспот тайно помогал албанцам против Валаресссо, который в свою очередь заключил союз с сербским королем Георгием, его братом Младином и Петром Славом. Нанесенный утверждением подтвердив соперникам венецианцев, гражданам торговой Рагузы, привилегии, данные им некогда его отцом севастократором Иоанном, и выдал им грамоту за серебряной печатью деспота: купцы Рагузы могли торговать во владениях Михаила, платя всего 3% пошлин, причем деспот взял под свою защиту имущество умерших купцов и груз разбившихся кораблей из Рагузы. Тем не менее господство Венеции на море угрожало его государству, душило его торговлю. Положение Михаила было трудное. Окруженный врагами и не имея помощи, Михаил должен был пробить себе дорогу, опираясь на одних соседей против других, он и вступает в соглашения, идя от менее выгодных к лучшим, имея в виду выгоды своего государства. Его дипломатия ни с чем другим не считалась; то, что латиняне считали клятвопреступничеством, было для него необходимостью: он был сжат, как в тисках, и при случае прорывалась в его действиях непримиримая, жестокая ненависть к латинству.

Первые шаги его были тяжелы: он начинает с унижения. В 1209 г. он ищет помощи у папы против венецианцев, пользуясь тем, что последние прогнали из Диррахия нового прелата. Иннокентий требует от «знатного мужа Михалицы Комнина в Романии», чтобы он охранял

имущества архиепископа в своих владениях, так как он признал себя «слугою Римского первосвященника». Формальное подчинение папе было для Михаила первым шагом. Вслед за тем он шлет послов к Генриху, бывшему в Греции, желая вступить в переговоры. Государи съехались, но личного свидания не было, переговаривались через послов: нельзя было столковаться о формах этикета. Михаил не хотел и не мог вступить в политическую систему латинской Романии, не мог встретиться с Генрихом как вассал с сюзереном, а император Романии не мог признать иной формы встречи, требовал от Михаила ленной присяги. Вместо того эпирский деспот предложил выдать дочь за брата императора, Евстахия, и не преминул вежливо указать, что он один из греков имеет значение и может быть полезен на суше и на море императору. Реальная политика одержала верх над феодальными идеями, и Генрих согласился на предложенную форму дружбы независимых, чуждых государств.

Обезопасив себя со стороны суши, Михаил вошел в переговоры с венецианцами и счел выгодным предоставить Венеции то, в чем отказал Генриху: от республики зависело материальное благополучие Эпира. Михаил признал Венецию своим сюзереном, но обеспечил себе реальные выгоды: Венеция за ним признала не только побережье от Далмации до Коринфского залива, но и внутренние области, отступившись от своих прав. Теперь Михаил имел за собою Венецию в борьбе с противником со стороны материка, т. е. договор был направлен против императора Романии. Для такой крупной цели Михаил мог уступить Венеции многое: платить дань в 42 фунта золота и посылать златотканые одежды, охранять венецианских купцов в своих владениях, не взимая пошлин; отказался поддерживать керкирцев в случае их возмущения против венецианского гарнизона, клялся иметь с Венецией общих врагов и присягнул во всем и за себя, и за своего наследника. Первая уступка обеспечивала торговое процветание страны, последнее что значило для Михаила?

Немедленно он учел выгоды нового договора и выступил против Генриха, невзирая на родственные связи и клятвы. Открылась война и приняла беспощадный характер. Михаил, как и никейский царь, имел в своем войске латинских наемников. Вскоре все латинство содрогнулось от известий, шедших из Эпира. Потерял душевное равновесие сам папа Иннокентий, узнав от «дражайшего во Христе сына» Генриха, что

«Михалица, презрев данную императору присягу в верности (которую Михаил на самом деле не давал), равно как клятву, данную императору и его брату Евстахию при браке дочери, захватил хитростью Амедея, коннетабля империи (Буффа, ломбардского магната и главу фессалийских вассалов), вместе с рыцарями и другими (воинами) числом около ста, некоторых из них подвергнул избиению плетьми, иных заключил в темницу, некоторых подлым образом умертвил, а самого коннетабля с тремя рыцарями и с его капелланом — страшно сказать! — распял на кресте. Ободренный этим успехом к дальнейшей подлости и полагаясь на латинян, которые сбежались к нему в ослеплении корыстью, осадил укрепленные города императора, жег села и приказал обезглавить всех латинских священников, кого он мог схватить, и даже одного вновь поставленного епископа».

В подобных фактах Иннокентий справедливо усмотрел грозный симптом положения латинян на Востоке: беспощадную, неискоренимую вражду греков и изменническую помощь западных наемников (может быть, венецианцев), т. е. крушение идеалов и надежд руководителей крестовых походов, прежде всего своих собственных; тем более, что и из М. Азии дошли такие же вести.

«Если греки, — пишет папа латинскому патриарху, — возвратили бы себе империю Романии, то они совсем задержат помощь Св. Земле, чтобы вновь не потерять свою страну и народ; да и прежде греки, несмотря на неоднократные наши увещания, ни разу не пожелали прийти на помощь Св. Земле, а царь Исаак в угоду Саладину даже выстроил в Константинополе

мечеть. Если бы греки могли искоренить латинян (в Романии), то они в своем греховном отступничестве еще сильнее укрепились бы в своей ненависти к латинянам, которых и теперь называют собаками. Тогда будет для Церкви ущерб худший первого, так как и ныне греки не перестают нашептывать, будто политика папского престола склонила латинское войско к завоеванию Константинополя».

Папа требует от патриарха и всех прелатов Романии отлучать от Церкви всякого латинянина, который вздумал бы служить грекам, особенно Михалице, против императора и его вассалов.

Михаил Эпирский стоял в авангарде противолатинского движения и явился для своих врагов traditor potentissimus. В своих горах он был неуязвим, и напрасно гонялся за ним сам Генрих. Подробности походов Михаила мало известны, никейские писатели о них умалчивают. Из циркулярного письма Генриха на Запад (1212 г., из Пергама) видно, что Михаил заключил союз со Стрезом, вышеупомянутым князем Просека на р. Вардаре, причем первый нарушил клятвы четвертый раз, а Стрез — третий раз. Они не имели успеха в открытом поле против франков, потеряли свои лучшие земли, и если бы Генрих не был отозван на Восток, то у Михаила со Стрезом не осталось бы «ни одного домика в Романии». Под влиянием неудач Михаил счел нужным помириться с франками и при отражении Стреза, заключившего союз с Борилом Болгарским, помог им разбить Стреза на Пелагонийском поле. Таким образом, Михаил продолжал лавировать между своими врагами и, вероятно, достаточно себя обеспечил и на этот раз. Действительно, между 1212 и 1214 гг. он был уже в состоянии отнять у венецианцев сначала Диррахий, затем и Керкиру. На последней он выстроил, по преданию, крепость «св. Ангела».

Недолго пришлось Михаилу воспользоваться плодами своих трудов. В 1216 г. он был зарезан в своей постели. Наследовал ему второй из его (законнорожденных) братьев, известный нам Феодор, бывший наместник в Греции.

Внутреннее состояние Эпирского государства за время Михаила менее известно сравнительно с временем его преемника; но деятельность Михаила и в этом отношении сопровождалась прочными результатами, судя по громадной популярности «Кир Михали» среди западных греков и по блестящим успехам его преемника. Договор с Венецией и завоевание побережья обеспечивали торговлю; сильная власть внесла в страну порядок, держала в страхе албанцев и греческих архонтов, делавших при Ангелах все, что хотели. Осторожный Михаил избегал новшеств и довольствовался титулом деспота. Поэтому он не возбуждал подозрительности никейского двора и не доводил соперничества до открытого разрыва. С крупными архонтами он умел ладить. Так, он поддерживал своего отдаленного родственника Константина Мелиссина, владельца земель около монастыря Макринитиссы в Фессалии, и, выдав за него дочь, пожаловал и ему звание деспота. Сестра Михаила, бывшая замужем за графом о. Кефаллонии Матвеем, также подарила жене Константина монастырь св. Илариона. Между тем земли Мелиссина лежали в латинской Фессалии, в империи Генриха; документы Макринитиссы латинского господства в себе не отражают.

Обеспеченная Михаилом политическая независимость Эпира сделала его западным центром для эмиграции греков, не примирившихся с латинским господством. Михаил собирал вокруг себя обломки греческого царства и Церкви. В этом его вторая важная заслуга. Он отнесся с уважением к скитавшемуся царю, старому интригану Алексею, выкупил его у пиратов и содержал у себя в Арте, пока тот не отправился к иконийскому султану. Жена Алексея, царица Евфросинья, скончалась и была погребена в Арте. Важнее было покровительство иерархам, которые, по латинским источникам, оставляя свои кафедры, переправлялись через Коринфский залив к Михаилу. С XIII в. видим в Эпире ряд выдающихся ученых иерархов, врагов латинства,

авторитетов в глазах западных греков. Первым из них по времени был митрополит Керкиры Василий Педиадит. Дошло его послание Иннокентию, в котором он возражает против намерения созвать Латеранский Собор: таковой, по мнению митрополита, немыслим без участия Константинопольского греческого патриарха и греческих архиереев, насильно удаленных с их кафедр. Голос Эпирского митрополита звучит непримиримо. Он был в сношениях и с Никейским патриархом и с ученым Хоматианом, последний обращался к Педиадиту по каноническим вопросам. Дошло письмо Керкирского митрополита к ученому К. Стильби, автору стихов на разорение Константинополя. Два года прошло, пишет Педиадит, как он облекся в священный сан и переселился из столицы, города наук, на окраину, в это мужицкое место; как Одиссея, его пригнал ветер из Илиона к Киконам и Харибдам. Пишет он о керкирцах или корифейцах (Κορυφους — Корфу, впервые у Лиутпранда). Климат суровый, больниц нет, пятидесятилетние люди выглядят стариками. Хаты дымные, похожи на шалаши на виноградниках и бахчах, для крыши связывают камыши попарно травою и на них кладут черепицы, неплотно приложенные; фруктов нет ни своих, ни привозных. Доходы митрополии меньше, чем в бедной епископии. Население не понимает и не выносит евангельских слов, книг нет, и народу нет пользы от митрополита, и он обречен терпеть крайнее невежество Корфу. Бесспорно преувеличение в словах ученого византийца, но и жизнь на Керкире, видимо, стала иная после норманнских набегов и поселения албанцев. А этот остров был лучшей частью владений деспота Михаила.

Ему наследовал брат Феодор Ангел Комнин Дука (1216 — 1230), в источниках называемый обыкновенно Феодором Дукой или Комнином, с супругой Марией.

В судьбе этого даровитого государя много общего с судьбой Гильома Вилльгардуэна. Оба они получили от своих предшественников большое политическое и материальное наследство, оба использовали его блестящим образом на первых же порах их правления и оба кончили непоправимой катастрофой при встрече с большими чуждыми силами.

Первым неслыханным успехом Феодора Эпирского было поражение и плен латинского императора Петра Куртенэ у нынешнего Эльбассана (июнь 1217 г.). Об этом событии было сказано в главе о династии Куртенэ.

Гибель латинского императора поразила Запад, который не мог объяснить ее иначе как вероломством Феодора. У греков она вызвала всеобщее ликование. Даже никейский историк Акрополит отозвался об этом событии как о победе, поднявшей дух эллинской нации. Открылись надежды на изгнание франков из Константинополя и всей Романии.

Папа призвал венецианцев, венгров и франков Греции для освобождения легата, кардинала Колонны, попавшего в плен, и послал к деспоту латинского Кротонского архиепископа с той же целью. Видя опасность, Феодор не только отпустил легата на свободу, но и заявил себя покорным святейшему престолу. Для папы Гонория этого было достаточно. Он не только отменил уже собравшийся крестовый поход против Эпира, но категорически запретил венецианцам отнять у Феодора бывшее венецианское владение — приморский город Дураццо, славянский Драч, который безуспешно осаждал погибший император Петр. Венецианцы заключили с Феодором мир на пять лет.

Обеспечив себя со стороны Запада, Феодор приступил к главному делу своей жизни — изгнанию из Македонии латинян и болгар. Солунское латинское королевство представляло из себя печальное зрелище. Политический вождь итальянских баронов, пресловутый Биандрате, только о том и думал, как изгнать из Салоник вдову и сына Бонифация, заменив полугреческий двор чисто итальянским и возведя на престол Гильельмо Монферрата. Между тем только ассимиляция немногочисленных «италов» с греческим населением страны — политика Бонифация Монферрата, императора Генриха и Вилльгардуэнов — могла спасти королевство

Биандрате.

Феодор захватил, и, по-видимому, без упорной борьбы, ряд укрепленных городов Македонии и Фессалии: Охриду, Прилеп, неприступный Просек на Вардаре, Платамон и Новые Патры. Опубликованные В. Г. Васильевским письма митрополита Иоанна Навпактского отражают восхищение греческих националистов перед подвигами и успехами «могучего Комнина», «свершителя великих дел», «как солнце хворост, сожигающего италов, оскорбителей Бога и веры, освещающего нас братьев и родных его по плоти».

«Ты лишаешь жизни всех италов, носящих оружие, и тела их повергаешь в прах, — пишет митрополит по взятии Платамона. — Ты обращаешь в прах и вырываешь с основаниями их твердыни, выстроенные ими для безопасности. Они не выдерживают твоего нападения и принимают ярмо рабства. Иные из богоненавистных италов, уподобляясь птицам, выросшим и вылетевшим из своих гнезд, сами просят тебя прийти к ним, чтобы жить под твоею рукою и выращивать своих птенцов; а в разрушенных тобою городах плодиться могли бы одни воробьи. Заоблачная твердыня Платамон тобою взята вместе с окружающим ее посадом, и ты сокрушил этих нечестивцев, укрывшихся в ее стенах. Взятие Платамона есть разрешение уз (πλατυσμος — игра слов). И говорит тебе Бог: разрешу узы твои и распространю (πλατυνω) наследство твое. Всемогущий Бог и венец мучеников великий Димитрий, отдав тебе Фессалию, предписывают тебе войти в соседний великий град Фессалонику. Когда же, о мученик Димитрий, не в мыслях только, но в действительности устремлюсь я насладиться обонянием источаемого тобою мυра и взойду в святилище твое, обойду кругом гробницы твоей...»

Уподобляя Феодора рыбаку, митрополит сравнивает с морем Салоники, раскинувшийся, как море, знатный град, подобающий знатному Комнину, и уподобляет рыбам жителей, схвативших уду ревности о национальном благе, дабы упокоиться на лоне эпирского деспота.

Впрочем, в письмах современников и в собственных грамотах Феодор не называется деспотом. Он подписывается «Ф. Дука» или «Комнин Дука"; его подданные, как Иоанн Навпактский, величают его самым различным образом: «государствующим у нас», «победоносным», «могучим», «славнейшим», «богоспасаемым», «великим борцом"; Никейский патриарх называет и Феодора, и предшественника его Михаила просто «славнейшим» или «знатнейшим».

Если не было титула, то быстро выросли в глазах западных греков авторитет и слава победоносного вождя. Страны с преобладающим греческим населением сами шли ему в руки, иначе трудно объяснить столь быстрые успехи. Подробности походов Феодора остаются темными, но, судя по именам главнейших завоеванных городов, Феодор не только весьма скоро разгромил итальянцев Салоникского королевства, но отвоевал и Македонию у болгар. Дочь свою он выдал за сына сербского короля Стефана Первовенчанного, Стефана Радослава; сохранилось их обручальное кольцо[42]. Не продвинулся он лишь в сторону франков Средней Греции (куда его призывал Иоанн Навпактский), вероятно, потому, что греки Ахейского княжества и его вассалов были довольны своим положением благодаря порядку и экономическому процветанию во франкской Греции.

Папа Гонорий скоро увидел, что держава Феодора стала национальным центром православной Греции, средоточием и защитою непримиримых и ученых вождей православия в Греции, а не мостом к подчинению православной Церкви папству, и отлучил Феодора от Церкви, упразднил акт унии эпирского деспота с католической Церковью, мотивируя отлучение враждою Феодора к Латинской империи, насколько можно судить по посланию папы к императору Роберту.

Разрыв с папой был неизбежен не только вследствие политических причин, войны с латинянами, но и вследствие непримиримого положения, занятого виднейшим и старейшим из

иерархов Эпирской Церкви, митрополитом Навпактским, по отношению к попытке никейского царя положить конец церковной схизме и послать для того депутацию в Рим.

«Так как святой наш самодержец, пишет Никейский патриарх митрополиту, пожелал созвать восточных патриархов и сообща отправить послов к папе старейшего Рима для прекращения церковного соблазна и для единомыслия впредь всех христиан, то он созвал Собор на Пасху, а наше смирение (т. е. патриарх, а не царь) писало, между прочим, и благороднейшему Дуке, господину Феодору, о духе сыну нашего смирения. Следовательно, пора и твоему священству всячески подвигаться о таковом благолюбезном деле, и прежде всего благороднейшему Дуке, сыну могущественнейшего нашего самодержца, и послать одного или двух архиереев на предстоящий съезд, а если бы ты пожелал приехать лично, мы были бы несказанно обязаны».

Старый митрополит Навпактский взглянул на дело иначе и ответил длинным посланием следующего содержания. Он принял честное письмо патриарха с должным смирением и благодарит за память о времени их совместного ученья под руководством философа Пселла, но упрекает, почему патриарх не известил его о своем избрании.

«Италийская тирания вырыла материально пропасть между Церквами (Никеи и Эпира), но патриарх, стоящий во главе Восточной Церкви, которая занимает более высокое место в сравнении с Западной, не должен был бы оставить без письменного извещения нас, худых, пренебрегши, как завалящим рубищем или негодной посудиной, нами, заброшенными в этом западном углу... Из письма твоего усмотрел с удивлением, что вы ради брачных уз с латинянами присоединились к ним и заключили с ними мирное соглашение и стали заодно, так что латиняне могут безбоязненно и закрывать церкви наши, где они и начальствуют, и причинять тысячи бед подвластным христианам; и теперь дивлюсь, что вы желаете отправить посольство к наместнику старейшего Рима (т. е. к папскому легату) о тех делах, по которым он, будучи лично злокозненным по отношению к нам, ныне получил от вас прибавление к своему неистовству и всяческому ущербу наших соплеменников. И никто не скажет, чтобы одного хотели утвердившиеся в Романии латиняне, а другого папа теперь или вследствие предполагаемой миссии. Мы бы первые воздали хвалу Богу, если бы вам удалось то, чего не смогли сделать древние цари, обладатели всей Романии, когда и церковное просвещение процветало, и монахи, жившие в одиночестве или же в общежитиях, блистали добродетелью и образованием. Мне, нижайшему, все это кажется безнадежным. Но так как силу Божию познаем в немощи, то следует приступить к делу». Митрополит считает, однако, более удобным, чтобы «апостол» Эпирской Церкви примкнул к «апостолам» никейским во владениях «нашего подвижника Комнина».

«Если же, — продолжает Иоанн Навпактский, — ты считаешь меня другом, то другу нечего скрывать от любимого. Знай же, владыка, что вы причинили душам всех здешних христиан великое огорчение, связавшись с латинянами и прекратив с ними борьбу. Следовало бы и твоей святости и тамошним собратьям епископскими увещаниями и каноническими разъяснениями предотвратить это дело, ибо не постыдно сложить с себя тяжкое бремя и развязаться с вредным для всех делом. При настоящем положении мы рискуем вовсе отстать от вас, чего не дай Бог, или же примем участие лишь для вида, и то только, чтобы не разделилась Церковь Христова. О сем приложи все старание, за сие отдай тело, отдай душу. Как же это погибать от латинян и с ними водиться, бояться убийц и гонителей верных Троице и ублажать, пытаться склонить их, чего не смогли прежние времена, когда эти общие наши враги держались в своих пределах и не вышли в ширь, которую мы сами открыли шириною грехов наших. Как не умножить нам своих молитв? Как не воздевать нам руки ко Всевышнему, молясь днем и ночью за государствующего у нас подвижника Комнина? Ни навязываемое ему латинянами свойство, ни предложения

земель и денег не избавили общих этих врагов от его энергии. Ни множество колесниц, ни бесчисленные благородные кони, ни золото и серебро — приобретенная им только что (при пленении императора Петра) военная добыча — не привели его к надменности и не побудили завязать сношения с этими проклятыми. Но днем и ночью, уповая на Бога, он с жаром нападает на них, имея хорошие сведения и хороший план, истребляет общих тиранов и часто с Божьей помощью крушит им головы. Если не сразу уничтожит весь их зловредный легион, то мало-помалу мелкими поражениями он доведет этот легион до погибели и ослабления, так что они или совершенно не будут выступать (в поле), или же с уменьшенными силами и с оглядкой. Если же один совершил такие подвиги, прославившие его у большинства людей, то что могли бы сделать двое (эпирский и никейский государи), во имя Божие став друг другу спутниками и соратниками? Да сбудется сие твоими советами, ты ведь добрый пастырь и радетель церковного единения...»

Таким образом, по делу о депутации в Рим впервые ишулись духовные представители никейских и западных греков в лице патриарха Мануила и Навпактского митрополита Иоанна Апокавка. Первый сначала игнорировал другого. И никейский царь не лично написал эпирскому государю, но поручил это сделать патриарху, даже по такому делу, где Эпир миновать было нельзя. Феодор Эпирский является знатнейшим сыном как для никейского царя, так и для Никейского патриарха. Представитель Эпирской Церкви дал ответ, сообразный с местными церковными и государственными интересами. Они не только фактически сложились на почве борьбы с итальянцами и латинством, но были ясно сознаны и впервые высказаны Никее. Дальнейшими необходимыми шагами было объявление политической самостоятельности и церковной автономии.

Совершенной, полной формой для политической самостоятельности было провозглашение царства. Мы видели это и в Трапезунте. И в том, и в другом случае много помогло имя Комнинов, прямое или побочное происхождение от славной царской династии. Иоанн Навпактский еще до взятия Салоник призывал Феодора Комнина надеть «царскую и отеческую» пурпурную обувь. Для Феодора Эпирского имя Комнина было нелишним козырем даже по взятии царственных Салоник, когда он создал себе империю большую, чем Никейская, и окружил престол свой восхищением западных греческих националистов, более пламенных в своих чувствах в сравнении с восточными, потому что они больше терпели от латинского ига.

Слова восхищения в устах подданных нового царя далеко не звучат одной лестью. Митрополит Иоанн Апокавк стоял одною ногою в гробу и по своему значению и заслугам вряд ли имел нужду заискивать у своего государя; однако он называет Феодора солнцем, общение с ним и самый вид его озаряет все встречное, он Богом посланный чудотворец; он пишет Феодору: «Когда тебя нет передо мною, я умираю, но, подумав о тебе, я собираюсь с духом и оживаю». Не меньшим энтузиастом новой державы является митрополит Керкирский Георгий Вардан, ученик Афинского Акомината: «прославилась десница Всевышнего, и рука Господня проявилась» на подвигах «Великокомнинадуки», «прославленного почти по всей вселенной». Димитрий Хоматиан, греческий митрополит болгарской Македонии, а после побед Феодора — греческой Македонии, венчавший Феодора на царство, не только прославляет его знаменитый древний род, но называет его «мечом Сильного» и рисует в своих письмах в Никею как бескорыстного патриота и народолюбца, ставшего освободителем родины благодаря своим трудам, терпению, заботам и бессонным ночам. Совершенно не зависевший от Феодора изгнанный Афинский митрополит Михаил Акоминат, которого напрасно приглашали и в Никею, и в Салоники, называет Феодора «Божьим доверенным для сохранения подвластных ему от италианской тирании».

«Напряги свои силы, — пишет Акоминат Феодору, — имей успех и окажись превыше всего

враждебного явного и неявного, о украшение Комнинов, слава Дук, похвальба ромэев!»

Провозглашение Феодором самостоятельной империи в Салониках было естественным последствием его исторической роли среди западных греков. Быть может даже, оно столько же было ему навязано армией и духовенством, сколько отвечало честолюбию Комнина.

Никейские писатели не скрывают, конечно, своего раздражения. Никогда Никея не признала за эпирскими деспотами законных политических прав. Для Хониата даже Михаил Эпирский, отбивавшийся от латинян в скромных пределах эпирской области, являлся незаконнорожденным и захватчиком. Никифор Григора отзывается о Феодоре как о незаконнорожденном (имя Комнинов не давало покоя никейцам) человеке, хотя и ловком, но своекорыстном и всегда замышлявшем политические перемены. Забывая национальную роль Феодора в борьбе с кровными врагами греков, именует его «новым злом, восставшим из фессалийских пропастей"; все, что уцелело на Западе от латинян, болгар и скифов (куман), было уничтожено Феодором, по мнению Григоры не щадившим своих соплеменников, изнывавших под игом франков и болгар. Акрополит высказался умнее. Вообще он замалчивает успехи государя западных греков сколько возможно и не скрывает, что Феодор «оказал немалое сопротивление» никейскому царю Ватаци, который требовал от Феодора лишь второстепенной роли и не покушался на самостоятельность Эпирского государства. Едко высмеял Акрополит новый царский двор. Феодор Комнин, по словам Акрополита, надев порфиру и красные сапоги, стал распоряжаться по-царски, назначал деспотов, севастократоров, великих доместиков, протовестиариев и прочих царских чинов. Но он оказался тупоумным насчет царских уставов и относился к делам скорее по-болгарски или, лучше сказать, по-варварски, не зная ни устава, ни распорядка, ни древних обычаев царей.

Сохранились медные монеты Феодора, но на них он назван деспотом и изображен в одеянии деспота и без labarum. Возможно, впрочем, что Феодору Комнину следует приписать некоторые монеты, относимые к Феодору Дуке Ватаци, например серебряную с фигурою св. Димитрия рядом с царем в полном облачении византийского императора.

Синодальное постановление всех архиереев Запада о венчании Феодора на царство мотивирует этот акт политическими заслугами, сопровождавшимися освобождением от латинян и скифов православной Церкви и ее устроением, а также происхождением «державного и святого государя и царя нашего господина Феодора Дуки"; но не дает ему титула самодержец (αυτοκρατωρ).

Венчание Феодора на царство привело к дальнейшему обострению отношений между Никейской и Эпирской Церквами. И ранее, после отказа эпирских архиереев присутствовать на Никейском Соборе, созванном в 1220 г. для унии с латинянами, возникал конфликт чуть не при каждом самостоятельном поставлении архиереев во владениях Феодора Дуки. Константинопольские патриархи Мануил и Герман нападали резко, но не всегда удачно, и их западные антагонисты Иоанн Навпактский и архиепископ Болгарии (Охриды) Димитрий Хоматиан (на кафедре с 1219 по 1235 г.) видимо превосходили никейцев как писатели и полемисты, и тон их был более достойный и спокойный. Напрасно патриарх называл себя необычным в подписях того времени титулом «Вселенский патриарх"; его, «вифинского архипастыря», тонко вышучивали и давали понять, что он может вызвать «священную войну». Крупнейшими из самостоятельно поставленных архиереев при Феодоре Дуке были преемник Педиадита на Керкирской митрополичьей кафедре ученик Акомината Афинского Георгий Вардан (с 1220 г., пережил 1235 г. и скончался в Италии, ведя полемику с латинянами) и упомянутый Хоматиан, ставший по смерти престарелого Иоанна Апокавка Навпактскою главою всей Церкви во владениях Феодора Дуки. Он был посвящен Иоанном Навпактским по решению Собора архиереев и по желанию Феодора Дуки, «которого, — пишет Апокавк в Никею, — мы

признаем посланным от Бога царем». Выбор был весьма удачен: Хоматиан — один из крупнейших юристов и ученик пастырей Византии, сильный особенно в области гражданского права и обладавший ясным, при случае острым пером. От него остался большой том канонических разъяснений и ответов.

Вследствие отказа тогдашнего Салоникского митрополита (Константина Месопотамита) венчать Феодора на царство короновал нового царя Хоматиан, носивший громкий титул архиепископа Первой Юстинианы (Охриды) и всей Болгарии (Западной Македонии). Этому титулу политическая независимость страны и блестящая личность Хоматиана придали небывалый блеск, сделавший Хоматиана особенно ненавистным Никейской Церкви; его называли чужестранцем и даже малообразованным, что было совсем неверно. Он чувствовал себя как патриарх Западной Церкви без титула, и тем чувствительнее для него было поспешное признание никейским царем и патриархом самостоятельности Сербской Церкви, притом в самых широких границах до Адриатики и Венгрии; эти области до того имели архиереев, поставленных «архиепископом Болгарии». Об этом событии, равно как о самостоятельности Болгарской Церкви, провозглашенной помимо Никеи, будет речь ниже.

Возвращаясь к последствиям коронования для отношений между Никейскою и Эпирскою Церквами, мы приведем значительные выдержки из возникшей переписки между Хоматианом и патриархом Германом; полемика эта ярко рисует взаимные отношения и тесную связь между политикой и Церковью в этот век тяжелой борьбы греков за национальность и свободу.

Хоматиан пишет патриарху письмо, образец учтивости и велеречия.

«Знаем, что ты по присущей тебе заботе об апостольских Церквах желаешь узнать, что сталось с нами. По твоим святым молитвам все пока хорошо. По закону благочестия и разума державнейший и благовенчанный наш **самодержец** выдвинулся наперед великими трудами воинскими... изгнал латинских лисиц из их нор и устроил Церковь. Мы страстно желаем, чтобы восточная половина (греческой нации) присоединилась к западной и чтобы их государи связали себя узами единомыслия..».

Хоматиан не удержался таким образом от слова «самодержец» и далек от мысли как-либо извиняться в том, что никейцы рассматривали как узурпацию.

«Блаженнейший архиепископ всей Болгарии, — отвечает ему Никейский патриарх, — не вытягивай свое расплывшееся от удовольствия лицо в печальное и брови свои, с важностью приподнятые, ты не опускай, если мы заговорим с тобою необычно и своеобразно... не наша в том вина, но твоего, нужно высказать, незнания или непобедимой забывчивости... Слово нашего ответа... разодрало, как бумагу, твой образ мыслей, водворилось по всему священному братству (т. е. архиереев) Запада, чтобы изобличить и поставить лицом к лицу с ним все, что сделано противозаконного, и не устрашится оно побиения камнями за изобличение: ибо разумное слово камнями не побивается».

«Скажи, священнейший муж, от каких отцов тебе предоставлен жребий венчания на царство? Какими из архиепископов Болгарии были коронованы когда-либо императоры авзонов (римлян)? Когда архипастырь Охриды простирал десницу в качестве патриарха и освящал царственную главу? Укажи нам отца Церкви, и с нас довольно. Вытерпи обличение, ибо ты мудр, и возлюби будучи бием. Не сердись. Ибо действительно нововведенное тобою царское помазание не есть для нас елей восхищения, но негодное от дикой маслины масло. Откуда ты купил сие драгоценное мυро (которое, как известно, варят в патриархии), так как прежние запасы пожрало время», и т. д.

Издевательства в этом патриаршем послании сменяются пастырскими молитвами о единении Церкви Христовой, а о признании Феодора царем и вообще о нем не сказано ни слова.

Хоматиан отвечал пространно и в тоне более достойном.

«Мы оказали, — пишет он, — братское уважение, подобающее твоему сану, а ты ответил бранью и поношением, свойственным извозчикам. Нет между нами общего, кроме правой веры. Ты нас оскорбил и счел достойными церковного наказания за венчание на царство нашего самодержца господина Феодора Дуки и счел это за величайшую дерзость, так как мы будто бы захватили твое право и так как никогда не получались венцы из рук святителей Болгарии... Твое письмо не есть продукт патриаршего суждения, мнения и соглашения. Разве лишь предположим, как писано о патриархе Иакове, что говорила надлежащая власть, а писала рука помощника секретаря твоей святости. Мы не разрушители основ. Но так как в светских делах произошел такой беспорядок, какой, думаю, никогда еще, даже в настоящий век, не гулял с наглостью по земле ромэев, — так что находится в опасности и изувечена непорочная вера наша учением и обычаями народов, осквернивших великую Ромэйскую империю, — уцелевшие на Западе члены синклита и иерархи, да и все бесчисленное войско возбудили вопрос о возведении в царское достоинство названного государя Феодора Дуки и о венчании его теми средствами, и которые были под рукою, так как на содействие извне надежды не было. Ибо восточный удел едва может справиться со своими делами и окружающими его затруднениями, и было нужно, чтобы окружающие нас недруги уступили царскому имени и сану, будучи прогнаны бесчисленными трудами державного и святого царя нашего; и нужно было это для поддержания дисциплины в подданных и особенно в войске. Ибо вызываемый царским саном страх и стыд не только бодрят и радуют подданных, но и сдерживают враждебные настроения».

«Мы совершили помазание не по собственному почину, но по решению всех, ради старшинства нашей кафедры. Греческий Запад, кроме того, поступил по примеру Востока; ведь в обход древних константинопольских обычаев провозглашен царь и избран патриарх в епархии Вифинской по нужде обстоятельств; и когда было слышно, чтобы один и тот же архиерей правил в Никее и назывался Константинопольским патриархом? И это состоялось не по постановлению всего синклита и всех архиереев, так как после взятия столицы и сенат, и архиереи бежали и на Восток, и на Запад. И я думаю, — пишет Хоматиан, — что на Западе находится большая их часть».

«И кого мы венчали на царство? Бесславного ли Саула, погонщика ослов, или безродного Иеровоама? Того, чьи подвиги знамениты не только у соседей, но прослыли на всю вселенную, и слава эта не льстива, но уступает его заслугам; он предает себя всем лишениям, бессонным ночам, голоду, зимней стуже с бурями, летнему зною в непроходимых и безводных горах, и ради чего? чтобы изгнать этих зверей (латинян) и вызволить эту часть ромэйской земли от их злодейств. Что нового и странного, если венчается на царство лицо царской крови, сын севастократора, внук порфирородной царевны, правнук достохвального и великого царя Алексея Комнина?»

«Освящение мυра неизвестно почему присвоил ты одному себе, а оно — одно из совершаемых всеми иерархами священнодействий (по Дионисию Ареопагиту). Если ты разрешаешь каждому иерею крещение, то помазание на царство, второстепенное в сравнении с крещением, осуждается тобою; а оно по нужде времени совершается непосредственно следующим за патриархом, притом по непреложным обычаям и учению благочестия. Впрочем, призываемый на царство по обычаю помазывается не мυром, но освященным молитвами елеем, и почему обвинять нас за то, чего не было, и называть мυроточивыми Димитриями Солунскими? А нам не нужно было бы приготовленного мυра, но у нас рака великомученика Димитрия ручьями источает мυро».

Далее, в обоснование своих прав Хоматиан опирается на принятую в его время местную традицию фальсификации истории. Сам-де Юстиниан происходил из Охриды, даровал ей не только имя Юстинианы Первой, завоевав ее якобы у болгар, но и предоставил ее архиепископу

третье место после Римского и Константинопольского патриархов, а также права в отношении к подвластным епископиям, тожественные с правами Карфагенской архиепископии над диоцезом Африки.

«Если же мы, — пишет Хоматиан, — обладаем правами пап в своей области, то отчего нам не помазать и царя, как папа, хотя бы кто-либо при этом, по-юношески, громовым голосом Стентора вопиял о беззаконии».

Одинаково решительно Хоматиан отстаивал перед Германом право посвящать епископов на греческом Западе, раз того требовали нужды паствы, оставшейся без призрения и увлеченной «италами» в латинскую унию. В этих церковных делах для нас интересна их политическая подкладка, проступающая весьма ясно. Патриарх Герман не только писал, но и действовал, посылал назначенных им епископов в Эпир, а их там не принимали. Переписка принимала резкий характер, причем обыкновенно перевес был на стороне западных антагонистов. Митрополит Керкирский, вышеупомянутый Георгий Вардан, должен был отвечать на обвинения патриарха, направленные против эпирского царя. Глава Никейской Церкви обвинял царя Феодора в нарушении клятвенных обещаний, данных царю Ласкарю, когда последний отпускал Феодора к его брату Михаилу в Эпир. Феодору Комнину ставились в вину сношения с агарянами, как будто он был вассал, а царь никейский — сюзерен. Вообще никейская точка зрения была та, что эпирский государь является вторым, или второстепенным (δευτερευων), после никейского, причем неоднократно была речь о клятвенных обязательствах, т. е. о присяге, соответствующей вассальной присяге латинских государей; и нужно помнить, что латинские феодальные воззрения пересаживались на греческую почву еще со времени Комнинов. Ниже мы увидим, что никейский царь осуществил свою точку зрения при преемниках Феодора. Царский сан был с нею несовместим, и теперь, во времена могущества Феодора, патриарх Герман высказывал в послании на Запад, что Феодор не имел права именовать себя царем и что Западная Церковь не могла считать себя автокефальною.

Вардан ответил Герману пространно, хитроумно и с иронией.

«Получили мы, — писал он, — от заоблачного твоего достоинства государево твое письмо, которое, прибыв с Востока, было, однако, писано от имени «правящего Западною Церковью» нашей. Как птенцы, спешим под крылья матери нашей Церкви. Но, к общему несчастью и против природы, присланное из Вифинии в Македонию твое письмо не созывает родных детей под крыло общей матери, напротив того, их разгоняет. Это не лидийская нежная мелодия, но фригийская, раздражающая наш слух; и наше архиерейское собрание, выслушав его, ответило: удали от меня голос песен твоих, и звука органов (музыкальных инструментов) твоих я не услышу. На каком основании вы бросаете нам хулу и поношения, растравляя наши раны, вместо того чтобы положить на них елей? На что без основания поносите благочестивого и боговенчанного самодержца нашего?» Воздав красноречивую, но довольно шаблонную похвалу Феодору Комнину, митрополит Вардан продолжает: «Впрочем, вычеркнем если не все, то некоторое из написанного в письме твоем, и пусть имеет место терпение. Епископ Сапоникский (Константин Месопотамит) сам ушел скитаться, никто его не изгонял (за отказ короновать Феодора), наоборот, царь лично его упрашивал остаться на своей кафедре. Не только епископ, присланный вами в Диррахий, завоеванный столькими трудами нашего царя и его предшественника, но и никто из посвященных в Никее не получит епархии в землях, над которыми господствует на правах самодержца царь наш. Только свои, священнодействовавшие вместе с нами на Западе, могут быть приняты. А это мы считаем не новшеством, но результатом обстоятельств. И мы отстаиваем свое право, чтобы не оторваться от всего сродного тела (т. е. Вселенской Церкви) и не сделаться особым племенем; ибо кто мог бы снова соединить Церковь, приладить ее кость к кости? О том мы вас предупреждали, а вы стоите на своем без уступки,

чтобы помешать силе вещей, как будто это возможно. Ваши права также незаконны. Столица Византии многократно прелюбодействовала с насильниками-варварами, а считаемого ею законного супруга (т. е. Вселенского патриарха) в Константинополе не признают и союз считают незаконным. Хочешь ли поступить подобно Иксиону, возлюбившему Геру и соединившемуся с ее туманным подобием? От такого союза родилось ведь чудище кентавр. А если вы окажетесь законным отцом, соединившимся законным браком со столицей Константина, то с нас сего будет достаточно, мы покоримся. Иначе должны мы пойти на взаимные уступки и тогда — да помилует нас Бог — вернуться (в Константинополь), как из вавилонского пленения. Молитва ангелов, бывшая о возвращении из Вавилона, уместна и о некогда счастливой Византии, дабы увидела детей своих с востока и запада, с южного моря и с севера, собравшихся воедино. И тогда, только тогда, мы, живущие и уцелевшие, ныне из чуждых чуждые, приписанные и захребетные, понесем на себе живые знаки отечества и материнства, будем признанными детьми отцов и матерей наших».

«Что касается державнейшего царя, — продолжает Вардан, — то да слышит небо и земля, однако же да скроет солнце свои лучи! протестуем против вашей о нем клеветы. Видел ли ты, когда-либо благороднейшего и храбрейшего государя Феодора Дуку якшающимся с агарянами и приобщившимся к их мерзкому обиходу? Разве тебе известно, чтобы его вызвал от агарян Феодор Ласкарь, державший его в такой ласке? И правивший тогда в Азии Ласкарь еще не надевал царского венца и не носил порфиры, но беспрерывно скитался с места на место, окруженный недругами, отвергавшими его начальство. И мы знаем, что Феодор Комнинодука весьма много помог Ласкарю и много вражьих твердынь ему приобрел, проявив чрезвычайное мужество. Ныне же в воздаяние за расположение Ласкаря наш царь призрел его родню (гонимую царем Ватаци; и преданному патриарху никейского царя было особенно неприятно прочесть это в ответе Вардана)».

«Если же вы пишете, что «самовольно царствующий» у нас связал себя присягою с родом Ласкаря, то это есть соображение человека нерассудительного, ибо какое соглашение может быть между львом и ползучим львом (хамелеоном)? Наше западное царство — сад, полный роз и кипарисов, куда каждому не возбраняется войти, наслаждаться видом, гулять, рвать цветы и отдыхать под тенью. Восточное же царство — одинаково рай, но первым пользовщикам его (узуфруктуариям, намек на родню и сподвижников Ласкаря) он не послужил на добро, но скорее присудил их к смерти; а вход в него оказался мрачным и неприветливым. Кто же пойдет в такой рай, кто устремит свои очи на Восток, откуда исходят тучи угроз и доносятся громовые раскаты? Он предпочтет это западное государство, потому что узнал солнце своего царства. Посланный вами Амастридский митрополит здесь никого не убедил и предпочел уехать ни с чем, нежели получить от нас определенное соборное решение, которое было бы принято и твоею святостью, подтверждая всеобщее признание тебя иежедневное поминание на церковной службе».

Таков был отпор, данный западными иерархами. Все складывалось счастливо для нового царя. Но, видимо, он был скорее неутомимым и доблестным полководцем из школы Ласкаря и достиг более блестящих успехов, чем Ласкарь; но также он был способен поставить судьбу государства на карту в рукопашной схватке, и если он доселе не знал неудач, то потому, что в пределах западного эллинизма все было подготовлено его предшественником Михаилом: и материальная сила, и признание греческих масс и духовенства. Ослепили ли его неслыханные удачи, или же по природе он не был осторожным и систематическим организатором, но Феодор Дука не остановился, не укреплял и не устраивал свою новую державу в течение ряда лет, как того требовала осторожность. Вместо того он вторгся во Фракию, бесспорно лелея мысль восстановить престол Комнинов в их прежней столице Константинополе. Впрочем, и сербские

и болгарские царства на Балканах, быстро распустившись пышным цветом, гибли, не принеся плодов.

Не довольствуясь Македонией, Феодор вторгся во Фракию. Города сдавались один за другим, но беспрерывные походы и содержание войск должны были тяжело отразиться на населении. «Труды и бессонные ночи» честолюбивого Комнина означали для населения разрушение домов и опустошение полей; по крайней мере, никейские историки (Григора) полагают, что Феодор уничтожил в Македонии и Фракии все, что уцелело от болгар и скифов (куман), и говорят о «хороводе или праздничном собрании всяких и разнообразных бедствий», обрушившихся на население.

Перед триумфальным шествием Феодора уцелели лишь владения старого князя Слава в Родопских горах, который спасся женитьбой на родственнице Феодора.

Беспрепятственно были взяты Дидимотих и самый Адрианополь; последний сдан был военачальниками никейского царя, и не подумавшими о сопротивлении, тем более что Феодор обещал горожанам блага и вольности (1225). Феодор двинулся и к Константинополю, взял Визу и побывал в окрестностях столицы; в одной из стычек ранен был барон Ансельм де Кайе, зять никейского царя Ватаци.

Образовалось большое государство — от Адриатики до Марицы, от Коринфского залива до главного хребта Балкан. И казалось несомненным, что Феодор мог завоевать Константинополь, предупредив никейцев; и, стеснив латинян, Феодор показал дорогу восточным грекам.

Находясь на верху могущества, Феодор именовал себя в грамотах полным титулом византийского императора: «Феодор во Христе Боге верный царь и самодержец ромэев Комнин Дука». В 1228 г. он возобновил договор с Венецией и заключил перемирие на год с регентом Латинской империи. В 1229 г. он завязал дружественные сношения с Фридрихом Гогенштауфеном, и это показалось столь опасным папе, что он поспешил отлучить их обоих от Церкви.

Организация его царства мало известна. Выше упомянуты были никейские известия о том, что Феодор образовал при себе пышный двор и раздавал чины и титулы вплоть до самых высших. В разные области им назначались воеводы и наместники с различными, по-видимому, полномочиями, сообразно их личному положению; так Эпир и Фессалия были отданы в удел брату царя деспоту Константину, вызвавшему жалобы Навпактского митрополита Апокавка. Функции наместников и воевод были всеобъемлющи. Им была вверена военная и полицейская охрана, надзор за отправлением правосудия, защита вдов и сирот. Против них самих оставалась одна защита — архиерей и жалоба его царю. Решения Хоматиана и его синода дают понятие о громадной роли духовенства в области гражданского права и семейных отношений. Светским властям оставались дела уголовные, политические и аграрные, взыскание податей и пошлин.

Единственной грозной силой для Феодора был могущественный царь болгар Иоанн Асень. Феодор поспешил предложить ему, по обычаю времени, брачный союз между их домами, и побочная дочь Асеня Мария была выдана за брата Феодора — деспота Мануила. Неясно, по какой причине Феодор сам же нарушил наладившуюся дружбу, обеспечивавшую ему тыл в случае похода на Константинополь. Можно догадываться, что Асень сам имел те же виды и стал поперек дороги Феодору. Трудно согласиться с никейским историком Акрополитом, объяснявшим такой крупный и опасный шаг непостоянством характера царя, сделавшего столь много и упразднившего латинское господство в Румелии. Феодор двинулся вверх по течению Марицы в болгарские владения. Асень пошел ему навстречу, имея с собою, кроме болгар, около тысячи половцев (куман); на знамени была прибита нарушенная Феодором договорная грамота. При селе Клокотнице (ныне Семидже) Феодор был разбит наголову и взят в плен вместе со своими архонтами; пленных простого звания Асень отпустил по домам, желая приобрести

любовь населения (весною 1230 г.). Царь Феодор вместе со старшими начальниками остался в плену у Асеня и впоследствии за интриги был им ослеплен. Таков был поворот в судьбе победоносного Комнина Дуки.

Царство его потеряло разом почти все, что Феодором было приобретено. Правда, брат его, упомянутый деспот Мануил, спасся и укрылся в Салониках, где Асень его не трогал, как зятя. Именуясь лишь деспотом, может быть, потому, что царь Феодор был еще жив, Мануил говорил в переписке о своем «царстве» и предъявлял притязания на царские прерогативы, красную обувь и прочее; увидя его подпись красными чернилами, болгарский посол не постеснялся вышутить Мануила. «К тебе, — сказал он, — применимо то, что поется о Христе: тебя царя и государя (δεσποτην)».

Вся Фракия и Македония, Северная Фессалия, Великая Влахия, часть Албании до Драча достались Асеню без сопротивления со стороны народа. Болгарский царь оставил на местах греческих чиновников и обращался с населением бережно и милостиво, чем упрочил свою власть и заслужил, по отзыву никейского историка Акрополита, любовь греков. Деспот Слав Родопский окончил свою жизнь, по-видимому, при дворе Асеня, потому что его имя стоит в болгарском официальном поменнике. Сербский король Стефан Владислав был так же зятем Асеня, как и деспот салоникский Мануил. Латинская империя имела на престоле ребенка Балдуина, и Асеню предлагали над ним опеку. К этому году относится гордая надпись[43] Асеня на колонне тырновской церкви Свети Четиредесяти:

«В лето 6748 (1230) III индикта. Я, Иоанн Асень, во Христе Боге благоверный царь и самодержец болгар, сын старого Асеня, создал с самого основания этот святейший храм и вполне украсил его живописью в честь святых Сорока Мучеников, с помощью которых я на 12-м году своего царствования, когда уже храм был разукрашен, пошел войною на Романию, разбил греческое войско и взял в плен самого царя кир Тодора Комнина со всеми его болярами. Я завоевал все земли от Одрана (Адрианополя) до Драча (Дураццо), греческую, затем албанскую и сербскую страну. Фрязи удержали только города около Царяграда; но и фрязи покорились деснице моего царства, так как они не имели, кроме меня, ни одного царя (Асень рассматривал себя как опекуна малолетнего Балдуина) и жили в моей власти по повелению Божию. Ибо без него ничто не делается и не говорится ни слова. Слава Ему вовеки. Аминь».

Одновременно в грамоте[44] «любовным и всеверным гостем» — купцам далматинского Дубровника (подлинник ее хранится в Петербурге) Иоанн Асень перечисляет области своего царства, в коих они могли торговать и ездить «без печали»: Бдын (Видин на Дунае), Браничев (в Сербии, у Пожаревца), Белград, Тырнов, Загорье (Северная Фракия), Преслава (прежняя болгарская столица), Карвунская область (к северу от Варны), Крынская область (Восточная Фракия от Тунджи), Боруйская (Веррия, Эски-Загра), Одрин, Димотика, области Скопльская (Скопле, Ускюб), Прилепская, Деволская, Арбанасская (Албанская, Эльбассан) и Солунь, где, очевидно, Асень распоряжался как дома. Подписался он на этой грамоте «Асен цар Блъгаром и Гръком». Царство его касалось трех морей, и со времен Симеона болгарская история не достигала такого блеска.

Его столице Тырнову на высотах по обоим берегам Янтры болгарские памятники присваивают имена Цареграда Тырнова, царственного преславного града, второго после Константинополя. Еще в XVII в. посредине Тырнова возвышался шестиугольный замок (Царевец) с пятью воротами, на утесе, с трех сторон охваченном рекою. Здесь был дворец царей XIII и XIV вв., и рядом с ним — патриархия с храмом во имя Вознесения; это ныне сглажено с землею; церковь св. Параскевы Пятницы (Петки) уступила место мечети XV в.; нынешняя митрополия, древняя церковь Петра и Павла, находится внизу Царевца; здесь же, у реки, стоит бесценный памятник болгарской древности — церковь св. Четыредесяти Мучеников с

гробницами святых и царей, с историческими надписями на колоннах (надпись Омортага и Иоанна Асеня), с фресками на стенах времени Асеня. На правом берегу Янтры возвышается скала Трапезица, где недавние раскопки, наспех производившиеся, открыли фундамент до 20 церквей с частями стен, покрытых фресковой росписью. Город и окрестности были полны церквей и монастырей. Тырнов был центром политической и культурной жизни Болгарии в XII и XIV вв. Мир и кроткое управление обогатили Болгарию и примирили население покоренных областей. О преследовании богомилов, залившем страну кровью при трусливом Бориле, не было речи при могущественном Асене, которого оружие было страшно для греков, франков и венгров. Богатые приношения Асеня обогатили болгарские и афонские монастыри, особенно Зограф. Важнейшим событием мирной политики Асеня было признание болгарской Тырновской патриархии Константинопольским (Никейским) патриархом Германом с согласия трех восточных патриархов. То, чего не мог добиться Калоянн, получил Иоанн Асень в 1235 г. благодаря союзу с никейским царем Ватаци, закрепленному браком наследника Ватаци на дочери Асеня. Перипетии войн Асеня с франками и греками излагаются в истории последних, так как и известны нам преимущественно из греческих и франкских источников. При преемнике его, малолетнем Калимане (1241 — 1246), завоевания во Фракии и Македонии были утрачены Болгарией в течение трех месяцев войны.

Возвращаясь к эпирскому государству, — этот западный центр эллинизма был сокрушен Асенем в бою под Клокотницей. Пламенные надежды патриотов, столь быстро окружившие Феодора Комнина Дуку, столь же быстро должны были перейти сначала на никейского царя и эпирского[45] деспота, потом на одного первого. Гибель и падение сопровождались унынием и мраком; плеяда блестящих писателей либо вымерла, либо рассеялась в Италию и Никею. Эпирские источники почти прекращаются, остаются известия врагов. Салоникский деспот Мануил правил спокойно с 1230 по 1237 г. Он заключил союз с Жоффруа Вильгардуэном, князем Ахеи, даровал рагузцам (Дубровнику) привилегии за их дружбу не только к царству Салоникскому, но и к царю Стефану Сербскому, его зятю и союзнику. Рагузцы могли торговать свободно, не будучи подсудными местным судам, и имущество их было обеспечено, в случае их смерти, наследникам; в голодные годы был воспрещен вывоз жизненных припасов. Деспот Мануил желал было вступить в сношения и с римской курией, но, по-видимому, помешало духовенство, настроенное особенно враждебно к Римской Церкви на греческом Западе, на рубеже латинской пропаганды, часто насильственной.

Катастрофа царя Феодора, смерть Хоматиана и отъезд Вардана в Италию изменили отношения Эпирской Церкви к Никейскому патриарху, и инициатива на этот раз открыто исходила от западного двора. Не могло быть уже речи об отпоре требованиям патриарха Германа, канонически и ранее обоснованным, так как за эпирскими архиереями не стояло более политической силы западного «царя и самодержца». Сам деспот Мануил обращается к патриарху как непреложному вождю христиан во всей вселенной, прося об устранении разногласий и о добром посредничестве перед светлым государем царем Иоанном Ватаци. Умоляя забыть прошлое, Мануил сам просил патриарха прислать ему архиерея для посвящения епископов, так как морские переезды для них небезопасны от пиратов. Патриарх Герман похвалил деспота Комнина Дуку, пожелал ему не только доброго здоровья, но даже и приращения земель; митрополита он ему послал. Однако приращения земель не воспоследовало. Остатки царства Феодора распались на три или четыре удела, и самому Мануилу достался наименьший, несмотря на помощь из Никеи.

Лишь только весть о пленении Феодора распространилась по Эпиру, там появился незаконный сын его брата и предшественника Михаила, носивший то же имя, как его отец. Юный претендент овладел, кроме Акарнании, городом Сервией (на севере Фессалии) и там

женился на дочери знатного и богатейшего севастократора Петралифы. Она отличалась христианскими добродетелями; будучи прогнана мужем в угоду любовнице и перенеся это достойно, она окончила жизнь в добром сожительстве с мужем, строила церкви в Арте и перешла в потомство с именем преподобной Феодосии. Из ее краткого жития почерпаются некоторые сведения о судьбах эпирского деспотата. О Михаиле II известно, что он уже в 1236 г. освободил керкирцев от податей, возобновил дарованные отцом его привилегии рагузским купцам и сносился с императором Фридрихом II Гогенштауфеном. Он был едва ли не сильнее Мануила Салоникского.

В 1237 г. Асень по смерти жены Марии Венгерской женился на дочери ослепленного царя Феодора, томившегося в болгарском плену. Ирина сумела очаровать старого царя и выхлопотала освобождение своему отцу. Слепой Феодор явился, переодетый, в Салоники к своим друзьям, которых он некогда облагодетельствовал, захватил власть, провозгласил царем своего сына Иоанна, а брата, деспота Мануила, он отослал к мусульманам в малоазиатский город Адалию. Мусульмане обошлись с Мануилом хорошо и отпустили его к царю Ватаци. Последний принял деспота по его сану и, обязав его присягой, отпустил с шестью кораблями и крупной суммой в Фессалию. Мануил добыл себе небольшой удел в богатой Димитриаде, овладел и городами Фарсалом, Лариссой, крепостью Платамоном и вскоре завязал сношения и с Михаилом II Эпирским, и со слепым Феодором, изгнавшим его из Салоник. Три деспота из рода Комнинов Дук образовали лигу или, вернее, царство Феодора, которое распалось на три удела, сохраняя культурные связи. Если припомним, что и в дни могущества царя Феодора в Эпире и Акарнании правил, с саном деспота, его брат Константин, что и у слепого Феодора оказался впоследствии собственный удел в Македонии, что кругом в Албании и Сербии существовал родовой быт, переходивший для княжеских семей в удельный, то можно думать, что и в эпиро-македонских княжествах семьи Комнинов Дук допустимы и даже наблюдаются неслучайные аналогичные явления. Мануил даже отрекся от Ватаци и при смерти (1241) завещал свои земли Михаилу Эпирскому, а не Ватаци.

Объединение греческих земель могло иметь место только силою оружия, так как попытки никейского царя установить вассальные отношения окончились неудачею. Семейный союз Комнинов олицетворял единство западного греческого царства, созданного на развалинах Салоникского латинского королевства. Вскоре состоялся первый поход восточных греков против западных. Ватаци заманил к себе слепого Феодора Комнина Дуку и задержал его в своей свите. Собрав большие силы, пользуясь смертью грозного Асеня в 1241 г. и малолетством его преемника Калимана, Ватаци вторгся в Македонию и появился перед крепкими стенами Салоник. Взять города он, однако, не смог, и царь Иоанн Комнин Дука, сын Феодора, отбивался успешно. К тому же Ватаци получил грозную весть о вторжении татар в Анатолию и поспешил домой. Предварительно он заключил с Иоанном мир, по которому последний отказался от царского сана, сложил с себя регалии и вступил в подчиненные отношения к Ватаци (1243). Неясно, насколько эти отношения отвечали латинскому вассалитету под формою византийских придворных отношений царя к деспоту. Слепой Феодор был оставлен в Салониках. Благочестивый Иоанн вскоре скончался (1244), и его заменил на престоле брат его Димитрий. Этот был иных нравов и даже охромел, спасаясь от мужа своей любовницы. Он поспешил исхлопотать у Ватаци утверждение в сане деспота Салоникского царства или, точнее, части, принадлежавшей Иоанну; но не прошло двух лет, как против него поднялись знатнейшие жители Салоник и отрядили с жалобой на него депутацию к царю Ватаци, воевавшему тогда в Македонии против болгар. Так быстро исчезло обаяние Комнинов Дук и лояльность населения, признавшего верховную власть никейского царя. Впрочем, Димитрий и сам не уберег ни своего суверенитета, ни личного достоинства.

Ватаци не замедлил появиться под стенами Салоник и потребовал к себе Димитрия. Тот не послушался, но заговорщики открыли ворота города отряду никейских войск. Захватив Димитрия, царь Ватаци присоединил Салоники к своим владениям (1246). Сестра Димитрия Ирина, вдова Асеня Болгарского, выхлопотала брату прощение, и юный деспот лишь был отослан в малоазиатскую крепость. Столь жалкий конец имело государство Бонифация Монферратского и Феодора Комнина Дуки, просуществовав лишь 40 лет. Но этим событием был сделан решительный шаг к объединению греческого народа. Осталось на западе Эпирское государство деспота Михаила II, обнимавшее Этолию, Эпир, Фессалию, Пелагонию (ныне Монастырь) и Прилеп; слепой Феодор сохранил небольшой удел в славянской Македонии с городами Воденой, Старидолом и Островом.

Деспот Михаил II Эпирский Комнин Дука Ангел (1237 — 1266) сначала поддержал дружественные отношения с никейским царем, предоставил свободный пропуск через свои земли отряду никейских войск, посланных в Италию на помощь Фридриху II Гогенштауфену, и даже женил сына на внучке Ватаци.

Тем не менее и Михаил, подстрекаемый своим дядею, слепым Феодором, лелеял планы овладеть Константинополем и провозгласить себя самодержцем ромэев. В 1250 г. он вторгся во Фракию с многочисленным войском. Со своей стороны Ватаци решил положить конец попыткам возродить царство Феодора. Перейдя Дарданеллы во главе больших сил, Ватаци далее отправился морем, высадился в Салониках и взял Водену, город слепого Феодора; последний убежал к Михаилу (1251). Таким образом Ватаци нанес удар в самый центр направленных против него интриг, и эпирский деспот думал уже не о Фракии, а отбивался в собственных владениях в Эпире. Против него было послано войско, но Михаил успешно защищался в родных горах.

Главные силы Ватаци, оставшиеся с ним в Салониках, терпели лишения и голод, хотя Ватаци и учредил впервые особую должность интенданта. Затянувшаяся война разоряла Македонию и была бесцельной, так как перевес сил Ватаци стал очевидным. Непостоянные симпатии македонских патриотов перенеслись на никейского царя, который один был в состоянии объединить нацию и возвратить ей древнюю столицу Константинополь. Собственники земель и горожане в Македонии привыкли быстро переходить на сторону сильнейшего, надеясь охранить покорностью свое достояние и безопасность. В стан Ватаци явились знатные перебежчики, между ними богач Петралифа, брат жены деспота Эпира и вместе с тем зять никейского вельможи Торника; в его лице перешла нейтральная, колеблющаяся часть македонской земельной аристократии. Вслед за архонтами начали и города переходить под царскую руку: Преспа, оба Девола, Костур (Кастория) с их славянским крестьянством; приехал и албанский князь Гулам (Голем) из Эльбассана. Ватаци принимал всех с честью, и положение Михаила Эпирского стало опасным. Он прислал послов к Ватаци и согласился уступить сверх захваченного Прилеп, Белее, албанский город Крою. За Михаилом осталась Фессалия и Эпир. Македония и Средняя Албания были утрачены. Для безопасности от дальнейших выступлений Комнинов Дук Ватаци настоял на выдаче ему слепого Феодора и отослал его в Малую Азию. Отношения по этому договору, заключенному в Лариссе, установились не равные, но почти вассальные. Никейский царь пожаловал сыну Михаила Никифору звание деспота как жениху царской внучки.

Но идеи и реальные силы, вызвавшие в свое время блестящие успехи Феодора, еще были живы при эпирском дворе. По смерти Ватаци (1254) воцарился молодой Феодор. При нем в никейских правящих кругах возобладало настолько непримиримое отношение к западному деспотату, что он не признавал Михаила государем и, желая возмутить его народ, поручил патриарху Арсению наложить анафему на все западное царство. Преданный никейской

династии патриарх и его покорный синод не замедлили составить нужный соборный акт и уже огласили в царской резиденции Магниссии анафему, воспретив совершать таинства всему греческому Западу. Эта безумная и незаконная мера, характеризующая Феодора II и его двор, была предотвращена престарелым ученым Влеммидом, который убедил царя разорвать уже подписанное им соборное постановление.

Феодор II не стеснялся в отношении к эпирскому деспоту. На пути в Салоники во время похода в Болгарию (1257) он встретил жену эпирского деспота с сыном Никифором, который при Ватаци был обручен с царской внучкой и получил звание деспота. Теперь они приехали за невестою, чтобы сыграть свадьбу. Царь Феодор задержал их и тогда лишь разрешил венчаться, когда жена деспота, желая вернуть свободу, обязалась за своего мужа и от его имени уступить восточному царю города Сервию (ныне Серфидже) и Диррахий (Драч). Феодору нужно было обеспечить южную и адриатическую границы своих владений на западе, и, добившись утверждения соглашения деспотом Михаилом, царь Феодор торжественно отпраздновал свадьбу в Салониках, куда был для того вызван патриарх. После Ларисского договора это соглашение и брак, казалось, закрепляли отношения на основах почти вассальной зависимости.

Однако деспот Михаил II, или Михалица, как его звали в простой речи, не примирился ни с утратою двух окраин, ни с зависимою ролью, навязанной молодым царем так грубо. Он стал готовить восстание или войну, заручившись на этот раз содействием лишь ближайших и православных соседей — сербов, албанцев и, вероятно, влахов, с князем коих он породнился. Когда известие о бегстве Михаила Палеолога к туркам заставило царя Феодора поспешить домой, он оставил на западе своим наместником (претором) историка и верного своего вельможу Акрополита и некрупные гарнизоны в главных городах. В течение трех зимних месяцев Акрополит объехал кругом Албанию и Западную Македонию, ревнуя о службе своему царю. Прибыв в Прилеп, он узнал об измене Хаварона, губернатора в Эльбассане, увлеченного якобы чарами и письмами родственницы эпирского деспота. Вслед за восстанием в Эльбассане деспот Михаил объявил открыто о своей независимости от никейского царя. Наместник Акрополит созвал в Пелагонию (ныне Монастырь или Битоль) подчиненных ему начальников. Узнав о грозящей потере всей Албании, Акрополит послал в Эльбассан знатного Нестонга, но тот немедленно был осажден в Эльбассане албанцами и с трудом был вызволен оттуда самим наместником. Последнему пришлось отступить при тяжелых условиях; Нестонга оставили в Охриде, а сам Акрополит был рад добраться до укрепленного Прилепа, как в верную гавань. Но и там он был осажден сербами Уроша. И от Акрополита, и из Диррахия (куда был послан из Никеи архиепископом Халкуци, родом из евбейских землевладельцев) понеслись в Никею мольбы о помощи. Царь Феодор поспешил примириться с Михаилом Палеологом и вручил главное начальство на западе, а войско дал самое плохое. Несмотря на это, Палеолог одержал несколько побед, усилившись служившими в македонском гарнизоне лазами (пафлагонами) и турками, разбил наголову под Воденой отборный конный полк эпирцев и, лично подавая пример храбрости, сбил с коня побочного сына деспота, который был тут же зарезан. Несмотря на успехи Палеолога, восстание разгоралось, и сами жители Прилепа впустили в город эпирские войска, хотя так еще недавно славянская Македония добровольно поддалась царю Ватаци... Сам наместник Акрополит был схвачен и закован в кандалы (1258).

Вся Македония, кроме Салоник, была завоевана деспотом Михаилом II. Никейских войск не хватало для охраны завоеваний Ватаци; среди полководцев Феодора выдавался один Палеолог. В настроении западных греков опять наступил поворот в пользу эпирского деспота. Даже несколько никейских военачальников перешли на его сторону, между ними — малоазиатский магнат Нестонг. Царю Феодору донесли даже, будто ему изменил и Акрополит, в оковах перевозимый с места на место. В союзе с эпирским деспотом, находившимся на верху

своего могущества, действовали не только сербы, но и король Тарента и Сицилии Манфред из рода Гогенштауфенов, уже в 1258 г. овладевший побережьем Албании от Диррахия до конца Керкирского пролива и островом Керкирой (Корфу), как видно из одного греческого документа.

Вскоре смерть царя Феодора II (август 1258 г.) и захват престола Михаилом Палеологом поставили эпирского деспота лицом к лицу с его опаснейшим врагом. Михаил Палеолог не замедлил снарядить против Михаила II Эпирского большую армию. Нужно было разгромить соперника, претендента на константинопольский престол. Во главе всех сил он поставил своего брата, великого доместика Иоанна Палеолога, с двумя знатными и опытными военачальниками Стратигопулом и Раулем. Побочный сын деспота, способный Иоанн, надолго задержал никейскую армию в проходах под Веррией.

Тем временем Михаил Эпирский поспешил заключить союз не только с Манфредом, но и с Гильомом Вилльгардуэном, князем ахейским, и по обычаю времени оба союза были немедленно оформлены и закреплены брачными узами. Дочь деспота Елена была выдана за Манфреда и принесла супругу подтверждение прав на Керкиру Авлону (Валлону), Химарру и несколько соседних городов. Эти права на столь нужное для итальянцев побережье, господствующее над выходом из Адриатики, явились грозным оружием в руках Анжуйского Карла, разрушившего государство Манфреда; при Карле управлял Драчем одно время русский Суляк (Souliaco). Союз эпирского государя с южноитальянским Гогенштауфеном, хотя нисколько не вредил православию, так как оба контрагента являлись злейшими врагами папы, сопровождался утверждением итальянцев, адмирала Киннарда с 100 галерами, на полугреческом побережье, из-за которого было пролито столько греческой крови. Диррахий (Драч) являлся греческим форпостом правительства Ватаци и его преемника; а теперь Никейский архиепископ был изгнан из Диррахия. Утрата Адриатического побережья являлась в глазах восточных греков новым поводом к войне с Михалицею для воссоединения греческих земель. Эпир был крепок, как передовой оплот эллинизма, теперь же он изменял общему делу и пускал итальянцев на издавна греческие земли.

Одновременно другая дочь деспота Михаила, Анна, выдана была за Гильома Вилльгардуэна Ахейского и принесла с собою небольшие земли в Фессалии, но крупное приданое деньгами (60 000 золотых), свидетельствующее о богатстве эпирского государя. Притом этот брак ставил гордого франкского князя в зависимость если не от деспота, то от его политики. В случае войны с восточным греческим царством Вилльгардуэн обязался выставить большое число рыцарей и иных воинов. Таким образом, Михаил является во главе целой лиги или коалиции, составленной, однако, из чуждых этнически элементов. Немцам Манфреда, французам Вилльгардуэна, грекам, влахам и албанцам Михаила трудно было сражаться рядом. Палеолог не был уверен в успехе и желал избегнуть кровопролития между греками. Он прислал к деспоту слепого архонта Фили, предлагая со своей стороны даже уступки. Деспот полагался на иностранную помощь, верил в звезду Комнинов Дук и отвергнул предложения Палеолога. Фили ему ответил: «...знаю, что безумствуешь и потому говоришь не должное; знай же ты, что вскоре попробуешь царской силы и ромэйской мощи и раскаешься, но поздно». Грозя деспоту ромэйской мощью, т. е. силами объединенного греко-византийского мира, посол Палеолога считал деспота отступником, как его и называл Акрополит в своей истории. Таков был взгляд на эпирского государя при восточном дворе. Союз с латинскими государями являлся прямой изменой греческому делу, будучи заключен накануне взятия Константинополя, и Михалица, по-видимому, мечтал повторить опыт объединения в одном государстве столь враждебных друг другу латинского и греческого элементов. Этот опыт не удался Генриху, а Михалица желал повторить его при ином распределении сил. Он был заведомо обречен на неудачу. Обстоятельства катастрофы 1259 г., постигшей западную коалицию под Костуром у урочища

Борилов Луг, не вполне ясны и отчасти были изложены выше в истории Вилльгардуэна. Бесспорно лишь то, что столкновение, предположенное между греками, обратилось в избиение латинских союзников Михаила Эпирского.

Тогда как для франков Греции костурская катастрофа привела к утрате Восточной Мореи, в качестве выкупа за Вилльгардуэна, и скомпрометировала судьбу их цветущего княжества, для греков она, казалось бы, должна была привести к желанному политическому объединению. На первых порах последнее являлось неминуемым. Даровитый побочный сын деспота Иоанн, начальник влахов, сказался вассалом Палеолога. Никейская армия заняла болгарскую и албанскую Македонию, греческий Юг, отряды Стратигопула и Рауля вторглись в Эпир, осадили Янину, взяли столицу деспота, цветущую Арту, проникли до Коринфского залива — и все в течение нескольких месяцев и недель... Разгром государства Комнинов Дук был полный, и сам старый деспот с семьей скитался на кораблях, не имея прочного пристанища. Вскоре, однако же, грабежи восточной армии, состоявшей наполовину из тюркских полков, заставили туземное население пожалеть о своем прирожденном государе. Инициатором движения опять явился Иоанн, побочный сын деспота. Он освободил Арту, куда немедленно явился деспот, и прогнал отряд, осаждавший Янину. Восстание имело тем больший успех, что царские начальники Иоанн Палеолог, Торник и Стратигопул вернулись уже к царскому двору в Азию.

Так верность населения сохранила Эпирское государство. Много значила упорная энергия, наследственная в роде Комнинов Дук. Жизнь Михаила II замечательна. Смутное время рождает такие характеры, как оба Михаила и Феодор, деспоты эпирские, или как Феодор Ласкарь, основатель Никейского царства. Борьба за свою державу — дело их жизни, их не останавливают неудачи, и они сами не останавливаются в выборе средств, прибегая к вероломству и обращаясь к иностранцам, когда нужно.

Уже через полгода после костурской катастрофы Михаил и его наследник Никифор, получив помощь от Манфреда, не только разбили в Фессалии посланного против них Стратигопула, но и захватили его в плен. Был заключен мир, и никейский генерал был отпущен на свободу. «Скверный корень эпирских Комнинов опять пустил скверные, колючие ростки», — отзываются никейские историки. И влахи, и албанцы встали под знамена деспота. Одновременно Манфред укрепился на побережье Южной Албании, занятом им за год до Костурской битвы. Царь Палеолог выслал свои войска и против войск Манфреда, и против деспота. Против последнего был послан все тот же Стратигопул. По дороге он имел неслыханную удачу — захватил Константинополь, а поход в Эпир задержался на год. Прибыв в Эпир, прославленный генерал опять был пойман в горах эпирцами, и на этот раз он был отослан к Манфреду, который взамен Стратигопула выручил свою сестру Анну, вдову Ватаци, томившуюся в заточении при дворе Палеолога. При посредстве жены деспота Феодоры был заключен мир между царем и деспотом, причем сын последнего, молодой Иоанн, был оставлен заложником и женат на дочери севастократора Торника. И это соглашение (1262) было непрочным. Деспот продолжал отвоевывать земли, которые считал родовыми. Тогда был послан против него царский брат Иоанн Палеолог, возведенный после Костурской битвы в сан деспота, и при нем большое войско (1263). Начались безуспешные переговоры. Деспот настаивал на сохранении за ним земель, завоеванных потом и кровью его предков. Лишь весною 1264 г. Михаил уступил, не имея уже помощи со стороны Манфреда, стесненного на родине сильнейшими врагами. Состоялось личное свидание, и был заключен новый договор. Но как только войско Палеолога удалилось, старый деспот тотчас принялся за набеги на царские владения. Очевидно, отношения были таковы, борьба настолько задевала жизненные интересы и унаследованные традиции Комнинов Дук, что Михаил не мог не нарушить договора, коль скоро его отпускал сильнейший враг, схвативший его за горло. Царь Палеолог решил выступить

самолично и навсегда сломить упорного врага. И на этот раз он предпочитал покончить дело, избежав кровопролития. Палеолог был не разоритель, но государь, он щадил греческие силы и знал страну, которая не выносила насильственного ига. Ее трудно было бы удержать в подчинении надолго. Со своей стороны деспот не мог более рассчитывать ни на чужую помощь, ни на собственные силы; он уступил Янину и признал себя подвластным самодержцу ромэев (нач. 1265 г.). Его наследник Никифор получил в жены царскую родственницу, был приглашен в Константинополь, обласкан и пожалован саном деспота. С тех пор отношения между обоими греческими государями оставались дружескими. В последние годы своей бурной жизни деспот Михаил добывал себе эпирское наследство зятя короля Манфреда, погибшего в борьбе с Карлом Анжуйским (под Беневентом, 1266 г.). Земли на материке он забрал легко. Чтобы овладеть Корфу, где утвердился адмирал Манфреда Киннард, деспот прибег к вероломству, заманив его в сети той самой своей родственницы, которая погубила никейского стратига Хаварона, женил его на ней и изменнически убил. Это, впрочем, не помогло: на острове остались латиняне, не желавшие его власти. Деспот Михаил II, или Михалица, умер (1266) среди военных приготовлений против латинян у эпирского побережья, работая над тем же делом, которое возвеличило Михаила I и Феодора. Получив отпор на востоке, он возвратился к национальному строительству на западном рубеже.

Пятью годами он пережил объединение Византийской империи, точнее, греческих областей империи Комнинов под скипетром Палеологов. Он должен был, после отчаянной борьбы, признать последствия этого события. Гордые планы Комнинов Дук были навсегда похоронены. Прежнее соперничество стало национальной изменой. Эпирская история получила с тех пор местное значение.

Глава 4. Никейское царство Ласкарей. Трапезунтское царство в XIII в. Сельджукские султаны и нашествие монголов

В один из последних дней осады Константинополя, когда царь Мурзуфл уже бежал, толпа молодых аристократов и их людей собралась в храме св. Софии и провозгласила царем молодого Феодора Ласкаря, зятя царя Алексея Ангела. Был и другой кандидат — Феодор Дука, но жребий пал на Ласкаря. Но Ф. Дука пытался организовать сопротивление, выстроил даже царских телохранителей с их секирами на площади у Софии, но приближение франков обратило всех в бегство. Бежал и Ласкарь с женою Анною и тремя дочерьми, переправившись на азиатский берег.

В этих известиях, записанных никейскими историками, есть, по-видимому, доля легенды, составленной для оправдания прав первого никейского царя. Как мы ни привыкли к дворцовым переворотам и роли в них военной аристократии в конце XII в. наряду с чернью, акт кучки молодежи и самое необычное метание жребия могут быть оправданы анархией последних дней, но при существовании законного царя Алексея, тестя Ласкаря, они не создавали для последнего никаких законных прав; тем более что о помазании патриархом на царство не могло быть речи. Происхождение власти Ласкаря было такое же, как у всех многочисленных архонтов, утвердивших на развалинах империи свою политическую власть. Но потребности непокоренного народа, могущественная поддержка духовенства и уцелевших патриотов, личные достоинства Ласкаря и, наконец, счастье не замедлили сделать из молодого аристократа народного царя греков Вифинии и Мизии. Духовенство и старые патриоты сосредоточили на нем свои упования, сам Ласкарь проникся ими, и уже через два-три года в его стане шла речь об объединении всех греков и изгнании латинян из древней столицы. Мечты были шире и впереди действительности, но идеалы воспитали политическое возрождение.

На первых порах Ласкарь являлся непризнанным претендентом, имевшим за собою кучку знатных военных и небольшую конную дружину. Страна была к нему равнодушна. В ней имели значение, во-первых, укрепленные старые города, которые во времена анархии при Ангелах вели самостоятельную политику. Первым из них в Вифинии была богатая Никея с ее римскими укреплениями. Там были живы воспоминания о резне, которую учинил Андроник Комнин за поддержку возмутившихся аристократов. Поэтому горожане не впустили к себе Ласкаря, насилу приютили его жену и дочерей. К голосу старых городов, бывших в то же время и церковными митрополиями, и главными рынками, прислушивалось деревенское население, собранное, как и теперь, в больших неукрепленных селах. Их население было в социальном отношении пестрое, хотя менее, чем в городах. Рядом с часто богатыми жителями-домохозяевами, занятыми своим земледелием и торговлею, жило духовенство и служилые люди, обыкновенно из самих жителей села, часто и соседние землевладельцы-архонты, и здесь же ютилось обедневшее и зависимое большинство населения различных категорий. Села жили местной жизнью, и для них важнее всего была безопасность имущества. Гостеприимством они и ныне не отличаются, каково же было их отношение к политическому претенденту с его вооруженными людьми? Населенные пункты были редки, и дороги между ними обыкновенно являлись горными тропами, по которым трудно проехать всаднику; часто приходилось дружине конных, одетых в тяжелые латы воинов, прорубать себе дорогу через буйную растительность южных холмов. Такая жизнь предстояла Ласкарю, и блестящий молодой царедворец от нее не отступил.

«Знайте все вы, — писал впоследствии Никита Хониат от лица Ласкаря для прочтения в его стане в торжественном силенции, — знайте труды мои и бессонные ночи, переезды из одних мест в другие, козни и злые умыслы кое-кого, неоднократные поездки к соседним жителям и

соглашения, потоки пота на потоках Геллеспонта (намек на сопротивление Пиги); все пришлось вынести и совершить моему царству не из личной корысти — не настолько я честолюбив, сколько люблю родину, — но чтобы выгнать из восточных городов западную проклятую рать, безвозбранно вторгшуюся в Ромэйскую державу, истреблявшую ее и опустошавшую, как туча саранчи; чтобы отразить наступающее латинское войско, которое всегда захватывает ближайшее, как гангрена. С таким намерением и убеждением мое царство странствовало вперед и назад подобно прибою». «Ты объезжаешь восточные города, — обращается Хониат к Ласкарю в другом слове, относящемся к году вторжения Калоянна во Фракию, — ты вступаешь в переговоры с жителями; ты указываешь им, каким они подвергнутся несчастиям, если не будут повиноваться тебе немедленно, одних бранишь, других упрекаешь; то ты говоришь в открытом собрании перед народом, то принимаешь у себя видных лиц и созываешь их на обед, будучи весьма выдержанного характера и умея разнообразно высказать свой взгляд, так что ты возродил уже угасший дух ромэев, так как большинство взирало на латинское копье, как на небесные знамения... ты часто выносил даже проклятия, а иногда, пригрозив палкою, протягивал жезл примирения, и, превозмогши вражду, ты утверждал дружбу, не из личной выгоды, но неся верховное начальство, спасительное для всех городов, не для того, чтобы надеть порфиру и обуться в пурпурную обувь, но чтобы изгнать смертоносного варвара и помочь родине...» Походы и схватки закалили дружину Ласкаря. «В наших рядах, — продолжает Хониат похвалу, — иные не любили и вида вражеского шлема и на деле Арея были негоднее муравьев... ты же их изменил, из трусов сделал бойцами, из легковооруженных — гоплитами, из домоседов — живущими в палатках, непривычных к коням научил ездить и на арабских и (знаменитых издревле) виотийских...»

Ласкарю приходилось вновь создавать единую национальную власть. Состояние Малой Азии было хаотическим уже при Ангелах. Авторитет византийского правительства почти не существовал даже в тех прибрежных областях, которые еще не были захвачены турками. Последние прочно утвердились на плоскогорьях полуострова и неуклонно, разбойническими набегами пробивались к Эгейскому морю. В Троаде при приближении латинян подняли голову многочисленные армяне, всегда ненавидевшие греков. Целый ряд земельных магнатов не признавали над собою власти константинопольского правительства и, утвердившись в старых укрепленных городах, воскресили древнюю тиранию благодаря своему богатству и наемной челяди. При плохих сообщениях и отсутствии безопасности властели заменили правительство. Так, в черноморском Самсуне правил Феодор II Гавра, которого предки — по-видимому, из армянских таронских князей — уже при Комнинах были полунезависимыми государями в Трапезунте и, сохраняя византийские титулы, воевали не только с мусульманами и грузинами, но и с византийскими войсками. На Родосе утверждается критский архонт Лев Гавала, носивший титул кесаря, имевший свой флот и чеканивший свою монету, а в 1240 г. ему наследует брат Иоанн. Самыми крупными местными государями, не стремившимися утвердиться в Константинополе, были трапезунтские Комнины, наполовину грузины, во главе своих греков и лазов даже пережившие несколькими годами взятие турками Константинополя. Богатая приморская Атталия в Памфилии, ныне Адалия, подчинялась огреченному левантинцу Альдобрандино, может быть, из пизанских купцов, известных в Константинополе. Не менее богатая Филадельфия и область реки Ерма признавали власть Феодора Манкафы, называвшего себя царем и чеканившего монету. Он был изгнан из своих владений за 15 лет до латинского взятия, но появился снова. Плодородную долину Меандра опустошал Михаил Мавpозоми (которого он приютил во время изгнания, после ухода из Константинополя), выдавший дочь за султана Гиас ад-дина Кейхозрева, и во главе турок грабил греков, как это делал ранее его Михаил Ангел, впоследствии первый эпирский деспот. Бывший царский удельный округ

Сампсон, возле Милета (его отнюдь нельзя смешивать с Самсуном, древним Амисом на Черном море), был захвачен архонтом Саввой. По словам Акрополита, повсеместно бывшие в различных местах начальники или просто выдающиеся (по богатству и знатности) лица присвоили себе подчиненные им области как свои владения, или по собственной инициативе, или приглашенные жителями для защиты страны.

Первые шаги Ласкаря в области внутреннего управления и организации обороны против латинян нам недостаточно известны, и даже неясно, при каких условиях он овладел независимой Никеей. По-видимому, он опирался на архонтов из партии Ангелов, и бегство законного царя Алексея на Запад сделало Ласкаря признанным главою сторонников последней царской династии. Потому признала его и Никея. Еще более возвысила Ласкаря его роль национального вождя в борьбе с франками. Подробности последней достаточно ясны из латинских и греческих источников.

Колыбелью царства Ласкаря была не Северная Вифиния с ее городами Никомидией и Никеей — они были близки к столице и отданы Балдуином в лен своим крупнейшим вассалам, — но Южная Вифиния и Мизия, области, прилегавшие к неприступному лесистому Олимпу; на его предгорьях жили многочисленные монахи, хранители древних традиций православного царства; в этой области лежали богатые земли св. Софии. В одном из прибрежных монастырей (св. Аверкия в Куршумлу) сохранилось надгробие сподвижника Ласкаря, знатного Андроника Контостефана (умершего в 1209 г.), из семьи, игравшей видную роль при никейском дворе. Со стороны Константинополя область Олимпа и самая Никея отделены непроходимыми горами и лесными дебрями, там легко заградить и узкую римско-византийскую дорогу. Франки и не шли далее Никомидийского залива, но переправлялись через море и Геллеспонт, нападая на греков со стороны Троады. Там в г. Пиги (ныне Бига, на р. Гранике) процветала фактория венецианских купцов, вывозивших хлеб и кожи с плодородного плоскогорья Мизии, как ныне Пандерма вывозит хлеб в Марсель. На этих купцов работали греческие крестьяне, как ныне турецкие.

Пока Ласкарь, переезжая с места на место, организовывал оборону, правительство Балдуина упустило момент раздавить его в самом начале. Рыцари были заняты дележом добычи и устройством своих ленов во Фракии. Они не подумали вступить в соглашение с сельджукским султаном, хотя изгнанный братом Рукн ад-дином Гиас ад-дин Кейхозрев проживал у Алексея Трапезунтского и затем у франков в Константинополе и даже был готов креститься. Он тщетно добивался поддержки у франков, пока смерть брата не позволила ему занять престол без их содействия. По Сельджукской хронике (Сельджук-наме), Гиас ад-дин проживал у царя в Константинополе в большом почете, но после поединка с франком должен был уехать к Мавpозоми на некий остров, где его известили о смерти брата.

Рыцари глубоко презирали греков, которые не могли устоять против них в открытом поле. Балдуин смотрел на Малую Азию как на свой удел, который он завоюет, когда захочет, и для большей легкости он раздавал вассалам крупнейшие отдаленные города. Он не только отдал Никомидию и Никею своим знатным вассалам, Адрамиттий — брату Генриху, но и приезжим сирийским баронам он рассудил отдать незавоеванные владения Манкафы и Альдобрандино, побудив тем Манкафу вступить в союз с Ласкарем.

Осенью 1204 г. франки выступили в Азию тремя небольшими отрядами. Один из них, Макария, занял Никомидию. Другой был послан графом Блуа для завоевания его лена Никеи. Стоявшие во главе его Петр Брашейль и Пайен Орлеанский, оба известные герои, не пошли сушей на Никею, но предпочли избрать базою упомянутую венецианскую колонию Пиги возле Дарданелл. Брат императора Генрих переправился через Дарданеллы и, пройдя через Троаду, занял Адрамиттий. Таким образом Пиги с Пандермою, которую Брашейль немедленно занял, и

Адрамиттий составили первый фронт латинян против Ласкаря, отрезав его от Троады и от моря. Ласкарь опирался на Олимп, между противниками лежала Мизия.

Брашейль перешел в наступление. По плоскогорью Мизии, минуя нависший над морем лесистый хребет Кара-дага, он вторгся в плодородную долину Риндака. Целью его была крепость Лопадий на переправе через судоходный Риндак, протекающий через Аполлониадское озеро. В Лопадии скрещиваются водные и сухопутные сообщения богатейшей области (ныне Михалич и Суссурлу). Древний мост сохранился и поныне. Местность была издревле заселена и богата. На озере стоит еще акрополь Аполлониады с ее башнями Траяна и остатками большого римского города и даже храма Аполлона на островке. Население Мизии рослое, красивое, среди мусульман нередок античный греческий тип, знакомый по вазам.

Ласкарь находился в глубине Мизии и, не желая допустить утрату Лопадия, ударил на франков во фланг; на равнине под крепостью Пиманинон (сохранились ее живописные руины у озера Майнос, на противоположном берегу которого живут русские казаки-староверы) состоялось первое крупное сражение Ласкаря, в котором многочисленные греки были разбиты сотней рыцарей. Панцирные всадники Ласкаря на их некрупных, частью арабских конях не могли выдержать тяжелого сомкнутого строя рыцарей, испытанных в бою сподвижников Брашейля, а легкая пехота в открытом поле не шла в расчет. Ласкарь скрылся в лесах, а крепость Пиманинон сдалась франкам. Им был теперь открыт путь в Лопадий и даже на Бруссу. По дороге население многочисленных сел встречало франков с крестами и евангелиями. Победители щадили покорный им народ, хотя, прибавляет Хониат, служить им плохо: язык их непонятен, их ум расположен к корысти, глаз — к распутству, чрево ненасытное, нрав сердитый и суровый и рука схватывается за меч по всякому поводу. Сдался Милетополь (Михалич), Лопадий и расположенная на озере живописная Полихна (Аполлониада). Франки дошли до Прусы (Бруссы), но оказалось, что брать города труднее, чем разбить архонтов в открытом поле. Расположенная у подошвы Олимпа Брусса имеет неприступный акрополь. Жители старого большого города не только франкам не сдались, но делали против них вылазки, и франки отступили. Это ободрило народ, разобравший, что дело идет не о борьбе между архонтами и претендентами, но о подчинении чуждому, иноверному врагу. Война принимает народный характер, присоединившиеся к франкам греки покидают их; рыцарей тревожат с тыла и вовлекают в засады, в которых погиб и один баннерет (барон со своим знаменем); но Брашейль, уклонившись от засады, пробился к берегу. Скоро он опять появился в Лопадии.

Генрих со своей стороны разбил Манкафу, с которым был брат Ласкаря. Греки думали уже, что все потеряно и в М. Азии; народ стал платить франкам подати в занятых ими областях. Дело Ласкаря казалось проигранным.

Спасла его катастрофа франков во Фракии. Нет известий о соглашении Калоянна с Ласкарем для 1205 г., но вторжение болгар, гибель войска Балдуина и плен самого императора заставили франков поспешно очистить М. Азию. Осталась за ними лишь латинская колония Пиги. Конец 1205 и 1206 г. положили начало царству Ласкаря, тогда как во Фракии греки, наоборот, встали на сторону франков под впечатлением ужасов нашествия влахов и болгар.

По уходе латинян греческий претендент Ласкарь остался вершителем судеб Вифинии и Мизии, «властителем ромэйских восточных областей», как он назван в заглавии составленного Хониатом официального «силенция». Очередь была за старыми городами, как Никея и Брусса, подчиниться Ласкарю. Законный царь Алексей скитался на Западе и был лично ненавистен всем, кто его знал. Популярность Ласкаря возросла. Он не только показал себя вождем дружины, энергичным и неутомимым воином, воодушевлявшим других, но он соблюдал, как указывает Хониат, строго обычаи царя и полководца, чтил святыню Церкви. При его дворе или в его лагере провозглашались суровые идеалы служения народу постом и молитвою; настоящим

же постником, поясняет Хониат от лица Ласкаря, является тот, кто обуздывает свой дух, не обижает и не оскорбляет ближнего, а, наоборот, насыщает голодного, дает кров бесприютному, одевает не имеющего рубахи.

Самосохранение требовало признать Ласкаря немедленно, объединиться под его знаменем. Со стороны севера угрожал Вифинии полководец партии Комнинов, брат трапезунтского царя Давид, с его золотою молодежью и войсками из чуждых лазов и грузин; со стороны суши всегда угрожали сельджуки, хищные массы, пробивавшиеся к морю, и теперь у них был новый султан Кейхозрев, знакомый с греческой культурой, зять Маврозоми; со стороны франков, несомненно, следовало ожидать энергичного наступления при новом императоре Генрихе.

При таких условиях граждане Никеи не замедлили признать власть Ласкаря. В этом событии должны были участвовать духовенство и эмигрировавшие в Никею архонты. Признание претендента Никеей имело решающее значение для основания греческого царства. Никея Ласкаря не замедлила привлечь к себе оставшихся в столице патриотов, как, напр., Николая Месарита. Эмиграция духовенства и ученых сделала Никею духовным центром независимых греков. Здесь они имели многочисленные храмы и монастыри, нетронутые церковные ризницы и книжные богатства, часть которых была перевезена в Константинополь с восстановлением древнего царства Палеологом. Сохранилось похвальное слово Никее, составленное в конце XIII в. Феодором Метохитом. Он описывает мощные римские стены, окружавшие Никею, с их высокими многочисленными башнями, периволом (второй внешней стеной) и илистым рвом; громадный город с рядами пристроенных друг к другу высоких разукрашенных домов, многочисленные бани, больницы и богадельни, часть которых, впрочем, выстроена позднее никейскими царями. Ласкарь еще не имел в Никее ее философской и богословской академии, хранительницы православного просвещения в XIII в., но его встретили подготовившие эту академию деятели, ученые монахи, спасшиеся из Константинополя; существовал также тот монастырь, в котором была устроена школа. Метохит его не называет, но мы узнаем по его описанию обитель Иакинфа, храм которой в честь Успения Божьей Матери сохранил свои мозаики. Церкви были рассеяны по всему городу, из них назван Метохитом храм мученика Трифона, особо чтимого в Мизии и Вифинии; он «являлся»ежегодно на весеннем празднике горожан Никеи; были в городе подворья вифинских монастырей, по крайней мере известен один, приютивший Николая Месарита. В развалинах находилась, по-видимому, уже в XIII в., судя по отсутствию описания у Метохита, главная святыня — св. София, митрополия, в которой заседали Вселенские Соборы; однако она еще в XIV в. могла быть приспособлена султаном Орханом под мечеть.

Постройкам и древнему культурному значению Никеи соответствовали природные богатства ее окрестностей: рыба, овощи, хлеб и скот поступали на рынок в изобилии. Теперь Ласкарь имел под рукою значительные материальные средства, и из «властителя восточных областей» хозяин Никеи не замедлил стать «царем восточных ромэйских городов».

Остановка была за патриархом. Он был нужен для помазания на царство и был вообще необходим при царском дворе для церемоний и для управления, церковного и гражданского. Старый патриарх Иоанн Каматир жил во Фракии, в г. Дидимотихе, и отказался переехать в Никею, вероятно, потому, что был родственником супруги законного царя Алексея. Отказался приехать и знаменитый митрополит Афинский Михаил Акоминат. Собравшееся в Никее духовенство избрало патриархом Михаила Авториана, который через несколько дней, в марте 1206 г., помазал Ласкаря на царство, через два года по взятии Константинополя франками. Новому царю было 30 лет.

Является вопрос, каким титулом был коронован Ласкарь? Как могли его сделать самодержцем всех ромэев при жизни царя Алексея, тогда как нужно было избегать всякого

ложного шага, опасного для слабого еще царства, которое рассчитывало прежде всего на идейную поддержку патриотов-легитимистов? Исход был найден, по-видимому, в том, что Ласкарь был венчан на царство «восточных» греков. Так его называет в своем письме митрополит Акоминат, так он назван в заглавии официальной речи Хониата: «кир Ласкарь Феодор, царствующий над восточными ромэйскими городами, когда латиняне владели Константинополем и Иоанн болгарский (мисийский) опустошал западные ромэйские области». Из пяти ктиторских надписей Ласкаря на крепостных стенах лишь на одной никейской он назван «самодержцем ромэев», и она может относиться к концу его царствования. На другой никейской и на брусской он именуется «нашим господином» и «нашим царем», на ираклийской просто самодержцем, на обломке третьей никейской — по-видимому, без титула при имени. В адалийской надписи 1216 г. не сохранилось ни имени, ни титула царя. Титул царя восточных ромэев соответствовал бы фактическому положению дел, но с точки зрения византийского государственного права он мог лишь означать временное состояние впредь до изгнания франков из Константинополя и объединения греков. Эти цели должны быть поставлены с самого начала для осуществления идеи византийского царства. Но и до того в управлении Ласкарь стал царем над всеми, на кого распространялась его державная власть, и с момента венчания его слово получило силу, освященную религией. С этой точки зрения интересно проследить ход мыслей Никиты Хониата в его придворном «силенции».

За труды Ласкаря на пользу нации (γενος) Бог возвысил его на царство ромэйских городов на Востоке, и теперь на нем покоится десница Господа. Никто не смеет ослушаться помазанника. Перед ним великая цель. Если столица сожжена за грехи народа, то Бог оставил семя — царство Ласкаря. Божеству желательно, чтобы подданные без принуждения повиновались царям, ибо и в природе существует необходимый порядок. За справедливым и послушным царством обеспечена помощь Божия. «Если мы будем соблюдать такой порядок в управлении, — пишет Хониат, — то сможем сказать: «восстань и ввергнись в море» горе сей, племени италов (франков), у которого каменное сердце и гордость выше холмов и гор, которое, переправившись по морю, вторглось в нашу землю и широко разинуло на нее свою пасть; и снова возвратим себе родные земли, которых мы лишились, — древнее, исконное наше обиталище, рай и град Господа сил у Геллеспонта, град Бога нашего, знаменитая и желанная для всех народов, исконная утеха вселенной. И сподоби, Христе... нас, проведших четыредесятницу, воспеть тебе воскресную песнь и в будущем победные на врагов гимны; если же удастся Ласкарю, как новому Моисею, отпраздновать и вход свой в град, из которого был изгнан, то это будет чудо из чудес Твоих. Тогда и прочая паства, услыша голос царя, соберется воедино в одну овчарню, не будучи доселе от двора сего, и будет едино стадо и един пастырь...»[46]

Вскоре по венчании на царство Ласкарь заключил перемирие с Генрихом, которому было не до Азии, и отправился на юг собирать греческие земли. Он выгнал из Филадельфии Манкафу, из округа Сампсона — архонта Савву; затем он напал на Мавrозоми, владевшего долиною Меандра под покровительством своего зятя султана Кейхозрева. Ласкарь разбил его турецкий отряд, но ссориться с Кейхозревом было опасно, и Ласкарь предпочел оставить Мавrозоми верхнюю часть долины с городами Хонами и Лаодикеей. Царство Ласкаря в короткое время увеличилось чрезвычайно, охватив почти все «восточные ромэйские города». Ему было подвластно сверх Вифинии и Мизии все богатое побережье Эгейского моря до Меандра с городами Смирной, Филадельфией, Ефесом и многими меньшими; его царство доходило до Галатии и Каппадокии, внутри полуострова со стороны Икония оно доходило до Филомилия, крепости во Фригии. На части земель Ласкаря существовали в древности такие царства, как Прусия и Аттала, но в XIII в. страна была разорена и население немногочисленно. Тем не менее в руках Ласкаря оказались значительные средства, обогащавшие прежде местных архонтов.

Утвердив на местах поколебленную государственную власть, Ласкарь мог теперь располагать достаточными суммами для возобновления крепостей: на башнях Никеи, в Прусе и Ираклии Понтийской, которой он овладел несколько позже, впрочем, эти надписи могут относиться и к концу его царствования. У него является свой флот. Бывший корсар итальянцев Стирион поступил к нему на службу со своими кораблями, как прежде служил константинопольским царям. Опаснейшим врагом с греческой стороны был для Ласкаря представитель партии Комнинов, молодой Давид, «царский потомок», как он называл себя на своей печати, или «отрок с Понта», как его именовал никейский писатель Хониат. Его имя звучало громче, чем имя Ласкаря, и с ним также была византийская знатная молодежь. Через несколько месяцев по взятии Константинополя Давид вторгся из Пафлагонии с войсками из грузин и лазов и дошел до Никомидии, приводя население под руку своего брата Алексея Трапезунтского; но Ласкарь, тогда еще не венчанный на царство, наказал его немедленно. Стороною, прорубая дорогу в лесной чаще, сам впереди с топором в руке, спуская на горных стремнинах коней на веревках, Ласкарь напал на авангард Давида внезапно, разбил и захватил в плен его начальника, знатного Синадина. Давид был отогнан до самой Ираклии Понтийской. Неуспех «отроков с Понта» объясняется не только военными талантами Ласкаря, но и союзом последнего с турками. Последние под Амисом (Самсуном) задержали войска Алексея Трапезунтского, и Давид не мог получить помощи от брата. Коалиции Ласкаря с турками была противопоставлена другая. В 1206 г., заключив союз с франками, Давид выступил опять и захватил Прусиаду (в Сев. Вифинии, ныне Ускюб). Ласкарь опять прогнал Давида в Ираклию и взял бы ее тогда же, если бы не франки, которые заняли у него в тылу Никомидию; Ласкарь должен был отступить окольными путями, теряя людей при переправе через разлившиеся зимою горные потоки. Давид мог бы успокоиться, но вместо того он в третий раз (1207) напал на владения Ласкаря, опустошил область Прусиады, изгоняя ставших на сторону Ласкаря крестьян. Получив от франков помощь людьми и провиантом, он дошел до Никомидии. Ласкарь послал против латинского отряда своего полководца Андроника Гида, который при местечке Трахее истребил франкский отряд в 300 человек; сам Ласкарь ударил на Давида и гнал его до Синопа. Вся область к западу от р. Галиса с городами Ираклией и Амастридой досталась победителю. Давид более не беспокоил Ласкаря, ему пришлось отбиваться от турок, решивших взять Синоп. Крепость была ими взята в 1214 г., и Давид пал при ее защите[47].

Помощь франков Давиду была нарушением перемирия Генриха с Ласкарем, но и латиняне жаловались на грабежи никейского адмирала. Впрочем, между энергичным устроителем империи Генрихом и новым греческим царем в Никее, франками не признанным в таком звании, не могло быть прочного мира. В конце 1206 г. Генрих отправил в Пиги Петра Брашейля с братом своим Евстахием, двумя другими баронами и с 140 лучшими рыцарями. Брашейль занял бывший в руинах Кизик, назначенный ему в лен, укрепил его со стороны перешейка двумя фортами и начал грабить владения Ласкаря. Произошел ряд стычек с переменным успехом. С другой стороны Тьерри де Лос занял свой лен Никомидию, укрепил ее акрополь и соседний «монастырь» св. Софии, откуда нападал на область Никеи, отстоявшую всего на один день пути. Макарий Сен-Менегу выстроил на берегу Никомидийского залива замок Харакс (ныне Херекс), развалины которого существуют и поныне. Гильом де Сане овладел Киосом, у которого вливаются в море воды Никейского озера. Латиняне оцепили Ласкаря со стороны моря и собирались утвердиться прочно, как во Фракии и Пелопоннисе. Царство Ласкаря оказалось в тисках между франками и турками (сельджуками), пробивавшимися и к Черному морю (у Синопа), и к Эгейскому (у Атталии, которую и взяли (1207), одолев Альдобрандино). Ласкарь не мог держаться один и завязал или возобновил сношения с Калоянном Болгарским, разорителем греческой Фракии, который, вероятно, и по собственной инициативе обложил

Адрианополь. Это заставило императора Генриха отозвать из Малой Азии большую часть своих сил, оставив в Кизике достаточный гарнизон, а в Киосе — всего 40 рыцарей под начальством Макария Сен-Менегу. Немедленно Ласкарь отрядил часть войска наблюдать за Кизиком, а с главными силами обложил Киос. У него были и стенобитные машины, и флот. Рыцари защищались как герои, но, сражаясь врукопашную вследствие неисправности городских стен, все были переранены и погибли бы, если бы сам Генрих не явился к ним на помощь на итальянских купеческих судах. Латинский флот заставил греческий выброситься на берег, где Ласкарь его сжег и затем отступил от Киоса. Но Генрих предпочел увести своих рыцарей из полуразрушенной крепости, и Ласкарь, несмотря на поражение, добился своей цели. Уже через месяц он осаждал Кизик, и у него опять явился флот с соседнего острова Мармары (Проконнис), сохранившего независимость от франков. Встревоженные латиняне опять отправились выручать своих на венецианских судах. Адмирал Ласкаря Стирион спасся бегством в Дарданеллы, и венецианцы безуспешно за ним гнались. Сам Ласкарь также отступил в глубь страны. И на суше и на море греки не могли еще держаться против латинян, тем не менее начали иметь успех, опираясь на родную страну и имея энергичного царя. Неутомимый Ласкарь напал на Никомидию, и опять его отразил Генрих. Но по уходе императора и благодаря перебежчику франку Ласкарь захватил в плен самого барона Никомидии Тьерри, вышедшего за провиантом. Пленные рыцари были отведены в Никею. Это был крупный козырь в руках греков, так как латиняне, особенно сам Генрих, считали позором не выручить своих во что бы то ни стало. И когда Генрих явился перед Никомидией, нещадно разоряя греческих крестьян за их верность никейскому царю, Ласкарь мог предложить Генриху перемирие на самых выгодных для себя условиях. За своих пленных франки отдали и Никомидию, и даже Кизик, лен храброго Брашейля. Перемирие было заключено на два года (1207). Невероятно, чтобы третий поход против Давида и истребление франкского отряда имели место после этого перемирия, а не до него; наоборот, возможно, что после перемирия Брашейль, действуя самостоятельно, захватил Пиги при помощи некоего славянина Барина (из села Вари).

Но Ласкарь хотел вступить в ряды признанных Европой государей. Первым шагом для этого было, по примеру Калоянна, обращение к папе Иннокентию. Сохранился лишь ответ папы. Послание Ласкаря было длинное и содержало перечисление всех злых дел латинян в Константинополе. Вероятно, оно было составлено духовными советниками никейского царя и материал этого послания был заимствован из обличительной литературы. В письме Ласкаря была и другая часть. Не довольствуясь разорением Константинополя, жаловался он папе, франки нарушают перемирие и упорно не хотят согласия между христианами. Обращаясь к посредничеству папы, Ласкарь просил прислать легата, который устроил бы прочный мир на тех условиях, чтобы море было признано естественной границей между владениями франков и греков, другими словами — чтобы вся азиатская Романия была признана за Ласкарем. За то он обещался содействовать крестовому походу против измаилитов, а в противном случае он угрожал вступить в союз с чужеродными язычниками влахами, т. е. с Борилом. Не видно из ответа Иннокентия, требовал ли Ласкарь признания за ним царского достоинства. Во всяком случае, папа на такую точку зрения не встал и обращается к никейскому царю как к «знатному мужу Феодору Ласкарю». Он даже советовал «его знатности» смириться и пред лицом возлюбленного во Христе сына, константинопольского императора Генриха, принести ему ленную присягу на верность и службу. Некогда Иеремия советовал евреям покориться неверному Навуходоносору: тем скорее Ласкарь должен подчиниться католическому и верному Церкви государю, которому дал империю Всевышний, в неисповедимых путях своих передающий царства и изменяющий времена. Латинских насилий папа не извиняет и перемену направления крестового похода приписывает интригам царевича Алексея Ангела, но греки

потеряли царство за грехи, за то, что разодрали ризу Христа — Церковь. На этих условиях подчинения Генриху Иннокентий готов дать инструкции своему легату, и Ласкарю надлежит выслать своих уполномоченных в Константинополь.

Ласкарь был далек от согласия последовать советам Иннокентия. Казалось, ему не было настоятельной нужды вступать в союз с Борилом, добившись ухода франков из Никомидии и Кизика. Перед ним открывалось благополучное царствование над всеми греками Малой Азии, кроме Трапезунта. Многочисленные и отборные франкские наемники находились в рядах его панцирной конницы, и даже сам Брашейль, захватив самостоятельно Пиги, был готов служить Ласкарю против Генриха, заставившего Брашейля отказаться от лена Кизика, который защищался им так храбро. В позднейшем (1212) письме Генриха на Запад находится указание на замышлявшийся Ласкарем и Брашейлем поход против Константинополя. Но их дружба не была прочной, и в следующем году Генрих сообщил папе, что Ласкарь захватил Брашейля и греки содрали кожу с прославленного витязя.

Время перемирия было для Ласкаря затишьем перед большою бурею, в которой он едва не погиб и спасся с большими потерями. Его новое, столь обширное царство должно было испытать натиск сильных врагов: турок и Генриха после объединения им под своею властью европейской Романии. Болгары при слабом Бориле не могли выручить Ласкаря в критическую минуту.

Султан Кейхозрев на первых порах не воевал с Ласкарем и даже величал царицу Анну своей сестрою, так как во дни своего изгнания был усыновлен ее отцом царем Алексеем. Кейхозрев был знаком с греческой культурой и усиленно пробивался к морю. В этом стремлении он встретился с новой сильной державой Ласкаря и стал относиться к ней подозрительно. Впрочем, и Ласкарь задержал Кейхозрева и его сыновей, когда он ехал занять престол. Обычных подарков, которые у турок назывались данью (харадж), он не давал, по крайней мере регулярно. Предлог к разрыву дал ему блуждавший старый царь Алексей. Он тайком пробрался из Эпира к султану и умолял своего нареченного сына помочь ему как законному царю против узурпатора Ласкаря; он не постеснялся стать орудием турок против национального царства своего зятя, надежды греков. Кейхозрев был рад случаю подчинить своему влиянию земли Ласкаря с их гаванями, потребовал от никейского царя отречения в пользу Алексея (1210) и вторгся в долину Меандра, обложив г. Антиохию во главе 20-тысячного войска. Ласкарь поспешил к Антиохии усиленными переходами, имея с собою 800 франкских наемников и своих греков, всего до 2000 всадников, надеясь напасть на султана врасплох. В кровопролитной битве франкская дружина, лучшая часть сил Ласкаря, была перебита окружившими ее турками; сам султан подскакал к Ласкарю и палицею сбил его с коня и велел уже людям схватить его. Лично храбрый Ласкарь подсек ноги коню Кейхозрева и, отрубив голову упавшему султану, поднял ее на копье. По турецким источникам, убил султана не Ласкарь, но один из франков, состоявших у него на службе[48]. Турки обратились в бегство и просили мира. Атталия уступлена была Ласкарю. В ореоле героя Ласкарь вернулся в Никею, и весть о его подвиге разнеслась по всему греческому миру. Хониат составил пышную речь, и его брат, изгнанный митрополит Афинский, прислал с острова Кеос поздравительное письмо; и тот и другой ожидали похода на Константинополь. Старый Алексей был привезен в Никею и пострижен в монастыре Иакинфа, где и окончил свою грешную жизнь. Его, кажется, ослепили. Родственник его Мануил также был привезен в Никею; в одной из церквей цела его эпитафия.

Удача Ласкаря лишь ускорила наступление Генриха. Ему следовало предупредить всеобщее восстание греков. Из Никеи были разосланы во все области воззвания, которыми никейский царь приглашал на помощь в предстоящем походе для освобождения Константинополя от «собак латинян». С другой стороны, выгоднее было напасть на Ласкаря,

пока он не оправился от понесенных потерь в битве с турками. Генрих заявил, что Ласкарь не победил в ней, но был разбит, намекая на гибель латинских наемников Ласкаря. Ведь и в собственном войске Генриха наемники составляли уже главную силу. Оба противника хотели предупредить друг друга, и оба располагали такими силами, каких не имели прежде. Ласкарь напал на Пиги, латинскую базу в Мизии, но Генрих разбил его в первом же сражении, и греки были загнаны в горы, понеся большие потери. Войско Генриха беспрепятственно опустошало Мизию, греки не шли дальше мелких засад. Население было в отчаянии, не зная, как спастись от разорения и гибели. Теперь франки уже не щадили крестьян. Ласкарь собрал все силы, девяносто конных и пеших полков, из коих восемь состояли из новых латинских наемников. Они шли к щедрому Ласкарю, невзирая на папские проклятия. Осенью 1211 г. произошла решительная битва на р. Риндаке (Луперке — латинский источник), т. е. около Лопадия: Генрих шел путем Брашейля в первую большую кампанию франков против Ласкаря. Никейский царь был разбит наголову и на этот раз, хотя у него, по словам Генриха, в одном полку было больше людей, чем во всем войске Генриха. Судя по описаниям битвы, сражались латиняне против латинян, а греки стояли на лесистых холмах.

Битва на Риндаке казалась катастрофой для Никейского царства. Ласкарь нигде не показывался, по словам Генриха в его письме на Запад. Но еще раз обнаружилось, что судьба национальных государств решается не битвами на открытом поле, но силою народного сопротивления. Франки покорили крестьянское население до турецких пределов и заставили платить им подати, но о взятии ими не только Никеи, но и других укрепленных старых городов не слышно. Как только франки уходили, власть Ласкаря восстанавливалась, а гарнизонов Генрих оставлять не мог по неимению людей. Через два года Генрих прошел Мизию до Нимфея (недалеко от Смирны), но повсюду заставал села, покинутые жителями. Война стала народной. При защите крепостей франки встречали ожесточенное сопротивление. Генрих взял Лентианы и Пиманинон. Обе крепости находились в Мизии недалеко друг от друга, первая — ближе к Кизику и к Лопадию. В Лентиане греки держались 40 дней, ели кожу щитов и седел. Генрих поступил с храбрыми врагами так же мягко и осторожно, как с ломбардскими баронами в Фессалии. Брата царя Феодора, Константина Ласкаря, а также царского зятя Андроника Палеолога и главного начальника Дермоканта он отправил к никейскому царю. Всех прочих сдавшихся ему служилых людей он, по словам Акрополита, распределил по полкам под начальством соплеменных им командиров. Во главе всех покорных греков он поставил Георгия Феофилопула и вверил им охрану восточных пределов. Генрих таким образом принял на свою службу местных греческих архонтов, военную и владетельную аристократию, организовав ее, как акритов, для защиты границ, и отдал им страну, крестьянство. Так же, как во Фракии, Генрих имел в виду создать баронии второго разряда, греческой национальности. В областях старых больших городов и крупных свободных сел такая полуфеодальная организация не имела бы успеха, и эти земли остались за Ласкарем; но и в покоренных франкским оружием областях аристократия изжила свой век и уже при Комнинах и Ангелах была ненавистна народу. При встрече с национальным правительством преемника Ласкаря, популярным среди крестьянства, горожан и духовенства, организация Генриха не устояла.

Чувствуя недостаточность своих сил, Генрих заключил с никейским царем прочный договор, по которому границей их владений были реки Риндак и впадающий в него Макест, далее хребет Кимина (между нын. Балакессером и Адрамиттием на Эгейском море). Самый хребет с пунктом Каламоном на римской дороге в Иконий, по которой Фридрих Барбарусса шел от Геллеспонта, должен оставаться незаселенной нейтральной полосою. Другими словами, за латинянами оставалась Троада и Мизия, а за Ласкарем — область больших старых городов от Адрамиттия, Пергама и Смирны до Лопадия, Бруссы, Никем и Ираклии на севере, а также все не

занятые турками области к востоку от этих городов.

Договором Генриха с Ласкарем было признано франками самостоятельное от Романии Никейское царство. Натиск латинян был остановлен, точнее, сам остановился по недостатку сил. Впоследствии наступают уже греки.

С турками-сельджуками у Ласкаря продолжались столкновения из-за Атталии (Адалин), важного приморского города, бывшего владения дината Альдобрандино. В 1207 г. Атталия была взята Гиас ад-дином Кейхозревом после двухмесячной осады, причем жители были перебиты и церкви обращены в мечети; но после катастрофы под Антиохией на Меандре (1210) она перешла в руки Ласкаря. В 1215 г. она была вновь завоевана турками при сыне Кейхозрева I султане Изз ад-дине Кейкавусе, а в 1216 г. она опять была в руках Ласкаря, оставившего на городских стенах ктиторскую надпись. При следующем султане Кейкубаде Атталия перешла опять к туркам. Сведения «Сельджук-наме» об отношениях Кейхозрева и его преемника к Ласкарю полны интереса и содержат ценные дополнения (пребывание Кейхозрева у Мавrозоми и в Никее, перевезение его праха в Конию), но не всегда достоверны, как хвастливая легенда.

Но важно, что в «Сельджук-наме», источнике современном и носящем характер официальной хроники иконийских султанов, нет известия о таком событии, как пленение царя Ласкаря туркменами Кейкавуса в 1214—1215 гг., отпустившего убийцу отца за выкуп и земельные уступки. Это известие находится в хронике Абульфеды, в греческих источниках о подобном факте не упоминается. Вероятно, предположение Фалльмерайера, что Абульфеда смешал Ласкаря с Алексеем Трапезунтским, действительно попавшим в плен к Кейкавусу.

Кризис, наступивший в Латинской империи со смертью Генриха, оживил надежды никейского двора на изгнание франков из Константинополя. Возникли брачные проекты. Первая супруга Ласкаря, царица Анна, умерла, оставив трех дочерей, из коих старшая выдана была за венгерского короля Белу, младшая — за французского барона де Кайе, а средняя была за Андроником Палеологом и, овдовев, была выдана за знатного сподвижника царя Феодора, Иоанна Дуку Ватаци. Затем Ласкарь просил руки дочери армянского короля Левона II, но тот обманул Ласкаря, прислав ему вместо дочери племянницу Филиппу, и даже требовал, чтобы царь до брака не вступал с нею в сожительство (по этому поводу было дошедшее до нас синодальное постановление); так как вслед за тем Левой выдал свою родную дочь за иерусалимского латинского короля Иоанна Бриеня, то оскорбленный Ласкарь отослал Филиппу обратно (1215), а прижитого от нее сына не признал наследником престола. В 1218 г. состоялся брак Ласкаря с Марией, сестрой константинопольского императора Роберта де Куртенэ. Этот брак имел очевидное политическое значение. Ласкарь желал усилить еще более родственные связи с латинской династией в Константинополе браком своей младшей дочери Евдокии с императором Робертом, на сестре которого был сам женат, и, несмотря на все противодействия духовенства такому нарушению канонов, осуществил бы свой план, если бы ему не помешала смерть.

Не только путем фамильных связей Ласкарь добывал себе права на константинопольский престол. У него был определенный план воспользоваться слабостью империи для открытого нападения. Имея в виду те же политические обстоятельства, венецианцы заключили договоры с своими соперниками генуэзцами и в 1219 г. — с иконийским султаном Ала ад-дином Кейкубадом и с Ласкарем; оба договора были временные и были подписаны не дожем, но подеста в Константинополе Тьеполо. Ласкарь назван в договоре полным царским титулом: «Феодор во Христе Боге верный (т. е. православный) царь и самодержец ромэев и присно Август Комнин Ласкарь». Венецианцы получали право беспошлинной торговли не только в гаванях, но и внутри Никейского царства; а греческие купцы, прибывавшие в Константинополь и подвластные Венеции земли Романии, были обязаны платить коммеркий (таможенную

пошлину). Следовали обычные в венецианских договорах постановления, охранявшие товары и имущество потерпевших крушение и умерших купцов. Сверх того Ласкарь обещал не посылать свой флот в воды Константинополя и не вербовать солдат в венецианских владениях; ни одна из договаривавшихся держав не должна подделывать монеты другой, золотые (иперпиры, манослаты) и медные (stamina).

Обеспечив себя несколько с венецианской стороны, Ласкарь замыслил захватить Константинополь врасплох, пользуясь отсутствием императора Роберта. Подобный захват он замышлял и при Генрихе. Но регент, старый крестоносец Конон де Бетюн, предупредил Ласкаря, выслав в Малую Азию отряд. До войны дело не дошло, так как Роберт приехал и франки вернулись в столицу. Вместо того был заключен мирный договор с разменом пленных (1221) при деятельном посредничестве Марии, супруги Ласкаря и сестры Роберта. В следующем, 1222 г. Ласкарь умер и был погребен в никейском монастыре Иакинфа, рядом с царицей Анной. Наследовал царю Феодору, по его воле, зять Иоанн Дука Ватаци, муж царской дочери Ирины. Феодор Ласкарь был прежде всего воин, представитель греческой служилой аристократии, но из него вышел народный царь. В походах он провел, кажется, не меньше времени, чем в Никее. Смелость и неутомимость вместе с преданностью национальному делу были кореннымi чертами его характера с юности. Часты были его военные неудачи, неоднократно его царство было на краю гибели, но нельзя это ставить ему в вину одному: он делал, что мог, из своего материала, закалил свои полки, лично подавая пример и заботясь об обороне, нанимал латинян, имел флот и машины, возобновлял крепости и, главное, не падал духом. С другой стороны, нельзя ставить ему одному в заслугу устроение нового царства: его окружали такие опытные в делах патриоты, как Хониат, за ним была поддержка духовенства, в него уверовали, видя его энергию, горожане и крестьянство. Храбрый и щедрый, жизнерадостный и даже женолюбивый, этот смуглый, небольшого роста человек сумел приобрести популярность и заставил верить в себя. Церемониал и царские обычаи он соблюдал свято, но не терпел богословских споров.

Его историческое значение переросло его личность: он явился даже в глазах современников «Божьим семенем», «родоначальником нации», «новым Моисеем"; возвращение Константинополя его двору казалось достижимым. Плоды трудов Ласкаря пожали его преемники, прежде всего ближайший царь Иоанн Ватаци.

По смерти Феодора Ласкаря за неимением прямого наследника (малолетний сын от армянки был устранен самим отцом) и несмотря на наличность взрослых братьев, Алексея и Исаака, престол перешел — и, по-видимому, беспрепятственно — к зятю Ласкаря, протовестиарию Иоанну Дуке Ватаци, родом из фракийских архонтов из Дидимотиха (Димотики), внуку прославленного в боях губернатора фемы Фракисийской в М. Азии. В сказании, составленном в XIV в., Ватаци называется Иоанном Фракийцем. При занятии им престола большую роль сыграла его супруга Ирина, унаследовавшая энергию и честолюбие ее отца Феодора Ласкаря. Без замедления Ватаци был помазан на царство патриархом Мануилом.

Продолжительное, свыше 30 лет (1222 — 1254), правление Ватаци доставило Никейскому царству большое благополучие и силу. По природе он был расчетлив, обладал упорством и осторожностью, особенно в военных делах, — качествами самыми необходимыми для укрепления юных государств. Хозяином он был превосходным, накопил большие богатства, вел постоянные войны при помощи наемников, и притом не разорил народ, но облегчил его судьбу, обеспечив порядок и безопасность и защищая от произвола властелей. По отношению к Церкви царь Иоанн мог быть и был весьма щедрым. В памяти народа и Церкви он остался с ореолом святого царя, отца и устроителя государства. Сохранилась даже посвященная его памяти церковная служба с кратким житием, изобилующим, впрочем, историческими неточностями.

Святостью жизни Ватаци, однако, не отличался. Его главными достоинствами были, как сказано, цепкое упорство, система и осторожность. Приближенный к нему Акрополит дает своему государю следующую характеристику: «Он умел искусно находить способы сохранить свое, чем дорожил, и в то же время справиться с враждебным ему, чтобы этими двумя способами соблюсти свои интересы». Хотя Ватаци отнюдь не любил подвергать себя и свое государство риску сражений и прежде всего имел в виду культурные задачи и успехи своей страны, он должен был вести войну и лично быть в походах в течение всего своего долгого правления. Умело пользуясь политическими обстоятельствами и силами своего народа, он достиг крупных успехов и смог избегнуть крупных катастроф.

В отношении к аристократам, служилой и земельной знати, царь Иоанн был или же стал подозрителен и суров. В этих кругах его не любили и могли предпочитать двор Комнинов Дук. Характерен выше приведенный отзыв Македонского архиепископа Хоматиана. На первых же порах царю Ватаци пришлось столкнуться с заговором аристократов. Во главе стоял знатный богач Андроник Нестонг, метивший в цари, соучастниками были его брат и несколько вельмож никейского двора, между ними начальник гвардии. Царя предполагалось изменнически убить. Заговор был раскрыт во время похода против франков. Сжегши только что отстроенный флот, дабы он не достался франкам, Ватаци быстро вернулся и схватил заговорщиков. Только двоих царь ослепил и изувечил, остальные отделались заключением; самого же претендента Нестонга, который приходился ему родственником, Ватаци посадил в крепость и сам доставил ему случай бежать к туркам. После этих событий Ватаци, по известию Акрополита, стал осмотрительнее и не придерживался прежней свободы в обращении, окружил себя стражей и телохранителями, дежурившими день и ночь. Особенно повлияла на него, по словам Акрополита, жена его, царица Ирина, мужественная по характеру и со всеми обращавшаяся по-царски.

Обойденные братья Ласкаря, севастократоры Алексей и Исаак, убежали к франкам, неудачно попытавшись захватить с собой племянницу Евдокию, дочь царя Феодора и невесту латинского императора Роберта. Севастократоры были не одни, но стояли, по-видимому, во главе той служилой аристократии, которая предпочитала стать полулатинскими вольными баронами и ненавидела дисциплину национального государства, двора Ватаци. Столкновение разыгралось в той же части Мизии и Троады, которая была организована императором Генрихом как автономная окраина под управлением греческих архонтов. Сюда явились оба Ласкаря с франкским отрядом. Они не рассчитали своих сил, и дело Генриха погибло в одном сражении под Пиманинионом, у храма Михаила Архангела (1224). Оба Ласкаря попали в плен к царю Иоанну, лично командовавшему своими войсками. Вслед за тем были взяты все крепости франков в Малой Азии, частью после упорного сопротивления и с применением осадных машин, частью без сопротивления. Важнейшими из них были Пиманинон и Лентиана. Схваченных архонтов царь Иоанн казнил, обоих Ласкарей ослепил. Восстание ласкаридов и их партии было подавлено круто, раз навсегда; и франко-греческая, организованная Генрихом, окраина превратилась в рядовую провинцию Никейского царства.

Битва при Пиманинионе означала конец господства франков в Малой Азии. Одновременно войска императора Роберта были разбиты западными греками под Сересом. Флот царя Иоанна Ватаци завладел ближайшими к малоазиатскому побережью большими и богатыми островами Самосом, Хиосом, Митиленою (Лесбосом) и другими, принадлежавшими к доле латинского императора по разделу. Ватаци отнял у князя наксосского Санудо о. Аморгос и передал его Гизи; добился номинального подчинения родосского кесаря Льва Гавалы. Появившись в Дарданеллах, флот Ватаци стал грабить венецианские колонии на северном берегу пролива; без сопротивления он овладел Галлиполи, Мадитом (ныне Маидос), Систем. В 1225 г. Ватаци, занятый вышеупомянутым заговором Нестонга, заключил с Робертом мир, по которому получил

Пиги (ныне Бига), последнюю опору франков к югу от Мраморного моря, старую венецианскую факторию по торговле хлебом и скотом, и завладел территорией, прославленной подвигами императора Генриха Фландрского и барона Петра Брашейля. Область Никомидии Ватаци подтвердил за Латинской империей и возобновил помолвку императора Роберта с Евдокией, дочерью царя Ласкаря.

События влекли Ватаци на север, за Дарданеллы. Адрианополь призвал его войска (1224), и небольшой никейский отряд под начальством Ней и Камицы занял крепость Адрианополя, но вскоре сдал ее без боя Феодору Комнинодуке.

В продолжение нескольких лет Ватаци, остановленный этой неудачей, не предпринимал походов на север. Его удерживали силы царя Феодора, находившегося в апогее могущества. В своей новой резиденции Нимфее возле Смирны Ватаци был занят церковными и хозяйственными делами. К этому времени относится полемика Никейской патриархии с эпирским духовенством и переговоры с папской курией. Около 1231 г. никейский двор посещен Саввой Сербским проездом из Иерусалима на Афон. Он был принят с большими почестями царем Иоанном и царицей Ириной, помнившей дружбу ее отца Ласкаря с Сербским архипастырем. Савва получил в дар драгоценный крест с частицею Животворящего Древа, церковную утварь, облачения, богатые дары и все нужное для путешествия на Афон вплоть до царского корабля. Выше было изложено, что в последние годы царствования Феодора Ласкаря и при патриархе Мануиле Сарантине Харитопуле в 8-й индикат (1219—1220) Савва добился признания Сербской Церкви автокефальной, а для себя — права ставить епископов не только в нынешней Сербии, но и Боснии и Южной Венгрии. Этот акт Никейской патриархии был направлен против главы западного греческого духовенства архиепископа Охридского, «всея Болгарии».

После катастрофы Феодора под Клскотницей могущество болгарского царя Асеня удерживало осторожного Ватаци от походов во Фракию, родину царя Иоанна.

Предварительно последний искал обеспечить свой тыл, свою власть в Архипелаге. Родосом и ближайшими островами при Феодоре Ласкаре правил вполне самостоятельно, как вотчиною, кесарь Лев Гавала, из знатного критского рода. Около 1225 г. Гавала должен был признать номинальную власть никейского царя. При Ватаци наступило решительное столкновение. Официальные никейские историки, как Акрополит, считали Гавалу изменником. Более беспристрастный ученый Влеммид, который при проезде ко святым Местам был ласково удержан Гавалою в одном из родосских монастырей, наоборот, подчеркивает, что кесарь Гавала не подал повода к разрыву. Причина проста: Родос лежит на торговых путях в Сирию, Египет, на Кипр и на Крит, и обладание им было заманчиво. Сам Ватаци лично выступил против Гавалы во главе всего флота и большого войска, но потерпел неудачу. Вернувшись на материк, он снарядил вторую экспедицию под начальством Андроника Палеолога, но и тот был отбит при попытке взять столицу Гавалы. Палеолог за то разграбил весь остров, кроме крепости Родоса, увез с собою и Влеммида.

Гавала не замедлил вступить в союз с венецианцами (1234), которые боялись за свой Крит. Кесарь признал при этом вассальную зависимость от дожа Тьеполо, в знак чего он обязался посылатьежегодно ризу на престол св. Марка в Венеции. Договор был выгоден для обеих сторон, обеспечивая не только взаимную помощь в случае нападения Ватаци на Родос или на Крит, но также и свободу торговли и личные привилегии купцов в гаванях обеих договорившихся сторон. Ватаци здесь ничего не мог поделать. Лев Гавала продолжал править Родосом как самостоятельный государь и чеканил монету, как и его брат Иоанн и их потомки. Для борьбы с Венецией Ватаци был слаб, несмотря на попытки завязать дружбу с ее вековечными соперниками генуэзцами. Ватаци пытался перенести войну на венецианский

Крит, воспользовавшись восстанием местных архонтов, и послал флот из 33 судов. Помогавший венецианцам наксосский князь Санудо поспешил оставить остров, и греки завоевали Ретимно, Милопотамо, Кастельнуово; но прибытие сильного венецианского флота заставило их искать мира, и греческий флот погиб от бури на возвратном пути.

Ватаци обратился в другую сторону. Положение Латинской империи после 1224 г. становилось безнадежнее с каждым годом. Император Роберт за свое беспутство был опозорен своими баронами и умер в Греции (1228). Престол был занят малолетним Балдуином II, и к активной политике Латинская империя была, казалось, не способна. Крайне стесненная территориально, Латинская империя обеднела. С севера ей угрожал Феодор Комнинодука, а после 1230 г. — Асень Болгарский; со стороны Азии франки еще располагали областью Никомидии, но в Дарданеллах хозяевами уже стали греки. Прибывший в 1231 г. Иоанн Бриень, новый император-соправитель и старый прославленный герой, лишь в 1233 г. собрался отнимать у Ватаци прежние латинские владения и высадился в той гавани Лампсака ('Ολκος), которая служила для Ватаци морской базою. Силы никейского царя были истощены неудачными походами на Родос, и Ватаци отступил в Сигрианские леса, где на морском берегу стояла обитель Феофана Исповедника (на полпути между нынешними гаванями Пандермой и Мудонией). Бриень наступал, придерживаясь берега Мраморного моря, дошел до Кизика, свернул в глубь материка и осадил бывшую венецианскую факторию Пиги. Ватаци держался в лесистых горах, собрав скот и хлеб в недоступных местах. Греческий гарнизон Пиги защищался храбро, но измена открыла франкам доступ внутрь крепости. Однако Бриень там удержаться не был в состоянии, так как Ватаци, будучи хозяином страны, прекратил подвоз провианта, и франки ни с чем вернулись в Константинополь.

С другой стороны, неудачи Ватаци под Родосом и на Крите, гибель его флота утвердили венецианское господство на море, и без того решительное. Теперь венецианцы угрожали греческим приобретениям на Дарданеллах, опять заняли Галлиполи и, обеспечив торговый путь в Константинополь, поддерживали правительство Латинской империи. Приезд Бриеня оживил баронов, и, хотя первый поход в Троаду был малоуспешным, следовало ожидать дальнейших шагов.

Прибытие в 1231 г. в Константинополь знаменитого старого рыцаря Бриеня в качестве императора-соправителя встревожило царя Ватаци. Ему было известно горячее участие курии в кандидатуре Бриеня. Одновременно и салоникский деспот Мануил признал Римскую Церковь своей матерью, желая сохранить свои владения от Ватаци под покровительством апостольского престола. Мануил даже принес ленную присягу Вильгардуэну Ахейскому. В водах Архипелага никейским силам угрожали венецианцы и родосский деспот Гавала. Союз греков с Асенем Болгарским еще только намечался.

При таких условиях Ватаци пошатнулся на своем историческом и национальном пути, усомнился в возможности бороться с Западом или, вернее, уберечь от Запада свою веру и свои предания. Он предложил своему верному патриарху Герману обратиться к папе с предложением вступить в переговоры о церковной унии (1232). Длинное письмо было послано с проезжими францисканцами. Это первое обращение главы православия к «святейшему» папе написано в крайне почтительных и дружелюбных выражениях, как бы от имени идеалов церковного единства, но в то же время содержит горькие жалобы на новшества в церковном учении, на несоблюдение канонов, на уклонение от старинных обычаев. Все это привело к продолжительным и опустошительным войнам, к закрытию церквей. Во многих местах запрещена греческая служба, а на Кипре для греков наступило время мученичества. Патриарх разумеет требование латинян Кипра о подчинении их Церкви православного духовенства во главе с архиепископом Неофитом, о заключении и сожжении 13 кипрских монахов за отказ

допустить опресноки на литургии[49]. Папа должен найти утраченную драхму — церковное единство, — и греки искренно готовы в том ему помочь. И греки и латиняне уверены в своей правоте. Никто не видит изъяна на своем лице без помощи зеркала. Таковым являются для греков Писание, апостольские каноны, святоотеческие писания. Одновременно патриарх писал и кардиналам:

«Много великих народов мыслят с нами заодно, а все греки согласны с нами во всем. Первые (из православных) занимающие первую часть Востока эфиопы, потом сирийцы и другие, еще их повнушительнее, — ивиры (грузины), лазы, аланы, готфы, хазары, и множество сверх числа русских, и великопобедный народ болгар».

Замечательно в письмах Германа, что он не называет себя и своих ни ромэями, ни православными, но греками (Γραικοι), следуя, может быть; словоупотреблению в посланиях курии. Церковь стала национальной.

Папа так ему и отвечает, как «патриарху греков (Graecorum)». Константинопольским или вселенским папа, конечно, признать его не мог. Но все-таки титул признает Германа главою национальной Греческой Церкви, а не Восточной, или Ромэйской.

Папа ответил Герману в общем следующее. Все церковные дела разрешаются в последней инстанции папой, ибо Церковь не может быть ни многоглавой, ни безглавой. Петр получил первенство над всеми апостолами, в том числе и над Павлом, который похоронен ведь в Риме. За нарушение церковного единства Греческая Церковь осуждена на служение светской власти и на упадок: вера ваша не развита и охладела любовь; священнический сан у вас находится в небрежении. Латинская же Церковь, не находя на себе изъяна в зеркале Писания, стала для всех всем и воздвигла стену против еретиков для охраны церковной свободы.

С такими любезностями были отправлены в Никею два доминиканца и два францисканца. Вслед за ними было послано второе письмо папы: Христова Церковь получила духовный и светский меч, из коих второй отдан в руки светской власти для действия по указаниям Церкви. По вопросу об опресноках разница лишь та, что греки поспешили вместе с Иоанном ко Гробу Христа и убедились в разложении тела до момента воскресения и потому употребляют прокисший хлеб; а латиняне пришли с Петром ко Гробу позже, убедились в воскресении и потому чтут в опресноках нетленное начало.

Нунции приехали в Никею в самом начале 1234 г., были встречены с честью и имели семь собеседований во дворце и в патриархии. Спор начался с Filioque. Греки настаивали на неизменности Никейского символа. Спор в течение пяти первых заседаний обострился до того, что присутствовавший царь снял с обсуждения поданное латинянами письменное заявление. На седьмом заседании перешли к опреснокам. Патриарх Герман, видя заранее бесплодность прений (в коих, по словам Влеммида, ипат философов Карик не имел успеха), предложил созвать Собор восточных патриархов, чтобы оставить латинян в меньшинстве. Нунции ответили, что папа прислал их к нему одному, и уехали в Константинополь. На прощанье они заявили царю, что если греки в догмате согласятся с Римом, то папа не потребует петь на службе Filioque; и если греки будут послушны Римскому престолу, как было до схизмы, то церковный мир будет нерушимым. Патриарх же, покорный матери-Церкви, встретит более милости, чем может ожидать, т. е., вероятно, намекалось на Константинополь и святую Софию.

На Пасху нунции опять были приглашены, на этот раз в царскую резиденцию Нимфей возле Смирны. Туда уже приехал и Антиохийский патриарх. Герман опять начал с Filioque, а нунции желали предварительно разрешить обрядово-литургический вопрос об опресноках как более легкий и ближе ведущий к единению масс на почве обряда. А тут еще один из греческих архиереев поставил новый вопрос: не разумел ли папа в своем втором письме, что от Петра и от Иоанна идут два различных предания? Латиняне на это рассердились и начали обвинять греков

в ереси: греки-де обмывают алтарь, на котором служил латинский священник, и не поминают папу на литургии. В ответ греки указали на осквернение крестоносцами святынь в Константинополе, анафеме же папу они не подвергают. И сам патриарх сказал: «Папа первый меня исключил из своих диптихов», на что получил в ответ: «Твоего имени никогда в них не стояло, а о предшественниках сам смотри, кто тому виною». Кончилось тем, что греки составили акт о недопустимости опресноков, а латиняне тоже написали акт о том, что не признающие Filioque суть сыны погибели. Царь пытался спасти положение путем компромисса: греки-де должны допустить опресноки, а латиняне — отказаться от Filioque; но компромиссы, обычные в делах политики, неприменимы в делах веры. Латиняне формулировали оба спорных вопроса и потребовали категорического ответа. Получив отрицательный, они объявили греков еретиками и покинули Собор. Греки же кричали им вслед: «Сами вы еретики!» Когда нунции отказались вернуться, несмотря на просьбу посланцев царя и патриарха, у них отобрали проводников и караван, и нунции, оставив багаж, пошли в Константинополь пешком; обыскав их вещи, греки взяли свои письменные уступки обратно. Последним письменным заявлением греков было полное отрицание Filioque.

Затеянная из политических видов уния не состоялась, и противоречия лишь обострились. Скоро отпала и политическая потребность в переговорах с папой.

При таких условиях Ватаци стал искать союза с Асенем Болгарским, хозяином Фракии. По обычаю того времени нужно было скрепить союз браком. Ватаци предложил женить своего 11-летнего наследника Феодора на 9-летней дочери Асеня и заключить союз против франков, нарушив мир между болгарами и франками. Предложение было охотно принято Асенем, влияние которого в Константинополе было утрачено с приездом Бриеня. Ватаци переправился через пролив и осадил Галлиполи, занятое венецианским гарнизоном (1234). Сюда же прибыл Асень с женой и дочерью, и помолвка состоялась; затем невеста с матерью была отвезена в Лампсак, где патриарх в присутствии царицы Ирины совершил бракосочетание. Договор между Ватаци и Асенем знаменовал союз между болгарским и греческим элементами против пришлых латинян и должен был привести к изгнанию последних. Неоднократно со времен Калоянна и Феодора Ласкаря делались шаги в этом направлении, причем инициатива принадлежала болгарскому царю, рассчитывавшему утвердиться на берегах Мраморного моря и Босфора после первоначальной попытки истребить греков Фракии. Теперь отношения были иные, и брак дочери Асеня означал уступку Константинополя греческому царю. За то Иоанн Асень добился осуществления заветного желания болгарских царей — независимости национальной Церкви, на этот раз не через папу и латинство, как сделал Калоянн, но законным путем, не изменяя веры и с согласия четырех патриархов, Константинопольского (Никейского) и трех восточных. Формою признания независимости было учреждение патриархии, хотя и не равнозначной по рангу древним апостольским. Царская и соборная грамота провозгласила Тырновского архиепископа Иоакима патриархом Болгарии (1235), и он был посвящен торжественно в Лампсаке, в присутствии многочисленного духовенства. Конечно, этим шагом наносился удар главе греческого западного духовенства, архиепископу Юстинианы Первой (Охриды) и всей Болгарии, кафедре ненавистного Никее Хоматиана. Что касается положения Тырновского «патриарха Болгарии», то позднейшая грамота Никейского патриарха Каллиста духовенству Тырнова (1355) определяет, что звание патриарха дано епископу Тырнова «из снисхождения», но он «не сопричислен» к числу святейших патриархов и не должен в сем звании значиться в святых диптихах; а патриарх Герман был того мнения, что Тырновская Церковь не получила полной автокефалии, но должна и впредь вносить пошлины и сборы Константинопольскому патриарху.

После этого события соединенные силы Ватаци и Асеня выступили против

константинопольской Латинской империи. Их силы имели решительный перевес, и наследию Генриха грозила гибель. Ватаци занял Фракийский Херсонес и прилегавшую область от Марины до Ганоса (на полпути от Родосто до Дарданелл). В этом пункте он выстроил крепость, сохранившуюся доныне среди бедного посада. Фракийская Святая гора, во времена Юстиниана покрытая монастырями, отделяла владения Ватаци от франкской крепости Цурула (ныне Чорлу, перед Чаталджей). Фракия на север от этой полосы была захвачена Асенем. Союзники пошли и дальше, подступили к стенам Константинополя. Старый Бриень сделал удачную вылазку. Латинские источники преувеличивают его победу и силы союзников. Трудно поверить, чтобы 160 рыцарей с двойным-тройным числом сержантов разбили бы 100 000 греков и болгар, среди коих были и тяжеловооруженные, не раз мерившиеся с франками в рукопашном бою. Преувеличены известия латинян и о 300 кораблях Ватаци. Приближение зимы и отсутствие средств для штурма заставили болгар и греков снять осаду, к великой славе Бриеня (1235). На следующий год они вернулись и снова обложили столицу с суши и с моря. Но тогда как у Ватаци, по-видимому, было всего 25 крупных военных судов, латиняне собрали большие силы на море с приходом 6 галер ахейского князя и 16 венецианских; кое-что выставили пизанские и генуэзские купцы. При столкновении латиняне захватили почти половину флота Ватаци, море оказалось в их руках, и осада стала безуспешной (1236).

На этот раз латинский Константинополь справился с угрожавшей ему гибелью. И константинопольское правительство, и его друзья на Западе отлично видели, что опасность велика. Все меры были приняты, все пружины пущены в ход. По выражению Акрополита, дела латинян тогда весьма сократились и вследствие свойства двух самодержцев дух латинян упал до чрезмерной приниженности. Юный Балдуин II был отправлен к папе и к западным государям умолять о помощи. Погибающей Латинской империи решено было оказать поддержку и на этот раз. Папа Григорий IX призывал венгерского короля Белу и ахейского князя Вилльгардуэна выступить на помощь. Вместе с тем он сам отлучил Асеня от Церкви и послал Ватаци (с которым отношения ухудшились после краха переговоров об унии в 1234 г.) письмо, лишь недавно изданное[50].

«Полагали, что среди греков царит премудрость, и от них, как от источника, исходили и отдаленные ручьи науки, — пишет папа. — Тебя считали мы за судящего зрело и осмотрительно. Княжество апостольского престола основала не земная сила, но Единый Бог воздвиг на камне рождающейся веры, даровав блаженному Петру, вечной жизни ключеносцу, власть земную и небесную». Во внимание к сему Ватаци должен признать Церковь матерью и сохранять ее расположение. Она может быть ему плодоносной, хотя и не им, Ватаци, держится. В выспренных словах папа извещает о новом крестовом походе, который разрушит все тщания противящихся, и простертая рука крестоносцев пособит Латинской империи. «Твою знатность сочли мы нужным подвергнуть настоятельному увещанию и указать тебе, ради твоей же пользы и безопасности в будущем и для устранения бедствий войны, чтобы ты не замышлял никакой опасности или ущерба названной империи и дражайшему во Христе сыну нашему Иоанну (Бриеню, о смерти коего папа еще не узнал), императору константинопольскому и его преемникам». Наоборот, Ватаци должен оказать императору совет, расположение и помощь, чтобы проявить на деле верность Римской Церкви. Папа сопровождал бы такие действия Ватаци благословениями и сладостными молебствиями. Если же «увещание не без отеческой угрозы» не побудит Ватаци, в предвидении собственной опасности, избежать затруднения «illum articulum difficultatis», то из него нелегко ему будет выбраться.

Таким образом, папа угрозами требовал вассальной верности константинопольскому императору и называл его полным титулом. На заголовке же письма стояло: «Знатному мужу Ватаци дух более здравого рассуждения». На таковое письмо ответ не мог быть иной, как резкий

со стороны могущественного на Востоке, гордого перед врагами и перед своими вельможами, венчанного царя. Его письмо отыскано и использовано греками (Сакеллионом и Милиараки) и западными учеными (Гейзенбергом, Норденом) и без особых доказательств, на основании якобы оскорбительного тона, объявлено плоской подделкой фанатиков XVII в. Такая критика сама отзывается средними веками. Оскорбительности мало, нужна была бы и помощь филологии. Заподозренное письмо, наоборот, написано хорошим и простым литературным языком, обличает знание обстоятельств, отвечает на содержание папского послания, ныне лишь извлеченного из папского архива, содержит обороты мысли, встречаемые в полемике Никеи с Эпиром, в которой обычны резкости, именно со стороны Никеи.

Самодержец ромэев прежде всего был оскорблен непризнанием за ним царского титула. Папа официально обращается к нему как к «знатному мужу Ватаци». Это было оскорбление и ему и его державе. Царский титул не только отвечал его достоинству коронованного самодержца и его фактическому могуществу, но также означал права на Константинополь и власть над греками. И папа и Ватаци прекрасно понимали, что связано с царским титулом, и потому ответ Ватаци был резок.

Проставив в заголовке свой полный царский титул, Ватаци с того и начал, что указал папе на неуместность подобного к нему обращения.

«Царству моему подали твое письмо, но царство мое ввиду нелепости написанного полагало, что таковое исходит не от тебя, но от «сожительствующего с крайним безумием» и с душою, полною надменности и дерзновения. Таков тот, кто обратился к царству моему, как к какому-то не имеющему имени и бесславному, неизвестному и незнатному, не будучи научен должному ни опытом действительности, ни величием державы нашей. Твое же святейшество и разумом украшено, и рассудительностью выделяется из большинства людей».

«Ты пишешь, что в нации (γενος) греков царствует премудрость. Как же нам поэтому не знать древность твоего престола? Хотя какая нам в том нужда знать, кто ты и каков твой престол? Если бы он был на облаках, то было бы нам нужно знакомство с метеорологией, с вихрями и громами. А так как он утвержден на земле и ни в чем не отличается от прочих архиерейских, то почему было бы недоступно всем его познание. Что от нашей нации исходит премудрость, правильно сказано. Но отчего умолчано, что вместе с царствующей премудростью и земное сие царство присоединено к нашей нации великим Константином? Кому же не известно, что его наследство перешло к нашему народу и мы его наследники».

«Требуешь признать права твоего престола. Отчего нам не потребовать от тебя признания прав тысячелетней империи Константина и его преемников, бывших из нашей нации, вплоть до нас. Родоначальники царства (т. е. величества) моего из рода Дук и Комнинов, не упоминая о других царях из эллинских родов, много сотен лет обладали Константинополем, и тогдашние римские иерархи называли их самодержцами ромэев».

«По-твоему, мы нигде не царствуем и не правим, а Иоанн из Бриеня тобою рукоположен в цари. По какому праву? Разве твоя честная глава также одобряет преступную, корыстную мысль и руку, считает правильным разбойничий и злодейский захват, благодаря которому латиняне вкрались в Константинополь и с такой свирепостью ополчились на нас, с какой не нападали измаилътяне (арабы) на Сирию и Финикию. Если мы, принужденные насилием, переменили место пребывания, то наши права на империю и державу мы неизменно и неотступно удерживаем за собою, по милости Божией: царем ведь считается господствующий над племенем, народом, населением, а не над камнями и бревнами, составляющими стены и башни».

«Извещаешь нас о грозном сборе крестоносцев. Мы даже возрадовались, сообразив, что эти заступники святых Мест начнут с нашей отчизны и подвергнут ее поработителей законному

отмщению как осквернителей святых храмов и священных сосудов, как виновников всякого беззакония против христиан. Но далее твое письмо назвало Иоанна константинопольским императором и наименовало его милым сыном твоей чести. Он уже умер, но на помощь ему собираются новые крестоносцы. Посмеялись мы над подобными потугами и заявлениями, сочтя их за насмешку над святыми Местами и за издевательство над святым Крестом. Благовидным предлогом прикрывается, как всегда, жажда власти и золота».

«Твоя честь нас наставляет не докучать императору Иоанну, для моей же пользы. Нужно тебе знать, что мое царское величество не разумеет, где на суше или на море расположены владения означенного Иоанна, и потому никогда не покушалось на то, что ему принадлежит. Если же речь идет о Константинополе, который мы желаем у него взять, то мы заверяем и объявляем тебе и всем христианам, что никогда не перестанем сражаться и воевать с захватчиками Константинополя. Мы были бы преступниками перед законами природы, уставами родины, могилами отцов и Божьими святыми храмами, если бы из всех сил не боролись за это. Против же недовольных есть у нас, чем обороняться. Имеются у нас и колесницы, и кони, и множество воинов и бойцов, которые много раз мерились силами с крестоносцами этими и оказались не хуже кого-либо. И Бог справедливости помогает обиженным. Ты же как подражатель Христу и преемник главного из апостолов... одобришь нас, воюющих за родину и за благородную ее свободу. Можем ли мы смотреть спокойно на нее, поруганную, лишенную прежней славы и обращенную в очаг убийц и логово разбойников? Все это кончится, как будет угодно Богу. Мое же царство (величество) старается и желает сохранить должное почтение к святой Римской Церкви и сыновние отношения к твоему святейшеству, разве только твое святейшество не захочешь не признавать права, подобающего нашему царскому величеству, и не будешь обращаться ко мне с письмами столь безалаберно и неучтиво».

Таков был ответ греческого царя. Сознание своих исторических прав и силы высказано резко и категорически перед лицом духовного главы Запада. Следует отметить также в этом ответе идею национальной греческой империи, идею греческой нации (γενος), созревшей среди тяжкой борьбы за существование с народами чуждыми и иноверными. С этой идеей встречаемся и в письменности эпирских греков. Чувство и сознание национальности развилось, но соответствующее новой истории национальное государство оказалось преждевременным для греков XIII в. Средневековый Константинополь, как старые мехи, не замедлил испортить новое вино.

Резкость переписки папы и Ватаци имела не одну идейную подкладку, но и реальную. Против Ватаци составилась коалиция с участием Асеня. Болгарский царь не только вытребовал свою малолетнюю дочь из семьи Ватаци, но замыслил новый поворот своей политики со всей присущей болгарам вероломной прямолинейностью. По смерти Бриеня и за отъездом молодого императора Балдуина в Европу среди константинопольских баронов усилилась партия приверженцев Асеня, и болгарскому царю улыбалась мысль утвердиться на константинопольском престоле хотя бы в роли регента-соправителя. Ближайшим к тому средством представлялась уния с Римской Церковью, хотя так недавно Тырновский архиепископ получил сан независимого патриарха от представителей Восточных Церквей под эгидою никейского царя. Асень написал папе, и Григорий IX ответил ему за неделю до приведенного письма к Ватаци. Из папского письма ясно, что Асень не только поддался Римской Церкви, но предложил сговориться относительно «положения империи и города Константинополя». Такова была причина разрыва Асеня с Ватаци — его виды на Константинополь, на регентство или соправительство. Посылая к Асеню для переговоров епископа Перуджии, папа поставил вопрос шире, включив в него обсуждение судьбы Св. Земли

и «других вопросов» — вероятно, церковных и об обращении Ватаци в унию; но в то же время он потребовал оказать совет и поддержку его возлюбленному сыну императору Бриеню, в тех же самых выражениях, как одновременно папа написал Ватаци. Посланному епископу были вручены и письма к венгерскому королю Беле и к болгарскому духовенству, в которых цель миссии указана ясно: чтобы Асень защитил империю и содействовал обращению Ватаци в лоно Римской Церкви. Асень обманулся в своей надежде получить от папы помощь для овладения Константинополем. Он выступил все-таки в поход совместно с франками против занятой греками крепости Цурула, но, воспользовавшись известием о смерти жены, сына и патриарха от чумы, прервал осаду и не только сам ушел, но и не оставил отряда в помощь франкам, вновь заключил союз с Ватаци и вернул последнему свою дочь, малолетнюю жену никейского наследника Феодора.

Ватаци пытался найти себе союзников на Западе и вступил в переговоры с генуэзцами, всегдашними соперниками хозяйничавших в Константинополе венецианцев; но из переговоров ничего не вышло (1239). Генуэзцы предпочли согласиться с Венецией по интересовавшим их вопросам. Узнав о приближении крестоносцев с Балдуином II во главе, Ватаци писал венгерскому королю Беле, заявляя, что готов подчиниться папе; но из Рима отсоветовали Беле вступить с Ватаци в соглашение.

Но теперь Ватаци был более уверен в своих силах, чем при прибытии Бриеня. Тогда как франки и болгары осаждали Цурул во Фракии, Ватаци перешел в наступление из Никомидии и, взяв Харакс (ныне Херекс), Дакивизу (Гебзе) и Никитиат (Тузла?), он показался верстах в десяти от Принцевых островов. Как всегда, его атаки шли с суши и с моря, его достаточно сильный флот (30 кораблей) сопровождал сухопутные войска и был предназначен нанести удар латинской столице. Однако начальник флота, опытный Контофре (судя по имени, из латинян), предупреждал Ватаци об опасности нападения на столицу с моря и о превосходстве военного искусства итальянцев. Царь Ватаци, будучи горд за своих греков и доступен придворным льстецам, уволил Контофре и назначил адмиралом не знающего дела армянина Исфре, который был разбит латинянами наголову, притом всего лишь 13 галерами; на каждую свою галеру итальянцы захватили по одной греческой вместе с экипажем.

В 1241 г. последовала кончина царицы Ирины, доставившей Ватаци права на престол и создавшей ему двор с хорошими традициями строгого этикета, благочестия и просвещенности. Одновременно умер и страшный Асень Болгарский; его царство перешло к малолетнему Коломану (Калиману). Пользуясь наступившей слабостью болгарского правительства и переманив на свою службу отряды скифов (половцев), превосходную конницу, ранее служившую в Македонии, по известию Акрополита, т. е. франкам и болгарам, Ватаци немедля взялся за осуществление своих всегдашних планов о подчинении западных греков, о собирании воедино разрозненных греческих земель и выступил в поход на Салоники против царя Иоанна, сына царя Феодора Ангела, ослепленного Асенем Болгарским. Ватаци имел все основания не откладывать этого похода, так как, без сомнения, со смертью Асеня воспрянула бы вновь держава Феодора Ангела.

Об этом походе 1242 г., окончившемся договором, по которому Иоанн сложил с себя знаки царского достоинства и стал деспотом, подчинившись верховной власти Ватаци, было изложено в главе о западном царстве Ангелов Дук. Но поход 1242 г. мог закончиться уничтожением Салоникского государства и присоединением Македонии к царству Ватаци, если бы не были получены грозные известия с Востока. Оставленный регентом юный Феодор Ласкарь, сын Ватаци, с его советниками (по хозяйственным делам — Музалоном, по военным — Ливадарием) доносил, что монголы напали на сельджукское мусульманское государство. Последним правил с 1237 г. малодушный, преданный пьянству и разврату Гиас ад-дин

Кейхозрев II, сын могущественного Ала ад-дина, при котором было отбито первое нападение монгольского тумана (корпуса в 10 000 всадников). Всегда превосходно осведомленные монголы, видя слабое правление Гиас ад-дина, осмелели, сначала напали на область Эрзерума (1240), а затем в 1243 г. полководец великого хана Угедея Яртагунойон с 30 000 всадников вторгся в пределы сельджукского Иконийского султаната. Гиас ад-дин в ужасе сзывал под свои знамена турок и наемных франков; последних у него было до 2000 под начальством Иоанна из Кипра и Бонифация из Генуи. Ко всем вассалам султаната Иконии (Рум) были разосланы гонцы с требованием прислать их контингент, но князь Малой Армении отделался обещаниями, сирийские и месопотамские эмиры не пришли, кроме алеппского; лишь Мануил Трапезунтский, кажется, прислал своих грузин и лазов. Под Сивасом (Севастией) 40 000 монголов разбили наголову Гиас ад-дина (1243), хотя у последнего было тысяч шестьдесят; сельджуки и франки должны были биться храбро, но тактика монголов была первая в свете. Начался разгром султаната Рум. Эрзерум к тому времени уже пал (1241—1242); жители Сиваса выдали все имущество и срыли городские стены; Кесария, вторая столица султанатов Конии, была сровнена с землею, и население ее перебито. Гиас ад-дин в отчаянии обратился к Ватаци за помощью против врага, грозного для них обоих, и в Триполисе на Меандре состоялось их свидание. Благоразумный Ватаци ограничился дружескими уверениями, и хорошо сделал, иначе мог бы навлечь на свою державу судьбу, которая постигла Русь за помощь половцам. Вернувшись в свою Конию, Гиас ад-дин послал послов к монголам, прося о мире, стал данником великого хана Угедея и скоро умер (1245). При его малолетних детях некогда грозный султанат Рум стал управляться монгольскими перванами и баскаками.

Ватаци уберег свои владения от монголов и сохранил свою независимость в тот момент, когда монгольские полки дошли до Чехии, Фриуля и до сирийской Сайды. Для охраны границы он организовал сеть пограничных крепостей и складов провианта и оружия. Все хранилось на строгом учете за царскими печатями, и самое место складов держалось в секрете от врага.

Интересно, что превосходно о всем осведомленные монголы были в сношениях с папою и присылали послов, предлагая союз против Ватаци; но так как последний завел переговоры об унии, папа отделался подарками.

Для Ватаци главные интересы были не на Востоке (как для его предшественника, боровшегося с сельджуками), но на Западе. Политика Ватаци из местной становится европейской благодаря союзу с Фридрихом II Гогенштауфеном, величайшим врагом папской политики. Интерес Фридриха сосредоточивался на полном красок юге, на его Неаполитанском королевстве, где он основал университет, куда вызывал сарацинских мастеров, где он собирался реформировать управление по плану и с размахом, достойным нового времени. Ватаци и Фридрих были естественными союзниками, когда греческий царь не нуждался в папе. Хотя Фридрих не иначе смотрел на Ватаци, как на своего зятя и вассала, он высоко ценил его помощь и со своей стороны был готов помочь всякому монарху против ненавистной римской курии.

Как ни величественна и ни сильна во многом выдающаяся фигура Фридриха, в отношении к западному латинскому делу на Востоке он сыграл роковую, даже предательскую роль в тот критический момент, когда решалась судьба «Новой Франции». Не было монарха, более призванного по своему положению к тому, чтобы поддержать и оградить Латинскую империю в Константинополе. Он не только обладал авторитетом, связанным с титулом римского императора, и не только мог его усугубить, благодаря своей личной мощи и дарованиям, — он был непосредственным и полновластным монархом мощного военного государства, наиболее близкого к Леванту, связанного с последним экономическими интересами и проникнутого восточными влияниями, начиная с этнографического состава населения и кончая высшими проявлениями культурной жизни. Но вместо того чтобы сдержать греков мощною рукою,

Фридрих вступал в соглашения с греческими государями в Никее, Салониках и Эпире и в роковое для константинопольской империи время вступил в ожесточенную борьбу с духовным главою латинского дела на Леванте. В продолжение своего долгого правления Фридрих губил на Востоке латинское дело, и притом большею частью не питая такого намерения. После его смерти (1250) судьба Латинской империи в Константинополе была решена.

До смерти Бриеня император Фридрих II держался более или менее пассивно в отношении к империи Балдуина. Помощи он ей не оказывал никакой, так как она была создана помимо западных императоров силами, враждебными Гогенштауфенам. При коронации в Риме Петра Куртенэ представитель Фридриха протестовал, не признавая иного императора, кроме своего государя, и добился лишь того, что коронация состоялась вне стен собственного Рима в загородной базилике. Затем Фридрих, приняв завещанный ему Димитрием Монферратом титул салоникского короля, не сделал, однако, ни шага, чтобы овладеть своим наследством, попавшим в греческие руки. Наконец, Бриеню он хотел помочь как своему тестю, но не успел за смертью последнего (1237). Балдуину Фридрих не хотел помочь. Мало того, он открыто выступил врагом Латинской империи. Разразилась борьба Фридриха с папой Григорием IX, и, так как последний верховодил в Константинополе, Фридрих заключил союз с Ватаци, врагом и папы, и Латинской империи в Константинополе.

Поступая так, Фридрих шел по пути своих предков, Конрада III и Генриха IV, друживших с Комнинами, Мануилом и Алексеем I. В те поры союз двух империй был направлен против Норманнского королевства в Южной Италии, теперь он имел своим объектом латинские форпосты, новые политические образования в самой Романии. Уже в 1238 г. греки служили под знаменами Фридриха. Составлен был даже план, по которому Ватаци давал ленную присягу Фридриху и получал из его рук латинский Константинополь. Ленная зависимость взамен подтверждения владений предположена была также для болгарского Асеня и для салоникского Феодора Комнина Дуки. Балдуин был поставлен в известность о воле Фридриха уступить Константинополь своему будущему зятю. Гавани Южной Италии были закрыты для крестоносцев; армия Балдуина задержана была в Ломбардии, и главный вождь ее был брошен по приказу Фридриха в тюрьму и по освобождении не мог оправиться от последствий заключения. Папа за это отлучил Фридриха, вместе с Феодором Салоникским (1238). Людовик Французский заставил Фридриха пропустить через его владения Балдуина с армией. При новом папе Иннокентии IV отношения Фридриха к курии приняли сначала мирный характер, но от грекофильской политики Фридрих отнюдь не отказался и около 1244 г. выдал свою дочь за Ватаци, который явно угрожал Константинополю. Это опять было поставлено в вину Фридриху, и он опять был отлучен от Церкви на Лионском Соборе, на этот раз окончательно (1245). Отлучение привело к теснейшему союзу германского и греческого императоров. Ватаци посылает помощь Фридриху в Италию сначала деньгами (1248), потом людьми (1250). Последний просит Михаила Эпирского пропустить вспомогательный отряд, посланный царем Ватаци, через эпирские владения. В год своей смерти (1250) Фридрих в письме к эпирскому деспоту делает характернейшие заявления и явно становится на сторону восточного православия, по крайности в письмах к греческим государям.

«Имея в виду полное истребление врагов наших, восставших на нас по папскому злоумышлению, — пишет он эпирскому деспоту, — мы собираем помощь от всех родных наших и друзей. Мы охраняем не одно наше право, но и право друзей и возлюбленных наших соседей, коих объединяет чистая и искренняя любовь во Христе, особенно греков, свойственников и друзей наших. Так называемый папа за наши отношения и любовь к ним, христианнейшим и самым благочестивым образом расположенным к Христовой вере, возбудил против нас свой необузданный язык, называя благочестивейших греков нечестивейшими и

православных еретиками».

Воздавая хвалу греческому благочестию, впрочем в момент решительной борьбы с папой, когда греки были очень нужны, Фридрих ревниво следил за сношениями Ватаци с папою и незадолго до смерти горько жаловался на посылку никейских уполномоченных в Рим.

«Как это, — пишет Фридрих никейскому царю, — как это папа послал к твоему царскому величеству монахов — миноритов и доминиканцев, что не только моей пресветлости, но даже ребятам покажется чудным и странным? Как этот рекомый архиерей архиереев, при всехежедневно отлучающий тебя и твоих ромэев, бесстыдно называя еретиками православнейших ромэев, от коих вера христиан разошлась до концов вселенной, как он не устыдился посылать своих духовных лиц к твоему царскому величеству?.. Как это исстари врожденную, по диавольскому наваждению, у римских архиереев злобу против ромэев, которую не удалось искоренить многим великим архиереям и служителям Христа ни словом, ни делом, ни постоянной молитвой за долгое прошедшее время, — как это папа обещает исправить в одно мгновение несерьезными словами и лукавыми толкованиями простецов, после того как вновь выразил (свою злобу) на всякий лад?»

Царь Ватаци, имевший в виду постоянно свою главную цель — завоевание Константинополя, находил в этот момент полезной благосклонность папы и не посмотрел бы на протесты Фридриха. Они звучали по-ребячески, а не переговоры Ватаци с папой. Смерть (в декабре 1250 г.) избавила Фридриха от дальнейших огорчений со стороны Ватаци. До того их отношения были отменно вежливыми. Фридрих сообщал никейскому царю о своих победах в Италии с помощью контингентов, доставленных итальянскими городами (между прочим, Bergamo, которого не следует смешивать с малоазиатским Пергамом, как склонна miss Gardiner[51]), а Ватаци в свою очередь сообщил Фридриху о взятии им Родоса. По смерти Фридриха наследник никейскою престола написал надгробное слово, составленное из риторических фраз. Преемник Фридриха Конрад IV был занят внутренними делами; тем не менее он снарядил к Ватаци посольство маркиза Гогенбурга с просьбою изгнать фамилию Ланчия, родных Манфреда Тарентского и Анны, супруги Ватаци, нашедших себе приют при никейском дворе; и Ватаци исполнил это, разумеется, за обещания и выгоды для себя.

Дружественные отношения не были поколеблены скандальной связью престарелого Ватаци с одной дамой из итальянской свиты юной царицы Анны, дочери Фридриха. Чары этой «маркезины» (кажется, звали ее della Fricca) оказали на царя такое влияние, что маркезина присвоила себе некоторые внешние знаки царского достоинства и оттерла свою госпожу на задний план. Авторитетный ученый Никифор Влеммид, в своей юности далеко не бывший врагом женщин, восстал на маркезину открыто и выгнал ее со свитой из своего монастыря, прекратив при ее появлении богослужение. Слезы и ярость маркезины, угрозы и наветы ее спутников привели лишь к тому, что Ватаци сознал свой позор, и с тех пор о маркезине ничего не было слышно; но и Влеммид стал ненавистным царю.

Старые планы, легкие успехи увлекли царя Ватаци на греческий Запад. Времени он никогда не терял, энергия была направлена к одной постоянной цели — объединению Романии под его властью, воссоединению частей разрозненного целого. В Македонии теперь уже все трепетало при его приближении. Государем Салоник был беспутный юноша Димитрий. В Болгарии трон был занят после смерти Калимана — несчастного малолетнего сына Иоанна Асеня от венгерки Анны, отравленного братом (1246), — еще более юным Михаилом, сыном Асеня и Ирины, дочери Феодора Комнина Дуки, ставшей по устранении Калимана регентшей. Смерть Калимана и переход власти в руки эпирской партии в Тырнове застали Ватаци на берегах Марицы, и он немедля предложил военному совету обсудить, следует ли захватить у болгар Серее. Присоединившись к голосу Андроника Палеолога против большинства, царь решил рискнуть,

хотя не имел осадных машин. Государство Болгарское так ослабело, что важный Серее был взят приступом войсковою челядью цулуконами, наскоро вооруженными. Измена греческих архонтов доставила Ватаци и Мельник. «Мы прирожденные ромэи и вышли из Филиппополя», — говорил один из архонтов горожанам Мельника. В течение нескольких недель вся Македония досталась Ватаци с такой же легкостью, как некогда Феодору Ангелу и даже Асеню, царю влахов и болгар. Подчинились Стенимах, Чепена и все села в Родопах, севернее — нынешние Иштип и Кюстендиль (Вельбужд), Средняя, Западная и Южная Македония с городами Скопле, Белее, Прилеп, Пелагония (Монастырь), Просек, Веррия. И все это болгары уступили без большой войны и подписали мирный договор.

Почти бескровное подчинение Македонии поставило никейского царя во главе греческого мира. Ему столь же легко достались и Салоники. Сами горожане выдали Димитрия и предали свой город (1246). Никейские источники объясняют этот факт беспутством юного деспота; но, бесспорно, успех и деньги Ватаци сыграли свою роль.

Ватаци организовал управление Македонией. С одной стороны, он подтвердил льготы городов: так, Мельнику он выдал за покорность грамоту за золотой печатью. С другой стороны, он оставил в крае объединенную военную власть в лице наместника великого доместика Андроника Палеолога. Ему были подчинены губернаторы отдельных городов. Среди них был сын наместника, выдающийся своими способностями Михаил, будущий император константинопольский; ему достались Серее и Мельник, т. е. западная часть Македонии. Независимыми от Никеи остались эпирские и фессалийские владения деспота Михаила II и небольшой славянский удел слепого Феодора с городами Воденой, Старидолом и Островом.

Достаточно определилась будущая судьба и этих кусков Романии. Греческие земли должны быть собраны под одной рукою; о федерации, о союзе греков востока и запада не могло быть речи. Ватаци это знал и, удовлетворившись формальным примирением, оставил эпиротов в покое. Перед ним была высшая, постоянная цель — Константинополь. Путь к нему был открыт, и на этот раз без стеснительного и опасного участия болгар.

И не успел Ватаци вернуться домой после дальнего похода, как он выступил вновь во Фракию и осадил Цурул (Чорлу), семь лет бывший в латинских руках. Начальник крепости, знатный барон Ансельм де Кайе, женатый на дочери Феодора Ласкаря, следовательно, свояк царю Ватаци, предпочел уйти в Константинополь и оставить город под защитою своей жены. Однако Ватаци особых рыцарских чувств не обнаружил и, взяв город, посадил свою родственницу на лошадь и отправил ее к мужу. Завоевав и Визу, Ватаци отрезал франков с суши, овладев ныне прославленной Чаталджинской линией.

Никейский царь располагал уже такими силами, что мог успешно бороться с латинянами на двух отдаленных друг от друга театрах военных действий: во Фракии и на Родосе. Остров был захвачен генуэзцами (1248) в отсутствие родосского деспота Иоанна Гавалы, стоявшего около Измида, вероятно, с греческим флотом. Получив о том известие, Ватаци обеспечил занятую линию Цурул — Виза гарнизонами и поспешил в свою резиденцию Нимфей. В соседней Смирне он снарядил флот и большое число транспортов для десанта. Генуэзцы получили от Вильгардуэна Ахейского сотню французских рыцарей, грабивших остров, а сами устроились в крепости Родоса, располагая обильными запасами и красивыми женами греческих горожан. Экспедиция Ватаци увенчалась успехом; посланные им военачальники перебили французских рыцарей до единого, и генуэзцы предпочли сдаться на условиях (1250). Их доставили в Нимфей, где Ватаци обошелся с ними хорошо, всегда добиваясь дружбы исконных соперников хозяйничавших в Константинополе венецианцев. Никейские писатели считали Родос присоединенным к империи Ватаци, однако монеты Иоанна Гавалы называют его государем и показывают, наоборот, что он даже пользовался большею самостоятельностью,

нежели его брат и предшественник Лев, носивший звание кесаря, но именовавший себя на монетах «рабом царя».

Осмотрительный и умудренный опытом Ватаци подготовлял дипломатическими переговорами почву для перехода Константинополя в руки греков. Он был бы, вероятно, в силах взять город и тогда же, но опасался вызвать против себя бурю в Европе и новый крестовый поход с участием Венеции и Вилльгардуэна. Фридрих сам нуждался в помощи и не мог бы защитить Ватаци. Переговоры с папою были поэтому необходимы, и греческий царь, невзирая на протесты Фридриха, сумел поставить дело так, что сам папа Иннокентий IV, отличавшийся новыми и широкими взглядами, начал видеть помеху для соединения Церквей не в греческом царстве, но в константинопольской Латинской империи, безнадежно бессильной и препятствовавшей святому делу самим своим существованием.

Так как соименный ему Иннокентий III на Латеранском Соборе провозгласил соединение Церквей (оставшееся, впрочем, мертвой буквой), то латинские современники Ватаци официально считали существование схизмы порождением и виною их поколения. Сам папа Иннокентий IV высказал это на Лионском Соборе 1245 г. Гигантская борьба с Фридрихом, которая разгорелась после этого Собора, поглотила все силы и средства курии, так что папа видел всю невозможность спасти латинский Константинополь и всю выгоду отдать его греческому царю за унию.

Папа начал столь же осторожно, как и Ватаци, именно, окольными путями через венгерскую королеву, свояченицу Ватаци, и через болгарского царя Калимана. В 1249 г. папа отправил к Ватаци генерала ордена миноритов Иоанна Пармского с тайным поручением расстроить политический союз Фридриха с Ватаци, явно же — для переговоров о церковной унии. Политическая часть миссии минорита не удалась, Ватаци остался верен союзу, но в вопросе о соединении Церквей он охотно пошел навстречу желанию папы, рассчитывая получить Константинополь без труда и опасности для себя.

Но Фридрих увидел в этом шаге своего зятя измену и с горечью предупреждал его против папского коварства. В вышецитированном письме он пенял ему за то, что Ватаци не обратился за советом, и грозил, что сумеет расстроить соглашение. Действительно, греческих послов Фридрих задержал в Южной Италии, а сопровождавших папских пропустил в Рим. Миссия Ватаци увидела папу лишь после смерти Фридриха и получила в Риме заманчивые предложения. Но в этот момент (конец 1251 г.) Ватаци уже не дорожил союзом с папой, по крайней мере он прервал переговоры и в скором времени приступил к осаде Константинополя. В свою очередь папа тогда пообещал субсидию защитникам столицы, если они выдержат осаду в течение года, и послал проповедников в Венецию и в Романию призывать к крестовому походу против греков. Тогда Ватаци возобновил переговоры об унии, которые завершились миссией митрополитов Кизикского и Сардского в сопровождении Арсения Авториана, будущего патриарха, и других духовных лиц; посольство было снаряжено с большою пышностью (1254).

Ватаци ставил вопрос прямо и категорически. Со своей стороны он предлагал подчинение папе. За это он требовал: 1) удалить латинского императора из Константинополя и передать ему, Ватаци, древнюю столицу; 2) удалить латинского патриарха и латинский клир не только из Константинополя, но и из других патриархий Востока и возвратить греческий клир на его прежние места; но в Антиохии латинский патриарх мог оставаться пожизненно. Таким образом, никейский царь защищал все восточное православие и выступал от его имени.

И предложения Ватаци были предварительно одобрены высшими церковными властями. Недавно извлечено из одной оксфордской рукописи письмо Никейского патриарха Мануила к папе (конца 1253г.?)[52]. «Архиепископ Константинополя, Нового Рима, и Вселенский патриарх»

со своим синодом хвалит папу за его усилия восстановить единство Церкви и благодарит за присылку нунциев, с которыми переговоры шли успешно; потому и патриарх посылает святых мужей, поручив им расследовать и выяснить вопросы о Вселенском Соборе, о чести (т. е. о первенстве) папского святейшества и о справедливых требованиях Греческой Церкви. «То, что по этим с статьям будет утверждено тобою с ними, — писал патриарх, — будет принято ими и всеми нами». Было приложено к письму, по-видимому, особое послание об исхождении Св. Духа не иначе, как «через Сына» (δ νιvo), и в этом вопросе Греческая Церковь не признавала иного решения, как этот компромисс. Далее, патриарх Мануил со своим синодом предлагал папе признать его первенство и занести его имя в церковные диптихи, предлагал присягу Греческой Церкви в повиновении папе, исполнение отдельных распоряжений папы, если таковые не противоречат канонам древних Соборов; далее, патриарх предлагал признать курию апелляционной инстанцией; признать за папой право председательствовать на Соборах и первым формулировать свое мнение в догматических вопросах, причем оно, если не противоречит канонам, принимается всеми; с той же самой оговоркой обязательно принимаются на Соборах решения папы по делам церковного устройства и дисциплины.

Эти уступки, сделанные в последний год правления Ватаци, являются самыми большими, на какие когда-либо шла Греческая Церковь, кроме разве игнатиевского Собора 869 г. Папе уступалась не только почетная, но и юридическая власть над всею Церковью.

Можно предполагать, что Ватаци убедил патриарха сделать такой неслыханный шаг, пообещав, что по достижении желанной цели — по овладении древнею столицею — уступки осуществлены не будут. В те поры греки играли с курией не хуже болгар. На то были рассчитаны многократные оговорки о соответствии с канонами в тексте греческих предложений.

Впрочем, на никейских греков могла подействовать примирительная и уступчивая церковная политика папы Иннокентия IV, как в отношении к грекам на Кипре, так и в патриархатах Иерусалимском и Антиохийском. Чтобы оградить греков от притеснений местного латинского духовенства, папа даже послал особого нунция и был готов признать греческую униатскую Церковь в Антиохии как независимую от местного латинского патриарха. В этом отношении папа Иннокентий действовал как современное нам католичество в Сирии, признающее несколько национальных Церквей различного обряда, подчиненных непосредственно святому престолу. Иннокентий предопределил попытку Льва XIII порвать с традициями.

И в ответ на предложения никейской духовной и светской власти Иннокентий IV заявил готовность устроить компромисс между Ватаци и Балдуином. Если же таковой не состоялся бы вследствие неуступчивости латинского императора, то папа обещал Ватаци «требуемое дополнительное признание его прав (exactum justitiae complementum)» и со своей стороны всяческое содействие к осуществлению его желания. Римская Церковь, прибавил папа, настолько будет защищать дело Ватаци, насколько последний будет ей предан больше, нежели латинский император. Таким образом, папа стал на чисто церковную точку зрения, отказавшись от роли защитника западной культуры и политики на Леванте, от идеи «Новой Франции», потускневшей от недостатка реальных сил.

В вопросе об организации униатской Церкви в самом Константинополе Иннокентий IV также стал на новый путь. В противоположность строгому канонисту Иннокентию III он допускал существование двух самостоятельных национальных патриархатов в одном и том же городе, зависящих непосредственно от Рима. Ватаци получал разрешение немедленно объявить своего патриарха Константинопольским (т. е. папа подтверждал то, что фактически существовало и помимо него). Завладев же древнею столицею, Ватаци мог перевести туда

своего патриарха, причем за латинским оставалось управление латинской паствой и ее приходами. Новые идеи Иннокентия, осуществленные в Антиохии, послужили впоследствии базою для переговоров об унии при Михаиле Палеологе.

И в догматической области Иннокентий IV оказался новатором с широкими взглядами. Он не требовал петь РИкхцае на церковной службе и признал греческий символ, как он был установлен первыми двумя Вселенскими Соборами. Он лишь поставил условием, чтобы греки со своей стороны признавали латинскую веру правою.

На таких условиях могло бы состояться великое дело примирения католической и православной Церквей. Предположен был и созыв Вселенского Собора. Иннокентий IV, покончивший с Гогенштауфенами в Италии, мог также добиться на Востоке более прочного триумфа, чем Иннокентий III. Иннокентий IV менее считался с канонами и свободнее творил новое дело. Преждевременная его смерть (1254) погубила его планы.

В том же году умер и Ватаци; при никейском дворе возобладало, как увидим, иное направление церковной политики. Новый царь Феодор II надеялся взять Константинополь помимо папы и в отношении к курии признавал не подчинение, но равноправие. Лично для себя он требовал прерогативы созывать Собор и утверждать соборные постановления.

За время описанных переговоров с Фридрихом и с папою Иоанн Дука Ватаци упрочил свою власть в Македонии и подавил (1250—1252) опасное движение Комнинов Дук Ангелов, именно Михаила II Эпирского, руководимого слепым Феодором, некогда царем Салоник. Стеснив эпирского деспота и получив от него по Ларисскому договору (см. выше, гл. III с. 421) ряд укрепленных городов, захватив с собою старого подстрекателя Феодора, царь Ватаци выступил весной 1252г. домой. По пути состоялся суд над молодым Михаилом Палеологом, будущим основателем последней царской династии, и обстановка этого политического процесса крайне любопытна для характеристики понятий и нравов эпохи. Вместе с тем она бросает яркий свет на отношения при нимфейском дворе, который представлялся эпирским архиереям в столь мрачных красках, как чуждый радости и свободы. Патриотический интриган Николай Манглавит (или манглавит Николай), тот самый, который уговорил жителей Мельника изменить болгарам, донес Ватаци на своего губернатора Михаила Палеолога, что он жаждет захватить царский престол. Доля правды могла быть в этом доносе. Двадцатисемилетний Михаил был честолюбив и талантлив, очень знатен и богат (первая жена Ватаци, царская дочь, доставившая ему престол, досталась ему вдовою после одного из Палеологов); он был сын наместника Запада; он был любим войском и народом за приветливость и такт. Если бы у него и не было первоначально столь честолюбивых планов, все окружающие — друзья своими советами и враги клеветою при дворе — толкали Михаила на опасный путь. Ватаци и его сын были популярны в народных массах, но ненавистны аристократии. Ватаци знал своих врагов по горькому опыту, и характер его стал подозрительным. Ему легко было внушить, что молодой Палеолог является соперником престолонаследника Феодора, и интрига македонского патриота попала в цель. Михаилу доносчик ставил в вину чрезмерную печаль при известии о смерти его родственника и якобы единомышленника Торника; подслушаны были разговоры между горожанами Мельника, из которых один выразился, что нечего опасаться внутреннего переворота, раз Андроник Палеолог в Солуни, а сын его Михаил у них в Мельнике и раз сестра болгарского царя могла бы выйти замуж за Михаила. Ватаци следствие отложил до возвращения на родину и на пути остановился, велел заковать Михаила, бросить его в тюрьму и снарядил торжественный суд под своим председательством при участии и Акрополита. Передаваемые им подробности рисуют понятия и нравы того времени. Мельникского болтуна допрашивали с пристрастием, но он отрицал всякую вину Михаила; тогда его заставили биться на поединке с донесшим на него собеседником (западные судебные обычаи в никейской армии!); он был сбит

с коня, но опять не оговорил Палеолога; тогда его, раненного, пытали «смертью» и палач занес над ним свой меч, но и в этот момент несчастный остался верен себе; тогда его бросили в тюрьму. Взялись за самого Михаила и предложили ему испытание раскаленным железом, но он заявил, что он не чудотворец и руки у него не мраморные, как у статуи Фидия или Праксителя. Подослали к нему для уговоров митрополита Фоку, «любимого царем не за добродетель, а за бесстыдство», но Михаил Палеолог предложил ему самому, буде он считает такое испытание священным, надеть облачение и раскалить железо в собственных руках, привыкших совершать таинства. Фока на это поспешил ответить, что и он считает испытание железом за варварский и западный обычай, не свойственный римским законам. Палеолог поймал митрополита на слове и заявил, что ему, Палеологу, как ромэю и рожденному от ромэев не подобает таковая пытка. Царь Ватаци ничего таким образом не мог поделать с Палеологом и отвел душу на судьях, обозвав их дубинами. Призвав Михаила, царь сказал ему: «Несчастный, какой ты лишился славы» (так как ранее хотел женить его на своей внучке), приказал патриарху взять с Михаила присягу в верности царю и женил его в конце концов на Феодоре Дукене, внучке севастократора Исаака, царского брата (1253).

Весною 1254 г. Ватаци заболел в Никее и, предчувствуя смерть, приказал везти его в любимый Нимфей и скончался в палатке, которую приказал поставить в дворцовом саду, после 33 лет царствования, на 62-м году от роду. На престол вступил его сын Феодор II Ласкарь, родившийся в день воцарения его отца. Похоронен был Ватаци в построенном им монастыре Спасителя в Сосандрах[53], возле Магнисии[54]. При приближении турок в начале XIV в. тело Ватаци было перенесено в Магнисию по приказанию местного тирана Атталиоты (1307); при осаде этого города турками сложилась легенда о чудесной охране его призраком Ватаци, чтившегося уже за святого жителями; при взятии Магнисии турки сбросили его тело из акрополя в овраг.

Весьма замечательна финансовая политика царя Иоанна Ватаци. Только богатая казна могла дать ему возможность содержать большое наемное войско из латинян и половцев, предпринимать с ними отдаленные походы, оборудовать склады на восточной границе. Только деньги и наемники могли утвердить его самодержавие среди своевольной, могущественной аристократии, опиравшейся на доходы с богатых земель. Следовало привязать духовенство пожертвованиями и народ щедрой благотворительностью на царские деньги, происхождение которых не связано с выколачиванием податей. Царь Иоанн своих политических целей достиг, остался в народной памяти отцом ромэев, и о щедрости его сложились легенды. Во время болезни царицы Ирины золото вывозили из казны мешками на многих мулах, и каждому бедняку дано было якобы по 36 червонцев полноценной монетой, не считая щедрот церквам.

Ватаци понял, что только тем путем, каким добывалось богатство его врагов — властелей, именно организацией доходного хозяйства в громадных размерах, никому другому не доступных, он мог достигнуть своих политических целей. Новое национальное государство должно было получить и новые финансы. Старый бюрократический финансовый строй с его выжиманием последних грошей из населения должен был уступить место отеческому попечению доброго вотчинника-хозяина. Нет, к сожалению, специальной работы о финансах при Ватаци, нет для этого достаточного связного материала, историки сохранили анекдоты, впрочем, характерные. Все-таки видно, что царь Иоанн прежде всего расширил запашки и виноградники настолько, что все расходы на содержание двора и на благотворительность покрывались доходами с царских имений; во главе последних он поставил не знатных чиновников, но знающих дело практиков, вероятно, из своих служащих. Затем Ватаци развел громадные стада коней, быков, овец, свиней и домашней птицы. С продажи яиц он в короткое время собрал столько, что купил царице Ирине корону, усыпанную драгоценнейшими

жемчужинами и камнями, и назвал эту корону «яичной». Развивая свое хозяйство, Ватаци (по словам историка Григоры) побудил и властелей жить доходами с их имений и не притеснять крестьян. Поэтому при этом царе житницы ломились от зерна и скот не вмещался в стойлах.

Конечно, не воля Ватаци, но благоприятные экономические условия, мир и безопасность в стране, столь богатой от природы, каков запад Малой Азии, вызвали нарастание богатств, распашку земель и процветание крупного и крестьянского хозяйства.

Еще менее следует предполагать, что «отец народа» отказался от податей. У нас под руками богатейший сборник документов монастыря Лемвиотиссы под Смирной, относящихся преимущественно к XIII в., и мы видим, что и подати взимаются аккуратно и совершаются точные переписи населения. Но разоряют крестьян чрезвычайные и непредвиденные сборы, а в них Ватаци не нуждался.

Пахимер сохранил ценное известие: отец ромэев настолько предусмотрительно относился ко всему народу, что, считая собственной пронией (поместьем) царской власти все зевгелатии, расположенные возле каждого города и каждой крепости, устроил на них деревни, чтобы доходами натурою и сборами с крестьян прокармливать соседнюю крепость, оставляя доходы и для царского двора. Под зевгелатиями мы понимаем на основании документов не выгоны, но фермы, часто с барскими усадьбами; в данном, однако, случае ясно, что разумеются земли, не бывшие заселенными, на коих царь поселил целые деревни крестьян; доходы с них были столь значительны, что на них можно было содержать соседний гарнизон и частично подкреплять царскую казну, составлялись эти доходы из поступлений натурою с крупного помещичьего хозяйства, зевгелатия, и с оброков поселенных в нем крестьян. Ватаци, таким образом, начал с обращения городских и казенных земель в царские пронии, заселил их крестьянами и завел на них доходное хозяйство, покрывавшее государственные и царские расходы. Римские императоры начиная с Августа и все зиждители самодержавной власти поступали не иначе.

Источники указывают и на другую категорию доходов, одинаково не обременительную для народа: пошлины с ввозимых товаров; и эти «коммеркии» существовали издревле, а Ватаци лишь смог извлечь из них больший доход. Особенно обогатились царь и ромэи, по известию Григоры, во время голода в сельджукском султанате, когда подданные султанов Рума переселялись массами в ромэйскую державу; и среди них было, конечно, много христиан. Приходили столь нужные новые парики, продавались за бесценок, за рабочий скот, дорогие восточные вещи, наполнившие дома подданных Ватаци. За анекдотическою формою этого известия мы видим не только привлечение пришлого населения благодаря расцвету хозяйства, но и переход торговли с внутренними рынками полуострова в руки греческого капитала, для которого Ватаци сумел воспользоваться разгромом сельджуков монголами и заключить выгодные торговые договоры. Таким путем действительно обогащалась его страна. Иное — торговля с Западом: являлись иноземные купцы, рассчитывавшие на крупный барыш, привозили предметы роскоши и увозили деньги в Италию.

Предшественник Ватаци Феодор I Ласкарь из политических соображений заключил (1219) с венецианцами невыгодный договор, по которому венецианские купцы могли торговать в его владениях чем угодно безданно и беспошлинно, причем царская власть гарантировала сохранность имуществ умерших в Никейском царстве венецианцев; никейские же купцы не пользовались этими правами в латинском Константинополе. Ватаци же, столь заботившийся о флоте и о своем влиянии в Архипелаге, по-видимому, круто начал охранительную таможенную политику, граничившую с запрещением ввоза мануфактур.

«Так как царь увидел, — сообщает Никифор Григора, — что ромэйское богатство всуе расточается на иноземные одежды, которые изготовляются из шелка вавилонскими и ассирийскими (т. е. персидскими и арабскими) мастерскими и которые искусно ткутся

итальянскими руками, то он издал постановление, чтобы никто из его подданных не употреблял таковых, если не желает, кто бы он ни был, чтобы он сам и его род подвергся лишению гражданских прав ("бесчестью"), но употреблять всем лишь то, что производит ромэйская земля и что вырабатывают ромэйские руки».

Если знатные люди желают отличаться по одежде от незнатных, то следует довольствоваться им туземными произведениями промышленности, и таким образом, прибавляет Григора, богатство оставалось внутри страны, переходя лишь из одного дома в другой. Известно, что Ватаци, встретив своего наследника в пышной одежде, сделал ему суровый выговор; вероятно, он увидел итальянскую парчу. Впрочем, из известий Григоры не видно, чтобы были отменены торговые договоры, но мы имеем дело с актом внутренней политики, с запрещением подданным покупать иностранную мануфактуру. Экономические последствия запретительных мер Ватаци неизвестны, но во всяком случае итальянские купцы продолжали ездить в его владения хотя бы для покупки греческих товаров; известен случай — правда, несколько позже смерти Ватаци — ареста купцов из Лукки, привезших с собою много денег.

Результаты долгого и счастливого правления Ватаци громадны. То, что он унаследовал от Феодора Ласкаря, было сильно в идее и скорее слабо в действительности. Будучи вполне реальным политиком и неуклонно, хотя и осторожно, идя по верному пути укрепления национального греческого, вместе с тем самодержавного и народолюбивого царства, Ватаци положил конец Салоникскому греческому государству, смирил эпирского деспота, собрал большинство греческих земель, притом наиболее богатых, под свою державу, вконец обессилил Латинскую империю и вполне подготовил восстановление Греческой империи в Константинополе. Скорее случайность, что он не овладел древней столицей. Сил у него было достаточно и не менее, чем у Михаила Палеолога, которому приходилось на первых порах бороться с сильной партией Ласкаридов. Внутри своего царства Ватаци справился с аристократией, и его воля была законом во всех делах, кроме вероисповедных. Народ встретил в нем отца и защитника. Он умел выбирать средства, выжидать или не медлить, смотря по обстоятельствам. Цель у него была одна: держать царское имя грозно и честно по старине, а для того восстановить древнюю Ромэйскую державу в ее исконной столице. Для достижения этой цели он не только провел в походах свое долгое правление, содержал большую армию с наемной латинской и тюркской конницей, превосходящую в открытом поле силы каждого из соседей, строил, притом неоднократно, многочисленный флот, но и готов был идти на серьезные уступки папе, Греческой Церкви в делах личной жизни (инцидент с маркезиной) и в управлении поступался интересами своей казны, заставляя все-таки никейский синод служить его политическим целям. В начале правления на него влияла энергичная царица Ирина, дочь Феодора Ласкаря, доставившая своему мужу права на престол и создавшая ему строгий и просвещенный двор. Характерно для влияния царского рода Ласкаридов, что сын Ватаци назвался по вступлении на престол не Дукою Ватаци, но, по матери, Феодором II Ласкарем и вернул ко двору ее родню, бывшую при Ватаци в опале. Характер царя Иоанна был не без слабостей. Он был доступен лести, женским чарам, подозрителен и жесток с аристократами. При нем последние жили в страхе, хотя Ватаци назначал их на главные посты при дворе, в армии и управлении, не выдвигая незнатных демонстративно, как делал его преемник.

Когда и по какому поводу Ватаци покинул Никею, «город с широкими, полными народа улицами и повсюду хорошо укрепленный» (Влеммид), в точности неизвестно; но его резиденцией стал Нимфей, недалеко от Смирны, и причины переезда были, бесспорно, политические. Тесно было самодержавному царю Иоанну в старом большом городе с влиятельными архонтами и богатыми горожанами, и Никея не подходила для того, чтобы

устраивать царство, как хотел Ватаци. И личная подозрительность, воспитанная заговорами Ласкаридов и аристократии, манила его в Нимфей, большую усадьбу, где все вокруг питалось от царских щедрот. Там у него был дворец среди садов, сохранившийся в развалинах; Влеммид упоминает и богадельню; конечно, были также дома придворных и казармы для войска. Свою богатейшую казну, тратившуюся на государственные надобности, Вагаци хранил в близкой к Нимфею Магнисии, которая им была сильно укреплена, и возле Магнисии был им же построен любимый монастырь Спасителя в Сосандрах, где царь был похоронен, как упомянуто выше.

В этом районе, по Меандру, сложилась легенда о милостивом царе Иоанне. В Магнисии чтили его как святого, тогда как в Никее, по-видимому, этого не случилось, и в Константинополе Палеологи гнали воспоминания о Ласкаридах. Новогреческое житие и византийское (XIV в.) передают простонародную местную легенду, чем и объясняются их исторические неточности. Характерно, что на осторожного Ватаци перенесены некоторые подвиги первого Ласкаря, жизнь которого была несравненно более драматичной и подходящей для народной легенды.

Сыну своему Ватаци дал самое широкое и философское образование под руководством Акрополита и лучших учителей. Вместе с тем он рано посвятил своего наследника в государственные дела, вверяя ему на время своих продолжительных походов на Запад управление государством при содействии доверенных советников. От природы Феодор получил блестящие способности, вкус к наукам привился легко, но развился он слишком рано, характер его с юности был надменный, насмешливый, увлекающийся и неуравновешенный. То в нем наблюдалась любовь к пышности, которую приходилось останавливать его отцу, то подвергался он неудержной, черной меланхолии, напр., по смерти юной супруги Феодор не мылся, не стригся долгое время, его приходилось уговаривать знать меру и в скорби. В этой богатой натуре развилось преувеличенное понятие о царской власти под впечатлением славы и богатства его отца Ватаци, под влиянием приставленных к нему незнатных сверстников вроде Музалона, под влиянием почерпнутых из книг идеальных представлений об ответственности и обязанностях монарха. О себе Феодор был высокого мнения и осуждал придворных иногда весьма грубо, между прочим собственных учителей. Когда Феодор получил полноту власти на престоле, недостаток сдержанности перешел в проявления деспотизма, в бешеные вспышки гнева. Или его организм был подорван ранним развитием, или был какой-либо наследственный недуг — у молодого монарха открылась тяжкая болезнь и преждевременно свела его в могилу. Несмотря на свои положительные, блестящие качества — неутомимость, энергию, работоспособность, преданность царственному долгу, на обаятельный ум и образование, Феодор II сумел возбудить к себе ненависть даже в своем воспитателе Акрополите, верном и умном слуге никейских государей.

«У всех ромэев, — пишет Акрополит в своей истории, — особенно в армии и при дворе, явилась надежда получить много благ от нового царя; и если кто-либо был обижен его отцом или был лишен капитала и имений, тот надеялся избавиться от своих бедствий. Все таким образом надеялись. Ведь молодость нового царя, его приятность и вежливость в обращении, умение поддерживать веселую беседу вызывали подобные мечты; но все это оказалось личиной и обманом. Тот, кто надеялся, своего не получил, и, по пословице, вместо сокровищ оказались угли. Он стал так обращаться с подданными и подвластными, что все прославляли его царственного отца; и если кто потерпел от последнего, теперь предпочел бы умереть ранее его кончины».

Эта характеристика сгущает краски, исходя от представителя партии старых вельмож, заслоненных при Феодоре незнатными Музалонами. Отклики отрицательных суждений о Феодоре наблюдаются у историков, писавших при Палеологах. Блестящие успехи Феодора

считались подготовленными правлением его отца, ошибки же и потери относились всецело за счет сына. Феодор знал, что он окружен врагами, о собственных знатных генералах отзывался как об изменниках, представлял себе положение мрачнее, чем на самом деле было, и тем его более портил. Наследство сыну-ребенку он оставил плохое.

После торжественных похорон царя Иоанна в Сосандрах Феодор II был поднят знатью и духовенством на щит, по древнему обычаю. Отправившись в Никею, он занялся избранием патриарха на место умершего Мануила; затем новый патриарх должен был короновать нового царя. Собралось до 40 архиереев, и просили в патриархи ученого Влеммида, который, однако, был неприятен двору за свою самостоятельность. Царь Иоанн Ватаци уже раз отклонил его кандидатуру, заявив открыто, что Влеммид не будет слушаться царя, у которого могут быть не те виды, что у Церкви. Новый царь Феодор не решился выступить открыто против Влеммида, даже уговаривал его, обещая всякие почести, но Влеммид сам наотрез отказался, зная вспыльчивость и настойчивость молодого царя. Уговоры окончились размолвкою, и Влеммид уехал из Никеи в свой монастырь. Так рассказывает дело сам Влеммид, но по Анониму Сафы против Влеммида была сильная партия среди архиереев. Далее царь предложил избрать патриарха жребием. Провозглашая имя кандидата, открывали Евангелие наугад и читали первые слова страницы. Одному попались слова «им не удается», другому — «потонули», сосандрскому игумену вышло даже «осел и цыпленок». Наконец Арсению Авториану посчастливилось: при его имени было прочтено «он и его ученики», и он был избран. Монах Арсений, из родовитой чиновничьей семьи, уже встречался нам в составе духовной миссии, посланной царем Ватаци к папе. Это был человек новый, с сильным характером, искренне преданный царствующему дому, и его избрание было неприятно старым деятелям вроде Влеммида и Акрополита. На Рождество 1254 г. патриарх Арсений торжественно венчал Феодора II императором ромэев.

Вскоре новый царь выступил в поход против болгарского царя Михаила, захватившего Северную Македонию и Западную Фракию, кроме Сереса и двух других крепостей. Феодор созвал военный совет; его дядья по матери, Михаил и Мануил Ласкари, братья Феодора I, возвращенные племянником из ссылки, стали во главе старых деятелей, советовавших отложить поход; а незнатный царский сверстник Музалон советовал поспешить; царь принял его мнение и оставил Музалона регентом. Ему он одному доверял. Быстрый поход Феодора увенчался успехом; болгарский авангард за Адрианополем был разбит наголову, болгарский царь бежал. Взяв Старую Загору (Веррию), Феодор с большой добычей вернулся в Адрианополь и не преминул расхвалить в письме к Влеммиду успех «эллинской доблести». Охридский округ и Родопы, кроме крепости Чепены, были завоеваны греками. Но в армии Феодора очевидно были нелады. Два полководца — Стратигопул и Торник (из родни Михаила Палеолога) — бежали с поля битвы и отказались выступить вторично. Царь был вне себя и в письмах к друзьям обвинял своих полководцев в измене.

«Говорят потихоньку, — писал он, — что в государстве будет возмущение, и уверяют, что уже начались беспорядки. А мы вынуждены идти на Филиппополь и испытывать столько тягот и бессонных ночей... Ослушание этих преступников погубило наше войско и позволило собакам-болгарам опустошать нашу страну. Поэтому мы смотрим на настоящие события как на начало наших бедствий. Оставить западные области означало бы погубить все».

Вслед за бегством Стратигопула и Торника восстало болгарское население крепости Мельника в Родопах и захватило греческий гарнизон. Феодор выказал недюжинную энергию и усиленными переходами в десять дней привел свою армию из Адрианополя в Серее. В Ропельском дефиле на Струме он разбил болгар в ночной атаке, причем погиб Драгота, бывший начальник Мельника, передавшийся болгарам. Феодор перешел в Македонию, взял Водену,

Белее, Прилеп. На возвратном пути в Родопы греческая армия терпела лишения и потери среди безводных скал. Царь Феодор показал себя полководцем решительным и упорным в преследовании своих целей. Только крепость Целина, или Чепена, в Родопах оставалась в болгарских руках. Эта крепость у Книшавы в западных Родопах, среди гор и трясин, господствовала над долиною нынешнего Татар-Пазарджика и над путями из Софии и Филиппополя в Македонию через Вельбужд (ныне Кюстандиль)[55]. Выступив против нее зимою, Феодор едва не погубил свое войско среди снежной равнины. Его военачальники греки, а также вожди наемных латинян и половцев советовали вернуться в Адрианополь, но царь настоял на походе к крепости Стенимаху, поближе к Чепене. Из Стенимаха он еще раз пошел на Чепену и опять едва не погубил войско в снежных горах и дремучих лесах. Тогда только он уехал в Малую Азию. Из осторожности или по недоверию к своим полководцам из архонтов Феодор запретил в свое отсутствие вступать в бой с болгарами.

На родине Феодор немедленно стал систематически замещать аристократов людьми незнатными; «знатным, — говорил он, — довольно их славы и знатности. Слуги должны быть послушными и верными; они должны любить лишь своего господина». Как будто собачья преданность полезнее патриотизма самостоятельных людей.

И Феодор II действовал круто. Высшую придворную должность протовестиария он отнял у знатного Рауля и вручил своему незнатному другу детства Георгию Музалону в награду за успешное регентство в отсутствие царя. Феодор осыпал Музалона почестями и женил его на Кантакузине, племяннице Палеолога. Братьев Георгия Музалона он также выдвинул на первые места. Аристократия роптала, и Акрополит отозвался о новых сановниках как о «людишках, не стоящих и трех оболов», как о лжецах и плясунах, воспитанных в играх и песнях. И самого почтенного Акрополита царь заставил участвовать в царских развлечениях против воли и даже дал ему какую-то новую кличку.

Власть должна опираться на деньги. Феодор забыл прежнее философское презрение к деньгам.

«Все удивляются, — писал он Музалону, — как я переменился. Тебе это не смешно? В философии я более не нахожу ни очарования, ни даже интереса. Прелесть лишь в богатстве, блеск лишь в золоте и драгоценных камнях».

Строгий Влеммид не преминул упрекнуть царя в корыстолюбии и равнодушии к беднякам. Феодор ответил замечательным письмом об идеалах царя. Удел царя, писал он, защищать от врагов, а для мудрых царей изряднейшим и честнейшим уделом является истина, рассудительность и справедливость. Ты для нас самый искренний (друг), а через нас и для империи; правда, было, было время, когда последнее не имело места. Затем царь начинает свою апологию, убийственную для его хулителей. Нужно выбирать, пишет он, между интересами государства и разумной справедливостью, с одной стороны, и мотивами человеколюбия — с другой; если отнять у людей суд, что станет с государственным управлением? Ты настаиваешь, чтобы царская справедливость уступала неразумным обладателям власти, дарованной им разумно моим родителем. Деятельность его имела целью истинное познание интересов родины и справедливый суд в отношении к подданным. Посмотри на страну тривалов (Сербию), на область Эпидамна (Эпир), на Триполис (сирийский), Родос и Карави (Пафлагонию), измерь расстояния и изучи соседей, припомни, каковы были битвы, козни, столкновения. Нужно ли держать столько войск или нет? Если нужно, то дай суммы на наем и содержание флота и на жалованье войскам, раз ты признаешь, что нельзя их брать со страны, ради которой ведется борьба. Золота, драгоценностей, серебра у нас незаметное количество в совокупности; и если ими покрывать военные расходы, то скоро ничего не останется; и, введя дурной обычай в страну, станешь взыскивать от одной потребности до другой, да и не получать, и ущерб будет

велик. Как же нам поступать? Смотреть молча, как обессиливаются силы государства? А станем мы говорить, будем осуждены мудрецами (вроде тебя). Разве на излишние расходы требуем мы золота? Тратим ли его на охоту, на пиры, на неумеренные попойки, на беспутную невоздержность или на ненавистные новшества? Какая существует для нас забава или высшее занятие? Мы во цвете лет состарились душою. На восходе солнца, проснувшись, мы посвящаем свои заботы солдатам, а когда солнце поднимется — более высокому делу, приему послов; далее мы делаем смотр войскам, в полдень — рассмотрение текущих дел (по гражданскому управлению), и мы едем на лошади разбирать тяжбы лиц, не имеющих доступа внутрь дворцовых ворот. Когда солнце склоняется к закату, я исполняю решения склоненных предо мною (утверждаю представленные приговоры), на закате же, так как душа связана с материей, должен я естественно вкусить пищи и тогда не переставая говорить о нашем уделе; а когда солнце уйдет за берега океана, мы печемся о делах, касающихся походов и снаряжения. Что праздное мы делаем? За что бранят нас? Мы бодрствуем и благодарим Бога, поставившего нас не по заслугам опекать многих. Вражья сила бушует, и народы ополчаются на нас. А кто нам поможет? Перс (иконийский султан) как поможет эллину? Итальянец особенно неистовствует, болгарин тоже самым очевидным образом, а серб угнетается и унывает, он то наш, то нет. Только эллинский народ сам себе поможет, обходясь собственными средствами. Решимся ли мы урезать войско или средства на его содержание? В обоих случаях мы лишь поможем врагам. Это вот истинная правда. Царь рассыпается в красноречивых уверениях о своей преданности интересам Церкви и своему царственному долгу.

И Феодор был прав. Покоя от врагов и ему не было. В ту же весну 1256 г. ему пришлось выступить против болгар. Михаил Асень с половцами вторгся во Фракию и опустошил ее до Димотики. Оставленные Феодором знатные начальники, Мануил Ласкарь и Маргарит, вопреки царскому запрещению выступили против половецкой конницы и были наголову разбиты; Ласкарь ускакал, прочие архонты попали в плен. Узнав о том, Феодор в один день прошел с войском 400 стадий и прибыл к Болгарофигу (Баба-Эски). Болгары бежали при его приближении; часть их под Визою была рассеяна и перебита. Михаил Асень решил просить мира и подослал для переговоров «русса Ура» (Акрополит), или «князя руссов» (письмо царя Феодора). Этот греческими историками не названный по имени русский князь, как теперь разъяснено, не есть Урош Венгерский, ни сербский король Урош, но действительно русский князь Ростислав, сын св. Михаила Всеволодовича Черниговского; в молодости он воевал из-за Галича, затем женился на дочери венгерского короля и управлял с титулом бана Славонией и дунайской областью Мачвой, включавшей в себя область Белграда и Северную Боснию. Ростислав выдал свою дочь за болгарского царя Михаила Асеня (а другую — за чешского короля Перемысла II Оттокара) и стал играть большую самостоятельную роль в болгарских делах[56]. Переговоры князя Ростислава с греками закончились уступкою Феодору не только всех земель, только что захваченных сыном Иоанна Асеня II, но и Чепены, которую греки никак не могли взять. Царь Феодор был восхищен своим успехом, оповестил о нем своих подданных в восторженных выражениях как о новом подвиге эллинской доблести и даже подарил Ростиславу 20 000 подарков: коней, кусков материи и т. п. Но через месяц царю донесли, будто бы Михаил Асень отказался признать договор, заключенный от его имени Ростиславом и скрепленный взаимною присягою сторон. Такое известие вывело царя Феодора из себя; его раздражение обрушилось на редактировавшего договор Акрополита; последний к тому же часто критиковал царские распоряжения и враждебно относился к временщику Музалону. Теперь, придравшись к насмешливому ответу Акрополита на царские упреки, Феодор приказал избить палками в своем присутствии этого заслуженного советника, друга царской семьи и бывшего своего воспитателя. Эту сцену рассказал потомству сам Акрополит во всех ее возмутительных подробностях. Скоро,

впрочем, царь раскаялся, посылал неоднократно за Акрополитом, не выходившим несколько недель из своей палатки, где он проводил время за чтением. Феодор был рад, когда Акрополит наконец явился, и указал ему прежнее место рядом с собою. Акрополит пострадал не только лично за себя, но и как представитель оппозиции режиму сына Ватаци. Каждый поход оставляет в душе Феодора горькое чувство к знатным и старым советникам и начальникам. Нервное настроение царя, переутомленного и неуравновешенного, росло и сказывалось признаками надвигавшейся болезни. Пока Феодор шел от успеха к успеху. На пути в Салоники он встретил жену и сына эпирского деспота Михаила, посланных, чтобы свадьбой завершить давнишнюю помолвку этого наследника Эпирского царства с дочерью Феодора. Михаил боялся силы никейского царя, и Феодор этим воспользовался беззастенчивым образом: он задержал жениха и его мать и вынудил у деспота уступку Сервии (ныне Серфидже) и даже Диррахия (Дураццо, Драча), столь важного для западных греков. Тогда лишь молодой деспот Никифор и царевна Мария были повенчаны в Салониках патриархом Арсением.

Феодор был наверху своей славы. После мира с болгарами кто мог ему угрожать? С константинопольскими латинянами бывали стычки на вифинском рубеже; в руки греков попадали знатные пленные, о которых хлопотали папские легаты по жалобе константинопольского латинского патриарха Джустиниани. Но много латинян служило грекам. В войске Феодора было, вероятно, не менее латинян, чем под знаменами Балдуина II. Папа Александр IV, преемник Иннокентия IV, давшего новое направление папской политике курии на Востоке, потребовал от латинян прекратить междоусобия: положение империи Балдуина было отчаянное, и сам папа был поглощен борьбою с Гогенштауфенами в Южной Италии. Папа даже был вынужден для спасения латинского дела на Востоке повторить примирительные предложения никейскому двору, несмотря на недавний отказ Феодора на подобные предложения со стороны Иннокентия IV. В 1256 г. в Никею был отправлен епископ г. Чивитавеккии. Ему была дана инструкция не сразу соглашаться на все уступки Иннокентия, но попытаться достигнуть лучших условий для курии. Однако папский посол так и не увидел Никеи. В македонском городе Веррии его встретили посланные Феодора с отказом царя от переговоров даже на почве предложений Иннокентия. Акрополиту было поручено даже не пропускать папского посла далее, но, кажется, последний все-таки повидал царя в Салониках. Феодор вовсе не считал нужным вести с курией политические переговоры. Ни о каком подчинении Риму он не хотел и слышать, и в противоположность своему отцу он считал переговоры с папой чисто церковным делом. Он писал папе и кардиналам, что соединение Церквей могло быть достигнуто лишь на почве взаимных уступок латинской и Греческой Церквей, путем устранения крайностей в их взаимных разногласиях и возвышенного, искреннего стремления выяснить церковную истину. Притом Феодор Ласкарь требовал для себя, по примеру римских императоров, права созвать церковный Собор, председательствовать на нем и иметь решающее слово относительно церковных разногласий. Этот взгляд он высказал в послании к епископу Котроны (в Южной Италии) об исхождении Св. Духа. Положительно никейский царь сознавал себя равноправным Юстиниану. Его отец Иоанн Ватаци готов был отказаться от таких устарелых претензий ради Константинополя и реальных политических выгод; сын же был уверен, что возьмет древнюю столицу и без папской помощи, силою победоносного эллинского оружия. Сверх того Феодор имел столь высокое представление о царской власти, унаследованной им от отца, что ему и в голову не приходило поступиться в пользу папы царскими исконными прерогативами, освященными прошлым; и Феодор чувствовал себя главою эллинизма, о чем напоминал при всяком удобном случае; православие для него было национально.

При таком принципиальном противоречии римской католической доктрине переговоры

между Феодором и папой не имели никакой надежды на успех, тем более что папа Александр не был таким выдающимся политиком, как его предшественник. Лишь смерть Феодора могла очистить почву для дальнейших сношений курии с греческой империей.

В Салониках царь Феодор сознавал себя вершителем судеб всего эллинизма и даже его ближайших соседей. Счел ли он момент удобным, чтобы расправиться с внутренними врагами, с ненавистной знатью, героем которой являлся Михаил Палеолог? Последний в сане великого контоставла (конюшего) командовал войсками на Вифинском рубеже. И вот он получил известие, конечно, от своих сторонников или родных при дворе, что царь собирается его ослепить. Михаил был человеком решительным и немедленно спасся бегством к сельджукам.

Шаг этот был смел лишь в отношении опасностей в пути, но Михаил играл почти наверняка по отношению к царю. Михаил бросил ему вызов со стороны партии знатных архонтов. Акрополит, по-видимому, знал о бегстве Палеолога независимо от царя. За Михаилом стояли враги личного режима царя и его временщиков Музалонов. Царь Феодор тотчас же почувствовал всю тяжесть этого удара. Между ним и Акрополитом произошел любопытный разговор. «Знал ты о том, что случилось?» — спросил царь. Акрополит, конечно, отрицал. «Как твое мнение, пойдет ли великий контоставл с мусульманами на наши земли?» — «Никак этого не ожидаю от него, — ответил Акрополит, — я знаю образ мыслей этого мужа и его любовь к ромэям». — «Зачем тогда он убежал от наших?» — «Потому что ты, царь, не однажды и не дважды, а тысячи раз угрожал ему и гневался и в присутствии многих говорил, что пошлешь ослепить его; он о том услышал, испугался и спасся от казни бегством». — «А почему, — возразил царь в духе Платонова диалога «Критон», — почему Михаил не остался верным своим, даже если бы ему пришлось претерпеть, предпочтя несчастье со своими счастью на чужбине?» — «Не свойственно человеческой душе, — ответил Акрополит, — терпеть беды и несчастья. Некоторые, может быть, были бы в состоянии, кто покрепче и равнодушнее к жизни; но бояться за свою жизнь и ожидать увечья важнейших частей тела никто не выдержит и всякий убежит от беды, как может». Собеседники замолкли. Затем Акрополит уверил царя, что Палеолог лишь заручится посредничеством султана и вернется под гарантией безопасности, т. е. поступит по обычаю, как делали в подобных случаях не только архонты, но и члены дома Комнинов.

В этом разговоре столкнулись две точки зрения. Феодор воплощал в себе новую идею национального государства, которому принадлежала личность подданного вполне; Акрополит же развивал идеи архонтов, отстаивавших свою личность и интересы, не отступая перед иностранным вмешательством. Феодор хотя и ссылался на Платона, но перерос свою среду; Акрополит же был представителем этой знатной среды, властелей, вскорости погубивших и Византию и христианские Балканы. За властелями была сила социальных условий и крупной собственности, укрепленная западными феодальными взглядами, они сознавали себя здравыми реалистами в политике, но лишь национальное государство на новых началах могло спасти эллинизм при встрече с военной, теократической и вместе с тем глубоко народной организацией турок. Между царем Феодором и его старым воспитателем Акрополитом лежала целая пропасть, и дело царя, судьбы народной династии Ласкаридов и тогда уже были безнадежными.

Палеолог чувствовал за собою почву и силу настолько, что, убегая, разослал начальникам крепостей приказ охранять порученное им государственное достояние и подписался даже званием великого контоставла. Ограбленный в дороге турками, он был с честью принят иконийским султаном Рукн ад-дином Кылыч-Арсланом IV (1257 — 1267) и назначен начальником христианского отряда на службе у сельджуков. Михаил даже ставил свои условия, соглашался воевать лишь с татарами.

В это время в Передней Азии совершились события мировой важности, отразившиеся на

судьбах сельджукского (Рум) султаната и косвенно на политике Никейского царства. Младший брат великого хана Менгу, Хулагу, получил для завоевания мусульманский Запад. Проект этот зародился в китайских и христианских (несторианских) кругах двора наследников Чингис-хана, но был усвоен как национальная программа турецким элементом Туркестана. Между китайскими и монгольскими владениями Менгу и Хубилая, с одной стороны, и проектированным царством Хулагу в еретической Персии, Сирии и на землях издавна отделившихся сельджуков они, чистые турки от Ферганы до Волги, рассчитывали основать национальное великое государство на развалинах державы ханов Хорезма; и вместе с тем эти националисты Туркестана желали преобразовать Закон (Ясак) Чингис-хана на правоверных мусульманских началах, на шариате. Эту программу имел и великий Тимур в следующем, XIV столетии. Предлогом для похода Хулагу была избрана карательная экспедиция против сектантов исмаилитов-ассасинов, утвердившихся в Сев. Персии, в районе Казвина.

В 1250 г. великий хан приказал по всей монгольской армии отрядить от каждого десятка по два воина для экспедиции Хулагу; из Китая была вызвана тысяча специалистов по управлению осадными машинами, метанию горящей нефти и стрельбе из арбалетов; воинов сопровождали их семейства, и последним выдавался паек; загодя чинились мосты, расчищались дороги, готовился фураж и провиант по 1000 фунтов муки и по меху вина на воина.

Менгу наказывал своему брату Хулагу: «Ты подчинишь обычаям и Ясаку Чингис-хана Иран и страны до конца Египта и будешь спрашивать совета у твоей жены Докуз-хатун». А она была внучка «священника Иоанна», покровительница несторианского элемента в монгольской державе; благодаря ейежедневно строились церкви во владениях внуков Чингис-хана, у ворот ее «орду» была церковь и звонили в колокола (Рашид ад-дин). Главный генерал войска Хулагу был христианин Кит Бука. Неудивительно поэтому, что при отправлении полчищ Хулагу послы великого хана прибыли к христианнейшему французскому королю Людовику Святому, находившемуся тогда на Кипре. Повелитель Азии предлагал королю-крестоносцу разделить всю вселенную, предоставляя Франции Иерусалим и Сирию. Людовик не понял важности момента и вместо решительного согласия послал великому хану в Каракорум походную церковь с причтом и монаха Рубруквиса для переговоров. Рубруквис, блестящий писатель, оказался плохим дипломатом, он затерялся в толпе послов и государей, наполнявшей ханский двор, и ничего не устроил. Людовику пришлось скоро раскаяться в том, что он не дал Менгу должного ответа: он получил письмо, где великий хан трактовал его уже как вассала. Людовик упустил момент и спас ислам на Переднем Востоке от верной гибели.

Спасаясь от наступающих монголов Хулагу, турецкие мусульмане, остатки полков Джелал ад-дина, шаха Хоресма (Хивы), и кыпчакские татары бежали в Египет. Эти фанатические воины дали перевес мусульманскому оружию и скоро разбили французских крестоносцев в Египте; Жоанвиль описывает их знамена китайского образца с кружевами и копья с конскими хвостами, казавшимися французам головами дьяволов.

Непобедимым потоком обрушились полчища Хулагу на Персию, раздавив еретиков-ассасинов, далее на Месопотамию, Сирию, все сокрушая на своем пути. В 1258 г. (по другим 1260) сдался знаменитый Багдад и последний калиф Мустасим с детьми и всем духовенством вышел навстречу Хулагу. Изнеженные багдадские горожане бросали оружие и выходили за ворота, где монголы резали их беспощадно. Калифу было указано жить рядом с несторианскими попами и буддистскими ламами; скоро и его зарезали вместе со всем родом Аббасидов, кроме юного Мубаррека. Затем монголы нахлынули в Сирию (куда до него проник и Бачу, дошедший до Урфи и Шама, или Дамаска, но монголы Бачу не стерпели жары), взяли Алеппо и Дамаск; и здесь, в стране мусульман-фанатиков, монгольская ханша Докуз-хатун начала строить христианские церкви. Но через два года благодаря близорукости латинян подняла голову

мусульманская реакция. Египетские мамлюки, выходцы из Хоресма и Кыпчака, перешли в наступление. Под начальством кыпчакского тюрка Бейбарса они разбили монгола-христианина Кит Бука в Палестине (1260), разбили сыновей армянского царя славного Хетума, или Хайтона (1266), уже по смерти хана Хулагу (1265); изгнали латинян из последнего их убежища — приморской Акры (1291). Еще важнее было обращение египетскими проповедниками сына Батыя в мусульманство. С этой стороны, от Кыпчака и Сирии, началось разложение державы Чингис-хана: изгнанные из Сирии персидские монголы ополчились на мусульманскую Золотую Орду.

Одновременно несторианство за Каспийским морем быстро пришло в упадок, держалось кое-где в городах. И в армии монголов не видно было более христиан. Хотя Монгольская Церковь официально была представлена на Лионском Соборе 1272 г. и в 1287 г. уйгурский монах Раббан Саума прибыл в Париж; хотя католическая миссия работала планомерно в Китае с половины XIII в. и основала Пекинскую архиепископию с рядом викарных епархий, тем не менее можно сказать, что само католичество нанесло несторианству последний удар своей непримиримостью. Византия, теперь уже слабая, стояла вновь лицом к лицу с массой мусульманства, настроенного агрессивно, как во времена арабских завоевателей.

Турки-сельджуки, давнишние отщепенцы от массы турецко-татарских родичей, в сильной степени подверглись влиянию греческого мира. Несмотря на то что их образованность, податная система, искусство (постройки Ала ад-дина) оставались персидскими, их армия, двор их султанов, политика в значительной степени утратили прежнюю самобытность. После же монгольского завоевания при Бачу (см. гл. ср. с. 482) двор управлялся монгольскими наместниками, ставившими малолетних ханов, податная система и государственное хозяйство стали монгольскими, они зависели даже от отдаленного Каракорума, и монгольское национальное войско заменило пеструю армию времен Гиас ад-дина с ее французскими полками, но, впрочем, не сразу. При Ласкаридах султаны Рума опирались и на христианские полки. Но последние султаны, среди которых были люди энергичные, пытались получить помощь из Крыма; но их старание поддержать единство распадавшегося государства было безнадежно, и они были в сущности наместниками ханов монголов персидских; один из них, Масуд, получил в управление Сивас, Эрзинджан и Эрзерум. На пороге XIV в. султанат Рум прекратил свое существование и по имени. Но и господство монголов не было прочно в столь отдаленной окраине. Быстро на развалинах Иконийского султаната возникли молодые местные династии. Выделилась нынешняя Восточная Анатолия (Эрзинджан, Эрзерум, Кайсарие, Сивас, Нигде и др.), где в XIV — XV вв. были свои династии; в западной Малой Азии появился еще в XIII в. ряд вассальных, часто лишь номинально, государств, названных по имени владетельных домов, отчасти сохранившихся поныне: Караси (Мизия), Айдин (Лидия), Ментеше (Кария), Караман (Ликаония) и др.

Возвращаясь от этой общей картины к времени Феодора, отношения между Никеей и Конией определялись общим страхом перед монголами. Когда султан Кейхозрев еще при царе Иоанне Ватаци был задушен своими эмирами, сыновья его Рукн ад-дин Кылыч-Арслан и Изз ад-дин Кейкавус своими междоусобиями только усилили зависимость от монголов, оба были вызваны ко двору Хулагу и получили из рук хана: Рукн ад-дин — восточную половину, а Изз ад-дин — западную с Конией; имел удел и третий брат (Кейкубад), чеканивший свое имя на монетах. Вместе с ними приехал в Рум и ханский наместник для всего султаната Сулейман Перванэ. Получается знакомая нам картина: уделы по ханскому ярлыку и татарский наместник, общий для всех. Изз ад-дин Кейкавус желал восстановить единовластие, и, когда хан потребовал его к ответу, он предварительно засадил Рукн ад-дина в крепость. Татары не замедлили показать Изз ад-дину свою силу, и, спасаясь от них, Изз ад-дин приехал к Феодору Ласкарю в Сарды,

прося помощи. Никейский царь был связан договором, заключенным с султаном еще при царе Ватаци, и Феодор подтвердил этот договор при воцарении. Он и теперь дал Изз ад-дину помощь, но лишь в виде небольшого конвоя, всего 400 всадников, и отказался вмешаться в дела султана, опасаясь татар. Мало того, когда Изз ад-дин подарил ему старые греческие города Лаодикею и Хоны с соседними крепостями, то Феодор поспешил вернуть их Изз ад-дину, поняв, насколько этот дар опасен ввиду претензий татар на территорию завоеванного ими султаната.

И Феодору удалось уберечь свое царство от татар. Сделал он это не только укреплением границ по примеру отца, где у него был ряд крепостей, богато снабженных провиантом и оружием, не только воздержанием от всякого вмешательства в дела иконийского султана и в политику государств Передней Азии, но и поддерживая с монголами дружественные сношения, причем не отступал перед традиционными хитростями византийского двора. Когда монголы прислали к нему посольство, Феодор велел встретить их на границе, везти во что бы то ни стало по самым трудным дорогам и горным тропам, недоступным для войска, и принял послов в виду собранных полков, закованных в латы, в присутствии богато разодетых придворных, проходивших перед татарами по несколько раз, чтобы их казалось побольше; сам Феодор сидел на высоком троне, осыпанном драгоценными камнями, держал в руке меч, и по бокам стояли вооруженные великаны; послов не подпустили близко, и Феодор промолвил суровым голосом лишь несколько слов.

После свидания Феодора с султаном в Сардах проживавший у сельджуков Михаил Палеолог возвратился в Вифинию, получив от царя письменное обещание безопасности, и был восстановлен в прежних должностях. Со своей стороны он дал торжественную присягу в верности царю и его потомству. Михаил был силой, с которою надлежало считаться царю. Его спешили убрать, послать на Запад. Как раз было получено известие о вторжении в Македонию эпирского деспота (см. гл. 3 отд. VIII). Царь дал Палеологу незначительный отряд плохого войска и послал его на Запад в качестве ответственного главнокомандующего, поручив ему, однако, действовать в согласии с главою никейского духовенства на Западе епископом Диррахия (Драча), из рода верных Никее евбейских архонтов Халкуци.

Палеолог и в неблагоприятных условиях показал себя. Ему пришлось бороться не только с Михаилом Эпирским и Урошем Сербским, но и с неспособностью царских воевод. Один из них, скутерий Кавлей, был разбит сербами наголову под Прилепом; но сам Палеолог разбил отборный передовой полк эпирцев, причем был убит командовавший полком сын деспота. Тем не менее дело никейцев казалось проигранным. Деспот взял сильно укрепленный Прилеп благодаря измене горожан, и вместе с крепостью в его руки попал сам наместник Феодора, известный нам Акрополит. За верность своему царю он был закован в цепи. Многие же из подчиненных ему начальников, как знатный Нестонг, Кавлей и другие, передались деспоту. Палеолог действовал энергично, брал город за городом, и благодаря его влиянию в настроении архонтов Македонии произошел поворот в сторону царя. Но самые успехи Палеолога и его влияние на изменников-архонтов только разожгли подозрения никейского двора. Михаила обвинили в колдовстве против царя: его, видимо, нужно было погубить, а улик не было. Придворный Хадин был прислан в Салоники схватить Палеолога. Последний советовался с упомянутым епископом Халкуци, выгнанным эпирцами из Диррахия: в чем его вина и как ему быть? Молились в церкви всю ночь, а наутро за литургией епископ услышал произнесенное неведомым голосом и непонятное слово МАРПОУ и истолковал его как начальные буквы слов: «Михаил самодержец ромэев Палеолог вельми прославится».

Палеолог не оказал никакого сопротивления посланцу царя. Когда его привезли ко двору, Феодор не хотел даже видеть своего врага. Палеолог долго томился в тюрьме. В это время с царем случился тяжкий припадок болезни, кажется апоплексический удар, и дело Палеолога

было отложено. Болезнь царя приписывалась наваждению. Придворные клеветники работали, и пострадало много лиц; лишь против любимцев Музалонов царь не слушал клеветы. Заподозренных не судили правильным судом, но подвергали варварскому испытанию раскаленным железом. Вынесших пытку царь женил на знатных невестах, желая примирить их с собою. Даже племянницу Палеолога не пощадили. Ее обвинили в чарах против мужа, за которого царь ее выдал против воли. Ее муж оказался неспособным к сожитию, а ее за это посадили в мешок, наполненный живыми куницами, которые терзали ее тело. Смертная болезнь приковала царя к постели. Сначала он еще пробовал садиться на коня или на трон, но скоро силы его оставили, и, изнуренный, полумертвый, проводил он дни и бессонные ночи, мучаясь подозрениями. Томился в тюрьме и Палеолог, ожидая гибели. Тяжело было умирать Феодору. Правда, его царство процветало и богатело; на Востоке ему не угрожали ни сельджуки, ни бессильные латиняне Константинополя, и он сумел уберечь подданных от татарского нашествия; папы он не боялся; болгарский царь Тих получил руку царской дочери Ирины и даже прислал для верности свою прежнюю жену; болгарский претендент Мица сдал грекам Месемврию и переселился на земли Феодора в Троаде. На Западе эпирский деспот и изменники-архонты должны были смириться. Главного из архонтов, главу предполагаемого заговора — ненавистного Михаила Палеолога царь держал у себя в тюрьме. Но расправиться немедленно с ним не могли, очевидно. Умирающий царь сознавал, что Палеолог не простит своих обид, расплатится по смерти царя; царь и ранее подозревал, что архонты погубят личный режим Музалонов, погубят его 8-летнего сына, погубят державу Ласкаридов, которую он, Феодор, не уберег, хотя ей отдал все силы.

Клика Музалонов требовала новых казней выдающихся лиц; патриарх Арсений скреплял приговоры авторитетом своего сана. Лишь однажды царь внял независимому голосу Влеммида и отменил казнь невинного. Но ослеплен был Феодор Фили, дипломат и верный слуга царя; пострижен в монахи знатный Комнин Торник, родственник Палеолога; брошен в тюрьму полководец Алексей Стратигопул (впоследствии взявший Константинову столицу), а его сын был ослеплен; начальнику царской канцелярии Алиату отрезали язык, пострижен был первый придворный чин паракимомен Загароммати.

Царя мучила совесть за погубленных. Чувствуя близкий конец, он просил патриарха отпустить ему письменно грехи. Арсений и весь синод немедленно подписываются; но Влеммид, враг Музалонов, сказал царю: «Если Господь сковал, то как служитель Его разрешит узы? Бог тебя оставил», и Влеммид отряс прах у ворот дворца умирающего Феодора. Царь исповедовался у избранного им митрополита и у патриарха, горько плакал, повторяя: «Оставил я Тебя, Христе!» Он принял схиму и скончался в августе 1258 г., процарствовав менее четырех лет. Похоронили его рядом с отцом в царском монастыре в Сосандрах.

Замечательная личность Феодора II вызвала разноречивые отзывы современников и ближайших потомков. Беспристрастных мнений почти нет. Некоторые писатели, как современник Акрополит и Никифор Григора, воздержались от его общей оценки; но осуждение сквозит на каждом шагу у Акрополита, не ладившего с новым, лютым режимом и временщиками Музалонами. Акрополит даже забыл, что он был всем обязан родителям Феодора, и одним из первых изменил его малолетнему сыну, впрочем, может быть, из соображений государственной пользы. Несколько позднейший писатель Пахимер отдает Феодору должное, хотя и писал при Палеологах.

«Рожденный от царей, Феодор, — по словам Пахимера, — был воспитан, чтобы быть царем. Он не сравнился со своим отцом по мудрости, проницательности и твердости во взглядах; зато он обладал энергией, благородным воинственным характером своего деда (Феодора I Ласкаря) и щедростью своей» матери. Он» любил просвещение и поощрял

образованных людей. Он располагал значительным образованием, и его красноречие было скорее природным даром».

И в области внутренней политики Пахимер одобряет Феодора за то, что он назначал на высшие должности способных людей, невзирая на их происхождение. По мнению анонимного историка, бывшего спутником умершего царя в походах, Феодор не имел себе равных между монархами по покровительству просвещению.

«Многие удивляются его несравненной любви к знанию и мудрости, другие — его искусству военачальника и храбрости, которыми он поразил всех своих врагов. В самом деле, и его соседи персы (т. е. сельджуки) пришли вместе со своим государем на поклон и с дарами; и даже арабский князь (из других источников неизвестно об этом факте) прислал ему ценные дары... Иные, наконец, прославляют его за щедрость и великодушие, ставя его выше отца».

Отдавая должное личной талантливости Феодора, история отнесется со смешанным чувством к нему как к государю. Его недостатки нам виднее благодаря его переписке и другим трудам и потому, что его недолгое правление было лебединой песнью Никейского царства, временем его наибольшего блеска, приковывавшего взоры современников, тогда как время его отца и деда остается сравнительно в тумане и рано окуталось легендой. Феодор II получил от отца крепкую власть и умер среди внутренних врагов его державы; любил войну, усилил армию, провел почти все время в походах, но лишь с трудом уберег отцовское наследие, и то благодаря междоусобице между болгарами и сельджуками, к тому же разбитыми полчищами монголов; Константинополя он не взял и не осаждал, несмотря на крайнюю слабость и нищету правительства Балдуина, несмотря на счастливое соотношение политических сил в Италии, где шла решительная борьба папства с Гогенштауфенами, несмотря на ожесточенную борьбу Венеции с Генуей в водах Леванта. Феодор заносился высоко, с папой не считался и необычно ярко провозгласил идею национального греческого единства, но, в сущности лишь обороняясь против внешних и внутренних врагов, он в этой борьбе быстро истратил свои силы и впал в мрачное отчаяние. При всем том он был талантлив во многом, неутомим, решителен и осмотрителен на войне, ревностно относился к своему царственному долгу, высоко держал знамя православного государя и был верен своим просвещенным идеалам, переросшим свой век. Но не было у него — или под влиянием болезни не стало — той сдержанности и того понимания осуществимых задач, которыми его отец достиг прочных успехов. Между тем это было главное в его положении при борьбе с аристократией. Не говорим уже о подозрительности и жестокостях, омрачивших конец его правления.

Заветной целью Феодора было создать национальную «эллинскую» армию, «подвижной город, охрану прочих городов». Он отдавал этому любимому делу свое время и силы; он зачислил в строй дворцовую челядь, сотни доезжачих и сокольников, он сократил царские щедроты наперекор своему широкому характеру; тратя на армию казну, собранную в крепостях Астицы и Магнисии, он, по-видимому, и на население возложил большие тяготы, строже взыскивая подати и недоимки. Одновременно он стеснял свободу действий военачальников, выдвигал незнатных, уменьшил жалованье и льготы наемного корпуса латинян, привыкших возвышать свой голос. Недовольные элементы в армии стали опорою Михаила Палеолога, и, может быть, поэтому Феодор давал Михаилу, посылая его на Запад, не латинян, но пафлагонцев и греков, хуже вооруженных, но более верных. И в недрах армии, как в государстве, нивелирующие тенденции Феодора обострили отношения и усилили ряды врагов созданного им режима.

В лице Феодора государь и писатель нераздельны. Следует лишь различать юные и зрелые годы. Большинство его писем и иных литературных трудов написаны до воцарения. Бремя царских обязанностей не только поглотило Феодора (хотя он писал и в походной палатке), но

изменило его взгляды и скорее обострило его антипатии.

Феодор прежде всего человек симпатий и антипатий. Ни в том, ни в другом не знала меры его увлекающаяся, поэтическая, болезненная натура. Чрезмерно преданный друзьям, особенно Георгию Музалону, он преследует врагов и бичует их пером, не соблюдая подобающей царю сдержанности. Он и в юности отличался насмешливостью и писал сатиры, и довольно грубые, на своих учителей. Неровным, неспокойным был Феодор и в жизни. То предавался отчаянью — по смерти юной жены не хотел никого видеть и не мылся даже, — то неудача второстепенных военачальников выводила его из равновесия, и он подозревал всех в измене; то он пел дифирамбы прекрасной Никее, славному отцу, Фридриху Гогенштауфену, своим собственным победам, — и повсюду среди книжной риторики у него сквозит искреннее повышенное чувство.

Феодору ставили в вину его непостоянство. Между тем у него было постоянство именно в отношении нескольких идей, которым он служил беззаветно. У него был исключительный энтузиазм к идеалам национальной эллинской культуры, которые он усвоил с юности. Идеалы Феодора переросли свою эпоху. Будь они осуществлены, судьба эллинизма могла быть иной. Но требовалось долгое время, выдержка и осторожность, которых у Феодора не хватило; и та революция, которая снесла династию Ласкаридов, погубила и идеалы, которые Феодор поставил перед собою и проводил в жизнь весьма ясно и слишком круто.

Его идеи лишь отчасти были взяты из книг, из античных представлений о роли эллинизма и об обязанностях совершенного монарха, по Аристотелю и Платону. Корни их лежали в истории Никейского царства в условиях тяжкой борьбы греческого народа за существование. Из книг Феодор почерпнул преклонение перед древней, античной славой греческой нации. Его знамя не ромэйская, обезличенная в национальном отношении средневековая империя Комнинов, но античное прошлое эллинизма как путь к новому будущему. Он был на своем троне первым глашатаем политического ренессанса эллинской нации, и голос его прозвучал одиноко. Преобразование государства на новых началах было мыслимо лишь на почве крупных перемен в социально-политическом строе, но на пути стояла земельная и служилая аристократия, с которой Феодор не справился. Но он, по-видимому, ясно распознал врага и боролся безнадежно до конца. У писателей XIV — XV вв. там и сям мелькают туманные и несмелые мысли о необходимости социального и политического преобразования; из этого не вышло ничего. Один царь Феодор мог высказываться до конца и хотя пытаться вывести народ на новый путь национальной, народной монархии; после аристократической революции, погубившей его дело и династию, стало поздно. Грекам пришлось ждать возрождения до XIX в., когда давно уже погибла их аристократия под игом турок.

Язык греческий Феодор любит «более дневного света». Эллинское просвещение он поддерживает и распространяет, не только поощряя ученых, жертвуя на библиотеки, учреждая и расширяя школы в Никее, но не менее того своим примером, являясь прирожденным писателем на троне и гордясь этим открыто.

Феодор — достойный сын своей матери, поддерживавшей в Никее и Нимфее просвещенные традиции старого константинопольского двора. В просвещении он видит национальный долг, обязанность перед прошлым и будущим народа. Жалуясь на нелюбовь молодежи к наукам, царь пишет:

«Философия принадлежит грекам, а нынче они ее выживают, как иностранку. И поэтому уйдет она к варварам и прославит их. Вся былая духовная нищета последних падет на ее гонителей. Она станет врагом нашим и ополчится на нас. А разве можно справиться с мудростью? Поэтому она либо отдаст нас на гибель, либо сделает нас варварами. Пишу все это, охваченный мрачной тоскою».

Просвещение для Феодора — национальное дело. При православном никейском дворе

преклонение перед светлой древностью было не меньшим, чем при дворе знаменитого Фридриха Гогенштауфена, и, во всяком случае, имело более национальные корни. К сожалению, мы плохо осведомлены о сношениях между дворами Гогенштауфена и Ласкаря на почве вопросов культуры и просвещения. Друзья и союзники, они обменивались посольствами и бесспорно ценили друг в друге просвещенные тенденции. Недаром сам Феодор написал риторическую речь на кончину Фридриха. В политике оба монарха боролись с средневековыми началами. — Фридрих с папством, с феодальными пережитками и городскими привилегиями; Феодор с архонтами и властелями, служилой и землевладельческой знатью, пренебрегая притом папскими притязаниями и держа в руках греческую патриархию.

В личности Феодора преклонение перед наукой является органическим, служит краеугольным камнем миросозерцания. Просвещенное превосходство есть оправдание монаршей власти, по Аристотелю. Учением Аристотеля проникнуты философские сочинения Феодора. Служа просвещению и на нем утверждая монарший авторитет, царь мог не считаться с устарелыми взглядами и с претензиями знати, основанными на традиции и на социальном неравенстве. Феодора можно было бы назвать далеким, затерявшимся предвозвестником идей просвещенного абсолютизма, хотя, скорее, идеи эти вечны, всплывая повсюду, где власть борется против старого, за новое, истолковывая последнее в свою пользу.

Этическая часть философии Феодора является проповедью внутреннего совершенства личности путем просвещения. Последнее он понимал в рамках строгого православия. В условиях времени последнее было естественно и составляло его силу. Интересно рационалистическое понимание им добродетели, борьба за обновление личности путем науки. При благоприятных условиях борьба личности против старых оков должна была неминуемо перейти на социальную и политическую почву. Но Феодор переоценил свою власть, основанную его отцом Ватаци на осторожном, хозяйственном и отеческом попечении о низших и средних классах; он ничего не достиг, сократил себе век безнадежной борьбою и расшатал унаследованную власть.

Замечательна его «Похвала мудрости». Наука делает человека разумным и возводит его до Господа, до блага вообще. Основа мудрости — боязнь Бога. Уча добродетели, мудрость сама является добродетелью. Против столь непоколебимой основы невежество бессильно. От последнего исходят все пороки. Лишь тот, кто познал науку до конца, владеет добродетелью. Невежда останется добычей заблуждения и будет вести жалкое существование. Обоснованию этой руководящей идеи посвящен длинный трактат «Об общении природных сил». Ссылаясь на учение Аристотеля о материи и форме, Феодор развивает тезис, что образование для человека является тем же, что форма — для материи. Образование — вторая, высшая природа человеческой личности.

В самом преклонении перед разумом в Феодоре сказывается его поэтическая натура. Как у монарха, как у писателя, у Феодора господствует чувство, часто неуравновешенное. Ни в чем не выразилась его чувствительность так ярко, как в оставленных им церковных песнопениях. Таков его Канон Богородице: «Колесницегонителя Фараона погрузи...» К кому, как не к Тебе, Пречистая, обратиться мне, погрязшему во грехах? На эту тему подобраны переливы песнопения, трогающие всякого; только верующая и пламенная душа могла составить эти ирмосы и тропари, по которым молится весь православный мир.

Прерывая наше изложение судеб Ласкарей и их царства, остановимся несколько на образовании государства Великих Комнинов в Трапезунте и на крупных переменах, происшедших в Передней Азии.

Для основания царства Комнинов в Трапезунте, пережившего даже взятие Константинополя несколькими годами, события 1204 г. послужили лишь внешним толчком: и

ранее, при Комнинах, Трапезунтское побережье жило своими интересами и назревало образование независимого политического центра. Этим Трапезунтская империя отличается от Никейской, которая была бы немыслима без взятия Константинополя латинянами и жила идеей восстановления греческого царства в Константинополе, доколе ее не осуществила и тем самым прекратила свое существование. Трапезунтская история местная, и, хотя культура и высший класс были греческие, силы и интересы Трапезунтского царства коренились в политических связях и торговле с Кавказом, Арменией, Хорасаном и турками.

Плоскогорье над Черноморским побережьем в стороне Трапезунта, византийская фема Халдия, и во времена могущества Константинополя было малодоступно и, будучи населено православными лазами, управлялось местными князьями, получившими обличье византийских архонтов и сановников: в этом отношении она являлась авангардом Армении. Плодородное лесистое побережье было искони богато, и нужны перо и краски Фалльмерайера, мастера слова, чтобы описать его природные красоты. Сам город Трапезунт являлся конечным пунктом караванного пути на Восток и вместе с тем стоянкой военного флота и армии, сдерживавших кавказские племена. Его акрополь был расположен на четырехугольной скалистой террасе, господствующей над гаванью, и был с двух сторон защищен крутыми и глубокими оврагами; узкий перешеек, соединявший акрополь с высоким берегом, был укреплен башнями и стенами. Внизу, в гавани, устроенной еще императором Адрианом, тянулись богатые склады товаров из Персии, Месопотамии, Крыма, Кавказа и еще более далеких стран.

Походы Василия Болгаробойцы против грузинского царя Георгия, подступившего к Трапезунту, подчинение армянских князей Васпурахана и наследников Баграта были кратковременным успехом византийского оружия в этих местах. Ослабление, унижение армянских княжеств вызвало, наоборот, гибельные последствия для Византии при слабых преемниках Василия. Был разрушен предохранительный барьер, защищавший Малую Азию от турок, которые уже нахлынули в Северную Персию. В 1049 г. Тогрул-бег завоевал Арзен (Эрзерум) и отрезал Трапезунт от торговых сообщений с Персией; но сам Трапезунт был охраняем дружиною варягов, и Исаак Комнин оттеснил турок-сельджуков к югу. Известно, какую роковую роль в успехах турок в XI в. сыграли константинопольский двор и легитимисты партии Дук. При султане Альп-Арслане Трапезунт еще держался, но после катастрофы императора Романа Диогена при Манцикерте Трапезунт, по-видимому, попал в руки турок (1074), хотя на короткое время. Город был у них отнят Феодором Гавра. Турки пробились к Черному морю в Самсуне и Синопе на два с половиной века раньше, чем взяли Трапезунт.

Гавра был из местных князьков Халдии, местными силами добыл себе Трапезунт и правил им самостоятельно, хотя ездил ко двору Алексея и оставил в Константинополе сына в качестве не то будущего царского зятя, не то заложника; за попытку бежать молодой Гавра был сослан в Филиппополь и так и не увидел своего отца. Последний округлил свои владения, взяв у турок Байбурт и Колонию. Следующие за Гавра губернаторы Трапезунта, Даватин и патрикий Григорий Таронит из армянских князей Тарона, как только утверждались в Трапезунте, начинали вести себя слишком самостоятельно в отношении к византийскому двору. Приходилось посылать против них войска и брать их с бою. В середине XII в. Трапезунт опять оказался в руках рода Гавра. Один из членов этой княжеской семьи был, вероятно, назначен дукой в конце царствования Алексея. Калоянн ходил в поход против турок и Константина Гавра, но без результата. При Мануиле Михаил Гавра явился с войском из Трапезунта на помощь императору по его требованию. Во времена латинского взятия в Трапезунте был губернатором один из Палеологов, но в Амисе (Самсуне) был хозяином Феодор Гавра.

Крушение Греческой империи вызвало на Черноморье аналогичные прежним события в большем масштабе и с участием более крупных сил. Решающее влияние в образовании

Трапезунтской империи имеет Грузия, царство Тамары, кавказские конные полки. Во главе Трапезунта становятся не местные архонты Гавра, но отпрыски славнейшего императорского рода Комнинов, происходивших из Комании Понтийской (ныне Токат), между Синопом и Трапезунтом.

Малолетние внуки императора Андроника Комнина, сыновья Мануила, Алексей и Давид, были при низвержении их деда спасены и увезены в Тифлис, ко двору знаменитой царицы Тамары (1184—1211), дочери грузинского царя Георгия III от осетинской княжны. Тамара находилась в отдаленном родстве с Комнинами (хотя не была теткой царевичей, как пишут греки) и покровительствовала членам этой фамилии; незаконный сын Андроника Алексей жил при ее дворе. Наоборот, с двором Ангелов отношения были враждебные. Первый муж Тамары, буйный русский князь Георгий Андреевич, будучи изгнан из Тифлиса, дважды находил приют и помощь в Константинополе. Тамара в свою очередь вырастила при своем дворе внуков низвергнутого Ангелами Андроника. Они были орудиями ее политики: за событиями в Константинополе, непопулярностью и слабостью Ангелов Тамара зорко следила. Судя по грузинскому официальному историку, незадолго до взятия Константинополя латинянами Тамара послала войско из имеретинов в византийские пределы, завоевала Понт и Пафлагонию, Лазику с городами Трапезунтом, Самсуном (нижним, но и в нем удержался Гавра; верхний был в руках сельджуков), Синопом и даже Амастридой и Ираклией в Вифинии. Вслед за тем она дала эти земли своему родственнику Алексею Комнину. По греческим источникам, царевичи Алексей и Давид, выросши, получили от Тамары войско, взяли с собою фамильные сокровища и отправились завладеть византийскими землями как своим законным достоянием. Старший, Алексей, овладел Трапезунтом и всей страною до Самсуна без сопротивления со стороны губернатора Палеолога, в Трапезунтской хронике Панарета сказано кратко, что в апреле 1204 г., т. е. во время штурма Константинополя крестоносцами, прибыл Великий Комнин государь Алексей из Иверии и занял Трапезунт 22 лет от роду. Младший брат его Давид «в качестве предтечи» Алексея, заняв Пафлагонию и Ираклию, вторгся с войском из лазов и грузин в Вифинию, угрожая новому государству Ласкаря.

Обаяние имени и богатство царских отпрысков оказали, конечно, свое действие на черноморских греков, но нельзя не видеть, что утверждение их на Черноморье было делом правительства Тамары, и на первых порах Алексей был должен сознавать себя ее вассалом, сколько бы знатен он сам ни был. В таком свете основание государства Комнинов является лишь эпизодом в борьбе Грузии за преобладание на Восточном Черноморье, продолжением политики отца Тамары, которого войска доходили и до Эрзерума и до самого Трапезунта. Судьбу Черноморья решали силы покрупнее молодых Комнинов, и оба брата, предоставленные самим себе, начали терпеть неудачи, особенно смелый Давид, разбитый Ласкарем и павший в битве с турками. Алексей не погиб потому, что его положение в крепком Трапезунте, далеком от Никеи, было безопаснее; но он не мог подать помощи брату, и ему пришлось смириться перед сельджуками.

К XIII в. иконийские султаны, называвшие свою страну Рум, были грозной силой, которая упорно пробивалась к морю и на севере и на юге. Под стенами Амиса, нижнего Самсуна, турки отразили Алексея, и местный динат Гавра подчинился сначала туркам (занимавшим верхний Амис со времен Кылыч-Арслана), потом никейскому императору Ласкарю, но не Комнину (1211); между Трапезунтом и Самсуном было торговое соперничество. В 1214 г. султаном Кейкавусом был взят Синоп почти одновременно с Адалией на юге. Официальная хроника Сельджук-наме говорит при этом не о Давиде, но об Алексее Трапезунтском. Приведем ее известия в некотором сокращении. Султан Изз ад-дин Кейкавус, сын Кейхозрева, находился в Сивасе, когда прибыли гонцы с известием, что тегвер Джанита кир Алекси обманным образом

захватил Синоп. Так как этот злонравный неверный всегда был данником султана, было решено сначала опустошить Синопскую область и затем осаждать сильно укрепленный город. Турецкие лазутчики донесли, что кир Алексиежедневно охотится и пирует в окрестностях Синопа. Был послан отряд, которому удалось схватить Алексея. Когда султан прибыл с главными силами в окрестности Синопа, кир Алекси в кандалах был приведен в его палатку и поцеловал землю смирения и унижения. Султан приказал ему послать в Синоп одного из схваченных с ним греков, чтобы уговорить жителей сдаться. Синопцы отказались, говоря, что у Алексея имеются сыновья, могущие его им заменить. Султан разгневался и приказал пытать Алексея в виду города. Кир Алекси стонал и кричал: «О, потерявшие веру, для кого вы охраняете город?» На следующий день кир Алекси повесили вниз головою, так что он потерял сознание. Тогда жители согласились сдаться, если султан поклянется, что не тронет Алексея, а им позволит удалиться из города с имуществом. Султан поклялся, что будет охранять области Джанитскую, Трапезунтскую и Лазскую, если тегвер Алекси будет платить дань и выставлять войско по требованию султана. Знамя Кейкавуса было водружено на городских стенах, и обе стороны пировали всю ночь. При въезде султана в город жители сыпали перед ним золотые и серебряные монеты, он одарил знатнейших халатами; одарил и Алексея, привстал перед ним для почета и посадил выше своих бегов. Уступив Синоп, Алексей обязался за признание за ним всего Джанита даватьежегодно 12 000 золотых, 500 коней, 2000 коров, 10 000 баранов и 50 вьюков с разными товарами; на прогулке держал султану стремя и вел его коня, пока Кейкавус не приказал ему сесть. Начиналось для христианских государей тюркское иго. В Синоп были переселены жители из других городов; разбежавшиеся при франках (т. е. при Давиде) крестьяне были посажены на тягло, оделены волами и семенами: в город были назначены кадий (судья) и хатиб (секретарь); соборная церковь была обращена в мечеть. Взятие Синопа отрезало Трапезунтское царство от Никейского и закрепило за Трапезунтом значение лишь местного центра, которым мало интересовались и в Никее, и в Константинополе. Борьба за изгнание франков протекает без деятельного участия Трапезунта и его Комнинов.

Алексей, попав в зависимость от иконийского султана, пережил взятие Синопа восьмью годами и умер в один год с Ласкарем (1222). Неясно, принял ли он с самого начала титул императора ромэев, как утверждает Фалльмерайер.

За малолетством его сына Иоанна не только регентство, но, по-видимому, и престол достались зятю Алексея Андронику Гиду (Гидону). Так как его называют весьма опытным в военных делах, весьма вероятно, что он одно лицо с полководцем Ласкаря Андроником Гидом, истребившим 300 рыцарей-франков, выступивших из Никомидии в помощь Давилу Комнину. Гидон мог быть кондотьером западного происхождения. На второй год правления он истребил турецкий отряд, посланный против него, вероятно, за неуплату дани.

В эти годы в Передней Азии разыгрались великие события. Еще в 1220 г. Чингис-хан выслал первую экспедицию на Запад для преследования Мухаммеда, шаха Хоресма (Хивы), владевшего Туркестаном и Азербайджаном, а также для разведок о странах, подлежавших монгольскому завоеванию. Эта армия, состоявшая из двух-трех туманов (дивизий по 10 000 всадников в каждой), под начальством Джебэ-нойона и Субутай-бахадура вторглась в Азербайджан и появилась на берегах озера Урмии. Отсюда берегом Каспийского моря и через Дербендский проход (Железные Ворота) монголы проникли в Грузию и Агванк, разбили грузинского царя Лашу в упорном бою (1221), разграбили столицу Ширвана Шемаху. Отсюда неутомимые наездники пошли на север, в дебрях и ущельях Кавказа потерпели большой урон от горцев, причем должны были бросить багаж и добычу; все-таки они пробрались в южнорусские степи, где и разбили наших князей на р. Калке (1223). При втором великом хане Угедее было решено докончить покорение Хоресма, вернее, покончить с геройским наследником Мухаммеда

«шахом вселенной» Джелал ад-дином (1220—1231). Послан был монгольский князь Чормагун с тремя туманами. Джелал ад-дин, спасаясь от монголов, бежал в 1225 г. в Армению, разбив заступивших ему дорогу грузин и армян. Он вторгся и в сельджукские пределы, но встретил отпор. Против него образовалась коалиция, центром которой стал иконийский султан, воинственный Ала ад-дин Кейкубад (1219—1236), наследовавший своему брату Изз ад-дину Кейкавусу (1210—1219). Небольшое сравнительно Трапезунтское государство было втянуто в гигантскую борьбу, охватившую Переднюю Азию, и стояло на стороне Джелал ад-дина. Когда последний под Хелатом (в Армении) был разбит, остатки его войска бежали в Трапезунт. Оставленный всеми Джелал ад-дин был убит под Диарбекиром (1231), и десятитысячная дружина его закаленных воинов поступила на службу к его главному противнику, иконийскому султану. В войсках Ала ад-дина служили франки (преимущественно итальянцы с Леванта) и греки; он покорил армянских князей в Эрзеруме в Малой Армении, кира Барду в Калоноросе (Алайя), посылал войска в крымский Судак против руссов. Коалиция сирийских арабских государей ничего не могла поделать с Ала ад-дином (†1237), носившим гордый титул повелителя всех земель на востоке и на севере, т. е. на Черноморье. В отношении к столь сильному монарху Андроник Трапезунтский являлся скромным вассалом, выставлявшим в армию султана двести «копий», т. е. 600 всадников. Зависимость от сельджуков отразилась на отношениях с Кавказом: не могли трапезунтские греки использовать последствия разгрома Грузинского царства монголами. Последние долго были заняты покорением Хоресма, и лишь в 1235—1236 гг. Чормагун с 4 туманами вторгся в Армению и Грузию, взял богатый Гандзак (Елисаветполь). Тогда татарские генералы поделили по жребию между собою Кавказ и Армению. Сам Чормагун разорил цветущую столицу армянских Багратидов Ани, насчитывавшую до 100 000 домов и до 1000 церквей (1239); развалины Ани ныне раскапываются русскими археологами под руководством профессора Марра. Завоевав Персию, Грузию, Агванк и Армению, сам Чормагун, разбитый параличом, не пошел дальше (†1242). Преемником ему был назначен его сотрудник Бачу начавший с разорения Карина (Эрзерум). Теперь не могло быть и речи о греческом влиянии на Кавказе. Гибель угрожала иконийским султанам, сюзеренам Трапезунта.

Первый период Трапезунтского царства характеризуется подчинением сельджукам, по крайней мере на фоне этого вопроса протекает внешняя история Трапезунта при первых двух его Великих Комнинах. Концом этого периода является катастрофа, постигшая сельджуков. Могущественного Ала ад-дина Кейкубада сменил слабый преемник Гиас ад-дин Кейхозрев (1236—1245 или 1238—1246), вместо войн и управления возлюбивший магию, редкостных зверей, вино и женщин. Его покинули лучшие полки, и, когда приблизились монголы Бачу, подчиненные Конии государи — между ними и трапезунтский — заняли выжидательное положение. В окрестностях Сиваса (Севастии) Кейхозрев разбит был наголову монголами (1244) и бежал к греческому никейскому царю Иоанну Ватаци. Даже его семейство, доверенное охране армянского царя Хетума, было выдано последним по требованию Бачу. За это Хетум, царствовавший в богатстве и славе 45 лет и известный латинянам под именем Гайтона, обеспечил себе монгольскую дружбу и подданным своим в Киликии безопасность. Взяв города сельджукского царства и самую Конию, Бачу пошел на Грузию, где царица Русудан, сестра Лаши, захватила власть и дружила с сельджуками, за что Тифлис был разорен Джелал ад-дином (1225). Русудан послала в Конию законного наследника Давида, сына Лаши, и хотела доставить трон своему сыну, также Давиду. Татары теперь вмешались в распрю, посадили одного Давида в Тифлисе, другого в Сванетии, а за мятеж схватили грузинских князей и большую часть зарезали. И Грузия тогда подчинилась татарам. Одновременно Иконийский султанат стал управляться монгольским наместником, хотя на престоле Конии сидели до конца XIII в. потомки

Кейхозрева, большей частью малолетние. События эти случились, впрочем, уже при четвертом Великом Комнине в Трапезунте, Мануиле. Трапезунт попал из подчинения иконийскому сельджукскому султану в подчинение монгольским ханам, но благодаря своевременной покорности Мануила монголы не вступили в область Трапезунта и Великие Комнины не ездили ко двору ханов в далекий Каракорум. Это было великим успехом политики Комнинов. Монгольская власть была разорительна для покоренных народов. Правда, ими немедленно принимались меры, чтобы города были вновь заселены и поля засеяны. Но единственной их целью было повысить собственные доходы, и покоренные должны были работать для них. Все имеющее ценность было немедленно переписано и обложено: поля, мастерские, рыбные ловли, рудники. Лишь женщины и духовенство были освобождены от податей. Каждый христианский подданный монголов отдавалежегодно сборщикам 100 фунтов ячменя, 50 — вина, 2 — риса, 3 мешка соломы, веревки, 1 серебряную монету, стрелу и подкову. Сверх того с 20 штук скота бралось одно животное и 20 монет; лошади и мулы все были забраны монголами. Систему переписи и обложения в Передней Азии второй половины XIII в. организовал монгольский вельможа Аргун. Подати натурой он перевел на деньги и с самих монголов стал брать десятину. Жалобы на него наконец дошли до великого хана, и якобы лишь свидетельство дружественного ему армянского князя Сембада спасло Аргуна от казни. Ханы и князья монголов в Передней Азии жили среди сказочной роскоши, население же бросало свое достояние и разбегалось в горы. Даже князья христиан продавали или закладывали свои земли и замки.

Глава 5. Михаил Палеолог

Феодор II Ласкарь оставил по завещанию свой престол 8-летнему сыну Иоанну и назначил регентом своего друга Георгия Музалона. В соблюдении верности малолетнему царю присягнули армия, синклит, духовенство и Музалон.

Регент знал, насколько ему враждебны архонты, враги личного режима, и наемники-латиняне с Михаилом Палеологом во главе. Поэтому он немедленно отвез малолетнего царя в крепость Магнисию, где хранилась царская казна, и окружил его верными слугами под начальством Агиофеодорита, друга покойного царя. В то же время он созвал архонтов и войско и объявил, что готов уступить власть желающему принять на себя ответственность. Враги Музалона не пошли, однако, на мировую сделку с ненавистным временщиком, уверяя его в верности, но цена их новой присяги была хорошо известна обеим сторонам.

Не прошло трех дней со дня похорон царя Феодора, как в Сосандрах, на его могиле, разыгралась кровавая катастрофа. Молодой царь с Музалонами и сановниками прибыли в храм для заупокойного богослужения. Наемники подняли шум, требуя показать им царя Иоанна, и, когда он показался на паперти, заговорщики — все известные нам враги Феодора — вместе с наемниками-латинянами ворвались во храм. Напрасно Музалоны искали спасения в алтаре. Их нашли и разрубили на куски. Кровь регента обрызгала престол. Убит он был наемником Карлом. Держа куски дымящегося мяса, заговорщики поносили царя Феодора над его могилой. Имущество Музалонов было немедленно разграблено. Но перед народом заговорщики — в числе их Акрополит не назвал ни себя, ни М. Палеолога — кричали: «Мы расправились с изменниками, которые извели царя Феодора и посягнули на свободу его сына, царя Иоанна. Да здравствует свобода!»

Охрана малолетнего царя была усилена. Многими овладела паника. Старый вельможа Карианит со своими приближенными бежал к сельджукам. У трона юного царя разыгрались страсти и соперничество; знатные семейства хотели захватить его в свои руки. Палеолог приставил к нему своих братьев, предупредив родственников Ласкарей Цамантуров, знатных Торников, Стратигопулов, Ватац, Тарханиотов, Кантакузинов и иных. Знатный смирнский магнат Нестонг, помолвленный с одной из дочерей царя Феодора, все время проводил во дворце и даже играл с ребенком-царем в мяч на конях в присутствии царевен.

Анархия не могла длиться продолжительное время. Дела государства, особенно на Западе, требовали твердой руки. Первым кандидатом в регенты был Михаил Палеолог — испытанный полководец, любимец войск, особенно наемников-латинян, знатного рода, выдвинувшегося при первых Комнинах, родственник царствующего дома и лично, и по жене. Гибель Музалонов, даже если бы не была делом его рук, открыла ему путь к верховной власти. Палеолог, вербовавший себе сторонников обещаниями денег, для вида отказывался от регентства, указывая на свою бедность, требуя голоса патриарха Арсения Авториана, вызванного из Никеи, требуя, наконец, для себя высокого звания, чтобы легче нести бремя верховной власти. Не дожидаясь патриарха, Михаилу дали звание великого дуки. Как регент, он получил доступ к царским богатствам, собранным царями Иоанном и Феодором в крепостях Магнисии на Меандре и Астице на Скамандре. Казну охраняла верная стража из вооруженных секирами «кельтов» — преемников варяго-английской дружины. Михаил Палеолог начал раздавать деньги под ложными предлогами не на потребности государства, но чтобы снискать себе друзей, и сам он уверял при этом, что тратит на свой дом всего три червонца в сутки. Раздавал же он щедро. Особенно старался он привлечь духовенство на свою сторону. Прибывшему патриарху Михаил устроил торжественную встречу и вел его мула под узцы; прибыв во дворец, он вынес

малолетнего царя и вручил патриарху. При всяком случае он заявлял, что примет власть лишь из рук синода. В то же время он соблазнял архиереев, показывая им царские сокровища. Синод не устоял, тем более что Палеолог не скупился на содержание архиереев и через третьих лиц или при ночных свиданиях обещал еще более. По выражению Пахимера, скоро Палеолог стал водить архиереев за нос, куда ему было угодно. На соединенном заседании синода с сановниками ни один архиерей не подал голоса против Палеолога, наоборот, все находили нужным возвести его в сан деспота, чтобы он получил справедливое воздаяние за труды и личный риск, сопряженные с регентством, и чтобы Палеолог, удовлетворенный такой честью, тем вернее оберегал малолетнего царя; архиереи указывали на знатный род Комнина-Палеолога, на его почтение к духовенству, доступность и щедрость. Напротив того, родственники царствующего дома Цамантура Нестонг, упомянутый жених царевны, находили, что Палеологу достаточно звания «царского отца"; если же его приблизить к царской власти, то сестры юного царя, за три и четыре поколения ведущие свой род от царей, будут унижены и не найдут себе мужей, подходящих по знатности. Перевес голосу духовенства дала партия заговорщиков, «слепых», т. е. ослепленных царем Феодором; во главе этой партии стояли Алексей Стратигопул, Фили, Торники и другие знатные приверженцы и родные Палеолога. Если повелевающий именем царя, говорили они, сам будет частным лицом, то не будут его слушаться; даже свободолюбивые люди на корабле ставят себе капитана. Ради одного младенца не погибать государству. Не знаем мы разве, до каких несчастий дошла империя, когда мы были изгнаны с родины? Тогда же была, хотя плохая, власть, а что будет, если у нас вовсе не окажется правительства? Нужно возвеличить того, кто будет принимать чужестранных послов, обращаться к народу, приказывать войску. Ромэйское государство не может управляться иначе как монархом. Наконец, сам патриарх Арсений, еще будучи в Никее, при известии о кончине Феодора II высказывался в том смысле, что следует вручить власть Палеологу.

Таким образом, было решено возвести регента в сан деспота, граничивший с царским, и знаки этого высшего сана были вручены Палеологу малолетним царем и патриархом (1259). Щедроты Палеолога полились рекою; втайне он хлопотал уже о венце царя-соправителя, ссылаясь на участь Музалонов. Одновременно он начал и репрессии на родственника Ласкарей, непокорного Цамантура, сослал в Бруссу под стражу, от которой его освободил лишь монашеский постриг. И на этот раз духовенство оказалось впереди приверженцев Палеолога. Провозглашение Палеолога царем было назначено на 1 января 1260 г.

Предварительно шли переговоры между Палеологом и его избирателями. Судя по известиям Пахимера, недостаточно, впрочем, определенным, будущему царю были поставлены условия. Он обязался отказаться от престола за себя и за сына, если не окажется достойным, т. е. если не сдержит своих обещаний.

Палеологу было предложено, во-первых, гарантировать права Церкви, слушаться и чтить ее представителей. Он обязался считать Церковь своей матерью в противоположность царю Феодору, который пренебрегал Церковью и держал ее в подчинении царской власти, так что патриарх был лишен возможности печаловаться за свой народ.

Знати и сановникам было обещано назначать на высшие должности лишь достойных в противоположность личному режиму Феодора, предпочитавшему незнатных. Не должно быть посягательства на имущественные права, но как бедный (крестьянин), так и достаточный (архонт) могут безбоязненно хвалиться своим достатком, — в отмену законов против роскоши, изданных царем Ватаци. Обещано было не устанавливать незаконных (т. е. новых) налогов.

Палеолог обязался не слушать доносов, обеспечить правосудие назначением нелицеприятных судей, в частности восстановить в своем звании протоасикрита, знатного Михаила Какоса (Злого) из рода Сеннакеримов. Отменены были судебные поединки и

испытание железом, которое при Ватаци угрожало самому Палеологу.

Ученым гарантировано почетное положение, точнее сказать, царские щедроты, которыми они, впрочем, пользовались при Ласкаридах.

Армии будущий царь обещал оставить поместья (прении) за детьми владевших ими служилых людей, хотя бы находившимися во чреве матери при смерти отца. Другими словами, прении становились наследуемым имуществом, приближались к вотчинам, хотя и под условием военной службы.

Обещания Палеолога обозначали торжество элементов, пострадавших от крайностей национальной самодержавной власти, глашатаем которой являлся Феодор II и его верные Музалоны. И Церковь и архонты получили гарантии прежнего их положения в империи. Под фразами о чести, правосудии и награждении достойных мы видим крушение политики Ласкаридов, которые в тяжкой борьбе за самостоятельность и единение эллинизма пытались выковать крепкую национальную власть. Михаил Палеолог, сам вышедший из среды недовольной знати, в качестве претендента на не принадлежавший ему престол растерял не только финансовое, но и политическое достояние никейских царей. Катастрофа 1258 г. могла не быть непредвиденной или случайной, но она была пагубной для позднейших судеб Византии и сказалась горькими последствиями для самого Палеолога, когда он был поставлен лицом к лицу с труднейшими национальными задачами. Он начал свое правление, так сказать, с залога захваченного им чужого наследства.

Но на первых порах он пожинал плоды своих уступок. Неоднократные клятвы в верности царствующему дому, которыми цари Ватаци и Феодор обязали его и архонтов, были, по выражению историка, разорваны синодом, как паутина: коронация соправителя, говорили архиереи, не измена, но необходимая помощь малолетнему царю. Упомянутым Сеннакеримом был составлен текст новой присяги, включавшей прежние клятвы Палеолога с добавлением присяги ему самому и угроз церковным проклятием, особенно за возбуждение междоусобной войны. Боялись, очевидно, народа. Высшие чины присягнули по этой формуле в верности обоим царям, сам же Палеолог поклялся в том, что он не посягнет на безопасность и права молодого царя Иоанна. В назначенный день архиереи и сановники облекли Палеолога в царские одежды и подняли его на щите.

Новый царь поспешил исполнить условленное в явных и тайных переговорах. Он породнился с знатнейшими фамилиями, между прочим, женил младших братьев на дочерях Торника и Враны, выдал своих родственниц за членов знатнейших фамилий, Раулей, Фили и других, и сближение с аристократией ввел в систему своей политики. Приверженцев своих он щедро жаловал чинами и женил на знатных невестах. Военачальникам и войску он роздал щедро поместья, укрепив их за потомством получивших на вечное время и выдав в том грамоты за золотою печатью. Должники казны были выпущены из тюрем; прошения о пособиях и подарках из казны удовлетворялись немедленно и без соблюдения срока, стоило лишь попросить. Казенные деньги выбрасывались кучами, и люди бросались на них, как псы.

Спеша короноваться, Палеолог с войсками прошел в Филадельфию, где занялся укреплением границ с сельджуками; патриарха же он отослал в Никею, поручив готовиться к помазанию на царство обоих царей. В то же время он подговорил наиболее преданных ему архиереев отложить коронацию малолетнего Иоанна до его совершеннолетия; некоторые же архонты угрожали расправиться с сыном царя Феодора, если его сторонники будут настаивать на коронации его одновременно с Палеологом. Патриарх не знал, как поступить; из архиереев же один Салоникский митрополит, Мануил Псара, тот самый, который предсказал Палеологу близкое воцарение, упорно отстаивал права законного наследника престола и требовал, чтобы Иоанна короновали первым. Однако митрополит мог лишь добиться подтверждения

безопасности сына Феодора и под угрозами подписал синодальное постановление. И несчастный сын царя Феодора лишь присутствовал при помазании на царство Палеолога и его супруги, имея на голове не венец (стемму), но простую повязку, усыпанную жемчугами и драгоценными камнями. Малютка сам ничего не понимал, а всякий заботился о себе. Чернила еще не успели просохнуть на присяге обоим царям, как духовенство стало внушать народу, что клятвопреступничество лучше междоусобной войны.

Царь Михаил Палеолог, бросая на приемах деньги обеими руками, устроил для народа ристалища и игры, в которых сам принимал участие вместе с сановниками; он приказывал всем веселиться и быть уверенными в лучшем будущем; в отмену указов Ватаци против роскоши было разрешено наряжаться и завивать себе волосы. Неразумные веселились по царской милости, а кое-кто шептал: «Чешитесь, завивайтесь, а потом будете драть себе волосы, когда есть будет нечего». Открытой оппозиции Палеологу не могло уже быть; из предосторожности он посадил в тюрьму Карианита, единственного из приближенных Феодора Ласкаря, имевшего силу в войске; Карианит бежал впоследствии к сельджукам, но был убит в дороге турецкими разбойниками. Протостратор Иоанн Ангел был отозван из западной армии, но по пути в Никею умер якобы от страха.

В области внешней политики успех следовал за успехом на первых порах. Сельджукский султан через послов просил у него защиты на случай неудачи в междоусобной войне, и Палеолог обещал принять его с открытыми объятиями. Не отпуская от себя малолетнего Иоанна Ласкаря, Палеолог отправился в Лампсак. К нему туда привезли пленных рыцарей-франков, с самим князем ахейским Вилльгардуэном и баннеретами Туей и Годефруа Каритенским. Как было изложено в гл. II, они были взяты при разгроме западной коалиции под Пелагонией (ныне Монастырь) в 1259 г. Князь Вилльгардуэн отказался признать Палеолога своим сюзереном и был заключен в тюрьму. Своих же счастливых военачальников Палеолог наградил по-царски: брату Иоанну дал сан деспота, другому брату Константину — севастократора, Льву Стратигопулу — кесаря, старому Михаилу Ласкарю, брату Цамантура, за его покорность — сан великого дуки.

Положение латинян в Константинополе было безнадежное. Палеолог поставил себе задачей овладеть, наконец, Константинополем, который так долго не давался в руки Ласкаридам, которые, может быть, предпочитали свой Нимфей. Заведены были тайные сношения с бароном Ансельмом де Кайе, стоявшим, по-видимому, во главе грекофильской части баронов Балдуина II. Ансельм обещал впустить греков, но, когда греки заняли Штату, Ансельм не смог выполнить своего плана. Палеолог, уходя, принял депутацию баронов и согласился лишь на перемирие сроком в один год.

Но латиняне, будучи на краю гибели и нищеты, не утратили своих претензий. По рассказу Акрополита, их послы явились к Палеологу в Нимфей и предложили ему отдать им Салоники и всю Фракию как условие для вечного мира. Однако Михаил знал цену и своим и их силам. Город Салоники, ответил он, моя родина, и там скончался мой отец, великий доместик. Как мне его вам отдать? Латиняне пошли на уступку — отдай нам, начиная с Серр. Михаил и на это не пошел — в Серрах я начал свою карьеру и люблю город, как родной. «Царь, отдай нам хоть от г. Болеро». — «В этих местах я охотился, хочу охотиться и впредь». — «Что же ты, наконец, нам отдашь?» — «Ничего, — ответил Михаил, — а так как вы хотите мира и знаете, как я воюю, по моему управлению Вифинией, то я требую, чтобы вы мне платили половину сборов таможенного и монетного. Иначе не миновать войны, а она будет выгодна ромэям». С тем бароны и уехали в Константинополь.

И Михаил начал наступление. Чтобы изолировать Константинополь с суши, он послал войска в Силиврию, которая и была взята с бою. В латинских руках осталась лишь Аорамея

возле нынешнего Сан-Стефано. Подгородные крестьяне, так называемые «вольные», поставлявшие припасы и латинянам, и грекам, со взятием Силиврии оказались под защитою войск Палеолога. Он прибыл в Силиврию и собрался штурмовать Константинополь, когда внутренние дела заставили его спешно уехать в Никею.

Его трон колебался: патриарх Арсений открыто перешел в оппозицию, и партия Ласкарей подняла голову. Коронация одного Палеолога, с нарушением прав законного наследника престола, была вынуждена у патриарха, и он увидел, как грубо был он обманут. С ним уже не считались, его ходатайства по церковным делам не имели успеха, несмотря на столь категорические обещания, данные Палеологом перед своим воцарением. Патриарх Арсений решился на крайний шаг. Без объявления причин он ушел из Никеи и поселился в уединенной обители в Вифинии на р. Драконе. Синод перепугался. Он, боясь царя, просил патриарха вернуться. Палеолог действительно был потрясен; его архиереи не могли найти исхода из создавшегося положения. В Церкви ересей не было, и сместить патриарха было не за что. Между тем церковные дела пришли в расстройство. К Арсению был послан митрополит Ираклийский Никита. Он потребовал от Арсения письменного отказа, Арсений сейчас же согласился; от него потребовали потом выдать знаки патриаршего сана — жезл и светильник, — Арсений немедленно их отослал. Когда же Никита потребовал от патриарха письменно изложить мотивы отречения, Арсений прогнал его с глаз. Как было с ним поступить? Вины за ним не было. Было указано, что при посвящении Арсения не были соблюдены канонические сроки, но даже синод Палеолога не рискнул опереться на столь ничтожный предлог. Осудили Арсения за то, что он оставил свой пост, не посоветовавшись ни с кем и внезапно, и тем нанес Церкви ущерб. Избрали на его место Никифора, митрополита Ефесского, архиерея богатого и самостоятельного, который уже ранее был кандидатом в патриархи, но не был утвержден царем Ватаци за неуступчивый нрав. Палеолог был рад разрешению патриаршего кризиса и отправился подготовлять поход на Константинополь; но радость его оказалась преждевременной, кризис коренился глубже, чем казалось царю. Два влиятельных митрополита — Салоникский Мануил, защитник юного Ласкаря, и Андроник Сардский (к ним присоединился было и Смирнский Калофор) — открыто восстали против нового патриарха, имея за собою сторонников прежней династии, «и было многое смятение, и возник из-за патриарха великий соблазн». На стороне Арсения оказалось все население Никеи, и за церковной распрей скрывалось политическое движение.

Напрасно Никифор старался предотвратить неминуемый раскол увещаниями, угрозами, ссылкою непокорных архиереев. Большинство паствы не признавало патриарха. Видя это, Никифор отряс прах ног своих у ворот Никеи и поспешил в лагерь Палеолога. Из оппозиции Мануил Салоникский эмигрировал за границу, Андроник Сардский приехал ко двору, явился к обедне и заявил царю, что желает постричься. Палеолог удивился; но, когда митрополит стал распространяться о церковном соблазне, царь не стал его слушать, приложился и ушел. Андроника постригли, но он не успокоился. Арсения жалел народ; пошли слухи, что архиереи перемрут и хартофилакс Векк, будущий знаменитый патриарх, имел о том видение.

Штурм Галаты оказался неудачным, хотя войск у Палеолога было во много раз больше, чем у защитников. Латиняне отбивались храбро; их стрельба из бойниц нанесла грекам крупные потери. Осторожный Палеолог приказал отступить. Все равно было ясно, что падение латинского Константинополя — вопрос краткого времени. Окрестности были в руках греков.

В пригороде Евдоле (ныне Макрикей на Мраморном море) они наткнулись на факт, о котором не умолчим и мы. Между развалинами монастыря Предтечи было найдено тело грозного царя Василия Болгаробойцы, выброшенное из могилы латинянами. Тело царя хорошо сохранилось; нагое, ничем не прикрытое, оно было приставлено к стене церкви, и в губы была

воткнута пастушья дудка. Так поступили латиняне с останками наиболее могущественного из византийских царей, пред которым трепетала Южная Италия. Палеолог прислал немедленно парчовые покровы; сановники и духовенство с пением и светильниками принесли тело Болгаробойцы в палатку царского брата, а затем оно было с почестями погребено в Силиврии, в монастыре Христа.

Неудача под Константинополем почти совпала со смертью патриарха Никифора, преемника Арсения; вновь пришлось думать о замещении патриаршей кафедры. Но Палеолог не только не унывал, но даже отдыхал и развлекался в Нимфее в обществе своих сестер. Старшая, благочестивая Марфа, в дни молодости Михаила опекала его как мать в доме своего мужа, великого доместика Тарханиота. Другая сестра, хитрая Евлогия, убаюкивала его в детстве песенкой: «Здравствуй, царь, войдешь в столицу через Золотые ворота». Евлогия была не только льстива, но зла и влиятельна. По ее совету Михаил Палеолог решил развязаться с сыном Феодора Ласкаря, отнял у несчастного царевича знаки царского достоинства и готовил ему злую участь.

Внешние отношения складывались для Михаила благоприятно. Силы греков выросли, а у соседей убавились. Латиняне были прямо в плачевном состоянии (см. гл. II).

Падение Константинополя было вопросом времени, хотя штурм греков и был отбит. Содержа в плену ахейского Вилльгардуэна — едва ли не главную опору латинского императора, — Михаил Палеолог постарался обезвредить и венецианцев, дабы изолировать константинопольских баронов и их императора. Для этого он заключил в марте 1261 г. союз с генуэзцами, всегдашними врагами и соперниками венецианцев. Генуэзцы теперь жаждали отомстить Венеции, отнявшей после трехлетней ожесточенной и кровопролитнейшей борьбы в водах Сирии цветущую приморскую колонию Акру. Генуэзцы потерпели большой урон, и их остатки перебрались из Акры в Тир (1258). Теперь в союзе с греками они надеялись отомстить венецианцам и выжить их из Константинополя. Генуэзские послы прибыли ко двору Палеолога в Нимфей. Они выговорили для своих сограждан полную свободу торговли на всем пространстве владений Палеолога и обеспечили за ними права на всю недвижимость, каковою Генуя владела в Константинополе по договору с Мануилом Комнином (1155). Генуэзцы получали свои кварталы в главнейших торговых центрах империи: в Салониках, Смирне, Адрамиттии, Ани, на островах; никто из латинян, кроме генуэзцев и пизанцев, не мог торговать в бассейне Черного моря, и венецианцев, врагов Генуи, Палеолог не должен был пускать в свои владения. В свою очередь генуэзцы обязались предоставить в распоряжение Палеолога свой флот, который поступал на содержание греческого царя для похода против всех врагов царя, особенно венецианцев; лишь против Армении, Кипра, Ахеи генуэзцы не были обязаны выступать; всякий генуэзец, живший в Романии, мог быть зачислен в греческое войско (1261). С пизанцами также был заключен договор, и они получили льготы. Венецианцев удалось изолировать.

Сельджукский султан Изз ад-дин, боясь соперника Мелика, проживавшего в Никейском царстве, искал расположения Палеолога. Он послал к нему послов просить поддержки и убежища при случае, и Палеолог милостиво пообещал. Появились в Нимфее крупные перебежчики из Конии, так, двое братьев родом с Родоса, приближенные к султану и богачи, убежали к Палеологу со всеми своими сокровищами. Михаил их принял ласково и пожаловал им высокие звания. Скоро и сам султан, спасаясь от монголов Хулагу, прибыл в Нимфей со всей семьей, матерью-христианкою и с несчетными богатствами. Почет ему был оказан: оставлены его телохранители-турки, предоставлено носить красные сапоги и сидеть рядом с императором на приемах; однако ради верности семью его послали в Никею, а самого султана Палеолог не отпускал от себя. Помощи против монголов Изз ад-дин не получил. С монголами греки

связываться боялись. Про татар ходили слухи в народе, будто они людоеды и чудовища с песьими головами (старинный мифический образ в Троаде и Вифинии, живучий и в византийское время, отразившийся на местных рельефах). Границы же хорошо оберегались пограничниками и крепостями еще со времен царя Ватаци, и на мелкие стычки с татарами в пограничной полосе никто не обращал внимания.

Были, однако, и черные тучи. С Болгарией отношения ухудшились. При последнем Ласкаре Болгария была слаба. Среди смут после умерщвления Михаила Асеневича и Калимана политический центр страны перемещается из Тырнова в Софию. Около 1257 г. бояре возвели на престол Константина Тиха, по матери серба, внука св. Стефана Немани, а по отцу — из рода Тихомиров, магнатов из-под Скопле. Его двоюродный брат севастократор Калоянн рядом с Софией создал (1259) ценнейший памятник искусства в Болгарии XIII в. — церковь Боянскую с фресками. В сохранившейся ктиторской надписи Калоянн именует себя внуком сербского короля Стефана Немани. Он, вероятно, происходил от дочери Стефана, выданной за Стреза Просекского. Родопские и македонские магнаты начали играть в Болгарии первую роль. Тырнов уступил место Западу. Сохранились превосходные ктиторские фрески в этой церкви (не считая позднейших, от 1346 г. — боярина Алдимира, сына воеводы софийского Витомира, и от XV — XVI вв.). Они изображают Калоянна с женою и царя Константина Тиха с супругою, царицей Ириной, дочерью Феодора II Ласкаря. Стиль и исполнение греческие. Замечателен и образ Вседержителя в куполе, родственный таковому в сербском Грачаницком монастыре XIV в.

Тиху приходилось круто на первых порах. Бан Мачвы, упоминавшийся выше русский князь Ростислав, отнял Видинскую область при помощи венгерских полков и величал себя в грамотах dux Galiciae et imperator Bulgarorum, хотя он никогда не был признан в Тырнове. Одновременно отложилась и Восточная Болгария. Появился новый претендент в черноморских областях Болгарии, именно Мица, зять царя Михаила Асеневича. Константину Тиху приходилось при таких обстоятельствах спасаться при помощи греков. Неизвестно, на каких условиях царь Феодор Ласкарь дал ему в жены свою дочь Ирину, по матери внучку великого Асеня. После этого Константин сам стал называть себя Асенем. Несмотря на поддержку никейского двора, Мица одно время так стеснил Константина, что последний потерял всю свою страну и заперся в крепости Стенимахе. Выручили его греки. Михаил Палеолог послал к нему вскоре после достижения власти известного нам Акрополита. Результаты этой миссии, равно как и цель, нам неизвестны. Однако Константин начал теснить Мицу и заставил его укрыться в Месемврии, на берегу Черного моря. Мице не осталось другого исхода, как поддаться Михаилу Палеологу. В 1265 г. куропалат Глава прибыл в Месемврию, принял город от Мицы и вывел его со всем родом, пешком через Балканы, в Константинополь. Михаил Палеолог принял Мицу на службу и дал ему богатые земли в Малой Азии по реке Скамандру. От Мицы пошли византийские Асеневичи, знаменитый в истории XIV — XV вв. служилый род, совершенно огреченный[57].

Это случилось в 1265 г. Но четырьмя годами ранее Константин Болгарский почувствовал себя не нуждающимся в покровительстве греческого императора. Мало того, он встал во враждебные отношения к Палеологу под влиянием, как передают историки, жены своей Ирины, дочери Феодора Ласкаря, желавшей отомстить Палеологу за своего несчастного брата, последнего из Ласкаридов. И болгарский царь нашел выгодным поддерживать партию старой никейской династии.

В то же время успехи эпиротов и итальянцев на Западе тревожили Палеолога. Там у него стоял брат Иоанн с войском, и ему предписано было выступить против эпирского деспота. В помощь ему и для отражения болгар на случай их вторжения во Фракию был послан известный полководец того времени кесарь Алексей Стратигопул с турецким конным отрядом меньше тысячи. Алексей Стратигопул получил инструкцию подойти, по пути к Константинополю и

расспросить о положении дел в столице подгородных жителей, упомянутых выше «вольных людей». И он узнал, что по инициативе нового представителя Венеции, Градениго, венецианцы и рыцари императора Балдуина отправились на кораблях в Черное море для завоевания города Дафнусия. Кесарь недолго колебался; его убедили, что столицу легко взять внезапным нападением. Приступ был назначен на ночь 25 июля 1261 г. у ворот Пиги (ныне Балуклы). Пятьдесят храбрецов под руководством Кутрыцака, одного из подгородных греков, должны были пробраться через старинный водосток, сбросить со стены без шума латинских сторожей и открыть ворота для турок Стратигопула; последний должен был ожидать вблизи, когда раздастся на стенах славословие царям. План удался: сонные франки, сторожившие ворота, были перебиты до единого, у ворот разобрали камни, которыми они были завалены изнутри, и засовы были сбиты. Подгородный поп со стены возгласил царское славословие сначала дрожащим голосом, подхватили другие, и конница Стратигопула двинулась в спящий город через открытые ворота. На рассвете начался грабеж; турки от него не могли удержаться, но опытный Стратигопул не пускал их далеко, в середину громадного города до наступления дня и распорядился поджечь город. Чуть было не отступили обратно, боясь наступления латинян.

Опять ободрили местные греки, которые и вели отряд Стратигопула. Зная, что их ожидает в случае неудачи, эти местные греки напали на латинян и погнали их внутрь города до Золотого Рога. Тогда и турки начали грабить безбоязненно, они ломали магазины и брали товары. Среди латинян господствовала паника. Император Балдуин недолго помышлял о сопротивлении. Выйдя из Влахернского дворца, а по другим известиям — из Пантократорского монастыря (ныне Зейрек-джами), бросив свои регалии — корону и меч, он поспешил сесть на венецианский корабль; последний немедленно отплыл на остров Евбею, бывший в латинских руках. Примеру Балдуина последовали латиняне, вернувшиеся из Дафнусия поспешно, но слишком поздно: на стенах Константинополя стояли греки. Мало того, они увидели в огне венецианский квартал по Золотому Рогу и бросились спасать свои семейства, свои сокровища, чтобы покинуть греческую столицу, бывшую в их руках 57 лет.

Сам царь Палеолог, находившийся в Лидии, лишь через несколько дней узнал об изгнании латинян из Константинополя. Влиятельная сестра его Евлогия первая получила об этом донесение. Ночью она разбудила Михаила, повторяя: «Царь, ты взял Константинополь! Христос даровал его тебе!» Михаил не сразу понял, в чем дело. Не сразу поверил и двор, но через день было получено и официальное донесение. Царь держал речь перед сановниками, радуясь предстоящему изгнанию всех латинян из греческих земель. Вскоре царь с супругою Феодорою и с 2-летним сыном Андроником собрался в древнюю возвращенную столицу; на Успение был назначен торжественный въезд по особому церемониалу. Перед Золотыми воротами шествие остановилось; митрополит Кизикский, за отсутствием патриарха, прочел с высоты городских стен составленный Акрополитом акафист из 13 молитв; после каждой молитвы царь со всем двором падал ниц и возглашал сто раз «Господи, помилуй». Въезд был подобен крестному ходу; перед царем несли чудотворную икону Одигитрии; служили перед Студиевым монастырем, молились в Софии, и затем Михаил Палеолог въехал в Большой дворец. Немедля он послал за Арсением Авторианом и убедил его вернуться на патриарший престол, обещав обогатить новыми вкладами св. Софию, ограбленную латинянами, и, вероятно, возобновил обещания, данные до вступления на престол, о соблюдении прав патриарха и Церкви. Вслед за тем патриарх Арсений вторично помазал Михаила на царство при торжественной обстановке в св. Софии. Новая династия упрочилась. О сыне Ласкаря не было помина. Старый царедворец Акрополит хотел было в торжественной речи просить царя короновать и его 2-летнего сына Андроника; но Палеолог поостерегся от этого шага. Кесарю Стратигопулу были оказаны неслыханные почести. Его имя должно было поминаться в церквах вместе с царским в течение

целого года.

Таков был вкратце ход событий. Возвращение Константинополя произошло при случайных обстоятельствах, но случайным оно не было. Оно могло случиться и ранее, при Феодоре II; но последний Ласкарь не спешил с этим так, как Палеолог. Ласкарю был дорог Нимфей и никейский режим; Палеологу нужен был Константинополь и реставрация старого византийского двора в старой столице, чтобы упрочить свой престол. Не только материальные силы, собранные Ласкарями, сделали неизбежным переход Константинополя в греческие руки, но главным образом крушение примирительной политики Генриха Фландрского, органически связанное с объединением греков в двух национальных центрах, эпирском и никейском, вокруг Ангелов, Комнинов и Ласкарей, из коих первые скоро уступили первенство вторым. Так как латиняне составляли немногочисленный правящий и купеческий класс и в сельском населении имели не опору, но враждебный элемент, направляемый православной Церковью и развившейся национальною идеею, то падение латинских государств, одного за другим, было лишь вопросом времени. Акрополит понял это верно, назвав латинское завоевание болезнью.

Последствия перехода Константинополя в греческие руки были скоро учтены и греками, и Западной Европой. Прежде всего для Палеолога это была блестящая удача. Он был возведен на трон теми политическими элементами, которые наиболее были заинтересованы в реставрации империи Комнинов и Ангелов: высшим духовенством, книжными людьми, знатью и наемными войсками. Им был нужен старый двор и древняя мировая столица.

Народ в Малой Азии, население не только Никеи и Нимфея, но всей Вифинии и Фригии мыслило иначе. Уходила близкая к народу власть, простой, родной двор, деливший с народом радости и горе со времен первого Ласкаря, патриархально-хозяйственный режим Ватаци и его сына, когда всякий приходил с жалобою к царским воротам, когда у самого царя можно было найти управу против сильных людей; уходила твердая власть, знавшая местные отношения, охранявшая народ и от властелей, и от турок на границе, и от хищных латинских купцов, охранявшая местное производство; миновала царская власть, не разорявшая население поборами, сложной финансовой системой и присланным издали алчным чиновничеством, наоборот, покрывавшая государственные расходы из богатой казны крупнейшего в стране хозяина.

Теперь Палеолог открыто вступил на старый путь Комнинов и Ангелов. Не только возвращена была столица, но восстанавливался старый строй, потребности и расходы обветшавшей, отжившей свой век мировой державы. Палеолог, представитель служилой аристократии, связанной одинаково и с Западом и с Востоком греческого мира, своими способностями и энергией, а также и коварством оттеснивший, загубивший наследника никейских царей, был носителем иных начал, да и сам был в ином положении, чем Феодор II Ласкарь. Ему приходилось раздавать казну, и сам он не жалел достояния Ласкарей. Реставрация греческого Константинополя была ему необходима, чтобы укрепить свой трон. Этим самым он был втянут в вопросы мировой политики, в борьбу с Западом на иных условиях, чем Ласкари, имевшие неуязвимую базу у себя в Малой Азии. Перед ними заискивали, на Палеолога будут нападать. Феодор II не считался с папой, а Палеолог будет искать у него спасения. Армия и флот потребуют усиленных расходов, а казна Ласкарей была на исходе. Занятие Константинополя вызовет новые тяготы: нужно возобновлять столицу, дворцы, храмы, укрепления, дома. Иные будут расходы на пышность двора. Ватаци имел все у себя, жил помещиком, умер в палатке в своем саду; а в Константинополе все будет привозное, покупное, роскошное по прежнему уставу и укладу. В Нимфее сановниками были местные богатые магнаты либо царские слуги-домочадцы, а в Константинополе придется оплачивать старые громадные штаты хищного чиновничества, которому нужно восстанавливать дома, жить

дорогой столичной жизнью. Никея и Нимфей, цветущие рынки и гавани по побережью, заглохнут, а сам Константинополь что давал населению, провинциям? Что связано с ним, кроме недоброй памяти? Не он ли высасывал, особенно при Комнинах и Ангелах, все соки из провинции? Не праведный суд, но хищных чиновников и самоуправных властелей обещает он провинциалу. Уйдет власть, падет торговля, и вновь нахлынут турки. Все это неизбежно и непоправимо. Греческая жизнь заглохнет в Малой Азии. Последний Ласкарь мог взять Константинополь, но не спешил. Вероятно, он понимал последствия.

Упомянутый судья Сеннакерим, хотя возвращенный к власти партией Палеолога, отозвался о перенесении столицы в Константинополь как о народном бедствии. Мнение это должно было разделять население малоазиатских провинций. Но с этим голосом при дворе не считались. В нем слышалась партия никейской династии, Ласкарей. Михаил отклонил предложение Акрополита о короновании Андроника. Но под уговорами сестры Евлогии он решился на ужасное дело. Отрок Иоанн Ласкарь жил во дворце в Магнисии. Туда прибыли палачи, и никто не защитил сына царя Феодора. Ему подняли веки и махали перед зрачками раскаленным железом, пока не угасло зрение. Несчастного мальчика отвезли в крепость Никитиаты у Дакивнихи (недалеко от Никомидии) и поместили под строгий надзор. Весть о преступлении Палеолога разнеслась по всей Вифинии; народ волновался и готовил восстание. А в столице было ликование. Все склонилось на первых порах перед Палеологом. Его называли новым Константином. Ему досталось шутя то, что не удалось Ватаци и Феодору II. Кончилось никейское изгнание.

«Константинополь, этот акрополь вселенной, царственная столица ромэев, бывшая под латинянами, сделалась, по Божию соизволению, снова под ромэями, — это дал им Бог через нас. Те, кто брались за это дело прежде нас, хотя брались за него не без благородной доблести и имея в своем распоряжении не неопытное в военном искусстве войско, приходили к мысли, что они стреляют в небо и берутся за дело невозможное».

Так хвалится сам Палеолог в своем уставе монастырю Димитрия.

«Вот великий град Константина, — пишет он же в другом уставе, — как царица, облачился в древний и прекрасный наряд, и новый град Иерусалим скажет по псалму: полны площади ее и перекрестки, переулки и улицы, но не полуварварским народом с его нестройной речью, но вполне авсонским (греческим) и в точности владеющим чистым эллинским языком. Святыни и обители украшены сонмами монахов и монахинь, благочинно проходящих монашеское поприще, священство радуется божественным храмам... В преславном, во имя Премудрости Божьей славном храме восседает патриарх не иноземный и подложный, но родной и единоплеменный, знающий своих и пастве знакомый».

И столица нового Константина требовала расходов, громадных, истощивших казну «стрелявших в небо» Ласкарей. Созвано было население в запустевшую столицу и заселены примыкавшие к морю кварталы; внутри и вне городских стен были отведены участки для пашен и огородов чиновникам и служащим, особенно монастырям были уделены «многотучные» куски; не были забыты «вольные» подгородные жители, столь помогшие возвращению столицы. Тысячи прибывших из провинции были зачислены в царский флот, на который Палеолог не жалел денег. Церкви со св. Софией во главе, с их сонмами черного и белого духовенства, дворцы, присутственные места нужно было привести в прежнее благолепие. Возведена была новая стена, окружившая квартал Акрополя, ремонтировались с суши и с моря укрепления громадного города, стены и башни. Боялись внезапного нападения латинян. Знати и чиновничеству нужно было отстроить их разоренные дома, и не Палеологу было отказывать в субсидиях на это из казны. И сам он строил во славу своего рода, которым он привык гордиться, во славу новой династии. Под Орфанотрофием Комнинов, на месте древнего храма и богадельни

Евгения, Михаилом был возобновлен с большей роскошью разрушенный латинянами родовой храм Палеологов во имя их фамильного патрона, солунского великомученика Димитрия; при нем Михаил основал монастырь, оделил его щедро имениями и доходами, переселил в него братию малоазиатского монастыря Келливарского. По имени нового царского «монастыря Палеологов» весь мыс Акрополя стал называться и у греков и у латинян «углом св. Димитрия». Его развалины виднелись еще в XVI и, может быть, в XVII в. в саду нового султанского дворца. Михаил же возобновил отстроенный его дедом монастырь Михаила Архангела на Авксентьевой горе вблизи столицы. Уставы обоих монастырей дошли до нас.

Блеск, окруживший «Нового Константина», был отражением великого национального торжества. Ликовали не только придворные и служилые люди, но и патриоты, поклонники древней славы; и они вряд ли соображали, во что обойдется реставрация реальным интересам народа. Их радость имела основания. Из долголетней борьбы с пришлыми насильниками греческая нация вышла не раздавленной, но сплоченной. Под руководством православной Церкви население от Салоник до Магнисии и Атталии сознавало себя единым телом; выросло сознание национальности, эллинская идея не только книжная, но и народная; и самая Церковь, вынесшая на своих плечах борьбу, стала еще более дорогой, родной, греческой. Часть книжных людей могла еще трактовать об унии с точек зрения отвлеченного догмата; политики, как увидим, могли еще скрепя сердце желать мира с курией, но простой народ был утрачен для «латинской веры» навсегда. Торжествовала Церковь и православное просвещение, в тяжелой борьбе оно выучилось ценить врага; западное богословие начинают изучать серьезно; появляются переводы, заимствования из западной схоластической литературы. Эллинская идея, нашедшая себе такой красноречивый и искренний отклик в творениях Феодора II Ласкаря, должна была повести к оживлению, к возрождению литературной и художественной деятельности при Палеологах.

Не замедлили надвинуться и черные тучи. Радость родоначальника новой династии была омрачена. Расправа с сыном царя Феодора угрожала неприятными последствиями со стороны патриарха и простого народа. Руки Палеолога были связаны внутри и соучастниками и врагами; ему приходилось действовать крайне осторожно. Еще опаснее стало международное положение. Отношения с Европой обострились больше, чем при Ангелах и Комнинах. За падением Латинской империи на Золотом Роге ожидалась утрата последних обломков латинской Романии, «Новой Франции». Гибло дело всей Европы. Французский трубадур Рютбеф выразил это мнение в своей «Жалобной песне о Константинополе»:

Никто не глуп настолько, чтоб не видеть:
Когда утрачен будет наш Константинополь,
То предстоит и княжеству Морее
Подвергнуться столь сильному удару,
Который поразит святую нашу Церковь,
Что тело не просуществует долго,
Раз у него разбита голова.

Ближе других были затронуты интересы папской курии и венецианцев. Римскому первосвященнику было ясно, что греческий Восток ускользает у него из рук. И величие времен Иннокентия III, и примирительная дипломатия пап Иннокентия IV и Александра окончились крахом. Старый враг сбросил с себя оковы и, ничем не поступаясь, вырвал свою столицу, свой церковный и духовный центр, из рук латинян. Император Балдуин и Венецианский патриарх Джустиниани очутились на положении изгнанников, носителей громких титулов in partibus infidelium. Папа Урбан IV не мог примириться с таким положением вещей. Первоначально он был уверен, что удастся силою отобрать у греков Константинополь, и в этом смысле он писал

французскому духовенству. За папой же при благоприятных условиях могла встать Европа на защиту и восстановление «Новой Франции».

Не менее существенно задеты были интересы Венеции. Ведь по Нимфейскому договору генуэзцы выговорили изгнание венецианских купцов из всех владений греческого императора, а это было равносильно и утрате черноморских рынков. Между тем до сих пор граждане города св. Марка были хозяевами в Константинополе и Фракии, в Мраморном и отчасти в Черном морях, на Леванте до самой Акры. Им угрожало крушение всей колониальной их империи в водах Леванта и, может быть, утрата Крита, Евбеи в первую очередь и других островов, а также факторий в укрепленных гаванях Пелопонниса. Правда, Палеолог, оценивая значение венецианской торговли, условий договора с генуэзцами не исполнил и венецианцев из Константинополя не изгнал, так как при взятии столицы обошелся без генуэзских галер. Тем не менее политический и коммерческий урон Венеции был колоссальный. О первенствующем положении не могло быть более речи. Торговля в те времена опиралась на политику еще более, нежели в наш век. Византийский квартал по Золотому Рогу с церквами и магазинами был сожжен и отдан генуэзцам. Они разрушили дворец всемогущего венецианского подеста Романии и даже камни его, вероятно, с надписями и гербами отвезли в Геную в качестве трофеев. Черноморская торговля — вывоз хлеба, кож и восточных товаров, шедших через Крым и Трапезунт, — должна была перейти в руки генуэзцев.

Первым шагом только что вступившего на престол папы Урбана IV было потребовать от Генуи отказа от союза с греками. Так как генуэзские послы в этом не присягнули, Урбан отлучил от Церкви все их правительство, а на население наложил интердикт, закрыл церкви.

Немедленно папа становится душою лиги против Палеолога. Но единственной крупной силой в Италии тогда был Манфред Гогенштауфен, король Сицилии, а его-то папа не хотел. Из застарелой вражды к Гогенштауфену папа даже отказался от его помощи против греческого императора. К папе обратился изгнанник Балдуин от имени Манфреда, просившего благословения на завоевание и Константинополя и Иерусалима. Папа отказался примириться с Манфредом, хотя Венеция поддерживала всячески линию Балдуина.

Правительство Венеции не замедлило перейти от слов к делу. Дож обещал даром корабли всем венецианцам, которые захотят отправиться на войну против Палеолога. Папа с своей стороны благословил новый крестовый поход. Папа и Венеция хлопотали за Балдуина перед французским и кастильским королями. Урбан грозил Генуе, что оповестит об ее измене католичеству всех западных государей и для генуэзских судов будут закрыты гавани Европы. Но для генуэзцев союз с Палеологом был выгоднее, и они отправили по его просьбе вторую эскадру из 32 галер в воды Леванта. Если большие силы сицилийского королевства не были использованы по вине папы, то борьба началась на море пиратскою войною между венецианцами и, с другой стороны, генуэзцами и греками. Венецианский флот под начальством Дольфино нашел генуэзские и греческие корабли в гавани Салоник, но не решился напасть. Между тем проезд через проливы оказался закрытым для Венеции. Три венецианских корабля, возвращавшиеся из Черного моря с грузом, были захвачены генуэзцами в открытом море, пленный экипаж был отдан Палеологу, который приказал их изувечить (1262). Это означало открытый разрыв с Венецией, переход греков в наступление. Палеолог торопился занять позиции, выбить латинян из Архипелага. Наксос, Парос, Кеос, Каристос были взяты греко-генуэзским флотом, и готовилась экспедиция в Пелопоннис для оккупации городов, уступленных Вилльгардуэном за освобождение из плена.

Палеологу нужен был успех во внешней политике. Сам он переживал на своем троне трудные минуты. Сказались последствия злодейского ослепления Иоанна Ласкаря. Ропот стал громким в самой столице. Исчезла ласковая обходительность царя, преступление повлекло за

собою тиранию. Посыпались кары на смевших жалеть Иоанна. Знатному юноше Оловолу отрезали нос и губы, и несчастный ушел в монастырь. Иных обходили почестями, иных постигала опала в жестокой форме. Не без основания появился террор. В соседней Вифинии, колыбели Никейского царства, разыгрались кровавые события. На пограничной полосе рядом с сельджуками, на рубеже ("акрах"), или «хребте» (ныне Кара-Даг), жило воинственное крестьянство, своего рода казачество, полунезависимое в своих лесных ущельях, привыкшее одинаково к оружию и к сохе. Оно поднялось против Палеолога в защиту наследника любимых царей. Среди них под именем Иоанна Ласкаря явился слепой самозванец; крестьяне признали его и поклялись положить за него свою жизнь. Гнев и страх охватили Палеолога, он знал важность Вифинского рубежа, знал население по прежней своей службе. Он боялся за всю страну. Немедленно он снарядил большое войско против восставших, и многие отправились добровольно, желая заслужить расположение царя. Вифинцы считали себя не бунтовщиками, но защитниками законного царя. Они засели в своих теснинах и засеках, откуда пускали стрелы, и «нагишом», т. е. без панцирей, вооруженные подчас дубинами вместо мечей, бросались на войска Палеолога. Последние не могли нападать компактными массами, приходилось жечь леса и подвигаться шаг за шагом. Крестьяне укрыли семьи в недоступных местах, огородили их рогатками и телегами. Нападавшие несли громадные потери, и дело затягивалось. Решено было действовать переговорами; крестьянам обещали щедроты и подарки от царя; им указали место заключения подлинного Иоанна Ласкаря. Крестьян удалось разделить на два лагеря: благоразумных и непокорных. Видя безнадежность восстания, крестьяне отпустили самозванца к туркам. С непокорными началась жестокая расправа, на села были наложены разорительные штрафы. Искоренили бы всех «Трикоккиотов и жителей хребта», если бы не опасались оставить весь рубеж ("акры") безлюдным и беззащитным против турецких набегов, а он защищал всю страну.

Заговорил и патриарх Арсений, сильный духом. Он не только был возмущен ослеплением сына Феодора II, порученного умирающим отцом патриаршему попечению, но он чувствовал себя обманутым. Царь не сдержал слова, данного главе Церкви. Арсений созвал синод, и, хотя архиереи молчали, он отлучил царя от Церкви. Палеолог смолчал и подчинился каре, желая выиграть время и рассчитывая на успехи во внешней политике.

Политика эта была энергичная, бдительная, беспокойная и в то же время двойственная с начала до самого конца. С одной стороны, Палеолог торопился закончить фактическое изгнание латинян из Романии, прежде всего стать твердою ногою в Пелопоннисе и на Евбее.

Это было его определенной, постоянной целью, борьба за которую обеспечивала за ним сочувствие нации и укрепляла его трон. С другой стороны, с самого возвращения Константинополя и до смерти он боялся католической Европы, нового крестового похода. В зависимости от получаемых им известий о политическом положении боязнь Палеолога возрастала и ослабевала, и в его глазах главным, даже единственным средством предупредить новое нашествие латинян было примирение с римской курией, бывшей душою и руководительницею крестовых походов, покровительницей, в частности, латинского княжества в Морее. Формой примирения являлась церковная уния, признание главенства папы и привилегий латинских церквей на Востоке.

Такой путь был тем более возможен, что как курия со времен папы Иннокентия IV, так и весь католический Запад разочаровались в жизненности идеи Латинской империи в Константинополе, поняли, что государство Балдуина пало от внутренней немощи, неспособности ужиться с греческим населением, устали давать Балдуину помощь и подачки. Новый поход на Восток, даже под флагом восстановления Балдуина или его сына Филиппа на константинопольском престоле, мог преследовать лишь цели колониальной, завоевательной

политики крупнейших в Италии государств, а это отнюдь не входило в планы римской курии.

Палеолог привык к трудным положениям, их лично не боялся и обладал большою выдержкою. Он то отпускал, то натягивал вожжи своей политики в сторону унии. Но реальную постоянную свою цель — изгнание латинян из Романии — он преследовал с тем большей энергией, чем положение было труднее, и средств он не щадил. Таков ключ к главной линии его сложной политики по отношению к Западу. Аналогичным был его образ действий по отношению к венецианцам и генуэзцам; он их то манил к себе, то отталкивал, постоянно ссорил, но фактически мало с ними стеснялся, так как в Константинополе он был все-таки хозяином.

По условию, оговоренному с отпущенным из плена князем Вилльгардуэном Ахейским, Палеолог получил Западную Морею и снаряжал морскую экспедицию в Монемвасию, «Малвазию» западных писателей, притом поспешно, опасаясь венецианцев и западной помощи Балдуину. Хотя генуэзских и греческих кораблей в водах Леванта было больше, чем венецианских, но венецианцы разбили генуэзцев в морской битве (при Сетте Поцци, в Архипелаге, 1263 г.) благодаря лучшей тактике в бою; но не все генуэзские галеры приняли участие в сражении. Силы генуэзцев на Леванте не были сломлены; они захватили 4 венецианских корабля и получили подкрепления, так что у Палеолога оказалось до 60 генуэзских галер — громадный по тому времени флот. Тем не менее между Палеологом и генуэзцами произошла, размолвка. Он отпустил их флот домой. Не неуспешное сражение, не отсутствие денег у Палеолога были тому причиной, но различие политических целей[58]. Палеолог желал генуэзской помощи не против венецианцев, но против Вилльгардуэна. Последний находился под особым покровительством папы, а с курией генуэзцы опасались продолжать открытый конфликт, хотя Вилльгардуэн вошел в союз с венецианцами. По возвращении на родину те генуэзские капитаны, которые перевозили греческую экспедицию в Монемвасию против Вилльгардуэна, были преданы суду. Генуя была накануне примирения с папой, нуждавшимся в генуэзском флоте для перевозки войск Карла Анжуйского в Италию против Манфреда Гогенштауфена. В Генуе назревали иные планы, поворот в сторону курии; политическое положение в Италии заставляло республику, слабую на суше, держаться осторожно; последняя борьба с Манфредом Гогенштауфеном при участии крупных французских сил могла оказаться опасной для республики, где существовала партия гибеллинов; притом Карл Анжуйский был опасным соседом Генуи. Еще продолжалась борьба с Венецией, требовавшая напряжения всех сил. В 1264 г. генуэзский флот захватил ежегодный караван венецианских купцов, отправлявшийся на Восток, и на целый год венецианская торговля с Левантом была парализована. При таких условиях Генуя не могла в угоду Палеологу воевать с Вилльгардуэном Ахейским и вконец рассориться с папой.

Пути Генуи и Палеолога разошлись. Греческий император об этом не жалел. Он уже тяготился союзом с Генуей, предпочитая примирение с Венецией как сильнейшей морской державой, законодательницей морской торговли (морской кодекс «Consulatus maris», составленный в Константинополе в 1255 г.); дружба с Венецией была ценной, она обезвредила бы союз Венеции с Вилльгардуэном, за которым стоял папа; вражда с Венецией была всегда опасной, если вспомнить обстоятельства четвертого крестового похода.

Кроме уклонения Генуи от участия в экспедиции против латинской Мореи одно непредвиденное событие дало Палеологу желанный повод к разрыву с Генуей. Этим фактом была измена Греческой империи самого подеста генуэзской колонии в Константинополе при обстоятельствах несколько темных и загадочных. Генуэзцам в Константинополе не было причин жаловаться на Палеолога. Правда, он не изгнал из города всех венецианцев и пизанцев, но из них остался низший класс, ремесленники, полезные грекам люди; а видные венецианские

купцы выехали вслед за разрушением венецианского квартала, впрочем неполным. Претензии генуэзцев, требовавших исключительных прав на основании Нимфейского договора, стали для греков стеснительными. Их квартал у ворот Евгения (ныне Сиркеджи, у вокзала железной дороги) оказался на территории, нужной для новых укреплений Акрополя. В 1264 г. подеста генуэзцев в Константинополе был Гильельмо Гверчи из фамилии, принадлежавшей к партии гибеллинов, сторонников Манфреда Гогенштауфена. По-видимому, за свой страх Гверчи вошел в тайные сношения с агентами Манфреда и составил план предать город латинянам. План этот был настолько неосуществим и рискован для Генуи, что можно было бы заподозрить в Гверчи лицо, подкупленное Палеологом, чтобы разделаться с генуэзцами. Во всяком случае, Гверчи в присутствии императора и генуэзских нотаблей план свой раскрыл и от Палеолога не пострадал. Лишь составлен был акт об измене Гверчи, и он был отослан в Геную, где поведение Гверчи возмутило даже его родных, потребовавших получить скованного изменника для личной расправы. Палеолог же поспешил изгнать всех генуэзцев из Константинополя в Ираклию (древн. Перинф, возле Родосто) на Мраморном море. Это был тяжкий удар генуэзской торговле. Одновременно Палеолог приказал изгнать и венецианцев с пизанцами, но это последнее приказание, кажется, не было выполнено. Два посольства отправились из Генуи к Палеологу ходатайствовать о сохранении генуэзского квартала или хотя о разрешении генуэзским купцам поселиться вне городских стен. Впервые была высказана мысль об основании генуэзской Галаты. Палеолог, однако, был неумолим, ему теперь нужна была Венеция по соображениям международной политики. Союз с Венецией расстроил бы лигу, образовавшуюся под эгидой папы из венецианцев, латинских баронов Греции во главе с Гильомом Вилльгардуэном и князем афинским. Палеолог сам открыл переговоры с Венецией, сначала через пленного венецианца, затем приезжало два венецианских посольства, и второе из них, полномочное, заключило с Палеологом союзный договор. Михаил обязался изгнать генуэзцев из всей своей империи и не заключать с ними соглашения без ведома Венеции. Старое привилегированное положение венецианцев было восстановлено. С своей стороны республика св. Марка обязалась защищать греческого царя от врагов с Запада (1265).

Союзный договор 1265 г. был важным шагом на пути изгнания латинян из Романии — цели, которую Палеолог преследовал с лихорадочной энергией. Договор отдавал в руки греков второй оплот латинства на западе греческого мира, именно богатую Евбею. Защита этого острова от греков была существенным пунктом той лиги между Вилльгардуэном и венецианцами, о которой только что бышо упомянуто.

Враждовавшие между собою «терциарии» Евбеи, ставшие вассалами Венеции, афинский и ахейский князья и правительство Венецианской республики согласились прекратить междоусобия и срыть укрепления Негропонта. Теперь Венеция, главный фактор этой лиги, переходила на сторону греков. Палеолог удержал за собою гавань Алмира, против Евбеи, пока Бог не даст ему власти над Еврипом (Евбейским проливом). Для Венеции договор означал отказ от колониальной политики на Востоке, и поэтому дож колебался его ратифицировать.

Еще более энергично наступал Палеолог против латинской Мореи. Этот оплот латинства в Греции был главным и пал первым под действием политики и оружия Палеолога, не щадившего материальных жертв для содержания флота и для снаряжения громадной по тому времени экспедиции в Монемвасию. Мы изложили выше, в главе об Ахейском княжестве (с. 392), как Гильом Вилльгардуэн не только уступил в качестве выкупа из плена свое детище Мистру и весь Восточный Пелопоннис, но и принес ленную присягу греческому императору; Палеолог носился с планом женить сына Андроника на наследнице Вилльгардуэна и получить всю Морею путем этого политического брака; так началась с благословения папы и по настоянию баронов отчаянная борьба франков за сохранение единства полуострова, за самую будущность

франкской Мореи, против армии Константина Палеолога и его товарищей, умевших терпеть и умирать за царское дело (1263). Следствием было разорение цветущей Мореи. Мистра стала греческой, ядром будущего греческого деспотата.

Расстроив латинскую лигу в Романии, утвердившись в Морее и на Евбее, Палеолог заставил и эпирского деспота Михаила, захватившего вместе с Манфредом (1261) много земель в Северном Эпире и Албании, искать мира, несмотря на поражения и плен знаменитого кесаря Алексея Стратигопула (1262). Наследник деспота Никифор получил в жены дочь влиятельной царской сестры Евлогии (1265).

Наоборот, по отношению к римской курии Палеолог действовал весьма осторожно, опасаясь скрытых сил латинского Запада, которые папа мог привести в движение; четвертый крестовый поход и захват Константинополя были в памяти у всех. Немедленно по переселении в древнюю столицу, а может быть и раньше, Палеолог послал в Рим двух послов из служилых латинян, но один из них на пути был схвачен и замучен, другой поспешил вернуться. Палеолог имел основания зорко следить за настроением и действиями римского двора. Папа Урбан, услышав о падении константинопольской Латинской империи, об утрате этого «благороднейшего члена» Римской Церкви, был поражен и горько плакал, считая это событие вечным позором латинского имени. Он разрешил Вилльгардуэна от клятвы, благословил союз его с венецианцами против Палеолога, на расходы по их походу назначил в течение трех лет особый сбор с вакантных мест духовенства по всей Европе; приказал проповедовать крестовый поход во Франции, Арагоне и Польше и засыпал посланиями христианнейшего Людовика Французского; отлучил от Церкви генуэзское правительство. Со своей стороны изгнанный Балдуин объезжал европейские дворы, раздавал грамоты на утраченные земли, сватал своего сына Филиппа; Венеция предлагала крестоносцам свои корабли. Отнюдь не желая помощи Манфреда Гогенштауфена, Урбан возобновил хлопоты своих предместников о призвании в Италию французов, именно брата короля Людовика Святого, графа Прованса Карла Анжуйского. Этот энергичный государь располагал большими материальными средствами.

Дошли ли эти планы до Палеолога или нет, но он начал искать расположения Манфреда и даже собирался жениться на его сестре Анне, вдове Ватаци; однако царица Феодора, жена Палеолога, оказала упорное сопротивление этому проекту, и патриарх Арсений не дал царю развода. Тогда Палеолог послал Манфреду Анну в обмен на попавшего к тому в плен кесаря Стратигопула, завоевателя столицы. Манфред отнесся холодно к авансам Палеолога, и последний написал (1262) папе послание о том, что христианская любовь заставляет его, Палеолога, искать мира с папой, а о догматах можно договориться потом; не годится папе отвергать блудного сына, который к тому же помог бы папе держать всех под своею рукою, т. е. того же Манфреда.

Папа такого письма не ожидал и не знал, верить ли Палеологу. Обещая прислать нунциев, папа просит «светлейшего императора греков» не трогать латинян Романии. А Палеолог и не подумал исполнить это пожелание папы, продолжал воевать и в Эпире, и в Морее, и на островах в уверенности, что греческие успехи сделают папу сговорчивее, но вместе с тем признал папу третейским судьею между греками и латинянами; впрочем, это был лишь красивый жест. Двуличие Палеолога — военные действия и авансы папе — пугало Урбана. Он даже думал, что Палеолог нападет на латинский Кипр. При тогдашней трудности сношений обе стороны приписывали друг другу планы, каких в действительности не существовало. В ту пору за Балдуина никто не хотел вступаться, даже французы слабо отвечали на папские призывы, будучи заняты предприятием Анжу. Папе пришлось пойти на предложения Палеолога. Одна уния могла защитить латинские церкви на греческих землях, хотя бы ценой признания Палеолога законным государем Константинополя. Ведь был же готов Иннокентий IV предать

империю Балдуина царю Ватаци за церковную унию. Урбан недолго колебался. Он пообещал в случае воссоединения «столь знатного члена Церкви раскрыть недра отеческой приверженности» и защищать династию Палеолога на ее троне. «Отец и мать не сделали бы столько». Балдуина же папа решил предать его собственной судьбе, раз он посмел хлопотать перед французским королем за Манфреда, а это грозило гибелью плану покончить через оружие Карла Анжу с последним Гогенштауфеном в Италии. Четыре минорита повезли Палеологу папский ответ, но задержались в пути и ехали целый год. Тем временем греки, вследствие измены турецких наемников, потерпели в Морее крупное поражение, и Палеолог отправил в Рим католического епископа Кротонского, родом из греков, с более определенными предложениями (1264): он признавал папский примат со всеми его каноническими последствиями, признал святую силу таинств, совершаемых католическим духовенством, обещал отвоевать для папы Иерусалимскую и Антиохийскую Церкви. Урбан был в восхищении, восхвалял Господа за то, что никогда еще не бывало так близко к осуществлению вожделенное объединение Церквей. Заговор агентов Манфреда с генуэзским подеста в Константинополе, происходившим из гибеллинского рода, еще более сблизил Палеолога с курией. Михаил уже договорился с миноритами о созыве церковного Собора для разрешения политических и церковных вопросов. Тем временем умер Урбан IV, и на папский престол был избран Климент IV (1264—1268), также француз. При нем Карл Анжуйский привел свое войско в Рим (1265) и через несколько месяцев разбил Манфреда, потерявшего в один день корону и жизнь; при нем был поражен французами Италии и Мореи юный Конрадин Гогенштауфен, отданный Карлом в руки палача (1268). События эти были грозными для Палеолога. Вместо рыцарского блестящего, но непостоянного Манфреда на Юге Италии появился могущественный, сильный деньгами и людьми Франции Карл. Его характер виден по переписке, недавно изданной. Он полон огня и энергии, постоянно торопит и нерадивым грозит. Недаром папа писал, что с утверждением Карла в Италии изменится судьба Романии. Палеологу приходилось серьезно считаться с новым нашествием латинян. Палеолог учел события заранее. Папской миссии он предоставил право служения в православных церквах столицы; упомянутого выше епископа Кротонского он уговорил служить по греческому обряду, но вскоре сослал его за какую-то вину.

На Западе политика Михаила Палеолога стала еще более лихорадочной. Он предлагал Вильгардуэну Ахейскому выдать его дочь и наследницу Изабеллу за юного Андроника Палеолога, наследника греческого престола, но морейские бароны не допустили этого брака. Михаил Палеолог заключил (1265) мир и союз с венецианцами. В Эпире император имел выдающийся успех. Деспот искал примирения, лишившись поддержки Манфреда и предвидя наступление Анжу на Эпир в первую очередь. Так и случилось: сначала Карлу подчинились итальянские владельцы о. Корфу (1267); затем Карл в качестве сюзерена Вильгардуэна Ахейского послал ему войско и субсидию (1268), а Вильгардуэн со своими рыцарями участвовал в разгроме Конрадина Гогенштауфена. Уже тогда у Карла был определенный план завоевать царство Михаила Палеолога. В мае 1267 г. он заключил с изгнанником Балдуином (переехавшим к Карлу после гибели Манфреда) договор в Витербо, по которому Карл за себя и за своих наследников обещал Балдуину в течение шести лет организовать экспедицию с громадными силами (2000 одних рыцарей) для завоевания царства «схизматика М. Палеолога, присвоившего себе звание императора». За это Балдуин отказался в присутствии папы Климента от сюзеренных прав на княжество «Ахеи и Мореи», подтвердил за Карлом права на владения Манфреда и его адмирала Кинарда в Эпире и на Корфу, уступил Карлу все острова до Абидосского мыса (Дарданелл), за исключением четырех больших малоазиатских; уступил Карлу треть будущих завоеваний на материке, во владениях Палеолога и эпирского деспота, в бывшем королевстве Салоникском и в Албании и Сербии. Брак Филиппа, сына Балдуина, с

Изабеллой, наследницей Вилльгардуэна, должен был скрепить этот договор.

Палеолог предвидел планы Карла. За год до договора в Витербо он предложил папе Клименту осуществить церковную унию с разрешением политических вопросов на церковном Соборе. Папа должен был определить свой путь. С одной стороны, он явился покровителем и союзником французского государя Южной Италии, разгромившего державу Гогенштауфенов. С другой стороны, он опасался Карла, уже получившего голос в управлении Римом и в Северной Италии. В случае разгрома Палеолога основалась бы могущественная держава в Италии и на Востоке, при которой курия утратила бы всякую самостоятельность действий.

Для папы было выгоднее церковное объединение греков с латинянами: все ему нужное папа получал и ничего дома не терял. Понимая это, Климент смело стал на путь, диктуемый интересами Римской Церкви. Чтобы загородить Карлу дорогу в Константинополь посредством унии с греками, Климент тонко воспользовался самой силой Карла, страхом, который он внушал Палеологу.

И Климент поставил греческому императору определенные условия: о вере не рассуждать, римское учение о Св. Духе и об опресноках принять, императору с клиром и народом присягнуть в том, что они признают не только верховную каноническую власть преемника Петра, но и его право разрешать споры о вероучении. После того гарантируется прочное политическое соглашение между греками и Западом, причем возможен и созванный папой Собор. Но переговоры об унии не удержат его, Климента, от помощи латинянам, обижаемым греками, и от обращения последних на истинный путь иными средствами, т. е. оружием (1267).

Палеолог понимал, что в такой форме уния неприемлема для греческого народа, но видел, что нужно что-нибудь предпринять немедленно ввиду успехов Карла. Он ответил папе, что немедленно пойдет на египетского султана и привлечет к походу армянских князей, если только папа гарантирует безопасность его царства на время похода; осуществить унию ему мешает духовенство. Находившийся при дворе Карла папа отвечал Палеологу, что лишь уния избавит греков от латинского нашествия, и в то же время благословил известный нам договор Карла с Балдуином. Климент был уверен, что Палеолог пойдет на все, и уже подыскивал доминиканцев для миссии в Константинополь. Игра была двойная, но цель одна: церковная уния, которая помешала бы чрезмерному усилению Карла. В 1268 г. Климент умер, и папский престол три года не был занят: Карл того и хотел, без папы ему было легче готовить поход на Восток. Его план был задуман широко, с участием венгров, сербов и болгар; даже слепой царевич Иоанн Ласкарь, убежавший из заключения в Никитиатах, появился при дворе Карла Анжуйского. Новый германский император Альфонс Кастильский обещал помочь Балдуину. Венецианское правительство под влиянием успехов Карла и переговоров с его братом Людовиком Святым о новом крестовом походе заключило с Палеологом (1268) новое соглашение, в котором уже не было речи о помощи против латинян на Евбее и в Архипелаге, наоборот, венецианцы оставили за собою право помогать последним в случае нападения греков.

Со своей стороны греческий император взял назад обещание изгнать генуэзцев и предоставил венецианцам кварталы в главных приморских городах. Свобода венецианской торговли осталась только на бумаге, и венецианские купцы жаловались своему правительству, что их грабили и убивали на глазах греческих властей. Прошло для них золотое время Латинской империи в Константинополе. И венецианские наемники не стеснялись поступать на службу к баронам Евбеи, и до 500 их попало к грекам в плен. При таком положении дел в 1269 г. приехало в Венецию посольство от Карла, призывавшее республику св. Марка нарушить договор с Палеологом во имя общих интересов латинства. Но венецианцы боялись Карла не меньше, нежели папа, и не стали на сторону ни Карла, ни греков. Тем не менее в 1270 г. Карл снарядил экспедицию на помощь князю ахейскому, с которым он породнился и наследником

которого он стал.

Палеолог тем временем возобновил переговоры об унии, на этот раз не с курией — папский престол оставался вакантным, — но с христианнейшим королем Франции Людовиком Святым, и избрал его третейским судьею в своем конфликте с Карлом. Людовик снесся с курией, и было решено послать к Палеологу кардинала Альбано (1270), которому было поручено потребовать от Палеолога серьезных гарантий в верности св. престолу. Из среды кардиналов исходило недоверие.

Палеолога спасла от Карла на этот раз не уния, но крестовый поход Людовика Святого в Тунис, в котором Карл должен был принять участие. Смерть Людовика (1270) развязала было руки Карлу, но гибель его флота от бурь заставила отложить нападение на греков.

На папский престол вступил Григорий X (1271—1276), который взялся за унию решительно, будучи занят планом нового крестового похода. Для него война между христианами была препятствием к продолжению дела Людовика Святого. Средством предупредить войну с греками являлась уния. На этом пути Григорий X был счастливее своих предшественников. Успехи Карла в Западной Греции заставили Палеолога спешить с унией, и в лице Григория он имел партнера, которому Карл не был страшен. В 1271 г. полководцы Карла Бомон и Барр совместно с баронами Греции успешно воевали в Пелопоннисе против греков; в 1273 г. отправлено Карлом было еще большее войско под начальством адмирала де Туей; оно было усилено арабскими стрелками и наемниками из Франции. Но Палеолог, окрыленный успехами в деле заключения унии, в следующем же 1274 г. освободил Янину от войск фессалийского деспота Иоанна, союзника латинян, и загнал де Туси с помощью албанцев в прибрежные Драч и Валлону. Военные действия были перенесены на Евбею, где утвердился византийский адмирал, славный своими подвигами протостратор Алексей Филантропин. Измена одного из евбейских баронов по имени Ликария помогла Филантропину. В 1274—1275 гг. Палеолог собрал громадный флот из Константинополя и провинции, всего 73 корабля, и послал с ними Филантропина на Евбею. В Северной Греции должно было последовать столкновение сил Палеолога и Карла. Оно началось междоусобием между греками. Для объяснения событий вернемся несколько назад.

По смерти старого эпирского деспота Михаила (1271) Карл успешно действовал в Албании. Албанские родоначальники с представителями Драча и других городов избрали своим королем Карла (1272), который начал раздавать албанским вождям земли в сторону Охриды. Дипломатическая борьба между Карлом и Палеологом охватила весь Балканский полуостров с соседней Венгрией. В последней Палеолог одержал победу. Политические соглашения по обычаю времени завершались браками между членами династий. Стефан Венгерский, в жилах которого текла кровь никейских царей, выдал дочь Анну за наследника греческого престола Андроника (1272). Бывший патриарх Герман и старый великий дука Ласкарь, приходившийся дедом с материнской стороны венгерскому королю, привезли невесту, и бракосочетание было совершено в св. Софии патриархом Иосифом с большою пышностью. Вскоре Андроник с Анной были помазаны на царство, получили царский двор, и Андроник начал подписывать грамоты. К присяге Андронику все были приведены с особенною тщательностью. Михаилу нужно было укрепить престол за сыном. Он не доверял своим братьям, особенно одному из них — деспоту Иоанну. У царя, по-видимому, были для того основания. Иоанн прославился и воинскою доблестью, и щедростью; он жил по-царски. Михаил стал унижать брата перед сыном-наследником при дворе, отнял у него имения на Лесбосе и Родосе, отнял отличия, присвоенные сану деспота, даже шапку, усыпанную жемчугом. Но когда на Западе появилась грозная опасность, он не нашел лучшего полководца, как Иоанн. Опасность появилась среди самих греков. Сила Карла отразилась, по-видимому, на верности греческих вельмож. Губернатор

Адрианополя и Фракии Андроник Тарханиот (под влиянием личной обиды, как передает Пахимер) задумал изменить Палеологу. Призвав татар, разорив и замутив страну, как каракатица, по выражению Пахимера, Тарханиот бежал в Фессалию к своему тестю Иоанну Комнину Ангелу. В измене Тарханиота вернее видеть результат враждебной политики Болгарии и Иоанна Комнина Ангела, за которыми нужно видеть руку Карла Анжуйского. Упомянутый Иоанн Комнин был побочным сыном эпирского деспота Михаила и еще при жизни отца владел самостоятельно в Фессалии, в Новых Патрах. Не в пример законному наследнику Эпира Никифору, Иоанн унаследовал дарования и честолюбие эпирских и салоникских Ангелов Комнинов. Это он решил победу греков над франками при Пелагонии. Михаил Палеолог считался с Иоанном серьезно, породнился с ним и дал ему звание севастократора, т. е. причислил его к царской фамилии; однако Иоанн вел свою политику, лелеял честолюбивые планы и умел ладить с латинянами. Он даже ссужал самого Карла деньгами в стенах латинских Фив.

Видя в Иоанне серьезную для себя опасность в случае нашествия Карла, Михаил Палеолог решил с ним разделаться и одновременно с флотом Филантропина послал громадную по тому времени армию в 40 000 человек под начальством упомянутого своего брата деспота Иоанна Палеолога. Византийцы вторглись в Фессалию, и Иоанн Ангел был оставлен всеми, скитался по стране, спасаясь от преследования, и наконец укрылся в крепости Новых Патрах. Византийцы обложили город, и Иоанн Палеолог потребовал у жителей выдать Ангела, угрожая разорить страну дотла. Горожане просили подождать, а тем временем Ангел бежал, спустившись по веревке; одетый конюхом, он прошел через византийский лагерь и явился в Фивах; владетель Фив дал ему 300 всадников, закаленных в боях, и Иоанн Ангел напал на византийцев врасплох, сея ужас. Войска деспота бежали, оставив богатейшую добычу, царские драгоценности в ставке деспота; последний не мог остановить панику и укрылся в ущельях Дримяны, недалеко от моря, с остатками своей армии.

В это же время на эскадру Филантропина, стоявшую по соседству у берегов Евбеи, напал почти вчетверо меньший флот, снаряженный баронами Евбеи и Мореи. Латиняне сначала оттеснили греков к берегу Фессалии; гибли лучшие моряки блестящего флота Филантропина, и самого его спасла крепкая броня. В разгар боя на берегу является деспот Иоанн; видя гибель царских сил и на море, в отчаянии и ярости он умолял опомниться и не губить царского дела; на лодках он перевез свои силы на корабли, и греки воспрянули, погнали в свою очередь утомленных латинян и истребили их флот, причем погибли знатнейшие бароны Евбеи (1275). Успех на море был велик и важен; но гибель сухопутной армии легла позором на храброго Иоанна Палеолога. В покаянной одежде, без знаков своего звания, явился он к брату-царю. Герой многих войн, любимец армий должен был удалиться в частную жизнь, к радости престолонаследника Андроника.

Одновременно отношения с сербами и болгарами не налаживались у Палеолога. Нетрудно угадать причину. Национальная греческая политика не допускала уступить славянам что-либо из достояния древних императоров. Палеолог был далек от мысли объединить православные народы Балкан против латинства путем уступок в национальных и церковных вопросах. Непониманием этого страдают греки от Палеологов до сих пор, до современного Фанара. В 1272 г. Михаил Палеолог подтвердил хрисовул императора Василия Болгаробойцы о привилегиях архиепископа Охриды и всей Болгарии. Одним росчерком пера хотел он уничтожить церковную автономию сербов и болгар, плоды деятельности Саввы Сербского и великого Асеня.

Его политика по отношению к сербам и болгарам была мелкой, династической; он был поглощен борьбой с латинством, но не понимал, что союз балканских народностей, связанных религией и культурой, легко мог выжить и латинян и татар навсегда. Наоборот, он сам призвал

татар против болгар. Болгарский царь Константин Тих и его держава находились под сильным греческим влиянием, культурном и политическим, со времен никейских царей. Сначала Тих враждовал с Палеологом за его преступление по отношению к последнему Ласкарю, и вражду поддерживала супруга Тиха и сестра Иоанна Ласкаря Ирина; после ее смерти Палеолог выдал за Тиха свою племянницу Марию, дочь Евлогии, но не дал обещанного за нею приданого, удела претендента Мицы (городов Анхиала и Месемврии), посягнув на целость царства Асеней. Началась опустошительная разбойничья война во Фракии; тюрко-болгарские отряды разоряли цветущую область, оправившуюся под скипетром Ватаци и Феодора П. В связи с византийско-болгарскими отношениями находится, по-видимому, упомянутое возмущение адрианопольского губернатора Тарханиота.

Чтобы смирить болгар, Палеолог прибег к традиционному приему византийской политики для XIII в., еще более пагубному, чем для времен Комнинов: на полугреческие земли он напустил северных кочевников, именно татар хана Ногая. Этот замечательный татарский полководец около 1270 г. перекочевал с большой ордою в южнорусские степи и Молдавию. По словам Пахимера, он подчинил себе аланов, зикхов, готов крымских и русских, усвоивших себе татарские обычаи, язык и одежду. И по русским летописям (с 1276 г.) данниками Ногая являются князья галицкие и волынские. Молдавия и Болгария являлись главной ареной для орды Ногая. Еще в 1270 г. татары участвуют вместе с болгарами Тиха в попытке захватить Михаила Палеолога в устье Марицы. Счастливо избегнув плена, Михаил породнился не только с Тихом, но даже с Ногаем, прислав ему в жены свою побочную дочь Евфросинью с дарами. Опираясь на Ногая, Михаил не считался с Тихом, и началось опустошение Болгарии татарами, тяжкое время для славянской и греческой культуры в царстве Асеневичей. Ногай был варвар, гордый верностью уставу Чингис-хана. Из присланных Палеологом даров он оценил лакомства и бочки с вином, равно как золото и серебро; увидя же драгоценные царские облачения, он спросил: «Эта дорогая шапка исцеляет ли от головной боли? и жемчуг на ней отвратит ли молнию от головы? и эти одежды имеют ли чудесную силу от болезней?» — и, услышав отрицательный ответ, Ногай бросил все это с пренебрежением и надел свою овчину.

Когда было нужно, Палеолог не щадил культуры и не гнушался союза с Ногаем; наоборот, сербы оказались для греков недостаточно культурными, хотя их страна была полна западными мастерами и сербские великие жупаны покровительствовали просвещению. Целый ряд великолепных церквей, начиная со Студеницы и Арилья, был выстроен для них в XIII столетии далматинскими и итальянскими архитекторами. При Михаиле царствовал в Сербии Стефан Урош I (1243—1276), женившийся приблизительно около 1250 г. на Елене — может быть, дочери константинопольского императора Балдуина II Куртенэ [59]. Она пользовалась одинаково большим влиянием и среди православного духовенства Сербии, и в латинской Церкви, которой она осталась верной; она достигла глубокой старости (†1314). Целый ряд католических церквей на побережье и по крайней мере один православный монастырь (Градац на р. Ибаре) выстроены Еленой.

До 1267 г. политика Уроша была определенно западнической, зависимой от Венгрии; его старший сын Драгутин был женат на дочери венгерского короля Стефана. Сербы служат в венгерских войсках против Оттокара Чешского (1260). Венгерский король Бела IV, отец Стефана, отзывается об Уроше, что он, «обуянный гордыней», «уклонился от нашей власти». В самом деле, Урош тяготился зависимостью от Венгрии и воспользовался удобным случаем, чтобы ее сбросить. Таким случаем была война между отцом и сыном, венгерскими королями Белой и Стефаном (1267).

Михаил Палеолог хотел воспользоваться поворотом сербской политики и сватал свою дочь Анну за второго сына Уроша, Драгутина, и даже послал невесту в Сербию. Но в этот момент

Уроша постигло несчастье. Он вторгся в Мачву, удел Белы, сына вышеупомянутого князя русского Ростислава, но здесь был разбит подоспевшими венграми и взят в плен (1268). Ему пришлось дать обязательство разделить власть с сыном Драгутином. И в договоре венгерского короля с чешским Урош с сыном упомянуты в числе венгерских вассалов, «родных королевских» наряду со Святославом, «императором болгарским», т. е. князем Яковом Святославом Галицким, владевшим уделом в Западной Болгарии под эгидою венгров. В 1276 г. Урош был свергнут своим сыном и соправителем Драгутином с помощью венгров и умер монахом.

Попытка Палеолога втянуть Сербию в орбиту византийской политики оказалась безуспешной.

Вместе с Константинополем Михаил принял на себя все претензии древних царей, задачи мировой политики Комнинов, и под тяжестью этого наследства дрожали его плечи. На Западе враги Палеолога стояли сомкнутыми рядами под знаменами Карла Анжуйского. Отпраздновав свадьбу дочери с Филиппом, наследником прав и титулов Балдуина (1273), укрепив свои связи с латинскими государями в Греции, а также с Иоанном Фессалийским, при поддержке Франции, Венеции, южных славянских государств, располагая силами и средствами Южной Италии и Сицилии, Карл был в состоянии сокрушить Палеолога, и последнему приходилось рассчитывать на свою дипломатию более, чем когда-либо. Михаил обратил внимание на государей Испании, естественных соперников Франции в бассейне Средиземного моря. Кроме того, против Карла образовалась лига в Северной Италии под главенством Альфонса Кастильского, с участием маркиза монферратского и города Павии, старого гибеллинского гнезда (1272). Через Геную Палеолог имел связи с этой лигой, и отношения к Генуе он упрочил новым договором. Между враждебными французам государями проектируются политические браки, хотели женить самого Палеолога на дочери Альфонса Кастильского.

Карл неоднократно старался отклонить папу Григория от церковной унии с греками, но его энергичные шаги привели лишь к обратному результату; папа мог тогда действовать свободно. Еще в 1271 г., возвращаясь из Палестины, новоизбранный папа Григорий писал Палеологу и хотел пригласить его на Собор католической Церкви, который предполагал созвать в Лионе в 1274 г. для решения различных церковных дел. От Палеолога прибыл послом Иоанн Парастрон, грек, фанатичный приверженец унии, с письмом, в котором Палеолог подтверждал свое желание заключить унию и воевать против неверных. Агенты Карла настаивали на войне с греками, неоднократно обманывавшими курию. Тем не менее в Константинополь посланы бьши четыре католических монаха, среди них будущий папа Николай IV. Папа извещал, что он защитит Палеолога в случае принятия им унии, но не будет в состоянии бороться с требованиями Карла, если Палеолог будет медлить. Требовалось принять латинский символ и признать в присутствии нунциев папский примат; за это на Соборе папа добьется политического союза латинских держав с новообращенным греческим императором. Если же греческое духовенство унии не допустит, можно отложить унию до заключения политического мира, лишь бы патриарх с синодом дали письменное и принципиальное обещание. Одновременно папа разъяснил Карлу, что он не обязан уменьшать свои войска в Романии, хотя следует дать грекам перемирие на время переговоров об унии. И Карл тотчас же послал в Грецию сильное войско под начальством де Туей. Венеции же папа запретил возобновлять переговоры с Палеологом. Прежде Палеолог манил унией, а теперь папа угрожал готовыми силами Карла. И Григорий X добился того, к чему вотще стремились его предшественники.

Палеолог спешно укреплял столицу, готовясь к осаде. Башни и амбары бьши набиты хлебом; что не вмещалось, было сдано горожанам на хранение; в каждый дом пригнали по десятку свиней, и хозяева должны были резать и солить мясо. Заготовлены бьши масса оружия,

метательные машины, наняты бьши оружейники, морские стены были «удвоены» и получили постоянный гарнизон. Укреплялись острова и города по Мраморному морю. Стоянка флота была перенесена из Влахерн в просторную Старую Гавань (на месте нын. таможни в Стамбуле); гавань Кондоскалию на Мраморном море огородили камнями, заперли железными воротами, углубили, причем на дно лили ртуть. Генуэзцам было разрешено укрепить Галату, и они были приняты на царскую службу.

Труднее было заставить греческое духовенство принять унию по программе римской курии. Авторитет Михаила Палеолога был поколеблен в глазах ревнителей канонов еще со времен патриарха Арсения Авториана. По смерти патриарха Никифора Арсений был вновь призван на престол и принял его на условиях, в точности нам неизвестных, и вторично короновал Палеолога, не упоминая имени Иоанна Ласкаря. Когда явился проект политического брака Палеолога с Анной, сестрою Манфреда и вдовою царя Ватаци, императрица Феодора, не дававшая развода, нашла поддержку в патриархе, и брак с Анной не был им допущен. Это возобновило вражду между царем и патриархом. Ослепление несчастного Иоанна Ласкаря вызвало отлучение царя патриархом от Церкви, и Палеолог должен был снести эту кару, «считая нужным выказывать царское величие». Не раз через духовных лиц он умолял патриарха снять отлучение, но Арсений отвечал: «Я пустил к себе за пазуху голубя, а он оказался змеею и смертельно укусил меня». И лично царь ходил к патриарху. Однажды, выслушав отказ, Палеолог сказал: «Что же, ты велишь мне отказаться от царства?» — и хотел отдать свой меч; Арсений протянул свою руку, а Палеолог стал обвинять старика в покушении на его царскую жизнь. Напрасно царь обнимал колени патриарха, Арсений оттолкнул его и ушел в свою келью. Тогда царь начал жаловаться: «Патриарх велит мне оставить государственные дела, не собирать податей, не творить суда. Так врачует сей духовный врач! Пора мне искать милости у папы». Царь стал искать случая свергнуть Арсения, но жизнь патриарха была безупречной. Царь собрал в Салониках несколько архиереев и вызывал Арсения на суд, но тот не поехал. Угодливые архиереи доказывали, что разобщение «души государства» с Церковью является заразой, угрожающей порядку. Палеолог вышел из душевного равновесия. Узнав, что патриарший хартофилакс Векк наложил запрещение на дворцового священника за венчание без разрешения, Палеолог приказал градоначальнику севасто-кратору Торнику разрушить дома Векка и великого эконома патриархии, вырубить их виноградники и прислать их самих в Салоники в оковах. Патриарх возмутился и взывал к народу, что Божьих людей хотят судить мирским судом. Севастократор уговорил хартофилакса и эконома поехать к царю с повинной, и в Салониках они оба изменили своему патриарху. Арсений не хотел видеть опасности. Для расправы с ним скоро нашли предлог. В столице проживал на положении не то друга, не то пленника сельджукский султан Изз ад-дин Кейкавус II, перебежавший к Палеологу еще до взятия Константинополя. Не получая свободы, он вошел в сношения с ханом Ногаем и с Константином Болгарским. По уговору, Изз ад-дин должен был испросить разрешение приехать к Палеологу в Салоники вместе со своими людьми и, возвращаясь с царем в столицу, убить Палеолога. Как бы то ни было, в устье Марицы, среди болот, царя окружили болгары с татарами, и он спасся ночью с великим трудом (1265), явился в столицу почти один. Патриарх же в св. Софии стал выговаривать Палеологу: «Не говорил ли я тебе, что не следует воевать с единоплеменным и единоверным деспотом эпирским? Вы ведь одно стадо Христово. Теперь благодари Бога за урок и за спасение». Палеолог смиренно отвечал, что он заключил с деспотом мирный договор. Смирение это было фальшивое. Палеолог решил покончить с Арсением во что бы то ни стало. Созвав архиереев, он изложил им все свои шаги к примирению с патриархом.

«Кажется, он хочет, чтобы я за свой проступок оставил престол, но кому отдаст он царство? Каковы произойдут последствия для империи? А если другой окажется неспособным к столь

великому служению? Кто поручится, что я буду жить спокойно, и что станется с моею семъею? У какого народа видано что-либо подобное, и бывало ли у нас, чтобы архиерей мог делать безнаказанно такие вещи? Не понимает разве он, что вкусившему блаженство царской власти нельзя расстаться с нею иначе как вместе с жизнью. Покаяние определено Церковью, и разве его не существует для царей? Если не найду его у вас, то я обращусь к другим Церквам и от них получу врачевание. Решайте сами».

Еще несколько раз уговаривали Арсения, но он прогнал и царского духовника Иосифа. Оставалось «устроить обстоятельства». Из среды патриарших чиновников явился ложный доносчик, письменно обвинивший Арсения в том, что он дружил с изменником-султаном Изз ад-дином Кейкавусом II, мылся с ним в патриаршей бане, украшенной крестами, и т. д. Созван был Собор для суда над Арсением, приглашены и восточные патриархи. Дважды вызывали Арсения, и оба раза он не явился на Собор. Не дожидаясь третьего вызова, Арсений явился к царю, который принял его ласково. Приказав служить обедню в дворцовой церкви, Палеолог повел туда Арсения, держась за его мантию, чтобы патриарх как бы сам ввел его в храм и тем уничтожил отлучение. Арсений заметил эту хитрость, вырвал мантию и со словами: «Зачем крадешь мое благословение,» — поспешил «орлом» вон из дворца. С трудом отстояв обедню, Палеолог призвал архиереев и потребовал покончить с патриархом, обещая им великие милости. На последнем заседании Собора, опять в отсутствие обвиняемого, Арсений был присужден к низложению, но за неявку на суд. Клевета доносчика и Собору была очевидною. Лишь Александрийский патриарх Николай отказался осудить невинного.

Выслушав приговор, Арсений воздал хвалу Богу и сказал своим клирикам:

«Дети, Божьей воле нужно повиноваться. Простим друг другу обиды. Охотно ухожу, куда угодно Богу, вы же проверьте книги и ризницу, чтобы не сочли меня святотатцем. Эту одежду, книгу и три золотых, заработанные мною перепиской, беру с собою».

Ночью пришли за Арсением, отвезли его на пустынный остров Проконнис (нын. Мармара) и заключили под стражу в тесной келье (1267).

Столичное население волновалось. Патриарха за строгую жизнь считали угодником при жизни. Палеолог созвал народ и держал речь.

«Всем следует жить своим умом, — говорил царь. — Дело ясно. И в первый раз, когда патриарх оставил свой престол по своей воле, глупые люди запирались в своих домах и произвели раскол. Теперь готовится то же самое, старая закваска, видно, еще не перебродила. Не стоит говорить, чего добиваются люди, прячущиеся по углам, но тех, кто их слушать будет, постигнет жестокая кара. Ни догмагы, ни обряды не затронуты, а другого патриарха разве нельзя избрать? При новом вам будет лучше, и вы испытаете на себе действие лучей сродного нам благоволения. Бросьте тайные сходки. Знаю, что много попрошаек ходит по домам, они, пожалуй, будут винить царей (т. е. Михаила с сыном) и сбивать всех с толку. Подавайте им, но увлекаться их речами — иное дело, и я того не потерплю. Они разбегутся, а вам не уйти от наказания».

Странниками-"сумоносцами» кишела столица искони, и этот люд сообща с опальными чиновниками, с беглыми монахами и расстригами поддерживали в народе брожение. Населению, несшему тяготы мировой политики Палеолога, приходилось круто, и легко мог разразиться кровавый бунт под знаменем защиты Церкви и православия. Во главе недовольных, сторонников Арсения, стоял бывший епископ Андроник, человек желчный и честолюбивый, а также монах Иакинф из Никеи, образованный, учивший и кормивший детей, личный друг Арсения. Иакинф нашел поддержку в сестре императора инокине Марфе. Ее дворец стал центром ревнителей православия. Примкнули друзья Арсения из духовенства, партия ослепленного Ласкаря и упомянутые сумоносцы — вожаки темного народа.

На место Арсения был поставлен митрополит Герман, старый знакомый царя, обходительный, щедрый, покровитель ученых; он добился прощения опальному Оловолу и поставил его во главе школы, первой после латинского разорения. Но не такие качества могли создать ему авторитет в народе после крупной фигуры Арсения. От нового патриарха ждали протеста, защиты Церкви и ее прав против царя. На благодушного Германа обратилась народная ненависть. Его подвергли бойкоту, его доброту истолковывали в дурную сторону, его прозвали выскочкой, лжецом и варваром Мармуцей (он был из лазов), перешедшим противозаконно с престола дочери на престол матери (он был ранее епархиальным архиереем). Месяца не прошло, как был раскрыт заговор придворного Франгопула на жизнь царя; замешан был французский наемник Карл, убийца регента Музалона, он и выдал товарищей. Пошло жестокое дознание; царь допытывался, не принимал ли участия ненавистный Арсений. Под пытками его оговорили; царь, грозя ужасами, добился у синода всего, чего хотел. Послали следователей допросить Арсения. Решено было в случае сознания его казнить, если же будет запираться, объявить ему отлучение и вновь допрашивать и, если он будет изобличен хотя в недонесении, казнить; если же и вторичный допрос не уличит Арсения ни в чем, тогда снять с него отлучение. Среди следователей был и историк Пахимер, служивший церковным судьею (протекдик). Комиссия прибыла на пустынный остров, где в келье на скале томился Арсений. «Что сделал я царю? — отвечал старец в рубище. — Благодаря ему сижу на этих скалах, как бесчестный ссыльный, питаясь милостыней. Пусть его фратриарх (т. е. еретический патриарх) вместе с Евлогией (царской сестрой) благословляет все, что царь совершает». Обвинительного акта он не стал и слушать, заткнув себе уши. Произошла тяжелая сцена. Следователи ничего не добились. На возвратном пути их постигли всяческие бедствия, и они сами объяснили это тем, что не благословились у старца. Расспросив их, Палеолог хотел исправить впечатление и приказал послать Арсению много денег, припасов и трех друзей для утешения. Допрос Арсения и небесная кара разожгли ревность арсенитов. Патриарха Германа осыпали насмешками. Сам царский духовник Иосиф перешел в оппозицию, рассчитывая взойти на патриарший престол. Он стал внушать царю, что Герман не может разрешить его от клятвы, наложенной Арсением, и царь подослал Иосифа к Герману, чтобы уговорить его уйти добровольно. Когда Герман убедился, что совет исходит от царя, он удалился в Манганский монастырь возле Большого дворца и в благодарность получил звание «царского родителя».

Иосиф достиг цели и занимал патриаршую кафедру семь лет (1267—1274). Он не блистал ни ученостью, ни особой добродетелью, но был находчив в обращении, предпочитал простую задушевную компанию. Снятие клятв с царя — его первое дело — было обставлено исключительной торжественностью. В присутствии синода и двора царь ползал на коленях, исповедуя свой грех, ослепление Ласкаря. Патриарх и архиереи поочередно читали акт разрешения царя от наложенного на него отлучения. Хотя на народ эта церемония не произвела большого впечатления, Михаил почувствовал себя крепче на престоле (1268).

Пережив такую бурю, Палеолог стоял теперь перед другой, еще более опасной. Дело шло об унии, об измене православию ради политических выгод.

Созвав патриарха и синод, император держал речь, указывая на внешнюю опасность, на необходимость примирения с латинской Церковью. Он предъявлял соборный акт времен царя Ватаци, по которому латиняне не обвинялись в ереси из-за Filioquë он указывал, что и прежде греки совершали вместе с латинянами таинство евхаристии, высказал мнение, что переменить обряд означает не более, как греку заговорить по-латыни. Чем противно православию поминание имени папы за обедней? Ведь сам Бог называл Авраама отцом. Если же допустить апелляцию к папе, то разве опасно ездить к нему за море? Аргументы царя поддерживали архидиакон Мелитиниот, Григорий Кипрский и «ритор Церкви» Оловол. Патриарх ожидал, как

выскажется ученнейший хартофилакс Векк. Тот молчал, боясь царя, пока патриарх не заставил его говорить угрозою отлучения. Тогда Векк заявил, что для него душа дороже тела. Бывают люди, которые называются еретиками, но не еретики; наоборот, существуют еретики, да не называются таковыми. К числу последних принадлежат латины. Выслушав это, царь немедленно ушел и приказал синоду судить Векка, назначив обвинителем Хумна. На заседание синода явились Хумн, старый вельможа историк Акрополит и другие сановники. Векк заявил, что Хумн — подставное лицо, а с царем он не в силах судиться. Патриарх не разрешал судить Векка. Видя это, Акрополит ушел со словами: «Всех вас Векк водит за нос, и не знаю, что делать». Векк ходил к царю, умоляя не гневаться, предлагал отправиться в ссылку, но царь не сказал ему ни слова; тогда Векк надел черные одежды и с домочадцами укрылся в св. Софии. Царь поспешил прислать ему грамоту за печатью, что ему бояться нечего, но, когда Векк вышел из Софии, его схватили и посадили во Влахернскую тюрьму (Анемовы башни, сохранившиеся до сих пор), охранявшуюся «кельтами», носившими секиры (бывшая варяжская дружина). Вслед за тем царь со своими учеными Мелитиниотом и Григорием Кипрским составили «том», в котором на основании исторических справок и документов оправдывали латинян, и послали патриарху. Последний созвал своих ученых, к оппозиции примкнули многие, даже упомянутая царская сестра Евлогия. Составление ответа было поручено Иову Иаситу, которому помогал и историк Пахимер. Ответ обсудили по пунктам и отослали царю, который положил его под сукно. Документ этот дошел до нас в Мюнхенской рукописи. Тон его резкий: с еретиками и безбожниками нельзя иметь общения, их нужно жалеть; если же их гложет язва кощунства, то пусть они убираются из синагоги Израиля, а нас оставят искать вечного спасения. Палеолог решил использовать авторитет заключенного Векка. Ему были доставлены выписки из отцов Церкви, свидетельствовавших более или менее в пользу латинян. Векк как «правдивый ученый» пошел на соглашение, и царь его освободил, прислав ему еще книг, между прочим, сочинения никейского богослова Никифора Влеммида, который был сторонником примирительной формулы об исхождении Св. Духа «от отца через сына» и склонялся к «спасительной экономии» в делах вероучения.

Между тем вождь непримиримых православных, монах Иов из просвещенного рода Иаситов, принял меры, чтобы патриарх Иосиф не поколебался, и за подписью патриарха и членов синода было разослано окружное послание к православным христианам о признании латинского учения еретическим, в чем подписавшиеся присягнули. Тогда царь обратился к Векку, который, видимо, уже достаточно ознакомился с выписками из св. отцов и перешел на сторону унии. Опираясь на заключение Векка, император настоял на посылке миссии в Рим. Бывший патриарх, «царский родитель» Герман, Никейский митрополит, логофет Акрополит и еще два сановника были назначены в состав миссии и на двух военных кораблях отправились в путь, взяв с собою царские подарки папе: ценные облачения, иконы на золотом фоне, драгоценные благовония, усыпанный жемчугом алтарный покров, царское приношение храму Петра и Павла. С патриархом Иосифом, своим долголетним другом и духовником, снявшим клятвы Арсения, Михаил Палеолог заключил компромисс, убедив его переселиться в монастырь Перивлепт с сохранением сана; если уния не состоится, то Иосифу предстояло вернуться на кафедру, в противном же случае он должен был уступить место новому патриарху (1274).

Палеолог начал действовать круто. За смертью бывшего патриарха Арсения, нового Феодора Студита, против унии образовалась сильная объединенная оппозиция. Арсениты соединились с иосифлянами. Было очевидно, что большинство архиереев не примут унии. Царь убеждал их и лаской и угрозами. Чем вредно признание папы, разве приедет он к нам через море? Что значит поминать его? Не только отцы ваши, но и Сам Христос прибегнул к «экономии», приняв крест за наше спасение. Вы же затеваете раскол и порицаете меня. Великий

эконом Кенфилин, полагаясь на свою старость и близость к царю, умолял его на коленях не возбуждать внутри империи церковного и гражданского междоусобия ради избежания войны с внешним врагом. Царь приказал покорному духовенству составить «том», или исповедание, в смысле унии; в конце приведен был стих: «Благословляющие Тебя благословенны будут, и проклинающие Тебя прокляты будут». Этот «том» разносили по домам и отказывавшихся подписать его заставляли, описывая все ценное в доме, вносить наемную плату за дом за 13 лет со времени взятия столицы, так как дома-де принадлежат царю по праву завоевания. Непокорных увозили в ссылку на приготовленных кораблях; множество было сослано на острова Архипелага, в Никею, некоторые сами уехали, многие подчинились при посадке на корабли. Духовенство и монахи были созваны во дворец, между ними — упомянутый ритор Церкви Оловол, начальник школы грамматиков в Орфанотрофии. Он подал голос против унии. Поднялся крик «Он тайный враг царя, недаром у него урезан нос!» Вне себя, Оловол ответил, что он был изувечен за Иоанна Ласкаря. Придворные хотели разорвать его на куски, но царь сдержал их и велел сослать Оловола в никейский монастырь Иакинфа. Через несколько времени его привезли обратно, и по царскому приказанию Оловола вместе с одним из Иаситов и восемью другими палачи били и провели по городу, повесив на них окровавленные грязные бараньи внутренности, которыми били Оловола по лицу. Позорное наказание подействовало. Высшее духовенство более не противилось. Обеспечено было признание трех пунктов унии: папского верховенства (примата) над всею христианскою Церковью, папского верховного канонического суда (апелляция в Рим) и, наконец, поминания папского имени на церковном богослужении.

Палеолог писал папе Григорию, что его легаты могли видеть, как он, царь, ради единения Церквей пренебрегает сном, пищею и государственными делами. Но его положение трудно, как бы, устраняя древний раскол, не породить нового. Притом и Карл Анжуйский своей враждой к грекам препятствует христианскому единению, — жаловался Палеолог папе и просил принять меры для безопасности греческой духовной миссии, посылаемой на Лионский Собор. Карл Анжуйский не был в состоянии воспрепятствовать проезду греков: папа требовал во имя веры, и папе предлагал свою помощь могущественный Альфонс Кастильский со своими союзниками — гибеллинами и Генуей. Мало того, папа заставил Карла отсрочить на год морской поход против Палеолога, предусмотренный договором Карла с изгнанником Балдуином.

В конце июня 1274 г. в Лион прибыли послы Палеолога и патриарха: бывший патриарх Герман, «царский отец» и родственник; великий логофет Георгий Акрополит, известный нам историк и государственный деятель, и, наконец, митрополит Никейский Феофан, при них два чиновника. Они привезли послания от греческого духовенства и царей. Покорное Палеологу духовенство, 35 митрополитов и архиепископов, царский и патриарший клир — меньшая часть осталась верною патриарху Иосифу, — отправили послание, скрепленное и, по-видимому, редактированное Векком; они писали об усилиях царя восстановить церковное единство, о противодействии патриарха Иосифа, который предпочел удалиться в монастырь; они были готовы признать за папой достоинство и наименование первого и верховного иерарха христианской Церкви, «согласно древней юрисдикции, существовавшей до схизмы». Сам Палеолог писал определеннее: с юных лет он-де желал устранить церковные раздоры и соблазн (scandala), вернуть святейшему престолу его древние права, но лишь ныне, благодаря инициативе самого папы старания его, царя, увенчались успехом. Вероучение Римской Церкви, заявляет Палеолог, благочестиво и вполне согласно с верою Греческой Церкви, только некоторые «словечки», и то по различию латинского и греческого языков, вызвали разногласие, которое он отвергает, и ныне он склонил непокорных к повиновению папе. В заявлениях Палеолога сквозит «экономия» в делах веры и догмата, восходящая к Влеммиду и некоторым

отцам Церкви, и руководит им политический расчет. Признание примата и папской юрисдикции Палеолог выразил почти в такой же формуле, как писало духовенство; разница есть в оговорке «согласно канонам». Духовенство настаивало на соблюдении всего завещанного отцами «до схизмы», тогда как Палеолог, по-видимому, оставляет за папой последнее слово и в истолковании канонов. Царь настаивает лишь на соблюдении «издревле установленных обычаев, ни в чем не нарушающих благочестия». Было послание и от престолонаследника Андроника.

Из опубликованных Делилем документов ясно, что послы Палеолога вели в Лионе и политические переговоры. Они подтвердили письменно обязательство Палеолога всеми средствами содействовать походу на неверных, лишь только царь получит мир с соседями-латинянами и будет руководиться указаниями папы в этом священном деле; и греческое духовенство готово проповедовать крестовый поход и на площадях, и с церковных кафедр.

Сохранился перечень и требований греков. Папскому легату (Бернарду Монтекасинскому) даются полномочия завершить политические переговоры в Константинополе; папа устраивает мир между греческим императором и всеми латинскими государями, т. е. и с Карлом Анжу, дабы греки могли участвовать в крестовом походе. Дети Михаила Палеолога поручаются попечению папы, чтобы они могли вступить в браки с членами западных династий сообразно интересам греческой империи. Папа не примет мятежных вассалов греческого императора и воспретит католическим государям принимать таковых под свое покровительство. Потомок царя Михаила, устраненный от власти за малолетством, имеет право на дипломатическую и церковно-административную помощь папы, но посылать латинские войска против греков папа не должен. На греческом троне должны сидеть избранники греков, и Михаил Палеолог не желал, чтобы христианская кровь лилась из-за его потомства. Политическое значение имели и требования греков, чтобы папа письменно обещал константинопольскому синоду и правительству (синклиту) соблюдать греческий обряд; оставить независимые латинскую и греческую иерархии в Антиохии, Иерусалиме и на Кипре; подтвердить права Охридской греческой архиепископии на Церкви Загорскую (Болгарскую) и Сербскую на основании грамоты (подложной) папы Вигилия Юстиниану Великому. Права эти были нарушены при никейских царях, нуждавшихся в союзе с болгарскими и сербскими государями и породнившихся с ними. Палеолог поставил себе целью подчинить Греческой Церкви автокефальные южнославянские и умело пользовался для того унией. В том же году Тырновский патриарх присягнул на верность Римскому престолу в Константинополе в присутствии царя и папского нунция.

Дело унии было доведено до конца без препон на этот раз, и очень быстро, 28 июня, патриарх Герман читал в Лионе, за обедней, символ с Filioque; 6 июля, на четвертом заседании, сам папа в торжественной речи заявил, что греки сделали больше, чем ожидали от них, и свободно подчинились Римскому престолу независимо якобы от каких-либо политических условий. Это заслуга их императора. Прочли царскую и синодальную грамоты. Вслед за тем Акрополит присягнул от имени царя на верность латинскому исповеданию и папской верховной власти. Иерархи Герман и Феофан подписались под текстом присяги Акрополита. Уния была оформлена.

Дипломатия папы Григория оказалась успешнее, чем все усилия и жертвы творцов и деятелей Латинской империи в Константинополе. Впрочем, почва была подготовлена предшественниками Григория, и уния вряд ли осуществилась бы, если бы не было страшного Карла Анжу. Григорий мог торжествовать: дисциплинарная и каноническая власть папы была признана греками, и они, как верные сыны, готовились идти на освобождение Св. Гроба.

Дипломатический успех папы Григория и императора Михаила казался блестящим. Церкви

объединены, и открыта возможность политического соглашения. Но это был успех правительств. Рознь народов, различие культур, вероисповедные и экономические факторы вековой борьбы латинского Запада с греческим Востоком не могли быть устранены актами Собора 1274 г. Притом договорившиеся стороны руководились различными целями: курии было нужно подчинение Греческой Церкви и помощь против неверных; для Палеолога всего важнее было устранить опасность со стороны латинян Италии и Западной Греции под знаменами Карла Анжуйского.

По возвращении греческих послов из Лиона в Константинополе была отслужена торжественная литургия в присутствии царя и папского нунция. Читали Св. Писание по-гречески и по-латыни и поминали папу. Вскоре Векк был возведен на патриарший престол.

Патриарх Иоанн Векк (1275—1282) по учености превосходил современников. Это была крупная личность. Конечно, не сочинения Влеммида изменили его убеждения в пользу унии, но те же соображения политического и культурного порядка, которые руководили и Михаилом Палеологом. Борцом за унию Векк остался до конца своих дней как в своих богословских и полемических трудах, заполняющих большой том Патрологии, так и в своей церковно-административной деятельности. Латинский догмат об исхождении Св. Духа и от Сына (Filioque) нашел в лице Векка самого обстоятельного историка, истолкователя и защитника. Он писал по этому вопросу особенно против Фотия, против Феофилакта Болгарского, против богословов комниновского времени Каматира и Николая Модонского, против современников своих Григория Кипрского, Николая Мелитиниота и других. Автобиографическое значение имеют послание «О несправедливости, коей я подвергся, будучи низвергнут с трона» при Андронике Палеологе и его «Завещание"; но боевой темперамент сквозит и в его чисто богословских трудах. Пока жил Михаил Палеолог, Векк пользовался уважением царя и имел крупное влияние на дела; он был горячим ходатаем за обиженных судами и властями, и его голос звучал громко, беспрестанно и неустанно; Векк входил в детали каждого дела и являлся перед царем лучшим адвокатом обиженных; чтобы пробудить царское милосердие (дело нелегкое при Михаиле Палеологе), патриарх, как искусный актер, представлял дряхлого старика или слепца, обиженного судьбою; он умел ждать часами в царской приемной, мог и возвысить голос; не раз бывали между патриархом и царем крупные неприятности. «Архиерей не конюх, повинующийся слепо», — сказал он однажды Михаилу Палеологу, бросив к ногам его свой посох; другой раз, за литургией, он заставил царя дожидаться с протянутой рукой антидора.

Верный унии, Векк сознавал, что объединение Церквей, «состоявшееся так, как всем известно», вызвало «скандал» и «пламя злобы, разраставшеесяежедневно».

«Что же, клянусь Троицей, нам было делать? Сложить руки? Мы были готовы и проповедью, и писаниями убеждать всех не уклоняться от общения и не осквернять братского единомыслия из-за прибавки Римской Церковью слов об исхождении Св. Духа и от Сына. Но все люди нашего поколения, мужи, жены, старцы, юноши, девицы и старухи, сочли мир за раздор, и те немногие, которые пользовались влиянием, разжигали весь народ против нас. И не об общей пользе хлопотали они, но о том, чтобы свергнуть нас с патриаршего престола».

Низвергнутый при новом царе среди ликования бесчисленного народа, заполнившего все углы св. Софии, Векк окончил дни в суровом заточении, не изменивши унии, делу своей жизни.

Его сочинениями пользовались позднейшие греки-униаты, начиная с Георгия Метохита. По учености и силе убеждения Векк противостоит самому Фотию. Главный его антагонист Григорий Кипрский, более замечательный в качестве оратора, нежели богослова, уступал Векку в ясности суждения и, сменив его на патриаршей кафедре, не мог справиться с «энцикликами» Векка.

Впав в пылу полемики с Векком в ересь, Григорий Кипрский сам был принужден удалиться

в монастырь. Другими противниками Векка были монах Максим Плануда, митрополиты Иоанн и Хил и Феолипт. Замечательно, что и Плануда, и Григорий Кипрский в молодости были под сильным влиянием латинского богословия. Борьба православных с унией далеко переступила за пределы литературы и богословской полемики, как увидим ниже, и Палеолог наполнял тюрьмы православными как изменниками правительству, не щадя собственных родных. Толпы изгнанников бежали в Грецию, Трапезунт и даже в православную Болгарию.

С другой стороны, политическая ценность Лионской унии оказалась невысокой. Карл Анжуйский с изгнанником Балдуином и после 1274 г. не признавали за Михаилом Палеологом прав на Константинополь. Венецианские послы на самом Соборе заявили, что Венеция не отдаст своей доли в Романии, несмотря на присоединение греческого императора к католичеству: эти владения завоеваны венецианцами мечом и во имя Церкви; хотя этот протест не помешал венецианцам возобновить перемирие с Палеологом. Сам Михаил настаивал на точном соблюдении политических условий унии, истолковывал их в том смысле, что Римская Церковь отдала ему все наследие греческих царей, и немедленно послал войска на греческий Запад. Обстоятельства походов 1274 и 1275 гг. — занятие Албании в союзе с албанскими князьями, тяжкое поражение византийской армии на суше и блестящая победа византийского флота у берегов Евбеи — были уже изложены в связи с балканской политикой Михаила Палеолога. Итальянцы едва держались в Драче; греческие корсары угрожали кораблям подданных Карла даже в Адриатическом море. В борьбе с Карлом Михаил опирался по-прежнему на генуэзцев, с которыми возобновил договор почти на условиях Нимфейского, и генуэзцу Михаилу Цахарии отдал богатейшие рудники в Фокее на малоазиатском берегу.

Несмотря на унию, война между греками и латинянами была в полном разгаре. Папа Григорий добился лишь отсрочки на один год того похода на греческую империю, который был предусмотрен договором в Витербо между Карлом и изгнанником Балдуином; но и то лишь вследствие временной слабости Карла, занятого борьбой со своими итальянскими врагами. Может быть, папа Григорий, видя неизбежность столкновения между греками и Карлом, давал Михаилу годичный срок, чтобы утвердиться на западе Греции до того времени, когда у Карла развяжутся руки. Папа Григорий лишь двумя годами пережил Собор 1274 г., но должен был видеть, как мало его знаменитое дело, заключение унии, послужило миру между христианами; перед смертью он радовался известию, будто Михаил Палеолог твердо намерен участвовать в крестовом походе на неверных рядом с виднейшими государями Запада.

Кончина Григория X развязывала Карлу руки. На папском престоле появился земляк и ставленник Карла Иннокентий V. Но и он не мог порвать открыто с традициями политики курии на Востоке. Карл Анжуйский валялся у папы в ногах, требуя разрешить ему идти на греков, однако Иннокентий настоял на том, чтобы сделать попытку предупредить большую войну. Иннокентий написал Палеологу, что опасность велика, советовал предоставить св. престолу разрешение конфликта с Карлом и Балдуином, законным императором Константинополя; при этом папа требовал, чтобы не только Михаил присягнул в соблюдении унии, но и каждый греческий архиерей. За то папа давал своему нунцию право отлучать от Церкви всех противников унии на Востоке, налагая на их земли интердикт; имелся в виду главный враг Палеолога в Греции — фессалийский деспот Иоанн Ангел. Вскоре Иннокентий умер, и миссия с этими письменными предложениями выехала из Рима при папе Иоанне XXI. Палеологу стало ясно, что курия ему помочь не может и что уния не принесла прочных политических выгод: положиться на решение папы было опасно. Раздражать курию было, однако, невыгодно. Михаил VIII не только хитрил, но и волновался более, чем когда-либо. С одной стороны, он старался убедить нунциев в своей преданности папе и унии, присягал устно и письменно, присягал и Андроник, и патриарх, и даже часть архиереев; повели нунциев в

тюрьму, где в цепях томились близкие и родные самого царя за непокорность унии: протостратор Андроник Палеолог с племянником, пинкерна Мануил Рауль с братом.

В то же время непреклонность царя в отношении к православному духовенству, видимо, поколебалась. Патриарха Иосифа он перевел из ссылки в загородный роскошный монастырь Космидий. Особой новеллой у Векка было отнято распоряжение патриаршими монастырями в епархиях. Враги Векка подняли голову, доносы следовали за доносами. Мусульманская надпись на блюде восточной работы, поднесенном царю патриархом, и та была использована. Векк крепился, но не стерпел и поручил историку Пахимеру написать отречение от патриаршества; но царь отставки не принял, патриарха обелил, нуждаясь в нем, но клеветников не наказал. Ни царь, ни Векк не могли и думать заставить православных архиереев проповедовать в церквах о папском примате и петь Filioque. По приезде нунциев царь сказал синоду приблизительно следующее:

«Вы знаете, как мучительно трудно было провести унию. Я пренебрег патриархом Иосифом, которого любил как отца. Обидел и унизил друзей моих. Свидетели тому — мои родные в тюрьмах, навлекшие на себя мой гнев только из-за унии. Думал я, что латиняне большего не потребуют, и в том поручился перед вами златопечатной грамотой. Кое-кто из ваших, из тех, кому люб раздор, встретившись в Пере с фрерами (католическими монахами), объявили унию насмешкой и обманом, и вот латиняне прислали эту миссию. Чтобы вы не волновались и не подозревали наше руководство делом, говорю вам наперед и обещаю — видит Бог, — что не допущу изменения наших условий ни на йоту, что на знамени своем я утвержу божественный символ веры отцов наших и выйду за него в бой не только против латинян, но и против всякой другой нации. Теперь же выслушайте послов и отпустите их с миром; новый папа не так расположен к нашим интересам, как был расположен Григорий».

И по настоянию царя было составлено синодальное послание к папе с заявлением покорности, причем часть подписей архиереев была обманно приписана в царской канцелярии; о догмате, «Filioque» не было упомянуто; сам Векк в отдельном письме признавал полностью римское учение. Особое послание Михаила Палеолога — образчик византийского хитросплетения. Умоляя папу защитить свою верную паству, царь ни разу не сказал точным термином «Дух исходит от Сына», но «проявляется», «даруется», «сияет». Наследник Андроник откровенно жаловался папе на врагов унии внутри империи.

Эти послания застали уже нового папу Николая III (1277— 1280), итальянца родом, которому удалось сломить господство Карла Анжуйского в Италии и поддержать дело Григория X. Этот выдающийся, холодный политик превосходно знал отношения на Востоке по своей прежней деятельности.

Дела на Востоке были запутаннее, чем когда-либо. Против Палеолога объединились совершенно разнородные силы. Душой враждебной ему коалиции был давнишний его соперник на греческом Западе — фессалийский деспот Иоанн, унаследовавший и способности, и притязания Комнинов Ангелов эпирских. Он подчинил своему влиянию своего брата, эпирского деспота Никифора. К Иоанну тяготели греческие властели Фракии и Македонии, как Тарханиот, измена заразила и войска Палеолога; посланные на Запад, некоторые начальники их были закованы в цепи и отосланы в Константинополь. Палеологу пришлось вспомнить дни его молодости, когда он стоял во главе македонской служилой знати и замышлял против никейского царя. Новые Патры фессалийские, столица Иоанна Ангела, стали не только центром политических врагов Михаила, но и убежищем крайних защитников православия, готовых даже на союз с врагами Византии, на измену империи Михаила. Когда Михаил и Векк во имя унии и империи, прикрываясь принципиальным разрешением папы, отлучили от Церкви деспота Иоанна Ангела с его подданными, энергичный деспот не задумался созвать церковный Собор с

участием монахов олимпийских монастырей и Афона, на котором, во имя православия, были преданы анафеме как Михаил с Векком, так и Римский Папа (1278).

Вокруг Палеолога сплеталась политическая интрига, лига всех ему враждебных элементов, между собою вполне разнородных. Западные греческие сепаратисты, македонские властели, православные ревнители поднимали оружие в союзе с латинскими баронами Греции. Родная сестра императора Евлогия, постоянно стремившаяся играть политическую роль, ставшая столпом православной партии, эмигрировала к своей дочери, болгарской царице. Обе возбуждали царя Константина Тиха против их брата и дяди. Мало того, они послали (1276) некоего Иоанна Кафара в Иерусалим к патриарху Григорию, чтобы с его помощью склонить египетского султана Бибарса, повелителя Сирии и Палестины, выступить против греческого императора совместно с болгарами. Бибарс, однако, отклонил предложения, не считая малоизвестных болгар надежными союзниками. На патриархов Александрийского и Антиохийского не было надежды, так как они проживали в Константинополе, пользуясь царскими милостями.

В то же время «православные и латиняне», т. е. Иоанн Ангел с союзными баронами Греции, обратились к трапезунтскому царю Иоанну II, убеждая его выступить против «еретика» Михаила, так как он, трапезунтский царь, является истинным и законным православным императором, преемником Комнинов константинопольских. Ангелы и Комнины ополчались против основателя новой династии. В Трапезунт православные эмигрировали массами, спасаясь от преследований константинопольского правительства. О переговорах с трапезунтским царем доносил послам Михаила на Западе протонотарий Огерий. Он вместе с армянским историком Гайтоном передает, что Иоанн II с того времени принял титул императора. По-видимому, трапезунтский государь, носивший до того титул царя и самодержца Востока, провозгласил себя царем ромэев. Воевать с Палеологом и он поостерегся, как султан Бибарс.

Враги окружали Михаила со всех сторон; он мог надеяться лишь на армию и деятелей возрожденной Византии да на папу. Страшным противником оставался Карл Анжуйский. Греки и латиняне разделились в получившейся странной комбинации политических сил. Тем большее значение получил папа Николай. Ему не было выгодным чрезмерное усиление ни Палеолога, ни Анжу. Церковным запрещением он мог расстроить союз баронов Греции с фессалийским деспотом, но он этого не сделал, как ни просил Палеолог. В то же время папа Николай удерживал Карла от похода, охраняя империю Палеолога как покорного сына Церкви. С прочими врагами греческий император мог сам справиться. Видя это, венецианцы заключили с ним перемирие (1277), оговорив, что они будут защищать своих вассалов на Евбее, Михаил мог продолжать борьбу за обладание Западной Грецией — за осуществление главной, постоянной цели его политики. Он снарядил большой флот с десантом для войны на Евбее, вверив его евбейскому барону Ликарию, давно перешедшему на службу Византии. Михаил послал и сухопутную армию (преимущественно из наемников турок) под начальством Синадина и Кавалларий. Флот имел большую удачу, разбил и захватил в плен афинского «мегаскира» сира Иоанна со многими евбейскими баронами. Сухопутное войско опять было разбито фессалийским деспотом, имевшим с собою итальянский отряд. Один из военачальников Палеолога был убит, другой ранен и умер в Салониках (1278). За смертью Гильома II Вилльгардуэна в том же году Карл Анжуйский принял присягу от вассалов Ахейского княжества и еще прочнее утвердился в Греции.

Внешние опасности и внутренние раздоры, несочувствие и противодействие большинства народа и даже близких родных ожесточили Михаила Палеолога. Он дал волю подозрительности, от которой не был свободен и прежде. Начались допросы и пытки. Двое братьев Раулей из знатнейшего малоазиатского рода были ослеплены за веру отцов и за осуждение унии. Пытали

Иоанна, сына эпирского деспота; оставленный в качестве заложника при константинопольском дворе, он прославился в войнах с сельджуками и стал подозрительным Михаилу. Его с монахом Котисом, некогда при Феодоре Ласкаре посоветовавшим Михаилу спастись к сельджукам, обвинили в измене, и оба погибли. Пытали и служилых людей, и книжных, и монахов, ослепляли и увечили. Напрасны были ходатайства царицы и патриарха. Неугодное мнение каралось немедленно и жестоко. Царь говорил друзьям, что он лишь защищается, что государство не монастырь, что грех покрывается покаянием; ему же тяжело карать особенно монахов, будучи их другом с юности. Михаил продолжал поощрять доносы, и озлобление росло. Одни, далекие от умыслов против царя, гадали, когда они избавятся от зол; другие шли дальше и подбрасывали листки, обвинявшие Палеолога в преступном захвате престола, в ослеплении законного наследника. Читавшие эти памфлеты и не донесшие подлежали смерти по царскому указу за «цареписание». Векк стал всем ненавистен, царь же защищал его как борца за унию и не меньше, чем себя. За осуждение унии пострадал сын верного Акрополита и министр Музалон, на спине которого родной брат на глазах царя сломал палку. Подозрительность и жестокость Михаила объясняются тяжелым для него оборотом дел на Западе.

Пока был жив папа Николай, Карлу Анжуйскому приходилось подчиняться его воле, опиравшейся на силу всех врагов Карла в Европе. Нельзя было думать о немедленном осуществлении горделивых планов о латино-греческой «империи Цезаря и Августа», по выражению византийского историка Григоры. Папа Николай вполне сознавал себя главою христиан Запада и Востока, властным и блестящим государем в Риме. Но уже в 1280 г. Николай умер, и Карл, отстранив родичей покойного папы, возвел на папский престол преданного ему французского кардинала, принявшего имя Мартина IV. Не дорожа трудами своих выдающихся предшественников, Мартин немедленно порвал с греками, обошелся грубо с послами Михаила и отлучил его от Церкви. Карл получил свободу действий и отправил в Албанию сильные подкрепления своему полководцу Руссо де Сюлли, который осадил Берат. Перевес сил Карла на суше казался бесспорным, но неожиданно для него великий доместик Михаил Тарханиот разбил Сюлли и взял его в плен (1281), Такой успех рассматривался в К-поле как спасение. Тем временем Карл сблизился с венецианцами, которые убедились, что им не заменить генуэзцев во владениях Палеолога. Оживились традиции империи Балдуина, где венецианцы были полными хозяевами, и был решен поход сицилийского и венецианского флота на Евбею. Михаил дал отпор врагам при помощи Генуи; греческие корсары навели страх на сицилийских купцов даже в водах Италии. Михаил все же оставался под постоянной угрозой. В 1281 г. Карл с Филиппом, наследником Балдуина, заключили при посредстве курии договор с Венецией о восстановлении в К-поле Латинской империи. В следующем году предполагалось послать флот, а далее — грандиозную морскую экспедицию против столицы Михаила. С соединенными силами Италии, Франции, Венеции и баронов Греции Михаил не мог бороться долго, его могло выручить лишь чудо. Пока Карл собирал людей, корабли и военные припасы, возлагая на своих подданных тяжкие жертвы, Михаил через своего генуэзского вассала Цаккарию Фокейского искал помощи у врагов Карла в Европе. Главный из них, Петр Арагонский, направился со своим флотом к берегам Африки, еще не решаясь напасть на Карла. Внезапно в самой Сицилии разразилось народное восстание, французов резали, и в два месяца на острове не осталось слуг Карла (1282). Тогда Петр Арагонский явился в Сицилию и был коронован в Палермо. С тех пор Карла преследовали неудачи. Сицилийская «вечерня» похоронила планы Карла о походе на греческий Восток. Вместе с тем была похоронена и уния; в ней для греческой империи до поры до времени уж не было нужды.

Тем не менее все усилия Михаила были направлены на Запад. Восточная, малоазиатская граница оставалась в небрежении. Одни гарнизоны были уведены, другим не платили

жалованья. Поборы разоряли население, крестьяне обнищали, и «уравнительная раскладка» тяжело легла на служилое сословие М. Азии. Епарх Ходин отбирал у служилых людей их поместья, приносившие по 40 золотых в год. Фискальные мероприятия Ходина вызвали такое возмущение, что их пришлось отменить. Для войн на западе нужны были деньги и люди, и восток нес все тяготы, не получая взамен даже защиты границ. Перенесение столицы в Константинополь погубило благополучие населения Никейского царства. Последствия не замедлили сказаться. Во время постоянных междоусобий среди сельджуков, подпавших под монгольское ярмо, отдельные шайки сельджуков и монголов тревожили византийские пограничные области. Михаил послал своего сына Андроника вновь заселить и укрепить еще недавно цветущую долину Меандра, но Андроник не сделал ничего прочного, и сельджуки сожгли Траллы, главный город в той местности. Михаил отправился и лично на восточный рубеж по реке Сангарию, но побыл там недолго, и набеги врагов не прекратились. Управление краем представляло грустную картину; власти скрывали правду от царя, и он лично убедился, что население разбежалось. Михаил укрепил границу до Прусы (Бруссы), насколько ему позволили западные дела.

Миновала опасность со стороны Карла Анжуйского — с тем большим жаром старый царь устремился на запад для изгнания остатков латинян из Греции. Во время этого похода Михаил VIII скончался (возле Лизимахии фракийской, в конце 1282 г.).

В лице Михаила Палеолога сошел в могилу основатель последней византийской династии, последний из крупных императоров, личность сильная, даровитая и глубоко интересная. Блестящим аристократом он начал, мрачным самодержцем закончил; в юности смело держал ответ грозному Ласкарю, в старости лгал и синоду и народу относительно святыни, завещанной предками, разномыслия не выносил и чужую совесть попирал ради политической выгоды. Обладая громадным честолюбием и энергией, он до конца не утратил ни того, ни другого. Среди тяжких испытаний он неослабно нес обязанности монарха, в самые трудные минуты одинокий, не понятый близкими людьми, с которыми, впрочем, он не стеснялся, напр. с супругою Феодорою. Перед чужим правом он жесток, даже преступен (напр., с несчастным сыном Феодора II), перед большей силой — хитер, способен обмануть даже курию. Его несравненная выдержка не раз спасала государство. Как дипломат, он превосходил более могущественного Карла Анжу и большинство современных ему пап; с хитрыми итальянскими выходцами и с римскими монахами он вел себя как мастер дела. Курия служила целям своего «блудного сына», распинавшегося в покорности св. престолу. Блестящий воин в молодые годы, любимец военной знати, Михаил стал на престоле неутомимым организатором воинских сил, снаряжая новые армии и эскадры после каждого поражения. Средств народа он при этом не щадил.

Постоянной и основной целью его политики было восстановление Византийской империи в прежнем объеме, изгнание латинян и подчинение южных славян. Средством, часто единственным, была уния. Михаил умел смотреть опасности в глаза, видел ее яснее других и находил исход при всяком положении. Убедившись в необходимости унии, он навязал ее своему народу без колебания.

Его политическая программа вряд ли была понятна массе подданных, и, во всяком случае, после возвращения Константинополя, и не видя конца войнам к ней охладели, а средство — уния — было ненавистно народу, низшим и верхним слоям. Ревностно служа интересам империи, Михаил стал во враждебные отношения к большинству подданных, вплоть до членов собственной семьи и близких, которых в кандалах показывал нунциям, не говоря о монахах, которых он любил по традициям своего рода, но которых из-за унии он увечил публично.

Воин и дипломат, Михаил не был хозяином. Ему были нужны народные деньги — на

наемных латинян и турок, на флот, на посольства, на придворный блеск. У него не было времени думать о народе, так тревожно было его царствование. Вряд ли он и интересовался нуждами крестьянства и развитием производительных сил страны, как все Ласкари. Аристократ, вознесенный на престол знатными врагами Ласкарей, Михаил по происхождению своей власти был врагом того отеческого, хозяйственного строя, который был присущ Ласкарям. При нем крестьянам жилось хуже. Не говоря о крестьянских мятежах в Никейской области, принявших династическую окраску и залитых потоками крови, ставленник властелей не мог препятствовать глухому социальному процессу, который привел в XIII и XIV вв. крестьянские массы в бесправное состояние крепостных проскафименов. Пострадали и мелкие прониары, военный класс. Сведения о социальных отношениях при Михаиле скудны и не разработаны, но ясно, что не только казна Ласкарей, но и экономические силы населения были использованы Михаилом без пощады и благоразумия.

В изданном проф. Троицким уставе обители св. Димитрия в Константинополе, знаменитому «монастырю Палеологов», отстроенному Михаилом, он пишет о себе: «Что бо, Владыко, из содеянных на мне Твоим благоутробием не превосходит и самый разум дивных? ...Что касается меня, то все, чем только кто-либо мог бы величаться, Бог собрал для меня как бы нарочно все вместе». И Михаил распространяется о знатности своего рода, о своих знаменитых предках. «А сколько я сам преуспел... об этом вопиют сами дела...» В таком тоне написана вся краткая автобиография, панегирик самому себе, перечень сплошных успехов и побед. Ни одного намека на тяжелые факты и невзгоды, которыми полна жизнь Михаила; ничто не напоминает христианский смиренный дух, которым полно, например, «Поучение Владимира Мономаха». «Я не искал трона, но был вынужден принять его как достойнейший», — пишет Михаил. Сквозь похвальбу царственного ктитора звучит самозащита непопулярного монарха. Казалось бы, что восстановителя византийского Константинополя должна была окружить любовь, хотя столицы. На самом деле его наследник не посмел даже перевезти тело отца в Константинополь.

Глава 6. Андроник II старший

Несмотря на энергию, опыт и способности Михаила VIII, Византийская империя за все его долговременное царствование лишь старалась вернуть себе прежние пределы, лишь защищала свое существование против сильных врагов, не раз находясь на краю гибели. Возвращение древней столицы, воскрешение традиций Комнинов с задачами и тяготами их мировой политики ухудшили народное благосостояние, особенно в Малой Азии, где, казалось, суждено было развиться цветущему центру эллинизма, богатому и сильному национальному государству, основанному на новых началах не бюрократического, но царского хозяйства. Если даровитому и энергичному Михаилу, унаследовавшему от Ласкарей национальное войско, богатую казну и неразоренную страну, пришлось растратить накопленное золото, разорить и крестьян и служилый класс, расстроить оборону восточного рубежа, опираться на полуитальянский флот и на турецкую конницу, то что ожидало империю впереди?

Правда, пало могущество Карла Анжу и рушились планы латинского нашествия. С этой стороны опасность более не угрожала. Греческие патриоты и константинопольское правительство могли вздохнуть свободно и обратиться к устройству внутренних дел. Но не греки сломили Карла; южноитальянская держава была разрушена борьбою сил внутри Италии. Если Византии XIV в. не по плечу было наследие империи Комнинов, то каждое молодое национальное государство, возникшее по соседству с Византией, могло рассчитывать на ее богатые земли. Такие новые силы появились: на Балканах — южное славянство под скипетром наследников Уроша Сербского, за Бруссой и Никеей — тюркские племена, объединенные родом Османа.

Продлить существование Византии при этих условиях могли выдающиеся, гениальные монархи, но их не было, хотя Палеологам нельзя отказать в дарованиях. Спасти Византию могли лишь коренные реформы социального, государственного и церковного строя, но таковых не было и прежде, когда государство было сильнее. Тяжелое наследие бурного времени Михаила было кое-как ликвидировано, церковные раздоры сглажены, но Византия беднела, хирела, блеск империи полинял в возвращенной столице весьма быстро. Несмотря на относительную безопасность Константинополя в XIV в., несмотря на несомненную духовную работу, о чем речь впереди, процесс упадка Византии развивался неудержимо. Важнее всего было обеднение государства и страны, немедленно отразившееся на состоянии вооруженных сил. С переездом двора в Константинополь, с разорением долины Меандра турками погибло громадное хозяйство никейских царей, покрывавшее чисто государственные расходы. Политические договоры с генуэзцами и венецианцами отдали вывоз и ввоз, отчасти и розничную торговлю, в итальянские руки. Покровительство туземной торговле и местной промышленности было забыто.

Непосредственные торговые сношения итальянцев с Трапезунтом, генуэзскою Кафою в Крыму, с Сирией, Кипром и Египтом погубили былое значение Константинополя как складочного и распределительного центра, регулятора цен на Леванте. Потомки богатого, именитого греческого купечества обратились в мелочных торговцев-бакалов и не могли подняться: перед личной инициативой вставала стена итальянского засилья и оскудения местных рынков. Туземные ремесла и художества в XIV в. оживились в сравнении с XIII в., но многие производства замерли совсем (перегородчатая эмаль, отдельные категории мануфактур), и веками созданные навыки были утрачены.

Разорение малоазиатского крестьянства и служилого сословия началось после Ласкарей при Михаиле Палеологе и развивалось неуклонно благодаря турецким набегам и царским сборщикам податей. Об облегчении крестьянского и мелкого землевладения, о реформах

социального строя не помышляли при новой династии, вышедшей из рядов служилых властелей. Несмотря на казни и ссылки за последние годы Михаила, при его преемниках и двор, и патриарший престол были едва ли не игрушкою в руках столичных аристократических партий. Столица заслонила собою провинцию, как было при Ангелах; вопросы Церкви и отвлеченной духовной жизни отодвинули на второй план интересы обороны и реальной жизни страны.

24-летний Андроник, еще при жизни отца носивший корону царя-соправителя, был приучен к делам правления, но, чувствуя над собою тяжелую руку отца, умел скрывать свои мысли. Первые его шаги — открытый разрыв с политикой Михаила, продолжать которую Андронику было не по плечу. Воином он не был, с походом против сельджуков у него связаны были горькие воспоминания. Реакция против унии и облегчение военных расходов обещали ему популярность. Как истый византиец, Андроник действовал весьма осторожно внутри столицы, которой он боялся, и весьма опрометчиво и резко — на рубежах страны, которыми он недостаточно дорожил. Он распустил победоносный флот, созданный тяжкими усилиями Михаила, наемников-турок он послал грабить в Сербию, чтобы не тратиться на их содержание.

Столичного населения Андроник опасался настолько, что даже не повез в Константинополь тело отца; смерть его скрывал от матери до своего приезда. Патриарх Векк рассчитывал даже на благоволение нового монарха, не раз писавшего папе, при жизни отца, о своей преданности Римскому престолу. Он горько ошибался. Уния перестала быть политически нужной с крушением могущества Карла Анжуйского. Против нее было громадное большинство населения: и многочисленные среди масс сторонники еще при Михаиле скончавшегося патриарха Арсения, враждебные не только латинству, но отчасти и Палеологам; и сильная среди духовенства, более умеренная партия патриарха Иосифа, вытесненного Векком с патриаршего престола.

Близко знакомый с делами историк Пахимер рисует неискренность, даже фальшь первых шагов Андроника, но в них видна слабость сына сильного отца, игрушка в руках общей реакции против ненавистной народу политики Михаила VIII. Руководителями Андроника оказались тетка Евлогия — та самая властолюбивая сестра Михаила, которая хотела быть на первых порах нимфою Эгерией своего брата, но стала во главе его внутренних врагов, эмигрантка, призывавшая египетского султана против брата и на помощь православию; и рядом с Евлогией — логофет Феодор Музалон из той знаменитой семьи, которая была вознесена на высоту могущества Феодором Ласкарем и жестоко пострадала от Михаила Палеолога, и лично этот представитель аристократической оппозиции подвергся истязанию при Михаиле за отказ ехать к папе[60].

При таких советниках резкая реакция не замедлила сказаться и при дворе, несмотря на всю осторожность Андроника. О Михаиле говорили как об еретике. Евлогия запретила молиться о нем его вдове, царице Феодоре, и та обратилась за разрешением к патриарху, притом не к Векку, но к прежнему, Иосифу, жившему пока на покое. Двор игнорировал Векка. На Рождество отменили богослужения во дворце и в св. Софии, чтобы не поминать Векка. Духовенство открыто требовало заменить Векка Иосифом, проклясть унию, наложить запрещение на униатский клир св. Софии, освятить вновь храмы, осквернённые униатами. Выдвинулись изувеченные Михаилом защитники православия, монахи Галактион и Лазарь, назвавший Михаила в лицо вторым Юлианом. Андроник не решился насильственно удалить Векка и под рукой советовал ему уйти. Прямодушный Векк не стал дожидаться и удалился в столичный монастырь Панахранты. Полумертвого от болезни Иосифа с торжеством возвратили на патриарший престол. Слепой Галактион окропил св. водою все углы и самые иконы в Софии среди ликования народа. Начались преследования униатов, но в мягких формах. Так, архидиаконам Мелитиниоту и Метохиту, ездившим к папе, запретили служение навсегда, а

клиру св. Софии — на несколько недель.

Созвали Собор для суда над Векком. Он подписал отречение от патриаршества и был сослан в Бруссу. За смертью Иосифа был поставлен в патриархи ученый Григорий Кипрский (1283), посвященный заведомо православными архиереями, прибывшими из Западной Греции. В нем надеялись найти противовес Векку и ученым униатам, но Григорий не оправдал надежд. Церковные раздоры при нем не улеглись. Арсениты продолжали волноваться, несмотря на смерть Арсения (1273), и лишь отчасти были удовлетворены торжественным перенесением останков Арсения в столицу, после того как церковный Собор в Адрамиттии под председательством царя постановил сжечь полемические сочинения арсенитов и иосифлян, чтобы примирить эти православные партии. Еще труднее была борьба с униатами. Патриарх Григорий сам не был свободен от унии в прошлом, уступал Векку в полемическом таланте и в обличительном «томе» против последнего, написанном по поручению царя и синода, допустил и личные выпады против Векка, и изложение учения Дамаскина по Векку. Тот не остался в долгу и изобличил «прожорливого кита, восставшего от Кипра», в том, что он лишь перефразировал Векково изложение Дамаскина. Кто кого отлучает от Церкви? — писал Векк в своей «энциклике». «Кровных ее детей отлучает незаконнорожденный пришлец, едва ли не латинского происхождения». Хотя «том» был прочтен в церкви и подписан царем, оказалось нужным его переделать. Авторитет Григория упал. Положение стало невозможным, и он удалился в монастырь (1289). Неудачи ученых вызвали реакцию против ученого духовенства, возвращение к аскетическим заветам Арсения. На патриарший престол был вызван провинциальный монах Афанасий, встреченный ученым духовенством враждебно и со страхом. Афанасий и в столице вел жизнь аскета, спал на голой земле. Ученым клирикам пришлось плохо. Многих Афанасий изгнал из столицы за распущенную жизнь. Провинциальных архиереев, проживавших в столице, патриарх отправил в их епархии, оставшиеся без призора. Афанасий отзывался о них как об умеющих лишь доить свою паству. Монахов, особенно ходивших по богатым домам, Афанасий заставил вести строгую жизнь. Законопреступников всякого ранга он обличал резко; даже царские сыновья боялись патриарха более, чем отца. Храмы он очистил от «приходящих на хоры и помышлявших не о молитве, но о распутстве». Афанасий для всех стал слишком тяжел, поднялся общий ропот. Тогда Афанасий написал отлучение от Церкви царской семьи, духовенства и всей своей паствы, спрятал эту грамоту в св. Софии и, таким образом отведя свою душу, удалился в монастырь. Его место занял простой священник из г. Созополя, принявший имя Иоанна, отличавшийся ревностью о вере и кротостью; но и он должен был идти по тому же пути, как Афанасий, на него жаловались и белое духовенство, и архиереи за пристрастие к монахам и за самовластие, наконец он раздражил и царя, не благословив политического брака его малолетней дочери с престарелым сербским королем. После девяти лет патриаршества Иоанн уступил престол призванному вторично Афанасию (1303). Последний нисколько не смягчился и поступал еще круче. У клира св. Софии он отнял доходы, замучил их службами, повсюду назначал монахов. По его настоянию царь издал указ о соблюдении праздничных дней в отдыхе и молитве, без пиршеств и пьянства; кабаки и бани должны закрываться с субботы и вообще с заходом солнца; монахов, не соблюдавших устава, сажать на хлеб и на воду. Веселые константинопольцы не мирились с этим, а из монахов многие убежали даже к латинским «фрерам» в Галате, где жилось лучше. Требовал Афанасий и «уничтожить» в христианских городах всех евреев, магометан и армян. Пришлось Афанасию и вторично уйти на покой. Для Константинопольской Церкви настали безотрадные времена. Два года не было патриарха; первый преемник Афанасия, почти неграмотный «негодный» Нифонт, был занят умножением доходов, предпочитал блеск, пышный стол, лошадей, женщин и даже женские рукоделья, был злым сплетником и сдирал с икон

оклады из корыстолюбия; он был свергнут с позором. Иоанн Глика (1316—1320), сановник и писатель, мудро и усердно решал канонические вопросы, но был неизлечимо болен. Герасим и особенно Исайя (1323—1334) замечательны лишь тем, что изменили дряхлеющему Андронику, приняв участие в политических интригах.

Внешняя политика Андроника в отношении к Западу была бледна и лишена того размаха, который отличал политику его отца Михаила. Притом восстановление латинской, католической империи Константинополю не угрожало, и сам Карл, теперь бессильный, умер (1285). Это позволило Андронику осуществлять крутую реакцию против унии, не считаться с папской курией и в то же время поддерживать с латинскими государствами скорее миролюбивые отношения, достигнув Адриатического моря со взятием Дураццо (1291). На первых порах продолжались столкновения в Западной Греции, так сказать по инерции, и с греческими и с латинскими правителями; но, даже имея перевес в силах, Андроник скорее защищал наследие отца, не продолжал его неустанной воинственной политики, имевшей постоянною целью изгнание латинян и славян из империи в ее прежних былых пределах. Не стало планомерности в действиях византийского правительства, постоянным было лишь стремление затратить на внешнюю политику минимум сил и средств. Дело Михаила могло быть завершено при самых благоприятных условиях, однако оно было заброшено, и тяжкие жертвы предшествующего поколения, восстановившего греческую империю в Константинополе, не принесли плодов. Напрасно было бы винить в этом одного Андроника лично. Он не располагал авторитетом отца, основателя династии. Правил, по-видимому, не он, а его двор. Вернее сказать, политические цели Михаила VIII оказались не по плечу империи XIV в., снова, как при Ангелах, попавшей в руки аристократических партий, бюрократии и столичного населения. Благоприятный момент был упущен, уступающий всегда теряет, и последствием отказа от агрессивной политики явилось наступление молодых национальных государств — сербов на Балканах и османов в Малой Азии.

Смена императоров и политики сказалась прежде всего в Западной Греции. Старый деспот Иоанн Фессалийский, главный враг Палеологов, поднял голову и послал сына Михаила добывать Салоники. Стоявшая в Македонии византийская армия под начальством Тарханиота должна была отразить нападение, но Тарханиот умер, и турки разбежались. Пришло на помощь Андронику старое соперничество эпирского деспота Никифора, зазвавшего Михаила к себе на свадьбу и предательски выдавшего его Андронику. Деспот Иоанн отомстил за сына, прогнав Никифора в Италию. Чтобы закрепить Салоники за собою, Андроник женился на дочери монферратского маркиза Иоланте, по смерти первой жены Анны Венгерской, оставившей Андронику двух сыновей, Михаила и Константина. Иоланта принесла в приданое фамильные права на Салоники и получила взамен огромные земли в Македонии. Борьба из-за Западной Греции затихла на время. Брат и преемник Карла Анжуйского Карл II Салернский лишь в 1288 г. вырвался из арагонского плена — и то Сицилии не получил. Ненавидевшее французов население острова призвало сына Петра Арагонского, Фредерика, с грозной дружиной арагонских или каталанских наемников. При таких обстоятельствах Карл думал лишь о том, как закрепить за собою свои владения в Греции. Он выдал Изабеллу, дочь последнего Вилльгардуэна, за Флорентия Авен (вторым браком) и назначил его правителем Ахейского княжества. Флорентий немедленно заключил мир со стратигом Мистры, и Андроник поспешил утвердить этот мир (1289). Для многострадального Пелопонниса настало время мирного преуспеяния, хотя временами случались столкновения, например, уцелевшие в ущельях Тайгета славяне передались Андронику, тяготясь феодальным гнетом баронов (1293).

В намерения Андроника входило, вообще, переменить отношение к дому Анжу, перенесшему свою державу из Сицилии в Неаполь. С 1288 г. Андроник хлопочет о браке своего

старшего сына Михаила с Екатериною Куртенэ, наследницею прав Балдуина II и носившей титул императрицы Константинополя. Этот брак должен был закрепить «вечный мир» между Палеологами и Анжуйским домом. Переговоры тянулись 8 лет и, несмотря на сочувствие папы Николая IV, не привели к благополучному концу. Нельзя было сломить французскую гордость дворов Валуа и Анжу. Для них этот брак означал отказ от возрождения «Новой Франции» на Востоке. Филипп Красивый вызвал Екатерину к себе в Париж. Все крупные планы того времени разрабатывались годами и не приводили ни к чему. Пропасть между сторонами была глубока, и ни решимости, ни сил не хватало.

Сближение с Западом не удалось. И сам Андроник настолько был связан в своих действиях, что не решался писать папе по поводу брака, так как пришлось бы титуловать его святейшим, а это означало бы измену православию. Почва была не для мира, но для вражды. Положение оставалось то же, что при Михаиле, но опасность была менее велика, и в унии не было никакой нужды. Началась — или, вернее, продолжалась — полоса французских проектов против греческого Константинополя на протяжении всего многолетнего царствования Андроника. Ни один из этих планов не перешел в реальную опасность, и ни разу Андронику не пришлось дрожать за свой трон, как его более энергичному отцу.

Новый папа Бонифаций VIII был предан идее восстановления латинской империи в Константинополе. Он и составил план выдать Екатерину за Фредерика Арагонского, правителя Сицилии. Фредерик должен был выступить претендентом на Константинополь при поддержке арагонских и анжуйских сил; помощь Карла Неаполитанского покупалась уступкою Сицилии. Этот план разбился о сопротивление сицилийцев и самого Фредерика, который предпочел короноваться короною Сицилии. И французский король предпочитал закрепить права на Константинополь за своим домом.

Появился другой политический проект. Французский двор, уже тогда самый блестящий и гордый в Европе, носился с планами подчинить себе не только Италию и Сицилию, но и всю Европу. Придворный писатель Дюбуа разрабатывал планы французской империи в Европе с вассальной, французской же, империей в Константинополе. Брат короля Филиппа Карл Валуа должен был повести большое войско в Италию, завоевать Сицилию и, получив руку Екатерины Куртенэ, «императрицы константинопольской», добывать себе державу Палеолога. Накопившиеся во Франции силы искали себе исхода, и начиналось время бурных вторжений французов в Италию. Папа Бонифаций VIII стал жарким сторонником этого плана вразрез с традициями курии, не допускавшими рядом с собою сильной светской власти. Брак Карла с Екатериной состоялся (1301). Валуа был признан в качестве законного претендента на Константинополь. Но Карл Валуа, будучи лишен предприимчивости, ничего не сделал в Италии и даже после неуспешной войны заключил с Фредериком, против которого он был послан, мирный договор, признав за ним Сицилию и выдав за него дочь, и вернулся к французскому двору (1302).

Политические силы романской Европы, которые могли бы организовать поход на Константинополь, впредь уже не могли столковаться между собою. Папа Бонифаций умер, как известно, в жестокой ссоре с французским двором, и его преемники, переселенные в Авиньон, стали орудиями Франции в вопросах восточной политики. Рядом с Анжуйским домом в Неаполе утвердился в Сицилии Арагонский дом, оба королевства враждовали между собою и задавались самостоятельными планами в отношении к Византии.

Годами тянулись подготовления к походу Карла Валуа на Константинополь. Сама Франция почти не помогала. Папа Климент V подтвердил отлучение Андроника от Церкви (1307), призывал к новому крестовому походу, изыскивал денежные средства. Явились новые союзники: Венеция (договор 1306 г.) и сербский король Милутин (союз 1308 г.), но они

преследовали собственные цели. Сильный и более или менее однородный блок романских стран не был достигнут. К несчастью для французского претендента, Неаполитанское королевство выставило собственного кандидата в лице Филиппа Тарентского. Его брат, король Карл II Неаполитанский, переуступил Филиппу все свои права на Ахейское княжество, на Эпир, на союзеренитет над всей латинской Романией, и в 1205 г. Филипп утвердился на побережье Этолии через брак с Тамарой, дочерью эпирского деспота Никифора. Эпирский двор напрасно искал сближения с Константинополем, напрасно предал сына фессалийского деспота и сватал красивую Тамару; занятие войсками Андроника Дураццо в 1291 г. заставило деспота Никифора и его умную и энергичную жену Анну сблизиться с домом Анжу. Ближайшей целью Филиппа было Дураццо, отнятое в 1296 г. сербами у византийцев, и в 1305 г. католики албанцы предали Филиппу этот главный порт Албании. Деятельный Филипп воевал со своей тещей Анной, деспиной эпирской, вмешивался в дела Ахейского княжества и рассчитывал на денежную субсидию от папы как компенсацию за сочувствие Карлу Валуа. Но в Эпире его постигла неудача.

Таким образом, дом Анжу вел на Востоке собственную политику. Карлу Валуа нужно было искать иных союзников. Он и папа обратились к королю Сицилии, который, по договору 1302 г., обязался помогать Карлу Валуа. С него теперь требовали, чтобы он привлек на службу Карла действовавшую на Востоке каталанскую дружину. Но Арагонский дом как в Сицилии, так и в Испании хотел использовать дружину для себя, надеясь при ее помощи захватить Константинополь. Сицилийский король Фредерик не скрывал этих планов от папы, покровителя французского претендента. Посланный им инфант Фердинанд не только не смог убедить каталанскую дружину стать на службу их королевского дома, но и сам попал в плен к французскому адмиралу, который командовал союзной венецианской эскадрой, и был отослан в Неаполь. Сепуа убедил дружину стать под знамена французского претендента (1308).

Казалось, Карл Валуа был близок к цели. С ним были папа, Венеция, Сербия, каталанская дружина; он являлся французским кандидатом на германский императорский престол и мог рассчитывать на Венгрию, которой правил король из его родни.

Среди греков Македонии и Малой Азии началось брожение в пользу французского претендента, который мог бы защитить и от сербов и особенно от турок. Об этом сохранились документальные свидетельства в западных архивах. В 1306 г. к Валуа явился брат салоникского губернатора Иоанна Мономаха от имени греков, готовых признать его власть; в 1308 г. ему писал из Малой Азии губернатор Сард Константин Дука Лимпидари, ручаясь за помощь всех живущих в Константинополе малоазиатских греков, недовольных Палеологом. Карл рассылал щедрые дары византийским архонтам. В 1309 г. в Париже проживал Адрианопольский митрополит Феоктист. При французском дворе носились более чем когда-либо с греческим проектом и рекомендовали изучать греческий язык.

Но широко задуманный французский проект — плод дипломатических придворных канцелярий — не имел под собою достаточной реальной почвы. По крайней мере он вскоре рушился, как мыльный пузырь. Ни немецкие князья, ни даже авиньонский папа не согласились возвести Валуа на германский трон, и каталаны оказались авантюристами-грабителями, не способными на великое дело. Адмирал Сепуа бросил их и вернулся во Францию. Венеция, убедившись в слабости и нерешительности французского претендента, предпочла заключить с Византией перемирие на 12 лет (1310) и навсегда уже отказалась от планов восстановить в Константинополе Латинскую империю. Они принесли ей только крупные потери.

Франция от них не отказалась, но перенесла свою поддержку, вместо Карла Валуа, на вышеупомянутого Филиппа Тарентского из дома Анжу. Он знал греков и умел действовать на свой страх. Сам Карл Валуа передал Филиппу вместе с рукою дочери свои права на

Константинополь, основанные на браке с Екатериной Куртенэ. Французский король передал Филиппу особой грамотой все «negotium Constantinopolitanum» (1313), обещал отряд войска и обязал своего вассала Людовика Бургундского, ставшего князем Ахеи, оказать Филиппу помощь людьми. Папа предоставил Филиппу церковную десятину с Неаполя, Сардинии, Корсики и латинской Греции, солдатам Филиппа папа даровал отпущение грехов. Цели у Филиппа были не туманные и пышные, но определенные и реальные — оборона интересов Анжуйского дома и всего латинства от греков византийских и эпирских, от разбойников каталанов, захвативших Афины и вступивших в союз с турками. От Дураццо до конца Мореи наступали враги латинства.

Но поход Филиппа также долгие годы не мог осуществиться, хотя и сербский король Стефан Урош, сын Милутина, предлагал помощь и сватался за дочь Филиппа. Только в 1325 г. состоялся поход Иоанна Гравинского, брата Филиппа, и направлен был на Эпир. Часть Эпира была завоевана у греков. В 1331 г. Вальтер Бриень с анжуйскими войсками занял Арту, и деспот Иоанн принес ленную присягу. Тем и закончилось анжуйское вторжение на греческую землю, хотя и Филипп носился с «константинопольским делом» и даже пообещал хиосскому князю Мартину Цаккариа сделать его деспотом Малой Азии и ближних островов. Филипп использовал для утверждения своей личной власти в Западной Греции, для реальных целей Анжуйского дома поддержку Франции и папы, данную во имя освобождения Св. Земли, которой последняя пядь, крепость Акра, попала в руки неверных в 1291 г.; Константинополь по-прежнему рассматривался как база, необходимая для достижения этой идеальной цели. Никогда, кажется, не говорили о ней так много и откровенно, как на рубеже XIV в., когда ее достигнуть было слишком поздно. Парижский двор и авиньонская курия не могли отказаться от некоторых задач западного христианства. Идея крестового похода чрезвычайно волновала просвещенную Европу. Ряд докладных записок, проектов и мемуаров о завоевании Св. Земли был оставлен за эти годы монархами, политическими деятелями, муниципалитетами, миссионерами и частными людьми[61]. Рассматривая свой тезис с политической, коммерческой и особенно религиозной точек зрения, авторы сходились в том, что завоевание Константинополя является необходимым преддверием к великому «раззадшт» в Св. Землю. Преемники Филиппа Красивого, Филипп V и Карл, снаряжали даже небольшие эскадры для похода на Константинополь (1318 и 1323); знатный граф клермонский получил на это предприятие королевскую привилегию. Эскадры эти в поход не двинулись, но трон старого Андроника колебался вследствие междоусобиц внутри империи. Повторилась приблизительно та политическая обстановка, то западное давление, с которыми всю жизнь должен был считаться Михаил VIII.

И Андроник, свыше 30 лет не считавшийся с папством, теперь пошел по следам отца. Он отправил в Авиньон и в Париж для переговоров об унии миссию, состоявшую, однако, не из православных, но из католических монахов во главе с епископом крымской Кафы. Шаги Андроника встретили сочувствие близких к Леванту деятелей. Политический писатель, венецианец Санудо, состоявший в переписке с греческим двором, развил успешную агитацию в пользу соглашения с Греческой империей. Французский двор потребовал от Андроника участия в крестовом походе и территориальных компенсаций в пользу претендента Карла Валуа. Санудо советовал уступить, и Андроник писал королю Франции о своем желании жить с ним в мире (1326). Сомнительно, впрочем, чтобы Андроник серьезно был готов принять унию. Карл IV послал в Константинополь доминиканца Бенедикта, который должен был внушить Андронику, что ему необходимо осуществить церковный и политический мир с Западом и удовлетворить земельными уступками различных латинских претендентов. Как широко понимались претензии последних, можно судить по тому, что граф клермонский покушался на Солоники. Французский король не договаривался, но требовал, а византийским сановникам прямо

приказывал в своих письмах; и не только французская надменность, но и слабость византийского двора готовили грекам тяжкое унижение. Папа поручил Бенедикту привести схизматиков к вере Римской Церкви; неаполитанскому королю и Филиппу Тарентскому было предоставлено дать Бенедикту политические детальные инструкции, в которых определить свои требования именем папы и Франции.

Сама крайняя слабость Андроника выручила на этот раз империю. Гражданская война с внуком Андроником Младшим настолько потрясла его трон, что он не мог дать против себя оружие православному народу, в чем и сознался французскому королю и папе (Иоанну XXII). Переговоры были прерваны, и к счастью для Византии, так как ни папа, ни Франция не смогли осуществить похода на Восток.

Широкие планы европейской политики гибли безрезультатно; в них была замешана Венеция, политика которой за время Андроника утратила и постоянство, и ясное понимание реальных выгод. Она была выбита из колеи планомерной деятельностью генуэзцев; представитель Венеции в Константинополе носил лишь титул ЬаИо и был поставлен гораздо ниже представителя Генуи; их купцы и ремесленники терпели всякие притеснения. Последние опирались на привилегии, дарованные им правительством первого Палеолога, и, оставаясь верными новой греческой династии, оказывая ей существенные услуги, извлекали все выгоды и упрочили свое положение. Примером является генуэзская фамилия Цаккариа, нажившая громадные богатства на квасцовых рудниках в Старой Фокее, у входа в Смирнский залив, предоставленных ей Михаилом VIII в исключительное пользование; эта фамилия выставила несколько дипломатов, работавших на пользу Палеологов при дворе арагонского короля. Богатства принесли с собою политическую власть, один из Цаккариа захватил Хиос, его преемник Мартин получил от Филиппа Тарентского титул «короля и деспота Малой Азии», и с ним пришлось считаться третьему Палеологу. Генуэзцы захватили всю торговлю с Черным морем, где центром их была богатая Кафа в Крыму, с малоазиатскими островами, наиболее богатыми, наконец, с Салониками и Южной Македонией. На этих рынках греческого Востока они вытеснили венецианцев, которые, наоборот, подчинили своей торговле Евбею и Морею. Пиратские столкновения между венецианцами и генуэзцами не прекращались; о них дошли протоколы в венецианских архивах; торговля страдала, тем более что благодаря соперничеству европейских морских держав у прибрежных турок вырос свой пиратский флот и эмиры Ментеше и Айдина оказались в состоянии выставлять целые эскадры с экипажами из покоренных ими туземцев. Взятие Акры египтянами и утрата сирийских рынков латинянами обострили соперничество Генуи и Венеции в Константинополе и на греческих водах. Последняя, заключив договор с Византией (1285), начала с Генуей продолжительную войну (1294—1299). Генуэзцы, усилившись благодаря демократическим реформам и богатой торговле с Черноморьем, разбили венецианский флот при Лайаццо, взяли Канею на Крите, напали на Модон в Морее. Венецианский адмирал Морозини отомстил, ворвавшись в Босфор и сжегши генуэзскую Галату, еще не укрепленную. Греки приютили генуэзцев во Влахернском квартале и схватили венецианских купцов, причем подеста Венеции был сброшен генуэзцами с башни. Отступивший Морозини сжег рудники Цаккариа в Фокее. Андроник секвестровал венецианские имущества в столице и потребовал от Венеции возмещения убытков за сожженную Галату. Генуэзцы перенесли войну в самое Адриатическое море и разбили венецианский флот. Республика св. Марка предпочла заключить с Генуэей сепаратный мир на условиях status quo, но ее колонии в Византийской империи понесли непоправимый ущерб. С Византией Венеция продолжала войну, и в 1301 г. венецианский флот разграбил окрестности Константинополя, особенно Принцевы острова, захватил Санторин и несколько других островов Архипелага. У Андроника не было флота, и он был вынужден заключить мир, по которому обещал

вознаградить убытки венецианских купцов в Константинополе. Все-таки Венеция не вернула себе положения, которое она занимала в Константинополе до Палеологов и поэтому упорно поддерживала все планы Валуа и Анжу о восстановлении Латинской империи. Генуэзцы, наоборот, оставались верными Палеологам, богатели, упрочили свои привилегии и на глазах столичного населения выросли в местную политическую силу. С начала XIV в. они добились разрешения укрепить Галату (тогда называвшуюся Перой, или Другой Стороной), их квартал на северной стороне Золотого Рога, куда они были переселены Михаилом Палеологом. Стены существовали и в прежних итальянских кварталах внутри столицы, но никогда еще не вырастал рядом с греческим Константинополем и за его стенами укрепленный иностранный город со вполне итальянским обличьем. И он имел свою богатую историю в XIV-XVI вв., отчасти уцелел до сих пор. После сожжения генуэзской Перы венецианским флотом Морозини (1296) цветущая и богатая колония генуэзцев за несколько лет вновь покрыла свой участок богатыми многоэтажными каменными домами с толстыми стенами, узкими окнами, перекрытыми круглыми арками, с железными дверьми и решетками на окнах, с крытыми балконами, выдающимися на улицу; у подошвы холма стоял (отчасти сохранившийся) дворец генуэзского подеста, крепкое здание из тесаного камня; берег вновь покрылся амбарами и тавернами. Узкие улицы карабкались на крутую скалу. В 1303 г. Андроник подтвердил за генуэзцами и увеличил их город, разрешив укрепить его крутом сплошною стеною с башнями, бойницами и рвом, перед которым была оставлена незастроенная полоса. Остатки генуэзских стен Галаты, бывшие значительными еще в середине XIX в., ныне открыты взору лишь в квартале Араб-джами (ворота и кусок стены). Нынешняя Галатская башня, которую посещают путешественники, была отстроена позднее, незадолго до взятия города турками. Около нее спускались в обе стороны стены, на месте нынешних улиц Большого и Малого Рва (Хендек); спуск был короткий и крутой к Золотому Рогу, у Старого Арсенала, и более длинный, с изломом к морю, у нынешнего главного моста, не доходя на 70 шагов до Греческой башни с цепью, заграждавшей в военное время Золотой Рог. Приморская стена Галаты, самая длинная, имела всего 339 шагов. За стеною на холме, в нынешней Пере, виднелись пашни и виноградники, монастырские подворья; на месте одного из них, в овраге Фундукли, расположены теперь старейшие посольства, австрийское и французское.

Внутри стен жило почти исключительно итальянское население и действовало генуэзское законодательство; с некоторыми добавлениями местного значения оно сохранилось в генуэзских архивах под именем «Большого кодекса Перы». Во главе колонии стоял подеста, или губернатор, назначаемый из Генуи. Его власть распространялась на всех генуэзцев и их колонии в Романии; крымская Кафа имела самостоятельного консула. Подеста присягал греческому императору и был занесен в официальные списки среди первых сановников империи. Он соединял в своих руках административную власть с судебною. Греческие власти не судили генуэзцев, кроме дел об увечьях и убийствах, если потерпел грек и подеста сам не наказал виновного генуэзца; но генуэзцам было предоставлено предъявлять к грекам гражданские иски в греческих судах. При подеста состояли большой и малый советы из 24 и 6 лиц, наполовину из низшего сословия, и, кроме того, народный представитель (abate del popolo), как было в Генуе, и, наконец, особая коммерческая палата, стоявшая на страже как беспошлинной генуэзской торговли, так и императорских запретов вывозить из империи золото, серебро, а с 1304 г. и хлеб; это учреждение было особенно важно, так как в области таможенных пошлин и коммерческих злоупотреблений рождалось большинство столкновений между греками и генуэзцами. В этих установлениях, охранявших генуэзцев Перы, видны зародыши европейских капитуляций в Турции. Генуэзская Галата, тогдашняя Пера (ныне Перой называется верхний район за стенами Галаты), была католическим городом на территории Константинополя. Лишь

три старые греческие церкви оставлены были за православным патриархом. Настоятель католического собора во имя арх. Михаила считался викарием архиепископа Генуи. Наиболее известны приходские церкви: Павла, сохранившаяся до сих пор, и св. Франциска, обращенная турками в мечеть; при ее ремонте после пожара были обнаружены фрески, и романские рельефы из нее хранятся в Оттоманском музее. Католических церквей и монастырей было много в генуэзской Пере; она стала центром католической пропаганды на Востоке, приютом западных миссионеров, из коих многие, находясь в общении с греками, приобрели среди них репутацию учености. Роль генуэзской Галаты в истории Восточной Церкви еще ждет своего исследователя с православной стороны.

Из всех латинян лишь генуэзцы достигли на Востоке реальных успехов, отожествляя свои выгоды с интересами империи Палеологов.

Таков был в общих чертах европейский фон для внешней политики Андроника II. Он был скорее благоприятен для Византии: без исключительных энергии и жертв, каковых требовало трудное время Михаила, крестоносные проекты при Андронике замирали, не доходя до осуществления, несмотря на вялую и пассивную политику его правления.

Но именно благодаря нежеланию нести жертвы империя Андроника не избежала ужасов нашествия западного воинства, и при меньшей организованности европейских держав разыгрались события, обагрившие кровью греческие земли, чего Михаилу удалось избежать как политикой, так громадными жертвами на флот и армию.

В нашествии дезорганизованных латинских банд правительство Андроника было само виновато. Мысль об избавлении от неверных посредством латинского оружия не заглохла в старой Византии. Никея пользовалась западными наемниками, но рассчитывала на национальное войско, которое она сумела организовать. Михаил имел еще это войско, но чем дальше, тем больше стало в нем турецких отрядов: он создал флот, но наполовину латинский. Андроник запустил и то и другое. Теперь, когда турки захватили владения Византии в М. Азии на тридцать дней пути (см. след, главу), когда корабли эмира Караси доходили до Геллеспонта, правительство Андроника прибегло к традиционному пагубному вызову наемников с Запада, притом из среды, враждебной, или, по крайней мере независимой по отношению к Франции, папству и Анжуйскому дому. Неясно, насколько помогли в этом деле латинские советники, но они были. Генуэзцы дали на это дело деньги и свои наемные корабли, а в Константинополе уже в 1290 г. были каталанские консул и купеческая колония; каталанский флаг развевался по Средиземному морю, и в это время был редактирован знаменитый морской устав «Кодекс Барцелоны».

Готовые служить на Востоке воинские силы, независимые от папы и Франции, но втайне и отчасти явно направляемые энергичным Фредериком Сицилийским, были в лице каталанских дружин, приобретших уже громкую известность. В 1292 г. каталанская дружина под начальством де Лория ограбила побережье Мореи, Ионические и Малоазиатские острова. По объединении Каталонии с Арагонией, по изгнании мавров из Валенсии и Балеарских островов в Испании оказалось многочисленное рыцарство и пехота, выросшие в боях и не находившие себе дела на родине. Долголетние морские войны между Венецией и Генуей на всем пространстве Леванта и Италии развили в неслыханных размерах пиратство, при Михаиле VIII сдерживаемое греческим флотом, который, впрочем, грабил сам и состоял наполовину из западных пиратов и полугреческих «гасмулов». Купеческие караваны на путях в Египет и Сирию питали пиратов своею кровью. Из испанских искателей славы и добычи и из морских пиратов составились каталанские дружины наемников, служивших первоначально Арагонскому дому в его предприятиях в Сицилии, привыкших жить жалованьем и грабежом. Среди них были знатные и богатые вожди, мелкое рыцарство; далее, основное ядро — алмогавары, или испанская пехота,

сражавшаяся в сомкнутом сгрою и не знавшая себе равной в Европе; легкая пехота — адалилы ("проводники"); наконец, их флот, экипажи которого возили с собою жен и детей. К испанскому ядру примкнули международные искатели славы и добычи, разбойники и пираты. Среди вождей этого испанского казачества выдавался «брат Рожер», сын немецкого выходца, служившего Гогенштауфенам; свою фамилию Блюм он перевел по-испански де Флор. Бессердечный пират с ранней юности, воспитанник тамплиеров, крайне честолюбивый и предприимчивый, Рожер составил себе большую дружину, имел свои корабли и оказал Фредерику Арагонскому большие услуги против французов. Папа требовал его выдачи; но при сицилийском дворе он стал своим человеком. Сподвижник и поклонник Рожера Мунтанер оставил историю его сказочных успехов. Ему Мунтанер приписывает инициативу похода на Романию, на греческий Восток.

Рожер де Флор, видя, что в Сицилии, за примирением с Карлом Валуа, ему делать нечего, но каждый из его людей «хочет пить и есть», послал с ведома Фредерика Арагонского посольство к императору Андронику, извещая о желании перейти к нему на службу против турок. Рожер был известен греческому двору, оказал некогда услуги греческому флоту и бегло говорил по-гречески. Кир Андроник и его сын, соправитель кир Михаил, были рады и соглашались на условия Рожера: рука племянницы императора, дочери Иоанна Асеня III Болгарского, звание мегадука, или командира флота, большое жалованье рыцарям, пехоте и экипажам кораблей (1302). У византийского правительства не было иного выхода. В 1302 г. храбрый, но неопытный царь Михаил выступил в Магнисию против турок. Лучшую часть его большой армии составляли 16 000 аланов, перешедших на царскую службу из Болгарии, прежде служивших Ногаю. Поход окончился малодушным отступлением, и сам Михаил бежал в Пергам, оставив свое войско. Авторитет константинопольского правительства упал совершенно. Орды эмиров Караси, Сарухана, Айдина бродили по стране, и греки отсиживались в крепостях. Не только побережье, но и острова от Родоса и Карнафа до Хиоса и самого Тенедоса у Дарданелл увидели турецкие корабли. Греки отказывались идти под царские знамена и утратили воинскую доблесть, «обабились», по выражению Пахимера. Турки же не только грабили, но и оседали прочно в селах, покинутых греками. Одновременно (1302) Осман разбил греков под Никомидией и захватил область по Сангарию; жители азиатских пригородов спасались на фракийский берег, и в столицу прекратился подвоз жизненных припасов.

Собралось и выехало с Рожером 1500 рыцарей и конных, 4000 алмогаваров и 1000 легкой пехоты, не считая флота и семейств. Часть людей и судов составляли личную дружину Рожера, но большинство имело своих вождей, притом знатных испанцев, между ними выдавался Кеименес; дружины Эстенца и Рокафорте выехали позже. Несомненно, король Сицилии Фредерик Арагонский имел свои виды на Востоке, снабжая экспедицию кораблями и припасами из последних средств, как некогда скандинавские герцоги и короли снаряжали дружины варягов. Экспедиция была национальным испанским делом, ее нельзя считать чисто разбойничьей авантюрой. В бою алмогавары кричали «Арагон!» и развертывали знамена с гербами арагонского короля и короля Сицилии из Арагонского дома.

Императоры Андроник и Михаил, особенно второй, были испуганы численностью каталанов, угрожавшей безопасности империи, лишенной своего флота, и особенно царской казне. Андроник поспешил выдать каталанам жалованье вперед и торжественно справил свадьбу нового великого луки Рожера. Генуэзцы опасались за свои привилегии, требовали с каталанов уплаты долга, и немедленно начались на улицах столицы кровавые столкновения между генуэзцами и каталанами. Под стенами Влахернского дворца имело место большое кровопролитие, императору с трудом удалось удержать каталанов от разгрома генуэзской Галаты. Андроник поспешил послать алмогаваров против турок, подступивших к Кизикскому полуострову. Каталаны высадились в Артаки и показали себя, перебив пятитысячную турецкую

орду с женами и детьми свыше 10-летнего возраста. Гордые испанцы принесли добычу в дар членам императорской семьи; но царь Михаил не мог, по словам Мунтанера, забыть, что он сам дважды отступил перед этими самыми турками, несмотря на свое большое войско.

«Кир Михаил был одним из храбрых рыцарей на свете, но Бог покарал греков так, что их может смутить всякий. У них два определенных греха: во-первых, они самые надменные люди в свете и всех считают ни во что, хотя сами не стоят ровно ничего. Во-вторых, они менее кого-либо в свете имеют жалость к ближнему. В бытность нашу в Константинополе греческие беглецы из Азии валялись на навозе и вопили от голода, однако не нашлось никого из греков, кто дал бы им что-либо Бога ради, хотя в городе было изобилие всяких припасов. Только алмогавары, тронутые большою жалостью, делились с беглецами своею пищею. Потому больше двух тысяч нищих греков, ограбленных турками, следовали за алмогаварами повсюду... Ясно, что Бог отнял у греков всякий рассудок».

Перезимовали в Артаки, а флот отправили на Хиос. Алмогавары жили роскошно и населению за все платили по счетам, к чему Рожер принял меры. Так передает историк Мунтанер; а, по Пахимеру, алмогавары, как древние авары, нещадно грабили население, поощряемые Рожером; даже их вождь Кеименес не стерпел насилий и уехал на родину. Часть алмогаваров отправилась на службу к афинскому герцогу. Царь же Андроник им жалованье выдавал и выдавал, опустошая свою казну. За одну зиму содержание алмогаваров стоило 100 000 унций золота, а Рожер, щедрый на счет царской казны, выдал им еще за четыре месяца: получил деньги и для наемников-аланов и обсчитал их, обогащая своих; сына вождя аланов каталаны убили в ссоре. Царь Андроник, получая известия о грабежах каталанов, лишь молился с патриархом целыми ночами. В мае Рожер наконец выступил в поход против турок, осаждавших Филадельфию, имея под своим начальством каталанов, аланов и греков. Он бил турок при каждой встрече: под Гермой, при Авлаке, где из 20 000 турок Алисура спаслось лишь 1500, освободил Филадельфию; но вместо дальнейшего движения на Траллы и Триполи Рожер повернул на запад, на древнюю резиденцию Ласкарей Нимфей, Магнисию, Ефес (Ай-Феолог), в Анию, под которой разбил 18 000 турок племен Сарухан и Айдин; затем во главе своего флота Рожер отправился на острова Хиос, Митилену, Лимнос, разграбил венецианский Кеос.

Турки дрожали при одном имени каталанов; но недолго ликовали и греки. Хотя Рожер, по известию Мунтанера, поддерживал в войсках суровую дисциплину и вешал за ослушание и насилия, его рука была тяжела и для греков, из которых многие, среди анархии последних лет, поддались туркам. Константинопольское правительство Палеологов никогда не пользовалось симпатиями населения бывшего царства Ласкарей и не дало последнему ни защиты, ни хорошего управления. Рожер прощал народу, но казнил виновных архонтов и властелей, восстановив власть константинопольского правительства. Для содержания армии в походе, для создания складов и запасов он облагал тяжелыми поборами властелей и богатых, а также монастыри — элементы, уклонявшиеся от общественных тягот, и взыскивал с них, прибегая к мучениям и пыткам. Так было и на материке, и на богатых островах. В крепости Магнисии, где Рожер, по примеру никейских царей, хранил военную казну и припасы, греки с архонтом Атталиотой во главе перебили каталанский гарнизон, захватили казну и за крепкими стенами города отбились от подоспевшего Рожера. В Магнисии была жива память о Ласкарях, и горожанам являлось видение — царь Иоанн Милостивый (Ватаци), по ночам ходивший по стенам и охранявший свой любимый город.

«Великий дука» Рожер и каталанские дружины сделали свое дело. Если и преувеличено известие Григоры, будто турки не переступали границ Ромэйской империи, но они всюду были биты в открытом поле; богатая долина Меандра и прибрежные области были очищены от турок и получили каталанские гарнизоны. Дальнейшее пребывание Рожера в Малой Азии показалось

опасным константинопольскому правительству. Рожер мог упрочиться в стране и захватить ее для себя во славу Арагонского дома. В отношении царства Ласкарей Палеологи были крайне подозрительны и имели на то основание. Под предлогом отражения болгар Рожер был отозван на полуостров Галлиполи, и это положило конец его службе константинопольскому двору, впрочем не сразу. Рожер требует от императора 300 000 золотых, недоданных его войскам. Положение царского казначейства было отчаянное. Пришлось не только сократить жалованье гвардии и войскам, защищавшим западные провинции, не только плавить на монету драгоценные сосуды, но понизить самую ценность монеты. Еще со времен Иоанна Дуки золотая номисма содержала лишь половину золота. При Михаиле Палеологе вследствие расходов на наемников и на субсидии иностранцам на 24 части общего веса клали лишь 9, потом 10 частей чистого золота. Теперь Андроник решил убавить процент золота наполовину, так что на 24 доли общего веса оказалось лишь 5 долей золота. Произошло потрясение всей экономической жизни, и никто не хотел брать обесцененную монету, и менее других каталаны ценили эти новые «винтильоны», не принимаемые их греческими поставщиками и населением. Алмогавары сочли себя обманутыми греческим правительством, которое они спасли от турок. Лето 1304 г. прошло вместо похода в пререканиях. Осенью прибыла новая дружина рыцарей и алмогаваров Беренгария д'Эстенцы. Рожер потребовал для него титула великого дуки во внимание к его знатному роду и жалованья для его дружины. Положение обострилось. Собрав придворных и синклит, Андроник жаловался на каталанов и оправдывал себя: он приглашал на службу лишь 1500 каталанов, как видно из его хрисовулов; тем не менее его царская щедрость к каталанам не имела границ, и он давал Рожеру деньги целыми мешками, вполне доверяя последнему; но каталаны лишь проживали в Кизике, и об их грабежах вопило население громким голосом; особенно непростительно нападение каталанов на греков в Магнисии, хотя он, царь, не отрицает заслуг каталанов и освобождения ими Филадельфии. Истощив казну на содержание каталанов, он больше не нуждается в их службе, о чем Рожер обязан их предупредить. Генуэзцы предложили свою помощь против ненавистных им каталанов. Тем не менее обе стороны опасались открытого разрыва. Рожер понимал, что его положение среди каталанов основано на его связях с греческим двором; Андроник узнал, что Рожер укрепляет Галлиполи, собирает провиант и готов поднять против Константинополя свое страшное оружие. Был выработан компромисс.

Рожер умерил денежные требования и подтвердил готовность идти на болгар под знаменами молодого царя Михаила. За то Эстенца получил звание великого дуки, притом из рук Рожера в присутствии царя; церемония носила характер латинской инвеституры. Еще более раздражило греков, что Эстенца долго не съезжал со своего корабля, не доверяя царскому слову, и, присягая Андронику, заявил, что сохранит верность своему Фредерику Арагонскому. Знатный Эстенца не обладал гибкостью Рожера, бросил службу, отослал обратно полученные от царя драгоценные блюда и уехал в Галлиполи. Поведение Рожера было еще подозрительнее. Он упорно не хотел отправиться в Анатолию, хотя жители Филадельфии, вновь осажденные турками, уже ели падаль и трупы. Двор предлагал ему звание кесаря и полную власть на Востоке, кроме больших городов, но Рожер выше всего ставил верность своих дружин, с которыми мог добиться всего, и продолжал требовать денег. Узнав, что к Рожеру едет Фадрик, побочный сын Фредерика Арагонского, с сицилийским флотом, Андроник уступил Рожеру во всем, выслал Рожеру и крупные суммы, и громадные хлебные запасы, и знаки звания кесаря, с которым соединялись не только почетнейшее после царя положение — он подписывался «нашей империи кесарь», а царь писал ему «твоей империи самодержец», — но и громадная власть. Кесарь мог распоряжаться казенными суммами и доходами, жаловать казенные земли, собирать подати, казнить и конфисковать.

Возвышая на недосягаемую высоту Рожера лично, двор добивался сокращения реальных его сил до 3000 каталанов, с удалением прочих на родину; но Рожер, не уступая в хитрости, видел перед собою слабую империю, лишенную флота. Он занял каталанскими гарнизонами Троаду и Мизию, флот отослал на острова и забирал провиант, не давая отчета. В Галлиполи у Рожера составился целый двор, при котором жили его свояки, болгарские Асеневичи. У ворот в Константинополь выросла чужеземная власть, диктовавшая свою волю слабому правительству Андроника. Рожер заставил царя отдать ему всю Анатолию и острова с правом раздавать земли на феодальных началах и содержать войска на свой счет; впрочем, он брал и жалованье обесцененной монетой: теперь он мог заставить греков брать ее. В лучших областях империи создавалось каталано-греческое государство.

Одновременно разрасталось национальное греческое движение против каталанов, и его главою был молодой царь Михаил. Его войско состояло из греков, алан и тюркских выходцев туркопулов и было расположено в Адрианополе для отражения Святослава Болгарского. Почти рядом, в Галлиполи и в области Адрианополя, стояло два уже явно враждебных стана. Готовясь выступить в Азию для отражения турок и для устройства своих владений, новый кесарь Рожер желал обезопасить свой тыл и отправился к Михаилу со значительным отрядом. Он был принят с почестями, но его там ожидала смерть. На пороге шатра жены Михаила Рожер был зарезан вождем аланов, мстившим за убитого каталанами сына (апрель 1305 г.). Вслед за Рожером погиб его отряд, кроме троих. Михаил не только не наказал убийц или не мог этого сделать, но его легкая конница немедленно напала на каталанов врасплох, часть их перебила в деревнях и угнала пасшихся коней.

Убийство кесаря Рожера де Флор было катастрофой для империи. Погиб человек большого ума и энергии, умевший направлять разбойничьи дружины к достижению крупных целей, державший в своих руках и двор Андроника, подготовлявший в Малой Азии создание каталано-греческого государства, которое, может быть, спасло бы страну от турок, обеспечив населению мирный труд и благосостояние, подобно Вилльгардуэнам в Морее. Вместо несостоятельных планов французского двора о возрождении на Леванте «Новой Франции» казался близким к осуществлению с помощью Сицилии «Новый Арагон», с группой деятелей знатных и рядовых, знавших Восток и искусившихся в борьбе с неверными на испанской родине. Народная греческая реакция против новой, испанской, полосы латинского нашествия оставила лицом к лицу два непримиримых лагеря: для греков каталаны были лишь насильниками и грабителями, для испанцев греки и их правительство были коварными предателями. Первыми жертвами пали те, кто являлся мостом между греками и каталанами: кесарь Рожер, греческое, но издавна привыкшее к латинянам население полуострова Галлиполи, вырезанное каталанами; в Константинополе — адмирал из каталанов д'Онес, женившийся на дочери знатного архонта Рауля, и каталанская купеческая колония, перебитая чернью и беглецами из провинций.

Ярость и отчаянная решимость бушевали в лагере каталанов. Замещавший Рожера знатный Эстенца принял титул великого дуки империи Романии и государя Анатолии и островов. С испанской гордостью он шлет в Константинополь большое посольство для объявления войны Андронику по всем правилам рыцарских обычаев. Андроник, которого греки обвиняли за отсутствие национального флота и за предпочтение иностранцев, уверял в своей непричастности к убийству Рожера; но послы все же объявили войну на собрании каталанской колонии, в ее квартале, и после того последовала резня испанцев; сами послы были перерезаны на обратном пути в Родосто. Каталаны подсчитали своих, осталось всего 3307 с матросами, Фадрик уехал на родину; тем не менее было решено напасть на Константинополь, и Эстенца сел на корабли, оставив в Галлиполи Рокафорте и Мунтанера с 1500 каталанов, которые храбро отбивались за окопами от 40-тысячной армии Михаила. Эстенца был отражен в Кизике, но взял

и сжег Ираклию, возле Родосто, — богатое фракийское прибрежье было опустошено беспощадно, пятна крови долго плавали в море, по словам Мунтанера. Толпы несчастных беглецов наводнили Константинополь, наводя ужас своими рассказами. Константинополь был спасен прибытием сильного генуэзского флота. Генуя получила от Андроника подтверждение всех привилегий ее в Византии за союз и помощь (1304). Под Ригием (недалеко от С.-Стефано) генуэзцы с помощью греческих лодок разбили Эстенцу, взяли его в плен вместе с кораблями и добычей, но не выдали его императору, а отвезли в Геную (1305). Положение каталанов было, однако, не безнадежно. У них были в руках богатые по природе, хотя и разоренные, области по Геллеспонту и большие награбленные богатства, позволившие нанимать турецкие конные отряды, которые перебегали к ним от греков при каждой победе каталанов. Избрав своим вождем Рокафорте, «франкское войско в Македонии» (как себя назвали каталанские дружины) решило не отступать, но, развернув свои знамена с изображением св. Георгия и Петра, нападать на презираемых ими греков. Алмогавары даже затопили свои корабли, чтобы отрезать малодушным путь к бегству. В рукопашных боях они разбили многочисленную армию царя Михаила, причем последний был ранен, и более не встречали сопротивления в открытом поле. Рокафорте взял Родосто. Население было перебито или продано в рабство на рынке в Галлиполи; на плодородных полях Южной Фракии не осталось ни земледельца, ни плодового дерева. С прибытием новых отрядов число алмогаваров возросло до шести тысяч; прибыл из плена и Эстенца; приехал с флотом инфант Фердинанд Майоркский, посланный Фредериком Сицилийским к «его войскам в Романии». Была подчеркнута связь между каталанскими дружинами и политикой Арагонского дома. Подготовлялось, на смену планам погибшего кесаря Рожера, основание Новой Арагонии в Дарданеллах, и греческий двор был бессилен перед нависшей опасностью: армия Михаила отказывалась сражаться с каталанами. Так прошло два года (1305—1307).

Но основание испано-греческого государства было каталанам не по плечу за смертью кесаря Рожера, умевшего держать в руках дружины и заставившего служить своим целям греческий двор. Теперь разоренная страна не могла прокормить воинство, лишенное греческого жалованья и провианта, и между вождями начались раздоры. Рокафорте объединил вокруг себя рядовых алмогаваров, не желавших служить политическим замыслам сицилийского короля, искавших лишь добычи и подвигов. Преданная королю и инфанту партия знатного рыцарства не имела вождя, равного Рокафорте по энергии и свирепой силе. Решено было идти в Македонию сухим путем, отправив добычу на кораблях под начальством Мунтанера. В походе раздоры дошли до большого кровопролития, в котором погибли Эстенца с 500 рыцарями и столько же алмогаваров. Инфант бежал к Мунтанеру на корабли, а Кеименес перешел на греческую службу. Рокафорте с остальными дружинами вторгся на Халкидику (1307) и опустошил страну до Афонской горы. Наиболее упорное сопротивление оказал каталанам сербский Хиландарский монастырь. Многочисленные прибрежные башни (пирги) на берегах Афона остались напоминанием о каталанских грабежах. Лишь по уходе каталанов афонские монастыри оправились, впрочем быстро, получив ряд жалованных грамот на земли и доходы, между прочим Руссик (1311); с той поры настал для Афона расцвет и время большого влияния на дела Константинопольской патриархии. Каталанская опасность и бессилие византийского правительства заставили правителя Салоник Иоанна Мономаха, царского свояка, завязать изменнические переговоры с французским претендентом на Романию Карлом Валуа. Посланный последним адмирал Сепуа вначале не сошелся с каталанами и при помощи венецианских кораблей захватил инфанта с Мунтанером, грабивших берега Евбеи и Фессалии; Мунтанер благодаря своей дипломатической ловкости вырвался из плена раньше, чем инфант.

Положение дел в Греции открывало каталанам широкие перспективы. Дипломатическая

борьба между Неаполем и Византией, особенно стремление анжуйского королевства в Неаполе подчинить себе афинский двор мегаскиров де ла Рош, пустивший глубокие корни в стране и имевший самостоятельную силу, отразились, по обычаю эпохи, на брачных договорах наследниц Вилльгардуэнов, сюзеренов франкской Греции. Изабелла Вилльгардуэн предпочла для своей дочери не сына императора Андроника, но молодого Гюи II Афинского; сама же искала опору в браке с Филиппом Савойским, который недолго уживался в Греции и вернулся в Савойю, передав своему потомству титул князей ахейских. Франкская Морея не могла уже отстоять и тени прежней независимости. Сын короля неаполитанского Карла Филипп Тарентский является с флотом в Грецию (1306) и ставит своим наместником Гюи Афинского, единственного сильного французского государя в Греции. Гюи правил в Афинах и Фивах с блеском и с пользою для населения. Сам наполовину грек, по матери Ангел Комнин, Гюи распространил свою власть и на наследие знаменитого соперника Палеологов, фессалийского деспота Иоанна Ангела, в качестве опекуна его внука Иоанна II; он сумел защитить Фессалию от Анны Эпирской, заставив последнюю уплатить крупную контрибуцию; он подступил и к Салоникам, и лишь уговоры императрицы Ирины Монферратской, жены Андроника, заставили отступить войска Гюи. Между тем Анна Эпирская вошла в сношения с Константинополем; это вызвало поход Филиппа Тарентского с рыцарями Ахеи и Кефаллонии на столицу Анны Арту, но Анну поддержали против нападения Анжуйского дома Византия, Сербия и Венеция. Филипп не имел успеха под Артой, но отнял у сербов Дураццо и упрочил свою власть в Морее. Анжуйская политика становится непримиримой в отношении к грекам. Филипп с позором удалил свою жену гречанку Тамару, дочь Анны Эпирской, и, вступив в брак с наследницей Карла Валуа и Екатерины Куртенэ, выступил претендентом на всю Романию.

Оба греческих государства Греции, Эпир и Фессалия, находились во вражде; первому угрожал Анжуйский дом, утвердившийся в Албании и Морее; второе, наследие Иоанна Фессалийского, находилось фактически во власти Гюи Афинского, раздававшего земли и ставившего своих наместников в Фессалии. Анжуйский дом нес с собою иные начала, нежели ахейские Вилльгардуэны или афинские де ла Рош. Анжуйская политика преследовала завоевание и эксплуатацию в пользу заморской метрополии, а не слияние туземного населения с пришлым в новом государстве на греческой почве. Носителем традиций основателей франко-греческих государств оставался Гюи, сам по матери грек, но он вскоре умер. Фессалия осталась в слабых руках юного Иоанна II, которому были равно враждебны и греческий Эпир, и латинская Греция в руках преемника Гюи, Вальтера Бриеня. В этот момент на северном рубеже его владений, в предгорьях Олимпа, оказались прославленные каталанские дружины.

Разграбив Халкидику, каталаны напали на Салоники, но были отбиты. Они не умели брать крепостей. Положение их стало невыгодным: Святослав Болгарский уклонился от соглашения с ними и предпочел мир с Андроником, уступившим все, захваченное болгарами; впоследствии Святослав женился на внучке царя Андроника. Византийский стратиг Хандрин удачно действовал против каталанов, оградил от них цепью укреплений Южную Македонию. Каталанам пришлось покинуть опустошенную Халкидику и переправиться в горную Северную Грецию, окружавшую плодородную Фессалийскую равнину. Еще при жизни Гюи Рокафорте вошел в сношения с Афинами. Это угрожало венецианским владениям и интересам на Евбее. Усиление полугреческого государя Фив и Афин силами прославленного испанского воинства противоречило интересам Карла Валуа, французского претендента на всю Романию. Его агент, упомянутый Сепуа, и венецианцы сыпали золотом между вождями каталанов, чтобы низвергнуть Рокафорте, и им удалось вызвать мятеж против этого способнейшего наследника кесаря Рожера; свирепое самоуправство Рокафорте и неудача под Салониками послужили для интриги благодарной почвой. Рокафорте с братом были схвачены и отосланы в Неаполь, и их

уморили голодом в темнице. Сепуа намеревался даже завладеть наследием Гюи в пользу Карла Валуа, опираясь на каталанов, но вскоре Карл Безземельный (Sennaterra, как его прозвали в Италии) отказался от претензий на императорскую корону Романии, и вслед за ним и Сепуа бросил каталанов и уехал во Францию. Каталаны, оставшись без вождя, жестоко расправились с зачинщиками мятежа против Рокафорте. Покинули каталанов турецкие конные отряды Мелика и Халила: эти закаленные в боях наемники ранее служили в войсках царя Михаила. Мелик ушел в знакомую ему Сербию, где был убит, а крещеный Халил просил у византийского правительства пропуск в Азию; корыстолюбие данного Халилу греческого конвоя, польстившегося на богатую добычу турок, вызвало кровопролитие, и вся армия Михаила с крестьянским ополчением не могла справиться с Халилом, к которому подошли другие турецкие банды; потребовалась помощь сербов, чтобы загнать турок к Дарданелльскому проливу, где их остатки были вероломно перерезаны экипажами генуэзских судов.

Между тем каталаны грабили Фессалию, наследие деспота Иоанна Ангела. Слабое правительство Иоанна II, беспомощного, несмотря на брак с побочной дочерью Андроника, удовлетворяло все требования каталанов. Не в состоянии далее прокормить хищников, фессалийские греки указывали им на более богатую добычу — цветущую Среднюю Грецию с Фивами и Афинами. Преемник Гюи, Вальтер Бриень, сам нанял каталанов, намереваясь закрепить за собою Фессалию. Греческие гарнизоны в Южной Фессалии и византийские, присланные Андроником, не могли сопротивляться каталанам и силам Бриеня. В полгода Вальтер завоевал Фессалию (1310), и Андроник признал этот факт, заключив с ним мир. Теперь Вальтер пожелал отпустить ненужных ему каталанов, но вся дружина отказалась уйти, требуя не только недоданного жалованья, но, главное, земель. Старым воинам надоела бродячая жизнь, они желали устроиться прочно, своим домом. Новые пришельцы предлагали старым потесниться, и соратники превратились в заклятых врагов. Вся франко-греческая Эллада собралась под знаменами Бриеня: памятно было изгнание французов из Сицилии ненавистными испанцами. 7 тысяч рыцарей и конных вместе с 8 тысячами пехоты выступили против каталанов, которых вместе с фессалийскими греками было вдвое менее. На реке Кефисе у Копаидского озера каталаны поджидали врагов, затопив луга перед своими позициями, и вся тяжелая французская конница погибла при атаках через вязкое болото; погиб и Бриень; из рыцарей уцелело лишь двое. Это была полная катастрофа для французской Греции (1311). Французское население Виотии и Аттики спасалось бегством в Морею и на Евбею, бросая укрепленные замки. Богатые Фивы были разграблены каталанами. Греческое крестьянство молило победителей о пощаде. Остались от французских рыцарей лишь их могилы в Дафнийском монастыре и их знатные дамы, не успевшие бежать и ставшие добычей победителей. Каталаны разделили между собой земли и замки рыцарей; богатство и оседлость в чужих насиженных гнездах были наградой суровым воинам за многие годы походов, лишений и битв. На новых местах они были окружены врагами; Валуа и Анжу, принявшие под защиту семью Бриеня, были им открыто враждебны. Каталанская дружина поставила себя под защиту Фредерика Арагонского, короля Сицилии. Был заключен договор, по которому второй сын сицилийского короля присылался в Грецию в качестве государя завоеванных каталанами земель, в Фивах учреждался суд и административный совет, с апелляцией к королю Сицилии: французское законодательство, «Ассизы Романии», заменялось Барцелонским феодальным кодексом; каталаны, завладевшие барониями и рыцарскими ленами, признавались баронами и знатными людьми по каталанскому праву. По отношению к местным грекам завоеватели отмежевались резко. Браки между каталанами и греками были воспрещены; греки не могли ни приобретать, ни отчуждать, ни завещать недвижимого и даже отчасти движимого имущества.

Французская Морея не могла дать отпора каталанам. В борьбе арагонского и французского

влияний жертвами были последние наследницы Вилльгардуэнов, погиб и Фердинанд Майоркский, утвердившийся было в лучшей части Ахейского княжества. Мелкие события изобилуют в истории Греции и Архипелага; архивы Неаполя и Венеции, разработанные ученым Гопфом, доставляют много знатных имен и фактов, среди которых не видно общей нити. Очевидна лишь слабость, анархия латинского элемента. Просачиваются наверх слои туземные, греческий язык вытесняет пришлый, и сами рыцарские сказания слагаются по-гречески, как видно из сравнения с редакцией Морейской хроники XIV в. В политическом отношении греческое население Мореи, крепостное и жившее узкими местными интересами, могло быть поднято лишь Византией и византийской Церковью; но империя при Андронике утратила свой флот, и духовенство Константинополя было поглощено иными интересами. Лишь энергичный стратиг Мистры Андроник Палеолог Асеневич (1316 — 1321) использовал междоусобие латинян и утвердился в Аркадии, оттеснив латинян к берегам; за приморской, торговой Монемвасией были подтверждены доходы и права, и митрополит Монемвасии стал эксархом Пелопонниса, византийского и латинского. В Средней же Греции каталаны основались прочно, и новый наместник сицилийского короля дон Фадрик (некогда ездивший к кесарю Рожеру де Флор) браком приобрел права на часть Евбеи. Это вызвало немедленно войну каталанов с Венецией, для сицилийского короля нежелательную, и ему едва удалось унять Фадрика. Последний завел пиратский флот, разграбивший отдаленные острова Хиос, Наксос, Милос, вновь на рынках Леванта показались толпы невольников, и опять вмешался Фредерик Сицилийский и заставил Фадрика помириться с Венецией и разоружить своих пиратов. Тогда Фадрик обратился против греческой Фессалии. Иоанн II Ангел называл себя не только души Великой Влахии и Кастории, т. е. Южной Македонии, но и государем Афин, опираясь на родство с бывшими мегаскирами афинскими из рода де ла Рош. Смерть Иоанна (1318) и прекращение прямой линии фессалийских Ангелов позволили Фадрику завоевать Фессалию с ее столицей Новыми Патрами. Впрочем, некоторые архонты, как знатные Мелиссины, известные по типику монастыря Макринитиссы, продолжали править своими богатыми землями независимо. Среди всеобщей анархии спускались с гор влахи и албанцы, и венецианец Санудо видел в них единственное спасение от каталанов.

В Эпире деспот Фома Ангел, женатый на Анне Палеолог, дочери Михаила и внучке Андроника, получил византийскую помощь и не только отбивался от Филиппа Тарентского, захватившего Арту но и наступал; впрочем, Арту отбить не удалось, Венеция стала к Фоме враждебной, и ему пришлось искать мира с Филиппом. Вскоре Фома был убит своим родственником Николаем; последний принял титул деспота Романии, который Филипп давал своим сыновьям, посылая их в Эпир. При Николае Арта была возвращена в руки греков. Важнейший торговый город Эпира Янина поддалась императору Андронику благодаря успешным действиям стратига Сиргиана и в 1319 г. получила от царя важную златопечатную грамоту. Жители «изобилующего богатством и населением, находящегося под покровительством начальника небесных сил Михаила, боголепного града Янины» обязались не предавать города ни латинянам, ни иному государю (сербам?), но навеки стали подданными константинопольского императора. Изменники теряют имущество в пользу изобличивших, и самые дома их будут сровнены с землею. Дарованные Андроником привилегии свидетельствуют о существовании в Янине развитого самоуправления. Напрасно сказано во вступлении к хрисовулу, что Янина страдала вследствие отделения от империи: и Константинополь, и другие города Андроника могли лишь завидовать свободе Янины и наличности в ней общественных элементов, способных осуществить городские вольности и права.

Прежде всего Андроник подтвердил имущества, доходы и права местной архиепископии и

впоследствии возвел архиепископа Янины в сан «всечестного» митрополита Константинопольской патриархии. За городом Яниной царь укрепил ряд деревень и оброчных статей, которыми город владел ранее, а также те, которые Сиргиан отнял от эпирского деспота и отдал Янине. В образовавшейся большой области одни янинцы могли владеть землями и крепостными париками. Свободные граждане именуются обывателями (эпиками). Только измена может лишить их жительства в Янине, свободы и имуществ городских и загородных. Мало того, янинцы избирают из своей среды судей, разбирающих дела под председательством «головы» (κεφαλη), на которого жалоба приносится императору. Купцы янинские торгуют во всей империи и в самой столице безданно и беспошлинно. Янинцы не несут военной службы вне городской территории, не несут ни расходов по содержанию царского войска, даже проходящего через их область, ни постоя, ни издержек по ремонту крепостей, кроме самой Янины; для защиты родного города, охраняемого прежним гарнизоном, горожане призываются лишь в случае необходимости. Они освобождены от ряда «нововведенных» налогов и податей, между которыми названы подати: подворная (подымная), подушная, поземельная с ярма волов, с пастбищ, рыбных ловель, ульев, свиней. Эпики из иудеев сравнены с христианами в правах. В хрисовуле Андроника находим начала административного, судебного и финансового иммунитета и зародыш самоуправления в лице выборных судей. На тех же в общем основаниях зиждилось процветание городов средневекового Запада, и соседство с Италией многое объясняет в вольностях Янины. Редакторы хрисовула смотрели на права янинцев как на привилегии царской милостью; и действительно, рядом с иммунитетом и начатками самоуправления мы видим право повсеместной беспошлинной торговли, даруемое иностранцам по договорам. Важнее то, что в Янине были элементы, за которыми можно было подтвердить самоуправление. Успехи Византии в Эпире встревожили ее врагов. Филипп Тарентский занял Навпакт и Корфу. Папа увещевал католических вождей Албании сохранить верность Филиппу. На Албанию претендовал и сербский король Милутин, включивший ее в свой титул. Окруженный сильными врагами, эпирский деспот Николай искал защиты у Венеции, но, не получив ее, поддался Андронику, присоединив Эпирскую Церковь к Вселенской патриархии; он овладел столицей Артой (1320). Успехам объединенных греков положила конец внутренняя междоусобица в Византии. Деспот вновь поддался Венеции «как матери» и обложил Янину. Против него произошло, по-видимому, национальное движение. Брат его Иоанн обещал Янине довольствоваться званием «головы», не претендуя на власть государя, и с помощью янинцев разбил Николая, убил его и принял титул деспота Эпира и островов (1323). Вскоре Янина отложилась от деспота при помощи византийских войск и осталась царским вольным городом. В Эпире греки отстояли свою национальную независимость, несмотря на энергию и силы Филиппа Тарентского, несмотря на слабость византийского правительства, не способного на действия в крупном масштабе. Даже при полном развале наследия Иоанна Ангела оно не сумело вернуть Фессалии, предпочитая вооружениям пастырские увещания.

Причину слабости Андроника нужно искать внутри империи. После бурного времени Михаила VIII, с величайшими жертвами отстоявшего государство от латинского вторжения, Византия нуждалась в мире. Казалось бы, что трон его миролюбивого преемника должен был быть прочен и огражден греческим народом от всякого внутреннего мятежа. На самом деле этого не было. При каждом военном неуспехе правительства, постоянно слабого и не справлявшегося со своими задачами, являлись претенденты, и даже церковные расколы, как арсенитское движение, принимали династическую окраску. Устранить Палеологов было бы трудно, к ним привыкли за время Михаила. Слепой сын последнего Ласкаря более не внушал опасений и был даже обласкан Андроником. Мятеж знатного и блестящего полководца Филантропина, основанный на его успехах против турок, был подавлен почти без

кровопролития (1296). Опаснее были претенденты из царствующего дома. Брат Андроника, порфирородный Константин, по-видимому, не без оснований был заподозрен в замыслах на трон. Он был весьма популярен в войсках, щедр и весьма богат; ему был обещан отцом самостоятельный удел — Македония с Салониками. По приказу Андроника он был внезапно схвачен и 17 лет, до смерти, томился в дворцовой темнице. Слишком расцвела со времени Комнинов придворно-семейная иерархия, полуцарские звания севастократоров, кесарей, деспотов, с их регалиями и правами, затмили чистоту римско-византийского самодержавия. Эти титулы стали опасными в руках царских братьев и дядей, обыкновенно полководцев войск, наполовину наемных, со штабом из служилой знати. Вероятно, влияние западных феодальных идей[62] — вопрос, столь мало разработанный, — и естественны центробежные тенденции в таких центрах, как Салоники, имевшие в XIII в. собственную историю. Издревле в Византии царствующие императоры предоставляли наследникам корону и права молодых императоров-соправителей, чтобы оградить престол при переходе из рук в руки. Так поступили и Михаил и Андроник, венчавший на царство своего сына Михаила. Молодой царь, лично храбрый, но неудачливый, постоянно терпевший поражения и от турок и от каталанов, пребывал обычно в провинции при войсках, а по уходе каталанов жил в Салониках, наблюдая за Фессалией и Эпиром. У него была своя партия, недовольная слабостью Андроника. Но политические и семейные невзгоды (в один год он потерял дочь и младшего сына, убитого людьми старшего брата из-за женщины) свели Михаила в преждевременную могилу (1320). Наследником престола остался его старший сын Андроник Младший, армянин по матери, 23-летний красавец, популярный не только среди веселящейся молодежи, но и среди столичного населения за прямоту и щедрость, и среди местных генуэзцев, охотно ссужавших ему деньги. Женат он был на немецкой принцессе, герцогине Брауншвейгской. Велик был контраст между его свитой и старым двором из богословов и боязливых сановников, окружавших подозрительного и упрямого старика, каким был старший Андроник.

Дед всегда относился холодно к внуку и охотно слушал злые доносы на него, а младший Андроник не обращал никакого внимания на старый двор. Скоро дошло до того, что царь Андроник стал искать себе другого наследника, но был лишь один еще внук, от младшего сына, да и тот побочный. Для надзора за законным престолонаследником Андроник вызвал из тюрьмы пинкерна Сиргиана, того самого, который присоединил Янину. Этот молодой и честолюбивый полководец показался опасным и был схвачен и заключен, лишь знатность и связи спасли его от увечья. Большой ошибкой было довериться Сиргиану. Он при первом случае открыл младшему Андронику свою миссию. Чаша терпения переполнилась у молодого Андроника, и он пошел на государственный переворот. Составился заговор, в котором приняли участие, кроме Сиргиана, великий доместик фракийской армии Иоанн Кантакузин, уже тогда игравший важнейшую роль в управлении, знатный Синадин, наместник Западной Македонии, и Алексей Апокавк, доместик западных областей, а также генуэзские купцы, располагавшие не только деньгами, но и флотом. Сам могущественный краль Милугин Сербский вошел в сношения с заговорщиками. И этот переворот был делом македонской служилой знати. С деньгами всего можно было добиться при дворе старого царя, Сиргиан получил в управление Фракию, и заговорщики стали собирать войска под предлогом защиты от турок и болгар. А старый царь, не чувствуя опасности, при придворных выходах грубо и мелко унижал наследника престола, не здоровался, не разрешал садиться. Оскорбления привлекали сочувствие к молодому Андронику, и тем более раздражался его дед. Более дальновидные и преданные советники, как М. Торник и Ф. Метохит (министр финансов, писатель и ктитор Церкви столичного монастыря Хоры, ныне мечети Кахрие, заказчик ее знаменитых мозаик), советовали старому царю примириться с внуком, но напрасно. На Вербное воскресенье 1321 г. Андроник Старший вызвал внука во дворец и в

присутствии сановников стал обвинять его в тягчайшем преступлении — в неправославии, пока ему не донесли, что дворец окружен людьми Кантакузина и Синадина. Старый царь был столь же робок, сколько мстителен; он прервал суд, и на глазах сената произошла сцена примирения: внук обнимал ноги деда, уверяя в верности, дед обнимал внука, повторяя, что не желает иного наследника. Верные внуку Кантакузин и Синадин были скомпрометированы и получили приказ немедленно уехать на Запад, в свои области. Но вскоре и Андроник Младший получил предупреждение, кажется, от патриарха, что ему угрожает тюрьма, и бежал в Адрианополь, куда собрались и его сообщники, собирая войска, захватывая в городах казенные суммы, обещая населению свободу от разорительных податей. Снова растерялся старый царь и его двор; напрасно по столице носили Евангелие и приводили народ к присяге, напрасно синод отлучил претендента от Церкви; умы шатались, и сил у старого двора не оказалось. По настоянию энергичного Сиргиана мятежники, не теряя времени, подступили к Силиврии, на 2—3 перехода от столицы. В ужасе старый царь шлет посольство с матерью Сиргиана во главе сначала в Силиврию, потом в Адрианополь, ко двору внука; послы едва не были зарублены немецкой дружиной Андроника Младшего. Оно вернулось с ответом, что армия требует похода на столицу. Мятежники подступили уже к Ригию. К ним посылается тетка претендента, монахиня Евгения. Ни ее племянник, ни влиятельный Кантакузин не желали кровопролития и от Андроника Старшего потребовали признать за его наследником царский титул и неограниченную власть над Фракией, а его вождям даровать богатые земли. Не располагая армией, Андроник Старший беспрекословно подписал эти условия (1321). Но и после этого междоусобие не прекратилось, и опять причиной были люди, которые вели за собой младшего Андроника. Руководитель мятежа Сиргиан был отодвинут на второй план Кантакузином и перешел на сторону старого царя, под предлогом обиды, нанесенной его красивой жене младшим Андроником. Он занял две крепости; за ним отложились Ираклия на Мраморном море и стратопедарх родопский с крепостями Стенимахом и Чепеной; и Святослав Болгарский, хотя и зять младшего Андроника, счел более выгодным поддерживать старого царя как менее опасного соседа. Междоусобная война возобновилась; опять Андроник Младший подступил к Ригию, но теперь, с уходом Сиргиана, в его войсках царила смута. Теперь внук просил мира, а дед отказывал, полагаясь на Сиргиана и на крепкие стены столицы. Андроник Младший захворал и отошел к Димотике; его мать, проживавшая в Салониках, была схвачена у церковного алтаря и отослана в Константинополь. Но весна 1322 г. принесла успех Андронику Младшему. У него была энергия, и слишком непопулярен был старый царь. Собрав войско на деньги матери Кантакузина Феодоры Палеологины, Андроник Младший взял ряд фракийских крепостей, захватил родопского стратопедарха, в Салониках вспыхнуло восстание в его пользу, и в его лагерь привезли салоникского деспота Константина Палеолога; явились и местный митрополит, и представители Афона. Теперь вся Фракия и Македония была в руках Андроника Младшего, и нанятые его дедом турки рассеялись и в страхе бежали на азиатский берег. Теперь внук с вождями своих войск продиктовал свою волю деду (в Эпиватах, летом 1322 г.): управление и подати во всей империи остаются за старым царем, но он обязуется уплачивать войскам крупную сумму (45 000 золотых), выдавая ее на руки внуку для раздачи; таким образом, тяготы и ответственность перелагались на деда, а внук обеспечивал преданность себе всей армии. И себе лично он выговорил 36 000 золотых в год, немногим меньше того, что шло на все войска. Примирение решило участь Сиргиана, и он был осужден на заключение.

Располагая армией, Андроник Младший организовал защиту северной границы и разгромил болгарского царя Георгия Тертеря, сына Святослава (1321); вскоре умер и Георгий (1323), и в Болгарии наступило междуцарствие. Греки захватили юго-восточную часть болгарских земель с Месемврией; в верховьях Тунджи самостоятельно правил дядя Георгия

Воислав, друживший с греками: Филиппополь, отобранный Георгием у греков по уходе храброго воеводы Ивана, был захвачен родопским стратигом Вриеннием при содействии горожан-греков. Утрата Южной Болгарии заставила бояр прекратить раздоры и избрать на царство первого из Шишмановичей, Михаила Видинского. С войском из влахов и татар новый болгарский царь выбил греков с Балканского хребта, Воислав бежал в Константинополь, и болгарские отряды грабили Фракию до устьев Марицы. Отразив греков, болгарский царь предпочел покончить с ними миром и женился на сестре младшего Андроника, вдове Святослава, разведясь для этого с первой женой, дочерью Милутина Сербского. Для родины Шишмановичей Византия была менее опасной, чем Сербия. Едва кончилась болгарская опасность, на Фракию обрушились татары, до 200 000 по греческому счету (1324). Андроник Младший и его вожди собрались с силами и разбили главную орду татар между Адрианополем и Димотикой; перейдя Марицу, Андроник наступал до Тунджи, и при его приближении татары рассеялись и ушли в горы. Этот успех еще более упрочил положение Андроника Младшего, глухая вражда деда была бессильной, и в 1325 г. он короновался как император-соправитель со всей пышностью древнего церемониала. За смертью Ирины Брауншвейгской он женился вторично, на Анне Савойской: царицы с Запада признавались политической необходимостью; ими гордились не только Палеологи, но и их подданные. Празднества и роскошные охоты — страсть Андроника — следовали одно за другим, требуя громадных расходов; войско голодало, не получая жалованья в срок. Турки появились и в Фракии; в стычке с ними молодой царь был ранен и едва спасся бегством. Даже утрата Бруссы, ставшей, как будет изложено в следующей главе, столицею османского султана, не прекратила ни интриг Андроника Старшего против внука, ни расточительства последнего: он содержал охоту в 1000 коней и столько же людей, тогда как у казны не хватало денег на содержание 3000 конницы и 20 галер. Хуже того, в борьбе обоих Палеологов приняли участие соседи, природные враги империи, и обе стороны искали поддержки у южнославянских государей, не говоря о турецких наемниках, ставших неизбежными почти в каждой византийской армии. Неясно, кто первый вступил на этот пагубный путь. Андроник Старший и ранее искал опоры в Салониках и Македонии. Теперь он посылает туда паниперсеваста Иоанна Палеолога, сына захваченного Андроником Младшим салоникского деспота Иоанна и зятя великого логофета Метохита. Дочь Иоанна просватана за полуслепого краля сербского Стефана Дечанского, и заключается с ним тайный договор против Андроника Младшего; знатные зятья Метохита Д. Ангел и М. Ласкарь получают области на сербском рубеже и действуют в заговоре, душою которого являлся, по-видимому, Метохит. Перехватив гонцов паниперсеваста, Андроник Младший в свою очередь заключил договор со своим новым зятем Михаилом Болгарским, направленный как против Андроника Старшего, так и против Сербии. Паниперсеваст Иоанн уже открыто выступил в качестве претендента и вместе с сербами дошел до Серр (ныне Серес), грабя страну, и старый царь послал ему знаки кесарского достоинства. Даже смерть Иоанна не остановила старый двор: в Салоники был послан дядя Иоанна, деспот Димитрий Палеолог; вместе с родственником своим Андроником, с Михаилом Асенем и Мономахом с сербской помощью он должен был организовать поход на Андроника Младшего. Сын Метохита и придворный историк Андроника Старшего, друг Метохита, Никифор Григора, были посланы в Сербию, чтобы оформить соглашение.

Младший Андроник имел много приверженцев и в Салониках, и в Константинополе, в том числе патриарха Исайю. С одним своим двором, правда многочисленным, он подступил к столице, рассчитывая вызвать восстание в свою пользу. Его не впустили в город и бросали в него камнями с городских стен. Старый царь запретил поминать его имя при богослужении, но патриарх не был на это согласен, и царский приказ исполнялся лишь в дворцовых церквах. Андроник Младший потребовал у деда свидания в присутствии сената для личных объяснений,

и эта просьба была поддержана патриархом, но старый царь, боясь мятежа, предпочел послать к внуку следственную комиссию. Молодой царь предъявил комиссии перехваченные письма, изобличавшие деда, и был признан невиновным. Старый царь упорно отказывался выслушать доклад своей комиссии, и это привело его к конфликту с патриархом. До сих пор Андроник Старший как ревнитель православия опирался на синод в борьбе с внуком; теперь он удалил патриарха в Манганский монастырь, заключил в тюрьму сторонников патриарха из высшего духовенства. Мы видели выше, что он даже вступил в тайные переговоры с папой, чтобы упрочить свой трон на старости лет. В конце 1327 г. переговоры прервались, и стало очевидно, что империи придется вновь пережить междоусобную войну. Младший Андроник, оставив Синадина для защиты Фракии, выступил вместе с Кантакузином в Македонию против своих врагов, занявших Серры. На его стороне были греческие патриоты и население, страдавшее от партизанов старого царя и от сербских полков воеводы Хреля, и горожане Салоник отворили ворота при приближении Андроника; когда он у раки св. Димитрия исцелился от турецкой раны, сдался и акрополь Салоник; вслед за тем сдались Эдесса, Веррия, Ведена, Кастория, Охрида, и Андроник дошел до Монастыря, всюду встречаемый с торжеством. Враги его бежали в Сербию, и их семейства были сосланы во Фракию (1328). Горные албанцы и даже деспот эпирский явились на поклон к Андронику Младшему. Сербский краль стоял на границе, не решаясь ее перейти. Одновременно Синадин разбил вышедшие из Константинополя войска и захватил их вождя Константина Асеня. Молодой царь вновь стал господином положения и подступил к столице. Его успех встревожил Михаила Болгарского, союзника ненадежного, которому было выгодно междоусобие между греками; он перешел на сторону старого царя и послал к Константинополю тысячный отряд под начальством русского выходца Иоанна; константинопольское правительство не пустило болгар в город, и население боялось их более, чем войск молодого царя. Столице угрожали одновременно три опасности: от Андроника Младшего, от болгар, расположившихся поблизости, и от венецианского флота, явившегося в Золотой Рог для расправы с генуэзцами за пиратство. Венецианцы проявили большую дисциплину, не трогали греков, но заняли Босфор и захватили все генуэзские и греческие суда, шедшие из Черного моря с хлебом и соленой рыбой. В столице настал голод, пока венецианцы не стали продавать им жизненные припасы за хорошую цену. Настроение было подавленное; число приверженцев младшего Андроника возросло, особенно когда он угрозами и подарками добился удаления болгар на родину. Ночью старый царь с ужасом слушал донесения о подходе к стенам войск его внука, но Метохит был уверен в неприступности городских укреплений и ушел спать, когда Андроник Младший, благодаря измене стражи, уже вступал через Романовы ворота. Слыша шум оружия и народные клики в честь молодого царя, Андроник Старший, покинутый всеми, распростерся перед иконой Одигитрии, моля о спасении жизни и оставшись малодушным до конца. Тем временем патриарх Исайя с триумфом возвращался в патриархию. В столице шел грабеж богатого дворца Метохита и других сановников старого двора; даже богатый мозаичный пол из хором Метохита был увезен за Черное море в подарок «царю западных скифов». Сам завоеватель был против репрессий и допустил в столицу лишь небольшой отборный отряд. Министры старого царя были смещены или сосланы, их места заняли сподвижники младшего Андроника: Кантакузин стал главным докладчиком у царя, Синадин епархом столицы. Апокавк получил финансы.

Почти полвека длилось царствование Андроника Старшего. За это время имели место частные успехи, как в Эпире и Морее, благодаря энергичным полководцам, но константинопольское правительство не стояло на высоте своих задач и нанесло империи уже непоправимый вред. Отец Андроника Михаил, возвратив грекам Константинополь, с громадным напряжением сил отстоял свою империю от опаснейшего врага Карла Анжуйского, никогда не

упускал из виду воссоединения всех греческих земель под своей державой, оставил прочный престол и сильную армию. Андроник не продолжал дела отца, несмотря на более благоприятные условия, и не использовал ни слабости и разделения латинян на Востоке, ни междоусобий среди болгар, ни дружеских отношений к Милутину Сербскому, за которого он выдал малолетнюю дочь Симониду, ни отсутствие крупного государства у турецких племен М. Азии. Вместо того его подданные видели свободное развитие юного государства османов, захват ими Вифинии, неслыханное своеволие и грабежи каталанов, захват Родоса рыцарями-иоаннитами (1310), расстройство финансов и порчу монеты, невозбранное хозяйничанье итальянцев на морских путях, перенесли продолжительную войну между дедом и внуком, потрясавшую все государство, двух царей, призывавших национальных врагов для личной борьбы внутри империи. Упадок армии и флота, распускаемых ради экономии и собираемых в случае крайности и тогда не получавших жалованья вовремя, тяжкие подати и освобождение от них из династических расчетов, чванный и заведомо продажный двор из архиереев, богословов, литераторов, знатных женщин и интриганов, громадная роль служилых властелей в провинциях — некоторые, как Кантакузин, могли содержать войска на свои средства, — все это лишь отчасти может быть поставлено в вину второму Палеологу и подразумевает существование социальных и политических болезней, при которых один исход — гибель империи и верхних слоев общества. Андроник Старший, наружностью величественный, душою слабый и не одаренный, был сыном своего времени, даже игрушкой в руках своего двора.

Теперь он внушал лишь жалость. Внук обошелся с ним мягко: не лишил царского звания, оставил во Влахернском дворце (единственном тогда пригодном для житья), обеспечил его содержанием. Преследовало его, требуя низвержения, высшее духовенство, столь им облагодетельствованное, патриархи Исайя и бывший Нифонт. На верное Андронику II духовенство и даже на народ патриарх наложил отлучение от Церкви. Оставленный всеми, старый царь доживал свой век мрачным отшельником во дворце и вскоре ослеп; во время болезни Андроника Младшего его постригли под именем Антония и вынудили отказаться от всяких притязаний на престол (†1332). Вслед за ним умер в своем монастыре Хоре и его министр и меценат Метохит; обоих оплакал верный Григора набором напыщенных фраз.

«Где сонмы мудрецов и почтенные соревнования ученых? Где празднества риторов великолепнее Панафиней? Все обман, все тлен. О злейшее время! Как могло ты погубить акрополь словесности?»

Глава 7. Андроник III и Кантакузин. Движение против служилой знати

Первый из Палеологов, Михаил, был возведен на престол служилой знатью, враждебной Никейской династии, но держал знать в руках благодаря своей энергии и ореолу восстановителя древней империи. Второй из Палеологов на престоле, Андроник, начал с крутой реакции против политики отца, окружил себя двором из просвещенных бюрократов и книжных людей, враждовал с военной знатью и после ряда неудач и унижения империи был свергнут фракийской и македонской служилой аристократией, объединившейся под знаменами его внука. Андроник Младший, третий из Палеологов, все время был в руках военной знати, именно ее крупнейшего представителя Кантакузина, не смог получить свободу действий и предотвратить грядущее междоусобие. Реформы социального и государственного строя были немыслимы при таких условиях, и византийское правительство, хотя воинственное, преданное идее восстановления древней империи в прежних пределах, было бессильно против тех новых соседей, сербов и османов, которые создали крепкие национальные государства. Оно имело успехи, и крупные лишь там, где оно встречалось с совершенно расшатавшейся властью, опираясь на местное греческое население и на дипломатию Иоанна Кантакузина: в Восточном Архипелаге и в Северной Греции.

Лично Андроник не возвышался над кругозором знатного воина, и его страстью была охота с собаками и соколами, а не государственные дела, которыми и завладел Кантакузин, его главный докладчик. Но недаром Андроник, как и другие Палеологи, изображался на своих обесцененных, тонких и вогнутых монетах не в царском облачении, но в воинских доспехах. Он не провел ни одного года без похода, обыкновенно принимая личное участие, не раз был ранен, сражаясь рядом с тем же Кантакузином. Последний не был любимцем-временщиком, как Музалон при Феодоре Ласкаре, но самостоятельною силою, тяжкою для царя и его семьи. Не говоря об уме и образовании, которыми Кантакузин превосходил царя, он или, вернее, его мать Феодора Палеологина были настолько богаты, что на своих фракийских вотчинах собирали войска и не раз содержали армию Андроника на свой счет. И Кантакузин с матерью умели использовать свое положение. Феодора затмила влиянием императрицу-мать, принимала послов и устраивала воинские предприятия. Иоанн Кантакузин не только вел войны и дипломатические переговоры лично и на свой страх, но стал фактически главою управления и даже подписывал бумаги красными царскими чернилами.

Свержение Андроника Старшего принесло с собою внутренний мир; Андроник и Кантакузин были врагами репрессий; изобилие припасов обрадовало население столицы. Новое правительство обещало быть более сильным и приступило к отражению врагов. Первым из них был зять Андроника Михаил Болгарский, разграбивший окрестности Адрианополя. Андроник опустошил Южную Болгарию, взял Ямвол, и последовало примирение; угрожала сербская опасность; и когда сербы разбили болгар под Вельбуждом (1330) и Михаил был убит, а его вдова, сестра Андроника, изгнана из Болгарии, император вновь захватил всю Южную Болгарию до моря. Новый болгарский царь Иоанн Страшимир[63], с сербской и валашской поддержкой, однако, прогнал греков из Болгарии, причем сам Андроник оказался в трудном положении под Розокастро и вынужден был заключить мир, обещав свою дочь Александру (1332).

Между тем грозные османы уже обложили Никею. Чтобы обеспечить себя с фланга, Андроник отправился в Кизик и Пиги (Бигу), где заключил договор с соседним сельджукским эмиром племени Караси: постоянным желанием Кантакузина и Андроника было

воспользоваться враждою сельджуков к османам. Вернувшись в столицу, Андроник с Кантакузином собрали все силы для похода на османов и выступили с 2-тысячной закаленной в боях фракийской конницей и с многими тысячами ополчения; последнее представляло собою сброд людей, настолько не уверенных в победе, что они захватили с собой лодки на случай бегства. Османов стояло под Никеей не менее 8 тысяч: это было национальное, испытанное в боях войско под начальством Ала ад-дина, брата султана Орхана. Турки встретили греков не посреди Никейской равнины, но в ущельях Пелекана. После перестрелки к ночи греки решили отступить, по совету Кантакузина, но болгарский вспомогательный отряд ввязался в схватку, в которой едва не погибли Андроник и Кантакузин. Царь был ранен, и немедленно в греческих войсках произошло смятение; в панике греки рассеялись по разным направлениям, причем погибло много знатных вождей (1329). Поражение под Пелеканом имело для империи гибельные последствия. Никея, ядро империи Ласкарей, была принуждена голодом к сдаче османам (1330), никейские святыни и рукописи попали в руки турок, которые их продавали впоследствии грекам за большую цену. Плодородная Вифиния была утрачена греками навсегда, и победителям открылась дорога к азиатским пригородам Константинополя.

Удар был тяжкий, хотя Орхан, подступив к Никомидии, предпочел мир и обязался не нападать на империю. Чтобы успокоить население, правительство заставило патриарха снять церковное отлучение с приверженцев Андроника Старшего и учредило новый высший суд из четырех «царских судей» (троих светских юристов и одного духовного лица), обязав их страшными клятвами творить нелицеприятный суд и обеспечив их богатыми доходами с земель; но к более глубоким реформам правительство не было способно. Вместе с тем оно решило повести активную политику в Архипелаге, кажется, по инициативе Феодоры Палеологины. Впервые после Михаила VIII был снаряжен значительный флот, который отправился на Хиос для изгнания Мартина Цаккариа, захватившего этот богатый остров. Хиос был воссоединен с империей. Мартин был привезен в Константинополь. В Фокее и среди прибрежных сельджуков племен Сарухан и Ментеше[64] было восстановлено обаяние императорского имени (1329).

Но насколько непрочен был внутренний мир, показала тяжелая болезнь, постигшая царя Андроника. Проявилась глухая борьба домов Палеолога и Кантакузина. По подписанному царем завещанию верховная власть переходила к беременной царице Анне Савойской и наследнику, если таковой будет, но регентство доставалось Кантакузину. Об Андронике Старшем и о царице-матери не было упомянуто. Объявлялась политическая амнистия, распространенная на старых врагов Андроника Младшего — на бывшего салоникского деспота Константина и на Метохита. Было ясно, что завещание — дело Кантакузина, вербовавшего себе политических друзей: Сиргиан был ранее освобожден по его же настоянию и назначен правителем Салоник, резиденции царицы-матери Ксении, армянки. Завещание вызвало движение среди врагов Кантакузина, особенно партии Андроника Старшего, и против покинутого всеми больного и ослепшего «царя и монаха Антония». Кантакузин принял крутые меры: градоначальник Синадин вынудил у него под угрозой смерти отречение от всяких видов на престол. Опаснее было движение в Салониках, где народ был приведен к присяге царице-матери и Сиргиану как регенту во имя будущего наследника и, очевидно, против Кантакузина. Больной царь был бессилен примирить дворы своей матери и Феодоры Палеологины, матери Кантакузина, и сам находился в руках последнего. Сам Кантакузин пишет в своей истории, что больной Андроник собирался отречься от престола. Но царь исцелен был водою Живоносного Источника Богоматери, константинопольской святыни. С тех пор Андроник имел Кантакузина в подозрении, но не мог предпринять шагов против лица, положение которого было так сильно и независимо. Кантакузину удалось расправиться, погубить в глазах царя опасного Сиргиана. Последний был обвинен в заговоре и вызван на суд в столицу, откуда он бежал к генуэзцам в

Перу и далее на корабле в Албанию и ко двору сербского короля; там стал он настолько опасен, имея многих сторонников, что Андроник свозил провиант в дворец в своей столице, опасаясь мятежа, и лично отправился в Салоники, где ему удалось покончить с опасным, даровитым врагом: некто Сфранзи Палеолог, притворившись сторонником Сиргиана, заманил его в окрестности Салоник и убил, за что получил звание великого стратопедарха.

Направляемый Кантакузином, царь Андроник снизошел до личных обысков в домах Перы при погоне за Сиргианом, до организации политического убийства, но выгоду получил один Кантакузин. Царь очутился в его руках более чем когда-либо, тем более что один за другим ушли в могилу другие враги Кантакузина: Андроник Старший, Метохит, царица-мать Ксения и деспот Константин Палеолог. С деспотом Димитрием, замыслившим переворот при помощи генуэзцев и двух Асеневичей, справилась в отсутствие царя и Кантакузина мать последнего, Феодора.

Кантакузин свободно проводил свою политику. В приморских сельджукских племенах Айдин и Сарухан он видел союзников, быть может личных, на случай борьбы с Палеологами. Племена эти, наполовину огреченные, поселившиеся среди греческого населения малоазиатского побережья, поддавались влиянию византийского двора. Вожди их говорили по-гречески. Дорога в византийские области Фракию и Македонию была известна сельджукским наемникам и пиратам еще до времени каталанов. Как некогда германцы в Галлии и Паннонии, они считали пустынную Фракию едва ли не своею, по крайней мере Омар, сын дружественного айдинского эмира, явившись во Фракию с толпой грабителей, удивлялся, почему греческие войска загородили ему дорогу, и без боя отступил. Этот самый Омар, когда император обратился к сельджукам за помощью против латинян Фокеи, заявил Кантакузину, что он считает императора за своего государя и обязуется ему служить своими силами.

Сельджуки нужны были Кантакузину не только как исконные враги османов, но прежде всего как помощь против латинян Восточного Архипелага. Изгнание последних стало очередной целью византийского правительства. Оно могло уравновесить потери в Вифинии и Македонии. Первый поход на Хиос против Цаккариа был задуман при дворе матери Кантакузина. Большие острова у малоазиатских берегов могли давать богатые доходы, но они шли в руки латинских купцов. И за эти годы сельджукские грабежи возросли необычайно; подданные латинских государей толпами уводились в плен, и латинская торговля была парализована. Особенно страдали венецианцы и генуэзцы, утратившие в конце XIII в. рынки Сирии. За сельджукскими грабежами, за волнениями среди греков-островитян они чувствовали руку агентов Кантакузина. В Венеции явилась мысль разбить греко-сельджукскую опасность путем организации крестового похода против сельджуков, в котором Византия не могла бы не принять участия. Почва для этого плана существовала. Угрожавшая Византии опасность от турок не укрылась от римской курии. Оценив положение, папы оставили свою ставшую традиционной политику, желавшую привести греков к унии угрозою латинского меча. С тридцатых годов XIV в. римско-византийские отношения, даже при папах, наиболее враждебно настроенных к православию, вступают в новую фазу, завершившуюся Флорентийской унией. Та же перемена произошла во взглядах французского двора, и Филипп VI отверг идеи Брокара, представившего мемуар о завоевании католиками греческой империи. Ведь турки угрожали как грекам, так и латинским государствам в Романии, и грекам следовало помочь, но под условием присоединения их к католическому миру. В 1332 г., по инициативе Венеции и с благословления папы Иоанна XXII, образовалась «конференция», или политическая «уния», между Венецией, родосскими иоаннитами и Византией. С 1334 г. папа находился в союзе с Андроником против турок, подписанном в Авиньоне, и к этой лиге примкнули французский и анжуйский (неаполитанский) дворы, а также наксосский дука Санудо, сильно страдавший от турок. Хотя

византийское правительство не могло уклониться от этой лиги, надеясь на помощь против османов и желая обеспечить себя с латинской стороны в Фессалии, Эпире и Македонии, оно было далеко от мысли оказать латинянам реальную помощь, хотя и собирало флот. Корабли латинян-союзников сожгли несколько сельджукских селений, но до крестового похода, назначенного на 1336 г., дело не дошло. Монархи отдаленного Запада от него уклонились. Между тем раздражение против Византии росло среди латинян Леванта, и центром агитации явилась генуэзская колония в Пере, особенно когда император заключил политический союз с венецианцами, который мог привести к утрате генуэзцами их торговых привилегий и преобладания на Черноморье. Генуэзский пригород Константинополя занял враждебное положение к византийскому императорскому правительству, поддерживал его внутренних врагов и, несмотря на запрещение, укреплял свои стены. При негласном участии генуэзцев латиняне Леванта, именно родосские рыцари — генуэзец Каттанео Фоксейский и Санудо Наксосский, — решили выступить против Византии открыто, вознаградив себя за ее счет, и захватили богатый остров Митилену, или Лесбос (1336). Андроник начал с ближайших врагов и подстрекателей, осадив Перу и заставив срыть ее стены, но и после этого разбогатевшие купцы поддерживали врагов правительства (деспота Димитрия) и снаряжали корабли для помощи врагам императора. С сильным флотом из 84 кораблей Андроник с Кантакузином отправился на Митилену, занял остров — кроме города Митилены, где укрепился Каттанео; затем осадил Фокею, где были захвачены людьми Каттанео знатные заложники эмира саруханского. С помощью сельджукских кораблей и войск, благодаря дипломатическому искусству Кантакузина укрепленные Фокея и Митилена сдались императору на условиях. Каттанео был оставлен в Фокее в качестве царского наместника, и фокейские купцы в ущерб генуэзцам получили право беспошлинной торговли в империи; остров Митилена был возвращен императору (1336). Значение латинян настолько пало, что вскоре и Фокея прогнала Каттанео со всеми генуэзцами; влияние Византии на сельджуков, наоборот, упрочилось.

Тем тяжелее чувствовалось неудержимое и последовательное наступление османов. Раз занятое ими не возвращалось, колонизовалось, становилось турецким. Далеко не все христианское ими разрушалось, например в Никее с 1330 г. до сих пор в руках греков сохранилась церковь монастыря Иакинфа с ее мозаиками. Те греческие элементы, которым чиновники Палеологов были особенно тяжки, мирились с турецким патриархальным режимом и даже помогали его утверждению. Греческое крестьянство работало на беев и большей частью перешло в ислам. Пограничные помещики-акриты часто водили дружбу с османами, когда еще были их соседями на предгорьях Олимпа, иногда сражались в их рядах. Почти не отличаясь от них по образу жизни, они жили узкими местными интересами и без особой боли подчинились роду Эртогрула, так как Византия их не защищала, а только брала. Турецкая власть была сурова, сообразно времени и варварству завоевателей. При Орхане греческий элемент явился в турецких войсках в виде постоянного корпуса янычар ("новопризванных"), набиравшегося из христианских детей; их была сначала всего тысяча, и янычары были отборным, любимым корпусом: поступившие в него делали карьеру.

Заняв Никею, Орхан лишь на короткое время примирился с Андроником и усыпил его бдительность дарами (1331). Он не мог удержать стихийного движения османов на новые, притом запустевшие земли на склонах плоскогорья к морю. Уже в 1332 г. снова императору пришлось выступить для защиты Никомидии, притом в последний раз: слишком он был занят войной во Фракии. Более помощи Никомидии не было, хотя османы отступили. Орхан захватывает гавань Киос (ныне Гёмлек) на устье реки, вытекающей из Никейского озера. Двигаясь на юго-запад, он покорил (1336) сельджукское племя Караси, жившее по реке Риндаку и на плодородном плоскогорье по южному побережью Мраморного моря до Кизика. Наконец в

1337 г. пала Никомидия, ныне Измид, с плодородной низменностью кругом большого озера и по р. Сангарию; Измид стал гаванью и верфью для турецкого флота. Переход побережья Мраморного моря в руки османов открыл им путь к фракийскому побережью. Если нападения на Фракию и Халкидику вернее отнести на долю сельджуков, несмотря на их дружбу с византийским правительством, то набег 1332 г. на Родосто и другие города к северу от Мраморного моря был делом османов. Весь 1338 г. наполнен известиями о турецких грабежах во Фракии, и сам Орхан с 36 кораблями подступал к Константинополю, но был разбит, причем греки, по известию Григоры, не понесли никаких потерь.

Чем объяснить, что воинственный Андроник бывал лишь урывками на азиатском фронте и его правительство продолжало близорукую политику Палеологов, тратя силы на отдаленном Западе, вместо того чтобы их сосредоточить на защите Вифинии и Мраморного моря? Кроме презрения к полудиким варварам, считавшим честью одежду с царского плеча — сколько их видела древняя империя, и никто из них ею не завладел! — между прочим имели вес личные интересы правящей аристократии с Палеологами и Кантакузинами во главе. Их богатые родовые земли лежали во Фракии и Македонии; Вифиния стала глухой и запустелой крестьянской областью, заброшенной правительством, особенно после восстания в пользу несчастного Ласкаря. Держались одни города за их стенами, восходящими к римским временам, и за их пределами поражает скудость памятников византийских при обилии античных и древнехристианских. Манил и ослеплял культурный, веселый Запад, как старую Польшу.

Север Греции и Македония с Фракией были главным театром военной и политической деятельности правительства Андроника. Над всеми вопросами господствовал один — сербская опасность при Душане. Но как в отношении османов, так и против Сербии византийское правительство не нашло в себе сил, чтобы предпринять планомерное и решительное отражение могущественного врага, и ограничилось бессвязными, пассивными мерами: и здесь и там последствия были одинаковые — невозвратимые потери и безнадежное будущее, не всегда ясно сознаваемое.

На фоне сербской опасности правительство Андроника спешит разрешить вопросы сравнительно второстепенные, но назревшие, завещанные первым Палеологом. При этом в Эпире и Северной Греции оно сталкивается с традиционным врагом — Анжуйским (или Тарентским) домом, унаследовавшим претензии потомства императора Балдуина II Куртенэ. Положение Византии в этом районе было благоприятно при вступлении Андроника Младшего. Янина и Северный Эпир были закреплены за Византией, государство Эпирское с столицей Артой находилось под византийским влиянием, и деспот Иоанн был вынужден признать верховенство императора. Но вскоре знакомый нам Филипп Тарентский снарядил экспедицию своего зятя Вальтера Бриеня, претендента на Среднюю Грецию, против эпирского деспота и по взятии Арты заставил последнего принести ленную присягу. Хотя в том же году Филипп умер (1331), но Эпир и юг Албании подпали под итальянское влияние, и один из наследников Филиппа, наместник Ахеи Иоанн Гравина, принял титул дуки драчского и государя королевства Албании. Смерть владельца лучших земель Фессалии, полунезависимого Стефана Гавриилопула из знатнейших Мелиссинов, вызвала большие перемены в Фессалии и вступление византийских войск, руководимых салоникским стратигом Мономахом, потом самим царем. Одновременно эпирский деспот захватил часть Фессалии и в столкновении с царскими войсками потерпел такую неудачу, что не только был вытеснен из Фессалии, но и в самом Эпире византийское влияние одолело анжуйское (1334). Вся Фессалия, кроме принадлежавшей Каталонскому государству южной части с Новыми Патрами, была присоединена к Византийской империи, и наследие старого врага Палеологов Иоанна Ангела Фессалийского было ликвидировано в пользу константинопольского правительства. Сверх того четыре

независимых албанских племени, живших кругом Эльбассана, подчинились византийскому императору.

Очередь была за Эпирским государством, давно уже утратившим возможность распоряжаться своими судьбами. Борьба итальянского и анжуйского влияний давно уже перешла в междоусобия властелей и придворных партий, мятежи и политические убийства. В 1336 г. деспот Иоанн был отравлен своей женой Анной. Одновременно в связи с захватом сербами Драча (1336) в Южной Албании вспыхнуло восстание против византийских властей. В 1337 г. Андроник и Кантакузин с сельджуками упомянутого Омара вступили в Албанию и жестоко разорили страну: турки продавали сотню быков за одну золотую монету и увели множество пленных в неволю. В Эпире ожидал более легкий и значительный успех. Деспина Анна не могла спасти независимость страны, несмотря на все хлопоты перед Кантакузином, несмотря на обручение юного наследника Никифора с дочерью Кантакузина, и страна после более чем столетней независимости была воссоединена с Византийской империей. Анне с сыном было предложено переселиться в Салоники, где им были пожалованы богатые имения. Велика была радость Андроника: Эпира не могли присоединить ни дед его, ни отец, и он провел в своих новых областях более года, организуя управление; во главе Эпира был поставлен главный сообщник Кантакузина Синадин, столичный епарх. Но едва царь уехал, анжуйская партия во главе с властелями, привыкшими к феодальным западным вольностям и к анжуйским деньгам, подняла восстание, Никифор был увезен в Италию, помолвлен с дочерью Филиппа Тарентского и Екатерины Валуа и вернулся с итальянской помощью. Синадин был брошен в тюрьму. Однако Янина и Северный Эпир остались верными Византии. Опять Андроник с Кантакузином выступили в Эпир и благодаря дипломатическому искусству Кантакузина овладели Артой и двумя городами, где заперлись восставшие. Сдавшийся Никифор был отправлен в Салоники. Вся Западная Греция от Албании до Коринфского залива была воссоединена с империей, и во главе новых областей был поставлен родственник Кантакузина Иоанн Ангел.

Воссоединение Фессалии и Эпира было крупным событием, но еще значительнее было движение сербов в греческие земли, излагаемое в отдельной главе в связи с последующими событиями.

Здоровье Андроника было расшатано невоздержанной молодостью, ранами и невзгодами. Его преждевременная смерть в 1341 г. не внесла перемен в направление внешней политики, и ранее руководимой Кантакузином. Но при возобновившихся династических междоусобиях резче проявились пагубные стороны усвоенной внешней политики.

Старшему сыну Андроника, молодому царю Иоанну V Палеологу, было всего 8 или 9 лет. Завещания Андроник не оставил. Кантакузин остался хозяином положения, в его руках было преданное войско и деньги как казенные, так и большие личные. Не медля, он окружил дворец преданными ему варягами и разослал властям указ о подавлении мятежей, т. е. попыток свергнуть его власть. Еще не было справлено пышное поминовение по Андронике (даже св. София не вместила собравшегося духовенства), как против Кантакузина выступили в первом же заседании синклита его главные враги в Константинополе: царица Анна, патриарх Иоанн Априйский, из знати — Гавала и трое Асеневичей и, наконец, опаснейший из всех — дука флота и протовестиарий Апокавк, бывший сообщник Кантакузина, незнатный, но честолюбивый и не стеснявшийся в средствах; он предлагал Кантакузину помощь в достижении престола, но Кантакузин ему не доверился, и Апокавк стал его заклятым врагом. Поддерживаемый царицей патриарх, хотя и ставленник Кантакузина, переселился во дворец в качестве защитника малолетнего царя и потребовал учреждения регентства с ним, патриархом, во главе. Кантакузин держал себя спокойно и с выдержкой и даже при первом случае —

обсуждении войны с болгарами — подал в отставку, зная, что без него не обойтись; и, когда бессильные его враги просили управлять делами, он стал действовать еще спокойнее. Внешние враги рассчитывали на смуты: вторглись сербы, восстали албанцы, турки готовили нападения. Александр Болгарский требовал выдачи царевича Шишмана (сына Михаила Болгарского и сербской королевы), грозя войною. Кантакузин выступил против Александра, поспешившего примириться, дважды отразил сельджуков Якши и Сарухана в Дарданеллах, возобновил дружеский договор с османским султаном Орханом. При этом он предупредил заговор Апокавка, который вместо похода на турок пытался захватить малолетнего царя и имел возможность скрыться в своем укрепленном городе Эпиватах.

Презирая внутренних врагов, Кантакузин лелеял большие планы. К нему прибыли посланцы из латинской Мореи. Плохое управление баронов и наместников Екатерины Валуа, столкнувшихся даже с папской властью, тяготило латино-греческое бесправное население Мореи, так наз. гасмулов. Византийское управление в округе Мистры казалось лучшим. Гасмулы и даже часть баронов просили Кантакузина присоединить к империи латинскую Морею с сохранением за ними их земель. Кантакузину рисовалось очищение и Средней Греции от каталанов, чтобы империя в древнем блеске простиралась от столицы непрерывной линией до конца Пелопонниса. Хотя у него не хватало средств для отражения сербов, подошедших к Салоникам, хотя внутри государства он был окружен врагами, даровитейший из политиков своего времени оказался мечтателем, где дело шло о древнем блеске и о «дерзких варварах», каковыми он считал сербов Душана. Сторонники и родные Кантакузина, его люди и войско тяготились неопределенным положением, ожидали и даже требовали, чтобы их вождь возложил на себя корону. Сам Кантакузин был врагом поспешных и нелегальных шагов, предпочитая фактическую власть узурпации. Среди своей партии он не чувствовал себя свободно. Протостратор Синадин, поставленный им во главе Салоник, другие правители и архонты западных областей прислали в Димотику укрепленное гнездо Кантакузина, трех знатнейших лиц (пинкерна Иоанна Ангела, Константина Палеолога и великого папию Цамблакона) с требованием не предпринимать решительных шагов без их ведома и совета; но эти представители западной знати обращались с Кантакузйном как с царем. Кантакузину предстояло или быть ставленником служилой знати на императорском престоле, или погибнуть под ударами явных и влиятельных врагов. Даже под окнами Влахернского дворца знатная молодежь требовала для Кантакузина царских почестей, не стесняясь присутствием царицы Анны. Однако претенденту не хватало решительности, бывшей у Михаила Палеолога, ответственность за переворот он не хотел взять на себя, все еще надеясь устроить дело миром. Он хотел брака юного царя со своею дочерью, но свадьбу откладывал; он хотел обезопасить себя со стороны Апокавка, но вместо решительных мер против явного врага поехал к нему в Эпиваты и, удовлетворившись его обещаниями, сам пропустил его в столицу. В Апокавке он ошибся. Прибыв в Константинополь, он немедленно возбудил и объединил врагов Кантакузина, начиная с царицы и патриарха. Он заставил принять важные решения в отсутствие Кантакузина. Он был назначен правителем расходов. Мать, сын и невестка Кантакузина были окружены стражей, но народ еще не решился грабить богатый их дворец, удовольствовавшись разгромом домов знатных приверженцев Кантакузина, из коих 42 спаслись бегством. Все попытки друзей Кантакузина и даже его самого вступить в переговоры кончались тем, что Апокавк бросал посланных в тюрьму. Сама царица была запугана. Тайно она советовала Кантакузину проявить терпение, а явно подписывала грамоты и указы, которыми Кантакузин обвинялся в умыслах против юного царя; от него требовали удалиться в частную жизнь. При таких условиях собравшиеся в Димотике сторонники Кантакузина ради собственного спасения заставили его возложить на себя знаки царского достоинства; но и тогда он не решился выступить против

династии и приказал поминать себя с супругой Ириной лишь после царицы Анны и Иоанна Палеолога.

В первый же период борьба Кантакузина с Палеологами приняла характер, далеко выходящий за рамки династической борьбы. Широкое, для Кантакузина неожиданное, участие народных масс под знаменами самодержавия могло при успехе изменить ход византийской истории и вернуть империю к счастливым временам Ласкарей, завещавших потомству жизнеспособное национальное царство. Народные восстания против аристократического режима в провинциях бывали и прежде, но они были неорганизованны и бессильны. Крупнейшим было восстание крестьян в Вифинии во имя прав Иоанна Ласкаря, но оно было потоплено Палеологами в потоках крови и оставило по себе безлюдную Вифинию, ставшую легкой добычей для османов. Теперь народное движение шло под знаменем самодержавия Палеологов, успевших уже стать прирожденною, законною династией; оно охватило Фракию и Македонию, главную и лучшую часть империи, не имело успеха по недостаточно известным внутренним причинам и по ясным внешним: призыву слишком талантливым Кантакузином главных и роковых врагов эллинизма — сербов и особенно турок Последствием была гибель последних живых сил империи, сплошное опустошение Фракии и Македонии, ставших в свою очередь легкой добычей для османов. После того история Византийской империи сводится к истории Константинополя с его пригородами, в котором греческие императоры просуществовали свыше столетия, скорее благодаря ряду счастливых обстоятельств, из коих главным был разгром османов Тимуром.

В такой перспективе особо интересны подробности борьбы Кантакузина с Палеологами, к сожалению, односторонне и недостаточно освещенные главнейшим источником — историей самого Кантакузина. В его лагере была фракийская служилая аристократия — ядро боевой армии, всего из 16 конных полков, около 2000 человек Против него, против властелей и знатных поднялись — и, по-видимому, более по своему почину, чем по призыву агентов Апокавка, — простой народ, незнатные горожане и вся масса крепостных, париков и безземельных проскафименов Фракии во имя защиты самодержавного престола Палеологов. В Адрианополе грамота нового царя Кантакузина, возведенного на престол его знатными сторонниками, его войском, была встречена с энтузиазмом одними знатными, многочисленными и в крупных городах; они заставили прочесть ее в церкви, а простонародье им пришлось разгонять плетьми. Той же ночью трое чернорабочих обходили дома незнатных горожан, призывая избавиться от знатных и разграбить их дома. Жители Адрианополя еще во времена Латинской империи выступали против архонтов, которым нравились феодальные порядки, и теперь возбудить их было легко. Проживавшие в городе архонты, т. е. знатные землевладельцы, были схвачены и отосланы в Константинополь; дома их были разрушены до основания. Восстание быстро охватило всю Фракию, даже всю империю, если верить Кантакузину, и приняло не только политический и сословный, но и социальный характер. Грабили богатых вообще. Должники не платили кредиторам, обвиняя их в «кантакузинизме"; и это известие венценосного историка должно быть распространено на кабальное крестьянство, на социально-экономические отношения между властелями и обезземеленным сельским населением. Повсюду городские низы восстали на защиту Палеологов, именем последних сводя со знатными свои старые счеты. Из «лучших», т. е. богатых и знатных, одни искренно служили Кантакузину, другие обвинялись в том без всякого доказательства бедными и сторонниками переворота. Простой народ, по показанию самого Кантакузина, и ранее, в мирные времена, имел большую ненависть к «лучшим» вследствие грабительства и притеснений со стороны последних. Теперь же все могли беспрепятственно обогащаться, т. е. в земледельческой стране захватывать земли и рабочий инвентарь. Зачинщиками были беднейшие, оборванцы, люди, привыкшие ломать стены, т. е.

чужие каменные ограды; но к ним пристали умеренные и порядочные элементы, которые не пошли бы на грабеж в мирное время. Все города восстали «сообща». Погромы сопровождались бесчеловечными убийствами, причем необузданное нападение на родных и измена самых близких считались за верность царю Палеологу. Из этих известий видно, что отношения личной близости и зависимости, на коих был основан господствовавший аристократический строй, разрушались во имя верности престолу и борьбы со знатными изменниками. Получается несомненная картина социальной революции, во главе которой стали «действовавшие сообща» города, может быть, неизвестный нам ближе союз северных городов.

Восстание во Фракии и в Македонии тяжко отразилось на партии Кантакузина. Потрясена была и оборона империи. Призванный горожанами Адрианополя болгарский царь Александр не был, впрочем, допущен внутрь города и лишь разграбил земли Кантакузина под Димотикой. Посланный Кантакузином отряд для наблюдения за Константинополем отступил, причем многие перешли на сторону Палеолога, но прочие прогнали болгарские отряды с помощью подошедших сельджуков, служивших Кантакузину, и Александр заключил мир.

Выступление болгар разожгло мятеж. Образ действий Кантакузина в силу народного восстания, а также в силу его личной умеренности был оборонительный и даже примирительный; но руководимый Апокавком константинопольский двор не хотел слышать о примирении и считал Кантакузина бунтовщиком. Его послов в столице бросали в тюрьму с позором. Его мать, гордую Палеологину, не раз содержавшую армию Андроника Младшего на свой счет, заключили в тюрьму, лишениями довели до скорой смерти. Сама императрица Анна Савойская не могла облегчить ее заточение, не могла узнать о ней правду даже через своего врача и узнала лишь по смерти Ф. Палеологины через родственницу-монахиню. Богатый дворец Кантакузина в столице был разрушен. Его земли и имущество во Фракии, кроме укрепленной Димотики, были разграблены, и он сам затруднялся исчислить свои убытки, называя лишь цифры скота: 5000 быков, 1000 пар рабочих волов, 2500 кобылиц, 200 верблюдов, 300 мулов, 500 ослов, 5000 свиней, 70 000 баранов, несчетное количество хлеба. Выяснить образование и размеры этого крупнейшего хозяйства было бы благодарной задачей, разрешение коей позволило бы заглянуть глубоко в причины скудости царской казны, слабости государства, народного бесправия и озлобления — внутренних причин неизбежной катастрофы Византии, для которой указывают мощные внешние причины наши источники, односторонние, скудные и к тому же еще плохо разработанные.

Тесть Кантакузина Андроник Асень (Асеневич) выступил против него с войском Палеолога. Его поход был триумфальным шествием. Кантакузин со своим небольшим отрядом не смел даже подступить к Димотике, где укрылась его семья. Междоусобие, народное восстание против знатных принесло ужасные плоды. Фракия, по словам Кантакузина, обратилась в скифскую пустыню. Сельджуки безнаказанно высылали орды конных и пеших грабителей, и, за исключением городов, прибрежная Фракия обезлюдела.

Кантакузин, безуспешно пытавшийся переговорами овладеть Адрианополем, на примирение не мог и надеяться. Его имя подвергалось в столице публичному поношению, патриарх предал его анафеме, хотя в своем лагере, верный своей линии поведения, он не допускал оскорбления семьи царя Андроника. Среди своих сильных сторонников в Македонии, большей частью его ставленников, Кантакузин не встретил поддержки. Его послы не были даже выслушаны епархом Фессалии Мономахом, были отосланы без ответа его старым соратником протостратором Синадином, правителем Салоник, и лишь выслушали упрек Кантакузину в неблагодарности к своим друзьям; правитель Виры на устье р. Марицы, армянский принц Гим (родственник матери Андроника Младшего), бросил послов Кантакузина в тюрьму, отказался от помолвки своей дочери с сыном Кантакузина, разграбил имения Кантакузина и его

приверженцев, жестоко мучая попавшихся к нему в руки. Таким стало положение могущественного вельможи, десятки лет руководившего империей и оказавшего ей большие услуги; но Кантакузин не утратил энергии и проявил величие духа. Его уравновешенной и осторожной личности пришлось пережить борьбу, полную драматизма и даже смелых авантюр.

Руководимое Апокавком константинопольское правительство действовало энергично. Молодой император Иоанн V был коронован патриархом (1341); чтобы не остаться без денег, не постеснялись заложить венецианцам камни царского венца за 30 000 дукатов, они так и остались в ризнице св. Марка; при этом с Венецией было возобновлено перемирие с обязательством возместить венецианским купцам стоимость разграбленного у них имущества. В звании великого дуки флота Апокавк стал всесильным временщиком, выдал дочь за Андроника Палеолога, сына деспота Константина, рассчитывая возвести зятя на престол. Он послал флот против сухопутных сил Кантакузина, и план этот имел смысл, так как целью обеих воюющих сторон были приморские Салоники, второй город империи.

Многолюдный этот «великий град» в XIV в. был населен десятками тысяч греков, славян, армян, евреев, тюрков-вардариотов, гасмулов и латинян; последние имели свои кварталы и консулов. Уже после всех ужасов завоевания турками Македонии венецианцы считали в Салониках 40 000 народа. Город был главным ввозным и вывозным рынком для благословенной природою Македонии, на его ярмарку, на праздник св. Димитрия, сгонялись кони и скот даже из Венгрии и Валахии, привозились красные и ценные товары из Трапезунта и из Западной Европы; целую неделю длился съезд, церковный и народный праздник, «новые Панафинеи», красочно описанные в византийском диалоге-романе «Тимарион». Храм и рака св. Димитрия были святыней для всего греческого мира, в частности для Палеологов; много монастырей, среди которых два русских — св. Пантелеймона и св. Зинаиды, украшали богатый город. Во главе населения стояла служилая и земельная аристократия, в XIV в. всего до 60 семейств, из коих иные могли содержать на свои средства весь салоникский гарнизон. Рядом с их трехэтажными хоромами жил многочисленный средний класс, купцы, ремесленники, чиновничество, духовенство, сильная корпорация привычных к оружию моряков и, наконец, масса простонародья, рабочих и поденщиков. Город имел значительный гарнизон и управлялся губернатором (дукой), которому были подчинены катепаны и «головы» областей и городов. Архонты заседали в салоникском «сенате» и только за собою признавали право на доступ к высшим должностям. Даже среди духовенства была своя наследственная аристократия — многочисленный клир при святыне Димитрия, имевший даже особое одеяние. Велики были богатства монастырей и храмов, умножавших их торговлей и отдачей денег на проценты. Бедному человеку в Салониках, как вообще в Византии, приходилось много терпеть от богачей, вплоть до палочных ударов и выселения из родных домов; лишь цехи и корпорации защищали слабых. Среди простонародья источники отличают малоимущих, имевших все-таки свою недвижимость и хозяйство, от чернорабочей голи. За городом крепостные парики, имевшие собственные участки, и пришлые проскафимены, пахавшие чужую землю, составляли подневольную массу, работавшую на властелей светских и духовных; были и невольники из пленных мусульман. Даже многочисленные средние классы не имели силы, не будучи сплочены, и кто мог, тяготел к верхнему слою. Либеральные профессии многим давали заработок, но немногим — почет и доступ в высшее общество, для которого незнатные врачи и литераторы были предметом насмешек. Это тем более удивительно — хотя и характерно для византийского общества повсюду, — что Салоники и в XIV в. были значительным центром просвещения: любовь к литературе в некоторых и знатных семьях была укоренившейся и общей, о чем свидетельствуют имена братьев Кидони, двух Ксанфопулов, двух Кавасила. О высоком и непоколебленном уровне просвещения свидетельствуют такие имена, как юриста и судьи

Арменопула, «Шестикнижие» которого действовало еще в начале XIX в. в Молдавии и Бессарабии, или архиепископа Симеона, писавшего в XV в., или гуманиста Феодора Гази. По словам чтеца Иоанна, описавшего взятие родного города турками, Салоники притягивали к себе, как любовник; архиереи из него не уходили добровольно. Ряд школ, курсы лучших профессоров поддерживали уровень просвещения; салоникские знатные женщины блистали образованностью и чистотою языка. Не менее замечательно местное искусство, церкви XIV в. (св. Апостолов), фресковые росписи, иконы на дереве и на ткани, оклады, переплеты и резьба; памятники этого рода уцелели кое-где в Македонии, на Афоне и на Западе[65].

Издревле в Салониках существовала система муниципального самоуправления, обычаи и вольности, подтвержденные и латинским императором Балдуином, и никейским — Ватаци (1246); последние перед турками хозяева, венецианцы, гарантировали соблюдение обычаев и законов Салоник. Не было писаного сборника местного права, однако не только губернаторы в управлении, но и судьи в своих приговорах и толкованиях применяли местное право, сообщая ему силу царского закона. Источники упоминают «закон основателей города», а также ближе не известный «закон пригородов». Граждане Салоник весьма дорожили своим обычным правом. Органами самоуправления были городской сенат из архонтов, заседавший под председательством губернатора в своем особом здании, принимавший присягу архиепископа и чиновников в соблюдении местных обычаев и вольностей, утверждавший распоряжения многочисленных муниципальных чиновников и дававший им инструкции, обсуждавший даже дела о ересях; перед ним оправдывались и архиепископы, и губернатор Апокавк, и даже император Кантакузин (1350).

Далее собиралось вече, или «собор (екклисия) народа», созываемое колокольным звоном по воле губернатора, архиепископа или руководителей народных партий в смутное время. На вече, собиравшемся под открытым небом, всякий имел право голоса; но неискусных ораторов провожали насмешками. В отношении городских вольностей Салоники не стояли одиноко: вспомним Янину, Монемвасию, латинские Патры, малоазиатскую Филадельфию и Адрианополь; но вопрос этот мало разработан и идеализацией г. Сафы скорее затемнен. Материал о самоуправлении Салоник собран и исследован в книге г. Тафрали.

К середине XIV в. социальная вражда в Салониках достигла большой остроты и особенно сказывалась в вопиющем неправосудии, ростовщичестве и необеспеченности личной безопасности. Напрасно патриоты, как Хумн и Кидони, архиепископы Палама и особенно Кавасила, взывали к знатным и богатым, убеждая прекратить насилия и не разорять бедняков. В связи с политическими событиями торговля и кредит переживали тяжкий кризис. Разразились на этой почве народные восстания 1342 и 1345 гг., особенно кровавым было последнее.

Социальное движение осложнилось богословским. В XIV в. Афон был охвачен учением игумена Симеона — «нового богослова», Григория Синаита и других аскетов об очищении души тихою молитвою, дарующей мистическую благодать явленного апостолам Фаворского света.

Затворившись в келье и затаив дыхание, устремив взор на сердце или даже на собственный пуп, молчальник-исихаст должен был повторять про себя «Господи, помилуй», пока не почувствует бесконечное наслаждение. Все это, конечно, была лишь практика, над которой стояла теория спасения созерцанием по учению святых отцов; но практика факирская, занесенная из Индии, быстро приобревшая приверженцев среди монашества и одновременно резких обличителей, вызвавшая насмешки индифферентных. Умам, воспитанным в аристотелевской схоластике, не был понятен этот афонский мистицизм, которого идейные корни восходили к византийским толкованиям Платона, а жизненное оправдание и сила лежали в болезненном, но почти всеобщем отвращении от современности, жалкой и безутешной. Ничто

не было ближе уму и особенно сердцу тогдашнего аскета, как жажда приблизить к себе потусторонний мир, переплести его с личной жизнью, достигнуть непосредственно восприятия таинственной благодати. Вся Афонская гора перешла на сторону исихастов, особенно когда во главе их стал знатный аскет Палама, переселившийся с Афона в Салоники. Во главе его критиков стал красноречивый, образованный философ Варлаам, грек из Калабрии, также приехавший в Салоники. Варлаам пользовался большим авторитетом как профессор философии, особенно аристотелевской[*], и, несмотря на охлаждение к нему Кантакузина и на вынужденный отъезд из столицы, получил дипломатическую миссию к папскому двору. Не изучив, не оценив патриотической основы учения исихастов, Варлаам обрушился на «молельщиков пуподушных» как на еретиков и изуверов, перенеся свою критику на улицу, лично и через своих учеников. Получилось движение не только против исихастов, но вообще против монашеского аскетизма. Палама вступил с Варлаамом в словесный диспут (1338), уговаривая его удовлетвориться преподаванием светской философии; но, не имев успеха, он выступил и с письменным обличением прославленного профессора. Полемика задела уже основные вопросы об нахождении Св. Духа, о Фаворском свете и о пользе светской философии. При этом Палама обвинял своего противника в латинстве, а Варлаам обличал Паламу в походе на светскую философию и человеческий разум, а также во всех возможных ересях, начиная с эллинского многобожия и кончая богомильством. Особенно поразило Паламу обвинение в массалианстве, или богомильстве, распространенном на Балканах: этот удар попал в цель. Восточный мистицизм боролся с началами Возрождения. С сороковых годов полемика приобрела характер общественной распри, Салоники разделились на два враждебных лагеря, так что вмешалась государственная власть, круто и нецелесообразно. Варлааму запретили писать иначе как под цензурою Паламы. Энергичный Варлаам перенес дело в Константинополь и добился церковного Собора, обвинив Паламу в противоречии канонам. На Собор (1341) Палама явился совместно с представителями афонского монашества. В прениях Палама опирался на тексты из святых отцов, а Варлаам — на логические выводы из канонов и на истины древней философии. Божество, доказывал Палама, имеет эманации, отличные от его сущности, и явленный апостолам Фаворский свет есть божественная эманация, а не реальный свет, как утверждает Варлаам. Хотя акты Собора 1341 г. дошли в искаженном виде, можно видеть, кто Кантакузин и патриарх, а за ними и Собор, стараясь о восстановлении церковного мира, не осудили окончательно ни Паламу, ни Варлаама, но лишь запретили им агитацию. За смертью покровителя своего Андроника Варлаам уехал в Италию, где получил епископство по ходатайству Петрарки, очистив поле для Паламы. Последний выдвигается как церковная и политическая сила при содействии Кантакузина, нуждавшегося в поддержке афонского монашества, руководимого Паламой, и македонской знати, из рядов которой Палама вышел. Накануне открытого разрыва с двором Палеологов Кантакузин добился редакции соборных актов в духе большего осуждения эмигрировавшего Варлаама. В связи с династическим и социальным междоусобием борьба обеих церковных партий, сохранив старые имена вождей и их формулы, вступает в новый фазис, из философской переходит в церковно-политическую, ожесточенную, глубоко волнующую широкие круги общества, далекие от богословских тонкостей. Партия Паламы открыто выступает против патриарха Иоанна Калеки, долголетнего слуги Палеологов, и подает царице Анне записку, обвинявшую его и в дурном управлении, и в соглашении с варлаамитами. На помощь патриарху выступает ученый монах Акиндин, родом, кажется, из славянских архонтов Македонии, прежде друживший с Паламою и оказывавший ему гостеприимство[66]. По поручению патриарха он составляет записку в защиту Церкви против новшества Варлаама и Паламы. Но столкнувшиеся силы были настолько крупны, что нейтральная партия стала невозможной. Салоникский юрист Арменопул испытал это на себе,

будучи обвинен в собственной, третьей, ереси. И Акиндин становится во главе варлаамитов. Под его влиянием и патриарх ищет в них опору. Соборные акты вновь исправляются в пользу Варлаама; враждебные Паламе епископы обвиняют его в тяготении к богомильству, укоренившемуся на Балканах; выдвигается кандидатура Акиндина на Салоникскую митропольную кафедру. Но политическая обстановка меняется в пользу Кантакузина и Паламы, царица Анна спешит примириться с паламитами, и в 1347 г. созывается новый Собор для оправдания Паламы. Патриарх был низложен, Акиндин осужден заочно. Палама, попавший было в тюрьму за сношения с Кантакузином, назначается на Салоникскую кафедру, хотя буржуазные партии в Салониках были враждебны Паламе, сторонник Кантакузина и властелей; население его даже не приняло. Акиндин не прекращает борьбу, стоя во главе варлаамитов, и в 1351 г. созывается новый Собор в Алексеевском триклине; Варлаам был признан отлученным прежними Соборами, чего в действительности не было; осуждены были и патриарх Иоанн, и все враги Паламы среди иерархов. Составленное Паламою исповедание было утверждено, равно как и мнение афонского монашества, редактированное Филофеем, будущим патриархом. Торжество Паламы было полное, осуждение его антагонистов, собранных в одну группу еретиков, было вскоре занесено в синодик, читаемый в неделю православия. Волнение среди противников Паламы затихло не сразу. Еще в 1368 г. был осужден афонский монах Прохор из салоникского рода Кидони, преданного суетным греческим наукам; Кидони находил неправильные цитаты в актах 1351 г. и доказывал, что познание мудрости Божией — притом путем аристотелевских силлогизмов как единственного средства к познанию истины у грешного человечества — является познанием и существа Божия, т. е. целью христианского ума; в вопросах о Фаворском свете и о безгрешности плотской природы Христа он разошелся с афонской братией, опиравшейся на излюбленные святоотеческие цитаты. Дух схоластики, повеявший из Салоник, был погашен возобладавшим учением, в котором мистический элемент уже занял второе место сравнительно с подчинением свободной мысли преданию. Осужден был и платоник Аргир за учение о семи энергиях Св. Духа. Такова схема богословского движения, охватившего византийское общество в середине XIV в., во времена народного восстания против властелей, утверждения сербов и османов в Македонии и Фракии. Сильная личность Паламы стояла в центре борьбы, многолетней и страстной, и, конечно, не учение о Фаворском свете так взволновало общество. Движение было много сложнее. Македонский властель в рясе афонского монаха в союзе с Кантакузином не только разгромил Салоникскую интеллигенцию в лице философа Варлаама, но, перешагнув через патриарха Иоанна, стал силою, у которой заискивал и Душан Сербский. Выступив с мистическим новшеством, обвиненный в подрыве церковного авторитета, заявивший на Соборе, что не в словах, а в делах он полагает истину и благочестие, Палама нанес удар своим противникам как ревнитель святоотеческого учения, чистоты православия и церковных устоев против силлогизмов суетного разума; он затмил сильнейшие и ученейшие умы, как Григора и Варлаам, умер в ореоле святости и вскоре был канонизован Филофеем. Народ плохо разбирался в богословской распре, но афонские мистики торжествовали вместе с Паламой. Авторитет церковного учительства упал и на Афоне, и в населении, потрясенном бедствиями и народными мятежами. С Афона потянулись проповедники внутреннего откровения в сектантских формах, направляясь особенно в Болгарию, где не умирали семена богомильства. Житие Феодосия Тырновского сохранило несколько фигур таких проповедников, выходцев из Византии. Рассеявшиеся по Афону еретики «весьма обижали монастыри"; они проповедовали против церковной иерархии, икон, брака, заимствовали у афонских исихастов «откровения Боговидения во сне» и обрезали, или «стригли», своих адептов; отсюда богомильство под именем стригольников перекинулось в Россию.

Кто же были в Салониках те круги, которые выступили против Афона и не пустили в свой город Паламу? Религиозная распря переплелась с социально-политическим кризисом, который и придал ей и значение и длительность. Знатного Паламу и афонское монашество во главе с Лаврой и Ватопедом, жившее приношениями богатых властелей, поддержал претендент на престол и глава македоно-фракийской знати Кантакузин. Против Кантакузина, Паламы и аскетов стали те элементы салоникского населения, которые были враждебны местной аристократии. Нигде в империи Палеологов они не приобрели столь сильной организации политического значения, как в этом вечевом и портовом городе Македонии, не уступая в силе движению городских димов в империи VI в. Организованная партия врагов Кантакузина, знати и исихастов усвоила себе библейское прозвище «ревнителей», или «зилотов». В трактате местного писателя XIV в. Фомы Магистра «Об обязанностях подданных» идет речь о восстающих против знатных, ревнителях «об общей пользе». Ядром зилотов, врагов олигархии, должны были явиться многочисленные средние классы и профессиональные союзы. Враждебные зилотам писатели из аристократической партии — Кантакузин, Кавасила, Кидони, Григора и другие — рисуют зилотов как сборище голи, притом отчасти пришлой и варварской. Однако пролетариат не мог бы организовать партию, около 8 лет (1342—1350) державшую город в руках при труднейших условиях, развившую и осуществившую радикальную программу социальных реформ, шедшую вразрез с тем направлением судеб империи, которое привело последнюю к неизбежной гибели. Кроме интеллигентной молодежи, воспитанной Варлаамом и другими учителями в рационалистических началах аристотелевой философии, молодежи, выдвинутой зилотами на первые посты, действовал пример Генуи и других итальянских республик, где как раз в эти годы торжествовала демократия к великой пользе для городов, по крайней мере на первых порах. Вождем зилотов был Андрей Палеолог, которого нельзя причислить к простому народу, и рядом с ним действовали другие вожди интеллигенции, принадлежавшие к среднему и высшему классу.

Излагая в дальнейшем историю зилотов в связи с общим ходом политической борьбы в империи, остановимся на их идеях и реформах. Обвинения их противниками в анархическом режиме и упразднении местного законодательства голословны и верны лишь в малой степени. Главным источником для изучения их программы является судебная обвинительная речь Н. Кавасилы «О беззаконно дерзающих против церковного начальства», изданная пока лишь в выдержках.

Кавасила называет зилотов злыми палачами знатных; фактически это верно, однако надо помнить, что казни и конфискации были в нравах византийского общества, и засвидетельствовано, что руководители зилотов на первых порах удерживали от кровопролития и даже допускали свободную критику со стороны противников. Зилоты вызвали ненависть не столько казнями, сколько своими радикальными реформами, секвестром или принудительным обложением богатых имуществ как знати, так и Церкви на нужды военной обороны и пропитания народа. Зилоты отвергали обвинения, что они обогащались лично и из пролетариев стали богачами. Если зилоты брали с получавших должности и священнические места, то это было узаконено издревле римскими императорами и архиерейской практикой. Крупные пошлины брали зилоты и с наследств светских и духовных лиц. Тяготы обложения, чрезвычайные по нуждам времени, зилоты перенесли на состоятельные классы, причем не считались с церковными привилегиями. Своим противникам они отвечали, что правительство вправе распоряжаться частным достоянием на общую пользу, они тем провозгласили начала коммунального социализма, противоречащие римскому гражданскому праву и церковному иммунитету — устоям средневекового общества. Обвинения в несоблюдении местных законодательств зилоты отводили от себя.

«Что особенного в том, что мы, взяв от многого монастырского достояния, прокормим несколько бедняков, да и священникам доставим нужное и украсим храмы? Не будет от этого вреда обителям, для их нужд останется довольно, и не будет нарушена воля жертвователей, имевших в виду угодить Богу и прокормить бедных. ...Если же на эти доходы мы вооружим воинов, которые идут на смерть за эти святыни, законы и стены (городские укрепления), то разве это не лучше, чем если бы монахи и священники тратили их вотще, ведь им на трапезу довольно малого, мало нужно и на прожитье тем, кто сидит дома, под своим кровом, не подвергаясь никакой опасности... Сохранность укреплений и законов всего нужнее... В чем поступаем беззаконно, если мы починим крышу и развалившееся жилище бедняков, позаботимся о полях и пашнях, чтобы предоставить им такую же жизнь, какую имеют те, кто борется за их свободу? Ведь кормят же обители своих хлебопашцев, хлебопеков и мастеров, строящих дома. Своего личного богатства мы не умножаем, своих домов не украшаем, и при расходовании всегда мы имеем в виду пользу управляемых».

Программа зилотов вышла за пределы политической борьбы против знатных и Кантакузина. Ее центром явился коммунальный социализм, направленный против частных и церковных богатств, для военных нужд и помощи народу, инициатива общественная — не царская, какую проводили авторы новелл Македонской династии, — новые идеи, для империи Палеологов неслыханные, смелые и наивные, ради которых, однако, с обеих сторон лилась кровь. Апокавк поддерживал зилотов как врагов Кантакузина; впрочем, его собственные идеи нам мало известны, и слышим мы о нем из уст его врагов. Революция зилотов настолько противоречила социальному строю Византии, вызвала против себя такие силы и исконные устои, что она была мыслима лишь в ограниченных рамках места и времени, в портовом и просвещенном городе, отрезанном событиями от своей страны и открытом для итальянских демократических идей. Опытный Кантакузин, испытав на первых порах силу зилотов, мог спокойно выжидать их гибели.

Не будучи в состоянии справиться с зилотами, верный Кантакузину губернатор Синадин[67] переговаривался с претендентом, советовал отложить наступление на Салоники, пока не был изобличен и изгнан из города зилотами, вместе со своей гвардией и архонтами. Несмотря на приближение Кантакузина, Салоники остались верными старой династии, особенно по прибытии войск Андроника и Фомы Палеологов, а за ними и самого Апокавка с большим флотом после успешного набега на Евбею. Потеря надежд на Салоники была тяжким ударом для Кантакузина, в его немногочисленных войсках явилось малодушие, и сотня салоникских архонтов предпочла покинуть его ряды и вернуться в родной город. Кантакузин не потерялся и еще раз показал свою выдержку и мужество. Рассчитывая пробиться в преданную ему Северную Грецию, он пытался овладеть некоторыми городами в Южной Македонии, но его покинула половина войск, якобы с его же разрешения. Он рассчитывал на полунезависимого сербского воеводу Хреля, державшего в своих руках перевалы в Сербию, но Хрель потребовал уступки осажденного им Мельника; Кантакузин не решился отдать ему эту крепость, столь важную по своему положению. Кантакузин просил афонское монашество, пользовавшееся щедротами богатых архонтов, выступить посредником между ним и двором Палеологов, но афонская депутация не имела в столице успеха, и ее глава, игумен Лавры, предпочел принять Салоникскую кафедру при режиме зилотов. Послы Кантакузина к Душану Сербскому, знатные архонты Цамблакон и один даже носивший фамилию Палеологов, попали в руки Апокавка. Последний с торжеством вернулся в столицу: Кантакузин с небольшим отрядом был загнан к сербскому рубежу. У него остался один исход: ехать за помощью к самому Душану. Встреченный на пути сербским князем Оливером, а в Приштине самим Душаном, Кантакузин был принят с почетом, соответствовавшим императорскому сану. Душан, однако, потребовал

уступки всей Македонии до нын. Каваллы, пользуясь случаем осуществить свои завоевательные планы. Положение Кантакузина было тяжкое. Уговоры супруги Душана Елены Сербской, а также Оливера смягчили условия короля. Он согласился на союз при уступке ему лишь того, что было сербами уже захвачено, в том числе взятый Хрелем Мельник. Двадцать (из 24) воевод Сербии выступили на помощь Кантакузину, среди них Оливер, породнившийся с Кантакузином. Союзники осадили Серры (нын. Серее), богатейший город Восточной Македонии. Но и здесь Кантакузина преследовали неудачи: город не сдавался, флот Апокавка вошел в близкую гавань Каваллы, прекратив подвоз, начались болезни, и сербы с большинством греков ушли; оставшись лишь с 500 верных людей, Кантакузин должен был вернуться в Сербию. В Константинополе была радость, а вместе с тем новые казни подозрительных Апокавку лиц. Последний уже начал переговоры с Душаном о выдаче Кантакузина. Сербский краль преследовал свои цели — покорение Македонии — и осаждал Моглену (Эдессу), на Кантакузина он смотрел как на орудие для поддержания смуты в греческой империи, поэтому он желал иметь его в своих руках. Кантакузин вновь проявил силу духа в тяжких условиях, отстаивая пред Душаном интересы своей родины. Семья его едва держалась в осажденной Димотике. Переговоры Апокавка с Душаном зашли при посредстве Хреля так далеко, что было условлено свидание Апокавка с Душаном, и Кантакузину пришлось бы почти присутствовать при переговорах о выдаче его злейшему врагу; однако смерть Хреля расстроила дело.

Терпение Кантакузина принесло плоды, и наступил перелом в его пользу. Из Фессалии прибыло посольство, заверившее в верности воссоединенной им страны. Кантакузин почувствовал под собою почву. Отправляясь к Димотике для освобождения семьи, он послал в Фессалию со званием «головы» Иоанна Ангела, выдав ему хрисовул на пожизненное управление Влахией (Фессалией) и предоставив ему право или послать в Эпир своего зятя, потомка эпирских деспотов, или править Эпиром лично. Ангелу было поручено заключить союз с каталанами Средней Греции; он намеревался послать помощь Кантакузину. Однако и в Фессалии должны были поминаться в церквах оба императора, как Кантакузин, так и Иоанн Палеолог. Как ни преследовало и ни поносило Кантакузина константинопольское правительство, он считал нужным, может быть, выгодным неуклонно признавать права династии Палеологов. И в этом отношении его выдержка принесла плоды. В Константинополе стали тяготиться Апокавком, как временщиком, поддерживавшим междоусобие ради собственного спасения. Сама царица Анна не раз высказывалась в пользу примирения с Кантакузином. Особенно ее потрясла смерть матери Кантакузина Феодоры Палеологины, которой столько был обязан Андроник III. Люди Апокавка замучили Феодору тяжестью тюремного заключения, и даже посланный Анною врач не посмел сказать царице всю правду. Но Апокавк запугал Анну и посадил под арест сановников Хумна и К. Асана, подавших голос за примирение.

Тем временем Душан, продолжая завоевание Македонии, осадил и Серее. Кантакузин не мог получить от него помощи, даже чтобы выручить свою супругу Ирину и верного Тарханиота. Напрасно последние обратились к Александру Болгарскому, тот даже потребовал от Душана выдачи или смерти памятного болгарам Кантакузина. В такой критический момент во Фракию явился давнишний друг и соратник Кантакузина Омар, эмир Айдинский, с 29 000 сельджуков и освободил Димотику (1342). Его приход был спасением для Кантакузина. Хотя морозы заставили турок вернуться на родину весною 1343 г., Кантакузин начал наступление с дружиною немецких наемников, присланною Еленой Сербской. Он взял Веррию, предупредив захват ее Душаном, и сделал этот важный город своею базою; к нему подошли отряды из Фессалии. Тогда Душан стал открытым врагом Кантакузина, разорвал союз и отозвал немецких наемников. При переправе через Вардар Кантакузин едва не погиб от сербов. Апокавк,

встревоженный усилением Кантакузина, явился с флотом в Салоники, предлагал выгодные условия и сербам, и сельджукам, подсылал к Кантакузину убийц, но все без успеха. Опять выручил Кантакузина Омар, прибывший с громадным флотом в 300 кораблей, и флот Апокавка бежал при приближении Омара. Турки опустошали окрестности Салоник, внутри стен возобновились кровавые расправы со знатными, но зилоты и губернатор Мономах укрепили стены и отвергли предложение Омара. Опираясь на турецкие силы, Кантакузин мог дать сербам отпор. Несмотря на уговоры Омара, он не решился штурмовать город св. Димитрия, чем вызвал насмешки турок. Дав ему 6000 сельджуков, Омар с остальными силами вернулся в М. Азию; Кантакузин же выступил во Фракию. В Родопских ущельях он подчинил себе, хотя лишь номинально, предводителя болгарских горцев Момчила, располагавшего значительными силами; Момчил, служивший поочередно государям болгарскому, сербскому и греческому, под конец жизни объявил себя независимым князем.

Турки Кантакузина огнем и мечом опустошали Северную Фракию, уводя пленных, но вместе с тем сдерживали болгар, которым растерявшееся константинопольское правительство отдало сильные крепости Стенимах и Чепену. Без турок Кантакузин уже не мог защищать империю от болгар и сербов. Так, один из отрядов Омара, задержавшийся в Македонии, завоевал для Кантакузина Халкидику, рядом со Св. горою, и, двинувшись на Марицу против болгар, заставил царя Александра просить у Кантакузина мира. Защищая империю от славян, Кантакузин приобретал себе сторонников; забывался его союз с Душаном. Междоусобие стало невыносимым для страны, лучшие области от Веррии и Салоник до Болгарии были опустошены турками, славянами и еще более самими греками; в развалинах были лучшие дома не только в усадьбах и селах, но и в городах, неприятелем не взятых. Положение Апокавка стало небезопасным даже в столице. Сын его, правитель Салоник, погиб в Салониках в борьбе с зилотами, вождя которых Палеолога он убил и, перейдя на сторону знатных, вступил в сношения с Кантакузином. Он было увез малолетнего императора, но встретил противодействие патриарха. Царица Анна была успокоена лишь щедротами на ее содержание и особенно возобновлением переговоров с Кантакузином. Теперь и Апокавк считал для себя более выгодным примирение с противником, которого он травил, как дикого зверя. Одновременно с послами Анны Палеологины в Димотику, в ставку Кантакузина, прибыла депутация горожан Сереса, умолявших о прощении и о помощи против сербов. Сила теперь была за Кантакузином. Его посол требовал у Анны аудиенции без присутствия Апокавка. Цепляясь за власть, Апокавк приказал избить и отослать посла. Более чем когда-либо Кантакузин опирался на турецкие силы: его фракийские полки были перебиты, архонты разорены. Ведя переговоры как с сельджуками, так и с османами, Кантакузин, озлобленный упорством столицы, вступил на опаснейший для империи путь, приглашая турок во Фракию, отдавая лучшие земли им на грабеж. Он располагал теперь сельджуками Сулеймана и Омара, а с 1345 г. и османами, посланными султаном Орханом. Южная Фракия, прилегающая к Мраморному морю, перешла во власть Кантакузина, и османы так разграбили окрестности генуэзской Перы, что от ее горожан был послан к Кантакузину монах-минорит. События следовали быстро, в 1345 г. сдался Адрианополь; Момчил пал в бою с турками, и Кантакузин стал хозяином перевалов в Македонию. Еще важнее были вести из столицы. Апокавк, не утративший энергии до конца, был убит в подземных дворцовых темницах политическими узниками, в свою очередь растерзанными толпою.

Беспомощно было правительство царицы Анны, утратив Апокавка; но и Кантакузин был до крайности слаб, не только перед своими турецкими соратниками, но и по отношению к архонтам и правителям, передававшим ему фракийские города за чрезмерные личные выгоды: один из таковых, Ватаци, снова изменив, призвал турок племени Караси и был ими убит. Что же

касается турок, то Кантакузин был вынужден отдать родную дочь Феодору в гарем старого султана Орхана. Сам он описывает свое торжественное прощание с дочерью как с жертвою за страдающее христианство. Феодора выполнила свою миссию, сохранила православие, освобождала пленных и удерживала старого султана от враждебных шагов против Византии; по смерти Орхана она была отпущена на родину. Всего вреднее была предоставленная Кантакузином возможность османам ознакомиться основательно с фракийскими плодородными землями от Марицы до Черноморья, с дорогами, укреплениями и богатствами страны. Это подготовило турецкое завоевание. Нельзя винить одного Кантакузина: и правительство Анны вызывало турок: то сельджуков, то османов, то ногайских выходцев из Добруджи; но связи Кантакузина были более широкими и постоянными. Еще беспомощнее был Кантакузин в отношении сильного Душана. Хотя и овладев уделом Момчила в Родопах, он не мог защитить Серее от сербов. Одновременно потерял он и богатую Смирну. Крестовый поход венецианцев, генуэзцев, родосских и кипрских рыцарей и даже прощенных папою разбойников каталанов окончился завоеванием Смирны по почину упомянутого Мартина Цаккариа, бывшего владетеля Фокеи и Хиоса; при этом был убит Мартин.

Около 60 лет Смирна оставалась в латинских руках (1344—1402).

Все-таки Кантакузин имел уже перевес над противниками внутри империи и короновался с супругою Ириною (1346), но сыну Матвею в короне отказал. Совершал коронацию Иерусалимский патриарх, а Константинопольский был при этом объявлен отлученным от Церкви за лишение свободы многих архиереев. Несмотря на покушения на жизнь Кантакузина и на защиту крепких стен столицы Асаном и Киннамом, правительство Анны не могло держаться по отсутствию средств. У Анны оставались лишь острова; но лучший из них, Хиос, был захвачен генуэзцами. Посланный под начальством Факеолата византийский флот опоздал, но захватил генуэзский корабль. Генуэзцы Перы требовали наказания Факеолата, и Анна была бессильна защитить его от осмелевших чужеземцев. Тогда Факеолат предал город в более сильные руки Кантакузина. Царица пировала с отцами церковного Собора, когда Кантакузин был впущен через Золотые ворота. Запретив грабеж, он направился к дворцу Порфирогенита возле Влахерн. Царица Анна даже тогда отвергла мирные предложения Кантакузина, когда он уже захватил город и самый дворец; лишь слезы молодого Иоанна прекратили бессильное женское сопротивление. Кантакузин ограничился следующими требованиями: 1) амнистия для обеих сторон, 2) совместное царствование Иоанна Палеолога и Кантакузина, 3) регентство Кантакузина в течение 10 лет, до достижения.Иоанном 25 лет. Последовало торжественное примирение.

Из междоусобной войны Кантакузин вышел императором; он вскоре выдал свою дочь за Иоанна V и стал тестем императора, но не вознаградимы были его семейные и личные несчастья и разорение. Пострадал и его моральный авторитет, не только потомство, но и современники винили его в опустошении страны турками, его личными союзниками; и Кантакузин сознавал свою ответственность, постоянно подчеркивая свое миролюбие и лояльность на страницах своей «Истории». Еще менее были удовлетворены его знатные сторонники, столько вынесшие в годину народного восстания. Возвращены были лишь захваченные земли, но не купленные третьими лицами. Не многие могли получить из казны пособия, притом скудные. Провозглашенная амнистия не была нарушена, но она не устранила вражды между лицами, потерпевшими и обогатившимися во время междоусобия. Враг Кантакузина, патриарх Иоанн, был устранен по решению синода за неправославие вместе с Варлаамом и Акиндином. Его место занял приверженец Паламы Исидор, а сам Палама получил Салоникскую митрополию, но, как сказано, не был принят паствою; среди архиереев, особенно за пределами империи, возникло движение против поддерживаемых Кантакузином паламитов, и на Исидора пришлось

вновь возлагать знаки патриаршего достоинства. Вслед за тем (1347) сам Кантакузин, вместе с Анною и Иоанном Палеологами и своей супругою Ириною и дочерью Еленою Кантакузинами — последнею как невестою царя Иоанна, — восседая на пяти тронах, были вновь помазаны на царство во Влахернском храме, так как землетрясение разрушило алтарную часть св. Софии. При дворе настала такая бедность, что императоры сидели в позолоченных коронах с искусственными камнями и на пиру во дворце подавались кожаные и глиняные сосуды. Для военных нужд был объявлен сбор добровольных пожертвований, но все лишь обещали на словах.

Между тем Душан овладел Македонией, кроме Салоник, оттеснил из Веррии сына Кантакузина Мануила и, не отказываясь от договора с Кантакузином, не очищал занятых земель. Опять пришлось прибегнуть к османам, и сын султана Орхана Сулейман высадился во Фракии, но лишь разграбил богатую область нын. Каваллы и вернулся на родину, минуя греческую столицу. Внутренний мир был непрочен: раскрыт был заговор увезти Иоанна V в Галату; недовольные примирением архонты подбили старшего сына Кантакузина, Матвея, не получившего от отца никакого титула, попытаться образовать собственный удел во Фракии. С трудом удалось Ирине Кантакузине уговорить своего сына не поднимать оружия на своего отца. С восточного фронта Кантакузин обезопасил себя дружбою со своим зятем, могущественным султаном Орханом, а также договором с египетским султаном, разрешившим христианам посещать Св. Места, а патриарху Иерусалимскому Лазарю, короновавшему Кантакузина, вернуться на свою кафедру. Снова во главе Византийской империи стоял опытный и авторитетный правитель. Несмотря на оскудение империи, западные враги ее были встревожены. Кантакузину пришлось оправдываться перед папой за союз с турками, уводившими толпы христиан в неволю. Кантакузин даже обещал участвовать в крестовом походе на неверных, но на предложение унии ответил, что вопрос может быть разрешен лишь Вселенским Собором на нейтральной почве. Из латинян главными врагами империи стали генуэзские соседи в Халате, возбужденные созданием Кантакузином нового флота. Потребовав уступки господствовавшего над Галатою холма, они захватили его и укрепили, сожгли соседние греческие дома и захватили несколько греческих кораблей. С тем большей энергией Кантакузин продолжал постройку военного флота, притом в столичной гавани Кондоскалии, выходившей не на Рог, а на Мраморное море; бревна возили сухопутьем из далеких Родопских лесов. Генуэзцы были устрашены и запросили мира, но Кантакузин потребовал срыть стены Галаты. Началась удивительная война греческой столицы с ее латинским пригородом. Генуэзцы громили с кораблей приморские стены Константинополя; греки поставили машины, бросавшие тяжелые камни через Рог в Галату. Положение генуэзцев вскоре стало опасным, и они отправили свои семьи и ценности на Родос. Греки перешли в наступление, их новый флот, обогнув город, остановился у пристани св. Евгения, против Галаты, три союзных ливанских корабля вошли в Рог, а сын Кантакузина Мануил осадил Галату с суши. Но греков постигло несчастье. Буря разметала их флот, наскоро сколоченные корабли тонули, необученные экипажи бросались вплавь к берегу, и генуэзцы даже захватили несколько пустых кораблей. Без флота же было невозможно взять Галату. Хотя из самой Генуи пришло приказание уступить, отдать холм, возместить грекам убытки, жители Галаты были настроены воинственно, и Кантакузин объявил, что отдает им добровольно захваченный ими участок как ничтожный; однако принялся вновь строить флот. Усилены были пошлины, введены новые, притом с предметов первой необходимости, с хлеба и вина. Правительство уверяло население, что вся тяжесть ляжет на венецианских и генуэзских купцов, а не на потребителей-греков. Народ роптал; усилилась дороговизна; к тому же появилась чума, унесшая большую часть населения (1348). Пошлины давали греческой казне лишь 30 000 золотых, тогда как Галата собирала до 200 000 золотых в

своем порту. Одновременно частная генуэзская эскадра под начальством Виньозо захватила Хиос и обе Фокеи; завоеватели по соглашению со своей республикой образовали компанию на паях под именем «Магона» (ладья, шаланда) для эксплуатации этих богатых колоний. Один Хиос, вывозивший вино, мастику и маслины, давал до 200 000 лир. С 1362 г. все пайщики получили фамилию Джустиниани, по названию их конторы в Генуе. Кантакузин требовал возвратить захваченное; Генуя была согласна оставить за компанией один Хиос, и то в аренду на 10 лет за 12000 золотых в год. Однако сама компания не уступала. Во время переговоров греческие архонты восстали и возвратили Фокею империи. Смирна, Хиос, Наксос с соседними островами, наконец, Евбея остались в латинских руках. Номинальным латинским императором Романии был в то время сын Екатерины Валуа Роберт, но он управлял, притом через наместников, лишь небольшой частью Мореи. Большая часть Мореи (Старые Патры с областью управлялись латинскими архиепископами Ахеи) принадлежала Византийской империи и управлялась деспотами Мистры. При Кантакузине деспотом был его сын Мануил; он установил в стране порядок и завел флотилию против пиратов.

В Салониках непокорные зилоты начали терять почву с успехами Кантакузина. Протосевасту Метохиту, правителю города, удалось привлечь умеренные элементы, недовольные не только поборами и жестокостями зилотов, но и сношениями последних с Душаном Сербским, власть которого зилоты предпочитали правительству Кантакузина. Вооруженные толпы зилотов и матросов были рассеяны; предводитель их Андрей Палеолог, которого враги несправедливо обвиняли в личной жестокости, бежал на Афон. Опасаясь сдачи Салоник Душану, Кантакузин собрал уже большие силы. Султан Орхан прислал сына Сулеймана с 20 000 османов; Матвей Кантакузин шел с армией сухим путем, а оба царя поехали с флотом. Хотя турки предпочли вернуться с пути и разграбить Южную Болгарию, так как они не привыкли возвращаться без добычи, Салоники были без труда взяты с моря. Сербы отступили; виднейшие зилоты были отосланы в столицу, обвиненные в измене. Палама был водворен на архиепископскую кафедру (1350). Оставив Иоанна Палеолога в Салониках, Кантакузин овладел Южной Македонией и Северной Фракией, штурмовал против обыкновения укрепленные города, в иных случаях ему помогали даже сербские властели. Слишком поздно подоспел сам Душан из венгерского похода; но он все-таки был сильнее Кантакузина. Он отвергнул мирные предложения греческого императора, соглашавшегося уступить Душану Серее, Мельник, Зихну, Струмицу и Касторию. Душан, однако, в бой не вступил и вернулся в Сербию, по пути разгромив Эдессу (Моглену). Оставив молодого Иоанна в Салониках, Кантакузин с торжеством вернулся в столицу. Он находился на верху своей славы. Сам Александр Болгарский, еще недавно требовавший у Душана голову Кантакузина, теперь обращался к нему за советом и помощью против турецких грабителей; в ответ он получил предложение строить флот сообща. В свою очередь Кантакузин получал советы от Орхана, который рекомендовал ему однажды умертвить своего соперника Иоанна Палеолога по турецкому обычаю и даже прислал палача, но Кантакузин поспешил отослать последнего обратно.

Разгоревшаяся борьба паламитов с Акиндином потребовала созыва нового церковного Собора (1351), на котором, как упомянуто выше, паламиты одержали верх при поддержке Кантакузина. Сторонники умершего ранее Акиндина были отлучены, а Никифор Григора по царскому приказу был заточен в столичном монастыре Хоре (соборный храм которого ныне — Кахрие-джами), где и закончил свой главный труд, под конец превратившийся из исторического в богословский.

Хотя партия оставленного в Салониках Иоанна Палеолога не проявляла энергии, приближался смертельный удар для власти Кантакузина: война Венеции с Генуей, охватившая

воды и берега Средиземного моря, затронувшая и Византию, дала молодому Палеологу возможность свергнуть Кантакузина с престола, добытого с такими жертвами. Война была вызвана захватом генуэзской кампанией Хиоса, монопольным господством Генуи в Черноморье, захватом венецианских кораблей в крымской Кафе, особенно цветущей и сильной в XIV в. генуэзской колонии. В поисках союзников Венеция обратилась в Кантакузину. Последний был осторожен и предпочитал нейтралитет ввиду сербской опасности. Но он не рассчитал, что ослабевшая империя будет втянута в войну помимо его воли. Война началась поражением генуэзского флота у Евбеи; но Виньозо Хиосский вместе с компаньонами по «Магоне» отомстил, разрушив венецианскую Халкиду, тоже на Евбее (1350). Венеция заключает союз с Пизою и с Петром IV Арагонским «для разрушения и окончательного истребления» Генуи и посылает флот под начальством знаменитого Николо Пизано в воды Константинополя. Едва не захватив Галату, Пизано опять предложил Кантакузину союз, обещая субсидию на постройку флота, но Кантакузин опять не решился, и венецианцы в знак разрыва увезли из Константинополя своего баила. Отказавшись от выгодных предложений Венеции и от случая разрушить Галату, Кантакузин не привлек к себе и генуэзцев, наоборот, те начали метать камни в столицу и вынудили Кантакузина объявить им войну и заключить союз с Венецией, но уже без прежних выгодных условий.

В это время к нему пришла грозная весть о соглашении между молодым императором Иоанном Палеологом, оставленным в Салониках, и Душаном Сербским (1351). За помощь против Кантакузина Душан требовал все области, оставшиеся у империи к западу от Фракии, кроме Мореи и островов. Подкупленная Душаном свита молодого царя была готова продать сербам все приобретения Палеологов и Кантакузина. Был предрешен брак Иоанна с сестрой жены Душана, болгарской царевной, а дочери Кантакузина, молодой царице Елене, готовился развод и ссылка в Сербию в качестве заложницы. Душан стоял уже под стенами Салоник, в соучастии подозревалась и Венеция. Это был тягчайший удар для Кантакузина. Начав войну с Галатой, он не мог оставить столицы. Но и помимо того ему был известен перевес Душана в силах. В самой опасной форме возобновился династический вопрос. В Салоники посылается царица-мать Анна. Кантакузин ей обещал, по словам Григоры, в случае отказа ее сына от союза с Душаном удовлетвориться одним царским титулом и даже уйти в монастырь. Анна оправдала надежды Кантакузипа, расстроила союз с Душаном. Сербы отступили, и Иоанн Палеолог потребовал лишь уступить ему, притом лишь в управление, полуостров Халкидику и Энос в устье Марицы. Таких скромных требований Кантакузин не ожидал, но земли эти были уделом его старшего сына Матвея.

Между тем осада Галаты была прервана появлением большого генуэзского флота под начальством Дориа. Венецианский флот адмирала Пизано отступил к Евбее, за ним последовал Дориа; но Пизано, высадившись на берег, разбил генуэзцев. Остатки последних бежали на Хиос и в Константинополь, по пути разрушив город Ираклию возле Родосто. Кантакузин спешно чинил и укреплял приморские стены по Золотому Рогу от башни Евгения (ныне вокзал Сиркеджи) до Влахерн; между стенами и заливом углубил ров и снес постройки. Генуэзцы не решились на приступ, но взяли выкуп с Созополя на Черном море; убытки Ираклии и Созополя Кантакузин возместил из казны. Зимою Пизано привел еще более сильный флот венецианцев и союзников-испанцев. Генуэзцы Галаты поспешили заключить союз с султаном Орханом, утратившим к Кантакузину доверие за его нерешительность. Четырнадцать греческих кораблей стояли у Принцевых островов, а генуэзцы от Халкидона на азиатском берегу поднялись по Босфору к Диплокионию (ныне Бешикташ), немного выше Галаты. Здесь у берега произошла кровопролитная морская битва, в которой наиболее пострадали испанцы, а менее всех — греки, уклонившиеся от боя (1352). Вскоре Пизано ушел в Мраморное море, покинув своего союзника

Кантакузина. Последний был вынужден заключить с генуэзцами мир, возвратив им захваченные участки в Пере и, главное, обязавшись не допускать врагов Генуи в гавани империи. Результатом было запрещение грекам приставать к берегам, принадлежавшим Венеции и арагонскому королю, а также служить на кораблях этих держав. Тысячи греческих купцов и матросов проклинали Кантакузина. Это было первое последствие его нерешительности. Его ждало худшее. Иоанн Палеолог, вызванный матерью в столицу для примирения, остановился в Эносе и заключил с венецианцами союз, направленный формально против Генуи, в действительности против Кантакузина; при этом юный Палеолог пообещал венецианцам находящийся у входа в Дарданеллы остров Тенедос и получил ссуду 20 000 дукатов. Иоанн раздумал ехать в столицу, предпочитая обеспечить за собою Фракию и особенно верную Кантакузину Димотику. Но здесь к нему отнеслись враждебно и даже не впустили. Центром противодействия Палеологу был Матвей Кантакузин, получивший в управление Адрианополь. Однако и за Палеологом стояла уже сильная партия, латинская и антитурецкая, он рассчитывал на помощь сильного Душана, действовало его имя представителя старой династии. Кантакузин понимал непрочность своего положения и был готов на все уступки. Он сам передал Палеологу Димотику и отозвал Матвея из Адрианополя, посылал для примирения свою царицу Ирину с уважаемыми духовными лицами; но Матвей отказался уступить и признать над собою власть Иоанна Палеолога. Последний получил помощь от Орхана и осадил Матвея в кремле Адрианополя. Кантакузин решился наконец прервать переговоры и выступить на защиту сына. Он взял городские кварталы Адрианополя штурмом, но не решался напасть на Палеолога, укрепившегося в той самой Димотике, которая всегда была убежищем и оплотом для Кантакузинов, а теперь была предана им же врагу. Случилось то, чего он опасался: 8000 конных сербов подошли на помощь к Палеологу, и болгары обещали ему же свою помощь. С южнославянскими силами не могли сравниться греческие отряды Кантакузина, и снова он вызвал турок, рискуя остатками популярности у греческого народа. 10 тысяч османов с Сулейманом, сыном Орхана, наголову разбили сербов у реки Марицы (1353) и, разграбив Южную Болгарию, возвратились домой. Снова Фракия была в руках Кантакузина, но еще более он чувствовал свое бессилие: симпатии к Палеологу росли. Попытки примирения, уговоры патриарха Каллиста не действовали на Палеолога. Его окружали люди, отказывавшие Кантакузину в царском звании, предпочитавшие разорить страну до конца, но не допустить молодого царя разделить с узурпатором, другом турок, отцовский и дедовский престол. Впрочем, и Палеолог искал у турок помощи и, не имев успеха и не будучи в состоянии держаться во Фракии, бежал на Тенедос. Палеолог до того был уверен в народных к нему симпатиях, что на корабле пробрался в Константинополь, но, увидя безрассудство такого шага, немедленно уплыл в Салоники.

Двор и армия Кантакузина требовали от него решительных шагов. Настаивали на том, чтобы он упрочил будущее своих родных и приверженцев и венчал на царство старшего сына Матвея. Соглашаясь с этим, Кантакузин встретился с противодействием патриарха Каллиста и должен был заменить его Филофеем, который и короновал Матвея с супругой. Каллист бежал к Палеологу, и оба патриарха предали друг друга анафеме. Не осталось надежд на прекращение распри мирным путем. Ни Кантакузин, ни Палеолог, если бы пожелали примирения, не имели для того достаточной власти среди своих сторонников. Слишком много было пролито крови, нанесено вреда и унижения; успех одних означал для других разорение. Конечно, оба царя и оба двора не могли не видеть, что империя стала игрушкой в руках сильных соседей; несмотря на то, преимущественно от них, прирожденных врагов греческого народа, и Кантакузин, и Палеолог ожидали содействия. Турки давно привыкли смотреть на Фракию как на землю без хозяина. Не замедлило свершиться событие, имевшее роковое значение для судеб империи,

предрешившее ее участь: прочная оккупация османами Фракии.

Переправившись через Дарданеллы на кожаных челнах с горстью людей, Сулейман высадился в окрестностях Галлиполи и вскоре овладел этим городом, ключом к Константинополю с запада (1354). Византийские крепости на Галлипольском полуострове были незадолго перед тем разрушены землетрясением и перешли к туркам без борьбы. Османы много уже раз бывали в этих местах, видевших каталанов и сельджуков, новым было то, что Сулейман решил устроиться на полуострове навсегда, переселил толпы турецких семейств и укрепил захваченные города. В ужасе Кантакузин хлопотал перед султаном Орханом, предлагал сначала 10 000, потом 40 000 золотых выкупа за захваченную страну, но Орхан уклонился от личного свидания, и разыгравшиеся события заставили Кантакузина не предпринимать более решительных шагов.

В пользу Иоанна Палеолога, державшегося на Тенедосе, в столице работала сильная партия. Более чем когда-либо народ ненавидел Кантакузина, приписывая его честолюбию несчастия страны. И по слабости своих сторонников, и по недостатку решительности Кантакузин не мог препятствовать росту партии Палеолога. Он пошел на мирные предложения и переговоры и этим погубил свое дело. Кантакузин предлагал за своего сына Матвея, что последнему довольно пожизненного удела во Фракии, он даже отправился вместе с сыном на личное свидание к сопернику, считавшему его за узурпатора, и не был принят. На Тенедос его не пустили. Вернувшись с позором, он потерял авторитет в столице, и народ открыто ожидал прирожденного царя Палеолога. Иоанн не замедлил явиться ночью в конце 1354 г. с флотилией островитян и генуэзца Гаттилузи. В столице произошло всеобщее восстание против Кантакузина, и Палеолог овладел Влахернским дворцом. Кантакузин просил свидания. Он был согласен на все, но от него требовали только раздела власти и доходов, соглашаясь на удел Матвею, так как у Кантакузина еще было верное войско, турецкое и греческое, под стенами, а на стенах, над Золотыми воротами, в подготовленной им крепости держались храбрые латинские наемники. Но Кантакузин сам отсылает войска, сам сдает Золотые ворота, оскорбив тем верных латинян. Он поступил так не только по нежеланию проливать кровь, не только устав от дел и долголетней борьбы, но и по расчету: иначе ему предстояла гибель. За один день он мог в том убедиться. Когда в синклите он заявил, что для борьбы с турками нужно нанять латинский флот, ему бросили в лицо родство с Орханом; когда он обедал с Палеологом, народ требовал от него отречения, не раз им обещанного, хватал коней его свиты. Кантакузин сыграл благородную роль до конца, заявив, что отрекается от света, и под именем Иоасафа постригся в Манганском монастыре (1354), постриг супругу и скончал дни свои в глубокой старости, живя то в Константинополе, то в афонском Ватопедском монастыре, где сохранились его богатые вклады, то у сына в Мистре. Составляя пространную и искусную историю своего времени, он оправдывал свою политическую деятельность от нареканий современников и потомства, о многом умолчал и постоянно выдвигал свою лояльность и миролюбие. Большая тяжесть лежала на плечах этого носителя власти. Ему приходилось слышать горькую правду в лицо. Даже близко к нему стоявший Димитрий Кидони, из просвещенной семьи салоникских архонтов, сказал ему с амвона св. Софии:

«Только слово никому не подвластно и судит обо всех. Проклято время наше, и неслыханны грабежи постоянно призываемых полчищ Омар-бея и Орхана. Наступило время Божьего заступничества, ибо народ, ожидая Божьего суда, теряет веру. Много христиан сделались споспешниками турок. Простонародье предпочитает сладкую жизнь магометан христианскому подвижничеству. Мы стали посмешищем проклятых, вопрошающих: «Где Бог ваш?» Пресвятая Богородица! Все мы теряем: имения, деньги, тела наши и надежды. Ни на что не уповаем, кроме помощи от Твоей, Богородица, руки».

Утрачены богатые малоазиатские и македонские области, Фракия разорена вплоть до городов. В руки латинян перешли богатейшие острова и торговые пути. В столице наступал голод, лишь только латиняне прекращали подвоз. Греческая торговля упала, и греческие капиталы стали редкостью. Казна стала хронически пуста, двор нищий, задолжавший, заложивший ценности, монета обесценена. Ядро армии — фракийская и македонская знать была разорена и перебита. Социальных реформ не могло быть при династиях, тесно связанных с землевладельческой и служилой знатью. Судьбу зилотов в Салониках мы видели. Вместо устроения общества государственной властью современники наблюдали кровавые народные волнения, разорившие лучшие области и города. С падением Кантакузина ушел со сцепы крупнейший политический деятель Византии XIV в., обладавший большим боевым, политическим и административным опытом, редкой выдержкой, упорством и преданностью государству, с широкими взглядами, то твердыми, как в лояльности к Палеологам и в отношении к туркам, то гибкими, как в вопросе о паламитах. С переходом власти в менее опытные руки никто не думал о гордых целях первого Палеолога, ничто не могло спасти империю от прозябания среди мощных врагов. Таковыми были сербы и турки.

Глава 8. Соседи Византии в XIV в.: Сербы, Османы, Трапезунт

Образование Сербского королевства при Стефане Первовенчанном (1196—1224), сыне Немани, совпало с латинским завоеванием империи Комнинов и Ангелов. Не стало могущественной соседней Византии, которая могла бы мешать сербскому объединению; Никейское царство, отделенное от сербов латинскими завоевателями, само дает руку помощи православным сербам. Никейская патриархия благословляет Сербскую национальную и автономную Церковь, ставит св. Саву архиепископом всех сербских земель с правом возложить королевский венец на голову его брата Стефана. Последний унаследовал от отца Центральную и Западную Сербию: Рашку с Захлумьем и Требиньей, Зету с Котором, область рек Дрины и Моравы, наконец, Косово поле. Целых 80 лет, до Милутина, Неманичи, из коих долее других правил Урош I (1243—1276), были заняты удельными междоусобиями и, несмотря на благоприятные в общем условия, не приумножили, даже умалили сербскую державу. Культура и просвещение Сербии росли быстро благодаря богатствам страны: плодородной почве, богатым пастбищам, многочисленным рудникам меди, железа, олова и драгоценных металлов; толпы швабских и чешских рудокопов и мастеров создали в Сербии, при покровительстве королей, ряд населенных пунктов и городов. Торговля была оживлена, но находилась в руках Дубровника и итальянцев. Латинское влияние росло, о чем свидетельствует и романский стиль древнейших церквей и обителей Сербии. Мало заботясь о создании сербских торговых и промышленных классов, Неманичи были бессильны и в борьбе со злом, губившим Византию XIII и XIV вв.: с засильем и анархией аристократии, опиравшейся в Сербии не только на свое крупнейшее землевладение, но и на исконный жупный и удельный строй. При непрерывных междоусобиях властели господствовали и в стране, и при дворе, в царском совете, государство было слабо. Отчасти по этой причине Неманичи не вели национальной политики. Они не отняли у венгров Босну и предали ее латинству и богомильству, упустив случай объединить сербов, но некоторые из них, как Вукан и Драгутин, сами призывали венгров в свою страну, становясь вассалами венгерского короля, включившего и Сербию в свой титул. Захлумье и Мачва переходят к Венгрии; Мачвою и Босною правит в половине XIII в. зять и вассал Белы Венгерского, русский выходец, князь Ростислав Михайлович Галицкий.

На востоке и юге выросла влахо-болгарская держава Иоанна Асеня II (1221—1242).

Усиление Сербии началось с краля Милутина (1282—1320), выдающегося политика и воина. И он не имел на севере успеха, под натиском Венгрии и Филиппа Тарентского не мог присоединить удела своего брата Драгутина. Его крупные и быстрые успехи были направлены в сторону меньшего сопротивления, на земли Андроника Старшего Палеолога, бессильного под ударами каталанов и турок. Сербская держава распространяется на юг и на восток, в очищенную болгарами Македонию, путеводной звездою служит основанная Неманичами афонская лавра Хиландарь. Милутин отнял у Андроника Скопле, бассейн рек Брегальницы, верхнего Вардара и Черного Дрина; его владения граничили с областями Кратова, Штипа, Белеса и Охриды; сербские полки подходили к Фессалии и Афону. Со стороны Болгарии, страдавшей от ногайских татар, также не было отпора; Милутин вмешивался в дела Болгарии и округлил за ее счет свои границы на верховьях Стримона и по Дунаю. Уступая силе Милутина, правительство Андроника льстило себя надеждой подчинить Сербию греческому культурному влиянию, использовать сербское воинство для отражения латинян и турок. В этих видах Андроник предложил пожилому Милутину руку своей 7-летней дочери Симониды. Неестественный брак состоялся. Греческое влияние хлынуло на Сербию широкою волною, греческие архонты служат Милутину, греческое просвещение и церковное искусство вытесняют в Сербии романские

образцы, и в сербских фресках XIV в. наблюдаются признаки местной, балканской, школы искусства; сербские полки властеля и воеводы Новака Гребострека со славою сражаются с сельджуками в М. Азии, явившись на помощь греческому императору. Милутин был честолюбив, и, не задаваясь несбыточными мечтами подобно своему внуку Душану, он твердо вел Сербию по пути к славной будущности. Его влияние в Константинополе было так велико, что императрица Ирина, мать Симониды, пыталась при его помощи отстранить от престола своих пасынков от первого брака Андроника. Но Милутин преследовал свои национальные задачи, он искал пробиться к южному морю; в дела Палеологов он не вмешивался, и, несмотря на свое греческое родство, он заключил союз с Карлом Неаполитанским, претендентом на наследство латинского императора Балдуина, выговорив себе в случае успеха Южную Македонию. Сильный Милутин прибрал к своим рукам сербскую знать, властелей-баштинников и служилых бояр, привыкших вершить дела в королевском совете и участвовать в кровавых усобицах Неманичей. Милутин не был чужд византийским взглядам на власть монарха. Греческие мастера писали его с Симонидой в византийском облачении. Влияние греческой партии стало велико при его дворе: ею издали руководила царица Ирина, мать Симониды, приславшая в Сербию и своих сыновей. На пути греческой партии стояли наследник престола Стефан и партия сербских властелей. Около 1311 г. Стефан и властель в Зете (Черногории) подняли восстание против Милутина, но отец был сильнее. Сын умолял о пощаде, но был ослеплен, хотя и не вполне, и сослан в Константинополь, в руки Ирины, вместе со своей женою, дочерью Смильцы Болгарского, и с ребенком Душаном. Вернулся Стефан в Сербию лишь после смерти Ирины, и то по ходатайству духовенства. Через два года Милутин умер, и Стефан III Урош (Дечанский) вступил на престол (1320); вместе с ним, по новому в Сербии византийскому обычаю, был венчан на царство его 12-летний сын Стефан Душан. Стефана III Уроша, строителя Дечан[68], прозванного поэтому Дечанским, прославляют его духовные биографы Даниил и Цамвлак за благочестие и щедроты, приравнивают его к мученикам за ослепление, которое он претерпел по проискам греков, и за кончину от руки бояр; но государь он был слабый, а после брака с гречанкой он вновь наводнил греками сербский двор в Призрене; без пользы для Сербии он вмешивался в греческие междоусобия, защищая Андроника Старшего. К концу его правления «младший краль» Душан руководил сербскими войсками и при вторжении Михаила Болгарского, вступившего в союз с Андроником Младшим, жестоко разбил болгар, влахов и татар у Вельбужда в 1330 г.; убит был и болгарский царь. Сербское влияние утвердилось в Болгарии, потерявшей земли от Ниша до Софийского перевала через Балканы; поспешно отступивший Андроник потерял среднее течение Вардара, Северная Албания перешла в сербские руки. Вельбуждская битва дала Сербии бесспорное первенство на Балканах, и в лице молодого Душана сербы нашли государя, какого им было нужно. На его пути стоял отец с женой-гречанкой. Возвели Душана на престол сербские властели старым способом дворцового и военного переворота. Стефан Дечанский был схвачен и задушен ими (1331) и остался в народной памяти мучеником, а Душан — отцеубийцей. Во главе властелей стояли внуки Новака Гребострека и сыновья могущественного кесаря Воихны от сестры Михаила Шишмановича Бдинского (Видинского), болгарского царя, убитого под Вельбуждом. Дочь Воихпы Елена стала супругою Душана, имела самостоятельную силу, поддерживала Кантакузина и содержала свою дружину немецких наемников; из четырех ее братьев Александр возводится на болгарский престол, а Оливер, Деян и младший Воихна были крупнейшими властелями и сановниками, память их жива в народных сказаниях и археологических памятниках.

Преступление не помешало Душану поднять Сербию на такую высоту, какой она не достигала ни ранее, ни после него. Суровый, храбрый, при случае хитрый, телом рослый, Душан

обладал выдающимися качествами государя. Целью он себе поставил продолжение политики деда своего Милугина, но на основах более широких и менее осторожных: не только завоевание греческих земель до южного моря, но и создание сербо-греческой державы, имеющей заместить Византийскую империю. Эти цели, не считавшиеся с неистребимым антагонизмом греков и славян, погубили его дело вскоре после его смерти, истощили и ослабили небольшую Сербию, далеко не объединенную. Но его правление представляет ряд блестящих успехов. За 24 года он не менее 13 раз ходил на греков и начал свои походы не медля. В три года он завоевал Западную Македонию от р. Стримона, почти не встретив сопротивления; мало того, на его сторону стали греческие архонты, недовольные правительством Андроника Младшего, как талантливый Сиргиан, завоевавший для сербов Касторию и увлекавший их к Салоникам. После убийства Сиргиана византийским агентом Душан согласился на мир тем охотнее, что с севера ему угрожали венгры (1334). Душан даже вернул Андронику часть завоеванных земель. Все же в его державу включена была Западная Македония от Охриды до Стримона, кроме Салоник и Халкидики. В Прилепе он выстроил себе дворец. В 1335 г. Душан снова угрожает Византии, но Андроник поступился гордостью византийского царя, явился к Душану и, пропировав с ним семь дней, предотвратил столкновение. Душан пошел на Албанию, взял Драч (Дураццо), Валлону и даже Янину (1340), принял титул короля Албании. Его новые владения вклинились между Эпиром и Фессалией. Когда же Андроника не стало и между Палеологами и Кантакузином разгорелась междоусобная война, причем Кантакузин искал его помощи и находился в его власти, Душан устраивает свое новое царство, селит на нем сербов, захватывает удел старого кесаря Хреля (Струмицу), осаждает Серее, берет Эдессу. Когда Кантакузин скрылся из лагеря Душана и захватил Веррию, Душан разорвал договор с Кантакузином, о выдаче которого Палеологам он и ранее вел переговоры при посредстве Хреля и Венеции. С греками Душан никогда не был искренен, преследуя свою заветную цель — основание новой сербо-греческой державы на развалинах Византии. Ее он помнил с детских лет, проведенных в греческой столице. Сербы и их немецкие наемники не умели брать укрепленных городов. Больших армий Душан в Македонию не приводил; поэтому в 1343—1345 гг., разоряя Македонию, Душан не штурмовал Салоник и не раз его отряды были биты айдинскими сельджуками, служившими Кантакузину. Тем не менее разорение и анархия в Македонии создали и в городах, кроме Салоник, партии уставших, предпочитавших сербскую власть. Передались сербам Веррия и — после храброй обороны — Серес, богатейший город Восточной Македонии (1345). В 15 лет Душан овладел Македонией и Албанией. В нем окрепло убеждение, что Византия безнадежно слаба и уступит место его новой державе; но он не представлял себе эту последнюю в иных формах, как византийских, что было несчастьем для Сербии: нельзя вливать новое вино в ветхие мехи.

«Завоевав Серес, краль провозгласил себя царем ромэев и торжественно возложил на себя венец и царское облачение... и предоставил сыну управлять по сербским законам страною от Адриатического моря и Дуная до г. Скопле, назначив границею... Вардар; себе же взял ромэйские земли и города до Христопалъских теснин для управления по обычным установлениям ромэев» (Григора). «Возгордясь и захватив большую часть Ромэйской империи, он провозгласил себя царем ромэев и триваллов (сербов), сыну же предоставил титул краля» (Кантакузин)».

Он овладел действительно чисто греческими землями Восточной Македонии, вотчинами Палеологов и других знатнейших семейств Византии, Меникейскою горою, покрытою богатыми обителями с царским монастырем Предтечи во главе. Древности Сереса и его округа доселе привлекают к себе внимание. Политические притязания Душана отразились на его грамотах и хрисовулах. В начале 1345 г. он еще «самодержец всех сербских земель и честник греческим

странам"; в конце же, по завоевании Сереса, он подписывается «краль Сербии... Албании, Приморья, владетель немалой части Болгарского царства и государь почти всей Византийской империи"; несколько позже он — «царь и самодержец Сербии и Романии». В Сересе, до коронации в Скопле, он стал зваться царем. И болгарские Асени, даже его шурин Иоанн Александр, носили царский титул, но их царство было влахо-болгарское. У Душана было иное честолюбие; он мог руководиться древним примером царя болгар и греков Симеона, о котором, кроме рукописей, свидетельствовали памятники на берегах Преспанского и Охридского озер, народные предания и иерархические притязания Охриды — Юстинианы. Провозгласив себя царем на византийской почве, Душан поступает как византийский монарх. Греческие архонты становятся его «домочадцами», сохраняют византийские звания, ставятся во главе местной администрации с соблюдением ее византийских форм, получают подтверждение своих привилегий и иммунитета; особенно церковное землевладение, начиная с меникейских и афонских монастырей, жалуется грамотами на свободу от податей и повинностей, на новые богатые земли и доходные статьи. Грамоты грекам редактированы по-гречески, с соблюдением всех форм императорской канцелярии. Душану было ясно, что его политические притязания должны быть признаны духовной властью, притом греческой; и так как нельзя было надеяться на Константинопольского патриарха, оставалось добиться от Афона и иерархов Македонии возведения в патриархи Сербского епископа, который мог бы венчать Душана на царство. Без патриарха нет царя. Душан добился своей цели. В 1346 г. собравшееся в столице Скопле сербское духовенство с архиепископом Сербии, болгарское — с Тырновским патриархом, македонское — с архиепископом Охридским и представители Афона ставят в патриархи Ипекского архиепископа Иоанникия, «бесчинно», без патриархов, не считаясь с Константинопольской патриархией, которая и наложила на Сербскую Церковь отлучение (1352 г., длилось до 1375 г.). Тогда же в присутствии церковного Собора, сербских властелей и послов Дубровника Душан был венчан в цари сербов и греков, болгар и арбанасов (албанцев), с супругою Еленою; сын же Урош был венчан в короли всех сербских земель. Сербские вельможи, начиная с братьев Елены, получили византийские титулы деспота, кесаря, севастократора, логофета, протовестиария; щедроты посыпались на монастыри и церкви Афона и Сербии. С тех пор у Душана одна мечта — Константинополь: ему, как Карлу Анжуйскому, тесно в своих богатых владениях. Необходим был флот. Нужно было его строить на сербском Поморье, взять Салоники во что бы то ни стало; но Душан не обладал качествами Петра Великого и привык к быстрым, легким успехам. Он предпочитал достичь цели силами Венеции, господствовавшей на море; в течение 10 лет с упорством и всякими подходами он старается склонить Венецию к нападению на Византию: то просит принять его в число венецианских граждан и обеспечить ему убежище, в котором отнюдь не нуждался, то навязывает ей свои услуги и посредничество с возмутившейся Задрой, то прямо предлагает наступательный союз против Византии (1346, 1350); но венецианцы были хитрее Душана и отклоняли его предложения тем вежливее, чем он становился сильнее. Душан был для них слишком опасен. В 1347 г. он завоевывает Эпир, Этолию, Акарнанию; деспина Анна Эпирская и ее дочь выходят за родичей Душана, Оливера и Синиигу, получивших названные области в управление; воевода Прилуп овладел Фессалией и Макровлахией (1348). Явилась опасность для венецианских интересов и колоний на Евбее и на Коринфском заливе, созданных с большими трудами и жертвами. Сам Душан обложил Салоники, но и тогда города штурмом не брал, рассчитывал на переговоры с зилотами. Год издания им знаменитого «Законника», важнейшего памятника законодательства южных славян (1349), является апогеем могущества и славы Душана, и в этот год венецианцы заключают с Кантакузином мирный договор, на который и сослались в ответе Душану. Царь сербов и греков был обманут. Надежды на Венецию рушились, и вместе с ними

— заветная мечта взять Константинополь. Душан круто меняет фронт. Потому ли, что его завоевательная энергия, собранные им силы, престиж в глазах не одобрявших его сербов старого закала требовали новых побед, или потому, что он хотел приблизить свою мощь к самой республике св. Марка, он обрушился на боснийского бана, союзника Венеции в борьбе с венграми, и во главе 80 000 народного ополчения, какого никогда не водил в Македонию, он прошел Боснию с огнем и мечом. При этом он обнажил от войск Македонию, только что завоеванную и еще не устроенную. Душан не рассчитал, что у Кантакузина хотя и мало осталось греков, были турки, которые не раз наносили сербам поражения и даже вторгались во владения Душана. Кантакузин немедленно явился с турками, вступил в Салоники, овладел Юго-Западной Македонией до Албании и Фессалии. Не только турки наводили ужас, дойдя в своих набегах до Скопле; изменили многие, не только греки, но и сербские враги Душана; города сдавались без боя, кроме Веррии и Эдессы. Так были слабы связи в новой державе Душана. И успехи Кантакузина не были прочными; Душан, вернувшись, отнял почти все, захваченное у него. Но теперь он еще более убедился в своем бессилии овладеть Константинополем. Власть Кантакузина упрочилась, и турки во Фракии были бы опасны для сербского наступления. Поняв это, Душан в греках более не заискивал, мстил за измену и разрушил Эдессу. Энергия не оставила Душана, но он терпел уже неудачи. Кантакузин не уступал ему в быстроте и решительности.

Начало пятидесятых годов было особенно тревожно. Используя борьбу Кантакузина с Палеологом, венецианцев с генуэзцами, османы утвердились в Европе. Их призывали наперерыв воевавшие христиане. И Душан вступает на ту же линию, шлет послов к Орхану, предлагая союз и руку своей дочери для одного из султанских сыновей. И здесь Кантакузин расстроил планы Душана рискованным захватом турецких послов. Одновременно Душан вступает в сношения с Иоанном Палеологом в Салониках против общего врага Кантакузина. Снова тот расстроил соглашение, прислав в Салоники мать Иоанна. Когда османы прочно утвердились в залитой кровью Фракии, Душан не оценил момента, не бросил всех своих сил против турок, отказавшись от Босны, но послал Палеологу лишь семитысячный отряд Бориловича, который и был перебит на Марице более многочисленными турками, высланными Кантакузином. Это была уже серьезная военная и политическая неудача сербского оружия, потрясшая его престиж накануне решительного столкновения между сербами и османами на Балканах. Оплошность Душана составляет его историческую вину перед Сербией и всем христианством на Востоке. Вина Душана тем больше, что он один располагал на Востоке достаточными силами для отпора османам и этих славянских сил не использовал. Содействия Запада себе Душан не обеспечил, наоборот — восстановил против себя Венецию и курию захватом Боснии и Адриатического побережья, которое латиняне уже считали своим. Ему пришлось сознать свою дипломатическую и даже военную неподготовленность под конец громкого правления, когда османы утвердились во Фракии, а греки в Константинополе с падением Кантакузина многие, по венецианским донесениям, были готовы предаться Венеции, или венграм, или сербам, лишь бы спастись от турок. Сорокапятилетний Душан этого не пережил и скончался в Призрене в 1355 г. Народные сказания о его смерти в походе на турок содержат истину не историческую, но поэтическую: образ народного героя, олицетворение силы Сербии, гибнущей перед боем против рокового врага.

Османы, из турок-огузов, явились в Малую Азию как небольшая и безымянная кочевая орда. У их вождя Сулеймана была всего сотня палаток, когда он жил на верховьях Евфрата. Ничто не связывало этих недавних пришельцев с сельджуками, кроме общего единства расы, и они были свободны как от иранского, так и от греческого влияния. Таких небольших орд появилось много в связи с передвижениями монголов, и они обыкновенно гибли без следа или

растворялись среди более крупных племен или государств; но османам было суждено исключительное будущее. Сын Сулеймана Эртогрул является уже на рубеже византийской Вифинии как вассал иконийского султана Ала ад-дина, поселенный на плоскогорье по среднему течению р. Сангария, и его резиденцией является Сюгюд, ныне небольшое местечко вблизи Биледжика по железной дороге на Эски-Шеир (Дорилей) и Конию. На этом плоскогорье, перерезанном лесистыми оврагами, османы быстро перешли к оседлости. Каждую весну отсюда они нападали на порубежных греческих архонтов. Настоящим основателем государства является сын Сулеймана Осман (1288—1326), давший народу имя, сохранившееся до сих пор. Его первые шаги были скромны, воевал он с соседними сельджукскими беями и с полунезависимыми греческими архонтами, до которых уже не доходила слабая византийская власть. Некоторые архонты жили с соседями османами дружно, даже были их верными союзниками, как Михал, владетель замка в предгорьях Олимпа. Другие гибли под ударами османов, как архонты известных по походам Алексея Комнина крепостей Белокомы (Биледжик), Ангелокомы (Айнеголь), Малагины на Сангарии (место еще не определено). И резиденцию Осман перенес поближе к Никее, в г. Ени-Шеир.

Своими успехами османы обязаны стечению благоприятных условий: слабости сельджуков, разгромленных монголами, и особенно анархическому состоянию восточных областей империи, обезлюдевших после восстаний при М. Палеологе, лишенных власти и ждавших своего завоевателя. К тому же тюркские поселенцы утвердились в Вифинии, даже в окрестностях Никеи, еще в XI в., при Никифоре Вотаниате, как союзные или наемные отряды сельджукского султана Сулеймана и его беев. В истории Алексея Комнина постоянно упоминаются турецкие отряды на службе императора. Задолго до XIII в. в Византии наблюдается то самое явление, что в Западной Римской империи последних веков: варвары как наемная сила, не всегда покорная, проникают на территорию и в самый воинский организм государства. Успехи сельджуков уже изложены. Они подвергаются значительному влиянию византийской культуры в области управления и быта высших слоев; и в общем турки уживаются с христианами. Султаны в Конии имеют жен христианок, носят красные сапоги в подражание императорам, держат при себе греков советников, двор и телохранителей по византийскому образцу, заменяя лишь греческие имена и титулы турецкими; чеканят монету с греческой надписью; терпят в своей столице греческого митрополита и христианское богослужение. Между греческой и сельджукской столицами часты перебежчики, притом самые знатные, как султанские братья или сам Михаил Палеолог. Окраины обоих государств организованы приблизительно одинаково, доверены пограничным беям и архонтам, между собою зачастую дружным. С разгромом сельджуков монголами в половине XIII в. между грозными завоевателями и Византией обещали установиться дружественные отношения. Дочь М. Палеолога Мария отправлена в гарем султана Абаги в сопровождении игуменьи Пантократорского монастыря, и христианское богослужение совершается открыто при дворе хана Передней Азии. Разгром сельджукского государства имел два последствия: огреченные верхние слои спасаются в Византию, теряя свою национальность, а пограничные эмиры, загнанные монголами в горные дебри, начинают с Византией разбойничью войну. Эти эмиры не племенные вожди, но предводители орд (как bandes guerrieres германцев), обязанные возвышением самим себе. Особенно после неудачных походов Михаила Палеолога, сына Андроника Старшего, эти эмиры подчиняют пограничных архонтов и греческие города Малой Азии, кроме Филадельфии, и с помощью туземных моряков грабят острова, встречая отпор лишь от латинян. Эмиры из дома Алисура образуют сильное государство Караман, захватив Конию, долину Меандра и побережье до Родоса, владея 15 городами, 150 укрепленными местечками, тысячами воинов и осадными машинами, эмиры Карамана оставались опаснейшими врагами османов до XV в. К северу от них правили эмиры Текке (г.

Адалия), Кермиан (Кутайя); в Карий — эмиры Ментеше; в Ефесе (Айасолук, от церкви Αγιος Θεολογος) и в области Смирны и Ефеса (турецкий Айасолук) — эмиры Айдин; в Магнисии — эмиры Сарухан; в Пергамской области до Мраморного моря — эмиры Караси; по Черноморью от устья Сангария до трапезунтского Лазистана — эмир Тимур и его сыновья.

Османы поселились между Караманом и Византией, положение их области было выгодно. Защищенные дальностью, ущельями и лесами, размножившись на плодородной земле, они становятся сильнее ближайших соседей. Свою ставку Осман перенес поближе к Никее, в город Ени-Шеир. Напрасно соседние архонты с царским стратигом Бруссы во главе соединяются против него с сельджукскими беями Караси. Осман разбил их и гнал до Аполлониадского озера на рубеже Мизии. Вся почти Вифиния, кроме Никомидии, Никеи и побережья, завоевана Османом, действовавшим не только силою, но и хитростью. Осман не являлся разорителем страны. Он отдает города и села своим сподвижникам в ленное владение, щадит народ, убавляет налоги, уважает христианство. Под его патриархальной властью вифинские крестьяне не жалели о византийском чиновнике; и, судя по многим данным, населенность и богатство страны быстро возросли. Умножилось число и воинов Османа, обладавших силой свежей расы, энтузиазмом завоевателей, верою в своего счастливого вождя и в собственные силы. Мало еще известный Константинополю Осман выступил против Музалона, стратига царских войск под Никомидией, и разбил его двухтысячный отряд (1301), и беи Османа тем прочнее и спокойнее занимают Вифинию и устраивают свое хозяйство, щадя население как рабочую силу. Отняв у эмира кермианского крепость Эски-Шеир (Дорилей), осман вступает в союз с эмиром Сарухана против греков. Поход царского сына Михаила против османов оканчивается позорным отступлением в Бигу (Пиги), и шайки османов доходят до азиатских пригородов Константинополя. Никея осаждена Османом, и греки лишь с трудом, ночью, подвозят провиант из Киосской гавани. Пока кесарь Рожер, вождь каталанов, был в живых, Осман действовал весьма осторожно, но, когда Рожер был убит, Осман договорился с его дружиною, и тысяча османов с Меликом и Халилом во главе переправились в Галлиполи. Подвиги и гибель их были упомянуты выше. Но ядро османов по-прежнему уклонялось от авантюр, предпочитая расширять систематически свои владения и прочно обосновываться в них. Лишь перед смертью Осман послал сына Орхана взять богатую Бруссу и сам присутствовал при осаде этой сильной крепости, расположившись у целебных источников (ныне Чехирге). Когда Брусса сдалась на условиях, Осман удержал в городе греческое население (1326) и вскоре умер.

Его преемник Орхан (1326—1359) был уравновешенной натурой и не любил рискованных шагов. Толпы турок грабили Фракию, но это были не его люди. Нарушил мир сам Андроник Младший, напав на вассала османов во Фригии, Белого Тимура. Если фригийские турки еще боялись императора и Тимур простерся перед Андроником, целуя его пурпурные сапоги, то Орхан ни с какими традициями не считался и, как мы уже знаем, разбил Андроника под Филокриною, причем император едва спасся (1330). Орхан быстро использовал победу. Никея стала легкой добычей. Опять взятый город не был османами разрушен, но сохранен со всеми постройками и населением. Хотя святыни были распроданы грекам же и церкви обращены в мечети, но Орхан старался поддержать культурные и благотворительные учреждения, которыми была богата Никея, и мусульманские имареты при мечетях заменили школы и богадельни при церквах. Ближайшей целью Орхана стала Никомидия. Дважды приступал он к этому важному приморскому городу, но оба раза встречал под его стенами энергичного Андроника; в первый раз царь и «сатрап» обменялись дарами, во второй раз турки поспешно ушли. Упорный Орхан организует небольшой флот с помощью своих сельджукских вассалов в Мизии, и впервые напали османы на европейский берег; нападение их было отражено, но Никомидия осталась без помощи и сдалась Орхану. И третий крупнейший город Вифинии стал турецким и

мусульманским; сохранив население и постройки. Успехи Орхана совпали со временем междоусобия внутри империи и с опустошительными набегами эмира Омара Айдинского во Фракии. В противоположность Омару эмир османов имел в виду лишь свои задачи независимого государя и не давал Кантакузину вовлечь себя в орбиту византийской политики. Но благодаря росту своих сил Орхан стал особенно желательным союзником для византийских партий, и тогда он не отказывал в своей поддержке, поскольку таковая была полезной для молодого османского государства. По примеру М. Палеолога и И. Ватаци император Кантакузин выдает дочь за неверного, но сильного соседа; старый Орхан окружил ее почетом, не стесняя ее веры. Орхан долго был верен союзу, нападения на византийское побережье прекратил и во время войн Кантакузина с Душаном три раза посылал в Европу сына Сулеймана с войском и даже с флотом, причем османское юношество ознакомилось с Фракией; но в сношениях оставался независимым союзником и уже рассматривал азиатские области как свои. Приехав к Кантакузину, он остановился на азиатском берегу, и византийский двор пировал в его ставке. Орхан использовал и междоусобия между латинянами — войну Венеции с Генуей. Опять он действовал самостоятельно, и, невзирая на союз Кантакузина с Венецией, Орхан становится «братом и отцом» генуэзцев, послав им помощь. Отношения между царем и султаном обостряются. Душан, главный враг Кантакузина, немедленно предлагает султану союз, а сыну его — свою дочь. У Орхана не было недостатка в христианских союзниках, и христианское добро само шло ему в руки. Арест греками сербских послов приводит к открытому разрыву — и опять по вине греков. Орхан подступал к Константинополю, требуя удовлетворения; сыновья его опустошают фракийский берег. Кантакузин на генуэзских кораблях добился мира с Орханом, но Венеция его не получила. Османы и венецианцы становятся упорными врагами. Кантакузину Орхан опять помог, но турецкая молодежь при этом еще лучше ознакомилась с Фракией и с Адрианополем, будущей турецкой столицей. Часть турок даже осталась в Галлиполи с женами и детьми, будучи поселена в крепости Чимпе самим Кантакузином, не подозревавшим, по-видимому, опасности. Когда же землетрясение 1354 г. разрушило византийские крепости на Галлипольском полуострове, Сулейман явился с азиатского берега и поселил турок в греческих домах, беззащитных и покинутых хозяевами, и сам выстроил себе дворец в Галлиполи. Занятая территория была поделена между турецкими воинами; турецкие десятники, старосты и наместники заместили греческую администрацию. Оставшееся греческое население в панике бежит в Константинополь и там в не меньшем страхе ожидает нападения османов. Известно, что эти факты повлекли падение Кантакузина. Значение утверждения турок в Европе было оценено не только греками, но и Душаном Сербским; только его смерть остановила поход сербов с латинянами против турок. Сын Кантакузина Матвей, продолжавший пользоваться турецкой помощью, был разбит сербами и попал в руки Иоанна Палеолога. Последний сознавал свое бессилие и всеми мерами старался снискать расположение Орхана: освободил из рук Калофета султанского сына Халила и выдал за него дочь. Но все его старания рушились, когда меч пророка попал в руки другого сына Орхана, Мурада I (1359—1389), за отречением старого отца, занятого делами благочестия, и за смертью старшего брата Сулеймана, завоевателя Ангоры и Галлиполи.

Задачею Мурада и его советников стало завоевание Фракии, основание мусульманской империи в европейской Романии. Закончился первый период истории османов — устроение завоеванной Вифинии со столицей Бруссой. Последняя достигла большого расцвета и к началу XV в. насчитывала, по показанию очевидца Шильдбергера, до 200 000 населения. Архитектурными памятниками величия Бруссы являются до сих пор великолепные мечети и гробницы султанов, построенные в XIV и XV вв. Роскошный султанский дворец был расположен над городом, на уступе снежного Олимпа. В плодородной Вифинии быстро

размножилось юное племя османов. Султанские победы вдохнули религиозный и расовый энтузиазм в разрозненные сельджукские племена от Ангоры и Конии до Смирны и Галлиполи.

Не считаясь с дружественными и родственными связями, которыми византийская дипломатия опутывала выросшую силу османов, Мурад предпринял завоевание Фракии, имея в виду ее главный город Адрианополь. Предварительно он овладел укрепленными этапами на пути между Константинополем и Адрианополем: Пиргосом (тур. Люле-Бургас), Цурулом (Чорлу), Мессиной (Каришдиран, место боев в последнюю болгаро-турецкую войну). Свою резиденцию Мурад перенес в Димотику, знакомое туркам гнездо Кантакузинов. Немедленно Мурад организовал турецкое управление и роздал своим беям крупные тимары (лены); Фракия получила название «греческой страны», Рум-или (отсюда Румелия), в отличие от Осман-или, первых поселений по Сангарию. Каждую весну, по старому обычаю, османы расширяли свои владения, причем беи со своими людьми присоединялись к собственным войскам султана или к его «двору» (тур. Капу — дверь, дворец, отсюда лат. Порта). Личные войска султана составляли почти единственный постоянный корпус и рекрутировались юношами из собственных земель султана, а так как за ним оставались лучшие и наиболее населенные завоевания, то в его гвардию попадало и большое число христианской молодежи, обращенной в ислам; их стали воспитывать с детства в строго мусульманской обстановке, отрывая от родных. К XV в. султанские войска (далеко не все) получают имя янычаров (тур. ени-чери — рекруты).

Лишь устроив Фракию, Мурад подступил к укрепленному Адрианополю. Судьба столицы Фракии была решена: помощи ей не было. После краткой осады и бегства начальника византийского гарнизона горожане сдались, и для Адрианополя, давно не знавшего мира и спокойствия, настало время материального и даже культурного расцвета. Когда Мурад со своим «лалой» (пестуном) Шахином, полководцами Хадми-Ильбегом и Евреносом вступил в город, ставший его столицею с 1365 г., в нем было до 15 000 деревянных домов, а к XV в. разноплеменное население Адрианополя насчитывало несколько сот тысяч. Благодаря плодородию страны и положению города на караванных и водных путях, развились торговля и ремесла. Богатство привлекло и просвещение: в султанской столице, в доме богатого еврея, знаменитый Плифон изучал древних философов. Но в художественном отношении Адрианополь далеко уступает старой столице Бруссе.

Дальнейшее завоевание до Балканских гор не встретило сопротивления: в стране не оставалось власти, и населенные пункты ожидали завоевателя. Филиппополь был в болгарских руках (с 1344 г.), бессильных вследствие междоусобия между сыновьями царя Александра. Лала-Шахин взял Филиппополь без труда (1363), а за ним и Веррию (Загору, тур. Эски-Загра); его отряды доходили до Софии и Тырнова. Евренос-бей завоевал низовья Марицы и Западную Фракию с г. Помюльджиной, прибрежный Энос был оставлен за дружественным генуэзским домом Гаттелузи. Новые земли османов отрезали Константинополь от сухопутного сообщения с христианскими державами. Недавние выходцы из Азии образуют во Фракии государство, которое становится решающим фактором на Балканах и входит в круг европейской политики. Дальнейшие успехи османов поэтому излагаются в связи с общим положением Византии и христианского Леванта.

В связи с политическими судьбами Малой Азии стоит история Трапезунтского царства, прерванная выше (глава 4) на конце XIII в. После разгрома сельджуков монголами Хулагу Мануил I Трапезунтский, вассал иконийского султана, вовремя заявил покорность и сумел уберечь свою страну от ужасов монгольского нашествия. Сам он не ездил к великому хану в Каракорум. Современные греки считали Мануила воинственным, Людовик Святой называл его сильным и богатым государем, и хотя стать тестем Мануила не пожелал, но находил полезным для латинского императора сближение с Мануилом; это последнее в свою очередь не улыбалось

Великому Комнину, считавшему свой род единственными законными наследниками Константинополя. При Мануиле и его сыновьях наметились пути, которыми пойдет история Трапезунта в XIV в., с одной стороны, дружба с хозяевами Малой Азии — монголами, потом — до конца XIV в. — османами для обеспечения трапезунтских владений и торговли; с другой стороны, слабые претензии на греческий Константинополь, опять до конца XIV в., до турецкой опасности. При Алексее II враги заключенной Михаилом Палеологом унии считали своим прирожденным монархом православного Великого Комнина. Многие православные уезжали в Трапезунт. Далее, уже при сыновьях Мануила I, приобретает опасный характер движение архонтов, почти самостоятельных в своих лесах и ущельях, и распря туземной лазской и пришлой греческой знати. Наконец, трапезунтские цари, отказавшись от активной политики в глубь материка, обращают главное внимание на обогащение своей казны и страны покровительством транзитной торговле; к этому времени, благодаря захвату египтянами Сирии, определяется мировое значение торгового пути от Трапезунта через Армению и Персию до Индии, а также и местной торговли с Кавказом и Крымом, следуя около берега. В связи с движением против Михаила Палеолога некоторые источники упоминают о принятии трапезунтскими государями титула императора и самодержца ромэев, но вероятнее, что гордые своим родом Великие Комнины носили этот титул и ранее. Михаил Палеолог не имел никакого успеха, требуя в Трапезунте отказа от императорского титула; тогда он переменил тактику и столь же настойчиво предлагал молодому Иоанну руку своей дочери Евдокии и сумел осуществить этот политический брак, несмотря на нерасположение трапезунтского двора (1282). Трудно было при этом оформить отношения между обоими дворами и династиями. Византийский церемониал предоставлял Иоанну лишь ранг деспота и отказывал ему в царских красных сапогах; но законность прав и полноту политической самостоятельности Константинополь должен был признать за трапезунтскими Комнинами, и трапезунтский двор удовлетворился этим существенным актом, узаконившим сосуществование двух православных царств греческой нации, притом с сохранением церковного единства.

Примирившись с Палеологами, Иоанн II заботливо поддерживал отношения, почти номинально зависимые, с ханом Передней Азии Абагой, женатым и на трапезунтской царевне, и на побочной дочери Михаила Палеолога; но кочевые туркмены отняли у Иоанна область до Керасунта. Иоанну (†1297) наследовал сын Алексей II (1297—1330), упрочивший самостоятельность своего царства. Он сверг опеку Андроника Палеолога, которому поручил его умирающий отец, взял в жены грузинскую княжну, а не дочь византийского сановника Хумна, сильного при дворе Палеолога; он загнал туркменов в горы, обуздал генуэзцев, отказавшихся платить пошлины, но терпел от синопских пиратов-мусульман, сжегших даже пригороды Трапезунта. Флот Комнинов всегда был плох. При преемниках Алексея II особенно развились внутренние смуты, лишь временами замиравшие в Трапезунте. Византийские архонты, пришедшие вместе с Комнинами, встретили враждебное отношение туземного элемента грузинского (лазского) племени, имевшего в своей среде древние княжеские фамилии. Пришлая знать именовалась схолариями (гвардией), туземная — месохалдиями (жившими внутри Халдии). Первые искали опоры в Византии, вторые — в единоплеменной Грузии. По смерти Василия, променявшего первую жену, дочь Андроника Младшего Палеолога, на вторую, Ирину из Трапезунта, византийская партия уступает туземной. Ряд кровавых мятежей заполняет местную историю, хронику Панарета. Грузинские отряды с Кавказа получают решающее значение при дворцовых переворотах. Пользуясь междоусобиями, туркмены опустошают страну, доходя до пригородов и даже до внутренних кварталов Трапезунта.

В этих событиях умалилась самодержавная власть. У царя Михаила архонты, возведшие его на престол, вынудили письменное обязательство не заключать договоров, не издавать указов без

совета с архонтами, и царь должен был довольствоваться почетными прерогативами власти; но восстание простого народа после кровавой борьбы освободило от олигархии царскую власть (1345). Эти события трапезунтской истории, недостаточно известные, почти совпали и с кандидатурою Кантакузина на престол, с обязательствами, наложенными на него архонтами, также требовавшими не предпринимать важных решений без их ведома, и с народным восстанием против Кантакузина и знати. Между одновременными событиями в Византии и Трапезунте нужно предположить связь или, может быть, лишь единство причин и следствий. Но разница была та, что в Константинополе была законная династия, в борьбе с которой — и с простым народом — Кантакузин потерпел неудачу; сходство в том, что царская власть при поддержке низших классов одолела аристократию, искавшую ограничить самодержавие, притом, может быть, по образцу западных баронов и высших палат. К сожалению, известий об этих движениях на греческом Востоке в середине XIV в. слишком мало, а Кантакузин, который лучше других знал и понимал, пишет в своей истории лишь то, что ему выгодно. Последствием междоусобия явилось и в Трапезунте и в Византии разорение страны, усугубленное моровою язвою 1347 г., равно как и падение могущества и престижа государства в глазах соседей. В Трапезунте народное движение было сопряжено с погромом иностранцев, именно латинских купеческих колоний, имевших договорные права и льготы. Особенно пострадали генуэзцы.

Эти годы были временем расцвета генуэзского могущества в Черном море и в Крыму. Генуэзцы не замедлили отомстить Трапезунту. Вытеснив трапезунтскую власть из северного Черноморья, сделав титул Комнинов «государь Заморья» пустым звуком, они разбили трапезунтский флот, сожгли Керасунт, добились возмещения убытков и уступки крепости Леонтокастро в качестве гарантии. Одновременно тюркские эмиры Эрзинджана и Байбурта, державшие в своих руках большой караванный путь в глубь Азии, соединились с туземцами, цанами, т. е. лазами, и подступили к самому Трапезунту. В эту тяжелую пору чем более терпело и слабело царство, тем крепче Трапезунт отстаивал свою независимость от Византии. На престол вступает малолетний Алексей III, сын Василия и Ирины Трапезунтской, для Палеологов незаконный, однако трапезунтцы уберегли его престол, и он женился на дочери Кантакузина, главного врага Палеологов; он мог при содействии народа справиться с поднявшими голову архонтами, губившими друг друга, но в борьбе с туркменами потерял всю Халдию и остался при береговой полосе. Заходя несколько вперед в нашем кратком изложении продолжительного царствования Алексея III, упомянем, что оно почти совпадает по времени с царствованием Иоанна V Палеолога. Оба они были бессильными зрителями нарастания турецкого могущества, и последнее примирило Палеологов с Комнинами вновь и окончательно. Гордость первых, обедневших, ставших данниками султана, была уже сломлена. Иоанн ищет дружбы богатого, пока независимого трапезунтского царя. Прошло время, когда в Константинополе признавали за ним лишь титул деспота. Прекрасную Евдокию Трапезунтскую старый Иоанн сватал за сына своего Мануила, но взял за себя. Скрепленная браками дружба обеих династий продолжалась до гибели их государств. Несмотря на грабежи Белой орды и генуэзцев, доходы трапезунтского царя были велики, благодаря таможенным пошлинам, и еще в начале XV в. достигали 700 000 дукатов, равняясь доходам английского короля того же времени. Правление Алексея ознаменовано церковными постройками, на Афоне он основал монастырь Дионисиат, существующий поныне. При его сыне Мануиле, современнике Мануила Палеолога, в Передней Азии разыгрались мировые события, отразившиеся и на Трапезунтском царстве. Султан османов Баязид I Илдирим завоевал Караман, Токат, Сивас, Самсун, дошел до Черного моря, прогнал Белую орду Кара-Уну Шемахинского за Евфрат и стал соседом Трапезунтского царства. Почти одновременно грозный Тимур (Тамерлан), основавший в Средней Азии великую державу, подчиняет грузинских князей на Куре, гонит Черную орду Кара-Юсуфа до Эрзерума, который

также подчинил себе. Предвидя столкновение, боясь его, и Баязид, и Тимур заручаются союзами, первый — с египетским султаном; у Тимура при дворе являются послы Мануила Палеолога и короля кастильского, послы эти — католические монахи, и за переговорами видна дипломатическая деятельность римской курии. Неоднократно приближавшийся и вновь отступавший Тимур внезапно покончил с Баязидом одним ударом под Ангорой (1402) и, пройдя до Смирны, вернулся в Среднюю Азию. Владетель сравнительно крошечного царства, Мануил Трапезунтский еще до битвы под Ангорой шлет послов к Тимуру, является к нему лично. Вступив в его царство, Тимур, не доверявший Мануилу, заставил его стать вассалом, выставить 20 кораблей, наравне с Мануилом Палеологом, и, по-видимому, участвовать в Ангорской битве в числе многочисленных, свыше 30, «знаменитых государей», подчиненных Тимуру.

Царство Мануила простиралось на 70 часов пути, следуя берегу, и на 1—2 дня пути в сторону гор. Но правил он непосредственно лишь городами и личными богатыми имениями. В остальной части небольшой его страны почти независимо правили могущественные архонты, среди которых выделялся туземный род Кабаситов Халдейских, пришлых Мелиссинов, грузинские князья, тюркские беи, породнившиеся с Великими Комнинами. Недоступность горных областей и антагонизм между туземцами и пришлыми архонтами помешали Комнинам объединить страну под планомерным и действительным управлением. Сила Комнинов заключалась в их царском имени и в громадных доходах. Их столица была сильно укреплена, красива и богата, дома были в два и три этажа; среди складов с азиатскими и европейскими товарами теснилась разноязычная толпа. Над городом высился кремль, содержавший дворец с его росписными галереями и позолоченными крышами, с залами, украшенными фресковыми портретами Комнинов, казначейство, архивы. От этого великолепия не осталось и следа на поверхности земли. Город славился церквами (Хрисокефал, св. Софии, св. Евгения — патрона города, монастырь Сумела, уцелевший доныне[69]) и роскошными загородными садами. Страна была настолько одарена природой и обогащена караванным путем, что населявшая ее рослая, красивая раса не привыкла к дисциплине и упорному труду. Дворец, разукрашенный искусством, хранивший ценную библиотеку, был свидетелем грубого насилия, преступлений и разврата; в обществе царило суеверие, книгами занимались немногие, только монахи. Письменность, от которой дошли одни обломки, собранные особенно трудами ученого грека Пападопуло Керамевса, жившего в России, указывает несколько значительных имен; процветала местная агиография, были и хроники. К XV в. лучшие умы стремились на Запад, между ними знаменитый Виссарион, родом из Трапезунта, оставивший и похвалу родному городу; рядом с ним видим ревностного униата — архиепископа Амируци, после турецкого завоевания ставшего грубым льстецом султану и едва ли не ренегатом.

Об отношениях Трапезунтского царства к северному Черноморью имеются отрывочные известия. Великие Комнины носили титул государей Ператии, т. е. Заморья. В XIII в. Херсонская фема вошла в состав Трапезунтского царства. Из слова Лазаря о чудесах св. Евгения видно, что около 1223 г. сельджукские пираты захватили корабль, везший в Трапезунтежегодную подать с Херсона и «готских климатов», и затем опустошили Херсонскую область. Трапезунтское царство было слабо, и крымские греки не порывали с ним связи потому, что для них важны были торговые сношения с Трапезунтом. После битвы на Калке и нашествия татар на Сугдею многие греки эмигрировали в Трапезунтское царство, но по изгнании татар из Сугдеи (1249) в ней было насчитано свыше 8000 населения. Сохранились местные святыни. Епископы назначались из Константинополя, но многие из упомянутых в местном синаксаре священников носят татарские имена. Распря между Никейским и Трапезунтским царствами сказывалась и в делах Церкви в Крыму. Посвященный в Никее епископ Феодор, отправляясь на Кавказ, высадился в Херсоне, осажденном вскоре татарами, спасся к христианам аланам и стал

устраивать их Церковь, но Херсонский епископ заставил Феодора уехать дальше на восток; в Босфоре ему не разрешил высадиться местный гражданский начальник. Греческая Сугдея (Сурож) платила дань Батыю, по известию посла Людовика Святого известного путешественника Рубруквиса. В XIII в. русские, несомненно, жили и торговали в Крыму, возили меха, и египетское посольство называет их в числе населения рядом с кыпчакскими татарами и аланами. Сурожане оплакивали смерть Владимира Галицкого, по Ипатьевской летописи (1288). Татары заботились о Сугдее, и хан Золотой орды, заключая договор с Михаилом Палеологом (1281), обязал его не обижать сурожан. Рядом с туземными греками в Суроже торговали венецианцы, знаменитый Марко Поло имел там дом; но с конца XIII в. союзные с Палеологом генуэзцы не без борьбы становятся на Черноморье полными хозяевами. В 1266 г. генуэзцы купили у татар место Феодосии, запустевшей с VIII в., и основали знаменитую свою колонию Кафу, а венецианцы утверждаются в Сугдее (нын. Судак) и даже стесняют здесь генуэзцев; у них является и консул «Хазарии». На самом рубеже XIII в. колонии обеих итальянских республик были разорены Ногаем: в 1322 г. Сугдея, в 1368 г. Кафа снова были разрушены татарами, но, несмотря на эти погромы, генуэзская торговля в Крыму была весьма богата и перекинулась на Азовское побережье. Учреждено было в Генуе особое колониальное ведомство, Officium Gazariae (1313), давшее колониям статут, учреждаются и католические епархии; под влиянием пропаганды францисканцев начали переходить в католичество и аланские князья, и местные армяне. Папа ходатайствует перед ханом Узбеком за христиан Сугдеи, обращенной им в мусульманский город, но без успеха. Церкви были закрыты, икона на городских воротах была заколочена досками. Впрочем, несколько православных греков жило в Сугдее и в первой половине XIV в.; араб Ибн Батута видел христиан из татар и фреску на церковной стене. Ханский наместник жил в Солхате (ныне Старый Крым). В половине XIV в. генуэзцы одолели венецианцев в Черноморье, получили от Византии Херсонес, от татар — Сугдею. В Азовском районе главным центром генуэзской торговли была Тана, в устье Дона, а в Крыму — Кафа; впрочем, разбогатела в их руках и Сугдея. Греческих кораблей генуэзцы не пускали дальше Дунайских гирл, но православия не стесняли: и в XIV в. упоминаются епархии Готская, Херсонесская, Сугдейская, Боспорская, но обедневшие, судившиеся в Константинополе друг с другом из-за нескольких деревень.

Глава 9. Последние Палеологи. Падение Константинополя и остальных греческих государств

С Кантакузином ушла со сцены целая эпоха византийской истории, когда власть не оставляла идей Михаила Палеолога, думала о воссоединении греческих земель и когда она опиралась на сильную служилую аристократию европейских областей, поставлявшую лучшие национальные полки. Теперь служилые люди или были перебиты в междоусобных войнах, или разорены во время народных восстаний и турецких набегов. У империи не стало организованной национальной армии, ни ресурсов для ее возобновления. Осталась надежда на латинян, и при последних Палеологах господствуют надежды на латинян и латинское засилие. Завершением господствующих идей этого последнего периода является Флорентийская уния, и Константинополь гибнет как латино-греческий город, защищает его не патриарх, но кардинал.

Иоанн V занимал престол еще почти сорок лет (1355—1391) и остался в народной памяти как красавец Калоянн. Несмотря на тяжелую юность, он по легкомыслию не годился бы в монархи даже в спокойное время, теперь же он усугубил личными качествами и слабость государства, и бедствия народа.

Слабость правительства была настолько велика, что три года оно не могло справиться с обломками партии Кантакузина, во главе которой стоял Матвей, носивший еще знаки царского достоинства; ему мало помогали младший сын Кантакузина Мануил, правивший в Мистре, зять его Никифор в Эносе, Мануил Асеневич во фракийской Визе. Матвею предлагали сделку: получить в удел то Морею, то Лимнос. Он даже перешел в наступление. Греки уже не могли воевать без турецкой помощи, в которой Орхан отказал. Палеолог избавился от Матвея лишь в 1357 г., когда последнего захватил в плен сербский кесарь Воихна и выдал Палеологу, так как никто не захотел выкупить Матвея. В Константинополе обошлись мягко с претендентом и его семьею, даже уговаривали, через отца, отказаться от своих притязаний, и Матвей дал требуемую клятву, сохранив некоторые знаки царского сана. Разгадку миролюбия Палеолога следует искать в тех симпатиях к дому Кантакузина, которые еще жили во Фракии; там еще держался Мануил Асеневич (Асень). Многие фракийские архонты в ближайшие годы предпочли турецкую власть правительству Палеолога, чем облегчили утверждение турок во Фракии. Подобное явление имело место и в малоазиатской Вифинии во времена Османа. Междоусобие во Фракии замерло за отсутствием претендента. В отдаленных областях более сказалась крайняя слабость константинопольского правительства. Пользуясь распадением державы Душана, умершего вскоре после отречения Кантакузина, зять последнего Никифор, владевший Эносом, утвердился в Эпире, на который имел наследственные права, отослал дочь Кантакузина в Морею, желая породниться с сербской династией, но вскоре был убит албанцами (1358), и в Эпире было основано албано-греческое государство Карла I Топии. В Фокее царский наместник Калофет правил независимо. Его пираты схватили Халила, сына султана Орхана, и напрасно по настоянию Орхана император требовал освободить Халила. Калофет просил 100 000 золотых и сан севастократора. Императору пришлось осаждать Фокею, исполнить требования Калофета и выдать за Халила свою малолетнюю дочь. Еще менее успеха он имел в Морее, где утвердился младший сын Кантакузина Мануил. Посланные против него двое Асеневичей были им отражены с помощью венецианцев, и Иоанн был вынужден признать Мануила деспотом византийской Мореи. Богатый остров Митилену (Лесбос) Иоанн отдал вместе с рукой сестры генуэзцу Гаттелузи. В этом нужно видеть не только личную благодарность за помощь при овладении престолом, но и выговоренный наперед успех знатной генуэзской семьи, владевшей некоторое время Эносом, крупный и характерный шаг последних Палеологов по пути

латинского засилья. Владетельный род Гаттелузи чеканил собственную монету по примеру латинских; государей на Леванте. По свержении Кантакузина империя была так слаба, что венецианец Марино Фальери советовал начать поход против неверных с завоевания Византии, как будто усилия и успехи Ласкарей и Палеологов обратились в ничто менее чем в одно столетие. Однако лишь только Матвей Кантакузин попал в плен, Венеция поспешила возобновить мир с Византией (1357); при новом перемирии венецианцы были лишены права владеть недвижимостями в Константинополе, и их баил получил инструкции не возбуждать турецкой подозрительности дружбой с греками.

Ближайшие годы принесли такой непоправимый ущерб империи, что и в Европе, и в Константинополе пришлось подумать о немедленной борьбе с османами всею силою христианского мира. Преддверием к новому походу должна была быть по-прежнему церковная уния. В 1359 г. умер султан Орхан; ранее погиб его воинственный сын Сулейман, завоеватель Галлиполи, и на престол вступил другой сын, Мурад. Старый Орхан долго дружил с греками, породнился к Кантакузином и лишь под конец царствования охладел к греческой дружбе. Сыновья его Сулейман и вступивший на престол Мурад I были готовы использовать накопившиеся силы османов и вести свой народ для покорения христиан, тех «рум», коих землю они знали вдоль и поперек. Мурад начал с покорения единокровных сельджукских племен, с завоевания Ангоры и горных пастбищ караманского эмира, чтобы, обеспечив тыл, двинуться на опустошенную Фракию. Против вооруженного народа османов, привыкшего к военным успехам, уже не стояло воинственное служилое сословие, испытанные всадники Андроника Младшего и Кантакузина. Правительство Иоанна могло выставить лишь небольшие, по скудости казны, отряды западных наемников и негодные к правильному бою толпы народного ополчения. Силы же турок измерялись десятками тысяч. Овладеть Фракией было легко. В 1360 г. полководцы Мурада Лала-Шагин, Евренос-бей и другие взяли сильные крепости Чорлу и Димотику, причем последняя была передана греческим начальником; в 1361 г. Лала-Шагин разбил начальника адрианопольских войск, бежавшего и покинувшего Адрианополь на произвол судьбы. Этот важнейший город Фракии стал второю после Бруссы столицей османов.

Лала-Шагин вторгся в Болгарию и дошел до Филиппополя, а Евренос занял Западную Фракию. Повсюду турки устраивались прочно, привозили семьи и укрепляли города; пленных продавали по установленной таксе, 125 серебряных грошей (акча) за человека. Византийское правительство не могло и не смело встретить турок в чистом поле, оно предпочло искать компенсаций в приморской Болгарии; греки захватили Анхиал и осадили Месемврию, принадлежавшие Болгарии города с греческим наведением. Александр Болгарский был вынужден просить мира и уплатить издержки (1362); мир был скреплен обручением малолетних Андроника, сына Иоанна V, с дочерью Александра от второй жены, еврейки. Умирая (1365), Александр оставил большую часть страны Шишману, своему сыну от еврейки. Шишман дружил с турками и изменнически захватил императора Иоанна, прибывшего для переговоров о союзе против турок. Европейские дворы были возмущены поступком Шишмана. Союз Болгарии с утвердившимися в Европе турками изолировал христианский Константинополь с севера и являлся изменой христианскому делу. Для освобождения Иоанна V была снаряжена экспедиция Амедея Савойского. Отбив у турок Галлиполи (впрочем, на короткое время), Амедей явился с несколькими генуэзскими и венецианскими кораблями в Черное море. Амедей овладел болгарским берегом до Варны, и тогда лишь Шишман освободил императора, около года пробывшего в плену, и обязался не нападать на Византию. Рыцарская помощь Амедея, приходившегося Иоанну V двоюродным братом по матери Анне Савойской, вовлекла Византию в орбиту западной политики, оправдала и оживила надежды на латинский Запад. Сын Анны Савойской, Иоанн Палеолог, был подвержен западному влиянию со времени

вступления на престол с помощью Гаттелузи и Венеции. С утверждением турок в Адрианополе, с распадением державы Душана у Византии не могло быть иных надежд, кроме упования на западную помощь. Перед лицом турецкой опасности, Западом немедленно оцененной и учтенной, и для Европы не было иного выхода, как помощь Константинополю, хотя пока православному. Передовые латинские державы на Леванте, Венецианская и Генуэзская республики, подали друг другу руки, несмотря на вековечную вражду, и в эту грозную пору вторжения турок в Европу для окончательного утверждения венецианцы и генуэзцы дружно помогают Палеологу как при свержении Кантакузина, так и при экспедиции Амедея. Помощь, оказанная последним, была, однако, эфемерной и предпринята была с ограниченною целью и средствами. Радикальным решением вопроса было бы основание в Константинополе Латинской империи для борьбы с турками, как предлагал Фальери; но соотношение западных государств, особенно положение Франции, препятствовало осуществлению столь крупного предприятия. При таких условиях предстояли полумеры для Европы, агония для Византии, оживляемая надеждами на западную помощь. Латинизация государства Палеологов, двора, части высших церковных и светских кругов, Церкви и просвещения была обеспечена, насколько она не касалась верного православию народа и духовенства. К сожалению, история этого критического момента — последнего поворота на Запад — недостаточно освещена источниками и мало разработана.

Переговоры Иоанна V с Болгарией, Сербией, Людовиком Венгерским о помощи против турок не привели к результату. Против турок нужны были сильные союзники. Византийское правительство надеялось на первых порах на соседей-сербов и послало патриарха Каллиста в Серее, к вдове Душана; но Каллист умер во время переговоров, которые не были доведены до конца не только потому, что тот же Каллист в 1352 г. объявил анафему Сербской патриархии, основанной Душаном, но главным образом вследствие распадения царства Душана на уделы. Сербы не могли защитить от турок и собственную страну; турецкие отряды прошли Македонию, Фессалию, Фермопилы и грабили под Фивами. Правитель каталанского государства, сицилийский наместник Лориа, даже призвал турок на свою службу против венецианцев и своих внутренних врагов. Союз Лориа с турками возмутил европейские дворы; папа Урбан V призывал против Лориа духовных и светских владетелей Греции и короля кипрского Петра I Лузиньяна; последний заключил союз с французским королем Иоанном и с Амедеем Савойским, но на Мурада не напал. Он лишь ограбил Александрию (1365) и укрепил латинскую Смирну. Сам сицилийский король долго не мог справиться со своим наместником Лориа, и турки были изгнаны из Виотии с трудом. Папа Урбан был горячим сторонником крестового похода против османов и помощи Византии, которую «не слова, но самые дела» должны привести к спасительной унии. Организуя крестовый поход, папа поручал его вождям греческую империю, притом по просьбе самого Палеолога. Французскому королю Иоанну II смерть помешала стать во главе крестоносцев. Призывая его преемника, папа просил помочь грекам лишь в случае, если они будут верны унии. Еще во время экспедиции Амедея папа и письменно, и через сопровождавшего Амедея латинского патриарха Павла с угрозами требовал от Палеолога унии с католичеством. Иоанн Палеолог, оценивая политическое положение, готов был подчиниться требованию курии, но не обладал ни волею, ни авторитетом своего предка Михаила. Он созвал Собор с участием двух восточных патриархов и изложил Собору требования папы, но собравшиеся архиереи во главе с патриархом Филофеем нашли, что лишь правильно созванный Вселенский Собор может решить унию; в приглашениях же на таковой Собор константинопольский синод призывал поддержать догматы Восточной Церкви во всей их чистоте. Раздраженный «лживостью» греков, папа отсоветовал Людовику Венгерскому выступить на помощь Византии, даже разрешил его от клятвы, если он таковую дал Иоанну

Палеологу. Между тем Иоанн лично на занятые деньги ездил к Людовику Венгерскому, умоляя о помощи; но вследствие советов из Рима Людовик выступил не против турок, но против их друзей болгар. Напрасно съездив в Венгрию, не имея иной надежды, император Иоанн решает ехать в Рим. Потомки Михаила Палеолога, растратив народные силы и допустив турок в Бруссу и Адрианополь, являются в роли униженных просителей перед европейскими дворами. Иоанн V первым из Палеологов вступил на этот горький путь, впрочем услаждаемый почестями и увеселениями и проторенный латинскими императорами Константинополя.

В 1369 г. Иоанн V явился в Рим и вручил не папе, но его кардиналам грамоту за золотою царскою печатью. Грамота содержала латинский символ веры на греческом и латинском языках. Через три дня он был принят папой на лестнице собора св. Петра и присягнул Римскому первосвященнику на верность ему и католической Церкви; последовал молебен. Папа более не считается с мнением константинопольского синода и требует от греческого клира последовать примеру их царя. Однако и Палеолог, и Урбан поступили легкомысленно, сочтя золотую печать за согласие православного народа и духовенства. Иоанн Палеолог отправился и ко французскому двору, но выслушал лишь вежливые фразы. На возвратном пути с ним случилась беда: этот византийский император, привыкший жить и ездить в долг, был задержан своими венецианскими кредиторами. Оставшийся в столице старший сын Андроник задерживал уплату долгов отца, выручил, прислав деньги и корабли, второй сын Мануил. За это отец объявил его наследником престола, устранив старшего сына Андроника (1371). Арест императора иностранцами за долги ярко характеризует потерю империей всякого уважения в глазах тонких политиков и банкиров, какими были венецианцы. Они считали Византию на краю гибели со времени падения Кантакузина. Теперь же турки стали хозяевами Балкан.

Перенеся свою столицу из Бруссы в Адрианополь (тур. Эдирне) в 1365 г., султан Мурад двинул на Шишмана Болгарского три армии, которые захватили балканские перевалы. Шишман был вынужден признать себя данником султана и отдать сестру в султанский гарем (1365). Одновременно Людовик Венгерский взял болгарский Видан и захватил Страшимира, брата Шишмана. Однако, получив помощь турок и волошского воеводы Владислава, Шишман выбил венгров из Видана. Венгры действовали не одни, с ними были сербы, для которых опасна была политика опиравшегося на турок Шишмана. 60-тысячная армия Вукашина Сербского должна была ударить на турок в Адрианополе, но опоздала и сама была разбита на Марице, застигнутая турками врасплох (1371). Это была большая катастрофа для христианского населения Балкан, доставившая перевес турецко-болгарскому союзу. Измена болгар христианству отчасти объясняется честолюбием Шишмана, отчасти была вынуждена опасным соседством турок, неоднократно опустошавших Южную Болгарию и ранее утверждения их в Адрианополе. Победа была немедленно использована османами. Вся Восточная и Южная Македония была завоевана полками Мурада. Греческие и сербские властели Македонии стали турецкими беями, поставлявшими свои отряды в султанскую армию и плативши взносы в султанскую казну. Сербские и вообще славянские полки ценились в турецкой армии и составляли корпус, расположенный возле столицы, вдвое больший, чем корпус янычар во времена Магомета Завоевателя. Сербские воеводы, принявшие ислам, заполняют султанский двор и достигают высшего положения. Турецкой власти избежал лишь Алексей Асан, правитель Каваллы и о. Фасоса, поддавшийся Венеции. Сербские архиереи Македонии спешили вернуться в лоно Вселенского патриархата, отказавшись от национальной Церкви, созданной Душаном. Утверждение османов в Македонии до Албанских гор встревожило духовных и светских владетелей латинской Греции. По инициативе католического епископа Новых Патр и Фессалии и с папского благословения в Фивах состоялся съезд латинских государей Греции с участием представителей королей Венгрии и Сицилии, республик Венеции и Генуи; греческий император

был приглашен, но уклонился. Этот съезд (1373) дальше переговоров не пошел, собравшиеся были поглощены местными вопросами, в связи с усилением Ачайоли. Этот богатый и просвещенный дом из Флоренции, оказывая потомкам претендентов на Латинскую империю денежные и политические услуги, приобрел Коринф, округлил свои земли в Морее, а один из Ачайоли, Нерио, угрожал каталанскому государству в Аттике. Печальна была картина латинской Греции: мелкие государи истощались в распрях перед лицом грозного врага христианской культуры, боролись между собою, как утопающие на накренившейся ладье. Чтобы отнять у Генуи господство на путях в Черноморье, венецианцы добивались у Палеолога уступки о. Тенедоса, лежащего у Дарданелл; император не уступал им, даже находясь у них под арестом; лишь при возобновлении договора они получили остров за денежную субсидию, обещав выставить царский флаг рядом со своим. Но генуэзцы не простили Иоанну этой уступки, слабость императора ставилась ему в вину. Еще хуже и гораздо опаснее сложились его отношения к Мураду. Греческие источники об этом вопросе отзываются глухо и с неохотой. Проситель на Западе, Иоанн стал вассалом султана, одним из тех полунезависимых соседей, которые должны были участвовать в походах султана, хлопотать и унижаться при его дворе и выслушивать советы во внешних делах. При каких условиях свершилась такая перемена, неясно; возможно, что новое положение явилось не сразу и не было оформлено. Данником султана император еще не был, но положение сделалось унизительным и опасным.

Во главе недовольных слабостью Иоанна стал его старший сын Андроник, лишенный прав на престол в пользу младшего брата Мануила. Возможно, что за ним стояли враги латинской партии, к которой принадлежали и Иоанн, и Мануил. Вместе с сыном султана, по имени Санджи, Андроник составил заговор свергнуть с престола обоих отцов — Иоанна и Мурада. По крайней мере, их в этом обвинили. Мурад ослепил Санджи и предложил Иоанну одинаково поступить с виновным сыном. Иоанн повиновался, но ослепление Андроника было неполное, из своей темницы в башне Анемы (доныне уцелевшей в развалинах Влахернского квартала) Андроник скрылся в Галату и с помощью генуэзцев, враждебных его отцу, и сербского Марка Кралевича с его дружиною даже захватил столицу после месячной осады. Отец и брат Андроника заняли его место в той же башне. Вместе с сыном Иоанном Андроник IV был коронован (1376), а отец его и брат томились в темнице три года, пока им не удалось бежать к Мураду. Султан является судьею между Палеологами, и по его требованию Андроник уступил отцу престол и скрылся в Галату к своим генуэзским друзьям (1379); через два года последовало примирение, по которому Андроник получил в удел города по северному берегу Мраморного моря и был объявлен престолонаследником, но умер раньше отца (1385). Тяжелая распря между членами царского дома разыгрывалась на фоне грандиозной борьбы Генуи с Венецией, в которую была вовлечена и Византия. При захвате Андроником престола жившие в Константинополе венецианцы были брошены в тюрьмы и остров Тенедос был отдан генуэзцам, но венецианцы на острове оказали энергичный отпор. Еще раз разгорелась ожесточенная война между обеими республиками, сначала на Леванте, затем в Италии; обе стороны шли на величайшие жертвы, пока Амедей Савойский не добился прекращения кровопролитной и разорительной войны, гибельной для латинских интересов на Востоке (1381). Тенедос был отдан Амедею. Истощенные войною республики не могли думать о борьбе с османами и поспешили заключить с Мурадом договоры; их предупредила торговая Рагуза, первой из западных государств заключившая с османами торговый договор (1365).

Последние годы царствования Иоанна V являются временем непрерывного, безнадежного упадка Византии. Сам он искал забвения в танцовщицах и чревоугодии; даже у любимого сына Мануила он отнял красавицу-невесту, дочь трапезунтского царя. Старый Иоанн фактически стал вассалом Мурада; либо он, либо его сын Мануил проживали при султанском дворе; и

переговоры с латинскою Европой были прерваны в угоду султану. Перед бессильным Палеологом, лишенным земель и доходов, развертывалась картина потрясающих успехов азиатского народа — необоримой силы, разрубавшей мечом старые политические вопросы и заново строившей судьбы всех народов, стоявших у нее на пути. Сын Мурада Баязид, прозванный Илдиримом (Молнией), приобрел Кутайю браком, сельджукский эмират Хамид — покупкою. В Македонии Тимурташ взял Битоли, или Монастырь (1381). Почти одновременно была решена и судьба Салоник. Правивший в этом последнем оставшемся у Византии македонском городе Мануил Палеолог был замешан в заговор архонтов Сереса против турок. Немедленно султан послал против Салоник грозного Хайреддин-пашу. Не дожидаясь его, Мануил по совету отца вымолил себе прощение у султана, явившись к нему лично; но Хайреддин занял Салоники впервые, без боя; но ушли (1380); затем вторично Карали-паша взял Салоники после четырехлетней осады (1383—1387), причем Мурад, считая греческого императора своим вассалом, оставил в городе греческое управление, но поместил в акрополе турецкий гарнизон. Иоанн мог проживать в Салониках; в один из приездов он и умер в этом городе (1391). Но когда умер кроткий сравнительно Мурад, преемник его Баязид присоединил Салоники к своим непосредственным владениям, ввел турецкое управление, объявил набор христианских детей в янычары и превратил многие церкви в мечети (1391).

Не греки, но сербы и болгары могли бы защищать Македонию от ислама и турок. Но распадение державы Душана было катастрофой для христианской культуры на Балканах. Силы южных славян были разъединены. В Болгарии правил Шишман, прежде союзник, ныне данник султана, брат его Страшимир в Видине зависел от Венгрии. Сербские силы, еще крупные, были раздроблены. На севере от Моравы до Дуная правил старый Лазарь; в Приштине и на Косовом поле был удел Вука Бранковича; в Поморье княжил Балша; в Боснии — Твардко, наиболее могущественный из сербских государей, перешедший в латинство. Несмотря на разъединение, сербы решили дать отпор туркам собственными силами без помощи венгров, своих исконных врагов. В завоевательных намерениях Мурада они не могли уже сомневаться. Призванные албано-эпирским государем Карлом Топиа, османы овладели уделом Балши, убитого ими в бою. В 1386 г. сам Мурад, опустошив по пути болгарские земли, взял Ниш и подчинил себе Лазаря, заставив платить дань и выставлять конный отряд. Лазарь стал душою сербского союза против турок и рассчитывал особенно на Твардка; Шишман был ненадежен. В 1387 г., когда Мурад ушел в М. Азию для войны с караманским эмиром, Лазарь и Твардко собрали 30 000 сербов и разбили турецкие гарнизоны в Македонии, меньшие по числу, из турок спаслись немногие. Воодушевление сербов передалось и болгарам. Мурад стал собирать громадные силы, которыми располагал в Азии и в Европе. Начал он с Болгарии, чтобы обеспечить тыл. В 1388 г. выступил из Адрианополя визирь Али-паша с 30 000 отборного войска и взял Тырнов. Подошел и сам султан Мурад с громадными силами. Шишман, храбро защищавшийся в Никополе, был вынужден сдаться на милость победителя; несмотря на его измену, Мурад оставил его на престоле. Через Софийский перевал и Филиппополь Мурад вторгся в Сербию и разбил лагерь на Косовом поле, удобном для действия конницы (1389). Там стояли и сербы. Во главе их были Лазарь и Вук Бранкович; Твардко прислал босняков и хорватов с их воеводами; были отряды болгар, влахов и албанцев. Подробности исторической битвы известны, Мурад был убит зятем Лазаря Милошем. Ставший султаном Баязид после жестокой сечи разбил сербов, причем Лазарь был убит. С торжеством вернулся Баязид в Адрианополь. Сербы же были сломлены, сын Лазаря Стефан и Бранкович стали данниками султана.

Впечатление от разгрома сербов было потрясающее, прежде всего при византийском дворе, беспомощно наблюдавшем за грандиозными событиями. О непокорности новому султану нельзя было и думать. Иоанну пришлось не только подтвердить и, по-видимому, оформить

вассальные отношения к султану, но перенести еще большее унижение — сопровождать Баязида в поход против Филадельфии, единственного греческого города в Малой Азии, сохранившего независимость благодаря традиционной дружбе горожан с соседями сельджуками. Православным жителям бывшей твердыни царей Ласкарей пришлось увидеть греческого императора в турецком стане. Иоанн их уговаривал поддаться туркам и после их отказа бился вместе с сыном Мануилом в первых рядах султанских войск против греков, считавших себя его подданными. Город был взят приступом (1390). Отсутствием императора воспользовался его племянник Иоанн, сын Андроника, и захватил столицу; Мануил отнял у него город лишь после пятимесячной борьбы внутри городских стен. Из Константинополя Мануил опять спешит на службу к султану с крохотным отрядом в сто человек. Несмотря на всю покорность Иоанна и Мануила, Баязид с ними не стеснялся. Он запретил вывоз хлеба на принадлежавшие императору острова, турецкий флот разграбил одинаково как императорский Хиос, так и латинскую Евбею. По настоянию окружающих Иоанн V принял некоторые меры для защиты столицы, укрепив часть стен от Золотых ворот до моря, причем брал камень из развалин построенного Василием Македонянином храма св. Диомида и других роскошных построек поблизости; но, когда Баязид узнал об этом и пригрозил ослепить Мануила, Иоанн срыл только что выстроенные и возобновленные укрепления. Он уже не смел укреплять свою столицу, остаток своего государства. Независимость была фактически утрачена Византией, и лишь случай мог спасти империю. Ее значение пало в глазах самих греков, и царский посол Д. Кидони считал за большую честь звание венецианского гражданина. При таких обстоятельствах умер Иоанн Палеолог (1391).

Мануил II (1391 — 1425) вступил на престол в момент наибольшего могущества Баязида, на положении султанского вассала; он тайно бежал из султанской ставки, чтобы занять престол своих предков, византийских императоров. Баязид не замедлил показать ему свою власть, прислав гонца с требованием допустить в Константинополь султанского кадия (судью) для разбора дел не только между мусульманами, жившими в Константинополе, но и между ними и христианами, так как мусульманам не подобает подлежать суду неверных гяуров.

«Если не хочешь повиноваться мне, запри ворота своего города и правь внутри его, а за стенами все мое».

Баязид доказал последнее на деле, прогнав греков из европейских пригородов до Родосто. В течение семи лет он блокировал Константинополь, надеясь взять город измором. В Константинополе «не стало ни жнущего, ни молотящего», не стало съестных припасов, и для отопления разбирали дома. Мануилу остались только надежды на Запад. Он обратился к папе, к французскому и венгерскому королям, умоляя о немедленной помощи, иначе ему придется сдать Константинополь врагам христианства. Одна Венеция прислала ему корабли на случай бегства. Для западных политиков было ясно, что помощь в скромных размерах, вроде экспедиции храброго Амедея, была бы бессильна против султана Баязида. Последний безбоязненно перешел в наступление против христианских соседей на севере. Пройдя Болгарию, подчинив Валахию, он вторгся в Венгрию, но был отражен королем Сигизмундом. Одновременно султанский флот напал на Евбею, и старый Евренос-бей опустошил Фессалию и Морею. В Малой Азии Баязид взял в плен эмира караманских сельджуков и значительно округлил свои владения, флот его напал на Синоп, подбираясь к Трапезунтскому царству. И в это грозное время среди латинян не было согласия. Неаполитанский король даже призывал Баязида против Венеции, захватившей Корфу, и льстил придворным султана. В Греции латиняне были заняты внутренними раздорами. В 1387 г. Нерио Ачайоли взял афинский Акрополь, и каталанское государство в Греции исчезло без следа после 70-летнего существования. Часть Ахейского княжества была захвачена дружиной наваррских

авантюристов, которой очистили поле рыцари-иоанниты, купившие часть Ахеи у королевы Иоанны; Венеция, умело пользуясь борьбою претендентов, поддерживала наваррцев. По современному документу, на коренных землях княжества насчитывалось 2300 дворов (дымов), а на землях баронов — всего 1300. Нерио Ачайоли, овладев Афинами, держался миролюбиво, очищал ближайшие воды от пиратов. Происходя из флорентийского богатого дома, Нерио привез в одичавшую Аттику большие денежные средства и культурные вкусы, процветавшие на родине Данте. Ценя эллинизм как гуманист, он восстановил афинскую греческую митрополию, со времен Михаила Акомината существовавшую лишь по имени. Присланному из Константинополя митрополиту Дорофею удалось восстановить Греческую Церковь в короткий срок. Греческие нотарии в Афинах вели делопроизводство на греческом языке. Он никогда не исчезал в цитадели эллинизма, в византийской Морее, с такими ее центрами, как Мистра и Монемвасия, где церкви XIV в. своею архитектурной и фресковою живописью свидетельствуют о движении вперед византийского искусства, где были свои школы и книжные люди. Морея, отдаленный оплот эллинизма, служила при Иоанне Палеологе убежищем рода Кантакузинов. Ею управлял Мануил Кантакузин, сын бывшего императора, ставшего иноком Иоасафом, до своей смерти (1380). Его сменил старший брат Матвей, бывший претендент на престол, умерший почти одновременно с отцом (1383); с год держался сын Матвея Димитрий против присланного деспота Феодора Палеолога, сына Иоанна V; сопротивление Димитрия прекращено было лишь его смертью. Феодор Палеолог начал свое управление, уступив прославленную Монемвасию венецианцу Гримани за его услуги царствующему дому, однако жители города не впустили Гримани. Женившись на дочери Нерио, деспот Феодор столкнулся с венецианцами из-за Аргоса. Среди раздоров христиан разразилось громом вторжение полчищ Евренос-бея, дошедшего до западного края Морей (1387—1388). Папа и западные дворы обвиняли Нерио в союзе с турками, но у него не было сил помешать туркам пройти через его владения. По обвинению в сношениях с турками латиняне изгнали и греческого митрополита Афин. Однако предателя нашли они и в своей среде в лице вождя наваррцев Сан-Суперана, который даже лично ездил к Баязиду. Впрочем, турок призывали и греки, именно, один из архонтов Монемвасии, принадлежавший к славному роду Мамона, отбивался от деспота Феодора с помощью турок. Евренос-бей, устроивший себе удел в Новых Патрах Фессалийских, по проискам Суперана взял самую Мистру (1395), но по его уходе греки с албанцами восстали и схватили изменника Суперана. Среди раздоров латинских претендентов и деспота Феодора о наследстве Нерио, умершего уже на положении султанского данника, османы вновь явились решать спор. Тимурташ захватил Афины не без содействия греческого митрополита; но в Акрополе засел венецианский гарнизон (1395). Турецкая опасность выдвинула проект заграждения Коринфского перешейка сплошною стеною; в этом деле участвовали деспот Феодор, Венеция и даже освобожденный Сан-Суперан; знаменитый гуманист грек Хрисолор ездил по этому делу в Венецию. Султан Баязид прекрасно знал слабость и малодушие греков и настолько с ними не считался, что одновременно потребовал к себе на суд и императора Мануила, и деспота Феодора. Обоих обвиняли греки же: первого — племянник Иоанн, сын претендента Андроника, второго — монемвасийский архонт Мамона. Оба Палеолога поспешно явились в султанскую ставку, и им не сносить бы головы без содействия визиря Али-паши. Обоим удалось бежать от султанских палачей. В греческий город Салону призвали турок сами же греки: и епископ, и владетельница города Елена Кантакузина, вручившая султану родную дочь для его гарема. Одна лишь вселенская патриархия оставалась в застывших формах своего величия. Патриарх Антоний смещал и ставил архиереев в Греции; в Коринфе появляется митрополит со званием эксарха Пелопонниса. В патриаршем синоде разбиралась жалоба Киевского митрополита Киприана на новгородскую паству, уклонявшуюся в латинство.

Василию Московскому патриарх выражал неудовольствие за запрещение поминать Вселенского патриарха.

«Зачем пренебрегаешь патриархом, заместителем Христа?.. Если Божиим попущением (неверные) народы окружили империю, то и доселе император рукополагается Церковью, имеет прежнее положение, за него возносятся те же молитвы, он помазан великим миром и рукоположен в цари и самодержцы ромэев, т. е. всех христиан».

Сам православный император ожидал себе помощи только с латинского Запада. Помощь затруднялась кризисом римской курии, на которой обычно лежал почин объявления крестовых походов. Теперь же было двое пап: в Риме и во французском Авиньоне. Поэтому на призыв Римского папы Бонифация французский король Карл ответил разрешением французам вступать в крестоносное ополчение, собиравшееся в Венгрии, а не в Италии.

Во главе французских крестоносцев стал знатный граф Невер, сын Бургундского герцога. С ним ушло в Венгрию 1000 рыцарей и 7000 простых воинов. Кроме них под знамена Сигизмунда Венгерского явились добровольцы из Германии и волошский воевода Мильчо. Образовалась громадная армия до 60 000 человек, считавшая себя непобедимой (1395). Запад собрался дать османам достойный отпор. Сам Баязид был встревожен и остался в европейских владениях, несмотря на грозные вести о приближении татар Тимура. Переправившись через Дунай, Сигизмунд осадил Никополь, где и разыгралась знаменитая битва (1396). Французская тяжелая конница, сметая все на пути, донеслась до ставки Баязида, но, опьяненная успехом, потеряла порядок и не вынесла удара султанских янычар. Дрогнули валахи и венгры, немцев же избили сербские отряды, служившие султану. С немногими людьми Сигизмунд бежал на лодках вниз по Дунаю и морским путем через проливы спасся в Европу. Невер и 10 000 христианских воинов попали в плен и были перерезаны по приказу Баязида, за исключением самого Невера с 24 знатнейшими рыцарями, выкупленными впоследствии за большие суммы.

Катастрофа под Никополем потрясла Европу. Турецкие отряды доходили до Штирии, опустошили Валахию. Настала очередь и Греции. Якуб-паша и Евренос-бей вторглись в Морею, несмотря на укрепления Коринфского перешейка. Напрасно деспот Феодор взывал к Венеции о помощи. Республика св. Марка предпочла соглашение с победителем. Разбитый турками деспот Феодор, равно как и Сан-Суперан, признали себя данниками султана. Деспот даже продал родосскому ордену свои владения, включая Мистру (жители которой, впрочем, прогнали палками новых хозяев), и отплыл на Родос. Положение Константинополя стало невыносимым. В осажденной столице мера хлеба дошла до 20 золотых, и трупы валялись без погребения. Баязид не торопился со взятием Константинополя, считая его за верную добычу. По словам современной песни о Баязиде и Тимуре, султан похвалялся срыть стены Константинополя, св. Софию обратить в мечеть, а молодежь ниже 30 лет подвергнуть обрезанию[70]. Мануил отправил Нотару в Венецию и Францию, умоляя о помощи. Посол встретил почетный прием, но помощь лишь обещали. Племянник Мануила Иоанн жил при дворе султана, и его притязания на престол, поддерживаемые Баязидом, делали положение Мануила особенно трудным в изголодавшейся столице, жаждавшей конца осады. Кратковременная помощь явилась из Франции — в виде экспедиции маршала Бусико с провиантом, 2000 рыцарей и стрелков, всего на 17 кораблях (1399), но помощь эта не имела значения даже экспедиции Амедея Савойского. Не видя иного исхода, Мануил предложил Иоанну занять царский престол, а сам уехал в Европу на кораблях Бусико, чтобы просить о спасении исторического оплота христианства (1399). Оставив семью в венецианской Мефоне, Мануил со свитою отправился в Венецию, Милан, Флоренцию и во Францию. Повсюду он был принят с большими почестями. В Париже его встретил Карл VI с канцлером, парламентом, духовенством и многими тысячами горожан. В Лувре, отведенном Мануилу для жительства, служились обедни греческим и латинским духовенством вместе.

Императору была назначена ежегодная субсидия сначала в 14 000, потом в 30 000 серебряных монет. Путешествие Мануила затянулось. Казалось, ему лучше было в Европе, чем в своей голодной столице. Он побывал в Англии, где его ожидала почетная встреча, но более скудная помощь. Всегда нуждаясь, Мануил предлагал западным государям святые мощи, его агент Хрисолор продавал в Италии папские индульгенции, собирая деньги для крестового похода. Церковная уния была бы вновь заключена тогда же, если бы не препятствовало существование одновременно двух пап. Лишь в 1402 г. Мануил II собрался на родину через Германию, но не торопился в путь. Он много видел торжеств в его честь, много выслушал обещаний, но собрал мало денег и людей. Участь его империи казалась предрешенной. Однако на этот раз судьба готовила избавление, вернее — отсрочку. В Париж пришла весть о разгроме непобедимого султана Баязида. Объединивший татар Средней Азии, опустошивший Индию и Персию, новый бич человечества Тимур, или Тамерлан (Железный Хромец), появился на рубеже государства османов, взял Сивас (1400) приступом, причем отрубил голову одному из сыновей Баязида, прошел с огнем и мечом Малую Армению и Сирию, не щадя ни христиан, ни мусульман, ни старого, ни малого. Картину неслыханных зверств Тимура описывают упомянутые греческие стихи о Баязиде и Тимуре. Баязид, предававшийся развратным излишествам в промежутках между походами, очистил окрестности Константинополя и с громадными силами османов, с тяжелой сербской конницей и вассалами, всего до 120 000 войска, встретил Тимура под Ангорою. Татар было в несколько раз более. В страшной сече османы были разбиты наголову. Баязид с сыном Мусою попал в плен. Сербы, оказав чудеса храбрости, спасли другого султанского сына Сулеймана (1402). Баязид умер в неволе через несколько месяцев. Обрадованный Мануил поспешил в свою столицу, освобожденную наконец от турецкой осады. По пути он восстановил Феодора Палеолога в Мистре, выкупив собранными на Западе суммами города Морей у родосских рыцарей. Тимур не пошел на Константинополь и удовлетворился данью и номинальным подчинением императора, как было при Баязиде. Это объясняется переговорами Мануила с Тимуром до Ангорской битвы. В венецианской хронике Марино Санудо сохранено письмо Тамерлана к заместителю Мануила — акт, из которого видно, что Палеолог вместе с Мануилом Трапезунтским обязались выставить Тимуру по 20 кораблей для нападения на османское побережье. Видно далее, что Мануил предлагал Тимуру: «Дань, которую Стамбул и Пера платили Баязиду, буду отныне платить великому хану Темиру» — и последний требовал от Баязида возвратить Мануилу все захваченные у него области. Но Мануил не исполнил договора и открыто помогал разбитым османам, и у Тимура не было флота, чтобы отомстить Мануилу. Разорив Смирну, обезглавив хозяйничавших в этом городе родосских рыцарей, Тимур принял дань и покорность от генуэзской «Магоны» на Хиосе и в Фокее, восстановил самостоятельность сельджукских эмиров М. Азии и вернулся в Самарканд, где вскоре умер (1405). В том же году Мануил вступил в свою столицу беспрепятственно и отдал Иоанну Палеологу в управление остров Лимнос.

Венецианцы, обеспечив себя от Сулеймана, наследовавшего отцу в Адрианополе, провели свою программу в Константинополе. По договору (1406) Мануил обязался выплатить свои долги (свыше 17 000 золотых) и принял на себя долги отца, подтвердил за венецианцами право беспошлинной торговли, но с ограничениями в области ввоза хлеба и вина. Венецианцы отказались от приобретения новых недвижимостей в столице, освобождаемой от налогов, во внимание к бедности царской казны. В Греции венецианцы возвратили себе Афины и Восточную Аттику и подчинили себе правившего в Фивах Антонио Ачайоли, сына Нерио. Он правил 30 лет, к большому благу своей страны, продолжая культурную работу своего отца; как истый гуманист, он даже свой договор с родной Флоренцией редактировал на греческом языке. Венецианцы подчинили себе и Албанию, заняв Дураццо, купили у неаполитанского короля

Корфу, заняли Навпакт — одним словом, обратили в свою пользу ослабление османов и истощение Византии. Деспот Феодор в Мистре также осмелел, подчинил мятежную Монемвасию, напал на Цаккариа в Ахее, его недисциплинированная милиция напала и на округ венецианской Мефоны. Венеция потребовала удовлетворения, но Феодор умер (1407), и отвечать пришлось его отцу, императору Мануилу. Полагаясь на свои связи с Западом, послав в ризницу Сен-Дени знаменитую рукопись Дионисия Ареопагита, Мануил пытался договориться с Венецией и предложил ей продать ему Навплию и принять участие в укреплении перешейка. Но посол Мануила, известный эллинист Хрисолор, встретил в Венеции полный отказ. Отношения между Венецией и Мануилом ухудшились из-за второстепенных вопросов; забыта была турецкая опасность.

Сулейман, поддерживавший с Мануилом добрые отношения и взявший в свой гарем греческую принцессу, проводил время в развратных удовольствиях, подобно своему отцу, но не обладал энергией Баязида. В Бруссе утвердился брат его Магомет, но опасность угрожала Сулейману со стороны другого брата, свирепого Мусы, укрывшегося в Валахии. Первое нападение Мусы, когда Сулейман пошел на брата Магомета, было неудачно; в битве под Константинополем Мусе изменили его союзники сербы, и он едва спасся в Валахию. Сулейман стал еще беспечнее, но Мусе сочувствовали турки старого закала, недовольные изнеженным Сулейманом. При внезапном нападении Мусы на Адрианополь Сулейман, спасавшийся бегством, был убит (1410). С воцарением Мусы положение круто изменилось и для латинян, и для греков. Фанатичный Муса развернул силы османов и разгромил Сербию, Фессалию, Виотию, осадил Салоники, напал на Константинополь. Случилась вспышка доблести и у греков: флот Мусы был разбит у Принцевых островов другарием Мануилом, побочным сыном Иоанна V; но император Мануил отблагодарил тюрьмою храброго брата, показавшегося ему опасным. Против Мусы выступил из Бруссы Магомет и расположился на азиатском берегу Босфора. Мануил вошел с ним в соглашение, и Магомет три дня прогостил у него в Константинополе. Дважды нападал Магомет на Мусу и оба раза должен был спасаться к Мануилу; наконец, он отступил в Азию. Собрав новые силы, Магомет переправился в Македонию по совету старого Евренос-бея, чтобы соединиться с сербами. Воинские качества сербской конницы приобрели у турок славу. В битве при Чамурли свирепый Муса был убит собственными янычарами, и держава Баязида вернула себе прежнее единство (1413). Непосредственной опасности для Византии не было, так как Магомет и Мануил были друзьями. Султан сказал послу Мануила, что считает императора своим отцом. Магомет подтвердил за императором права на Салоники и Юго-Восточную Фракию; всем владетелям в Греции султан обещал мир, кроме Венеции, как не подавшей ему помощи против Мусы; венецианец Зено, князь Наксоса, не явился поздравить султана, как уже вошло в обычай между государями на Леванте. Венеция напрасно старалась умилостивить Магомета. Султанский флот разграбил венецианскую Евбею, и лишь победа адмирала Лоредана доставила Венеции мир (1416). За себя Мануил был спокоен и предпринял объезд своей империи (1414). Ехал он медленно, устраивая местные дела, приводя к повиновению непослушных архонтов. Посетив Фасос, Салоники, венецианскую Евбею, Мануил прибыл в Морею. Главным его делом было укрепление Коринфского перешейка. В Морее, за крепкими стенами перешейка, Мануил и его современники рассчитывали создать себе последнее убежище на случай падения Константинополя. В два месяца была закончена стена в узком месте перешейка, непосредственно за волоком, по которому в древности перетаскивались суда, и на месте Юстиниановой стены. Сплошная стена имела 22 470 шагов длины, на обоих концах крепости через каждые 150 шагов были четырехугольные башни. Средства на постройку дал особый налог. Венецианцы отказали в помощи. Около двух лет Мануил пробыл в Морсе; нескольких архонтов, непокорных деспоту Феодору (младшему сыну Мануила, сменившему

умершего старшего того же имени), он отослал в Константинополь; старого врага Палеологов, Кентуриона Цаккариа, он заставил признать императора сюзереном, но вообще к латинянам отнесся миролюбиво и раздавал им византийские титулы. Двор Мануила в Мистре стал средоточием литературного и патриотического движения, и сам Мануил держал длинную речь в честь своего брата, деспота Феодора Старшего. Во главе местных литераторов стоял Георгий Гемист Плифон, преподававший в Мистре новоплатоновскую философию до смерти столетним стариком, учитель Виссариона Никейского, в юности много путешествовавший и живший в Адрианополе в доме ученого еврея, так что и в новой столице султанов далеко не заглохли умственные интересы. Плифон имел большое значение в истории философских учений эпохи Возрождения[71]. Литературный противник Схолария, он по смерти был предан анафеме. В пылу полемики с Георгием Трапезунтским Плифон, заседая на Флорентийском Соборе, заявил, что вскоре и христианство, и ислам уступят место новой религии, близкой к античной философии, и во многих своих философских сочинениях Плифон сошел с почвы христианства со смелостью гуманиста. Через одного из своих учеников (Гермонима) Плифон был учителем Рейхлина и Меланхтона. По случаю успехов Мануила и его сыновей в борьбе с Кентурионом Цаккариа Ахейским и с наваррскими баронами Плифон представил императору записку об устроении Пелопонниса и другую, по тому же предмету, деспоту Феодору Младшему[72]. В этих записках Плифон является просвещенным, любящим свой Пелопоннис патриотом, но предлагает для уврачевания всех бед такие радикальные, отчасти даже и утопические меры, которых не могло бы осуществить даже более сильное византийское правительство, чем двор Мануила, существовавший только благодаря разгрому османов татарами. Идеи Плифона и программа салоникских зилотов освещают политическое и реформаторское движение в умах греческой интеллигенции накануне турецкого завоевания. Тогда как зилоты осуществляли попытку якобинского переворота в грозные годы обороны Салоник, Плифон спокойно обсуждает проект реформ сверху, по своему радикализму мертворожденный, несмотря на форму практических советов на основании реальных недостатков существующего строя. Общество и государство, в частности в прославленном в истории и столь дорогом для Палеологов Пелопоннисе, основаны: 1) на работе, 2) на капитале и 3) на обороне и управлении. Не подобает рабочему классу нести воинскую повинность, а воинам, так как чужеземные наемники недопустимы, — заниматься чем-либо, кроме обороны. Общество должно сообразно этому делиться, в духе Платоновой философии, на три обособленных класса: 1) на землепашцев, пастухов и прочих рабочих, для них Плифон предлагает имя илотов; 2) на капиталистов, доставляющих рабочий скот, инвентарь, капиталы для торговли и промышленности, и 3) на воинов, правителей, духовенство, совершающее для народа требы; этот класс возглавляется монархом, так как Плифон считает монархию, при участии совета немногих мудрецов, лучшей формой правления. Рабочим классом являются одни илоты, и они должны кормить все общество, отдавая 2*3 продуктов (или 1*3, если они сами располагают инвентарем), но не неся никаких натуральных или денежных повинностей, которые вообще вредны; кормя страну, илоты имеют право распахать любой не занятый другими илотами участок, так как вся территория является собственностью государства и, следовательно, частная и церковная собственность подлежит отмене; тогда наша страна вся будет обработана и достигнет процветания. Каждый из трех классов получает треть всего дохода страны. Каждый пеший воин получает одного илота, т. е. треть его продуктов, на свое содержание, конный получает 2—3 илотов, князь, сановники и духовенство — по указанию монарха. Что же касается монахов, то они не приносят пользы обществу и не имеют права на общественные доходы. Один этот пункт заслуживал в глазах Византийской Церкви анафемы для автора. Плифон является сторонником протекционизма, ограничения ввоза, особенно иностранных мануфактур, полноценной монеты, замены увечащих наказаний посылкой на

принудительные работы. Только коренные реформы всего внутреннего строя могут еще спасти Пелопоннис и Византию от турок, доказывает Плифон, ссылаясь на древних законодателей вроде Ликурга; но он как средневековый книжник не понимал, что только то законодательство прививается, которое выросло из существующих условий жизни. Не только для отмены крупного и церковного землевладения, но и для ограничения его уже было пропущено время; да и при царях Македонского дома бюрократия, опиравшаяся на самодержавную власть, оказалась бессильной против социальных и экономических факторов, определявших жизнь общества. Утопические идеи большого и смелого ума, напряженного до болезненности, не мешали престарелому Плифону (умер в 1452 г. столетним старцем) пользоваться громадным авторитетом среди образованного общества и принимать деятельное участие в управлении Мореей при сыновьях Мануила.

Достигнутое в Морее замирение не было прочно. Венеция поддерживала Кентуриона. Она захватила Зонгл, Старые Патры, удел латинского архиепископа, и даже Монемвасию (1419), откуда Мануилом был удален последний Мамона. При возобновлении договора Византии с Венецией о Морее не было упомянуто. Но с османами отношения оставались прочными, пока были живы Магомет и Мануил. Они не испортились и тогда, когда претендент Мустафа и его сообщник Чунеид были укрыты салоникским губернатором Ласкарем Леонтарием, одним из главных византийских деятелей царствования Мануила; по соглашению между монархами Мустафа с Чунеидом были отвезены в Мистру, и султан щедро обеспечил их содержание. Отношения между султаном и императором были полны личного доверия. Мануил отвергнул с негодованием совет схватить султана при переправе через Босфор, наоборот, он сам встретил и проводил султана. Когда Магомет почувствовал приближение смерти, он решил доверить императору своих младших сыновей, чтобы охранить их от наследника Мурада. Смерть Магомета (1421) положила конец турецко-греческой идиллии, напомнившей времена Кантакузина и Орхана. Интересы обоих народов были противоречивы; вековое стремление турок к берегам Босфора должно было разрешиться сообразно соотношению сил. Византийскому послу не разрешали даже донести о смерти Магомета в течение 40 дней, пока не пришло из Бруссы известие, что 15-летний Мурад был опоясан мечом пророка. В Константинополе также исчезла прежняя лояльность. Наследник Иоанн вопреки престарелому Мануилу пожелал использовать претендента Мустафу и, пугая им юного султана, потребовать, чтобы Мурад, согласно воле его отца, прислал в Константинополь своих младших братьев; но греческие послы получили ответ, что закон пророка воспрещает отдавать гяурам детей правоверных монархов. Византийское правительство потеряло осторожность и за обещания территориальных уступок помогло Мустафе овладеть Адрианополем; Мустафа немедленно нарушил договор с греками, прогнал Леонтария из Галлиполи и пошел на Бруссу. Однако большинство османов осталось верным Мураду; на его сторону стали дальновидные венецианцы, а генуэзцы Фокеи даже прислали корабли и отряд на помощь законному султану. Только греки не понимали положения и по-прежнему настаивали перед Мурадом на выдаче его братьев. Войско Мустафы, приближаясь к Бруссе, заколебалось, претендент бежал в Адрианополь, но был настигнут и убит всадниками Мурада. Византии пришлось платить за безрассудные действия партии Иоанна. Под стенами Константинополя явился Михал-бей с 10 000 османов, за ним следовал сам молодой султан с громадным войском и — впервые — с пушками (1422). В Константинополе правящие круги и простой народ увидели себя на краю гибели; печальна была судьба веривших в дружбу с турками: малоазиатский грек Ф. Коракс, не раз ездивший послом к султану, был растерзан критянами, стоявшими на страже; его коллега, наоборот, был замучен турками. Фанатизм османов был возбужден до крайности; из Конии явился имам, опоясывающий султана мечом пророка, вместе с 500 дервишами и назначил день

приступа; султан заранее отдал воинам Константинополь на разграбление; от моря до моря турки огородили столицу частоколом и подкатили осадные башни. Утром 24 августа турки пошли на приступ, призывая Аллаха и Магомета, загремели пушки, и в воздухе потемнело от стрел. Греки, даже женщины, вооружились поголовно всем, что было под рукою, и отчаянно отбивались, имея во главе Иоанна, стоявшего в центре у Романовых ворот. Пробившись целый день без успеха, турки ночью сожгли свои башни и сняли осаду. Спасло греков полученное султаном известие о возмущении его младшего брата Мустафы. Константинополь уцелел, но не устояла империя, те ее обломки, которые Сулейман и Магомет сохранили за императором Мануилом. Турхан-бей Боденский осадил Салоники (1423). Не Византия, но лишь венецианцы могли защитить этот город. Переговоры с Венецией окончились тем, что второй город империи был продан за 50 000 дукатов республике св. Марка; правивший городом сын Мануила, деспот Андроник, уехал с этими деньгами в Морею, где и скончал свои дни больным монахом. Турхан тем временем вторгся в Морею, легко преодолев укрепления на перешейке, и увел тысячи пленных. Вновь ужас охватил соседей султана. В его ставке, в Ефесе, встретились византийские послы Нотара и старик Франзи с послами Венеции, Стефана Сербского, волошского воеводы, генуэзской Магоны на Хиосе и Митилене, родосских рыцарей. Одних венецианцев султан не принял, с Византией заключил мир, но на тяжких условиях. У Мануила и Иоанна остались кроме столицы ближайшие города в сторону Черного моря: Деркос, Месемврия, Анхиал; а по Мраморному морю византийские владения оканчивались за городским рвом; в Фессалии за Византией осталась крепость Зейтун, которую турки не могли взять. 300 тысяч аспровежегодной дани подчеркнули политическую зависимость империи от султана. При заключении этого мира Иоанн Палеолог отсутствовал: он ездил в Венецию, Милан, Рим и Венгрию, но выслушал одни разговоры об унии и заложил последние драгоценности. Старый Мануил лежал больной и по возвращении Иоанна умер (1425). 34 года привел он на престоле. При воцарении он застал Константинополь изнемогавшим от турецкой осады, при смерти оставил его на краю гибели. Он видел в промежутке лучшие времена и лично был их достоин. Благожелательный и прямодушный, Мануил II пользовался уважением: образованный монарх и сам писатель, ценил просвещение, притом основанное на классических авторах; он любил культурную западную жизнь, любил почет и брал от жизни что мог, перенося удары судьбы с достоинством, а постоянное безденежье — с шутками. Как государь он видел свое бессилие и говорил верному Франзи, что монарху его времени подобает не смелость, но «экономия», осторожность, сообразующаяся со средствами; и он умело вел кормило правления среди бурь долгое время и не без успеха, а когда выпустил его из рук в деле Мустафы, последовала катастрофа. Проведя столько времени в путешествиях, он узнал Запад и не делал себе иллюзий насчет западной помощи; он понимал, что Запад на Востоке разрушал, а не строил. Несмотря на тяжкие времена, он не насиловал совести своих подданных в угоду латинству, то же советовал и сыновьям. Его отношения к султану Магомету говорят о тонком понимании лучших сторон характера османов.

При его сыновьях погибла Византийская империя. Он оставил их шесть: старшего, Иоанна VIII, женатого сначала на Анне Русской, вторично — на Софии из монферратской линии Палеологов, в третий раз — на Марии, царевне трапезунтской; Андроника, продавшего Салоники, Феодора Младшего и Фому, деспотов в Морее, Константина, по матери серба из княжеского рода Драгазов, получившего два черноморских города, и Димитрия, без удела.

Иоанн VIII Палеолог (1425—1448) вступил на престол как данник султана Мурада II, без надежд на западную помощь. Одна Венеция боролась с турками, поддерживая Чунеида, захватившего в Малой Азии Айдин; но после безуспешного нападения на Галлиполи и венецианцы заключили с султаном мир (1426), удержав за собою Салоники за дань в 100 000

аспров, треть дани с Константинополя. Иоанну Палеологу осталось устраивать дела в Морее, единственной части византийских владений, которая могла прокормить свое население и которую надеялись защитить от турок. При сыновьях Мануила в Морее сосредоточивается политическая жизнь; в Морее проживает большая часть царских братьев. Деспот Феодор пожелал уйти в монастырь по примеру брата своего Андроника, и Иоанн VIII с Константином прибыли в Морею, чтобы разрешить вопрос о наследии Феодора. Из всех братьев Константин выделялся воинской доблестью, энергией и преданностью эллинизму; на нем покоились надежды патриотов. Иоанн женил его на дочери Леонарда Токко, местного албано-латинского сеньора, получившего звание великого контоставла от императора Мануила. Сблизив этим Константинополь с владельческой знатью Мореи, Иоанн образовал для него небольшой удел с замком Гларенцей. По отъезде Иоанна деспот Фома передал Константину 19 городов и сел. Располагая теперь средствами, энергичный Константин решил или изгнать латинян из Патр и Средней Греции, или вернуться в Константинополь. При штурме Патр он едва не погиб; верный советник Франзи, оставленный ему отцом, заслонил Константина собою. По сдаче города Патр и его акрополя Франзи был послан к султану Мураду, который уже требовал от Константина объяснений; смирением и подкупом пашей Франзи предупредил опасность. Греческие цари и деспоты вступили на ту стезю угнетения, с которой только что сошли московские князья по отношению к Орде. Кроме султана приходилось считаться и с братом Фомою. Оба брата разделили между собою всю Морею, кроме Мистры и венецианских владений. Фоме досталась западная часть полуострова, ядро княжества Вилльгардуэнов и земли Кентуриона Цаккариа, отдавшего за Фому свою дочь.

Благодаря неустрашимости и энергии Константина на нем сосредоточились упования греков, но он не понимал, что только долгая дипломатическая и организационная работа может обещать успех в борьбе с турками. Выступая со сравнительно ничтожными силами, он преждевременно вызывал конфликт, в исходе которого не могло быть сомнения. В планы султана Мурада, бесспорно, входило покорение всех соседних христианских земель. Начал он не с бессильных греков в Константинополе и Морее, но с Венеции, которая оставалась сильнейшей морской державой на Леванте и владела Салониками, ключом к Македонии. Готовясь напасть на Салоники, Мурад даже сообщил Иоанну Палеологу, что он не тронул бы этого города, будь он в руках императора, но не может допустить венецианцев между ним и греками. В этом заявлении высказана мысль о политической зависимости Византии от турок. Превосходно осведомленные венецианцы воспользовались перемирием 1426 г., чтобы укрепиться в Салониках и снискать симпатии греческого населения. Трое знатнейших архонтов Салоник получили в Венеции гарантии, что обычаи и вольности города будут соблюдены; за выборными населения была оставлена судебная власть наряду с юрисдикцией венецианских дуки и капитана; ряд архонтов получил от Венеции пенсию, а простой народ — пропитание в голодный год. Приготовления султана к походу против Салоник были настолько грозны, что даже генуэзская Пера начала спешно укрепляться, предвидя, что очередь дойдет и до нее. Напрасны были миссии венецианских посланцев к пашам и к самому султану; некоторые из них, как знатный Дандоло, были посажены турками в тюрьму. Для защиты Салоник прибыл венецианский флот. Большинство жителей бежало, и в городе осталось несколько тысяч. И те защищались вяло, многие перешли на сторону турок во время штурма, и храбрый венецианский гарнизон погиб, лишь немногие спаслись, бросаясь со стен в море. На этот раз турки устраивались прочно. Мурад быстро превратил Салоники в турецкий город. Большинство уцелевшего греческого населения было уведено в неволю, и город был заселен турецкими семьями. Знаменитые храмы были обращены в мечети, между ними главная святыня, храм св. Димитрия, стала Касимие-джами. Венеция поспешила заключить мир, сохранив в Салониках

право торговли и консульство, обязавшись данью за Евбею и другие венецианские владения в Греции (1430). За Салониками последовала гордая своими вольностями Янина, находившаяся в последнее время во власти католического албанского «деспота ромэев», т. е. Эпира, Карла Токко. Последний оставил своему сыну Карлу II большое наследство: Арту, Янину, острова Кефаллонию и Закинф. И в Эпире были претенденты, заискивавшие перед турецким двором, именно незаконный сын Карла I, Мемнон. Синан-бей подошел к Янине, и Карл II положил оружие, сохранив за собою Арту и став данником султана. В Янине турки поступили иначе, чем в Салониках. Созвав архонтов греков, албанцев и сербов, Синан-бей подтвердил за Яниной ее вольности, лишь харадж (подушная подать) свидетельствовал о власти султана. Мягкость турок объясняется как положением Янины среди отдаленных и малодоступных албанских гор, так и бесспорной изменой большинства православного населения ненавистным латинянам (1430).

Наступила очередь Мореи и Средней Греции. Смерть Антонио Ачайоли Афинского (1435) открыла вопрос о его наследстве. С одной стороны, был деспот Константин Палеолог, предложивший вдове Антонио богатые земли в Морее в обмен на Аттику и Виотию; с другой стороны, родственник по побочной линии Нерио Ачайоли захватил Акрополь и изгнал архонтов Халкокондилов (из этого рода происходил известный историк османов), поддерживавших вдову Антонио. Спору положил конец султан, приславший Турхан-бея для занятия Фив и Афин; Нерио, заявив себя покорным данником, получил Афины в управление. В Морее и в этот момент разгорелась распря между братьями Палеологами. Деспот Феодор, желавший было променять Мистру на монашеский клобук, завидовал популярности деспота Константина; последний же не отличался терпением. Хуже всего, оба брата, готовясь поднять друг на друга оружие, заискивали перед султаном. Только императору Иоанну удалось предупредить пролитие братьями крови. По соглашению (1437) Константин удалился из Мореи, оставив там братьев Феодора и Фому, и переселился в Константинополь в качестве ближайшего помощника императора Иоанна. Невзирая на крупнейшие события балканской политики, сыновья Мануила блюли свои мелкие личные интересы. Против таких противников Мурад не спешил. У него были более опасные враги. Еще до взятия Салоник он выступил против венгров и Бранковича Сербского и наложил на последнего дань в 50 000 дукатов. Узнав же о сношениях венгров и сербов с эмиром караманским, раздраженный Мурад опустошил венгерскую Трансильванию, отнял у Бранковича г. Семендрию и осадил Белград, впрочем, без успеха. Турецкая опасность вновь нависла над Европою, как при султане Баязиде. По призыву папы Евгения вновь стало собираться крестоносное ополчение под знаменами юного Владислава Венгерского. Душою похода был прославленный венгерский воевода Янош Гуниади. Собрались полки венгров, поляков, немецких рыцарей; прибыл кардинал Юлиан Цезарини, известный своим умом и смелостью. Под Нишем османы были разбиты (1443). Крестоносцы по пути взяли Софию, подошли к Большому Балкану зимою, но у Траяновых Ворот их встретили турки, загородившие ущелье, и после упорной битвы Владислав вернулся в Венгрию, не достигнув цели, но празднуя триумф. Будучи поглощен войною в Азии с караманским эмиром, Мурад заключил с Владиславом мир, подписанный в венгерском городе Сегедине (1444), признав за Венгрией Валахию, а за Бранковичем — Боснию. Мир этот был непрочен и удивил Европу. Он выдавал восточных христиан на произвол османов. Он шел вразрез с интересами Римской Церкви, взявшей греков под свою защиту. С первых лет своего правления Иоанн Палеолог носился с мыслью, что лишь проведение унии в жизнь, лишь помощь католической Европы могут спасти его империю. Переговоры с курией шли без перерыва. Иоанн был готов идти на полное и действительное подчинение Римской Церкви вопреки советам его отца Мануила. Время Иоанна и Мануила было эпохою большого движения в недрах католичества, знаменитых церковных Соборов, следовавших один за другим. Бывший в молодости на Западе, Иоанн был знаком с

настроением политических и церковных кругов. При его дворе было сильно итальянское влияние после брака с Софией Монферратской. У Иоанна явилось бесповоротное решение отправиться в Европу и лично заключить унию. Патриарху Иосифу он заявил, что все обдумал и всю ответственность берет на себя. Предварительные сношения с курией были доведены до конца. Иоанн не мог уехать, не известив султана как данник. Мурад не был доволен, понимая политическую цель церковной унии, и ответил, что не с Запада, а от него, султана, Иоанну следует ждать помощи, от латинян же держаться подальше. Он собирался даже осадить Константинополь, но Халил-паша, друг греков за мзду, посоветовал выждать результатов путешествия Иоанна.

В 1437 г. Иоанн уехал, оставив регентом Константина. Он отправился не на Базельский Собор, с которым переговоры велись долгое время, но в Феррару к папе Евгению IV. С императором поехали патриарх Иосиф, представители восточных патриархов, три монаха с Афона (из Лавры и Ватопеда), до 20 архиереев, среди них Марк Евгеник Ефесский, Виссарион Никейский и Исидор Русский, клирики св. Софии, среди них Сиропул, историк Флорентийского Собора; наконец, два славнейших антагониста ученых кругов — Георгий Схоларий, будущий патриарх Геннадий, и знакомый нам Плифон, во время Собора основавший знаменитую Платоновскую академию во Флоренции; из России с Исидором прибыло позднее до 200 человек, из коих только один архиерей — Авраамий Суздальский, присутствовали представители из Валахии и из Грузии; был и царский брат Димитрий. Всего с чиновниками, царскими янычарами (были таковые и у Палеолога), слугами, с русской свитой Исидора прибыло до 800 человек, содержавшихся на счет римской курии. Целый год длились прения в Ферраре, в начале 1439 г. чума, унесшая многих из членов Собора и их свиты, заставила переехать во Флоренцию.

Дневник Сиропула и неподлинные акты, известные под заглавием «Святой Вселенский Собор во Флоренции» и напечатанные в XVI в. в греческом подлиннике и латинском переводе, позволяют проследить утомительный ряд заседаний, комиссий, частных переговоров, интриг, ссор и жалоб на безденежье (непокорным грекам казначеи по несколько месяцев не выплачивали папскую благостыню). Из сотен людей, прибывших на Собор, с самого начала выделились на православной стороне бестрепетный и проницательный Марк Ефесский, Антоний Ираклийский, трое старших чиновников патриархии, между ними екклисиарх Сиропул; с униатской стороны — сам Иоанн VIII, вынесший на своих плечах всю тяжесть унии, особенно по смерти патриарха, с большой энергией и упорством руководивший делом, им заранее решенным; он направлял прения и устранял препятствия, обуздывая непокорных указаниями на государственную пользу, спускаясь иногда и до угроз; затем уравновешенный ученый Виссарион Никейский и горячий, часто наглый Исидор, затем протосинкелл Григорий Мелиссин, будущий униатский патриарх. Патриарх Иосиф во имя государственных интересов ("экономии") желал унии, уговаривал непокорных, но все время боролся со своим искренним православием, и эта борьба свела его в могилу, избавившую его от подписи под соборным актом. Благородный Плифон был врагом насилия, но его не слушали; Георгий Схоларий был еще мирянином, царским секретарем, и хотя писал о единении в настроении, однако занимал несамостоятельное, закулисное, место. Масса приехавших на Собор была серая, безответная, часто до денег алчная, и с нею не считались. По взаимному незнанию языков греки и латиняне совещались отдельно, кроме исключительных случаев, и сносились письменно, докладами царю и папе. Прения редко поднимались до спокойного философского обсуждения, сообразного высокому предмету. Обычны были ссылки на немногие тексты нескольких отцов, причем, например, Кавасила (Салоникский епископ, автор трактата об учении латинян, ок. 1340 г.) то признавался униатами, то был объявлен (Исидором) еретиком; часты были заподозривания

рукописей противной стороны и личные нападки. За невысоким уровнем прении, однако, сквозит жизнь и убеждения, борьба за веру отцов и за собственную совесть против насилия политики. Решительным моментом всего Собора было обсуждение догмата об исхождении Св. Духа в июне 1439 г. Много раз прения грозили разрывом и разъездом, но Filioque было центральным пунктом расхождения Церквей. От голосования были устранены православные чиновники патриархии, игумены монастырей, но выслушали голос царских врачей и даже хранителей гардероба. Разыгрались сильные сцены, и уважение к сану было забыто. Старшему из митрополитов, Ираклийскому, протосинкелл-униат не позволил ссылаться на акты Собора против Лионской унии, и митрополит смолк. Большинство уже нашло, что у латинян нет ереси; но Марк Ефесский бросил им в лицо: «Воистину латиняне еретики, и вы их так не называете, ожидая обращения заблудших». — «Кто ты такой, что называешь латинян еретиками?» — кричат два архиерея, и дело едва не дошло до рукоприкладства. «Найди нам выход, экономию». Марк ответил: «Дела веры не допускают экономии. Все равно, если сказать: отруби себе голову и иди куда хочешь». Виссарион заявляет: «С сумасшедшим не разговаривают,» — и уходит. Марк кричит ему вслед: «Ты ублюдок и так себя и ведешь». Исидор требовал у патриарха отлучить упорствующих, дабы они сами не отлучили покорных, но патриарх на смертном одре не согласился на это предложение. Видя уступчивость большинства греков, их нищету и политическую необходимость унии для Иоанна, латиняне заставили их принять латинское учение пункт за пунктом под конец затянувшегося Собора — быстро, в течение месяца, о чем спорили 500 лет; в свою очередь, когда пришла весть, что Базельский Собор отлучил папу Евгения и для последнего стало нужно опереться на успех унии с греками, Иоанн VIII настоял на существенных ограничениях папского примата. К июлю 1439 г. уже был заготовлен «том» соборных актов по-латински и по-гречески за печатями папы и царя. Когда дело дошло до подписи, то Марк Ефесский, один из архиереев не изменивший православию, — были и скрывшиеся неизвестно куда, — просил его уволить, и царь согласился по просьбе брата Димитрия. Исидор требовал отлучения непокорных, но раздались голоса: «Будь доволен тем, что мы подписали, чего не собирались, а в патриархи ты не попадешь».

Флорентийский Собор постановил: греки не исключают исхождения Св. Духа и от Сына (отказываясь от формулы «через Сына"), латиняне же признали, что Бог Отец есть источник и начало Божества, что Божественная сущность едина, равно как и исхождение Св. Духа. Во-вторых, таинство причащения допускается и на опресноках, и на артосе, как принято в каждой Церкви. В-третьих, принято латинское учение о посмертном очищении, молитвами Церкви, душ умерших без отпуска грехов. В-четвертых, признано первенство папы как преемника главы апостолов и как истинного наместника Христа, имеющего полную власть управлять Вселенской Церковью согласно Соборам и канонам; за ним следуют патриархи с сохранением за ними всех прав и привилегий. Это последнее положение удовлетворило греческих архиереев, с самого начала отказавшихся целовать папскую туфлю; редакция этого пункта явилась компромиссом, так как латиняне и греки придавали верховной власти пап различное значение: первые — неограниченной юрисдикции, вторые — первенства чести. Поминание папского имени за литургией было постановлено указом императора, сами же латиняне на нем не настаивали, но они потребовали сохранения латинских епископов на Крите и по всему Востоку. Папа вызвал на свой суд Марка Ефесского, угрожая отлучением, но Марк так ясно заявил, что ничему новому не учит, блюдет лишь старую веру, только что Собором признанную, что его оставили в покое.

В унынии возвращались греческие архиереи, оправдывая себя лишь тем, что, покоряясь царю, они спасали от турок отечество. По мере удаления от Рима их латинство линяло. Уже в Венеции, служа в соборе св. Марка, они не возгласили Filioque, даже царский «братик» Димитрий явно изменил унии и увез с собою Схолария и Плифона. За ними ехал Иоанн VIII, не

отпускавший от себя Марка Ефесского, лицо столь же почтенное, сколько опасное. Император своей цели достиг. Папа обещал прислать 10 кораблей и призвать Албрехта Венгерского, также и албанцев на помощь Константинополю. Папа Евгений собирал деньги для похода, не щадя церковных средств, даже закладывал недвижимости Римской Церкви. С этой стороны цель казалась достигнутой. Но как примет унию народ? Кто ее объявит? Православный патриарх Иосиф умер, избрать ему в преемники латинского кандидата, как предлагали в Риме, не решился и сам Иоанн. Вряд ли он переоценивал значение Флорентийского Собора: унию заключали и Михаил VIII, и Иоанн V. Сам он вложил в это дело всю энергию, действительно большую и достойную лучшего применения, но не мог он создавать иллюзий о размерах своей власти над совестью народа. Неуспех унии, главного дела его жизни, должен был сломить Иоанна, и действительно он утратил энергию и жизнерадостный характер во вторую половину царствования.

При возвращении в Константинополь в начале 1444 г. Иоанн был поражен известием о смерти жены, Марии Трапезунтской, а его спутники архиереи увидели, что их избегают, как латинян. Историк Дука рисует такую сцену. Едва они сошли с кораблей, их стали спрашивать: «Как дела с Собором, победили ли мы?» Они же отвечали: «Продали мы веру нашу, променяли благочестие на нечестие; изменив Святым Дарам, стали азимитами-опресночниками». Так говорили Антоний Ираклийский и все прочие. Спрашивали их: «Зачем вы подписали?» — «Из страха перед франками». — «Разве франки бичевали, заключали в тюрьму?» — «Нет, но подписала наша правая рука — пусть ее отрубят. Исповедал язык наш — пусть его вырвут». Настало тягостное молчание, службы не было, несмотря на Великий пост. Никто не хотел служить с ними, отступниками. Так прошел февраль, март, апрель. Царь решил избрать патриарха, предложил Марку Ефесскому — тот отказался; призвал Антония Ираклийского — тоже отказ. Обратился к Трапезунтскому митрополиту, к представителю афонского Ватопеда — никто не пожелал стать униатским патриархом. Согласился заведомый униат Митрофан Кизикский и был поставлен по старому церемониалу, но привел его в патриархию папский легат. Началось бегство из столицы: уехали Марк Ефесский и Антоний Ираклийский, бежал во владения султана брат Димитрий с тестем П. Асаном; даже Виссарион и Исидор, получив кардинальские шапки за латинство, предпочли уехать в Рим. Судьба Исидора, вынудившего у Авраамия Суздальского подпись на Соборе насильно, действовавшего не из корысти — он был богат и задавал пиры, — но из честолюбия, полна событий, не всегда приятных. Назначенный папою наместником Ливонии, Литвы, России, он встретил в Москве такой прием у великого князя Василия Васильевича, что скрылся в Литву. С этих пор Русская Церковь стала самостоятельной митрополией, и первый уже Московский митрополит Иона был признан и в Киеве по договору с польским королем Казимиром. Униатский патриарх Митрофан даже не мог действовать так смело, как Исидор в Москве. Царь и Митрофан даже не решались обнародовать постановления Флорентийского Собора. Уже в 1442 г. три восточных патриарха, представители которых подписали унию, решили не признавать ставленников Митрофана и заявили Иоанну VIII, что не будут поминать его за литургией, если он не отречется от чужестранных догматов. Иоанн был в нерешительности, так как и политические выгоды унии оказались невелики.

Помощь Владислава Венгерского и кардинала Цезарини не дошла до Константинополя. Сегединский мир уничтожал надежды, связанные с победами Гуниади. Но венецианцы выслали в Архипелаг эскадру Лоредана, и в Константинополь прибыла снаряженная папой Евгением эскадра из 25 судов под начальством папского племянника, венецианца, кардинала Контолмиери. Он был назначен и наместником папы в Константинополе. Прибытие папской эскадры должно было укрепить пошатнувшееся положение униатов. Император с кардиналом далее предприняли активные политические шаги, предложив венгерскому королю нарушить

мир с султаном, занятым войною в М. Азии. Папа разрешил Владислава от присяги, которой он только что скрепил Сегединский договор. Момент казался благоприятным. Мурад чувствовал себя усталым от правления, хотя ему было всего под 40 лет, и хотел удалиться на покой. Флот Венеции господствовал на море. В самой Венеции усилилось воинственное течение с Гуниади во главе; уступленные туркам сербские крепости еще не были сданы. Под влиянием всего этого Владислав нарушил мир и стал собирать войска. Яношу Гуниади была обещана Болгария. Под Никополем сошлись Владислав, у которого было всего 10 000, валашский воевода Влад и Гуниади; Бранкович уклонился. Несмотря на малое число войск и на советы Влада, венгерский король был уверен в победе, прошел через Болгарию и занял Варну. Неожиданно подошел сам султан с 40 000 отборных войск. И в этом случае сыграли роль раздоры между латинянами: генуэзцы, соперники венецианцев, тайно перевезли султанские войска через Босфор. В ноябре 1442 г. произошла знаменитая битва. Турки были смяты дружинами Гуниади, но опрометчивый Владислав был убит, Гуниади с валахами бежали ночью, а лучшие венгерские полки были окружены и почти полностью перебиты, погиб и кардинал Юлиан Цезарини, видный деятель Флорентийского Собора. Остатки венгров спаслись в Албанию, к Искандер-бею Кастриоту. Этот албанский герой, происходивший, впрочем, от сербского выходца, породнившийся с владетельным домом Топиа, в бытность заложником у султана принял ислам, но в 1443 г., после поражения турок под Нишем, получил фирман на владение албанским городом Кройей, вернулся в христианство, организовал полудиких албанцев, а также славянских соседей из Зеты и после ряда побед над турками Али-бея и Мустафы-бея был признан вождем на албанском сейме в Алессио. Теперь он спас остатки венгров, переправив их в Венецию. Под Варной (1444) европейское оружие потерпело вторую катастрофу после Никополя (1396). Христианская коалиция против османов оказалась бессильной, политические последствия унии были уничтожены. Союзников объял страх. Иоанн Палеолог заискивает перед султаном. Венеция заключила с Мурадом мир (1446), отвергнув все просьбы Палеолога о помощи. В Константинополе царило отчаяние и раздражение против латинской партии. В это время один деспот Константин не потерял веры в освобождение от турок.

После унии Константин предназначался стать наследником бездетного Иоанна, и за смертью первой жены из рода Токко ему сосватали еще более богатую невесту Екатерину Гаттелузи, дочь владетеля Лимноса. Признав унию, Константин был надеждой партии, связавшей судьбу греков с Западом. Противоположная партия выставила против него деспота Димитрия, от унии давно отрекшегося и объявившего себя борцом за православие. Бежав с тестем Асаном во владения султана, Димитрий появился с турецким отрядом под стенами Константинополя (1442). Константин был окружен турецкими судами на Лимносе, и от ужаса умерла его молодая жена. Венецианцы захватили Димитрия, но он бежал в генуэзскую Галату, и при посредстве генуэзцев между братьями состоялось соглашение, по которому Димитрий получил удел Константина в Морее, отказавшись от притязаний на Константинополь. Вскоре (1443) и Константин уехал в Морею, обменяв Силиврию и Месемврию на удел старшего брата Феодора с г. Мистрою: Феодор не хотел уступать Константину свои права на престол. В Морее Константин продолжал организацию обороны против турок, утверждая за собою ореол народного героя. Он укрепил Коринфский перешеек, эксамилий (шестимильную стену), искренно веруя в целесообразность своих работ. В год Сегедипского мира к нему прибыл папский легат, призывавший его против турок, и, несмотря на катастрофу христиан под Варной, Константин остался верен своим идеям и своему слову. Вместе с братом Фомою он занял Коринф, Виотию, подчинив себе султанского данника Нерио II Ачайоли, и дошел до удела Турхан-бея в Фессалии, где соединился с горцами — влахами и албанцами. Под его знамена стала прибывшая в Грецию бургундская дружина из 300 рыцарей. Брак дочери Фомы с сыном

Бранковича обещал сербскую помощь.

Лучшие и знатнейшие греческие деятели служили Константину, ближайшим из них был старый, испытанный Франзи, который и после взятия Константинополя турками, вырвавшись из плена, в котором оставил семью, вернулся на службу к последнему Палеологу Фоме, а по взятии Мореи скончал свои дни в монастыре на Корфу. Верный слуга Палеологов описал всю историю их династии. Константин назначил Франзи правителем Спарты, т. е. Мистры; в Коринфе он поставил одного из Кантакузинов, в Патрах — одного из Ласкарей. Храбрый Константин действовал неосторожно. По просьбе Турхана и Нерио сам Мурад явился с такою армией, что не помогла и храбрая оборона перешейка. У греков не хватило людей для защиты линии в шесть миль. Предвидя это, Константин просил мира, но его посол Халкокондил был посажен в тюрьму, а стена на перешейке была разбита пушками. Из греков 300 человек держались храбро и погибли подобно спартанцам Леонида; остальные бежали (1446). Бежали и братья Палеологи. Взяв Коринф и Сикион, Мурад отправил Турхана на Мистру, сам же осадил Патры, но гарнизон отбивался удачно. Собрав свои отряды, Мурад отступил в Фивы, уведя с собою 60 000 пленников-христиан. В его ставку явились послы братьев Палеологов, и султан даровал им пощаду, но оба деспота обязались платить харадж, что означало утрату ими политической независимости. Разочарование было горькое, но оно не помешало Константину заняться отстройкой разоренных сел и городов, заселением обезлюдевшей страны. Ведь он считал себя наследником всей империи, так как император Иоанн был бездетен, а деспот Феодор умер (1447). Правда, наследство было незавидно. Положение Византии было безнадежно. Третья катастрофа постигла христианское оружие. Гуниади с венграми и валахами, с немногими немцами и чехами, имея всего 36 000 и не дождавшись Кастриота, выступил против султана на Косовом поле и был раздавлен султанскими войсками, которых было в 10 раз более; венгерский герой покрыл себя позором, бежав ночью и оставив чехов с немцами на избиение (1448). Известие об этом поражении так потрясло Иоанна VIII, что он его не пережил и умер, процарствовав 23 года. Этот убежденный западник с большим запасом сил быстро вел свою империю к гибели, не считаясь с опытом отца, рано обессилев и уступив инициативу еще менее осторожному Константину. Дука считает Иоанна последним императором Византии, отказывая в этом титуле его преемнику.

Небогато было и наследство; империя, за исключением Мореи, состояла почти из одного Константинополя. Несмотря на то что Иоанн войн не вел по своей слабости и Мурад на него не нападал как на бессильного, Константинополь в греческих руках не имел будущности и находился в полном упадке. Окрестности были пустыней, лишь под стенами паслись стада и уцелело несколько пашен. Упадок торговли, голодовки, нищета и грязь сделали свое дело. Между 1348 и 1431 гг. в Константинополе 9 раз была чума, голодовки длились годами. Около 1430 г. в столице было всего 30 — 40 тысяч населения; во время осады 1453 г. способных носить оружие не оказалось и 5 тысяч. План Буондельмонте 1422 г. показывает внутри стен лишь отдельные острова заселенных кварталов; большая часть территории показана как белое поле. Путешественник де ла Броквер (1432) рисует ту же картину, добавляя, что старые здания лежали в развалинах, как Большой дворец и портики, окружавшие св. Софию. На полуразрушенном ипподроме происходили скачки и метание дротиков по турецкому образцу. Жизнь, предприимчивость, капиталы отхлынули — и не в Галату, также стесненную и беднеющую, но в султанский Адрианополь.

Со смертью Иоанна престол должен был перейти к Константину беспрепятственно. За Константина было старшинство (по смерти деспота Феодора), регентство в отсутствие Иоанна, деятельность в Морее, привлекшая к нему народные надежды. За него высказался двор с Франзи и Лукой Нотарой, латинская партия и патриоты, мечтавшие о возрождении Византии и об

освобождении от даннических отношений к султану, об изгнании турок из Фракии при помощи европейского оружия. Тем не менее раздавались и иные голоса, не только среди сторонников деспота Димитрия, связавшего свое честолюбие с покорностью султану и с борьбою против унии, но и среди деловых людей, которым осада Константинополя угрожала разорением. Православные массы должны были холодно встретить Константина, который остался верен унии и политическим расчетам на Запад[73].

Партия Константина одержала верх при поддержке деспота Фомы, притом не только в Константинополе, но и при султанском дворе, отказавшемся от поддержки Димитрия. Посланный к султану опытный Франзи вернулся с согласием Мурада и с подарками Константину. Его не было в столице, и к нему в Морею было отправлено посольство; коронация без участия патриарха состоялась в Мистре в присутствии Франзи (1449), но историк Дука считает последним императором Иоанна VIII.

Братьям Фоме и Димитрию были даны уделы: Западная и Восточная Морея. Ни у кого из братьев не было сыновей, и новый брак Константина являлся государственной необходимостью. Франзи был отправлен в Грузию и Трапезунт, чтобы искать для своего монарха подходящую невесту; с ним поехала большая свита, духовенство и даже музыканты, чтобы произвести впечатление на восточные дворы. Константину нужны были и деньги, и политические связи.

Сватовство к принцессе тарентской расстроилось; дочь венецианского дожа Фоскари, предлагаемая ее отцом, была признана недостаточно знатной, и это было ошибкой. Одна Венеция могла помочь; ее флот царил в Архипелаге; Кастриот Албанский стал венецианским вассалом для защиты от турок, взявших эпирскую столицу Арту (1449) и напавших на Албанию; лишь храбрый Врана, из известного фракийского рода, отстоял от них крепость Кройю, получив за это поздравление от европейских государей и графский титул от папы. После катастроф под Никополем, Варной, на Косовом поле Европа была устрашена. Над ней самой нависла турецкая опасность. Византия ее избегнуть не могла и зависела лишь от настроения султанского двора. Мурад II держал себя миролюбиво, но, справив свадьбу сына Магомета, длившуюся три месяца, он умер в 1450 г., оплакиваемый и христианами как государь, верный договорам и не уничтожавший разбитых врагов. Переход власти в иные руки решил судьбу Константинополя.

Опоясан был мечом пророка Магомет II (1451 — 1481), прозванный своим народом султан Фатих (Завоеватель). Современники много писали о его личности. Все сходятся на том, что Магомет обладал как необыкновенной скрытностью и беспощадной волею, так и широкими взглядами, незаурядными знаниями, между прочим в языках, культурными вкусами, например, он ценил западное искусство. Юность его была нелегка и небезопасна. Он был сыном наложницы-армянки, а были братья, рожденные от принцесс, как старший, рано умерший Ала ад-дин. Дважды его отец объявлял его наследником и брал решение обратно, и лишь его дарования утвердили за ним наконец выбор отца; Магомету угрожала бы смерть в случае воцарения любого его брата. И он сам, быстро прибыв из Магнисии в Адрианополь, начал с убийства брата Ахмеда, восьмимесячного младенца. Завоевание Константинополя, отвечавшее его честолюбию, было им решено до вступления на престол. Он понимал политическое и экономическое значение греческой столицы для державы османов. В несколько месяцев он искусно изолировал Константинополь, использовав внушаемый османами страх. Он заключил договоры со всеми соседями, кроме Кастриота Албанского и караманского эмира: с Яношем Гуниади, с Бранковичем Сербским, к которому он отослал его дочь, вдову Мурада; с Рагузой, с Венецией, с генуэзцами Перы и на островах Хиосе и Митилене, с родосскими рыцарями. Он возобновил договор даже с Византией, скрывая свои планы. Однако опасность для Византии была настолько очевидна, что французский король предлагал Константину убежище во Франции. По выражению Дуки: «Клялся богом лжепророка и соименным пророком, погаными

своими книгами, ангелами и архангелами в том, что он до гроба пребудет в любви и согласии со столицей, деспотом Константином, со всеми пригородами и городами, находящимися в его деспотате, в том же добром расположении к деспоту Константину, с каким царствовавший до него отец относился к императору Иоанну», этот «предшественник антихриста, враг Креста, под личиной дружбы последователь сатаны» обещал даже уплачивать 300 000 аспров на содержание претендента Орхана, т. е. ровно туже сумму, сколько шло султану дани с Константинополя. Некоторые из советников Константина понимали опасность. Франзи прервал сватовство за грузинскую принцессу и написал Константину из Трапезунта, чтобы он немедленно искал руки вдовы Мурада II, дочери сильного Бранковича; но 50-летняя вдова предпочла монастырь константинопольскому трону, и Франзи довел дело до конца, выговорив богатое приданое. Когда он вернулся в 1452 г., он застал в столице положение, сильно изменившееся к худшему. Константин не мог справиться с трудным положением и выпустил из своих солдатских рук государственное кормило. Помощью Запада он не заручился, наоборот, раздражил курию. Православные взяли верх, и уния соблюдалась почти только во дворце. Униатский патриарх Григорий Мелиссин, или Мамма, известный по Флорентийскому Собору, должен был бежать в Рим после пятилетнего управления Церковью (1450); поместного Собора при этом не было, по разысканиям г. Папаиоанну. Правда, прославленный вождь православных Марк Ефесский скончался во время диспута с латинянами (1449), но его место занял его брат, номофилакс Иоанн Евгеник; особенно же Георгий Схоларий, бывший царский секретарь, ставший ревностным последователем Марка — не сразу, но под влиянием настойчивых убеждений Марка, видевшего в нем крупнейший ум православной партии. Приняв монашество под именем Геннадия, он руководил православными из своей кельи, проводя время за богословскими трудами против латинян. Православных Константин не удовлетворил, отказавшись «водворить порядок в Церкви», но и папа был раздражен отъездом униатского патриарха и требовал возвращения Маммы в ответ на просьбу о помощи против турок. Впрочем, осенью 1452 г. папа прислал кардинала Исидора, бывшего Киевского митрополита, с помощью. С ним прибыло 200 латинян, преимущественно генуэзцев с Хиоса, два корабля из Генуи с 700 человек под начальством храброго и опытного Джустиниани и два венецианских корабля под начальством Морозини. Эта помощь ободрила униатов, и Исидор, всегда шедший напролом, отслужил в св. Софии торжественную обедню в сослужении латинян и греков-униатов, помянув и папу Николая, и бежавшего униатского патриарха. Возмущенный православный народ толпою бежит к Схоларию и читает на дверях его кельи следующее воззвание:

«Несчастные ромэи! Чего вы смутились и удалились от надежды на Бога? Зачем понадеялись на помощь франков и вместе со столицею, которой суждено погибнуть, утратили и веру вашу? Милостивый Боже мой! Свидетельствую пред лицом Твоим, что не повинен я в таковом грехе. Знаете ли, несчастные граждане, что вы делаете? С порабощением, которое сбудется над вами, утратили вы отеческое предание и исповедали нечестие. Увы, горе вам в день судный».

Чернь, выйдя из кабаков с чашами вина, проклинала униатов и пила в честь чудотворной иконы Богоматери с криками: «Прочь от нас еретическое служение опресночников!» Правительство растерялось, а Франзи советовал Константину держаться принятого направления и поставить Исидора в патриархи. Этого не случилось, но кардинал стал духовным главою и деятельным участником обороны, как некогда православные патриархи. Так слабое правительство шло вразрез с народом за несколько месяцев до своей гибели.

Еще более роковую ошибку правительство Константина сделало по отношению к молодому султану. Придворная партия, которую Дука назвал «дурацким сборищем ромэев», решила начать против турок агрессивную политику и добилась у Константина предъявления Магомету

опрометчивых требований и угроз. Рассчитывая на то, что молодой султан занят усмирением восстания в Карамане, именем «царя Константина» требовали уплаты субсидии на содержание Орхана, притом в двойном размере, иначе византийское правительство не будет в состоянии удовлетворить денежные требования Орхана и выпустит на свободу этого претендента, который находится во цвете лет, окружен приверженцами и имеет такие же права на престол, как и Магомет. Посольство было принято великим визирем Халил-пашою, другом греков за дары и взятки.

«Неразумные, глупые ромэи, -"советовал Халил, — давно знаю ваши коварнейшие умыслы. Вы их оставьте. Покойный султан был кроток и всем друг. Нынешний Магомет не таков, каким его считаете. Знаю его смелую и дикую силу. Если на этот раз Константинополь ускользнет из его рук, то, наверно, еще Бог не захотел покарать ваше коварство и увертки. Глупцы, еще не высохли чернила на вашем клятвенном договоре с нами. Или думаете нагнать страх вашими выдумками? Мы не дети, неразумные и бессильные».

Не послушавшись Халила, послы предъявили свои требования султану. Магомет тотчас же даровал мир караманскому эмиру, прекратил выдачу субсидии Орхану и начал приготовления к осаде Константинополя, не спеша, но в грандиозных размерах. Чтобы отрезать Константинополь от подвоза хлеба, он решил запереть Босфор. Еще при Магомете I на азиатской стороне пролива был выстроен замок, доныне сохранившийся в развалинах под именем Анадолу-Хиссар. Магомет решил построить сильнейшую крепость напротив Анадолу-Хиссара на европейском берегу, где у высокой скалы пролив круто заворачивает и стесненное течение образует пороги. Паши в провинциях получили указ прислать по тысяче каменщиков; из лесов измидских и черноморских везли бревна, камень был под руками, для укрепления фундаментов брали мраморные колонны из греческих монастырей по Босфору, по обычаю самих греков. Напрасно жители Сосфения (Стении) хотели отстоять царский монастырь Михаила Архангела: их перебили. Работы начались весною 1452 г. под руководством самого султана. Был выстроен большой пятиугольник неправильной формы, нынешний Румели-Хиссар. Высокие стены из дикого камня связывают пять гигантских башен различного размера; три из них построены главными пашами Халилом, Саризою и Хаганом. Закончив крепость в четыре месяца и установив на ней пушки, Магомет приказал топить суда всякой нации, уклоняющиеся от досмотра и пошлины. Стреляли в генуэзские суда, но те удачно проехали, а венецианский большой корабль был потоплен, экипаж его был казнен. Подвоз хлеба из Черного моря был прекращен. Ужас охватил правительство и народ в греческой столице. Еще во время подготовительных работ Магомета Константин разослал послов в Европу, предлагая за помощь Лимнос сицилийскому королю, Месемврию — Гуниади Венгерскому. Папа созывал крестовый поход, филэллины и гуманисты взывали о помощи граду Юстиниана. Предполагалась миссия на Запад царских братьев Фомы и Димитрия, но последние и в последний час продолжали жалкие раздоры, нападали на венецианские владения в Морее и тем повредили византийскому посольству в Венеции. Деспот Димитрий не стеснялся призывать Турхан-бея против брата. Турхан сначала помирил братьев Палеологов, потом их же ограбил. Напрасно Константин взывал к Магомету. Сто лет вы владеете Адрианополем, но никто из прежних султанов ни башни, ни даже хижины не строил на дворе Константинополя. Бывали столкновения, но оканчивались миром. А дед твой Магомет I, желая построить крепость на азиатской стороне, просил разрешения у императора Мануила. Ты же хочешь закрыть Черное море для франков, нашу же столицу извести голодом и лишить таможенных пошлин. Прикажи прекратить постройку, и мы будем с тобою в таких же хороших отношениях, как с отцом твоим, добрым султаном, и дадим дань, если хочешь. Ответ Мухаммеда послан был сух и грозен:

«От твоего города не отнимаю ничего. За пределами своего рва твой город не имеет ничего.

Если я пожелал выстроить крепость на Босфоре, ты не имеешь права мешать мне. Все мне принадлежит: и крепость на азиатской стороне, заселенная турками, и земли к западу (на европейской стороне), незаселенные, так как ромэи не имеют права селиться на них. Разве вы не знаете, как во время наступления венгров на Варну мой отец затруднялся переправиться через пролив, а ваш император привел франкские суда в Дарданеллы, к раздражению мусульман и на потеху гяуров? Тогда мой отец поклялся выстроить крепость на европейском берегу, и я исполняю его замысел. Не мешайте мне распоряжаться в моих владениях и скажите своему царю, что нынешний султан не таков, как прежние, и легко свершит то, в чем они затруднялись. Если еще кто явится ко мне по этому делу, с него будет содрана кожа».

Узнав об ответе султана, жители Константинополя предались отчаянию, говоря: вот кому суждено взять город, избить и поработить народ, попрать святыни, разрушить святые храмы, разбросать по улицам святые мощи. Горе, что нам делать, куда бежать? Многие, побогаче, уезжали на Запад или отослали семьи и капиталы; например, сам Лука Нотара, первый из министров и глава антилатинской партии, отослал заблаговременно на Запад дочь со всеми драгоценностями. Простой народ возлагал надежды на Пречистую, не раз спасавшую богохранимый город; об одушевлении масс, об организации народом обороны, о денежных жертвах греков и их сравнительно богатых монастырей мы не слышим, наоборот, по-видимому, в народе царило тупое отчаяние и равнодушие; иные, может быть, надеялись на лучшее от перемены власти. Руководители православной партии относились к обороне пассивно и даже скептически.

Если Геннадий Схоларий, будущий патриарх, во время осады писал против Фомы Аквината и Димитрия Кидони, то друг его и царский министр Нотара выразился: лучше бы знать, что в городе господствует турецкая чалма, нежели латинская шапка. Но были и энтузиасты среди просвещенных высших слоев, как Феофил Палеолог, ставший из ученого грамматика храбрым воином. Во главе обороны стал сам Константин, но он связал себя с латинской партией и латинянам доверил защиту города. Не дожидаясь осады, он приказал свезти в город еще незрелую жатву и запереть городские ворота. Под стенами начались стачки с турецкими фуражирами. Отсылая султану его евнухов, захваченных в городе, Константин сообщал, что закрыл ворота и возлагает надежды на помощь свыше. Мухаммед ответил объявлением войны.

Положение столицы было более безнадежное, чем при осаде его в царствование Мануила. Ожидали венецианскую эскадру, но что она могла сделать с силами Магомета? Весть о его приготовлениях, постройка Румели-Хиссара заставили генуэзскую Галату не только отказаться от защиты христианской столицы, но поспешить с изъявлениями преданной дружбы султану; хотя некоторые из генуэзских купцов втайне помогали грекам, но изменили в решительную минуту, так как оборона со стороны Рога была доверена венецианцам, исконным врагам Генуи. Приготовления Магомета были грандиозны. Его народ размножился на тучных полях Вифинии и Фракии; языковая близость и фанатизм дервишей, особенно кенийских, сплотили с османами покоренные сельджукские и туркменские племена; славянские вассалы доставляли отдельный и большой корпус отборных войск, носивших латы. Непрестанные походы дали туркам опыт и организацию, постоянные войска янычар и крепостные гарнизоны, где личная доблесть открывала дорогу к почестям и богатству, а не происхождение, как в войсках феодальной Европы; массы ополчения, в котором беи выступали со своими людьми, им знакомыми и преданными. Славные победы над крестоносными дружинами храбрейших народов Европы воодушевляли воинов с юности до старых лет. Особое внимание обращалось на техническую часть как монголами, так и османами, и те и другие привлекали на службу мастеров со стороны; в армиях Менге и Хулагу при метательных и осадных машинах служили китайские христиане, у османов — перебежчики из христианского стана, итальянцы, венгры и ренегаты из сербов и

греков. Их переманивали за большую плату, как венгра Урбана, знаменитого пушкаря-литейщика, создавшего Магомету неслыханную артиллерию. Располагая громадными денежными средствами, Магомет переманил его из Константинополя; щедро вознаграждал он впоследствии итальянского художника и мастера Челлини, написавшего портрет Завоевателя. Народ представлял себе Магомета сидящим в роскошном шатре возле сундука, из которого он пригоршнями брал золото и драгоценные камни. Изготовленные Урбаном орудия были поставлены и в Румели-Хиссаре, а теперь в Адрианополе он отливал десятками бронзовые пушки, между ними одну чудовищной величины, с отверстием шириною в 12 ладоней, стрелявшую каменными ядрами в 30 пудов; 60 отборных волов везли ее из Адрианополя целых два месяца.

Еще осенью 1452 г. Караджа-бей занял последние принадлежавшие Константину города — Месемврию, Анхиал, Визу; лишь Силиврия оказала сопротивление; виноградники Перы были сожжены, и три конных полка турок зимовали у городских ворот. В марте 1453 г. выступили из Адрианополя главные силы, и к 6 апреля, в пятницу после Пасхи, турки обложили город от Золотых ворот до Перы; ставка султана была разбита за холмом против Адрианопольских ворот, где ныне кладбище. Правым крылом от Золотых ворот начальствовал старый полководец Мурада Исаак-паша с азиатскими войсками до 100 000 человек. В середине у ворот Романа стоял сам султан с постоянными войсками, среди коих было 15 000 янычар; здесь же стояла большая пушка и главные батареи. Левое крыло до Золотого Рога составляли румелийские полки Караджа-бея, судя по занятому пространству, до 50 000 человек. Конница была в тылу. На высотах Перы стоял Саган-паша, наблюдая за входом в Рог. Подошла и первая турецкая эскадра из 30 крупных и 130 мелких судов под начальством славянского ренегата Балты и стала у Диплокиония (нын. Бешик-таш), повыше Галаты; подошедшие затем силы довели султанский флот до громадной цифры — 420 больших и малых судов, выстроенных преимущественно в Измиде (Никомидии), в длинном и узком заливе Мраморного моря, осененном дремучими лесами на заоблачных горах.

И в этот последний час не было единения даже при дворе Константина. Великий дука флота и главный докладчик Л. Нотара занимал столь самостоятельное положение, что верный Франзи мог быть назначен великим логофетом лишь тайно, иначе Нотара помешал бы секретной миссии Франзи в Морею и на Кипр с просьбой о помощи. Противники Нотары подозревали его в сношениях с султанским двором. Передавали его слова: лучше мусульманская чалма, чем латинская митра. Приезд Исидора и униатская служба в св. Софии разожгли народную ненависть к латинянам, хотя Исидор привез помощь и было договорено, что церковные разногласия будут улажены позднее учеными людьми. Св. София запустела, никто не служил в ней и молебна. Среди униатов умеренные уговаривали народ потерпеть азимитов лишь на время, до победы над турками, и между такими политиками были советники Константина; но были среди униатов, даже среди монашества, такие, которые бросали православным вызов, как сам Исидор. Историк Дука видел монахиню-гречанку, евшую мясо, носившую латинскую одежду и якобы творившую мусульманский намаз. Простой народ тем крепче держался за чистоту веры отцов, чем ближе придвигалась турецкая опасность, и не верил в спасение города латинянами. Геннадий Схоларий, их вождь, умыл свои руки при гибели города, впавшего в нечестие.

Константин не сумел поднять весь народ и объединить его для защиты столицы. Из сравнительно богатой Мореи братья Палеологи не прислали помощи; взялось за оружие несколько сот храбрых критян, привезших в столицу хлеб и вино. Константин имел основания полагаться больше на латинян, чем даже на столичных греков. Как бы ни было велико число эмигрировавших в Грецию и даже на Запад, в столицу укрылось население пригородов. Числа

жителей в год осады не знаем, цифра 200 000 представляется преувеличенной. Но когда Константин приказал Франзи переписать всех греков, способных носить оружие, включая даже монахов, то оказалось всего 4973 человека, и царь только простонал, услышав эту цифру. Очевидно и для нас, что многие уклонились от призыва к оружию. Боеспособных греков, пожелавших защищать родной город, оказалось лишь в 2 раза больше, чем пришлых латинян, волонтеров и наемников. Для защиты сухопутных и морских стен требовалось в 10 раз больше людей, чем те тысячи, которыми располагал Константин.

Не грекам, но латинянам Константин поручает важнейшие пункты обороны. Греческая милиция была хуже вооружена и не могла идти в сравнение с латинскими наемниками и экипажами латинских, хотя бы купеческих, судов. Все-таки останавливает внимание, что охрана Влахернского дворца была поручена кардиналу Исидору и венецианцам: первому со стороны Золотого Рога, до Фанара, вторым — с суши. Исидор имел под своим начальством отряд генуэзцев, укрепил свой участок на личные средства и принимал в обороне деятельное участие, а о греческих архиереях мы не слышим. По другим известиям, Исидор защищал Акрополь, у св. Димитрия. Венецианцами командовали их баил Минотто и адмирал Тревизан, прибывший вместе с Исидором и нанятый на царскую службу. Венецианские матросы даже вырыли ров перед стеною Ираклия, защищавшей нижнюю часть Влахернского квартала. Рядом с Влахернами менее важный участок по Золотому Рогу защищал начальник царского флота Лука Нотара со своими людьми; второстепенными начальниками участков были греки Алексей Дисипат, Иоанн Влах, Феод. Палеолог, Метохит, Филантропин. У Евгеньевых ворот (тур. Ялык-киоск-капусси, на месте вокзала Сиркеджи) защищали критские моряки. От башни у этих ворот до башни на Галатском берегу, существовавшей еще в XVII в., Золотой Рог был загражден с начала осады толстой железной цепью, плававшей на бревнах, а за нею были расставлены шесть латинских и четыре греческих корабля (из них три с Крита). Далее в районе Акрополя приморские стены выходят уже на Мраморное море и защищались опять латинянами, или во главе обороны стояли латиняне: от дворца Вуколеона (у «дома Юстиниана") до гавани Кондоскалия (нын. Кум-капу) стояла каталонская колония с консулом Гулиано во главе, далее в Псамматии охрана была вверена венецианцу Контарини; сами Золотые ворота с участком до Мраморной башни на берегу — т. е. второй важнейший угол укреплений, где сухопутные стены связаны с приморскими, — защищались 200 генуэзскими стрелками с капитаном Мануилом, но Студиев монастырь защищали сами монахи-калугеры рядом с турками Орхана. По сухопутной стене до ворот Живоносного Источника опять стоял смешанный отряд из итальянцев и греков под начальством сицилийца. Далее следовал участок с центром у Силиврийских ворот, защищавшийся одними греками с Феофилом Палеологом во главе, по Франзи[74]. Центральную часть сухопутных укреплений с воротами св. Романа (тур. Топ-капу) защищали опять латиняне, именно 400 генуэзцев и других итальянцев с Архипелага, под начальством Лонга Джустиниани, бывшего губернатора генуэзской Кафы, приехавшего с Исидором. Далее до Адрианопольских ворот, примыкавших к кварталу монастырей Хоры и Старой Петры, защищали генуэзские начальники, три брата Боккиардо. Последний участок до Влахернского дворца, доверенного латинянам, защищал смешанный отряд под начальством Феодора, грека из венецианской Эллады, и немецкого инженера Гранта. Из перечня начальников выносим странное впечатление: как будто дело шло о защите не византийской столицы, но какого-то латино-греческого города вроде Кандии или Патр, как будто Византии к 1453 г. уже не стало, как будто Исидор заменил Вселенского патриарха. Где национальное войско? Политика Палеологов и их предшественников, опиравшихся на латинских и турецких наемников, принесла свои плоды: византийцы перестали быть воинами. Большая часть жителей греков, сражавшихся без доспехов, с камнями и копьями в руках, очевидно, находилась под командою

латинских начальников. Впрочем, знатные Димитрий Кантакузин и Никифор Палеолог со своими людьми оставлены были в городе в качестве общего резерва — несколько сот людей, жалкие обломки служилого византийского войска. В царском штабе главное место занимали латиняне, душою обороны был Джустиниани, постоянным спутником Константина — один испанец, Франциск Толедский. Горсть латинских наемников и добровольцев, несколько тысяч кое-как вооруженной греческой милиции, отсутствие денег, артиллерии (имелось несколько пушек, но их нельзя было поставить на ветхие стены), недостаток хлеба — все это делало оборону безнадежной, и население это понимало: иным оборона казалась латинской затеей против неминуемого Божьего возмездия.

С 12 апреля начала свою работу турецкая артиллерия. Ее действие было неслыханным для тогдашних времен, после выстрела из большой пушки Урбана по всему городу раздалось «Господи, помилуй!». Стреляла она за день всего 7 раз, заряжалась часами. Вся артиллерия посылала до 100 ядер в день, разбивая кирпичные стены, стоявшие с V в., и еще легче — позднейшие их исправления. Катапульты метали тысячи стрел. Защитники отбивались день и ночь, заняв возвышенную террасу между двумя стенами, составлявшими ограду. Большая пушка разорвалась и ранила Урбана, но по приказанию султана он отлил новую. Магомет действовал нетерпеливо и на 18 апреля назначил общий штурм с суши. С рассветом массы янычар и других лучших полков бросились через ров на пробитые пушками бреши; тысячи людей были растоптаны, заваливая ров мешками, хворостом и собственными телами. Защитники отбивались камнями, стрелами, копьями, кипящей смолой, выбегали на ров и несли потери. Целый день длился безуспешный штурм, и ночью защитники вновь вычистили ров. Потери турок были велики, но султан Магомет обнаружил непреклонную волю и величие духа. Впрочем, разница сил была так велика, что, несмотря на древнюю славу стен Константинополя, не могло быть сомнения в исходе осады. 20 апреля произошел морской бой. Три генуэзских корабля, посланные папой, и один из Греции, груженные хлебом и большие, показались в виду города; флот Балты, большей частью гребной, окружил их, и сам султан наблюдал за боем с берега и даже въехал на коне в воду. Но борта прибывших кораблей были выше, и турки не могли взять их на абордаж; наконец поднявшийся ветер позволил всем четырем кораблям пробиться в Золотой Рог. Султан подверг Балту бичеванию и назначил на его место Хамзу. И на этот раз Магомет обнаружил непреклонную волю и приказал занять флотом Золотой Рог. Так как Рог был заперт цепью, защищаемой судами, то Магомету был дан совет перетащить часть флота в Рог через хребет той цепи холмов, на которой расположена теперь Пера. Был настлан деревянный помост, и 70 тяжелых кораблей были перетащены на канатах в одну ночь. Точно путь этот не известен; по обычному мнению, он шел от Бешик-таша, древнего Диплокиония, или же от дворца Долма-Бахче, но ближе был путь мимо нынешнего русского посольства в бухту Адмиралтейства (квартал Касим-паша). 23 апреля греки увидели корабли «нового Ксеркса» в самом Роге, напротив Пантократора. С этой стороны они не ожидали турецкого флота, приморские стены были слабее, и корабли их оказались в опасности. Латинские и греческие капитаны собрались в венецианской церкви и по совету венецианца Кокко решили сделать попытку сжечь турецкие корабли. Так как этот план принадлежал венецианцам, их вечные соперники, генуэзцы Галаты, привлеченные к участию, донесли султану. Корабль Кокко был встречен ядрами и затонул, спасавшихся вплавь турки обезглавили на глазах защитников, которые в свою очередь обезглавили 200 пленных турок. Венецианцы смотрели на генуэзцев как на предателей, и Константин с трудом уговорил их не начинать кровопролития между христианами; но турки не щадили и генуэзцев, расстреливая суда в гавани Галаты. Заняв флотом гавань, Магомет перебросил плавучий мост через верхнюю часть Рога и теперь имел все силы под руками. Но он не пошел по пути крестоносцев 1204 г., взявших город со стороны Рога,

он не надеялся на качества своего флота. Магомет решил взять город с суши, несмотря на первую тяжелую неудачу и на сильные, храбро отраженные нападения 7 и 12 мая, причем отличились из греков Рангави и Никифор Палеолог, начальник резерва. Новая гигантская пушка заменила погибшую, и венгерский посол научил турок лучше целить. Явились у турок и мастера по устройству подкопов, но первый подкоп, направленный под Влахернский дворец, был замечен служившим у греков немцем Грантом, опытным инженером, и турецких минеров выкурили дымом (18 мая). Турки подкатили деревянные башни, обитые кожами; одна из них была выше стен, имела мосты на канатах для перехода на укрепления и сильный таран, которым турки разрушили стену у Романовых ворот, уже поврежденную ядрами и заделанную бревнами. Но и на этот раз турки были отбиты и ночью ушли, оставив у стен башню; храбрые защитники сожгли ее и исправили укрепления. Разгневанный султан заявил: если бы и все 37 000 мусульманских святых ему предсказали, что греки сделают это за одну ночь, он не поверил бы. Но за один месяц осада приблизилась к неизбежной развязке. Древние стены были повреждены, особенно между воротами Романовыми и Харсиевыми (ныне Адрианопольскими). Защитники были изнурены, оставаясь на стенах день и ночь, не зная о судьбе своих семейств; для их пропитания пришлось перелить церковные сосуды на монету, так как прибывшие на купеческих кораблях итальянцы хотя сами стали на защиту, но хлеба без денег не давали. В порту стояло 8 больших и до 20 меньших иностранных судов, и их капитаны избрали себе общим вождем венецианца Диедо, надеясь прорваться в случае взятия города. Джустиниани, по-видимому, являлся связующим звеном между защитниками и теми латинянами, которые готовились покинуть город в опасную минуту. Число защитников уменьшалось, а к туркам подходили подкрепления, привлекаемые надеждой на добычу. Особенно волновало Константина повреждение стен. По известию Дуки, впрочем подвергнутому сомнению, Константин даже завязал переговоры с Магометом, предлагая ему дань какую захочет, но султан ответил: нельзя мне отступить от города. Или я его возьму, или он меня возьмет живого или мертвого. Если хочешь, дам тебе Морею, а братьям твоим — иные уделы, и будем жить в мире. Если же я войду в город с боем, то всех твоих вельмож с тобою вместе поражу мечом и весь народ отдам на разграбление, с меня же довольно пустого города. Султан, по известию Дуки, вновь предлагал Константину удалиться со всем двором и имуществом, гарантируя населению жизнь и безопасность, но Константин по совету синклита решительно отказался: если захочешь жить с нами мирно, как жили предки твои, то слава Богу. Они моих предков считали за отцов, а город — за свою родину и находили в нем убежище; из нападавших на него никто не прожил долго. Отдаю тебе захваченные города и земли, назначь дань, какую только сможем платить, и уйди с миром. В расчетах своих ты можешь ошибиться. Предать тебе город не во власти ни моей, ни чьей-либо из живущих в нем. Общим мнением все мы добровольно умрем и жизни нашей не пощадим. Слова, вложенные Дукой в уста Константина и Магомета, хорошо передают принципы, из-за которых шла смертная, последняя борьба. Русская «Повесть о Царь-граде» передает, что Джустиниани, «патриарх» (Исидор?) и синклит советовали Константину (в начале мая) оставить Константинополь, чтобы организовать помощь Морей и Албании, но Константин отвергнул это предложение, как и другие, сделанные раньше и позже.

Магомет приказал готовиться к штурму, жечь огни и творить молитву. Костры опоясали город, в Скутари от огней на судах блестело море и небо. Жители выходили на стены и ждали гибели, «как полумертвые». Джустиниани не терял энергии и приказал очистить террасу между стенами; за внутренней стеной он решил дать последний отпор, укрепил ее рвом и собрал из города все лестницы. Чтобы проникнуть в оставленную террасу в случае штурма, открыли издревле заложенную малую дверь Керкопорту у так наз. Константинова дворца, ныне Текфур-Сарая, на границе Влахернского района. Население было далеко от единодушия, разрастался

ропот против правительства. Для успокоения народа Константин приказал обносить чудотворную икону Одигитрии. Надеялись на помощь венецианской эскадры Лоредана, но посланный корабль вернулся, не узнав даже, где она находится. Предвидя близкий штурм, защитники поспешно исправляли укрепления, особенно у Романовых ворот, где командовал Джустиниани, а с турецкой стороны стояли главные батареи и султанские отборные войска. Напрасно Джустиниани просил у Нотары несколько малых пушек, стоявших по Золотому Рогу. Нотара ненавидел Джустиниани. Один был главою противолатинской партии, другой — душою обороны, организованной латинянами по поручению Константина, не имевшего власти примирить открытую вражду. Нотара пушек не дал, и этот мелкий факт характеризует положение. Как бы ни был силен Нотара со своими сыновьями, он не ослушался бы Константина, если бы за Нотарою не стояло противолатинское большинство. Ввиду дружбы Нотары со Схоларием в эту партию входила по крайней мере часть православного духовенства. В истории Западной Греции мы видели несколько случаев, когда латиняне, по-видимому не без основания, обвиняли православных иерархов в сношениях с турками, — грустная страница из истории христианства на Востоке; но такие деятели, как Схоларий, первый патриарх турецкого времени, сохранили православную Церковь в Турции до сих пор.

По известию Франзи, перед штурмом и в турецком лагере наблюдалось брожение, вызванное ложными слухами о подходе венгров с тыла, о приближении венецианского флота; войска роптали на большие потери при неудачных приступах. Сам султан и его двор якобы колебались, но, конечно, Магомету было известно положение города и неравенство сил. На совете Халил-паша, известный грекам благожелатель, советовал снять осаду, иначе западные государи ополчатся против турок. Второй визирь, Саган-паша, соперник Халила, советовал приступить к штурму, так как у султана войск больше, чем у Александра Македонского, а латиняне бессильны вследствие раздоров даже на походе. Султан согласился с Саганом и назначил приступ на 29 мая, о чем Халил якобы известил Константина. Но и без того греки видели усиленную канонаду, движение в турецком лагере. Султан объезжал полки, обещая павшим райские утехи, живым — население Константинополя; войска кричали: «Алла! Алла! Магомет ресул Алла!» Вечером 28 мая Константин созвал всех начальников, уговаривал постоять за веру, родину, царя — помазанника Божия, за свои семьи; указывал, что враг 57 дней осаждает всеми силами, но безуспешно; просил не робеть, если даже падут стены, уповая на Бога; враги полагаются на свое число, но у них нет железных доспехов, какими вооружены защитники; султан же хочет поработить весь свет, некогда принадлежавший Константину Великому. Франзи влагает Константину в уста длинную речь по античному образцу; идеи Константина были известны его верному советнику. Обращаясь отдельно к венецианцам и генуэзцам, Константин называл их единоверцами. Воины прощались друг с другом, дворец Константина огласился рыданиями.

Всю ночь на 29 мая турки подкатывали осадные машины, корабли их подтягивались к морским стенам. Часть кораблей Хамзы должна обстреливать стены из самострелов и пищалей; другие должны были высадить экипаж, которому приставить лестницы и взобраться на стены. Саган-паша должен был напасть на Влахернский квартал со стороны Рога, переведя войска по плавучему мосту и подтянув корабли, стоявшие внутри гавани. Караджа должен был напасть на Влахерны с суши. Исаак и Махмуд действовали на правом крыле до Мраморного моря. Халил и Сарыджа должны были наступать по обеим сторонам султана, отвлекая защитников от Романовых ворот, которые надлежало взять самому Магомету. С рассветом турки бросились с визгом, криком, при звуке больших барабанов, бубнов и флейт, наступали через ров на три большие бреши, пробитые пушками и по величине доступные для конницы, кое-как заваленные бревнами и землею. Даже Критовул, грек с о. Имброса, служивший Магомету и описавший его

подвиги, отдает должное доблести защитников; в первых рядах стояли, как сказано, латиняне. Часами длился отчаянный рукопашный бой. Турки несли большие потери. Две первые колонны их были отбиты. Султан двинул резервы из лучших войск, между ними 1000 взводов ("котлов") янычар, и приказал усилить обстрел. Большая пушка разбила стену между двумя башнями. Дрогнули защитники лишь в ту минуту, когда Джустиниани, душа обороны, был ранен и оставил свой пост, невзирая на просьбы Константина; он удалился в Галату, откуда бежал на Хиос, где (или на пути) умер от раны и позора. Многие генуэзцы последовали за своим вождем.

Константин остался у Романовых ворот и совершал чудеса храбрости вместе с доном Франциском Толедским, Иоанном Далматом, с доблестным Феофилом Палеологом, подоспевшим на помощь. Между тем калитка Керкопорта у Адрианопольских ворот, открытая перед штурмом, осталась без охраны, и полсотни турок ворвались на террасу между двумя стенами. Они бежали к Романовым воротам, сбрасывая со стены немногочисленных и ослабевших защитников. Среди христиан, увидевших турок и их значки на стенах, возникла паника, раздались крики, что город взят; защитники прыгали со стен и, давя друг друга, завалили своими телами Адрианопольские ворота. Константин со своими соратниками погиб героем, и тело его, не узнанное турками, лежало в куче из 800 христианских трупов. Последний Палеолог не посрамил своих воинственных предков XII и XIII вв., по матери в его жилах текла сербская кровь. Его униатство было быстро забыто, и для греков, начиная с современного автора «Плача», оправдывавшего Константина, он остался благоверным царем Константином, национальным героем и богатырем. В простом народе живут о нем легенды до сих пор. Освободителем Константинополя, по народному поверью, явится православный царь Константин, когда-то русский, ныне из Греческого королевства, и это убеждение приходилось слышать в глуши, до которой не доходило какое-либо книжное влияние. Исторически засвидетельствовано, что немедленно по прекращении резни султан приказал разыскать тело Константина. После долгих поисков к нему принесли голову, которую Нотара признал за царскую. Она была выставлена, по приказанию Магомета, на площади у подножья колонны Юстиниана, затем отправлена по городам Малой Азии; тело же было предано погребению в месте, современниками не указанном[75].

Десятки тысяч турок хлынули через Адрианопольские ворота по телам защитников; через большую брешь, которую турки оставили до сих пор, победители ворвались во Влахернский квартал, избивая всех по пути. Взошел на стены и сам Магомет, и его знамя было поднято на Романовых воротах. Пока турки грабили и жгли дворцовый Влахернский район — причем погибли чудотворные иконы Влахернская (наш тип «Знамение") и Одигитрия, — толпы греков, старики, женщины и дети спасались в монастырях и храмах, где их настигали турки и избили тысячи, как у храма св. Евфимии (нын. Гюль-джами); главная же масса бежала по Средней улице, через площадь Константина, где ангел с мечом, по преданию, должен был отдать огненный меч некоему мужу, который загонит врагов в самую «Персию"; миновав площадь, толпа хлынула в св. Софию, забыв осквернение ее униатами. Туда подошли турки только через шесть часов, так велик был город и добыча по пути. Много сложено легенд о взятии главной, после Иерусалима, святыни восточного христианства: о священнике, скрывшемся со Св. Дарами через сомкнувшуюся за ним стену на левых хорах, о Магомете, въехавшем на коне и приложившем кровавую руку к колонне высоко от пола, столько было навалено трупов. Достоверно показание источников о том, что кровопролитие прекратилось еще до полудня, когда султан въехал в город. Прибыв к Софии, он сошел с коня и прекратил грабеж внутри храма; он даже поразил турка, портившего, в своем фанатизме, мраморный орнамент с крестами. «Хватит с вас денег и пленных, — сказал он, — а здания мои». Взойдя в алтарь, Магомет преклонил колени на молитву и приказал обратить св. Софию в мечеть.

У Силиврийских ворот прорвался албанец Элия-бей, эмир-ахор султана, получивший в награду Студийский монастырь, позже (около 1490 г.) обращенный в мечеть Эмирахор-джамиси.

После прорыва сопротивления не было. Упорно держались лишь критяне у Красных ворот, древних Евгеньевых, при входе в Рог, пока султан не разрешил им уйти на свои корабли. Защитники приморских стен бежали, узнав о прорыве у Влахерн, но эта весть пришла не скоро; вслед за защитниками побежали и осаждавшие турки, чтобы грабить город, оставив свои корабли. Так поступили оба флота — и Хамзы, и Сагана — внутри гавани; поэтому латиняне могли спастись бегством мимо пустых турецких судов. Толпы латинян и греков собрались на берегу Золотого Рога, бросаясь на корабли, но мест было мало; переполненные корабли спешили уйти без своих капитанов и экипажей, убитых или непоспевших; ушло 18 латинских судов, а около 25 досталось туркам, было захвачено Хамзою, собравшим наконец своих матросов. Кардинал Исидор переоделся рабом и спасся в Галату; венецианский адмирал Тревизан и много венецианцев, защитников Влахерн, были схвачены турками, но большинство знатных латинян спаслось на родину. Как только турки убедились, что сопротивление заменилось бегством, они предались грабежу; после драгоценностей и золота, которых они долго искали в подвалах и тайниках, они всего более дорожили пленными невольниками, особенно молодыми девушками и мальчиками. Пленных они гнали, связав веревкой попарно, разлучая родных и связывая госпожу с служанкою, архимандрита с привратником. Современный «Плач о Константинополе»[76] дает яркую, но риторическую картину бедствия[77].

Насилия и грабежи были прекращены по возможности быстро. Осада длилась меньше двух месяцев, а штурм и кровопролитие — около шести часов. К вечеру 29 мая город затих, только в домах и погребах рылись турки, искавшие спрятанных сокровищ. Магомет спешил вернуть городу спокойствие. На третий день он прекратил и грабежи; по его призыву спрятавшиеся греки стали выходить из тайников, беглецы возвращались в город. Войска и флот были распущены и отосланы на родину. Посетив Галату, уверявшую в своей преданности его державе, Магомет приказал срыть стены, созвать бежавших под угрозой конфискации и фирманом подтвердил автономию Галаты. Для заселения Константинополя, сохранившего простонародное греческое имя ("в городе"), в турецкой транскрипции Истамбул, Магомет вызвал 5000 греческих семейств с Черноморского побережья, принесших свое наречие[78].

Но город давно уже обеднел и захудал. Казна и царские кладовые были пусты, церковные ризницы были почти пусты или содержали сосуды итальянской работы, кое-что драгоценное оставалось лишь в немногих знатных домах и у латинских купцов. Неудивительно, что венецианец Барбаро, оставивший очень точный дневник осады, особенно ценный для хронологии, исчисляет добычу турок ценностями всего в 300 000 дукатов[79].

Уведено было в турецкую неволю около 60 000 человек обоего пола и всякого возраста. Перебито было значительно менее, потому что для турок пленные были ценной добычей, которую они привыкли брать, продавать или отпускать за выкуп. Из греков и латинян, сражавшихся на стенах, по исчислению Критовула, погибло до 4500. Катастрофа, потрясшая всю христианскую Европу, по своим материальным размерам была меньше многих других катастроф, постигших ранее такие христианские центры Передней Азии на победном пути крестоносцев, монголов и турок, как Антиохия, Севастия или Ани. Если Критовул говорит о кораблях, увозивших полный груз драгоценностей и невольников, о священных золотых сосудах, из которых варвары ели и пили, о ризах, которые они на себя надели, о рукописях, которые они продавали по червонцу или жгли, варя себе пищу, то эти известия, хотя передаваемые современниками, представляются преувеличенными. Турки в 1453 г. не могли захватить в Константинополе и половины того, чем воспользовались латиняне в 1204 г.

Собрание рукописей султанского Сераля, выстроенного много позднее и не на месте Большого дворца, — между ними иллюстрированная рукопись Октатевха с предисловием Исаака Комнина, изданная Институтом[80], — могло составиться и путем конфискаций или подарков в позднейшее время. Магомет не претендовал на движимость. Судьба памятников искусства при турецком взятии Константинополя остается темной; имеющиеся указания не собраны. Для 1453 г. нет ничего подобного описанию Никиты Хониата и нет богатых архивных данных, какие имел граф Риан для истории латинских хищений 1204 и следующих годов. Древности несчастного города исчезают во мраке, который — и то лишь отчасти — рассеют систематические раскопки по переходе города в христианские руки.

Магомет не истреблял греческого элемента и при переговорах с Константином гарантировал грекам жизнь и безопасность. Он включил греческий элемент в государственную систему своей империи, следуя примеру предков, но более планомерно и широко. Уже на третий день он восстановил православную патриархию, остановив свой выбор на главе противников унии Геннадии Схоларии, возведя его на трон с соблюдением, по возможности, прежнего церемониала. Как государственное установление Оттоманской империи, представительство и управление греческой нации, созданная Магометом и Геннадием Вселенская патриархия на первых порах была обеспечена, по известию Франзи, бератом о фискальном и судебном иммунитете патриарха и духовенства; ко времени Кантемира в долгой и тяжелой борьбе сосредоточила в своих руках судебную власть над православными в области семейного и наследственного права, стала одним из устоев старого режима в Турции, сохранила Церковь, но помешала объединению греко-славянского мира. Быстрота устройства Магометом церковного вопроса указывает на то, что оно было им предрешено; и это наводит на мысль о предварительном, еще до штурма, соглашении султана с некоторой частью греческого духовенства, заметного участия в обороне не принимавшего и при взятии города не пострадавшего: сам Схоларий пишет в своей грамоте, что его избрал синод архиереев. По этому загадочному вопросу существуют архивные данные, еще не увидевшие света.

Не преуменьшая размеров катастрофы 1453 г., должно отметить, что материальный ущерб был значительно меньший, нежели при латинском погроме в 1204 г., постигшем еще цветущий и богатый город. Теперь не могло быть таких пожаров, так как заселенные кварталы являлись оазисами на городской территории. Лучшие ценности ушли разными путями в Европу, торговая деятельность и капиталы перешли в генуэзскую Галату. С середины XIV в. Константинополь захирел бесповоротно. Царский двор обнищал; дворцы стояли в запустении, частью в развалинах, не чинился даже жилой Влахернский; храм Апостолов был в XIV в. почти руиной, развалилась даже колоннада у св. Софии. Сохранили довольство лишь Великий Димитрий у Акрополя как фамильная обитель Палеологов, Пантократор как их усыпальница, Пантепопт, Паммакариста, многолюдная Старая Петра, где были и русские монахи, прибрежные церкви моряков. Памятников искусства давно не ценили, бронзовые статуи были перелиты на монету еще во времена Акомината. Из построек ипподрома и древних бань брали строительный материал еще при Палеологах, мрамор жгли на известку. По всему городу тянулись, как в средневековом Риме, громадные пустыри, пастбища и даже пашни, на плане Буондельмонте внутри стен преобладает белое поле. Частные дома были в плохом состоянии из-за наступившей бедности. Дворцы знати были сожжены во время борьбы с Кантакузином, кроме немногих. Богатый дом XV в., как у Нотары, представляется нам, судя по сохранившимся старинным домам возле Фанара, как наполовину деревянная постройка с большими низкими комнатами, в нижнем этаже на каменных сводах аляповато расписанных по штукатурке; окна с мелким свинцовым переплетом пропускали тусклый свет, против зимнего холода были одни медные жаровни. Женская половина была отделена от мужской. Состоятельные люди одевались в меха

и сукна из Европы, но жили некультурно и грязно. Большинство населения хронически голодало, частыми гостями были тиф и чума.

С материальной точки зрения, не оценивая пролитой христианской крови, переход города в турецкие руки был для него благодеянием. Ожила торговля и ремесла, получив рынки в необъятных владениях султана; единство империи было восстановлено. Возобновился подвоз — ожили и заселились окрестности, начиная с Босфора. Товары отдаленных стран привозились во вновь отстроенный большой крытый базар (Безестен) на месте развалившихся византийских портиков. На тех же улицах, в старых кварталах воскресла многолюдная жизнь, формы и привычки византийского уклада преобразовали, пропитали собою государство, общество и быт османов, вплоть до семьи, несмотря на ислам и многоженство. Сам султан подавал пример своим пашам, приближая не только западных выходцев, но и греков. С этой точки зрения событие 1453 г. представляется не катастрофой вроде гибели Пальмиры или Ани, но включением Константинополя как главного, недостававшего звена в тот новый и сложный мир, который быстро вырос за его ветхими стенами. Этот мир привлек своею величиною и силою не только греческих слуг Магомета, как Критовул и раболепный Амураджи, но и политически независимых, серьезных наблюдателей, как Халкондил, написавший его первую греческую историю, не вполне, впрочем, удачную. С этой точки зрения плодотворнее установить глубокую связь и преемство истории Ближнего Востока, от Баязида Илдирима до расцвета новых форм при Сулеймане и Селиме, нежели прервать на 1453 г. историю Византии, от которой осталось почти одно имя с точки зрения материальной культуры.

Падение Константинополя было расплатой для высших кругов византийского общества, которые погубили крестьянское царство Ласкарей с его здоровыми началами государства нового времени, разобщили отеческую власть с народом, заставили население жить в негодных старых формах политического и социального строя и, наконец, сознав бессилие, возложили надежды на Запад. Земельная аристократия искупила свою вину ранее, в XVI в. В Константинополе погибли ее жалкие остатки.

Гибель латино-греческого города сыновей Мануила была катастрофой для идеологов возрожденной Греции вроде Плифона, для филэллинов, для латино-греческих претендентов и авантюристов, для церковных деятелей типа Исидора или Виссариона, для унии и папства, для латинского дела на Востоке, для латинской торговли и колоний в Константинополе и Черноморье. Погибла вековая работа латинства на Востоке, для нее падение Константинополя было ударом последним и самым тягостным.

Со взятием Константинополя сопряжена была утрата незаменимых моральных ценностей для близких и отдаленных народов, для которых православная империя являлась частью религиозного и даже политического миросозерцания, — от покоренной райи до России, уже одолевшей татар. Горе первых было безысходно; для вторых, которых не коснулось турецкое ярмо, было утешение в мысли, что греки понесли кару за свою лживость и за унию, а царское достоинство перешло в более достойные православные руки. Создалось учение о третьем Риме — Москве. Рука сосватанной папою Софии Фоминишны Палеолог доставила и династические права.

Со взятием Константинополя политическая жизнь греков замерла не сразу. Еще существовали государства Палеологов в Морее и Комнинов в Трапезунте; но их гибель была вопросом немногих лет. Положение деспотов Фомы и Димитрия было непрочно и помимо турок. Против них действовал Мануил из рода Кантакузинов, правивших Мистрою полвека тому назад, и с ним многочисленные в Морее албанцы с владетельным родом Буа Навпактских во главе. Братья Палеологи не оказали Константинополю помощи против турок, наоборот, ставя выше всего личные интересы, призвали старого Турхана против албанцев. Последние, потеряв

до 11 000 уведенных в неволю родичей, дважды были загнаны Турханом в горы, Кантакузин же с сыном старого врага Палеологов Кентуриона бежали в венецианские владения. Оба деспота со своими архонтами признали верховную власть султана и обязались платить дань в 12 000 золотых (1454). Деспоты были слабы, им не повиновались ни архонты, ни албанцы, к тому же, несмотря на увещания Турхана, они ссорились между собою. Анархии в Морее был вскорости положен конец. Расправившись с генуэзцами на Хиосе и Лимносе, Магомет явился в Морею. Сам Фома дал повод к нападению, отказавшись платить дань в надежде на помощь папского флота. В свите султана был упомянутый Мануил Кантакузин, соперник Палеологов. Покорение Мореи сопровождалось казнями, пленники выселялись в Константинополь, но некоторые крепости уцелели, как Монемвасия, давшая приют Фоме. Падение Коринфа заставило Фому смириться и отдать туркам бывший удел Константина XII. Раздоры между латинскими претендентами на Афины дали туркам повод осадить Акрополь, павший после двухлетней обороны. Магомет любовался античными памятниками и дал Афинам некоторые льготы, но в Парфеноне вместо церкви Богородицы появилась мусульманская мечеть (1458). Закончив в 1459 г. покорение Сербии, причем православная партия этой страны предпочла турецкую власть папской и избрала вождем брата великого визиря серба. Магомет решил покончить с последними Палеологами, постоянно взывавшими к Западу о помощи; на Соборе в Мантуе кардинал Виссарион проповедовал крестовый поход для защиты Мореи. Деспот Димитрий, давнишний клиент турок, рад был выдать дочь за султана, но Фома думал об освобождении от турецкой зависимости и даже примирился с внутренними врагами. Сначала действия Палеологов были удачны, но даже в эту минуту они начали между собою междоусобную войну; Фома теснил Димитрия, ставшего для греков заведомым изменником нации. Впрочем, более опытные из греков, как Франзи, считали восстание Фомы пагубной авантюрою и были правы. Присланный султаном свирепый ренегат Хамза разбил Фому у г. Леонтария. Митрополит заставил братьев примириться и целовать Евангелие, но над своими партиями — туркофильской и латинской — оба деспота были не властны. В 1460 г. вторгся в Морею Хаган-паша с авангардом; на просьбу Фомы о прощении султан не дал ответа и явился лично. Отняв у своего тестя Димитрия Мистру и дав ему Энос с тремя островами, Магомет брал штурмом крепости Фомы одну за другою, казнил пленных или посылал их для заселения Стамбула, одна Монемвасия не сдалась и предпочла стать венецианским городом (1462). Деспот Фома с семьею эмигрировал на Корфу, оттуда в Рим, увозя с собою главу ап. Андрея (1460). Сын его Андрей (†1502), брат Зои, или Софьи, вышедшей за Ивана III Васильевича, признавался законным обладателем императорского титула и даже выдавал златопечатные грамоты; и права свои он предлагал за деньги и Ивану III, и французскому и испанскому королям. Покорение Мореи было завершено в несколько месяцев. В Средней Греции последний владетель Фив из рода Ачайоли был убит в султанской ставке, его дети стали янычарами. В Албании Скандербег Кастриот, ставший папским главнокомандующим и венецианским вассалом, был вынужден заключить с Магометом мир (1461).

Настала очередь последнего политического центра эллинизма, Трапезунтского царства. Отец Магомета султан Мурад за все свое 30-летнее правление не нападал на Трапезунт, у которого почти единственной защитой оставались крепкие стены. Покончив со столицей Константина и обеспечив себе господство на Балканах, Магомет Завоеватель поставил задачей покорить все независимые государства на черноморской окраине Малой Азии. Хетыр-бей, паша Самсуна, осадил с суши и с моря Трапезунт, где царствовал Иоанн IV, и заставил его платить дань султану (1456), так что Трапезунтское царство утратило независимость. Сознавая опасность, Иоанн завязал сношения с могущественным Хасаном Высоким из туркменской Белой Орды, кочевавшей в верховьях Тигра и Евфрата. Дочь Иоанна, прославленная красавица,

скрепила союз, отдав руку Хасану. Иоанн замышлял создать оборонительную лигу соседних государей от Грузии до Карамана, но смерть Иоанна передала эти планы незаконченными его брату и преемнику Давиду (1458). Дерзкий и трусливый Давид, лично побывав в Стамбуле, знал силу султана Магомета. Он решил организовать армию из 20 000 горцев и флот, приобрел у итальянцев пушки и пищали. Еще шире, чем у Иоанна, были проекты лиги против Магомета, притом из оборонительной ставшей наступательной; он хотел заручиться помощью Дадиана Мингрельского, Георгия Имеретинского и других кавказских князей; далее, Хасана, караманского эмира; синопского бея; завязал сношения с папой Пием, с Филиппом Бургундским и с Венецией. Опасность, грозившая Трапезунту от «Великого Турка», обсуждалась на Соборе в Мантуе, на котором Виссарион проповедовал крестовый поход против Магомета. Заручившись обещаниями и не рассчитав неравенства сил, Давид через послов Хасана потребовал в Стамбуле отказа от дани и даже возмещения сделанных взносов, начиная с того, который Давид отвез лично по поручению брата Иоанна. В Трапезунте, как в Константинополе и Морее, сами греки дали Магомету повод к войне, нарушив свои обязательства по договору. Магомет ответил, что придет за данью лично, и стал собирать громадные сухопутные и морские силы, никому не говоря об их назначении. Внезапно Магомет напал на синопского бея, с которым дружески переписывался, и, хотя Синоп располагал 400 пушек и 2000 пищалей, бей в ужасе выдал свою богатейшую казну, собранную преимущественно пиратскими нападениями на торговые суда и города по Черному морю, и уступил Синоп в обмен на Филиппополь. Затем Магомет двинулся в Армению, у Эрзинджана разбил Хасана и принудил его предоставить собственной судьбе Трапезунт, уже осажденный султанским флотом из 200 галер. Сам Магомет подступил к Трапезунту, пройдя с большим войском через малодоступные лесистые ущелья, и предложил Давиду немедленно сдать город, по примеру Димитрия Палеолога, получившего за свой удел в Морее Энос и денежное содержание. Давид уже смирился, хотя хорошо укрепленный и снабженный Трапезунт мог защищаться с успехом против армии, лишенной продовольствия. Он только просил, чтобы султан взял в гарем его дочь, как у Димитрия, и дал ему такой же доходный город, как Трапезунт. Малодушие Давида объяснялось, по мнению современников, изменой его главного советника. Так постыдно, без боя закончилась история царства Великих Комнинов, государей Анатолии и Заморья, продолжавшаяся 258 лет. Жители Трапезунта были выселены в Стамбул, лишь треть была оставлена в предместьях, главные кварталы, начиная с кремля, стали турецкими и остаются таковыми до сих пор. Судьба Давида была печальна. Султан не взял его дочери в гарем, но, собираясь в поход против Хасана, приказал задушить Давида с 8 сыновьями, из коих младшему, уже обращенному в ислам, было всего три года. Царица Елена похоронила мужа и детей своими руками; скончалась она в рубище в шалаше... Вскоре погибла и ее родина, христианский Крым — княжество ее отца Алексея, деспота Феодоро (Мангуб) и Поморья, имевшего своего митрополита «Феодоро и всей Готфии"; пала и генуэзская Кафа. Напрасно генуэзцы старались укрепить свою Кафу и дали ей новый статут, поставили ее под покровительство могущественного банка св. Георгия. Взятие Константинополя закрыло генуэзской торговле путь через проливы, но еще был открыт торговый путь через Молдавию и Польшу, генуэзский Аккерман перешел к господарям Молдавии. Не спасли Кафу от турок ни папа, ни король польский Казимир, приславший казаков. Еще в 1428 г. татарские ханы перенесли резиденцию в Бахчисарай, и в 1475 г. татары и турки взяли Кафу, выслав жителей в Стамбул. Последний князь мангубский Исайко искал помощи великого князя Ивана III Васильевича и посватал за него дочь, но погиб до приезда московского посла.

Примечания

1

«Riant». Exuviae. I. P. XLI

2

Этим отношениям посвящена наша с Б. А. Панченко статья, указанная в библиографии в конце главы — см. в конце книги и предназначавшаяся для настоящего труда.

«Niceta Chon». P. 792.

4

В тексте упомянуты ленные пожалования отцу (или брату) Бонифация со стороны царя Мануила. У западных писателей всплывает известие, что Мануил дал монферратскому герцогу honorem Thessaloniceurem quae est maxima potestas regin sui post civitatem Constantinipolitanem — в удел Фессалоники, а это самый большой лен в его царстве после самого Константинополя. В таком случае были бы ясны претензии Бонифация.

«Tafel» und «Thomas». Op. cit. I. 512—515.

6

Дошел не текст договора, но перечень владений, входивших в состав трех долей, под заглавием: Partitito regin Grecei, — изданный, между прочим, у Tafel und Thomas (Urnunden... Venedigs.1.452 — 501), с богатым комментарием Тафеля.

7

Милостью Божией наместник венетов в Романии и владыка четвертой части этой империи и еще половины.

8

Niceta Chon. «791. Bonn.

Успенский. Образование второго Болгарского царства. Одесса, 1.9. С. 198.

Напр., «Hopf». Chroniques greco-romanes. P. 51 et 79.

11

Villehardouin. P. 333.

Ср. Ф.И. Успенский. Ук. соч. С. 249.

13

Ср. о них описание у Клари (Hopf. «Chroniques greco-romanes) и у В.Г. Васильевского. Византия и печенеги.

14

«По Эрнулю, не греки, но влахи и число армян было больше»

15

Речь идет о письме Калоянна турецкому султану, перехваченном Генрихом. (Ред.)

«Theiner». Vetera monumenta Slavorum meridionalium I Romae 1863.NLXIII.

17

«Tafel und Thomas». Op. cit. I. 571—574

Ibid. 572.

coram indicibus, qui tempore illo tarn per Francigenas, quam per Vcnetos erunt constituti, debet causa ventilarï et secundum quod ipsi iudices iudicaverint, debet ab utraque parte observari -дело должно разбираться перед судьями, которые тогда будут назначены как французами, так и венецианцами; и то, что постановят эти судьи, должно соблюдаться обеими сторонами.

ad amonicionem memorati conscilii coram supradictus indicibus in presentia sua sabisfacere debet -должен удовлетворить увещание упомянутого совета в присутствии перед вышеозначенными судьями, сам при этом присутствуя.

21

Ср. Ф.Я. Успенский. Образование второго Болгарского царства. С. 223 и сл.

22

Речь идет о малоазиатских армянах — см. выше, с. 330, 334. (Ред.)

23

«Tafel und Thomas». Op. cit. II. 17 — 19.

24

«От Генриха Феодор Врана получил Дидимотих, по известию Виллыардуэна».

Mitteilungen zur Oesterreichischen Geschichte XXIII «(1902)» 560.

26

Речь идет об иконе, а не о статуе Одигитрии, как полагает Gerland (p. 96). Ср.: Riant. La part de 1'eveque de Bethleem dans le butin de Constantinople en 1204 (Memoires de la Societe Nationale des Antiquaires de France, XXXXVI. 1885. P. 228 — 232. 234). При разделе икона досталась еп. Петру Вифлеемскому, а по его смерти при Адрианопольском поражении Балдуина она попала в руки Генриха. В 1207 г. венецианцы силою взяли ее из Софии и поместили в занятом ими Пантократорском монастыре, где в конце XIV в. ее видел паломник Игнатий Смоленский. В 1453 г. икона была разрублена турками на части.

27

«Buchon». Chronique etrangeres relatives aux expeditions francaises pendent le XIII s. Paris, 1841. P. 74; The Chronicle of Morea. Ed. John. Schmitt. London, 1904. P. 201—202. В стих. 2993 и 3008 вместо броцои, вероятно, следует читать броууои.

28

В Морейской хронике при изложении обстоятельств подчинения волости (дронга) мелингов франкам упомянуты эти старейшины, называемые архонтами и богачами и начальниками дронгов: их интересы не совпадали с желаниями народного веча (»το πληθος του λαου και το κοινον του τοπου«) — большинству народа и собранию местных жителей.

29

Εя. Λαμπρος Μιχαιλ Ακομινατον τον Χονιατου τα Σωζομενα. II. 'Εν 'Αθηνου, 1880. 397—398.

Эрехтейон — построенный Эрехфеем. (Ред.)

31

Λαμπρος. Op. cit. II. 307—312.

Перевод В. Г. Васильевского — Журн. Мин. Нар. Просв. CCXX 401.

Λαμπρος. Op. cit. II. 107.

34

κι ας □λθουσιν αϊ γ□ροντες της μπαρουν□ας Ακ□βου κι ας φ□ρουσιν τα πραχτικά οπο□ εχουσιν μετ□ αυτο□ς . Και ποι□σετε την μοιρασ□αν □λης της μπαρουν□ας — и пусть придут старейшины баронии Аковы и пусть принесут с собой записи обо всем, что у них. И сделайте раздел всей баронии (Χρονικόν του Μορέως. Ed. Schmitt. V. 7682).

Pitra. Analekta sacra et classica Spicilegio Solesmensi parata VI (VII). Romae, 1891. P. 87 98.

«Hopf». Op. cit. 232, no статье» Papety» в «Revue de deux Mondes». 1847.

Ср. статью Дринова в Визант. Временнике. II. С. 8.

38

Перстень Слава Радонского издан Иорданом Ивановым в «Известиях на Българско Арх. Дружество». Т. II. (1911).

Скорее, Месопотамию. (Ред.)

«Gerland». Das Archiv des Herzogs von Kandia. Strassburg, 1899. S. 121 om.; «Tafel» und «Thomas». Op. cit. III. 376 «ain».

«Gerola». Monumenti veneti nell' isola di Greta. II. Venezia, 1908. S. 400.

Krumbacher. Sitzung — Berichte der bayr. Akad. der Wizs. H. III.

43

«Издана акад. Ф. И. Успенским в статье «Древности Тырнова» в Известиях Русского Археологического Института в Константинополе. Т. VII. Вып. 1. Табл. 5 София, 1902. В этой статье изданы фрески и надписи тырновских церквей.

Издана Г. А. Ильинским в том же выпуске Известий.

Затем салоникского. (Ред.)

46

Σαθα. Μεσ αιωνικη βιβλ. P. 106—107.

47

Сельджукский источник говорит не о Давиде, но о царе Алексее Трапезунтском.

Hammer. Histoire Ottomane. I. 33.

49

Документы см. у Σαθα Μεσαιωνικη βιβλιοθηκη. II. 'Εν Βενετια, 1873.

Norden. Papsttum und Byzanz. Berlin, 1903. Anhand. Ne VII. S.751.

51

Alice Gardner. The Lascarides of Nicaea. London, 1912. 175».

Norden. Papsttum und Byzanz. S. 757 ff.

53

На некотором расстоянии лежал женский монастырь Богородицы Скоропослушницы, выстроенный супругою Ватаци. При монастыре Христа Ватаци выстроил ряд дач для придворных с их слугами, приезжавших на поклонение и для отдыха; такие колонии были нередки в греческих монастырях, напр., при царском монастыре возле Сереса, носившем то же старинное местное имя Меникейского, как и царский монастырь в Сосандрах. Положение Сосандрского монастыря в точности пока неизвестно (он был разрушен турками после 1304 г.). Влеммид оставил два стихотворения об обители в Сосандрах, из коих видно, что он был расположен в великолепной горной ("олимпийской") местности и разукрашен фресками. Там был изображен и сам Ватаци как ктитор, и, вероятно, его семья; то же было в Сересском монастыре и других царских. Значение сосандрской росписи должно было быть велико; в самой Никее Ласкариды ничего подобного не создали.

Ср. Heisenberg. Byz. Z. XIV (1905). 166 с.

О ее развалинах ср. П. А. Сырку, в Визант. Врем. V (1898). 607— 617, с табл. (рельефы апостолов Петра и Павла).

Ср. C. Jirecek. Archiv f. Slav. Philol. XXI (1899), 622 ff. и Г. Баласчев в «Минало. Българо-Македонско научно списание». Год. II. Кн. 5 и 6 (София, 191 1). С. 7 — 10.

Ср. статью Ф. И. Успенского о византийских Асиевичах в Известиях Института. Т. XIII.

Caro. Genua und die Mflchte am Mittelmeer. I. Halle, 1895. 136ff.

59

По исследованиям Иречка, Елена происходила из какого-то французского знатного рода, утвердившегося в Греции.

60

От одной из представительниц этого рода дошла вислая печать с надписью «княгиня (архонтисса) России». Очевидно, она была выдана за одного из русских князей.

61

Delaville le Roulx. La France en Orient. Paris, 1 886; Philippe de Mezieres. La Croisade au XIV s. Paris, 1900.

62

Сын Андроника Феодор наследовал по матери Монферратский маркизат, и его потомство жило до середины XVI в. в Италии. По духу, вере и внешности он стал чистым латинянином. Рыцарские титулы были обычны при дворе Палеологов, по словам Пахимера. Потомок половецкого вождя, игравший большую роль в последние годы Андроника, назывался Сиром Янни (Сиргиан).

63

Иван Александр. (Ред.)

Сарухан, Ментеше и (ниже) Айдин — бейлики, небольшие пограничные княжества. (Ред.)

65

Путешествия Н. П. Кондакова по Афону и Македонии; экспедиции Русского археологического института в К-ле и Французской школы в Афинах.

Богословские труды и переписка Акиндина исследованы Ф.И. Успенским.

67

Иоанн Дука Синадин с женой основали в столице монастырь. Сохранился его устав с портретами всей семьи.

68

Прославленный в сербской истории Дечанский монастырь сохранился доныне, и в последние годы в нем поселились русские монахи Афона. Архитектура монастыря еще романская. Древности его исследованы экспедицией Русского Археологического Института в Константинополе.

69

Издана пр. С. Д. Пападимитриу в Зап. Ист.-Филол. Общ. при Новоросс. Унив. Визант. отд. II. 174.

70

Издана пр. С. Д. Пападимитриу в Зап. Ист.-Филол. Общ. при Новоросс. Унив. Визант. отд. II. 174.

Ср. Schultz. Geschichte der Philosophie und seine reformatorische Bestrebungen. Iena, 1874. Отрывки его главного трактата, сожженного патриархом Схоларием изданы: Alexandre. Plethon. Traite des lois etc. Paris, 1858.

Изданы с немецким переводом у Ellissen. Antalekten der mittel-und neugriechischen Literatur. IV. Leipzig, 1860.

73

Сношения Палеологов с Западом могли быть подозрительными. Даже император Мануил в трудную минуту (1397) носился с мыслью продать свое царство Венеции, а претендент Иоанн VII продал свои права французскому королю за ничтожную сумму, и даже деспот Димитрий уже при Константине заключил с Альфонсом Неаполитанским договор о латинской оккупации не только Морей, но и Константинополя, и этот договор до нас дошел. Правда, Константин был иного склада и остался верен своей родине до конца.

По латинским источникам, Феофил и Мануил Палеологи, ревностные униаты, защищали подступы к Влахернам, а на участке Силиврийских ворот были два латинских и один греческий начальник, городской епарх Гудели. Вообще источники весьма разноречивы в деталях расстановки войск, весьма возможно, что некоторые начальники меняли место во время осады.

75

Еще недавно греки в день Константина и Елены ставили свечи на осененную старым деревом могилу возле площади Вефа, на рубеже венецианского квартала, и над этой могилой горела лампада на средства ведомства вакуфов, как и на некоторых могилах и айасмах, чтившихся как турецким, так и греческим простонародьем.

Ellissen. Antalekten der mittel-und neugriechischen Literatur. III. 132 — 136.

77

Не все греки были перебиты и уведены в неволю. Уцелевшие спешили заявить покорность, особенно те, кто до взятия считался врагом латинян. При выходе султана из Софии к нему привели Луку Нотару, схваченного у башни, где укрылась его семья. С ним принесли голову претендента Орхана. Султан дал своим воинам за Нотару и его сыновей по 1000 аспров и велел ему оставаться в своем доме. По известию враждебного источника, Нотара унижался перед султаном, указывая, что он сберег для него царские сокровища; Магомет же отнесся к нему как к лгуну и изменнику своему государю. В тот же день Магомет навестил Нотару в его богатом доме и был ласков с его семьей; по, прибыв к вечеру во Влахернский дворец, прочтя изящные стихи Фирдоуси о бренности земного величия, Мухаммед устроил пир, напился и приказал привести к нему младшего сына Нотары; за оказанное противодействие он казнил Нотару с сыновьями и зятем Кантакузином, конфисковав его богатства; дочь Нотары, до осады посланная в Италию, основала в Венеции первую греческую типографию. Франзи с семьею был продан султанскому эмир-ахору (конюшему); юный сын его был зарезан развратным Магометом, красивые дочери попали в султанский гарем. Спасшись в Морею, Франзи с трудом выкупил свою жену, детей же более не видел. Ученые монахи Манганского монастыря укрылись в Галате, где некоторое время продолжали свою деятельность. Некоторые знатные греки быстро приспособились к новым условиям и стали служить туркам. Анхиальская ветвь Кантакузинов, позднее Маврокордато, Властари и другие «фанариоты» достигли большого богатства, особенно перебравшись к господарям Валахии и Молдавии (ср. Livre d`Or de noblesse de Roumanie). Хуже всех пришлось венецианцам, главным врагам турок на Леванте. Кроме Тревизана были казнены венецианский и испанский консулы; султанские приближенные обогатились, скупая и отпуская за выкуп знатных пленных.

Свою резиденцию он перенес в Константинополь, позднее выстроив дворец Ак-Сарай в центре города у Мирилея, богатого монастыря дома Лакапинов, Влахерны и Большой дворец были заброшены; султанский Сераль на месте Акрополя был отстроен в XVII в.

Но были и иные слухи: францисканский аббат доносил, будто на одной гречанке было захвачено драгоценностей на 150 000 дукатов.

Русский археологический институт в Константинополе. (Ред.)

*

Об учении Варлаама приведем отрывок из похвального слова Нила Григорию Паламе, в переводе Ф. И. Успенского: «Он полагал, что нет ничего выше и больше эллинской мудрости и обязательной силы силлогизмов и той истины, которая уловляется ими, как добыча, и что ничто другое не в состоянии привести к знанию причин всего сущего. А вот это и еще безумнее и превосходит всякую воображаемую нелепость, что, по его мнению, и с самим Богом никто не может соединиться, если не пройдет прежде этого пути; что только тот, кто вступит в общение с Пифагором, Аристотелем и Платоном и изучит из них естественные законы природы, поймет происхождение вещей и неизбежность последующего затем уничтожения, только тот может прийти к восприятию истины. Ибо, говорил он, если Бог есть истина, то незнание истины есть незнание Бога: всякий же, кто не изучил внешней мудрости и не ознакомился с тем, что изобрели эллинские мудрецы о движении небесных тел или природы, не знает истины, а это одно и то же, что не знать Бога... Никто не может быть просвещенным, не изучив внешней мудрости. Таковое безумие свойственно было не ему, впрочем, одному, но распространилось во всем латинском племени с давних пор... И случается у них нечто смешное и слез достойное. Зрелого возраста люди собираются в детские школы, изучают там внешнюю мудрость, свысока трактуют возвышенные предметы, себя же в безумии превозносят и... оставляют в полном пренебрежении поистине прекрасное и то, что к Богу приближает и может просветить душу». Здоровый рационализм западной схоластики, задорной и наивной, преподаваемой Варлаамом в Салониках, столкнулся на византийской почве не только с догмой Откровения, но и с лучшим знанием Аристотеля, притом во всех его трудах и в подлиннике, и с более богатыми сведениями в области средневековой астрономии и физики в лице просвещеннейших умов Византии, какими были Феодор Метохит и его друг и собеседник Григора, о чем свидетельствует неудачный для Варлаама диспут с Григорой (около 1330 г.), описанный последним в диалоге «Флорентий». В то время Варлаам пользовался покровительством Кантакузина, а старые ученые, принадлежавшие ко двору низверженного императора, были в немилости. Сам Григора отрицательно относился к афонским исихастам, обвиняя монахов в чревоугодии, тунеядстве и даже в обмане верующих. О деятельности Варлаама, о его миссии на Западе, о его влиянии на ранних гуманистов в Италии, о философском трактате Акиндина, представляющем попытку применить аристотелевское учение о родах и видах к определению сущности и свойств Божьих, — см.: Ф. И. Успенский. Богословское и философское движение в Византии XIV в. (Журн. Мин. Нар. Просв. 4. 279. 1892).